Лапшин И. Философия изобретения и изобретение в философии filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://filosoff.org/ Приятного чтения!

Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии

Предисловие

В современной философской литературе имеются многочисленные общие введения в философию (Вундт, Кюльпе, Паульсен, Виндельбанд, Джэмс, Лосский, Челпанов etc.), а также введение в ее специальные отделы, например: "Введение в психологию" Пфендера, "Введение в теорию познания" Мессера, "Введение в эстетику" Грооса, но ни у нас, ни на Западе нет, насколько мне известно, ни одного введения в историю философии. Настоящая книга представляет попытку заполнить этот существенный пробел. Она прежде всего предназначается быть руководством для студентов, уже знакомых с логикой, психологией и общим введением в философию.

Я полагаю, что философский и психологический анализ процесса изобретения в положительных науках, технике и философии является наиболее подходящим введением в историю философии. Предлагаемое вниманию читателей исследование отличается от существующих трудов, в которых анализируется механизм творчества (работы Рибо, Сурио, Полана, Оствальда, П. Дюбуа-Реймона, Гоппе, Пасхаля, Сеаилля, Энгельмейера и др.), во-первых, тем, что в нем исследуется природа изобретения не только с описательной психологической точки зрения, но и с оценочной - общефилософской. Работа моя написана в духе того критического мировоззрения, которое разрабатывается мною уже более четверти века в сочинениях, перечисленных в конце этой книги; во-вторых, в нем исследуется творческая деятельность человека исключительно в научной области, причем особенное внимание уделено изобретению в философии, которому еще не было посвящено ни одного специального исследования.

Предназначая мою книгу для тех, кому особенно дороги успехи научной, технической и философской мысли в России, я старался, по возможности, использовать материал, который мог почерпнуть из биографий русских ученых и философов, а также из их устных и письменных показаний. Приношу сердечную благодарность всем, кто дал мне сведения о тех сторонах процесса изобретения, которые меня особенно интересовали.

В основу всего исследования положено три мысли:

1) что философия есть особая наука, не совпадающая по своему содержанию ни с одною из положительных наук;

2) что она и ее прогресс теснейшим образом связаны с эволюцией специальных областей научного знания;

5

3) что изучение научного, технического и философского творчества может оказывать косвенным образом полезное влияние на самый процесс изобретения.

Отвергая все виды догматической метафизики, автор рассматривает их как рабочие гипотезы, имеющие в руках наиболее даровитых мыслителей известную эвристическую ценность, определенный коэффициент полезного действия.

И. Лапшин

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ

I. Отличие философского изобретения от религиозного

Что такое философское изобретение? Какова его природа с общефилософской и с психологической точек зрения? Каков генетический процесс его образования? Вот ряд трудных вопросов, которые я имею в виду осветить в последующем изложении. Не может быть сомнения в том, что на эти вопросы нельзя дать полный ответ в настоящее время, но, я думаю, наступил момент, когда их следует отчетливо формулировать и попытаться связать с общими проблемами философии и психологии

изобретения. То, что здесь можно сейчас сделать, да послужит хотя бы лишь программою для дальнейших, более углубленных и фактически документированных исследований. Во избежание неясностей я прежде всего должен указать на то, что отграничиваю философское творчество от религиозного. Философия есть своеобразная научная область духовной деятельности, она есть сфера познавательного, а не эмоционального мышления1. Мысль Конта о прохождении философии чрез теологический фазис - ложная мысль. Если теологический элемент - влияние религиозных потребностей, есть фактор, играющий известную роль в истории философии, то это - инородный фактор, чуждый задачам наукообразного знания, и притом характерный не для известного "фазиса" в истории философии, но неизменно действующий на всем ее протяжении. Гениальные научно-философские догадки Анаксимандра и пифагорейцев могут быть смело противопоставлены фетишизму и анимизму самого "отца позитивизма" Конта или "отца экспериментальной психологии" Фех-нера, которые оба одушевляли земной шар как разумное и живое существо. Поэтому взгляд С. Н. Трубецкого на историю древней философии как на раскрытие религиозного миросозерцания в корне ошибочен, и совершенно правы Эрвин Роде и Маковельский2, трактующие древнюю философию и религию греков как две "независимые переменные".

1 О различии познавательного и эмоционального мышления см. мою работу "Психология эмоционального мышления Генриха Майера" - "Новые идеи в философии", вып. 15-й.

2 См. "Досократики" проф. Маковельского, т. I, Введение.

Богословский и философский элементы в процессе философского изобретения отделены нередко тонкою, едва уловимою чертою, что дает повод при историко-философском анализе к смешению двух различных "планов" творчества. Так, например, Вл. Соловьев в "Кризисе западной философии" ставит себе богословскую задачу - "оправдать веру отцов наших", и в его сочинениях мы находим попытки философа "оправдать" догматы христианства. Однако надо обладать большою ограниченностью мысли, чтобы не признать в Соловьеве крупный философский талант: в его сочинениях, несмотря на то что общий замысел в них чужд по духу философии, рассыпано множество глубоких и оригинальных научно-философских идей. Мы причисляем Платона и Декарта к величайшим изобретателям в области философии, но богословы утверждают, что оба они не философы, а богословы по существу. Отто Вильман в своей "Geschichte des Idealismus" утверждает, что у Платона богословские идеи составляют "das Kernwerk des ganzen Systems"*, и обставляет это положение рядом остроумнейших "доказательств". Глубокая связь философской мысли Декарта с богословскими проблемами его времени дала повод одному богослову (Espinas: "Le point de depart de Descartes", Revue Bleue, 1906) отстаивать мысль, что primum movens** всего творчества Декарта была богословская проблема, и Gilsoti'y в его замечательной книге "La liberte chez Descartes et la theologie" (1913) нужно было проникнуть во все тайники духовной лаборатории Декарта и исследовать все его точки соприкосновения с современной ему богословской мыслью, чтобы показать, какое именно положение занимала философская мысль Декарта в отношении к его богословским интересам, и Жильсон убедительно показывает, что Декарт - великий философский изобретатель, что для него, как это видно из письма к Мерсенну от 28 января 1641 г., центр тяжести всех его интересов лежит в метафизике и физике и что он стремился добиться их признания со стороны богословов путем согласования своих философских построений с церковной догматикой. Но не то же ли мы наблюдаем в XIX в., когда Конт пытается связать судьбы позитивизма с иезуитским орденом, а Ренувье - судьбы неокритицизма с либеральным протестантизмом? Все это нисколько не препятствует отчетливому различению богословской изобретательности от философского изобретения.

Повторяю: философское изобретение есть вид научного творчества, и его надо отчетливо отличать, во-первых, от религиозного творчества и, во-вторых, от богословской изобретательности.

Религиозное творчество - глубоко эмоциональной природы. Основатели религий не научные исследователи, не критики, не систематизаторы, а творцы новых скрижалей ценностей. Они являются наиболее яркими выразителями морально-религиозных потребностей народных масс своего времени, они призваны не философствовать, а "глаголом жечь сердца людей". Вот почему история философии включает имена Сократа, Платона, Канта, но в ней нет места для Моисея, Магомета или Иисуса.

Когда один критик Канта упрекнул его в том, что его моральное изобретение не заключает в себе ничего нового, являясь лишь новою формулой христианской морали, то Кант справедливо указал ему, что точная формулировка известного явления и составляет именно научную

8

заслугу философа, сами же моральные явления не суть порождения философской мысли.

Богословская изобретательность заключается в искусстве упорядочения и систематизации в форме известной догматики религиозного вероучения, которому положил начало основатель известной религии. В богословской мысли есть своя внутренняя логика и свое диалектическое развитие, но для разработки религиозного учения самою его природою положены известные грани - чудо, тайна и авторитет. Всякий раз, когда богословское мышление близко подходит к этим граням, оно неизбежно умышленно или чаще неумышленно подменивает логику разума логикой чувств. Так как сама догматика с течением веков эволюционирует, рационализируется и постепенно утрачивает монументальную пластичность своих первоначальных очертаний, то глубокое отличие методов богословской экзегезы от философского мышления для поверхностного взгляда утрачивается, между тем как эта разница остается по существу тою же самою на всем протяжении философии. Она оценивается результатами изобретений богословских и философских. Эффективность первых определяется их жизненным влиянием на массы, а эффективность вторых - их объективно научною значимостью. Однако это глубокое различие самой природы изобретательности в обоих случаях нисколько не исключает того факта, что богословские и философские тенденции часто сосуществуют в процессе изобретения: у великих богословов можно найти замечательные отдельные философские мысли, у великих философов вплоть до наших дней явны богословские тенденции духа.

П. Отличие философского изобретения от художественного и специально-научного

Равным образом тот факт, что среди философов были натуры художественно одаренные и что многие философские произведения ценны как создания искусства, нисколько не дает нам права говорить о философии вообще как только искусстве. "Пир" Платона, некоторые произведения Шопенгауэра, Ницше, Соловьева и т. д., конечно, входят не только в историю философии как объекты исследования, но и в историю искусства. Так, Левек пишет исследование "Quid Phidiae Plato debuerit" (1852), а Гирцель оценивает литературную форму диалога у Платона ("Der Dialog, ein litterarhistorischer Versuch"), но это нисколько не мешает нам отделять в философском произведении эстетическую оболочку от имеющего научную значимость ядра. Ниже мы увидим, какую своеобразную роль играют поэтические сказания и мифы в духовной лаборатории философа (см. гл. V).

Смешение научно-философского изобретения с художественным творчеством возможно в двух отношениях - с точки зрения изучения процесса созидания философских систем и с точки зрения изучения процесса постижения их духа историком философии. Сами философы - Платон, Шеллинг, Шопенгауэр, Ницше, как я указывал ("Законы мышления и формы познания", 1906, стр. 207), дают повод к смешению

9

первого рода, сближая свой творческий процесс с формированием художественной концепции. Поскольку речь идет о тех сторонах их творчества, которые вовсе не относятся к области научно-философской, они, конечно, правы, но все то, что ценно в их системах для научного познания, может заключать в себе элементы, аналогичные элементам художественного произведения, но не тожественные с ними. При анализе интеллектуальных чувствований и их роли в процессе научного изобретения это будет подробно выяснено ниже (см. т. II, гл. II). Равным образом и отожествление процесса постижения духа философской системы историком философии с процессом художественной перевоплощаемости при эстетическом восприятии драмы или романа основано на спутанности мысли, которая выяснится нам при анализе "фантасмов" научного воображения, столь похожих, на первый взгляд, на продукты эстетического творчества (см. гл. V). Подобную спутанность мысли можно найти в книге проф. И. А. Ильина "Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека" (1918), книги ценной в других отношениях. "Историку философии, - пишет И. А. Ильин, - задано осуществить тайну художественного перевоплощения: принять чужое предмето-созерцание и усвоить его силу и его ограниченность". Подобное

"принятие чужого предмето-созерцания" есть, действительно, род перевоплощаемости, на которую указывали и Кант (см. мою статью "О психологическом изучении метафизических иллюзий" - "Жизнь", 1901), и Гегель, но эта перевоплощаемость иного порядка, чем перевоплощаемость художественная, хотя между ними и имеются общие черты.

Наконец, нельзя рассматривать историю философии просто как установку известных научных обобщений, как это делает, например, Тан-нери, для которого история философии без остатка растворяется в истории положительных наук. Спенсерово определение философии как знания наивысшей общности грешит чрезмерной широтой. Признавая его, пришлось бы отнести таблицу умножения и "пифагоровы штаны" к области истории философии. У философии есть свои специфические функции, как у своеобразной области научного знания, которые и должны быть раскрыты путем анализа природы философского изобретения (об этом см. т. II, гл. V).

III. Теория среды и теория наследственности

После этих предварительных замечаний обратимся к вопросу о взаимозависимости наследственности и воспитания в процессе образования философского дарования. Здесь мы наталкиваемся на два односторонних взгляда, между которыми легко вскрыть глубокое противоречие, это

- антиномия коллективизма и индивидуализма.

Гениальное изобретение, говорят одни, всегда есть продукт благоприятного стечения социальных условий. Гений, по словам Гельвеция,

- шедевр случая, причем "случай" здесь надо понимать именно в смысле

благоприятного стечения внешних обстоятельств - политических, эко

номических, педагогических условий развития. К Гельвецию примыкает

Бурдо, по словам которого автор шедевра в искусстве "tout le monde"*.

10

Для трилогии "Генрих VI", состоящей из 6043 стихов, Шекспир взял 1771 стих из одной старинной трагедии и еще переделал из другой 2373 стиха. В науке небольшие открытия - правило, значительные - исключение: Ньютон необходимо подготовлен Кеплером, Гуком, Галилеем и другими. История изобретения паровой машины есть аккумуляция множества чуть заметных усовершенствований. См.: "L'histoire et les historiens". По мнению Одэна, нет удовлетворительных данных, свидетельствующих в пользу наследственности дарования, наоборот, благоприятные социальные условия имеют решающее значение (см. Odin: "Genese des grands hommes"). "Talente und so genannte besondere Anlage hat der Mensch nicht"*, - возглашает еще категоричнее Гауффе. Таков коллективистический взгляд на генезис изобретения. Биологическое неравенство одаренности здесь почти приравнивается к нулю.

С другой стороны, в не менее категорической и радикальной форме отстаивает свою позицию индивидуализм. Если верить Шопенгауэру, Тарду, Ницше, Карлейлю, то изобретатель - это какой-то Монблан, возвышающийся над людскою массою: "Я живу в своем собственном доме и никому никогда не подражал" (Ницше).

Нужно ли доказывать, что самая постановка вопроса в такой резко антитетической форме лишена всякого философского смысла и противоречит грубейшим образом фактам? Со стороны фактической совершенно невозможно отрицать начисто самое существование наследственности и зависимости от нее неравенства в одаренности различных индивидуумов. Да и самые сторонники коллективистического взгляда в большинстве случаев не заходят так далеко, чтобы совершенно отвергать это неравенство. Так, например, Гельвеций признает унаследованными различия темпераментов, Бурдо - комбинационный дар, ведь он говорит о том, что даровитый человек должен "неподражаемо подражать", т. е. обладать склонностью вносить в подражание новые своеобразные черты. Гельвеций также видит преимущество гениального человека в природной способности своеобразно управлять своим вниманием и т. д. Равным образом и индивидуалисты не отвергают всецело воспитательного или образовательного влияния среды. Так, например, Шопенгауэр, почти совершенно отрицая моральное влияние среды на характер, признает

значительную роль образования. Джэмс в статье "Великие люди и окружающая среда" признает значительное влияние среды на развитие, но оригинальность индивидуума относит за счет "случайных изменений" в процессе наследственности. Таким образом, при более внимательном рассмотрении дела оказывается, что вопрос в самом корне ложно поставлен. Индивидуалисты преувеличенно подчеркивают прерывный момент в творчестве - для них всякое изобретение совершается, подобно мутации, per saltum**, коллективисты утрируют идею непрерывной аккумуляции чуть заметных изменений.

Но если мы признаем бесспорным значительное участие в развитии одаренности и того и другого фактора, то все же окажется чрезвычайно трудным расчленить их совокупное действие в развитии изобретательности, так как результат их - психический склад индивидуума - дает уже нам целостное единство, новый синтез качеств, которые лишь отчасти напоминают черты родителей и предков или образцы для

11

подражания из окружающей среды. К этому нужно прибавить, что этот сложный вопрос и эмпирически мало разработан. Что же касается вопроса о наследственности или зависимости от социальной среды философского дарования, то об этом ровно ничего нет. Мало того, даже те довольно многочисленные данные, которые рассеяны в биографиях философов, не собраны воедино. Так, Гальтон упоминает в своем исследовании только Аристотеля, Лейбница и Бэкона; Рейбмайр дает немногим больше (Гальтон: "Наследственность таланта", Reybmayr: Entwickelungsgeschichte des Genies, 1904).

IV. Роль наследственности

Тем не менее и на основании скудного имеющегося у нас материала можно высказать несколько не лишенных вероятия догадок. Установка новых научных данных может совершаться или путем методического непрерывного ряда выводов или накопления фактов, или путем внезапных неожиданных сопоставлений и догадок. В последнем случае мы имеем проявление способности к открытиям и изобретениям. "Открытия, - говорит Лаплас, - заключаются в сближении идей, которые соединимы по своей природе, но доселе были изолированы одна от другой". Таким образом, комбинационный дар, богатство, подвижность и гармоническая организованность многообразных диспаратных рядов мыслей и образов лежит в основе изобретательности. Этими свойствами определяется, так сказать, комбинационное поле в творческой работе изобретателя. Известное крупное дарование представляет сочетание частичных дарований данного порядка S' + S"+ S'"etc, разбросанных среди различных его предков. Так, один из предков Бетховена мог обладать замечательно тонким слухом, другой - исключительной музыкальной памятью, третий - необыкновенным комбинационным даром и т. д. (см. "Наследственность", проф. Ю. А. Филипченко, 1917, стр. 262).

Весьма вероятно, что удачное смешение различных рас, народов, племен и сословий дает больший простор для деятельности воображения, расширяет это поле. Рейбмайр указывает, что среди даровитых людей нередко встречаются люди смешанного происхождения, что, разумеется, не исключает ни того, что смешение разнородных натур может быть неудачным в смысле одаренности потомка, ни того, что среди родителей, принадлежащих к однородной в расовом, национальном, племенном и сословном отношениях среде, могут быть противоположные психические индивидуальности, гармонично дополняющие друг друга в одаренном потомстве и дающие благоприятный для творчества синтез. Вот ряд иллюстраций из истории философии:

Ф а л е с - греко-финикийского происхождения.

Антисфен - аттико-фракийского.

Фома Аквинский - ломбардо-итальянского.

Парацельс - по отцу из знати Вюртемберга, по матери бюргер из Эйнзиделя (Швейцария).

Лейбниц - славяно-германского происхождения.

Руссо - французско-швейцарского.

Шопенгауэр - голландско-немецкого.

Монтень - еврейско-французского.

Г а м а н н - отец из Лаузица, мать из Любека.

Монтескье - отец француз (гасконец), мать англичанка.

Ницше - польско-саксонского.

Дюринг - шведско-немецкого.

Фихте - шведско-немецкого.

С п и р - немецко-русско-греческого (?).

Кант - шотландско-немецкого (?).

Гегель - отец из Каринтии, мать из Вюртемберга.

Фриз - шотландско-немецкого.

Т. Масарик-мораво-словацкого.

Козлов - отец помещик, мать крестьянка.

В л. Соловьев - малороссийско-великорусского, духовно-аристократического.

Ал. Введенский - русско-французского (бабка француженка).

Лосский - русско-польского.

Челпанов - русско-крымготского.

Б. Чичерин - итальяно-русского.

Не менее благоприятны бывают комбинации воображения у лиц, принадлежащих одной расе или одному народу, но попавших в другую среду, которая контрастно гармонически дополняет односторонность их психического склада.

Личность Серена Киркегора, датского философа и поэта, может служить примером творчески продуктивного сочетания контрастных черт характера, унаследованных от родителей одной и той же национальности и однородной социальной среды. "Я двуликий Янус" (Janus bifrons), - писал о себе 24-летний философ, и его биограф Геффдинг, подробно анализируя эту двойственность личности, ставит ее в связь с усталым мрачным душевным складом отца Киркегора и светлой жизнерадостной натурой его матери (см. H. Hoffding. "S. Kierkegaard", 1896, S. 35). Некоторая дисгармония этих контрастных черт души и была, впрочем, причиной того, что Киркегор, при всем богатстве глубоких философских идей и ярких художественных образов в своих творениях, не мог дать законченной философской системы, но лишь своеобразное сочетание скептицизма и иррационализма с мистикой и философией веры. В своем дневнике 26-летний юноша пишет (1839 г., 25 июля): "Я нахожу так мало радости в моем существовании потому, что всякая мысль, зарождающаяся в моей душе, тотчас же принимает такие сверхъестественные размеры, что я оказываюсь решительно подавленным ею, и идеальное предвосхищение проблемы (Anticipation) дает мне так мало разъяснений касательно существования, что я, наоборот, оказываюсь совершенно бессильным подыскать соответствующее моей идее, слишком взволнованным и, так сказать, нервозным, чтобы прийти к успокоительному решению вопроса" (H. Hoffding. "S. Kierkegaard", 1896, S. 44).

Перевоплощаемость, умение стать на чужую точку зрения, тенденция быть третейским судьей при диалектическом заострении противоположных мнений - вот черты, характерные нередко для натур, у которых

в груди живут "две души". Иногда, при известной неуравновешенности двух противоположных тенденций, даже у мощно одаренных натур создается мучительная скептическая раздвоенность. Это мы видим, например, у Ренана: "В семье моей матери были элементы крови басков и борделезцев. Этот гасконец, помимо моего ведома, устраивал штуки бретонцу, делал ему обезьяньи рожи..." ("Souvenirs d'enfance", p. 141*) "...Эта сложность происхождения в значительной мере, думается мне, была причиною моих кажущихся противоречий. Иногда одна половинка моего "я" смеется, а другая плачет... (ib., 145). "...Мне суждено было быть тем, что я есмь

- романтик, протестующий против романтизма, утопист, проповедующий

в политике terre a terre**, идеалист, тщетно причиняющий себе немало зла,

дабы казаться буржуа, - ткань противоречий, напоминающая hyrcocerf'a1

схоластики, совмещавшего в себе две природы" (ib., 73).

В "Ecce homo" Ницше пишет о себе: "Я - мой собственный двойник, я обладаю в равной мере и "вторым", и первым зрением, а, может быть, еще и третьим. Уже мое происхождение дает мне право направлять мои взоры далеко за пределы местных, чисто национальных перспектив; мне ничего не стоит быть "хорошим европейцем". С другой стороны, я, быть может, в большей степени немец по сравнению с современными немцами, каковы имперские немцы; я последний антиполитический немец. А между тем мои предки были польские аристократы. Я унаследовал от них значительную дозу инстинкта расы, кто знает, быть может даже liberum veto***. Как я подумаю, сколько раз случалось во время путешествия, что ко мне обращались по-польски даже поляки, что редко меня принимали за немца, то и может показаться, что я лишь слегка тронут германизмом. А между тем в моей матери Франциске Гюблер есть что-то изрядно немецкое, так же как и в моей бабушке с отцовской стороны Краузе". Если аристократическое происхождение Ницше есть самообман, то его славянское происхождение вне сомнения. Мебиус в своей книге о Ницше указывает на то, что это славянское имя чрезвычайно распространено в Лейпциге: в лейпцигской адресной книге за 1902 г. имеется свыше ста семидесяти подобных фамилий.

Кант отмечает интеллектуальную перевоплощаемость в качестве одной из основных черт философского гения, и у него наследственная двуликость психического склада проявляется уже в первом юношеском произведении, где он выступает третейским судьей в вопросе "об измерении живых сил". Шопенгауэр отмечает в себе подобную же двуликость, относя некоторые черты своего умственного склада, подобно Гёте, за счет материнского влияния, а особенности нравственного характера

- за счет отца. Можно, однако, привести немало инстанций, по-видимо

му, противоречащих сказанному. В ближайших предках (насколько они

нам известны) Платона, Аристотеля мы не наблюдаем указанного сме

шения разнородных расовых или сословных элементов, и в то же время

их полиперсонализм, их способность становиться на всевозможные точки

зрения и сочетать в новые синтезы самые резкие противоположности

проявляются самым глубоким образом. Но, как замечено выше, гармо

нически дополняющие друг друга комбинации возможны и в однород

ной среде.

1 Козлооленя.

В вопросе о наследственности философского дарования и природном психофизическом складе философов необходимо свести счеты с модной и теперь теорией сближения и даже отожествления гения и невроза. В применении к философам эта мысль была впервые развита не Ломброзо и даже не Moreau de Tour (1859), но Лелю в двух работах: "Demon de Socrate" (1840) и "L'amulette de Pascal", затем ее мы встречаем у Ломброзо, который применял ее, между прочим, к О. Конту, и у Мебиуса, распространяющего ее на Руссо, Шопенгауэра и Ницше. Лелю усматривает в Сократе душевнобольного с детства, так как Сократ страдал галлюцинациями с детства, в чем Лелю и усматривает "caractere formel et indubitable de folie"*. "Демон" Сократа и есть обозначение объектов его галлюцинаций. Лелю сближает с этим демоном галлюцинации двух других философов-ученых Кардана и Бодэна. Кардан в своей автобиографии "De vita propria liber" в XVIII главе указывает на наличность у себя и Сократа "доброго духа" - spiritus bonus. Появление этого духа, ставшее особенно частым на 64-м году жизни Кардана, сопровождалось следующими симптомами: сильное сердцебиение, головокружение, мелькание образов: "In immersum daemonum apud antiquos multiplices fuere differentiae - prohibentes, ut Sokratis, admonentes, ut Ciceronis in obitu, docentes, quid futurum sit per somnum, per casus, per belluos, hortando nos, ut ad locum eamus et fallendo per sensum unum aut plures simul (совокупные галлюцинации нескольких органов чувств) et nobilior item per res naturales (иллюзии) et demum per non naturales (галлюцинации) et hunc censemus nobilissimum"**. Хотя Кардан и говорит, что демон помогал ему и в научном творчестве, и в житейских обстоятельствах, но сообщает нам он от него лишь бессмысленные фразы. О подобном же esprit frappeur*** рассказывает и Бодэн в своей "Демономании" (1580). Вот стихи Бодэна:

Enseigne moi, comme il faut faire

Pour bien ta volonte parfaire,

Car tu es mon vrai Dieu entier,

Fais que ton esprit debonnaire

Me guide et mene au droit sentier****.

Приведенные галлюцинации Кардана и Бодэна, даже если и свидетельствуют о душевном расстройстве, не имеют никакого отношения к философскому творчеству обоих ученых и не стоят ровно ни в какой связи с "демоном" Сократа. Лелю крайне поверхностно исследовал природу этого демона в творчестве Сократа. Поэтому я считаю нелишним подробно остановиться на этом понятии. Прежде всего разберем, следуя за Вл. С. Соловьевым, значение термина у древних.

Соловьев указывает (Брокгауз, слово: демон), что это слово производится: 1) Платоном (в "Критоне") от - знать - знающий. 2) Боппом (также Курциусом) от корня (man), т. е. блестящий - бог. 3) Поттом от - раздающий (дары). Уже у Гомера боги

15

и демоны разделены: только раз Зевс называется демоном - в других же местах этот термин применяется для обозначения какого-то неопределенного таинственного воздействия или наития неведомого мира, мудрое наитие свыше (Od. III, 26), иногда этот термин применяется in malam partem* - дурное пагубное внушение, иногда для характеристики истинной внутренней природы человека (Гераклит - **). Так понимали термин "демон" древние.

Какую роль играло это воображаемое существо в творчестве Сократа? Вольтер видел в нем простое литературное украшение. Богослов Пиа (Piat) - ссылку на подлинный "глас Божий", к которому апеллировал Сократ, когда дело касалось чего-нибудь превышающего естественные силы человеческого рассудка, - толкования, конечно, одинаково ложные. Наиболее правильны замечания Гегеля и Фуйлье, одинаково указывающие на легкомысленность суждений Лелю. Гегель пишет: "Демон не есть божество или ангел, не совесть, а принадлежащий ему оракул. Так как у Сократа субъективные решения впервые начали освобождаться от действия внешнего оракула, то это возвращение в себя здесь на первых порах необходимо должно было еще проявляться в физиологической форме. В самом деле, центральный пункт всего

исторического переворота, произведенного принципом Сократа, состоит в том, что оракул заменился свидетельством индивидуального духа, что субъект берет на себя свои решения" (Куно Фишер: "Гегель", т. II, стр. 314-315). Подробный и обстоятельный анализ сократовского "даймониона" дает Фуйлье ("La philosophie de Socrate", ч. II, p. 266-316). В Сократе мы видим редкостное сочетание иронии и энтузиазма. Способность самозабвения у него связывается с необыкновенной выносливостью в голоде, ходьбе, питье. Он ходит босиком, обнаруживает замечательную неутомляемость, способен к необычайному самоуглублению (которое в "Пире" описано Платоном, быть может, в несколько преувеличенном виде). В "Федре" указаны виды "безумия" в высшем смысле слова, проявляющегося в поэзии, любви и философии. В "Пире" демоны упоминаются как посредники между богами и людьми. В "Меноне" дивинация указывается как источник "мнения". Фуйлье сближает эту мысль с идеей о роли в познании подсознательных petites perceptions Лейбница, которые потенциально являются источником всеведения, того, quae sint, quae fuerint, quae mox ventura trahantur***. В "Апологии" Сократ говорит, что

****, это было поводом к обвинению его в введении новых божеств, ***** Божественный сигнал был

звуком. Что же это, метафора, внутреннее слово или слуховая галлюцинация?

(Apol.)******. Предчувствия Сократа играют чисто отрицательную роль задержки, а не императива - - чего не надо делать. В "Критоне" подчеркивается громкость, и это словесное преувеличение дает повод Лелю предположить здесь слуховую галлюцинацию. Нельзя литературный прием истолковывать клинически. Надо вспомнить о Горации и Пушкине, чтобы оценить подобные выражения:

16

Est mihi purgatam crebro qui personet aurem:

Solve senescentem mature sanus equum, ne

Peccet ad extremum ridendus et ilia ducat*,

или:

...лишь божественный глагол

До слуха чуткого коснется,

Душа поэта встрепенется,

Как пробудившийся орел**.

В некоторых диалогах литературный прием в виде ссылки на откровение является несомненным. Можно отметить место в "Филебе", где речь идет не о предвидении, но о воспоминании слышанного когда-то во сне или наяву. В "Теагесе" Сократ рассказывает о телепатических явлениях предчувствия смерти Хармида, предчувствия неудачи Сицилийской экспедиции и смерти Тимарха. Фуйлье характеризует это явление как самопроизвольную интуицию, связанную с воспоминанием или с догадкою относительно будущего, т. е. предвидением, поддерживаемую энтузиазмом интуицию, получившую (в силу своей кажущейся независимости от сознания Сократа) роль Провидения, проявляющегося в своего рода внутренней речи. Весьма вероятно, что Сократ верил в своего демона, как Вл. Соловьев верил в телепатию, но этот демон, как верно подмечает Гегель, является для него не внешним феноменом, но вдохновляющей силой, переместившейся извне в его сознание. Все это от простой патологической галлюцинации отстоит безмерно далеко и не дает никакого повода к отожествлению философского творчества с безумием. Самая вера Сократа в демона наверное не была так элементарна, как вера его предков во внешний оракул, - ведь Сократ как раз есть поворотный пункт от слепой религиозной веры к свободной автономии человеческого разума.

Ломброзо не только отожествляет гениальность с вырождением, он даже характеризует гениальность как род эпилепсии. Идеи Ломброзо неоднократно подвергались основательной и суровой критике психиатров. Его книга "Genio e follia" и теперь сохраняет интерес как возбуждающий мысль парадокс, но ее полная несостоятельность, по существу, уже раскрыта в достаточной степени. Неясность и

крайняя расплывчатость понятия гения и вырождения и совершенно мнимая фактическая обоснованность при неточной передаче и произвольном истолковании множества фактов дали повод Этьену Рабо (Rabaud) определить способ работы Ломброзо как метод "поверхностной точности при неточности по существу" ("Le genie et les theories de M. Lombroso", p. 40). Гирш в книге "Гений и вырождение" убедительно доказывает, что отдельные поступки гениев и сумасшедших иногда имеют внешнее сходство, но не внутреннее сродство - безумие не определяется поступками, как бы они странны ни казались нам, пока мы не выяснили мотивов поступков. Можно иллюстрировать, как это делает Рабо на анализе личности Огюста Конта, как Ломброзо обращается с фактами из истории философии. Ломброзо разделывается с Контом на протяжении десяти строчек, заключающих

17

в себе не менее пяти ошибок. Конт был душевнобольным не 10 лет, а 8 месяцев. Ломброзо приписывает Конту наклонность к пророчествам, которых Конт никогда не делал. Речь идет об одном месте из "Системы позитивной политики", где Конт развивает мысль, что жизнь женщины была бы более альтруистична, если бы деторождение совершалось без участия мужчины. Сколь ни странно такое пожелание, оно у Конта высказывается лишь как фантастическая утопия, а не в виде смешного пророчества. Что Конт как гениальный мыслитель не был душевнобольным, это в достаточной мере выяснено в обстоятельной монографии Дюма ("Les deux Messies positivistes"). Мебиус в трех монографиях о Руссо, Шопенгауэре и Ницше указывает справедливо на многие патологические черты у этих философов, но ему нигде не удается доказать, что primum movens их философского творчества лежит в области патологии. Наоборот, он убедительно доказывает, что черты психического расстройства влияли самым пагубным образом на процесс продуктивного философского изобретения. Так, например, невропатическая наследственность у Ницше со стороны отца (eine schlimme Erbschaft von Seiten meines Vaters) разразилась душевной болезнью, и Мебиусу удается показать ее пагубные следы в произведениях Ницше лишь с середины 80-х годов. Да и те многочисленные примеры бессмыслицы и безвкусия у Ницше, которые он приводит, слишком часто встречаются и у здоровых философов, ибо "nihil tarn absurde dici potest quod non dicatur ab aliquo philosophorum" (Цицерон), т. е. "нет такой глупости, которой не сказал бы какой-нибудь философ".

Счастливая наследственность, как мы видели, гармонично сочетая противоположные черты психического склада, ведет к тому, что я назвал бы биологическим расширением комбинационного поля творческой фантазии. В этом отношении одаренный человек является из ряда вон выходящим, ненормальным, в смысле превышения средней нормы одаренности. У дегенерата противоположные психические черты сочетаются уродливым образом, т. е. понижают творческую продуктивность, - он тоже из ряда вон выдающийся, ненормальный, но в смысле недостижения средней нормы. Отожествление гения и безумия основано на двусмысленности термина "ненормальный".

Ненормальный - безумец.

Гений - ненормален.

Гений - безумец.

А так как между нормальностью и ненормальностью психического склада существуют бесчисленные переходы, и притом человек (патологически), не совсем нормальный в одном отношении, может быть выше нормы во множестве других, то спутанность мысли а 1а Ломброзо в этом вопросе делается очевидной. При этом нужно иметь в виду, что натуры, особенно богато одаренные и особенно упорные в творческой работе, могут с течением времени легче терять психическое равновесие, испытывать нервное переутомление и т. п. Мудрено ли, что у множества даровитых людей можно найти, особенно в старости, черты духовного распада!

18

Душевные, как и физические, страдания сами по себе не могут быть причиною творческой продуктивности; они иногда могут быть лишь косвенными поводами, благоприятствующими изобретательности.

1. Болезненность, если она не поражает существенным образом

самое творческое дарование, может благоприятствовать самоуглубле

нию. Болезненный, но даровитый ребенок чаще проводит время в одино

честве, которое дает ему возможность сосредоточиться на своем внут

реннем мире. Подобное явление мы наблюдаем у Леопарди, Пристли,

Мэн-де-Бирана и у многих других философов, про которых можно

сказать то же, что поэт говорит про художников:

Zu erfinden, zu erschliessen,

Bleibe, Kunstler, oft allein!1

Лет за двадцать до того (1799) Мэн-де-Биран писал: "Чувство собственного существования, ввиду непрерывности, делается незаметным. Когда не страдаешь, то почти не думаешь о себе, нужно, чтобы болезнь или сила рефлексии заставила нас снизойти в самих себя. Лишь нездоровые натуры (gens malsains) чувствуют, что они существуют. Здоровые люди, даже философы, более стремятся пользоваться жизнью, чем заниматься изысканием, что она такое есть. Чувство собственного существования не удивляет их; здоровье влечет нас к внешним объектам, болезнь приводит к самим себе". Кабанис отмечает у Мэн-де-Бирана крайне утонченную чувствительность (см. Naville: "M.-de-Biran").

2. Болезненное возбуждение может в не слишком сильной степени быть конечным стимулом, "химическим толчком", для широкого размаха творческой фантазии, для диссоциации привычных связей чувств и представлений, для порождения той *, для которой завершился подготовительный творческий процесс.

3. Наконец, возможен третий, совершенно исключительный случай, когда собственная душевная болезнь является для философа объектом научного психологического самонаблюдения. Такое явление мы наблюдаем в творчестве высокодаровитого и философски просвещенного русского психиатра Кандинского, который, страдая псевдогаллюцинациями, дал мастерское описание этого явления, совмещая в себе личность философа, врача и пациента. Равным образом Ламеттри, переживший горячку, и О. Конт, оправившийся от душевной болезни, воспользовались данными самонаблюдения для некоторых философских выводов. См. биографию Ламеттри, приложенную к русскому переводу "L'homme machine", и "Историю новейшей философии" Геффдинга (глава о Конте).

VII. Значение географических и экономических условий в философском изобретении

Гельвеций был прав, подчеркивая великое значение социальных условий в научном творчестве. Эти условия в своей совокупности могут оказывать благодетельное или обратное действие на комбинационное

1 "Чтобы изобретать, открывать, оставайся почаще, художник, один" (пер. с нем.).

19

поле творческой фантазии. Ввиду этого можно говорить о социологическом расширении этого поля. Здесь надо принять во внимание:

1. Географические условия. Глухие местности с однородным составом населения менее благоприятны для пробуждения творческой деятельности, чем, например, портовые города. Рейбмайр в вышеупомянутой книге дает карты Греции и Италии с указанием местностей, откуда преимущественно выходили даровитые люди. Эти карты красноречиво подтверждают высказанное положение. Можно прибавить, что Кант, Шопенгауэр, Ренувье и Конт выросли в портовых городах среди смеси "одежд и лиц, племен, наречий и состояний" (Кенигсберг, Данциг, Монпелье). Весьма часто такую же расширяющую духовный кругозор роль играли для философов путешествия. Их совершили многие греческие философы, Декарт, Локк, Юм, Шопенгауэр, Ницше и т. д.

2. Не менее важную роль играют экономические условия. Одэн говорит, что аристократический ребенок имеет 200 шансов против одного, чтобы выдвинуться в

люди, по сравнению с пролетарием. Еще не существует работы, которая поставила бы своей задачей определить общественное и классовое происхождение философов. Можно, однако, думается мне, лишь отметить тот факт, что особенно часто до сих пор философы выходили из духовного сословия, затем часто встречаются дети юристов, врачей, ученых и учителей.

Весьма важный вопрос о роли экономического фактора в процессе образования философских систем совершенно не разработан, и попытки, делавшиеся в этом направлении историками философии, до сих пор, к сожалению, крайне поверхностны. Нельзя же, в самом деле, принимать всерьез заявления вроде следующего ("Neue Zeit"), будто появление "Философии бессознательного" Гартманна свидетельствует о том, что буржуазия как класс начинает терять свое сознание, или уверение Штил-лиха, что появление атомистики Демокрита связано с развитием денежного хозяйства, ибо-де "атомы - те же деньги". Наиболее серьезные мысли в этом направлении можно найти в книгах Eleutheropulos'a "Wirthschaft und Philosophie" и Patten a "History of english thought". Но и в этих сочинениях сказывается слишком плохое знание общеизвестных исторических фактов1. Так, например, Элейтеропулос сообщает, что к началу V в. резкое обострение контраста между роскошью и нищетою в ионийских колониях вызвало потребность в реформе социальных условий. Пифагор ощутил потребность в подобной реформе и для ее осуществления руководился спартанским идеалом. Однако ионийцы могли бы задаться вопросом, почему надо прежний образ жизни изменить на новый. Это-то и побудило пифагорейцев указывать на то, что в подобном понимании жизни кроется закон, каковой имеет как раз мировое значение, будучи мировой гармонией. Пифагор борется против половой и иной неумеренности ионийцев, против которой выдвигается учение о переселении душ и связанное с ним воззрение на очищение души. Элейтеропулос и не подозревает, что взгляд Бекка на дорическое мировоззрение пифагорейцев опровергнут Эдуардом Мейером и Wilamowitz-MoelendorfoM (см.: Маковельский. "Досократики", т. 1, стр. 62).

1 О Гартманне см.: проф. Т. Масарик. "Социологические и философские основы марксизма", 1898.

20

Соотношение между интеллигентностью и социальным положением должно быть всесторонне изучено экспериментально-психологическим путем в связи с основательным историческим освещением философского творчества. Психологическое исследование в этом направлении начато лишь в самое недавнее время. Последняя работа по этому вопросу, известная мне и заключающая в себе и историю вопроса, это исследование: "The relation of intelligence and social status", by James W. Bridges and Lillian E. Coler (Psychological Review, vol. XXIV. January, 1917). Исследование это, подобно работам Бине во Франции, Гоффмана в Германии и Yerkes'a в Соединенных Штатах, подтверждает факт весьма большой зависимости интеллигентности детей от социальных условий. Любопытна корреляция между интеллигентностью детей и характером профессии родителей. Если резюмировать обследование 165 детей в возрасте от 7 лет и 5 месяцев до 8 лет, то оно выразится в следующей таблице.

	Число испытуемых	Средний хронологический возраст	Средний интеллектуальный возраст	Коэффициент интеллектуальной подготовленности
Дети учителей, врачей, священников, юристов, издателей, архитекторов	32	7 лет 5 мес.	9 лет 8 мес.	1,42
Дети коммивояжеров	39	7 лет 6 мес.	9 лет 1 мес.	1,26
Дети владельцев торговыми предприятиями, офицеров	34	7 лет 10 мес.	9 лет 1 мес.	1,21
Дети рабочих со специальной подготовкой (механики, электротехники, сапожники и т. п.)	63	8 лет	7 лет 10 мес.	1,12
Дети рабочих без специальной подготовки	60	8 лет	7 лет 1 мес.	0,83

Здесь заслуживает внимания тот факт, что, несмотря на возрастание хронологического возраста от одной группы к другой, интеллектуальный возраст убывает. Превосходство детей более образованных классов сказывается особенно

ярко в высших умственных операциях, каковы способность к анализу и абстракции; в сфере ощущений и двигательных функций оно сказывается в меньшей степени. Таковы наблюденные факты, но как представители "теории среды", так и сторонники "теории наследственности" могли бы истолковать эти факты каждый в свою пользу. Так, первые подчеркнули бы совершенно очевидную разницу в школьной и дошкольной обстановке, в преподавательском составе и т. д. более привилегированных и менее привилегированных групп, а вторые столь же энергично подчеркнули бы совершенно столь же очевидную разницу в характере и интеллигентности родителей. Классовое положение философов еще не было специально исследовано, но,

21

как я уже заметил, большинство из них, биографии коих мне известны,

- дети интеллигентных родителей. Сын угольщика - Виктор Кузен, сын

сапожника - Джэмс Милль, сын тесемочника - Фихте, сын солда

та - Джордано Бруно, сын кучера - Т. Масарик1 не составляют, строго

говоря, исключения, ибо счастливая случайность в ранней юности ввела

их в высококультурную интеллигентную среду.

VIII. Значение школы

3. Далее следует отметить влияние как школы вообще, так и философской школы: Сократ - Платон, Платон - Аристотель, Мартин Кнуцен

- Кант, С.-Симон - Конт и т. д. В некоторых случаях, как, например,

в лице Лейбница, мы встречаем самоучку в области философии. Под

единством философской школы я разумею общность взглядов на сущ

ность познания, на методы его обоснования, на технические навыки

в процессе исследования и на литературный стиль изложения. При этом

принадлежность к известной школе есть понятие весьма растяжимое.

Двух лиц - А и В - может объединять в сознательной принадлежности

к известной школе меньшее количество общих черт, чем двух лиц А и С,

которые называют себя представителями совершенно различных школ.

В истории всякой философской школы можно отметить то, что я назвал

бы процессом поляризации в предпосылках первоначальной системы.

Каждый крупный мыслитель, полагающий начало новому философскому

синтезу идей, объединяет в своем построении противоположные моменты

философской мысли. Эти противоположности, объединение коих нередко

достигается ценою некоторых неясностей или недоговоренностей в цент

ральном пункте системы, расщепляются у последователей школы, кото

рые дают неизменно правое, левое крыло и центр, стремящийся сохранить

прежний синтез, углубляя его путем частных поправок, комментаторства

и систематической экзегезы. Нередко в истории школы правое и левое

крыло посменно одерживают перевес, как, например, в платонизме (на

это указывает Т. Гомперц, см.: "Griechische Denker". Bd. III, 1).

Эти диалектические расщепления первоначальной системы могут быть в самых различных областях философской мысли и комбинироваться в истории идей с различными видами социальных противоположностей - религиозное свободомыслие и ортодоксия, политический радикализм и консерватизм, эстетический реализм и символизм и т. д. По смерти Платона его господство над Академией сменяется управлением племянника Спевзиппа, который подчеркивает в учении Платона натуралистическую классификаторскую тенденцию, анализируя роды и виды животных и растений в эмпирико-индуктивном духе, отбрасывая учение об идеях и идее бога, как творческой силы, но выдвигая идею становящегося бога, за что и вызвал упреки в атеизме. Наоборот, Ксенократ в своих воззрениях подчеркивает пифагорейские черты позднего платоновского умозрения, еще сгущая в них элементы супранатурализма.

1 См. брошюру проф. Пражского университета Э. Радля "Т. Масарик, его жизнь, научная и общественная деятельность". Прага, 1921.

22

Школа Декарта объемлет близкого к материализму Ламеттри Региуса и близкого к идеализму Беркли Малебранша. Философия Канта породила ряд писателей с наклоном к эмпиризму и материализму: Ланге, Риль, Либманн, Авенариус, и ряд наклонных к интеллектуализму: Коген, Наторп, Кассирер, Герланд. Критика чистого разума расщепилась на логику чистого познания и критику чистого опыта. Система Гегеля дала трещину в нескольких местах, например в религиозной проблеме, где мы имеем с левой стороны Фейербаха, провозглашающего полную несовместимость идеи личного бога с занятиями философией, и с правой стороны господ вроде Вейссе или Рейфа; последний вопиет: "Этот Бог (гегелевский сверхличный абсолют) есть чудовище, которое высасывает у нас мозг нашего существа, нашу личность, чтобы наполнить ею себя..." (см.: Каринский. "Критический обзор последнего периода германской философии", 1873, стр. 82) Школа Шопенгауэра породила Дон-Кихота, рыцаря печального образа - Майнлендера, принявшего и развившего до последних пределов идеализм и пессимизм учителя и честно кончившего жизнь самоубийством, и одаренного практической сметкою, здравым смыслом Санхо Панхо - Фрауэнштедта, который легко разделывается с мистическим идеализмом Шопенгауэра; его философия, по словам Гартманна, относится к философии его учителя, как пыльная берлинская аллея к роскошному девственному лесу далекой Индии. Иногда крупный гений выделяется из "планетной системы" известной школы и образует самостоятельное солнце - центр новой планетной системы. Такова была судьба Платона, Аристотеля, Канта.

IX. Круг чтения

4. Далее существенно влияние круга чтения, и в частности философского чтения. Именно у Лейбница мы наблюдаем влияние с детства общения с богатой библиотекой. Утверждение, будто великие философы мало читают или даже совершенные невежды в истории философии и литературе, в корне ошибочно. Иногда они притворяются, как Декарт, будто мало читают предшественников; иногда они, подобно Малебраншу, Руссо, Шопенгауэру, Конту и Ницше, проповедуют воздержание от чужих книг, но факты показывают совершенно иное: философ всегда "in angulo cum libello"*. В особенности в юности все философы переживали пароксизмы запойного чтения. Недавние исследования Шляппа обнаружили, как широко был осведомлен Кант в современной ему изящной литературе. Руссо пишет: "Я читал все с одинаковой жадностью на посылках, в конюшне, в ватерклозете, забываясь там в течение часов, голова у меня кружилась от чтения, я только им и занимался, мой хозяин выслеживал меня, застигал меня на месте преступления, бил, отбирал книги". "Вы должны знать, - пишет Юм своему доктору (1722), - что я с самого раннего детства неизменно сохранял сильную наклонность к книгам и литературе". В. Гамильтон также с детства "a hard reader"**. У Адама Смита школьные товарищи отмечают "an extraordinary passion for the books"***. Проповедовавший в зрелом возрасте "hygiene cerebrale"**** Конт в юности читал запоем. Так, в 1816 году он, по словам Longchamp, прочел Фонтенеля, Мопертюи, Адама

23

Смита, Дидро, Юма, Кондорсе, де Местра, де Бональда, Биша и Галля (см.: Gruber.

"A. Comte". S. 22-23).

Эта жадность философов к чтению, в которой сказывается мощный инстинкт любознательности, отнюдь не представляет стремления к бесформенной эрудиции. Именно потому они и осуждают чрезмерное и бестолковое чтение. Так, Кант разделяет все книги на четыре группы: 1) те, которые обогащают наши знания, 2) которые содействуют моральному усовершенствованию, 3) которые содействуют усовершенствованию языка и стиля и 4) которые служат предметом развлечения. Шопенгауэр оттеняет в процессе чтения "активную", критическую работу Selbstdenker'a*. По его мнению, пассивное чтение убивает самодеятельность мысли, а Ницше, этот туго-ученый эрудит, в "Ессе homo" заявляет, что воздержание от чтения книг на целые годы было величайшим благодеянием для пробуждения в нем духовной самодеятельности ("Ессе homo", фр. перевод, стр. 111).

Протест против "чрезмерности истории", против книжной традиции, подавляющей самодеятельность философской мысли, особенно против древнегреческой философии, мы встречаем у того самого Юма, который вполне оценивает значение культурного общения в научном творчестве у современных народов, забывая, что в обоих случаях при умелом пользовании книгой получается социальное обогащение комбинационного поля творческой фантазии. "Я нередко склонялся к мысли, что перерывы научных периодов (если бы они не сопровождались гибелью древних книг и исторических памятников) скорее благоприятствовали бы, чем вредили, успеху наук и искусств тем, что такие перерывы содействовали бы ограничению влияния авторитета и низложению с трона узурпаторов, тиранизировавших человеческий разум; дело здесь обстоит так же, как и с перерывами в управлении в политических обществах. Стоит обратить внимание на смешную подчиненность древних философов главарям их школ, чтобы убедиться, что подобная рабья философия не могла бы создать ничего хорошего, даже если бы она продолжала существовать сотни веков... Начиная с эпохи Возрождения, нет больше речи о стоиках, эпикурейцах, платоновцах, пифагорейцах, ни одна из этих сект не оказалась в силах восстановить свой авторитет, и воспоминание об их крушении помешало людям слепо подчиняться вновь образовавшимся сектам, которые пытались овладеть их умами" (Oeuvres philosophiques de Hume t. dixieme, 1788, p. 271-273). В этой цитате Юм благоразумно умалчивает о скептиках и, в частности, о Сексте Эмпирике, произведения которого были переведены на латинский язык в XVI в. и наверное были известны Юму. Сличение "Трактата" с сочинениями Секста Эмпирика было бы лучшим ответом на эту тираду. В другом месте Юм усматривает благоприятные условия для прогресса наук и искусств в политической свободе, соседстве культурных стран и культурном уровне данной страны. Тут он пишет: "Что остановило успех картезианской философии, которой Франция минувшего века была столь привержена? Одно лишь противодействие других культурных народов, которые вскоре обнаружили слабые стороны этой философии. Не соотечественники Ньютона, а иностранцы подвергали его теорию наиболее строгой критике, и если эта теория оказывается в состоянии преодолеть противодействие, встречаемое фактически во

24

всей Европе, то это значит, что она перейдет победительницей и к отдаленнейшим потомкам" (Essais moraux et philosophiques: "L'origine et les progres des arts et des sciences" (XVII-me Essai)".

5. Чрезвычайно существенным стимулом к творчеству является признание со стороны общества - не Его Величества Большинства, но сведущих, знающих, подготовленных к пониманию новых откровений человеческой мысли. Именно таково истинное значение того стремления к славе, которое, по признанию философов, играло известную роль в качестве импульса к духовной работе. Платон и Аристотель отдают себе вполне ясный отчет в значительности их философских открытий. Паскаль говорит: "Те, кто пишет против славы, ищут славы хороших писателей, а те, кто их читает, хотят прославиться тем, что читали их, и я, пишущий эти строки, имею, быть может, подобное же желание и, пожалуй, и те также, которые это прочтут". Когда (в 1666 г.) Лейбницу было 20 лет, его диссертация была отвергнута в Лейпциге. Ждать пять лет, чтобы снова домогаться степени доктора, он не захотел. "Когда я заметил происки моих соперников, то переменил решение: меня потянуло путешествовать и изучить математику. Ибо я считал недостойным молодого человека сидеть точно пришпиленным к своему месту: дух мой горел желанием снискать большую славу и посмотреть свет" (автобиография Пацидия, Куно Фишер: "Лейбниц", стр. 48). Трактат Юма (1739) вызвал весьма сочувственный отзыв в "History of the works of the learned" (1739, № 10), где отмечается талант автора (Marks of a swaving

genius*), и Юм сравнивается с Мильтоном и Рафаэлем в их первом выступлении.

И что же? Юм находит эту рецензию somewhat abusive** и отмечает полный неуспех своего сочинения. Гексли считает вероятным, что Юм бросил философию и перешел к политике благодаря неудовлетворенному самолюбию. Колоссальное честолюбие юного Шопенгауэра и Ницше общеизвестно. Говоря о мотивах своего творчества, Спенсер замечает: "Желание создать что-нибудь и завоевать себе славу сыграло очень большую роль". В зрелом возрасте, когда у философа уже сложилась теоретическая система, он начинает нередко упорно и страстно проводить ее в жизнь. Платон мечтает, силою опираясь на сиракузского тирана, провести свою социальную реформу в жизнь. Плотин задумывает основать идеальный город Гелиополис на основах своего этического учения. Лейбниц активно участвует в политической жизни. Фихте является непрестанным политическим агитатором. Беркли едет на Бермудские острова основывать свое идеальное государство. Конт обращается к Николаю I, турецкому султану Абдул-Гамиду и ордену иезуитов для проведения в жизнь своих начал позитивной политики. Соловьев хлопочет о соединении церквей. Ренувье мечтает при содействии либерального протестантизма пропагандировать неокритицизм. Гоббес и Локк принимают активное участие в политических событиях своего времени. Под старость честолюбие и "административный восторг" нередко принимают у философов прямо смешные и патологические формы. 15-летний С.-Симон велел своему слуге утром ежедневно будить его со словами: "Levez vous, monsieur le comte, vous avez de grandes choses a faire"***. У Ницше с раннего детства резко выражена тенденция "etwas besonderes zu sein"**** (Moebius "Nietzsche").

25

Ницше в "Утренней Заре" (§ 462, "Философ и возраст") отмечает три признака усталости: 1) вера в свой гений - гениальничанье, 2) произвольное фантазирование вместо доказательств, 3) крайне вздутое честолюбие. Читая "Ecce homo" того же Ницше, нередко вспоминаешь его же афоризм, с грустью думая: "Fabula de te narratur"*.

X. Роль национальности и общего культурного уровня эпохи. Одновременность научных открытий. Таблица Ментрэ

Имеющий и биологическую, и социологическую стороны вопрос о значении национальности в проявлениях одаренности и изобретательности, и в частности в философском творчестве не разработан, хотя и представляет большой психологический интерес. Найт (Knight) предполагал однажды выпустить серию монографий по истории философии, кладя в основу деления принцип национальности, но это издание не пошло далее первого выпуска. Сложность проблемы очевидна: в понятии национальности своеобразно сочетается общность расового происхождения, общность языка, территории, государственного и культурного строительства, религии и социальных идеалов. Между тем, признавая мировое единство науки и научной философии, являющихся выражением стремления к вселенской истине, нельзя не допустить национальных особенностей психического склада у философов и связанных с этим существенных оттенков в приемах творчества. С другой стороны, если признать, что теоретическая истина - правда-истина, едина и моральная истина, едина и художественная истина, то все же они многогранны и многоцветны, подходы к их постижению многоразличны, и здесь могут осязательно сказаться национальные различия у гениев-изобретателей. Чтобы разобраться в этой сложной проблеме, необходимы не только разработка многих запутанных исторических и психологических вопросов, но и исключительная широта взгляда, свобода от узкого национализма. Между тем мы встречаемся у философов с самой отвратительной исключительностью и нетерпимостью именно по данному вопросу. Кант хочет уверить нас, оценивая одаренность различных народов (Anthropologie), что англичанин - плод, француз - цветок, а немец - корень. Русским он отказывает совершенно в творческой изобретательности1.

Фихте в "Речах к немецкому народу" ставит немцев превыше всех других народов по одаренности. Гегель говорит в своей "Истории философии" лишь о германском мире, проникнутом христианством, как сфере всеобщей свободы, и признает всего две философии - греческую и германскую. Дюринг смотрит на славян и евреев как на расы низшего порядка, подлежащие вытеснению и даже истреблению, Фалькенберг в своей "Истории новой философии", давая поверхностную характеристику национальных особенностей в научном мышлении англичан, французов и немцев, приходит к отрадному для своих соотечественников

1 "Den Russen soil das Genie fehlen, so dass sie es auch nicht lernen konnen. und bei ihnen die Wissenschaften immer aussterben"**. См. Schlapp: "Die Anfange von Kant's Kritik des Geschmack und des Genies", 1899.

выводу, а именно, что немец соединяет в себе широкий полет француза с упрямой флегмой англичанина" (стр. 58) и т. д.

Наконец, еще весьма важным источником социальных влияний является общий культурный и философский уровень эпохи, то, что Гегель в своей "Эстетике" называет состоянием мира. Спенсер справедливо указывает на невозможность появления, например, Ньютона среди дикарей - великий человек непосредственно примыкает к предшественникам; при всей его оригинальности он все же есть лишь ближайший подражатель - proximate imitator! Не может быть сомнения, что философское творчество, как и творчество в области специальных наук, входит в соборную духовную работу всего человечества и в значительной мере связано с условиями духовного развития данного момента, хотя, быть может, как мы увидим, в меньшей степени, чем специальные науки. Ментрэ (Mentre) в интересной статье в "Revue scientifique" обращает внимание на замечательный факт в истории положительных наук, а именно на одновременность научных открытий. Великие открытия Дарвина и Уоллеса были ими обнародованы в докладах, которые были прочтены в один день, а именно 1 июля 1858 г. Доклады Cros и Hauron о процессе косвенной цветовой фотографии были прочтены во французском фотографическом обществе в один день. Грэхам Белль представил прошение на получение патента на телефон 2 часами позже Элизы Грей (24 февраля 1876 г.). Когда Cailletet читал доклад о превращении газов в жидкое состояние (24 декабря 1877 г.), председатель получил телеграмму из Женевы с уведомлением об успешных опытах Пикте. Ментрэ приводит до 50 примеров одновременных открытий из всех областей знания от математики до социологии.

Вот его таблица в несколько сокращенном виде:

Математика

Метод неделимых: Кавальери - Роберваль.

Аналитическая геометрия: Декарт - Фермат.

Исчисление бесконечно малых: Ньютон - Лейбниц.

Неевклидовская геометрия: Лобачевский, Гаусс, Риман.

Астрономия

Открытие солнечных пятен: Фабрициус - Галилей.

Открытие спутников Юпитера: Мариус - Галилей.

Открытие Нептуна: Леверрье - Адамс.

Открытие спутника Юпитера: Бонд и Лассель.

Открытие спектроскопического метода для наблюдения солнечных пятен: Янсен - Локьер.

Механика

Принцип инерции: ряд противников Аристотеля в начале XVI в.

Параллелограмм сил: (предугадано Стевином) Вариньон и Ньютон.

Законы падения тел: Гюйгенс, Врен, Валлис.

Механическая теория теплоты: Майер, Кальдони, Сегэн, Джоуль, Мор, Гельмгольц.

Химическая механика: Мутье, Гартсманн и Джиббс.

Физика

Опыты с электрическим змеем: Франклин и де Ромас (1752).

Электрическое золочение и серебрение: Эльпингтон - Руольц (1841).

Электрический телеграф: Штейнгейт, Уитстон, Морзе.

Явление индукции: 1847, Гельмгольц - Томсон.

Телефон: 1876, Белль - Грей.

Фонограф: 1877, Эдиссон - Шарль Крос.

Болометр: Ланглей и Бауэр.

Радиоактивность в соединениях тория: г-жа Кюри и Шмидт.

Химия

Кислород: Пристли, Шееле, Лавуазье.

Разложение воды: Кэвендиш - Монж.

Хлороформ: 1831, Субейрон, Либих, Гутрей.

Коллодиум: 1840, Муанар, Менар.

Талиум: Крукс - Лами.

Классификация элементов: 1864, Менделеев и Л. Мейер.

Стереохимия: Ле-Бель, Баум, Гофф*.

Ацетилен: Траверс, Вильсон, Муассон.

Биология

Теория остановки развития: Ж. С. Илер - Меккель (1812).

Ресничные мышцы в человеческом глазе: Мюллер и Руже.

Аналогия - череп и позвонок: Гёте, Ж. С. Илер.

Теория трансформизма: Гёте, Эр. Дарвин, Ж. С. Илер.

Естественный подбор: Дарвин - Уоллес (1858).

Теория клеточки: Шлейден, Распайль.

Антисептика: Гэрэн и Листер.

Бациллы чумы: 1894, Кит и Вереж.

Социология

Дифференциальная рента: Вест-Мальтус, 1815.

Появление принципов социализма: С.-Симон, Оуен.

Экономическое понимание истории: Маркс и Ле Плэ (Le Play) (?).

Математическая теория оборота: С. Джевонс - Вальрас.

Таблица эта заслуживает внимания, хотя некоторые сопоставления искусственны и даже прямо неверны.

По мнению Ментрэ, для такой одновременности возможны только три объяснения: 1) случайность совпадения, 2) умышленное соглашение (entente volontaire) ученых и 3) социальный детерминизм. Первые два предположения, как явно неправдоподобные, отпадают, и остается лишь третье. Все современные ученые данной специальности, стоящие на уровне знания данного момента, исходят в своем творчестве из аналогичных предпосылок; естественно, что они и приходят к аналогичным результатам. Я бы сказал так: у них однородные социологические условия для комбинационного поля творческой фантазии. В философии есть свой прогресс, своя непрерывность и закономерность развития, и в ней можно наблюдать аналогичную одновременность изобретений. Я приведу два примера, один из области метафизики, другой из области психологии.

28

Опровержение догматического реализма, т. е. доказательство, что понятие материи, никем не познаваемой, заключает в себе внутреннее противоречие, было дано одновременно и независимо друг от друга Беркли в "Treatise on the human nature"* и Колльером в "Clavis Universalis" в 1710 г., причем в высокой степени вероятно, что оба философа ничего не знали друг о друге. Разумеется, путь открытия способа доказательства у того и другого различен. Так, у Беркли нет антиномий бесконечности пространства и времени, которыми пользуется Колльер. Фрэзер пишет: "The coincidence is among the most curious in the history of philosophy"**. Идеи Беркли выросли из Локка, идеи Колльера - из Малебранша и схоластиков.

В 1884 г. Джэмс опубликовал знаменитую статью о природе эмоций, где развивал мысль об участии органических ощущений в образовании различных эмоций. Тремя годами позднее датский психиатр Ланге развил подобную же теорию. Но при близком рассмотрении оказывается, что обе теории имеют лишь самое общее сходство и выражение "теория Ланге - Джэмса" едва ли допустимо. Мы увидим ниже, что в истории философских систем, как в истории машин и научных открытий, есть своя непрерывная связь, и к области и тех и других изобретений применимы слова Бэкона: "Certo sciant homines artes inveniendi solidos et veros adolescere et incrementa sumere cum ipsis inventis"***.

XI. Прерывный и непрерывный моменты в процессе изобретения

История изобретений дает нам поразительное подтверждение приведенных слов Бэкона. Каждое изобретение через ряд непрерывных и прерывных усовершенствований развивается. Два изобретения A и B, различного порядка, сочетаются вместе и дают новый синтез C, другие два - E и F, удачно комбинируясь, дают G и т. д. Но одинаково ошибочно рассматривать этот процесс как непрерывную интеграцию чуть заметных перемен и как резко прерывный переход от одного изобретения к совершенно другому. Всякое изобретение есть усовершенствование, но заключающее в себе рядом с моментом непрерывности, постепенности и черту творческую - прерывность, ибо комбинируются в новом синтезе элементы предшествующего изобретения качественно разных порядков. Так, искусственное добывание огня является революционным, резко прерывным по сравнению с предшествующей индустрией скачком в развитии техники. Миф о Прометее-изобретателе недаром лежит в основе истории техники и истории философии, - он похититель небесного огня и небесной мудрости. Добывание огня сразу открывало возможность для обособленных, диспаратных рядов изобретений: металлургия, архитектура, керамика, земледелие, мореплавание, торговля и т. д. Звенья каждого из этих рядов опять же могли давать основания для новых комбинаций между собою: постройка металлических домов, устройство хлебных эллингов и т. д. Ввиду сказанного нельзя согласиться со словами Араго: "Ошибочно думать (а я не вполне избег подобной ошибки), будто паровая машина есть простой объект, для которого надо непременно подыскать изобретателя. Кто изобретатель часов? Никто. Надо спросить, кто изобрел гири, маятник, часовой ход? В паровую машину входят

29

несколько капитальных идей, которые вышли не из одной головы". Ту же мысль развивает, как мы видели, Бурдо. Но ложность ее очевидна. Если в идею паровой машины вошло несколько капитальных идей, то все же каждая из этих идей, принадлежащая порознь одной голове, тем не менее капитальна, т. е. заключает в себе прерывный момент, "узловую точку", "мутацию" в эволюции изобретения. Если неправильно говорить, что книгопечатание просто изобрел Гутенберг, то правильно

говорить, что до 1400 г. существовало печатание с деревянных досок карт и образов с надписями; что Laurent Coster стал разрезывать на отдельные буквы ксилографические доски, Гутенберг стал выливать буквы из металла, Шеффер ввел медные буквы (инкунабулы) и т. д., вплоть до стереотипа и ротационной машины XX в. Открытия разного порядка, комбинируясь, дают сложные машины (например, сочетание электрического двигателя с печатной машиной), и все это порождает своеобразное генеалогическое дерево изобретений, своеобразную многоветвистую диалектику технического творчества, притом количество открытий все с большим ускорением увеличивается благодаря все большему социологическому расширению комбинационного поля творческой фантазии в области техники. Можно провести некоторую аналогию между строительством систем и строительством машин. Смена философских систем давала и дает обильную пищу для остроумия изверившихся в могуществе разума нигилистов и скептиков. Они могут с наслаждением повторять бессмысленную остроту Ницше: "Философ думает, что ценность его философии лежит в целом, в строении, но потомство находит ценным только камень, из которого можно построить новое и лучшее здание, т. е. ценно для него именно то, что здание можно разрушить и все-таки оно полезно, как материал" ("Заблуждения философов", § 201).

Этому издевательству над человеческим разумом нужно противопоставить мудрые слова Пуанкаре: "Следует сравнивать ход науки не с перестройкой города, при которой старые здания беспощадно уничтожаются и замещаются новыми, но с непрерывной эволюцией зоологических типов, беспрестанно развивающихся так, что они становятся неузнаваемыми для глаз неопытного, но опытный глаз всегда находит в них следы предыдущей работы истекших веков". Слова эти всецело применимы и к истории философии. Изобретения философов также образуют частью непрерывную, частью прерывную, т. е. коленчатую, лестницу усовершенствований. По аналогии с эволюцией машин можно было бы изобразить и эволюцию философских аспектов на "машину-мира" ("Worldmachine"). Поясню это на примере генезиса "Критики чистого разума" Канта.

Гносеология Канта выросла: 1) из изучения в коллегии материализма древних (Лукреция). Он пишет: "Die Epicureer - die besten Naturphilosophen unter alien Denkern Griechenlands"*. В теории неба он пишет: "Теория Лукреция или, точнее, его предшественников Левкиппа и Демокрита имеет много сродства с моей теорией". 2) Из лейбнице-вольфовской философии. 3) Из изучения творений Ньютона. 4) Из скептицизма Юма. 5) Из чтения Локка, Беркли, Мопертюи и Колльера, Бэйля, Д'Аламбера. 6) Из изучения Платона. 7) Из изучения Аристотеля. Если объединить известным образом эти идеи, то окажется, что "Weltbild"** в "Критике чистого разума" можно рассматривать как

30

"мировую машину", в которой видоизменялись и совершенствовались отдельные части постепенно и которая образует у Канта лишь новый необычайный синтез. Однако мы увидим ниже, что философская система имеет отдаленную аналогию с машиной, организмом или поэмой.

XII. Открытие и изобретение. Приспособляемость, находчивость и изобретательность. Как понимать природу философского изобретения

Я озаглавил мою книгу "Философия изобретения". Можно по этому поводу задаться вопросом о различии терминов открытия и изобретения. Файингер в своей книге "Philosophie des Als-Ob" (1911, стр. 149-150) проводит между этими понятиями такое разграничение. Источником открытия является гипотеза, которая находит себе подтверждение в данных опыта, так сказать, раскрывает перед нами некоторую естественную законосообразную связь данных опыта. Изобретение есть порождение фикции, искусственного понятия, вспомогательной конструкции мысли, которая имеет чисто "инструментальное" значение, являясь лишь эвристической уловкой, методологическим приемом. Так, закон тяготения есть открытие Ньютона, а дифференциальное исчисление - изобретение Лейбница. Так, мы открываем законы природы и изобретаем машины. Впрочем, и сам Файингер признает трудность разграничения. Я предпочитаю употреблять в расширенном смысле термин изобретение, ибо в нем подчеркивается творческий активный момент человеческой мысли (изобретательность ума). В открытии более подчеркивается эмпирическая данность новых областей физического или духовного мира. Нельзя сказать, что Колумб изобрел Америку или Вебер изобрел известный психофизический закон, как нельзя сказать, что Аристотель открыл силлогизм; поскольку речь идет о

результате творческой работы, мы сохраняем это разграничение, но поскольку речь идет о процессе открытия, можно сказать, что в основе всякого открытия, если оно не есть случайная находка, лежит новое изобретение мысли, конструкция нового научного понятия.

Если всякое научное и философское изобретение есть прежде всего конструкция нового понятия, то оно, очевидно, глубоко отличается и от простой приспособляемости животного к новым условиям среды, и от находчивости обывателя в непривычной и затруднительной обстановке. Это можно пояснить на одном примере - преодоление трудности ориентироваться в лабиринте. Торндайк (Thorndyke), Портер и другие произвели ряд экспериментов над птицами (воробьи, американские кукушки) с целью исследовать их умение приспособиться к необычным условиям и их память по отношению к приобретенным навыкам. Они устроили ряд лабиринтов неправильной формы и с все возрастающей сложностью; в средине лабиринта помещалась пища. Кривая, выражавшая процесс приобретения привычек, строилась сообразно длине времени, потребного на прохождение лабиринта, и числу испытаний, причем оказалось, что после небольшого ряда опытов обнаруживалось быстрое и резкое ускорение времени прохождения, затем это ускорение сильно замедляется. При повторении опытов через месяц оказалось, что птицы, скорее приспособлявшиеся (воробьи), скорее забывали усвоенное, между

31

тем как приспособлявшиеся медленнее (американские кукушки) проявили через месяц более понятливости. См.: Pieron: "Evolution de la memoire".

Вот приспособляемость животного, в которой если и участвует интеллектуальная сообразительность, то в самой зачаточной и смутной форме. Лабиринты в паноптикуме и садовые лабиринты (например, лабиринт в Hampton Court, около Лондона, сделанный при Уильяме IV (1689-1702), служат испытанием находчивости обывателя, который в процессе искания выхода из лабиринта может руководиться не только памятью, но и некоторыми отвлеченными соображениями, конечно, довольно элементарной формы, касающимися исключительно данного случая. Для ученого проблема, подобная исканию выхода из лабиринта, может дать повод к постановке известного теоретического вопроса в общей форме. Именно подобный случай имел место, когда Эйлер обратил внимание на кенигсбергскую задачу семи мостов. Мемель у Кенигсберга разделяется на два рукава, до этого разделения он расширяется, в середине расширенной части находится островок, соединенный с берегами пятью мостами. Кроме того, имеются еще два моста - один через Мемель до водораздела и один в одном из образовавшихся рукавов. Задача заключалась в том, чтобы обойти все эти мосты один за другим, ни разу не возвратясь назад. Эйлер показал, что задача неразрешима, так как она противоречит одному из начал той геометрии положения, создателем которой (наряду с другими геометрами) он явился в труде "Solutio problematis ad geometriam situs pertinentis" (1741). Здесь мы уже имеем не приспособление, не находчивость, а научную изобретательность - конструкцию нового понятия.

В основе изобретательности человека лежит сложная совокупность наклонностей и инстинктов (см. т. II, гл. V. "Генезис творческой воли"). Стремление к удовлетворению житейских нужд и свободная игра творческих способностей, как мы увидим, в равной мере принимают здесь участие. Мэзон (Mason) в превосходной книге "The primitive invention" устанавливает два вида изобретений: те, в которых удовлетворяются потребности, воздействующие снутри кнаружи (those who act from within the individual), такие, как голод, усталость, потребность в упражнении (Functionsbedurfniss) и половое влечение, и те, которые вызваны импульсами, действующими снаружи кнутри (противодействие холоду, диким зверям, врагам и т. д.), причем он отмечает, что у низших животных дисгармония со средою является минимальною, а у высших - максимальною, благодаря восприимчивости к большему количеству раздражителей. Мэзон устанавливает следующие стадии в развитии технических изобретений: 1) пользование естественными предметами (камень, зуб животного); 2) легкая модификация этого предмета; 3) модификация, создающая новое назначение, - камень-молоток; 4) перенос различных форм и структур на различный материал, например репродукция выдолбленной тыквы: а) в глине, б) в плетении, в) в дереве; 5) изменение формы предметов для различных назначений; 6) применение двигательной силы - человек, лошадь, текучие воды, пар, химические силы, электрические силы; 7) подражание машиной человеческой активности;

8) приумножение человеческой силы механическими, например колесо;

9) кооперативный аппарат, требующий соучастия многих людей.

32

Ни нужда, ни борьба за существование, ни заманчивые перспективы практических выгод не могут создавать новые изобретения, но они могут быть значительным побочным импульсом для интенсивной, но свободной игры творческих сил в умах изобретателей данного времени. Профессор Вальден указывает на тот толчок, который был сообщен изобретателям во Франции при Наполеоне I во время блокады Англии: "Сахарный голод и высокие премии, назначенные за изобретения, клонящиеся к его ослаблению, сопровождались изобретением "усовершенствованного метода добывания свекловичного сахара" (см.: "Временник Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений", 1916, вып. II-III, "Об изобретениях и изобретателях", доклад проф. П. И. Вальдена). Поводом к изобретению парового молота Нэсмитом явилась нужда в молотах для сооружения машин необычайной силы для парохода "Great Britain"; прежние молоты оказались для этой цели недостаточными. И великие философские изобретения удостаивались премий, но главным образом в виде цикуты, костра или тюремного заключения. Изобретательность развивается всегда изнутри кнаружи, от творческих потенций человеческого духа к его актуальным проявлениям; значение внешних возбудителей в этом процессе, разумеется, весьма велико, но они никогда не могут всецело обусловливать конечный результат - удачное открытие.

Признавая, что нужда есть мать изобретения, Мэзон в то же время указывает, что в процессе его образования играет важную роль и свободная творческая игра духовных сил человека - его ума, комбинационной способности, ловкости и т. д. Так, игры детей и игры первобытных народов служат почвой для развития изобретательности. На роль детских игр в истории изобретений впервые указал Лейбниц; в новейшее время Гроос подробно исследует роль умственного эксперимента в детских играх. Мэзон сообщает, что, например, эскимосы при занятии китоловством создают особые фиктивные задания, в которых нужно проявить проворство и изобретательность при воображаемом преследовании животного.

По мере восхождения к более высоким, тонким потребностям человека, каковы религия, искусство, наука и философия, формы изобретения углубляются, но механизм изобретательности в основных чертах остается тем же.

В частности, что касается занимающего нас вопроса об изобретении в философии, то нужно, во избежание недоразумений, несколько остановиться на том, что является исходным пунктом для философской изобретательности. Если рассматривать этот вопрос с точки зрения современного человека, психогенезиса его личности, тогда на него нетрудно ответить. Если же брать вопрос с исторической точки зрения, то на него можно ответить удовлетворительно лишь в самых гадательных и общих чертах. Что источником философских изобретений является великая философская страсть удивления человека перед самым фактом его бытия, перед загадками познания и деятельности, перед вопросом о сущности мира и цели бытия, - это бесспорно, не нужно только в эту общую постановку вопроса субъективно привносить свою собственную точку зрения, модернизировать неведомого нам первобытного человека. Между тем в эту ошибку впадают и Ренан, и Шопенгауэр, и Шуппе, и Селли. Ренан описывает то, что он называет религиозным инстинктом

33

и что на самом деле есть лишь одна философская любознательность. "Религия в человечестве то же, что свивание гнезд у птиц. Инстинкт пробуждается с таинственной неожиданностью. Птица, которая никогда еще не имела яиц, никогда не наблюдала этого акта, заранее уже знает, что ей придется выполнять эту естественную функцию. Она с благоговением готовится и с самоотвержением служит цели, которой не понимает. Таким же путем зарождается религиозная идея у человека. Человек шел, ни о чем не думая. Вдруг наступает тишина, точно пауза, пробел в ощущениях: "О, Боже, - говорит он тогда про себя, - как странна моя судьба! Правда ли, что я существую? Что такое мир? Не сам ли я - это солнце? Не светят ли его лучи из моего сердца?" Затем шум, идущий от внешнего мира, возобновляется, просвет замыкается, но с этого момента существо, по-видимому эгоистическое, будет совершать необъяснимые поступки, "оно будет испытывать потребность в обожании и поклонении" ("Dialogues philosophiques", p. 55). Гюйо

справедливо отмечает здесь смешение чувств современного философа с религиозными эмоциями первобытной души.

Шопенгауэр посвящает целую главу во II ч. "Мира как воли и представления" анализу того, что он называет метафизической потребностью, и в конечном итоге незаметно для самого себя доказывает, что эта метафизическая потребность, отчасти находя себе удовлетворение в буддизме и аскетическом христианстве, находит себе надлежащий выход в идеализме и пессимизме его собственной системы. Шуппе в статье "Das metaphisische Motiv und die Geschichte der Philosophie im Umrisse" (1882) утверждает, что метафизическим мотивом философской изобретательности является потребность ответить на два вопроса: 1) "что, собственно, есть в себе-сущее или абсолютно сущее; 2) путем каких посредствующих понятий это абсолютно сущее может быть поставлено в соотношение или в связь с множественным, изменчивым, лишь относительно сущим". И после беглого обзора всех древних и новых философских систем Шуппе показывает, что метафизический мотив может найти себе окончательное удовлетворение лишь в учении Вильгельма Шуппе, в понятии "Bewusstsein uberhaupt"*, которое и есть истинно сущее. Так пишет догматик идеализма, а догматик реализма Джемс Селли заявляет: "Поддерживая мысль, что в самой основе существования и развития человеческого познания лежит метафизическая вера, мы ограничиваемся лишь констатированием факта научной психологии и должны предоставить объяснение, если таковое возможно, философии" (см.: James Sully. "Outlines of psychology", p. 514-515). Если поверить на слово господам метафизикам, то выходит, что метафизическая вера, потребность, инстинкт или мотив суть факты научной психологии. Какое новое и легкое доказательство реальности истинно сущего мы получили бы таким образом! Только нам пришлось бы зараз признать это истинно сущее и физическим миром, и мировою волею, и "Сознанием Вообще". А "Сознание Вообще" Шуппе сближает с личным Богом, которому в заключение своей речи возносит пламенные молитвы "о здравии, долгоденствии и мирном житии" его величества кайзера: "Gott schutze, Gott erhalte den Kaiser"**. Радикальный скептик в метафизике мог бы вспомнить слова великого пророка: "Горьким словом моим посмеюся!"

34

Философская потребность в изобретении может быть так формулирована, что подобная формулировка будет приемлемой как для сторонников, так и для противников метафизики, и эта формулировка сводится к потребности дать разумные ответы на три вопроса, поставленные в древности Пирроном и повторенные в несколько измененном виде Кантом: "Ученик Пиррона Тимон говорил, что желающий достигнуть счастия должен разобраться в следующих трех вопросах: во-первых, из чего состоят вещи, во-вторых, какое отношение мы должны себе к ним усвоить, и, наконец, какую выгоду получат те, которые выполнят это" (Р. Рихтер. "История скептицизма", прим. 75). У Канта эти вопросы видоизменены в конце "Критики чистого разума" следующим образом: Что я могу знать?

(Проблемы гносеологии или метафизики, а также психологии, логики, научной методологии, истории философии).

Что я должен делать?

(Проблемы аксиологии, т. е. теории ценностей, этики, эстетики, педагогики, политики, экономики, права).

На что я могу надеяться?

(Проблема философии религии).

Жизнь мудреца есть история непрерывных и страстных исканий, направленных на эту единую и трехчленную проблему. Его изобретательность применена к расшифрованию мировой загадки. Вл. Соловьев уподобляет творческий путь философа медлительному, но непрестанному восхождению на горные вершины:

В тумане утреннем неверными шагами

Я шел к таинственным и чудным берегам.

Боролася заря с последними звездами,

Еще летали сны - и, схваченная снами,

Душа молилася неведомым богам.

В холодный белый день дорогой одинокой,

Как прежде, я иду в неведомой стране.

Рассеялся туман, и ясно видит око,

Как труден горный путь, и как еще далёко,

Далёко все, что грезилося мне.

И до полуночи неробкими шагами

Все буду я идти к заветным берегам,

Туда, где на горе, под новыми звездами,

Весь пламенеющий победными огнями,

Меня дождется мой заветный храм.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОБУЖДЕНИЕ ПРИЗВАНИЯ

XIII. Идиосинкрация интереса. Гений в науке

как ingenium praecox. Пробуждение философского интереса

а) на религиозной почве

Джэмс называет идиосинкрацией интереса тот интерес, который обнаруживается у ребенка рано и в котором проявляется его специфическая одаренность в известном направлении. Детские интересы часто имеют преходящий характер и бывают навеяны подражанием. Но одаренный ребенок часто бывает ingenium praecox*, и его своеобразные творческие стремления уже проявляются в чем-нибудь, что впоследствии оказывается как раз соответствующим его назначению, его призванию. Классен рассказывает, что 10-11-летний Нибур уже написал историко-географическое описание Африки. "В 14 лет ребенок Нибур только и бредит манускриптами и вариантами, теперь он в восторге от рукописи Варрона, которую отец доставил ему из Королевской Библиотеки в Копенгагене. Он даже понял, как ее читать, и указал, в чем трудности многих мест" (Классен. "Нибур", 1894). 15-летний Максуэлль печатает математический мемуар в записках ученого общества. Идея написать "Историю цивилизации в Англии" пришла Боклю "в смутной форме", когда ему было всего 15 лет. Шахматист Морфи уже в 13 лет дважды из трех раз победил на состязаниях знаменитого и опытного шахматиста Левенталя (см. статью "Chess" в "Encyklopaedia Britannica", IX издание). Об Остроградском его биограф Трипольский сообщает: "Еще в раннем детстве бойкий Миша выказывал редкую наблюдательность и природную наклонность к измерению любой вещи или игрушки. В кармане он всегда носил с собою шнурок с привязанным к нему камешком и при помощи этого снаряда измерял глубину каждого попадавшегося ему на глаза колодца или ямы. Перед ветряной или водяной мельницей он стоял по часу и более, наблюдая с далеко не детским любопытством за движением крыльев мельницы, падением воды с потоков, вращением колес, жерновов и т. п. Зная такую "слабость" своего сына и не предвидя в нем великого математика, родители во время прогулок всячески заботились о том, чтобы он не заметил интересующих его предметов. Но от зоркого и наблюдательного Миши не ускользнет ни один колодец, ни одна мельница: с криком и слезами он приставал к родителям позволить ему "хоть на минуту" остановиться, чтобы понаблюдать то или другое, измерить величину или глубину, и эти "минуты", незаметные

36

для сына, долго и скучно тянулись для родителей (см.: М. В. Остроградский", 1902, стр. 47).

О Гельмгольце Дюбуа-Реймон сообщает следующее: "Мы знаем, что он, будучи учеником в Потсдаме (где он родился 31 августа 1821 г.), нередко во время чтения в классе Цицерона или Вергилия, наводивших на него скуку, вычислял под столом ход пучка лучей в телескопе и тогда уже нашел некоторые оптические теоремы, о которых ничего не упоминалось в учебниках и которые сослужили ему службу впоследствии, при построении глазного зеркала" (Г. фон Гельмгольц. Характеристика Дюбуа-Реймона, 1900, пер. под ред. прив.-доц. Б. П. Вейнберга, стр. 3). Биолог Эрнст Геккель уже в детстве обнаружил сильное влечение к изучению и эстетическому созерцанию природы. "Громадное двойное окно служило ему террариумом. С особенным усердием он собирал цветы... Будучи одиннадцатилетним мальчиком, он целыми днями пропадал (в Бонне у дяди) во всевозможных закоулках тамошних окрестностей в надежде найти "Erica cinerea", которая, как он слышал, водилась единственно в этой местности Германии" (В. Бёльше. "Эрнст Геккель", 1910, стр. 23-24).

Но специалист, даже гениальный, односторонен. Гербарт когда-то выдвинул в педагогике идеал уравновешенной множественности интересов, причем он насчитывал шесть основных интересов: к фактическому знанию природы, к отвлеченному знанию, к чужой душевной жизни, к политике, религии и эстетической стороне жизни. Такой идеал, разумеется, есть "бесконечно-отдаленный пункт", к которому возможно лишь слабое приближение. Равномерное развитие всех интересов и дарований невозможно уже потому, что между различными коренными психическими чертами существует известная корреляция, в силу которой резко выраженное свойство a исключает столь же резко выраженное развитие свойства b. Тем не менее встречаются весьма разносторонне одаренные натуры, и среди выдающихся философов их всего естественнее ожидать. Философия не есть механическое суммирование различных сфер знания. Философская одаренность предполагает особенные черты психического склада, но философия теснейшим образом связана с науками, служа для них общим методом, освещая их предпосылки, их единство и их конечную цель. Отсюда понятно, 1) что пробуждение философского дарования имеет в качестве опорного пункта у ребенка и подростка какую-нибудь специальную область знания; 2) что философы всегда бывают одарены несколькими интересами, и у величайших из них, каковы Платон, Демокрит, Аристотель, Кант, Лейбниц, Конт, Гегель, Спенсер, одаренность проявляется во всех областях знания, хотя и не в равномерной степени. Присмотримся к первым проявлениям одаренности у различных философов.

Религиозные вопросы по самой своей природе близко соприкасаются с философскими, и мы часто наблюдаем, что "вельми философская страсть" удивления перед загадкой бытия зарождается у будущего философа на религиозной почве. "Марк Аврелий, будучи 8 лет, был принят в школу жрецов Марса, он пел священные гимны и участвовал в религиозных процессиях... Двенадцати лет он уже был неофитом философии. Он усвоил суровые обычаи и нравы стоиков, он, так сказать, вступил в этот орден. Несмотря на свое хрупкое здоровье, он спал на голом полу, и, лишь уступая настояниям и слезам матери, он согласился спать на

37

кроватке, покрытой мехом. Впрочем, родители были склонны поддерживать в нем его детское увлечение стоической моралью" (см.: Martha. "Les moralistes sous l'empire romain, 1886, 2-е изд., стр. 175). Это мы видим и у 11-14-летнего Джордано Бруно, который в детстве увлекается богословием, логикой и диалектикой и в 15 лет поступает в монастырь доминиканцев. Наряду с богословским интересом в нем с детства живет поэтическое чувство, вызываемое обстановкой "земного рая", каким являются окрестности Нолы к северо-западу от Везувия. В монастыре он с жадностью проглатывает тогдашнюю философскую литературу. Особенно увлекают его элеаты, Эмпедокл, Платон, Аристотель, Плотин, Эль-Гацали, Аверроэс, каббала, Фома Аквинский, Раймонд Луллий, Николай Кребс, Коперник. В 18 лет он уже эмансипируется от многих догматов богословия - от учения о троичности лиц Божества, от учения о божественности Христа, об эвхаристии.

Столь же рано пробуждаются эстетический и религиозный интересы у Шеллинга1. До 15 лет он совершенно овладевает латинским языком, пишет стихотворения о происхождении языка, о величии Англии (по-латыни), сочиняет работу о божественном происхождении Библии, переводит на немецкий язык "Марсельезу". В 16 лет он увлекается философией под влиянием учителя Рейхлина, читает Федера, Лейбница, Кларке, Ньютона, Шульце, Канта и, наконец, Фихте. Шлейермахер (род. в 1768 г.) в 12 лет увлекается древними языками и биографиями великих ученых. Ему

приходит в голову, что вся древняя история и древние писатели "sei untergeschoben"***, ибо все, что он про нее знал, представлялось ему бессвязным и похожим на роман. Уже в 11 лет его начинают мучить религиозные вопросы. Он проводит бессонные ночи, ломая голову, как совместить всеблагость Божию с учением о вечных наказаниях (Куно Фишер: "Шеллинг").

Гартманн, в котором мистические стремления так причудливо сочетаются с рассудочностью весьма разностороннего и бойкого писателя, в раннем детстве обнаруживал интерес к богословским проблемам. После же поступления в гимназию в нем быстро пробудился чисто философский интерес: "Немецкие сочинения мало давали мне до сих пор лавров, ибо я был совершенно не в состоянии воодушевляться историческими или описательными темами. Но с того момента, как мне была предложена Юнгом тема, требующая рационального размышления и логического развития мысли, мои сочинения оказались лучшими и тем более превосходили все остальные, чем более тема имела философский характер" (A. Drews. "E. v. Hartmanns Philos. System", 1906).

Этико-религиозная натура Фихте проявилась уже в раннем его детстве. Он обратил внимание на себя своего покровителя барона Миль-тица умением передавать содержание церковной проповеди: "Чем является для прирожденного художника первая картина, которую он видит

1 В 13-14 лет он пишет "Geschichte des Klosters Bebenhausen", где, описывая красоты природы, он замечает: "Fiirwahr, auch wilde Natur ist schon! Oft pries ich iiber diese wildschonen Orter Gott, den Schopfer"*.

А вот образчик его латинских стихов:

O! juvenis, demens, nescis secreta tacere.

Crede mihi, est magnus nosse tacere labor**.

38

в своей жизни, тем для Фихте была проповедь". Маленький Фихте дословно и осмысленно воспроизводит слышанное: "Это не просто дело сильной памяти, а дело живого, именно к этому предмету приуроченного, воображения" (Куно Фишер. "Ист. нов. философии", т. V. "Фихте", 1909, стр. 142).

По собственным словам мистического философа Якоби, он с детства был мечтателем, фантастом, мистиком. Уже ребенком, вместо того чтобы играть со сверстниками, он предпочитал беседы с одной пи-етистически настроенной служанкой в их семье. Уже мальчиком он делал серьезные попытки решить некоторые религиозные проблемы1.

"Мы ленивы и нелюбопытны", и немногим из русской публики, к сожалению, знакомо имя замечательного русского философа Африкана Александровича Шпира. Выросши в Херсонской губернии в помещичьей семье, Шпир с раннего детства обнаружил влечение к природе, к созерцанию родных широких зеленеющих степей. Он пишет: "Не раз было доказано, что дети не обладают поэтическим чувством, я же готов скорее усомниться, доступно ли взрослому поэту поэтическое настроение ребенка, который не совсем скудоумен, когда вспомню, каким очарованием была полна для меня бедная сама по себе природа моей родины". С 13 лет к эстетическому интересу присоединился религиозный; мальчик стал зачитываться проповедями одесского архиепископа Иннокентия, соблюдать посты, молитвы и усердно молиться. Позднее наступил кризис сомнений. (См. биографию Шпира, приложенную к его сочинению "Очерк критической философии".)

Наклонности к тонкому логическому анализу и комментаторству пробудились у Соломона Маймона очень рано, первоначально на богословской почве, а значительно позднее - на философской. Его важнейшие труды являются своеобразной попыткой истолкования Канта. "Талмудическая ученость, - пишет Куно Фишер, - имеет три степени: первая состоит в переводе Талмуда, вторая - в его объяснении, третья - в диспутировании. Соломон достиг третьей ступени, когда ему было девять лет" ("История новой философии", т. V, стр. 65). Точно так же и у Когена комментаторские способности в области логики и метафизики, по-видимому, проявились в раввинской школе, но у Соломона Маймона религиозный интерес не играет роли в философском творчестве, а у Когена особенно усиливается в последний период творчества.

У Вл. Соловьева и С. Трубецкого также заметно раннее пробуждение интереса к философии именно в связи с религией. Во всех приведенных случаях замечательно то, что религиозный интерес и впоследствии являлся в философских исканиях этих философов тем, что Бергсон называ-

1В восьми- или девятилетнем возрасте в его воображении уже сложилась странная интуиция вечности и бесконечного протяжения, от которых он не мог отделаться в течение всей жизни. "Это было странное, совершенно не зависимое от всяких религиозных понятий представление бесконечной длительности, которое внезапно ясно осознавалось мною и с такою силою захватывало меня при моих размышлениях о вечности a parte ante*, что я громко кричал, вскакивал и впадал в некоторого рода обморок. Мысль об уничтожении, которая всегда мне представлялась ужасной, и еще ужаснее и невыносимее представлялась мне идея вечного продолжения. Я мало-помалу начал реже подпадать под ее влияние и уже думал, что совсем от нее отделался, как вдруг на 25-м году жизни она снова возобновилась у меня" (см. Zirngibl. "Jacobi's Leben").

39

мш

ет aspiration fondamentale de la personne*. Имена Соловьева, Трубецкого и Шлейермахера одинаково принадлежат и истории философии, и истории богословской мысли. В детских впечатлениях от благословенной природы у подножья Везувия зарождалось то чувство, которое вызвало у Бруно многоцветный и жизнерадостный пантеистический взгляд на мир. Меланхолический и бескрасочный пантеизм Спира, его несколько аскетическое "буддийское" миросозерцание навеяны монотонным степным пейзажем.

Для Киркегора мощным толчком в его философском творчестве было слушание лекций Шеллинга, одна из них неожиданно открыла для него широкие горизонты, как для Малебранша чтение сочинений Декарта. В 1841 г. Шеллинг начал свои лекции в Берлине, направленные против Гегеля. Киркегор после одной из прослушанных им лекций пишет в дневнике: "Я весел, неописуемо весел, прослушавши вторую лекцию Шеллинга. Ведь я достаточно долго созревал (gereift), и мысли мои достаточно долго созревали, когда же он произнес слово действительность ("Verhaltniss der Philosophic zur Wirklichkeit"), тогда, как в Елисаве-те, взыгрался радостно во мне плод мысли моей. Я помню почти каждое слово, произнесенное им вслед за этим на лекции. Так вот где, может быть, кроется разгадка ("Hier giebt's vielleicht Klarheit"). Это единое слово напомнило мне все мои философские страдания и муки". Геффдинг указывает, что при дальнейшем слушании лекций Шеллинга (Киркегор не дослушал их до конца) это прояснение не удовлетворяло более датского философа (Шеллинг - ужаснейший болтун), и тем не менее импульс, сообщенный творчеству Киркегора, был весьма значительным.

XIV. Пробуждение философского интереса б) на психологической почве, в) на естественно-исторической, г) на математической почве

Психолог и художник Эрве де-Сен-Дени, которому принадлежит идея умышленного развития способности наблюдать, запоминать, записывать и зарисовывать сновидения, пишет, рассказывая о своей наклонности в раннем детстве срисовывать все, что попадется под руку: "Мне раз пришла в голову мысль зарисовать на память исключительный сон, который поразил меня. Получив занятные результаты, я вскоре обзавелся альбомом, в котором каждая зарисованная сцена или фигура сопровождалась комментарием о тех обстоятельствах, которые предшествовали сновидению или следовали за ним" (см.: Vaschide. "Le sommeil et les reves", 1911, p. 138-139). Campbell Frazer, биограф шотландского философа Томаса Рида ("Thomas Reid", 1898, p. 16-18), отмечает у него такое же раннее пробуждение наклонности к психологическому самонаблюдению (the disposition to the sober introspection). В пятнадцатилетнем возрасте, будучи студентом в Marishal College, знакомый лично с Беркли и уже заинтересованный философскими и психологическими проблемами, юный Рид жестоко страдал от кошмаров, пробуждаясь нередко ночью в ужасе под впечатлением мучительных грез, от которых ему удалось отделаться следующим образом: "Я постоянно ложился спать, стараясь самым упорным образом внушить себе на сон грядущий мысль,

40

что я никогда в жизни не подвергался никакой большой опасности и что всякий испуг, переживаемый мною, есть лишь грёза. После многих тщетных попыток вспомнить об этом во сне, когда мне угрожала мнимая опасность, я наконец достиг желанной цели, и часто, скатываясь с обрыва в пропасть, я вспоминал, что ведь все это лишь сон, и храбро спрыгивал вниз. В результате обыкновенно оказывалось, что я немедленно пробуждался невозмутимо спокойным, что представлялось мне большим приобретением". Следствием этого было то, что Рид отделался от кошмаров и совершенно потерял способность запоминать свои сны.

Выдающийся психолог Бэн, у которого есть ценный труд и по логике, в раннем детстве обнаруживал преимущественный интерес к математике и естественным наукам, причем многое из высшей математики и механики (отчасти "Principia" Ньютона) было усвоено им в 16 лет. В этом возрасте братья Стюарты - очень развитые сверстники, уже читавшие Ридову "Inquiry" и узнавшие из нее об идеалистическом учении Беркли и Юма, предложили маленькому Бэну опровергнуть эту точку зрения или разрешить парадокс о нереальности внешнего мира каким-нибудь другим способом. "Я, разумеется, чувствовал себя совершенно беспомощным, но, быть может, это направило мои помыслы в область наук о духе" ("Autobiography", 1904, p. 25). В 19-летнем возрасте в нем пробуждается будущий тонкий психолог. Его первое философское сочинение, написанное тогда, представляло три опыта о "философском гении". "Насколько я помню, их писание вызвало во мне рой размышлений о философии интеллекта, и, вероятно, в них заключались начатки ассоциационизма (view of association), который имел для меня столько значения впоследствии... Я постоянно "высекал" новые мысли, казавшиеся тогда капитально важными, и во мне сложилась затем уже всю жизнь не покидавшая меня привычка непрестанного самонаблюдения с целью установить законы психической последовательности" (см.: "Autobiography" by Alexander Bain, 1904, p. 49).

Вот черты из детства двух других выдающихся впоследствии психологов - Мэн-де-Бирана и Бенеке. М.-де-Биран пишет: "Мне помнится, что я уже с детства удивлялся чувству моего существования. Я уже как бы инстинктивно был склонен заглядывать в свое собственное нутро с целью узнать, как это я могу жить и быть "я" (etre "moi"). В его дневнике встречается выражение se regarder passer*. В 1814 г. он пишет: "Когда располагаешь недостаточным запасом жизненных сил или слабым чувством жизни, то чувствуешь большую наклонность к наблюдению внутренних феноменов - вот причина, сделавшая меня столь рано психологом". Бенеке развивался очень быстро и в раннем возрасте успешно изучал классиков, математику и писал стихи. В последнем классе Фридрих-Вердеревской гимназии он заведовал библиотекой и прочитал особенно много сочинений, в которых нашел с живыми чертами и соответствующее действительности описание образов духовного мира ("Bilder der geistigen Welt") (см.: Gramzow. "Fr. Benece").

Философы, которых привлекали в зрелом возрасте естественные науки и философия природы, являются часто с ранней юности экспериментаторами и наблюдателями природы. 15-летний Бэкон изобретает световой телеграф. Идея написать "Новый Органон" пришла Бэкону

41

в голову, когда ему было 15 лет. Во время пребывания во Франции (15-18 лет) он придумал шифр для дипломатической переписки - курьезная антитеза занятиям 8-летнего Лейбница, дешифрирующего латинского автора по картинкам. Как тут сказывается наклонность к логическим проблемам двух корифеев индуктивной и дедуктивной логики!

Пристли, получивший духовное образование, уже в 11 лет занимался экспериментами, сажал пауков в бутылку и закупоривал ее, чтобы посмотреть, как они будут существовать без притока воздуха. Лоце, по словам его биографа Вентчера, уже в 13 лет увлекся философской идеей панпсихизма, которая разработана в "Микрокосме". Знаменитый механик Д'Аламбер (см. о нем книгу Bertrand) обнаружил в детстве живое критическое отношение к софистическому преподаванию картезианской физики плохим учителем и написал на его курс пародию под названием "Антифизика". Вот образчики из нее: "Возвещая дождь, барометр всегда поднимается. Доказательство: перед наступлением дождя воздух всегда бывает насыщен парами и, следовательно, более тяжел, что и заставляет барометр подниматься. Град должен выпадать главным образом зимой. Атмосфера зимою более холодная - очевидно, в это время года капли дождя должны, замерзая, отвердевать

при прохождении через атмосферу и т. д.". Подобным же образом рано заинтересовавшийся естествознанием Фехнер пишет пародию на современную ему медицину ("Schutzmittel fur die Cholera" и "Beweis, dass der Mond aus Iodine besteht") и натурфилософию: "Vergleichende Anatomie der Engel"*.

Спенсер в раннем детстве в деревне занимался энтомологией и рисованием с натуры. Вот что он пишет в "Автобиографии", имея в виду возраст до 13 лет: "Мои познания о законах физических явлений и о самых явлениях отличались значительной ясностью: я довольно хорошо знал разные факты из области физики и химии. Я приобрел также путем непосредственных наблюдений и путем чтения некоторое знакомство с естественной историей, особенно с жизнью насекомых, но я вовсе не знал ботаники. Бессистемным чтением я приобрел кое-какие сведения по механике, медицине, анатомии и физиологии и довольно много сведений о различных частях света и их обитателях".

У философов-математиков мы наблюдаем раннее пробуждение математических наклонностей. Декарт, поступивший в коллегию De-la-Fleche на восьмом году, остается там 5 1/2 лет, успешно изучает латинский и греческий языки, интересуется поэзией (преимущественно дидактической - басни), но главным образом он отдается запойному внеклассному чтению. По слабости здоровья ему разрешено оставаться в постели по утрам. При пробуждении он находит все свои силы подкрепленными и свои чувства освеженными ночным отдыхом и пользуется этим обстоятельством, чтобы размышлять. "Этот порядок обратился в привычку, которая легла в основу его манеры заниматься". Центральное место в этих занятиях занимала математика, в которой он к 15 годам сделал столь значительные успехи, что опередил учителей коллегии. Идея "Всеобщей характеристики" зародилась у Лейбница в детстве. "Необычайная моя судьба была причиной того, что я, еще будучи мальчиком, попал на эти мысли, которые, как это обыкновенно бывает с первыми склонностями, глубже всего запечатлелись навсегда

42

в моем уме. Две вещи оказали мне чрезвычайную услугу (хотя, вообще говоря, они обоюдоостры и для многих вредны): во-первых, то, что я был самоучкой, а во-вторых, то, что в каждой науке, едва приступив к ней и часто не вполне понимая общеизвестное, я искал нового". "Начав заниматься этими предметами (логикой и философией) с большим усердием, я по необходимости напал на эту достойную удивления мысль, что можно найти известный алфавит мыслей и что, комбинируя буквы этого алфавита и анализируя составленные из них слова, можно как все вывести, так и все обсудить. Когда эта мысль зародилась в моей голове, я возликовал, но, разумеется, это была радость ребяческая, потому что тогда я еще не мог постигнуть всей громадности дела. Но позже чем больше расширялись мои познания, тем тверже становилось мое решение преследовать столь великую цель" (Куно Фишер. "Лейбниц", стр. 39). Замечательно, что дар дешифрирования, столь характерный для будущего основателя логистики, проявился у Лейбница в очень раннем возрасте. Восьми лет он беспорядочно читает книги самого разнообразного содержания в обширной библиотеке покойного отца и между прочим наталкивается на историю Ливия, которую уразуметь не в силах. В книге были политипажи с надписями, объяснявшими значение картинок. При помощи этих картинок он разгадывал смысл подписанных под ними слов, а чего не был в состоянии понять, то пропускал". Таким образом он прочел всю книгу, а когда кончил, то начал снова и снова, до полного уразумения.

Паскаль, как известно, в 13 лет самостоятельно открыл XXXII предложение Эвклида, а затем в ранней юности сделал открытия в теории сочетаний, в учении о конических сечениях.

Дюринг (автор впоследствии "Критической истории механики" и "De spatio, tempore, causalitate et analysis infinitesimalis logica") в 11 лет увлекается алгеброй и анализом. Ярый детерминист в теоретической философии и индивидуалист в практической, он еще в гимназии увлекается стихотворением, прославляющим необходимость, и пишет сочинение о Сократе, доказывая, что Сократ обрек себя на смерть не для того, чтобы подчиниться филистерским законам, а чтобы дать почувствовать афинянам совершенную над ним несправедливость и погибнуть мучеником идеи. Дюринг с юности преклоняется перед Individuale Souverainitat* (см.: "Leben, Sachen und Feinde" - его автобиография).

Фриз - философ, интересы которого впоследствии разделились между математическим

естествознанием, гносеологией и мистической "философией веры", в 13 лет проявляет увлечение математикой, которой самостоятельно занимается, выходя далеко за пределы школьного курса. "На одном уроке геометрии я выразил радость моему учителю Hueffel'ю по поводу твердости и ясности математических доказательств; он заметил: "А ведь точно так же можно доказать и бытие Божие". "Как же оно доказывается?" - спросил я с живейшим интересом. Он ответил: "Все должно иметь для себя достаточное основание, следовательно, и для мирового целого должно быть таковое - эта высшая основа мира и есть Бог". Я промолчал, но тотчас же подумал: если все должно иметь основание, то и Бог также должен иметь основание, а если Бог может не иметь основания для себя, то почему же и мир также и образующие его

43

вещи? Это была первая философская дискуссия, которая меня задела за живое (welche mich traf). Фриз тогда же пробовал читать логику и нашел ее смехотворной. "Федон" Платона показался ему в обоснованиях ложным и незначительным. "Федон" же Мендельсона понравился. Тогда же он читал письма Эйлера к немецкой принцессе, "Монадологию" Лейбница, диалоги Цицерона. Все это ему мало понравилось. Весьма любопытно, что "философ веры" уже в детском возрасте искал рационального доказательства реальности внешнего мира. "Я дошел до одной собственной мысли: нельзя ли геометрически доказать объективную реальность наших представлений, поскольку мы измеряя можем необходимо определить положение всякого данного предмета. Однако, всячески размышляя далее об этом, я ясно понял, что мы при этом лишь фиксируем наши представления о предметах, а не самое бытие последних, независимо от наших представлений" (см. о Фризе книгу Henke).

Стэнлей Джевонс уже в 15 лет обнаруживает совершенно исключительные способности к математическим наукам и необыкновенный дар изобретательности.

XV. Пробуждение философского интереса на д) исторической,

е) политической и ж) эстетической почве. Таблица многообразия

интересов у философов

Философы, тяготевшие к изучению истории и политики, - Гоббес, Юм, Гегель, Бентам - также увлекаются этими предметами в юности. 13-14-летний Гоббес хоть порой и увлекается играми, но больше сидит за книгой в одиночестве и задумчивости. После перевода "Медеи" Эврипида латинскими ямбами он принимается за перевод Фукидида, и в этом сказывается будущий автор "Левиафана".

Юм, зачитываясь историками, философами и моралистами, пишет (14 лет) своему другу Рамсею: "Совершенный мудрец, с боя берущий фортуну, неизмеримо выше, нежели законный супруг (husbandman), который спит рядом с нею. В самом деле, я постиг это пасторальное и сатурническое счастье в значительной мере именно теперь. Я живу, как король, большею частью наедине с самим собою, не предаваясь ни волнениям, ни деятельности, - molles somnos*. Тем не менее я предвижу, что на такое состояние нельзя рассчитывать в будущем. Мой духовный мир еще не защищен в достаточной степени философией от ударов судьбы. Великие и возвышенные думы надо искать в занятиях, и мы научимся смотреть свысока на житейские случайности событий только таким путем. Позволь мне говорить тоном философа, я много размышляю о философии и способен говорить на эту тему весь день".

О Милле, интересы которого в зрелом возрасте разделялись между логикой и политической экономией, мы знаем из его удивительной автобиографии, какую массу преимущественно историко-филологических знаний приобрел он в детстве. Бэн приводит одно письмо Милля от 1819 г., когда ему было 13 лет. Вот отрывок из него: "В этом саду я читаю диалоги Платона "Горгиас" и "Протагор" и его "Государство", из которых я составил конспект... В прошлом году я стал заниматься

44

логикой... Теперь я занимаюсь политической экономией" (20 июля 1819 г.). (См. A. Bain. "J. St. Mill", 1882, p. 4.)

Бентам в детстве искал такую систему морали, которая могла бы его удовлетворить. Раз ему случайно попалась в руки книга Пристли, где он нашел курсивом написанную формулу: "Наибольшее счастье наибольшего числа людей". "Прочитавши это, я преисполнился живейшей радостью, подобно Архимеду, закричавшему * при открытии основного закона гидростатики". В 12 лет он уже читал Гельвеция. В 13 лет возмущался, читая Цицерона, который утверждает, что боль - благо. У Гельвеция он нашел ответ на занимавший его вопрос, что такое гений (Gigno - изобретатель). "В чем же я изобретатель?" - задал он себе вопрос и ответил сам себе дрожащим голосом: "В законодательстве".

Будущий создатель истории философии Гегель подошел к философским интересам со стороны древней истории и философии. В качестве тем на риторические упражнения Гегелю были заданы три речи по-латыни, которые он и произнес: в 1785 г. 30 мая (разговор между тремя лицами - Антонием, Октавием и Лепидом); вторая речь 16 августа

1787 г. трактовала о религии древних греков и римлян; третья (7 августа

1788 г.) была посвящена некоторым характерным отличиям древних поэтов от современных. Чтобы распознать эти отличия, нужно, согласно замечанию Куно Фишера, соединение исторического и философского мышления, что обнаружило в ученике весьма редкую и многообещающую способность и дало повод учителю сделать такую оценку: "Felix futurum omen"** (см.: Куно Фишер. "История новой философии", т. VIII. "Гегель", стр. 6).

Точно так же и Виктор Кузен, выдающийся впоследствии историк древней философии, в 20 лет уже был профессором греческого языка. Влечение к философии он получил на лекциях Ларомигиэра, причем он помнит день, когда он остановился на философском призвании ("Ce jour decida ma vie"***) (см. книгу P. Janet "V. Cousin").

Знаменитый впоследствии педагог Гербарт, познакомившись в 16 лет с "Основоположениями метафизики нравов" Канта, заявлял впоследствии, что никогда не забудет того впечатления, которое произвело на него отрицательное отношение Канта к эвдемонизму.

Гениальный философский сатирик древности Лукиан рассказывает следующее по поводу раннего пробуждения в нем литературно-философского призвания. Отец отдал его в детстве в обучение дяде скульптору. Обрабатывая резцом мраморную доску, ребенок разбил ее, был сурово наказан дядей и бежал от него избитый домой к родителям. В якобы бесхитростном рассказе о своих злоключениях он все же, как замечает Марта, со "свойственным ему впоследствии простодушным лукавством не преминул упомянуть о том, что дядя-де, очевидно, завидует его дарованиям и вымещает эту зависть на нем колотушками. Рассказ возымел действие на родителей, и ребенок был оставлен дома. В ту же ночь он видел сон: ему предстали две фигуры - поэзия и наука, каждая старалась увлечь его в свою сторону, и он вскоре склонился к деятельности оратора и софиста (Martha. "Les moralistes sous l'empire romain", 1886, p. 339).

45

Юность Платона и Ницше, в философии которых эстетический элемент играет такую важную роль, протекла в сфере интенсивных художественных интересов и попыток творчества - у Платона в области трагедии, у Ницше - в области музыки. Существует предание, что Платон до обращения в сократовскую веру написал тетралогию для состязания *, что роли между актерами уже были распределе-

ны, и все это вдруг было брошено. Ницше в 13 лет пишет свою автобиографию, в 1854-55 гг. (10-11 лет) - первые стихи, в Крымскую войну он сочинил 17 игр, из них 14 - разные способы взятия Севастополя. Одновременно с этим идет успешное усвоение музыки, а позднее и композиции: "Гимн жизни" для хора с оркестром, а в 1887 г. он сочиняет сам себе "Реквием" (см.: Moebius. "Fr. Nietzsche").

Английский эстетик Берке (Burke), автор книги "Inquiry into the origin of our ideas on the Sublime and Beautiful" (1756), привлекшей внимание Лессинга и Канта, книги, написанной им в девятнадцатилетнем возрасте, пишет о себе следующее: "Сначала я был сильно увлечен натуральной философией, которая всецело поглощала мое внимание, когда мне бы надо было заниматься логикой. Я называю это увлечение furor mathematicus**. Но я вскоре отделался от нее, как только до нее

дошла очередь в колледже, подобно тому как объевшиеся люди извергают обратно все, чем был заполнен их желудок. Тогда я снова обратился к логике и метафизике. Этим делом я занимался довольно долго и с большим удовольствием, это был мой furor logicus***, болезнь, часто встречающаяся в дни невежества и весьма редкая в просвещенное время. Затем воспоследовал furor historicus****, преобладавший некоторое время, но теперь окончательно исчезнувший и уступивший место "furori poetico"***** (Morley. "Burke", 1907, p. 7-8).

Шафтсбери в 11 лет уже владел латинским и греческим языками. Немного позднее проявился эстетизм его классической культуры: быть может, не найдется другого человека, который так бы претворял древних в свою плоть и кровь. В центре эстетического панпсихизма у Шафтсбери стоит идея:

All are but part of one stupendous Whole

Whose body nature is and God the soul,

т. е. "всякое существо входит как частица в одно грандиозное целое, коего телом является природа, душою - Бог". См. книгу Fowler'a "Shaftsbery and Hutcheson".

Гюйо в 15 лет помогает больному глазами Фуйлье в его работе о философии Платона, а в 17 лет, окончив лицей, пишет талантливую работу о философии Эпиктета, которого переводит на французский язык ("L'irreligion de l'avenir", предисловие Альфреда Фуйлье).

Приведенные нами многочисленные примеры можно ради наглядности представить в одной таблице, в которой я отмечу:

1. Многообразие интересов у философов, имея в виду их важнейшие сочинения. Я буду придерживаться следующего обозначения:

46

м - математический интерес

е - естественно-исторический

э - эстетический

р - религиозный

н - этический

и - исторический

ю - правовой

ф - филологический

п - психологический

2. Я обозначу приблизительно возраст, к которому относится пробуждение главнейшего из этих интересов.

Декарт м (15), е, п, р.

Паскаль м (10), е, н, р.

Д'Аламбер м (15), е.

Лейбниц м (8), е, п, и, р, ю, ф.

Дюринг м (11), е, ю, п, м, э.

Пуанкаре м (12), е, п.

Бэкон е (13-15), н, и, э.

Пристли е (11), м, н.

Кант е (16), м, н, ю, п, э, р.

Спенсер е (13), м, п, и, ю, э.

Л оце е (13), м, э, р, п.

Бенеке п (15), е, н, р.

Бэн п (18), м, е, ф.

Эрве п (15), э.

Мэн-де-Биран п (15), э, н.

Рид п (15), э, и, е.

Шеллинг э (15), е, и, ф, р.

Ницше э (13), п, ф, и.

Бруно э (15), е, м.

Платон э (15?), м, н, р, е, п, ф.

Шафтсбери э (15), ф, н.

Берке э (15), е, м, н.

Гю й о э (15), ф, н, р, п.

Л укиан э (15), ф, п.

Шлейермахер р (11), ф, п, э.

Шпир р (18), е, н, п.

Соловьев р (12), н, п, ф, и, ю, э.

Юм и (14), п, е, н.

М и л л ь и (12), п, ю.

Гоббес и (14), е, п, ю, н.

Гегель и (17), ф, э, р, е, м.

Кузен и (18), ф, п, э, н.

Гербарт н (16), п, и, е, э.

Марк Аврелий н (12), п, р.

Бентам н (13), п, ю.

Декарт м (15), е, п, р.

Паскаль м (10), е, н, р.

Д'Аламбер м (15), е.

Лейбниц м (8), е, п, и, р, ю, ф.

Дюринг м (11), е, ю, п, м, э.

Пуанкаре м (12), е, п.

Бэкон е (13-15), н, и, э.

Пристли е(11),м,н.

Кант е (16), м, н, ю, п, э, р.

Спенсер е (13), м, п, и, ю, э.

Л о ц е е (13), м, э, р, п.

Бенек е п (15), е, н, р.

Бэн п (18), м, е, ф.

Эрве п (15), э.

Мэн-де-Биран п (15), э, н.

Рид п (15), э, и, е.

Шеллинг э (15), е, и, ф, р.

Ницше э (13), п, ф, и.

Бруно э (15), е, м.

Платон э (15?), м, н, р, е, п, ф.

Шафтсбери э (15), ф, н.

Берке э (15), е, м, н.

Гюйо э (15), ф, н, р, п.

Л у киан э (15), ф, п.

Шлейермахер р(11), ф, п, э.

Шпир р (18), е, н, п.

Соловьев р (12), н, п, ф, и, ю, э.

Юм и (14), п, е, н.

М илл ь и (12), п, ю.

Г о б б е с и (14), е, п, ю, н.

Гегель и (17), ф, э, р, е, м.

Кузен и (18), ф, п, э, н.

Г е р б а р т н (16), п, и, е, э.

Марк Аврелий н (12), п, р.

Бентам н (13), п, ю.

47

XVI. Изобретательность у детей. Общие выводы

Детская изобретательность проявляется у всякого ребенка, по крайней мере нормального ребенка, в его играх задолго еще до пробуждения призвания, соответствующего сильным сторонам его индивидуальности, разумеется, в самой элементарной и примитивной форме. Однако, несмотря на огромное расстояние, отделяющее эти робкие опыты от высших форм изобретательности взрослых, особенно в сфере научного и философского мышления, механизм изобретения все же

обнаруживает родственные черты.

Весьма любопытно, что о детских изобретениях впервые заговорил давным-давно Лейбниц: "Даже в упражнениях детей найдутся такие вещи, которые остановят на себе внимание величайшего математика. По-видимому, намагниченной стрелкой мы обязаны их развлечениям, ибо кому была бы охота обращать внимание на то, как она вертится! Установлено также, что мы обязаны детям воздушным аркебузом, который они мастерят из простой трубочки гусиного пера, которым они протыкали с обеих сторон ломтики яблока, а затем насильственно сближали между собою обе образовавшиеся яблочные пробочки и сжатием воздуха выталкивали одну из них, задолго до того, как один искусный рабочий (Норманн) вздумал подражать им en grand"* (см. изд. Erdmann, 1840, стр. 175: "Discours touchant la methode de la certitude et de 1'art d'inventer").

Лейбниц, однако, не дает психологического анализа детской изобретательности. Таковой мы находим у современных психологов.

Жан Поль Рихтер приводит примеры изобретенных детьми изречений (возраст 6-7 лет): "Каждая ночь поражает нас ударом, днем мы выздоравливаем. Когда пульс бьется быстро - бываешь болен, когда медленно - здоров; так и облака: когда быстро плывут - к дурной погоде, когда медленно - к хорошей. Самые глупые большею частью любят наряды, так и с насекомыми - они самые глупые и пестрые зверьки". В новейшее время собран большой материал по детскому творчеству в области рисования. Гораздо менее сделано по вопросу о детском творчестве в области языка.

Royce в статье "Psychology of invention" ("Psychological Review", 1898) прежде всего указывает на то, что в первоначальной подражательной стадии процесса приспособления ребенка к окружающей среде, когда у него складываются привычки, возможно индивидуальное изменение привычки - независимая вариация в интеллектуальной привычке. Происхождение способности к изобретению связано биологически с происхождением изменений в привычке. Спрашивается, при каких же условиях замечается тенденция к изменению привычки и к изобретению? Опыт "пластичен", привычки могут быть изменяемы в самых разнообразных направлениях. Можно, например, научиться писать ногой. Положим, привычка А связана с обстоятельством, при котором она обычно проявляется, В, но если вместо обстоятельства В дано некоторое обстоятельство р, то я реагирую измененным образом, скажем, q, которое стоит к р в таком отношении, как В к А. Форма отношений сохраняется, но

48

содержание изменяется (этот процесс Стэут называет relative suggestion*). Ребенок производит ряд пробований (try, try, try again), причем благодаря руководящей роли сознания происходит сознательное уточнение. Благоприятная случайность может содействовать удачной индивидуализации привычки, но отнюдь нельзя взваливать здесь все на случайность. Кроме благоприятной наследственности имеет значение поощрение, общественная поддержка индивидуальной инициативы. Дети, воспитывающиеся в закрытых учебных заведениях, где подавляется индивидуальная инициатива, проявляют меньшую изобретательность, чем дети, растущие на свободе, например в деревне. По мнению Ройса, в процессе изобретения нужно отметить контраст с рутиной; затем на почве этих контрастных действий намечается в известном направлении смутный идеал, определяющийся точнее во время работы, а затем контраст превращается в углубленную форму сходства: ребенок проявляет свое искусство (skill) путем сведения контраста к некой углубленной форме сходства. В главе "Творческая мысль" мы увидим, какое значение имеет чувство аналогии, предвосхищающее это вскрытие углубленных сходств. В этом смысле пишет Вольф: "Facultatem observandi rerum similitudines ingenium appellamus"** (Psychologia empirica, § 476). Такой мотив привел, например, к философии Платона или к математическим концептам нуля и отрицательных величин. Ройс пробовал воссоздать этот процесс в его примитивной форме в психологической лаборатории, проделывая ряд опытов в таком роде:

1. Нарисовать на десяти карточках нечто из прямых и кривых "ни на что не похожее" и не похожее одно на другое, бросая карточку в сторону, не стирая, делать каждый раз все единым движением, как можно скорее, 10 рисунков в 2 минуты.

2. Надо после показывания 10 карточек с нарисованным рисовать непохожее - "Geist, der stets verneint"***.

3. Надо сравнить оригинал и позднейшее и нарисовать еще не

похожее ни на то, ни на другое.

Болдвин в книге "Ethical and social interpretation" отмечает также ряд пробований, подражательных воспроизведений, но с известными уклонениями от оригинала, как исходный пункт для изобретательности, а также наряду с личным фактором указывает и на социальный: изобретение удовлетворяет ребенка, когда он убеждается, что оно годно для других, одобряемо ими. Он приводит следующий пример. Девочка начинает строить из кирпичиков церковь, затем к фундаменту А присоединяет линию В, потом С. "Что ты делаешь? Я никогда не учил тебя строить церковь с двумя поперечными линиями". "О, нет, я делаю животное с головой, хвостом и четырьмя ногами". Ребенок зовет всех домашних в комнату, чтобы показать свое изобретение.

Рассмотрев пробуждение призвания у философов, мы должны прежде всего отметить, что: 1) У большинства из них замечается ingenium praecox - первые попытки творчества относятся в среднем к 13-15 годам. 2) Их интересы всегда многообразны - не замечается преобладания исключительно только одного интереса. 3) Главнейший из их интересов как раз соответствует наиболее сильной стороне в будущем философском творчестве. 4) Эти интересы нуждаются в поддержке со сторо-

49

ны общества в социальном признании, что было отмечено нами в предыдущей главе.

Раннее пробуждение призвания у одаренной натуры может быть задержано неблагоприятными условиями развития или не быть подмеченным окружающими, но, вообще говоря, оно очень часто замечается. "Закон ускоренной деятельности, - по словам Чемберлена ("Дитя", т. I, стр. 55), - присущ детскому возрасту и даровитым натурам". Он напоминает поэтому слова Шопенгауэра: "Каждое дитя до известной степени гений, и каждый гений до некоторой степени дитя". Он приводит статистические таблицы по данному вопросу, составленные Дональдсо-ном и другими (кстати сказать, составленные довольно топорным способом), и замечает: "Музыкальный талант созревает настолько рано, что лишь в пяти случаях из ста было основание предполагать отсутствие заметных проявлений способности в детстве; из живописцев, ваятелей и зодчих по крайней мере 3/4 несомненно проявили талант до 15 лет; то же можно сказать о трех из каждых четырех поэтов и приблизительно то же относительно романистов, 5/6 ученых, историков и критиков и 2/3 философов можно с уверенностью предсказать раннюю зрелость в детстве" (ib., стр. 61-62). Все эти цифры далеко не точны благодаря недостаточно широкой базе для подсчета, но показания американских антропологов и психологов в общем вполне совпадают с результатами, полученными мною. Селли, как указывает Чемберлен, в статье "Гений и ранняя зрелость" устанавливает следующее положение: "Скороспелость гения замечается в раннем обнаружении себя", "но раннее проявление гениальности вполне совместимо с удлиненным и даже поздним развитием". Это положение, по-видимому, подтверждается и в области философии, например в применении к Платону, Аристотелю, Декарту, Лейбницу, Канту, Гегелю и Спенсеру. Наши великие писатели неоднократно описывали эти первые порывы творческого духа в ребенке, это радостное предвосхищение каких-то великих прекрасных, смутно чуемых возможностей. У Пушкина, Толстого и Достоевского отмечено это расширение духовного горизонта, пробуждение творческого Эроса, прилив внутренних молодых сил, вера в свою "звезду". Напомню пушкинские стихи: "В начале жизни школу помню я"; замечания Толстого о зачатках творчества у крестьянских детей; и следующие слова Достоевского в "Неточке Незвановой"1: "Бывают такие минуты, когда все умственные и душевные силы, болезненно напрягаясь, как бы вдруг вспыхнут ярким пламенем сознания, и в это мгновенье что-то пророческое снится потрясенной душе, как бы томящейся предчувствием будущего, предвкушающей его. И так хочется жить, так просится жить весь ваш состав, и, воспламеняясь самой горячей, самой слепой надеждой, сердце как будто вызывает будущее, со всей его тайной, со всей неизвестностью, хотя с бурями, с грозами, но только бы с жизнью".

1 Сочинения, 4-е изд., ч. II, стр. 177-178.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КРИЗИС СОМНЕНИЙ XVII. Сомневающийся и скептик

Муки сомнения - одно из самых тяжелых состояний человеческого духа. Это состояние знакомо почти всякому. Оно может иметь своим объектом самые разнообразные предметы, как самого конкретного, так и самого абстрактного характера. Сомнение есть состояние мучительного колебания нашей мысли между утверждением и отрицанием, касающимися подлинности какого-нибудь факта или истинности какого-нибудь отношения между мыслями. Факт, являющийся объектом сомнения, может быть физического или психического порядка, истинность отношения между мыслями может касаться житейской, научной или эстетической области, но везде характерным является колебание нашего сознания между двумя (или несколькими) возможностями, которое сопровождается болезненно неприятным чувственным тоном. Нередко высказывалась мысль, будто философские сомнения, которые переживаются некоторыми скептиками, проповедующими невозможность достоверного познания, лишены этого трагического оттенка. В 1909 г. французский психиатр Соллье в книге "Le Doute" категорически высказывал эту мысль, выражая уверенность в спокойном академическом характере философских сомнений, в противоположность драматическому оттенку серьезных сомнений не только у лиц, страдающих болезненными формами сомнения, но и у нормальных сомневающихся. Анализируя кризис сомнений в процессе изобретения, мы покажем, что подобный взгляд совершенно ложен и что именно в области философии кроется настоящая трагедия сомнения.

"Сомневающийся" и "скептик" не одно и то же. У первого объекты сомнения конкретного характера, у второго - абстрактного; один сомневается в своих успехах в жизни, в верности своей любовницы, в точности такого-то воспоминания; другой - в основах познания, в реальности материи, "чужого Я", Бога, в возможности общеобязательной морали, в ценности красоты в искусстве и т. п. Таким образом, скептицизм касается наиобщих предпосылок нашего знания и нашей деятельности. Он подвергает сомнению самую возможность философии, если под задачей философии понимать прежде всего стремление привести человеческое знание к стройному единству, свободному от внутренних противоречий и согласующемуся с данными мира опыта. Было бы большим заблуждением сказать, что люди, которые "миры продумали", ища решения этих проблем, не знали мук сомнения, но что их знает любой

51

обыватель, озабоченный узким кругом своих личных интересов. Бесспорно, могут быть случаи, когда скептик не есть сомневающийся, т. е. теоретик скептицизма может не страдать сомнениями. Это мыслимо в трех случаях: 1) При скептицизме дилетантов, которые забавляются философским скептицизмом от нечего делать - это представители бойкой "Kaminphilosophie"*. 2) Есть в истории философии такие эрудиты, которые, изучая противоречивые мнения различных философов, в конце концов увлекаются спортом искания противоречий в человеческих мнениях. Но здесь мы имеем перед собой уже не философа-творца, но комментатора, экзегета, который действительно может быть весьма далек от мук сомнения. (Об этих двух видах сомневающихся см.: "Законы мышления и формы познания", 1906, стр. 202.) 3) Наконец, не надо забывать, что сомнения есть не только эмоциональное состояние, но и познавательное. В основе всякого сомнения лежит вопрос, проблема, и можно не только страдать сомнением, но и применять его как метод. Этим издавна пользуются математики в виде так называемого reductio ad absurdum**. Вот два треугольника, их основания и углы при основании соответственно равны, равны ли треугольники? Усомнимся в том, что они равны. Тогда, налагая один на другой так, чтобы основания совпали и углы совпали сторонами, поставим вопрос о том, совпадут ли вершины. Тут могут быть три возможности: треугольники совпадут, или вершина первого упадет внутри второго, или вне второго; но последние возможности тотчас же отпадают, и мы приходим к заключению, что треугольники равны. Таково методическое сомнение, которое часто применяется философами для твердой установки истины. Таким именно путем Декарт установил свое "Cogito, ergo sum"***. Разумеется, в подобном случае не может быть речи о муках сомнения, ибо здесь мы имеем дело уже с решенною проблемою, и только в способе ее изложения философ намеренно вводит элемент сомнения, чтобы тем победоноснее на глазах читателя его устранить. Но за вычетом упомянутых случаев мы найдем следы глубоких переживаний сомнения не только у философов-скептиков, но и вообще у большинства крупных мыслителей. Раскрытие этих душевных перипетий, однако,

чрезвычайно трудно. Дело в том, что скептицизм, возникши однажды в древности, отлился в известное миросозерцание, которое создало вслед за собой непрерывность литературно-философской традиции. Главные принципы скептической философии через Цицерона, через Секста Эмпирика передавались из поколения в поколение. Августин, Монтень, Паскаль, Бэйль, Юм, Ницше образуют линию непрерывного наследования этих начал, и часто бывает трудно определить, что в мировоззрении послепирроновского скептицизма есть подлинно пережитого и что представляет лишь новую вариацию старой темы. Отсюда и в чувствовании философа может быть подмечен налет сопереживаний скорее эстетического, чем взаправдашнего характера. Особенно заметно это, как мы увидим ниже, у Монтеня, для которого скептицизм - "мягкая подушка", molle oreiller. Другое обстоятельство, затрудняющее нашу задачу, это недостоверность и неполнота биографического материала. О древних скептиках, их внутреннем мире мы почти ничего не знаем. В новой философии мы имеем более богатые биографические и автобиографические данные, но и здесь воз-

можны ошибки. Казалось бы, автобиография - самый надежный в данном случае источник, но мы увидим на примере блаженного Августина, как нередко спорны показания философа о самом себе, о своих внутренних исканиях, особенно если факты, излагаемые в автобиографии, имели место много лет раньше ее написания.

XVIII. Психические особенности скептика

Какими критериями можно выделить в истории философии скептиков от представителей других школ? Вопрос, казалось бы, праздный, ибо ответ самоочевиден: тот, кто утверждает, что мы не можем с уверенностью установить ни одной истины и что мнения, друг другу противоречащие, равно вероятны, и есть скептик. Но дело-то в том, что история человеческой мысли не дает нам примера абсолютного скептицизма без каких-нибудь смягчающих обстоятельств. Скажут ли, что Пиррон был абсолютным скептиком. - однако и Пиррон признавал некоторые знания, полезные для жизни, за ценные, следовательно, и он не проводил скептицизма до конца. Абсолютный скептицизм предполагал бы полное воздержание от высказываний и от поступков, т. е. смерть. Поэтому мы наблюдаем у знаменитых скептиков наличность известных противовесов теоретическому сомнению: или они допускают вероятное знание, полезное для житейского обихода, хотя и не имеющее никакой научной ценности; или они в религиозной вере находят выход из неразрешимых противоречий научной мысли; или они опираются на традицию, на обычаи предков в своем поведении; или, разочарованные в могуществе разума, они бросаются в объятия мистики, т. е. прислушиваются к голосу "сверхразумных" откровений чувства и здесь находят "тихую пристань" после бурных сомнений в области научных исканий. Так как и сомнение, и вера, и знание находятся в известной дозе у всех философов, то разграничение между скептиком и нескептиком сводится к перевесу скептического элемента над догматическим. Мало того, вера некритическая, слепая, конвульсивная характерна именно для скептиков. Вот почему нам представляются заведомо бесплодными споры о том, был ли Паскаль скептиком или нет, - спор, одно время сильно занимавший французских историков философии. Раз абсолютный скептик есть фикция, то, понятно, легко доказать, что Паскаль не был скептиком, но то же легко проделать и с остальными мыслителями, которым приписывается такое имя. Психология скептика, кроме наличности упомянутых мучительных колебаний, определяется совокупностью психических признаков, из которых важнейшими, по-моему, являются следующие:

I. Стремление к разнообразию в философском познании, тенденция концентрировать внимание на различном, индивидуальном, текучем, из менчивом и, наоборот, неспособность концентрировать внимание на постоянном, устойчивом, универсальном, единообразном.

II. Наклонность к сближению реального и нереального, сна и дейст вительности, изменения в "чувстве реального" в смысле его ослабления по отношению к реальному и усиления по отношению к невзаправдаш нему.

53

III. Ненасытная потребность свести к еще более очевидному то, что для других самоочевидно, то, что Лейбниц назвал superrogativum*.

IV. Конвульсивная приверженность слепой вере, обычаям и традиции.

V. Иногда парадоксы воли в виде почти одновременного влечения и отвращения в отношении к тому же объекту. Эти черты читатель найдет в приводимой ниже характеристике кризисов сомнения у различных философов.

В развитии философских сомнений можно отметить три периода. Первоначально сомнение отсутствует, затем наступает момент его зарождения. Прежняя точка зрения на мир оказывается неудовлетворяющей, сначала сомнение может касаться какого-нибудь частного вопроса, но мало-помалу оно, как малая искра, разгорается в пожар, охватывающий все. Затем наступает перелом в этом кризисе - открывается внезапно путь к преодолению мук сомнения или в виде научного опровержения, или в виде акта веры1:

С души как бремя скатится,

Сомненье далеко

И верится, и плачется,

И так легко, легко...**

Весьма любопытно, что этот переворот, даже момент озарения, напоминающий процесс религиозного обращения, нередко остается в памяти философа. За таким переломом уже наступает уверенная разработка проблемы познания в новом направлении. Здесь мы имеем дело с тем циклом психофизических процессов, которые Авенариус в своей "Критике чистого опыта", § 805, назвал проблематизацией и депроблематизацией.

Подобный процесс можно наблюдать: 1) В обыденной жизни. Нас начинает мучить сомнение по поводу какого-нибудь интересующего нас обстоятельства, и вдруг догадка озаряет нас, и сомнение сменяется уверенностью. Энгельмейер в книге "Теория творчества" дает следующую иллюстрацию этому явлению. Красавица Эболи (в "Дон-Карлосе" Шиллера) мучится сомнениями, кто владеет сердцем Карлоса, - и вдруг догадка молнией озаряет ее душу: любимый ею Карлос любит именно ее, свою мачеху, но старается подавить в себе безумную страсть. 2) В искусстве. Художник Михайлов никак не может создать в воображении подходящий для своей картины образ гневающегося человека. Вдруг ему попадается один из многочисленных его старых набросков гневающегося, который, как и другие, не удовлетворял его, но теперь стеариновое пятно на брошенном в корзину рисунке внезапно подсказывает ему нужные изменения экспрессии - и долго не вытанцовывавшаяся задача решена (этот пример из "Анны Карениной" также имеется у Эн-гельмейера). 3) В науке. Ученые нередко отмечают в своих воспоминаниях момент, когда долго не удававшаяся задача оказывалась в один

1 Знаменитый физик Роберт Бойль так описывает кризис сомнений, из которого он нашел выход в религиозной вере, которая укрепилась в нем после изучения Библии в еврейском и греческом подлинниках: "Демон воспользовался моей меланхолией, наполнив душу ужасом, и внушил сомнения в основных истинах религии".

54

прекрасный день, благодаря внезапной счастливой интуиции, решенной. (Этой творческой интуиции посвящена в настоящем исследовании IV гл. II т.)

Есть возраст в жизни человека, когда глубокие душевные перевороты особенно часто имеют место. Это период юности, период "бури и натиска", эпоха "опрокидывания Монбланов и Казбеков", по выражению Писарева. В эту эпоху происходит глубокий перелом между старыми и новыми верованиями. Быстрое завершение физического развития, ряд новых неведомых чувств, с одной стороны, старые наивные привычки мысли - с другой, все это создает ту неуравновешенность, которая нередко замечается у подростков и которая так гениально описана у Достоевского в "Неточке Незвановой" и "Подростке". В последнем произведении великий психолог

особенно ярко обрисовывает колебания нравственного чувства у подростка. С одной стороны, загрязненное воображение подталкивает его на грязные проделки, с другой - в нем зарождаются порывы героизма и великодушия, вместе с новыми чувствами расширяется круг социальных симпатий, возникают эмоции, направленные на всечеловеческое, на сверхличное. Старбек ("Psychology of religion", 1899) объясняет перелом душевной жизни после кризиса сомнений следующим образом: если мы обозначим физиологические процессы, соответствующие новым верованиям, через АВ, соответствующие старым верованиям через ВС, то борьба между противодействующими силами - старым мировоззрением и нарождающимся новым - может быть графически выражена в следующих трех схемах.

Из них ясно, что кризису сомнений, его наиболее острому моменту соответствует тот случай (2-й чертеж), когда борющиеся силы, старое и новое, оказываются приблизительно равными. Джэмс в "Многообразии религиозного опыта" для религиозного обращения дает другое объяснение. Он полагает, что у человека, наряду с его сознательным Я, имеется еще сублиминальная область, т. е. совокупность душевных состояний, лежащих ниже порога сознания. Это "подсознательное Я" может развиваться, расти и при известных условиях вторгнуться в жизнь сознания, овладеть ею и, наконец, стать в ней господствующим началом. По моему мнению, гипотеза Старбека более научна, чем гипотеза Джэм-са. Дело в том, что самонаблюдение показывает нам принадлежность и старых, и новых верований тому же единому сознанию. Гипотеза сублиминальной душевной жизни опирается на допущение абсолютно-бессознательной душевной жизни, а такое предположение самопротиво-речиво, ибо психическое состояние есть только другое слово для состояния сознания, поэтому здесь пришлось бы говорить о бессознательных

55

состояниях сознания, что нелепо. Удивительно, что Джэмс в учении о сублиминальной душевной жизни противоречит своим же психологическим взглядам. В "Principles of Psychology" он приводит 10 аргументов против допущения бессознательной психики (см. мое исследование "Э. фон-Гартманн". - "Русская Мысль", 1906).

Но кризисы сомнения встречаются не только в юности, но и во всех возрастах. Есть натуры, которые всю жизнь ищут прочного мировоззрения, но неустойчивость их душевного склада не приводит их ни к какому надежному результату. Чехов в одном рассказе ("В пути") мастерски изображает нам именно такой тип. Ночью на станции 45-летний интеллигент-вдовец с девочкой дочерью встречает молодую барышню, с которой дружески беседует, и, как это часто бывает, в порыве откровенности выкладывает незнакомке всю душу - рассказывает ей свою жизнь. Чеховский герой всегда чем-нибудь увлекался, во что-нибудь страстно верил, но скоро терял свое верование и заменял его другим. Эта смена стоила ему немало жертв: "Я веровал не как немецкий доктор философии - не цирлих-манирлих - не в пустыне я жил, а каждая вера гнула меня в дугу - ломала мне душу и тело". В конечном итоге - даром прожитая бесплодная жизнь.

В истории философии есть непрерывный прогресс, только его не так легко подметить, как прогресс в области положительных наук. Этот прогресс имеет не линейный, а скорее, как указывал Лейбниц, спиралеобразный характер. Изживается известный цикл мыслей, но затем возвращение к исходным пунктам этого цикла уже осуществляется в другой плоскости. Вот при каждом таком переходе "в другую плоскость" мы замечаем в истории философии кризис сомнений. Древнейший период греческой философской мысли завершился появлением софистов, из которых великий Протагор, провозглашавший относительность всех наших знаний, был первый скептик. Софистов сменяет основатель европейской науки Сократ. В начале упадка греческой мысли появляется Пиррон. Один из величайших отцов церкви, стоящий на рубеже языческого и христианского миров, переживает и преодолевает античный скепсис. В конце эпохи Возрождения во Франции перед появлением Декарта философский скептицизм носится в воздухе. Монтень, Шаррон, Санхец, позднее Паскаль являются его выразителями. На рубеже новой и "новейшей" философии, накануне великой философской революции Канта, появляется Юм, которому кенигсбергский гений обязан "пробуждением от догматической дремоты". Наконец, в последнее десятилетие минувшего века властитель дум Ницше является несомненным симптомом нового поворота спирали, еще большего углубления и обогащения человеческой мысли новыми духовными сокровищами.

XIX. Скептицизм в истории философии

В былое время скептицизм возбуждал интерес исключительно самим философским своим содержанием. Его пытались критиковать, опровергать. В настоящее время нас он интересует не только с этой точки зрения его философской значимости. Мы хотим постигнуть духовный облик

56

скептика, не только гносеология, но и психология скептицизма занимает нас в настоящее время. Отчего люди делаются скептиками? Нет ли для этого каких-либо побочных причин, лежащих в стороне от логических оснований знания и кроющихся в эмоциональной стороне сомневающегося? Ведь для человека, признающего возможность достоверного знания, скепсис есть самообман, наваждение. В чем же кроются его чары? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно присмотреться к духовному обличью великих скептиков.

К сожалению, о величайшем из них, о Пирроне, мы знаем очень мало. Он жил, по-видимому, между 365-275 гг. до Р. Х., был родом из Элиды, участвовал в походах Александра Македонского. С последним обстоятельством связана любопытная подробность, которую историки скептицизма (Рихтер и Брошар) считают весьма вероятной. Во время своих азиатских странствий Пиррон познакомился с пессимистической философией индийских гимнософистов, и если пессимизм лежал в его натуре, то это соприкосновение с индийской отравой мысли еще более усилило в нем природный наклон мышления. Здесь приходит в голову полная аналогия с Шопенгауэром, который, пессимист от младых ногтей, нашел подтверждение своих мрачных дум в только что изданных в начале XIX в. английских переводах индийских философских учений. "Поколения человеческие подобны листьям в лесу, ветер сдует листья на землю, и снова ими оденется лес, лишь только пробудится весна, так и род человеческий - одни растут, другие погибают" - вот любимые Пирроном гомеровские стихи. Знание абсолютно невозможно. Скептик подобен Апеллесу, который хотел, изображая на картине лошадь, нарисовать пену - это не удавалось ему, и он с отчаяния бросил в картину губкой, смазанной краской. Получился как раз искомый эффект пены. Таков же скептик в поисках за знанием; он убеждается, что оно ни чувственным, ни интеллектуальным путем недостижимо. Ему остается один отчаянный выход - интеллектуальное самоубийство - воздержание от всяких суждений но как раз этот отчаянный шаг и приводит его к примирению с жизнью, к благополучной атараксии. "Меня ничто не поддерживает, - говорит Пиррон, - а тем не менее я стою непоколебимо". Итак, отказ от знания и бесхитростная жизнь, близкая к природе, - вот что составляет последнее слово античного скепсиса, в котором легко усмотреть резиньяцию отчаяния. Подобная атараксия недалека от спокойствия могилы.

Если у Пиррона просвечивает продиктованная отчаянием покорность судьбе, любовь к року (amor fati, по выражению Ницше), то другой скептик, его ученик Тимон, был натурою иного типа. Тимон, по-видимому, прикрывает свой скептицизм отчаяния маской протеста, негодования, иронии. Ему принадлежат "силлы", ряд сатирических сцен, где он изображает философов в аду, их бесплодную логомахию в самом карикатурном виде, но является среди них Пиррон и своим словом водворяет блаженное затишье

Исповедь Августина представляет собою удивительный памятник духовных исканий. Этот страстный, мятущийся человек, погруженный в чувственную жизнь своих соплеменников, с юности задумывается над проблемой зла. Она у него idee pivotale* всех его нравственных, фило-

57

софских и религиозных исканий. Девятнадцати лет из "Гортензия" Цицерона он почерпывает сведения по истории философии. Затем следует почти десятилетний интерес к манихейству, где его более всего поразило признание за злом значения самодовлеющей реальности. После значительных успехов в ораторском искусстве, после тяжелых личных переживаний (потеря близкого друга) уже по переезде в Карфаген он углубляется в занятие науками: математикой, эстетикой. Эти занятия сопровождаются разочарованием в манихействе: оно не дает решения проблемы зла, и "мир" остается в пределах этого учения "неприемлемым". По получении кафедры риторики в Милане Августин знакомится с академическим скепсисом. Одновременно с этим он встречается с епископом миланским Амвросием, который раскрывает перед

ним новую перспективу к преодолению философско-религиозных противоречий. Далее знакомится он с новоплатонизмом, с Плотином. Психологически вполне понятно, почему Августин ухватился именно за это учение, - оно в вопросе о реальности зла диалектически противоположно манихеизму, - там добро и зло, Ормузд и Ариман, два реальных начала мира, здесь зло - Schein, видимость; но за порывами мятущегося духа у Августина чувствуется душевная пустота. В нем разгорается глубокий душевный кризис, который он описывает как внезапный переворот в сторону христианства; последним толчком в этом направлении были слышанные им рассказы о героических подвигах христианских аскетов. Августин глубоко потрясен непоколебимой верой, которая царит в душе последних в противоположность его духовному смятению. Эти муки сомнения завершаются следующею сценой "обращения", как его рисует Августин.

Мучимый своими сомнениями, Августин в решительный день переворота удалился от своего друга Алипия в глубь своего сада и долго, распростершись под смоковницей, молился. Вдруг он услышал за оградой сада детский голос, напевавший слова: "Возьми, прочти". Он встрепенулся, стал думать, не случалось ли ему ранее слышать такое восклицание в детских играх, но не мог припомнить: "Тогда его осенила мысль, что это - знамение свыше. Он вспомнил, как Антоний, вошедши в церковь, когда читался стих из Евангелия: "Пойди и продай имение твое и раздай нищим, и приходи и следуй за мной", принял это за знамение, к нему обращенное. Августин поспешил к месту, где сидел с Алипием и где оставил книгу посланий апостола Павла, и, раскрыв ее, увидел слова: "Будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пировани-ям, ни пьянству, ни сладострастию, ни распутству, ни ссорам, ни зависти. Облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа и попечение о плоти не превращайте в похоти". Прочтенное даровало Августину мгновенный выход из мук сомнения - бесповоротным решением принять христианство (см.: Герье. "Блаженный Августин", 1910, стр. 56).

Если верить этому описанию, то дело представляется чрезвычайно просто: нисхождение благодати вызвало в Августине мгновенный, хотя и подготовлявшийся переворот в сторону христианства, что и побудило его вскоре принять крещение (387 г.). Между тем исторический анализ исповеди Августина показывает нам, что мотивы его "обращения" были гораздо более сложны, чем он их представляет. С переворотом его были связаны различные обстоятельства (отказ от кафедры риторики, обет

58

целомудрия и принятие христианства). Мы знаем, что в эпоху описываемого кризиса и после у Августина еще преобладал интерес к новоплато-низму, что значение рассказа об аскетах крайне преувеличено и что Августин, писавший исповедь 14 лет позднее кризиса (386-400), невольно исказил всю картину своего переворота, придав ему, сообразно своим новым христианским убеждениям, мистическую форму нисхождения благодати, сопровождавшегося бесповоротным принятием христианства. Так и теперь стараются представить кризис Августина католические богословы, наперекор показаниям научных историков (Гарнак, Рейтер, Герье и др.). Здесь невольно вспоминаешь слова Достоевского о том, что "психология - палка о двух концах".

В очень интересной книге Carra de Veau "Gazali", 1902 (Bibliotheque des grands philosophies, v. 9) сообщается следующее. Родившийся в 450 году* Махомед Эль-Гацали был сыном бедного работника, необразованного, но весьма уверовавшего в науку. В детстве он обучался в школе. Он изучил право и продолжал блестяще начатое обучение в Джьорджьяне. Однажды, возвращаясь по окончании занятий на родину, он был ограблен на пути разбойниками, которые отняли у него все имущество, в том числе и все его юридические глоссы и комментарии. Он догнал их и стал умолять вернуть ему его юридические глоссы. "В этом мешке находятся книги, я нарочно покинул родину, чтобы списать их, усвоить и приобрести знания". "Как можешь ты говорить, что обладаешь знаниями, - возразил, смеясь, один из разбойников, - если нам достаточно было отнять их у тебя, чтобы ты их лишился?" Он возвратил Эль-Гацали книги, и последний, рассказывая об этом эпизоде, усматривает в нем урок, данный ему Богом. Достигнув места назначения, Гацали успешно продолжал свои занятия и выступил на литературном поприще. В 488 г., пользуясь славой знаменитого оратора и преподавателя, он вдруг почувствовал потребность отдаться мистическому созерцанию. Он оставил свою деятельность, бросил семью и стал вести одинокую и аскетическую жизнь. Не переутомление работой и не опасность преследования со стороны правительства, но мотивы

интимного характера, приводимые ниже, побудили его сделать такой шаг. В книге "Муккид" он рассказывает о себе, что с детства он ощущал жажду всезнания. Религиозные верования, опирающиеся в глазах ребенка всецело на авторитет родителей и учителей, казались ему лишенными достоверных оснований. Достоверность же он понимает чисто психологически, как такое состояние духа, в котором последний столь прочно связан со знанием и удовлетворен им, что ничто не может оторвать его от этого знания. Он предается различным сомнениям, тому, что называется сенсуальным скепсисом, а затем и скепсису интеллектуальному. Останавливается он и на сопоставлении сна и действительности: не есть ли жизнь сон, а смерть - пробуждение от него? Окажется ли наше знание по пробуждении таким же, каково оно теперь, в состоянии сна? Это истинное пробуждение может быть предвосхищено мистическим экстазом и просветлением духа, которое ниспосылает Бог. Это просветление дает духовную опору не только морали и эстетике в жизни, но и основным предпосылкам знания. Де-Во сомневается, чтобы этот документ был точным изображением духовных исканий, скорее это литературный лейтмотив, встречающийся, хотя и не в такой отчетливой форме, у араб-

ских мистиков. Это обстоятельство не исключает того факта, что связь скепсиса и мистики здесь очевидна и что мистика была для Эль-Гацали и других нередко средством к освобождению от скепсиса.

Античный скепсис Пиррона был вызван в большей степени практическими, чем теоретическими интересами. Не жажда всезнания, опирающаяся на вполне достоверные начала, играла здесь роль основного мотива, а стремление к невозмутимости духа.

Точно так же и средневековый скепсис Эль-Гацали был тесно связан с морально-религиозными потребностями. Быть может, даже Эль-Гацали лишь эмоционально сопереживает известный литературный лейтмотив. Его поверхностный скепсис, так похожий по внешней форме на doute methodique* Декарта, глубоко отличается от последнего тем, что мистическая настроенность у него была сильна и до кризиса сомнений, которые были лишь преходящим состоянием духа, не повлекшим за собою никакого развития научно-познавательного интереса, но лишь укрепившим мистические и апологетические тенденции его духа. В его полемике против философов сказалось, несмотря на всю связанность мысли теологическими предпосылками, его изумительное диалектическое мастерство.

XX. Монтень. Паскаль. Юм. Ницше. Ренан

Если муки сомнения у Августина бесспорны, какова бы ни была природа пережитого им кризиса, то скептицизм Монтеня представляется нам явлением чисто литературным. Конец XVI в. особенно способствовал распространению скептицизма, благодаря тому пресыщению эрудицией несистематической, беспорядочной, какая была характерна для эпохи накопления знаний без их концентрации. Монтень - типичный продукт этого переходного времени. Сам человек высокообразованный, любивший пестрое многообразие мнений, эстетически смаковавший литературно-философские контроверзии, он проповедует отрицание науки и замену ее благоразумною docta ignorantia**, преданностью политическим и религиозным обычаям страны. Он говорит о трех родах невежества - невежество наивное простолюдина, неполнота знаний ученого и сознательное невежество, docta ignorantia, пресыщенного мнимым знанием, убедившегося в тщете наук и непознаваемости истины. Монтень рассказывает, как однажды во время кораблекрушения все люди на корабле трепетали от ужаса, один гусь с философским спокойствием продолжал есть горох. Монтень, поскольку он о себе рассказывает, весьма подходит под психологический тип скептика, только мук сомнения у него не замечается никаких. Он ярко характеризует в себе тенденцию к разнообразию, непостоянству во мнениях и настроениях1. ("Я подобен старой бабе, которая зараз ставит свечку и Георгию Побе-

1 "Мой взгляд на все так беспорядочен, что натощак и после еды я чувствую себя другим. В чудную светлую погоду при хорошем здоровье - я порядочный человек, мозоль на большом пальце ноги делает меня раздраженным, нелюбезным, необщительным" и т. д. ("Essais", ch. XII, p. 301).

доносцу, и дракону, которого тот хочет заколоть".) Как древние скептики, он

сближает сон и действительность1, реальное и кажущееся. Как они, он отрицает самоочевидность аксиом познания. Но для него неустойчивость мнений скорее привлекательна, чем мучительна, он импрессионист познания. Эта легкость и беззаботность Монтеня и заставляет относиться к его заявлениям о себе подозрительно, трудно провести границу между литератором и человеком. Если Монтень действительно переживал кризис сомнений, то лишь в юности. В "Essais" он энергично подчеркивает тот единственный выход из теоретических сомнений, какой он усматривает: традиционная вера в религии и верность существующему политическому строю и обычаям страны. Причем эта вера должна быть совершенно слепой: "христианам представляется случай проявить веру, когда они наталкиваются на нечто невероятное. Оно тем более согласно с разумом, чем более противоречит человеческому разуму" (Essais, ch. XII, p. 211). Человеческий разум не может овладеть истиной, все порожденное им шатко и спорно. В наказание нам за нашу гордость и дабы показать нам наше жалкое состояние и бессилие, Бог произвел смятение и беспорядок при столпотворении Вавилонском.

Я должен мимоходом отметить здесь еще никем не указанное совпадение в формуле, определяющей отношение веры к знанию, у Монтеня и Канта. Кант: "Я упразднил знание, чтобы дать место вере". Монтень: "Aneantissant son jugement pour faire place a la foi"* (p. 221). Разумеется, аналогия здесь чисто внешняя, ибо Монтень имеет в виду слепую веру в учение церкви, а Кант - сознательную веру в нравственный закон. Монтень хватается за веру конвульсивно: чем более велика нелепость, в которую мы должны верить, тем выше наша вера. В своем традиционализме Монтень граничит с оппортунизмом, напоминая нашего скептика и "романтика реакции" Конст. Леонтьева. Как Монтень прославлял невежество турок и ставил их "мудрое незнанье иноземцев" в пример французам, так и Леонтьев находил, что невежество народа - гарантия его морального здоровья и его живучести, и, прославляя Китай, говорил: "Россию нужно заморозить".

В Монтене литератор поглощает человека, у Шекспира же в "Гамлете" мы видим подлинную трагедию сомнения. Я упоминаю об этом не относящемся непосредственно к истории философии обстоятельстве, потому что влияние Монтеня на Шекспира, как показал Фосс, несомненно; сохранился экземпляр "Опытов" Монтеня с автографом Шекспира, и некоторые мысли "Гамлета" целиком взяты у Монтеня. В этом смысле Гегель метко оценил философское значение великой трагедии2.

1 "Бодрствуя, мы спим и, спя, бодрствуем. Я не так ясно вижу во сне, но и явь

представляется мне всегда не совсем ясной и не без дымки. Кроме того, сон в своей

глубине усыпляет порою сновидения; но наша явь никогда не бывает столь явственна,

чтобы окончательно очиститься от грез и рассеять их: грезы - сны бодрствующих

- сны, худшие настоящих снов. Если принять во внимание, что наш разум и наша

душа, воспринимая фантазии и мнения, зарождающиеся во сне, снабжают поступки во

сне таким же одобрением, какое они проявляют наяву, почему не усомниться нам

в том, не представляют ли наши мысли и действия наяву только другого рода сон, не

есть ли явь лишь разновидность сна?" (344).

2 Кризис сомнений Юлиуса Банзена, пессимиста, последователя Шопенгауэра,

описан в превосходной статье А. А. Гизетти "Забытый мыслитель" - "Вопросы

философии и психологии", 1907.

61

Если в глазах Монтеня загадка бытия не представляла ничего мучительного и он к вопросу "быть или не быть" относился с беспечным равнодушием (in utrumque

paratus), то для Паскаля (1623-1662) это был вопрос жизни и смерти. В детстве уже великий математик, в юности создатель теории сочетаний, исследователь конических сечений, теории рулетки, изобретатель счетной машины, позднее выдающийся физик, производящий опыты по вопросу о vacuum, основатель гидростатики, этот пламенный дух, этот Брандт*, которому нужно или все, или ничего, мучительно ищет выхода из скептицизма, самого радикального, и страстно хватается за церковную веру, которую стремится оправдать, защитить со всеми ее случайными историческими и бытовыми особенностями. Он сомневается в реальности внешнего мира и других людей, сомневается в Боге и в то же время горячо стремится к вере. Самая высота религиозно-нравственного идеала, который рисуется ему, повергает его в ужас своею недостижимостью. Везде ему мерещится грех - в познании - libido sciendi, в жизни чувств - libido sentiendi, в жизни воли - libido dominandi, сладострастие познания, чувствования и властвования. Выход из сомнений он видит в слепой вере в церковную догму, в безусловном смирении ума перед нею. Глубина Паскалева трагизма, мне кажется, заключается именно в том, что у него нет цельной, вполне искренней веры, что он хочет взвинтить себя до такой веры, которая для него уже невозможна. Это видно, например, из того, что для доказательства бытия божия он прибегает к знаменитому пари. Орел или решка - Бог существует или нет? Вопрос теоретически абсолютно неразрешим, но мы должны решить его практически, ибо "nous sommes embarques - мы самой судьбой посажены на корабль жизни, и вопрос для нас практически сводится или к потере, или к приобретению бесконечного блаженства. Если Бога нет, беда будет невелика от нашего ошибочного верования, если он есть - мы в бесконечном выигрыше. Рассуждение это, достойное врагов Паскаля иезуитов своею жалкою казуистикой, нашло впоследствии через Бэйля, Локка и Руссо отголосок в 4-й антиномии Канта. (См.: Renouvier. "Introduction a la philosophie analytique de l'histoire", глава "Le pari de Pascal".) В жизни Паскаля были два переворота в сторону религии - два "обращения" - одно в 1646 г., когда ему было 23 года, другое в 1654 г. (31 год). Последнее связано с поразительным документом, который был предметом насмешек Вольтера, - это "амулет" Паскаля. Паскаль всю жизнь носил на груди листок бумаги, на котором описывается его второй кризис обращения. Вот начало этого документа, живо рисующего перед нами ту радость, то нравственное облегчение, которое нашел этот измученный сомнениями человек в слепой покорности церковной вере:

"L'an de grace 1654.

Lundi, 23 Novembre jour de St Clement.

Depuis environ 10 '/* du soir jusque environ 11 1/2.

Dieu d'Abraham, Dieu d'Isaac, Dieu de Jacob, non des philosophes et des savants.

Certitude, certitude, sentiment, joie, paix, grandeur de Tame humaine.

Renonciation totale et douce.

Soumission totale a C. et a mon directeur"**.

62

Лелю делает анализ этого произведения с психиатрической точки зрения, совершенно минуя жизненную драму Паскаля. Для нас эти психиатрические подробности не представляют интереса.

Отца новейшего позитивизма Давида Юма, по-видимому, не только нельзя заподозрить в муках сомнения, но многие вообще склонны не считать Юма скептиком. И действительно, при чтении сочинений Юма мы находим курсив его мышления на понятиях обычая и веры. Уверенность в законосообразности природы, правда по Юму, покоится на привычке, на известном ассоциационном механизме нашего сознания, который, благодаря привычке, стал нашею второй природой. Однако то обстоятельство, что таково последнее слово юмовской философии, нисколько не исключает не только наличности скептического элемента в его учении, но и настоящих мук сомнения, а также наличности других душевных черт, которые мы считаем характерными для сомневающегося. К своему успокоению в области познания на культе привычки Юм пришел после тяжелой внутренней борьбы. Кризис сомнений был пережит им в юном возрасте (1734 г.), именно когда ему шел 23-й год. Об этом кризисе мы узнаем из одного письма Юма к врачу, где он описывает свой душевный

перелом и сравнивает его с кризисом "обращения", как его описывают французские мистики. В этом замечательном письме к врачу Юм указывает прежде всего на то, что он по окончании колледжа в Шотландии продолжал с величайшим увлечением заниматься самообразованием, читая преимущественно сочинения философского и литературно-критического характера. К 18 годам его умственный горизонт весьма расширился. Обязательное занятие юриспруденцией не увлекало его. Описывая далее свою беспомощность в попытках систематизировать свои многочисленные наброски и размышления и свой крайний упадок энергии, Юм пишет дальше: "Мне случалось читать в сочинениях французских мистиков и наших фанатиков, как они, описывая историю своих переживаний, отмечают апатию и психическое угнетение (coldness and desertion of spirit) как часто возобновляющееся настроение, причем некоторых из них оно мучило вначале целые годы. Ввиду того что это умонастроение ревнителей благочестия (this kind of devotion) всецело зависит от силы экзальтации (passion) и, следовательно, от жизненных духов, мне часто приходило в голову, что есть известная аналогия между их душевным состоянием и моим". (Boston. "David Hume", 1846, v. 1, p. 30-39.) Вероятно, отражение этих лично прочувствованных мук мы находим в описании того Stimmungssolipsismus*, который он дает в заключительной главе "Трактата". Тенденция к сосредоточению внимания на изменчивом и разнообразном проявляется у Юма в том, что он разлагает все познание на элементы пестрых психических импрессий: субстанция физического мира распыляется на сумму конкретных чувственных впечатлений, Я превращается в "связку перцепций", восприятие времени и пространства в minima visibilia и minima tangibilia** пространства - в слияние воедино прерывной совокупности чуть заметных ощущений и минимальных временных промежутков, заполненных ощущениями. Самоочевидность геометрии вызывает в нем сомнения. Все здание человеческой мысли сводится к единичным кирпичикам ощущений и идей, склеенных между собою внешним цементом привычки и веры.

63

В каком смысле можно говорить о Ницше-скептике? Ведь он всю жизнь был проповедником определенного философского учения. В юности он увлекался Шопенгауэром, и данью этого увлечения явилось "Рождение трагедии". Потом он увлекся позитивизмом и дарвинизмом, чтобы, наконец, выступить со своим "Заратустрой". И тем не менее скептическая струя проходит через все его творчество, как трещина, вносящая коренное раздвоение во все построения его мысли, и в этом подлинная трагедия всего его творчества. В этом отношении прежде всего выделяется скептическая струя в области познания. Ницше протестует уже в юношеском труде против сократовской претензии постигнуть бытие разумом и даже разумом исправить его. В книге "Человеческое, слишком человеческое", в которой самое название есть перифраз протагоровского "человек - мера всех вещей", Ницше подчеркивает относительность и сомнительность наших знаний, их головокружительную пестроту. Он полагает, что овладеть единством в познании мира невозможно, что наш мозг в своих усилиях овладеть действительностью окажется бессильным; как Монтень, он доказывает вред знания для жизни. Он пророчит скорую утрату для человечества самого интереса к познанию. Самоочевидные истины он вовсе не считает ни истинными, ни самоочевидными, а просто верит в них, признавая их практическую пользу. И все это он думает в период своего интереса к позитивизму.

Область красоты была всегда особенно близка и дорога Ницше, и тем не менее он является характернейшим представителем эстетического скептицизма. 1) Искусство - порождение известных метафизических верований, мы эти верования утратили, потому и наслаждение искусством становится для нас невозможным. 2) Художник - отсталое существо, он живет самообманом, который не может быть терпим нами, раз он нами осознан. 3) Наслаждение искусством связано тесно с верой во вдохновение творца, но мы не верим в мистическую и метафизическую природу вдохновения, и обаяние искусства пропадает для нас. 4) Наконец, искусство умирает. Мы видим еще свет от только что закатившегося солнца, но самого солнца мы не видим. Последняя грустная мысль напрашивается на сопоставление с печальным раздумьем Милля, который в эпоху крайнего угнетения духа опасался, что музыка, ввиду ограниченного количества тонов, может быть исчерпана.

Такая же трещина проходит у Ницше по его метафизике и этике последнего периода. С одной стороны, он стремится взамен старых скрижалей завета дать новые, произвести переоценку всех ценностей, с другой - и тут же рядом он проповедует обесценивание всех ценностей. Соответственно первому стремлению, он рисует идеал будущего Сверхчеловека, который будет относиться к теперешнему человеку, как

последний относится к обезьяне; с другой стороны, он развивает идею вечного круговорота, согласно которой все в мире через огромные периоды буквально повторяется, и, следовательно, каждый человек прикован к своему случайному существованию бесконечной повторяемостью бытия; отсюда одно - покорность року, amor fati, т. е. та же пирроновская резиньяция отчаяния. Заратустра часто нуждается в маске, чтобы прикрыть ею выражение горьких чувств на своем лице. С идеей

64

вечного круговорота у Ницше связано воспоминание, которому он придает большое значение. Это - тоже своего рода "обращение" в новую веру после периода сомнений. Это обращение относится к августу 1881 года. Мы будем разбирать его в IV главе II тома "Творческая интуиция".

Ренан в своей прекрасной автобиографии "Souvenirs d'enfance et de jeunesse" дает нам удивительную по тонкости психологического анализа историю духовного развития и всех этапов в эволюции своего скептицизма - философского и религиозного. Он замечает указанную нами выше смешанность своего происхождения и видит в ней одну из главных причин своей двуликости. Описывая яркими художественными красками свое тихое детство в глухой Бретани, он отмечает то таинственное и величественное впечатление, которое на него производила обрядовая сторона религии. Жадно воспринимая малопонятные проповеди, он испытывал, слушая их, нередко сильное волнение, некоторые подробности представлялись ему особенно загадочными, его поражала фраза "Mors ascendit per fenestras"* - эта смерть с крылами бабочки, проникающая через окна, неотступно его преследовала. Услышав, что один святой в XVII в. сравнивает женщину с огнестрельным оружием, поражающим на расстоянии, он строил самые безумные гипотезы, отказываясь представить себе, каким образом женщина может быть похожа на пистолет. Его детская вера была наивной и крепкой и в маленькой семинарии в Issy, где он получил начатки схоластического образования, ничем не была существенно поколеблена. Когда по поводу некоторых сомнений, все же возникавших в душе юноши, г. Готтефрей торжественно сказал ему: "Vous n'etes pas Chretien!"**, Ренан почувствовал ужас. В семинарии в С. Сюльпис и позднее в С. Никола он все более и более углублялся в изучение богословских, философских и исторических наук. Его догматические верования постепенно ослабевали; наряду с ними у него начало складываться какое-то миросозерцание, напоминавшее не то пантеизм, не то позитивизм, но в силу какой-то юношеской непоследовательности он не ощущал его несовместимости с христианством. Весьма замечательно в кризисе его сомнений то, что самые иррациональные, но абстрактные догматы он без труда допускал. "Моя вера, - пишет он, - была разрушена не схоластикой, не философией, а исторической критикой" (258). Божественная книга не может заключать в себе противоречий; между тем историко-философский анализ натолкнул Ренана на множество совершенно очевидных и неустранимых фактических несообразностей. Честная и благородная душа Ренана не вынесла гнета этих противоречий, и в сентябре 1845 г., он решил порвать с церковью. Свое душевное состояние при выходе из С. Сюльпис он описывает следующим образом: "Вся вселенная произвела на меня впечатление сухой, холодной пустыни. С той минуты, как только христианство представилось мне неистинным, все остальное являлось в моих глазах пустым, безразличным, лишенным всякого интереса. Крушение моей жизни создавало во мне чувство пустоты, похожее на то, которое испытываешь после припадка болезни или под впечатлением разбитой любви" (330).

65

Этико-религиозный скептицизм остался у Ренана на всю жизнь, но в области теоретической мысли он примыкает к позитивизму. Как у Монтеня, его скепсис хорошо уживается с политическим консерватизмом и традиционализмом. Но с его скепсисом также сочетается и эстетический мистицизм, совершенно чуждый Монтеню.

XXI. Кризис сомнений у нескептиков

Мы рассмотрели ряд жизненных драм, которые переживались скептическими натурами. Но, вчитываясь в произведения философов, которые по общему духу своих систем (подобно Августину) были весьма далеки от скептицизма, мы находим и у них или прямые указания на "кризисы сомнения", или описания подобных кризисов, свидетельствующие о том, что им и лично были знакомы такие состояния духа: Лейбниц, Кант, Гербарт, Фихте, Карлейль, Гегель, Ардиго и др. могут служить тому

иллюстрациями.

В 1697 г. Лейбниц пишет: "Большинство моих взглядов наконец установилось после двадцатилетнего размышления, ибо я начал размышлять очень молодым, когда мне не было еще 15 лет. Тогда я гулял целые дни в одной роще, чтобы сделать выбор между Аристотелем и Демокритом". В другом месте он пишет: "Уже ребенком я познакомился с Аристотелем, и даже схоластики не отпугивали меня, и отнюдь я не сожалею об этом. Но и Платон также, а равно и Плотин доставляли мне некоторое удовольствие, не говоря уже о других древних писателях, к которым я обращался. Выросши из школьного возраста, я набросился на писателей нового времени и теперь помню об одной прогулке в Розен-тале (парк близ Лейпцига), когда размышлял (delibere), должен ли я придерживаться учения о субстанциальных формах или нет. Но механизм одержал верх и побудил меня к изучению математики, в глубины которой, впрочем, я проник позднее во время моего общения с Гюйгенсом в Париже. Когда же я принялся изыскивать последние основания механизма и законов движения, я убедился в том, что этих оснований невозможно найти в математике и что мне необходимо обратиться вновь к метафизике, а последняя привела меня от материи к формам, к энтелехии" (см. письмо к Bemont de Monfort, op. ed. Erdm., p. 702).

Философское развитие Канта, если его представлять себе в грубых контурах, заключает в себе три стадии: догматическую, скептическую и критическую. От увлечения лейбнице-вольфовской философией и Ньютоном Кант переходит к изучению Юма, и затем наступает стадия самостоятельного творчества. В половине 60-х годов Канта мучили две проблемы после того, как Юм пробудил его от догматической дремоты: предупреждение ужасного разрушения всех наук, угрожающего со стороны скептицизма Юма, и моральная проблема нравственной свободы и ответственности. В письме к Гарве 1798 г. Кант пишет, что 1769 г. имел большое для него значение, пролив "свет" на занимавшую его проблему. Каков был внутренний переворот, пережитый Кантом, об этом можно только догадываться. Мне кажется, что здесь нам косвенно дает указание одно место в "Антропологии", где Кант относит окончательное

66

образование характера человека к позднему возрасту (30-40 лет). По мнению Канта, такой переворот имеет характер мгновенного или по крайней мере кратковременного взрыва, "Explosion", за которым следует бесповоротная решимость идти по новому пути. Что для Канта такое морально-религиозное обращение имело, как для Августина, характер чего-то мистического, это можно видеть из его "Религии в пределах только разума" (стр. 47).

Духовное обличье Гербарта рисуется в форме типичного догматика, а между тем один интересный документ, оставшийся от этого "скучнейшего господина", как называл его Шопенгауэр, указывает нам, что Гербарт пережил трагедию сомнения. От Гербарта остался клочок бумаги, на котором написано следующее: "В одно прекрасное утро, летом 1791 г. (ему было 20 лет), я стоял на скале на берегу реки Заале. Два шага, только два шага отделяли меня от бездны. Течение реки мутно, как мое самочувствие; светлый солнечный луч - чуждый мне элемент. К чему ношу я в груди образ чистой человечности?" etc. (см. брошюру проф. Алексеева о педагогике Гербарта и Штрюмпелля).

Гегель в своей "Феноменологии" дает описание эволюции человеческого духа (и тут у него есть глава "Несчастное сознание"). Стоическое стремление самосознания к независимости от данного приводит к скептицизму. В душе сомневающегося движущийся хаос - противоречие теоретического и практического, единичного и всеобщего. Несчастное сознание - это сознание о себе как двойственном и противоречивом существе. В нас происходит как бы раздвоение личности. Гегель олицетворяет старое Я (греховное) и новое как бы в две личности, между которыми происходит мучительная борьба, которая находит себе примирение только в высшем начале разумности.

Руссо описывает кризис религиозных сомнений, пережитый им в юности, следующим образом: "Страх ада меня часто еще волновал. Я спрашивал себя, в каком я состоянии. Если я умру в данный момент, буду ли я осужден? В вечном страхе, задыхаясь в этой жестокой неизвестности, я прибегал к самым смешным средствам, за которые я охотно осудил бы всякого другого человека, так поступающего. Я выдумал такого рода предсказания, чтобы успокоить мои тревоги; я говорил себе - я брошу этот камень в дерево, если попаду, то это залог спасения, если не

попаду, то это залог осуждения. Говоря так, я попадал в середину дерева, но это было нетрудно, так как я выбирал большое дерево и становился близко. И тогда я не сомневался более в своем спасении" (Confessions, I, b. 6). Пьер Жане приводит это признание Руссо в качестве иллюстрации того вида психастенических сомнений, который он называет манией предсказания или выпрашивания судьбы, когда под гнетом сомнений мы отдаем себя во власть случая (П. Жане. "Неврозы", 1911, стр. 38-40).

У Фихте есть труд, в котором он как бы описывает развитие собственной философской мысли: "О назначении человека". Это сочинение распадается на три части: "Сомнение", "Знание" и "Вера", и в первом отделе Фихте очень живо и ярко рисует те муки, которые переживает сомневающийся при мысли о тяготеющем над ним роке физических законов. Ему рисуется судьба человека в виде чувства зависимости,

67

испытываемого от внешней среды (что впоследствии так образно передал Шнейдер в картине, изображающей скованного человека во власти жабообразного чудовища Земли); вместе с тем здесь изображается мучительное чувство солипсического одиночества. В двух последующих частях Фихте изображает постепенный выход из этого плачевного состояния установлением своей идеалистической метафизики (знание) и подкреплением ее моральной верой.

То, что Фихте описывает художественно (хотя и, очевидно, на основании личного опыта), то Карлейль от имени героя "Sartor resartus" рассказывает о себе самом. Он почувствовал в себе зарождение сомнений на 19-м году (род. в 1795 г., следовательно, в 1814 г.). Эти сомнения, как и у Фихте, были морального характера. Взгляд на вселенную как на машину не мирился с глубокими моральными настроениями, взлелеянными еще с детства в суровой среде шотландских кальвинистов. Механическая картина мира, несовместимая со свободою "Я", ужасала его, как кошмар, и он уже был близок к самоубийству, как вдруг в июне 1821 г. в нем произошел духовный переворот, который он описывает следующим образом: "Чего же ты, собственно, боишься? Зачем ты вечно ноешь и жалуешься и крадешься боязливо, дрожа, как негодный трус? Презренное двуногое! В чем заключается самое худшее, что может тебя постигнуть? В смерти? Ну что же! Пускай и смерть, и адские муки, и все прочее, что только может причинить тебе человек или дьявол, да разве не можешь ты вынести все, что бы то ни было, и попрать ногами самого сатану в то самое время, когда он станет пожирать тебя. Пусть приходит ад, я встречу его и стану с ним бороться! И вот в то время как я об этом подумал, словно пламенный поток пронесся через мою душу, и я навсегда отряс от себя низкое чувство страха. Во мне была такая сила, какой я и не подозревал. С этих пор природа моей скорби изменилась, это был уже не страх и не ноющая боль, а негодование и жестокое огнедышащее упорство" (Гензель. "Карлейль", 1903, стр. 35). Описанный здесь переворот пережит Карлейлем по дороге из Эдинбурга в Портобелло, а не в Париже, как сказано в романе.

Фриз, учившийся в 1792-1795 гг. в богословской семинарии в Niesky, рассказывает о зарождавшихся в нем сомнениях следующее. Лектором по философии был Гарве. "На лекциях вскоре зашла речь о воображении и суеверии. Это быстро и решительно изменило все мое религиозное мировоззрение. Я вдруг увидел, что моя благочестивая, молитвенная настроенность была лишь игрою фантазии, которою я сам развлекал себя, но она потеряла для меня всякую ценность. Таким образом для меня потускнело все значение культа". "К этому присоединилось еще то обстоятельство относительно учения об искуплении, что как только я начал оценивать его с этической точки зрения, так стало ясно, как божий день, что вина, которую может за меня искупить другой, не есть подлинная вина, грех: освобождение от вины или должно быть достигнуто собственными силами, или оно является мнимым... Таким образом, для меня рушилось все положительное религиозное учение, с которым я до сих пор имел дело, однако это отнюдь не поставило меня в затруднительное положение. Ни на мгновенье я не утратил сознание значения религиозной жизни и никогда не усомнился в существовании Бога

68

и бессмертия". См. биографию Фриза Генке (Henke). Фризу в это время было 21-22 года.

Итальянский философ Роберто Ардиго (род. в 1828 г.), вышедший из крестьянской семьи и воспитанный в детстве в глубоко религиозном духе нежно любившей его матерью, сделался священником, углубился в изучение богословия, но позднее, увлекшись естествознанием и философией, пережил глубокий кризис религиозных сомнений, приведший его к разрыву с церковью и к самостоятельной творческой работе мысли в духе позитивизма. С пути богословской апологетики он неожиданно для самого себя свернул на путь свободомыслия: "Кончилось тем, что сомнения, приходившие ко мне со всех сторон уже в прежние годы, сомнения, с которыми я непрерывным размышлением и занятиями боролся и которые в течение долгого времени считал побежденными, встали предо мною, но, к моему крайнему удивлению, уже не в виде сомнений, а как законченные убеждения и неоспоримые истины. Удивительная вещь! До этого дня я стремился прочно держаться моей религиозной веры, а между тем в глубине моего сознания, без моего ведома, под системой религиозных идей, бывших плодом столь усиленной и долговременной работы, развилась законченная позитивная система. Новую систему я нашел, к моему величайшему изумлению, совершенно готовой и непоколебимо прочно стоящей в моем сознании как раз в тот самый момент, когда, сидя на поляне под кустом в маленьком саду, разведенном мною около дома каноника, я заметил, как последнее размышление порвало последнюю нить, связывавшую меня с прежней верой. Тогда мне пришло в голову, что я никогда в жизни, в сущности, не верил и что никогда не делал ничего другого, как старался развить в себе чисто научные тенденции". (Цитата взята мною из книги Геффдинга: "Современные философы", 1907, стр. 46-47.) Здесь заслуживает внимания близость кульминационного пункта в кризисе сомнений не только к благополучному выходу из них, но прямо к самому моменту зарождения оригинальной философской концепции, что объясняется глубиною и продолжительностью предварительных философских размышлений, хотя они и предназначались первоначально для чисто богословских целей апологетики. На это обстоятельно указывает сам Ардиго ("La morale dei positivisti", II, 3, 2).

Иногда религиозные сомнения в юности проявляются в резкой ико-нокластической форме. Так, Джордано Бруно во время пребывания в монастыре С.-Доменико, где он перечитал массу книг (с 15 лет), усомнился в троичности лиц Божества, убрал из кельи образа св. Екатерины и св. Андрея; усомнился в божественности Христа и в реальности пресуществления. Вл. Соловьев в порыве отрицания в юности выбросил из комнаты все образа в сад. С. Симон в 13 лет усомнился в религиозных истинах и заявил отцу, что он отказывается причащаться, убеждая отца в бесполезности насильно заставлять его это делать, ибо он все равно не в состоянии вложить в этот обряд какую-либо искреннюю внутреннюю религиозную убежденность. Когда его в наказание заключили в карцер в С.-Лазаре, он подрался со сторожем, ранил его, вырвал у него ключи и убежал. У князя С. Трубецкого, по словам проф. Лопатина, религиозные сомнения пробудились в 16 лет, в V классе гимназии. Эти сомнения

69

имели для него очень большое значение. Они только усилились, когда он прочел Бокля и некоторые сочинения Г. Спенсера. Для него наступила пора религиозного отрицания, которое он, со свойственной ему горячностью, выражал пугающим окружающих нарушением правил религиозного благочестия. В VI классе он читает "Логику" Милля, Дарвина, О. Конта в изложении Милля. Миросозерцание его - смесь эмпиризма и материализма. В VII классе он знакомится с Куно Фишером, который производит на него огромное впечатление, вызывает в его душе переворот и влечение к немецкому идеализму; в это же время он читает "Критику" и "Пролегомены" Канта. Знакомство с Соловьевым в VIII классе вызывает в нем поворот к христианству. (О первых шагах в образовании личности и миросозерцании философа см. статью проф. Л. М. Лопатина в "Собр. сочинений кн. С. Н. Трубецкого".)

Мы видели, что у А. А. Спира (Шпира) религиозность проявилась в очень раннем возрасте в интенсивной форме и что он в юности возымел намерение поступить в монастырь. В последний год пребывания его в юнкерской школе, когда это намерение еще не покинуло его, в нем были пробуждены религиозные сомнения товарищами, познакомившими его с сочинениями Вольтера. Юноши потешались, говоря, что "поп променял молитвенник на Вольтера", и бедный юноша (18 лет), ошеломленный новизною впечатлений, возмущенный до глубины души, переживал те жестокие муки, которые испытывает человек, видя поругание своей святыни. Он вознамерился опровергнуть Вольтера и для этой цели стал, с одной стороны, изучать его, а с другой - богословские сочинения на русском и французском языках. "Вместе с тем он усилил свои посты и молитвы, но ничто уже не помогало: яд анализа, раз запав

в его душу, продолжал в ней делать свое разрушительное дело". Он отказался от мысли поступить в монастырь и почувствовал, что его религиозные убеждения не имеют под собою твердой почвы (см. биографию, приложенную к "Очеркам критической философии", 1901).

Спир нашел выход из своих сомнений, с одной стороны, в занятиях сельским хозяйством и необычайном проявлении деятельной любви к крестьянам, которых он освободил и наделил землею; с другой стороны, он решил всецело отдаться философии, которой он и посвятил всю свою остальную жизнь (см. биографию Спира Брикнера в виде предисловия к переводу его сочинений "Очерки критической философии", 1901).

Бросая общий взгляд на кризис сомнений у философов-нескептиков, следует отметить ряд характерных черт этого кризиса: 1) В большинстве случаев он падает на переходный возраст или время ранней юности. 2) Нередко возникает на почве религиозных сомнений. 3) Часто имеет бурный и мучительный, но скоропреходящий характер. 4) Имеет благотворные последствия для дальнейшего развития философской изобретательности не только в интеллектуальном отношении, знаменуя собою разрыв с традиционным и наивным образом мыслей и заимствованным извне догматическим строем миропонимания, но и преобразуя всю аффективно-волевую сторону личности, обогащая ее состав, содействуя одновременно и ее самопознанию, проникновению в глубины сердца, и ее широте перевоплощаемости в другие души, способности становить-

70

ся на весьма различные, нередко прямо противоположные точки зрения. В этом смысле глубоко прав знаменитый натуралист Гексли, когда он говорит о том благе, которое приносит своим посещением ученому и философу в их творческих исканиях "благодетельный гений сомнения".

Кризисы сомнения в духовном развитии философа следует отличать от духовных кризисов, где муки сомнения в собственном смысле отсутствуют, но где имеется только сильная подавленность духа. Поэтому нельзя отнести к кризисам сомнения ни переворота в области чувствований, пережитого Миллем, ни кризиса, описанного Пристли. Я остановлюсь немного на последнем.

Пристли, воспитывавшийся, как мы видели, в духовной среде, был ребенком слабого здоровья. В этом обстоятельстве, подобно Мэн-де-Бирану, он усматривает нечто благоприятное для самоуглубления: "Я не думаю вообще, чтобы физическая сила сопровождалась тою чуткостью духа, какая благоприятна для благочестия и умозрительных целей (speculative pursuits)". Воспитываясь в суровой обстановке, он в своих одиноких размышлениях пережил однажды тяжелый кризис: "Я чувствовал подавленность духа, о которой я теперь вспоминаю с ужасом, хотя я не мог упрекнуть себя ни в чем существенно греховном: я нередко приходил к заключению, что Бог отверг меня и что судьба моя подобна судьбе Фрэнсиса Спира, которому, по его убеждению, было отказано в спасении. Я помню, какое потрясающее впечатление произвело на меня чтение в подобном состоянии описания человека в железной клетке в "Pilgrim's progress" (см.: Thorpe. "Essais on historical chemistry", 1912, p. 34-35).

XXII. Значение скепсиса для философского творчества

Если подвести баланс в оценке той роли, которую играет скепсис в процессе философского изобретения, то, мне думается, он выразится в следующих минусах и плюсах:

I. Для всякого человека, убежденного в возможности и реальности научно-философского знания, скептицизм представляется проявлением болезни воли. Он вырастает или на почве ослабления воли, упадка живого познавательного интереса, или на почве конвульсивности волевой деятельности, когда борьба противоположных сил парализует в духовной лаборатории мысли всякую изобретательность. Но скепсис может развиться и в натуре, одаренной вполне здоровой волей, хотя и не приспособленной по своему складу к философскому творчеству. Причина, обусловливающая развитие скепсиса, лежит как в интеллектуальной области, так и в аффективно-волевой: 1) В интеллектуальной области главная причина его лежит в глубоком несоответствии между процессом накопления знания и процессом его концентрации. Поверхностный универсализм

всякого дилетанта и узкая специализация одностороннего специалиста создают благоприятную почву для развития скептических тенденций, особенно в переходные эпохи (Возрождение и Монтень, конец XIX в. и Ницше), когда процесс накопления специальных знаний отстает от процесса углубленного и осознанного философского их

71

синтеза. 2) В дисгармонической корреляции аффективно-волевых наклонностей лежит другая причина скептических тенденций. Она имеет своим последствием своеобразный интеллектуальный импрессионизм, который развивается, как мы видели, на почве смешения рас или у натур с болезненно-переутонченной физико-психической организацией. Разные социальные изменения, так сказать смещения культурных пластов, соприкосновение и духовное взаимопроникновение социальных и национальных групп особенно благоприятствуют развитию скепсиса у таких натур. Ницше метко обозвал конец XIX в. "веком сравнения", когда так ускорился в человечестве обмен духовными ценностями между различными народами в пространстве (путешествия, конгрессы, переводная литература, народные университеты и т. п.) и возникла углубленная ассимиляция ценностей прошлого, благодаря сильному развитию историзма, - недаром тот же Ницше писал о чрезмерности истории в нашей культуре, о том, что перевоплощаемость в прошлое чересчур-де подавляет творческую самодеятельность современного человека (см. статью проф. Н. И. Кареева: "Ницше о чрезмерности истории"). 3) Скептицизм, подрывая убежденность в могуществе человеческого разума, хватается или за философию веры (фидеизм), или за философию чувства и сверхразумного созерцания {интуиционизм или мистицизм). Скепсис и мистика - два сапога пара, и это можно отметить на всем протяжении истории скептицизма и мистицизма, вплоть до самых новейших их представителей. В этом отношении весьма любопытна брошюра Landauer'a "Skepsis und Mystik" (1903), который указывает (стр. 102) на связь скептицизма с мистикой у самых последних немецких интуици-онистов: "Война всем существующим религиозным общинам и всякой научной системе, так как все они требуют признания определенных понятий и определенных связей между понятиями в качестве интеллектуально правильных!" "Es ist aber unmoglich, dass ein Mensch etwas richtig begreift!"* (Johannes Wedde).

Вся мистическая философия Бергсона с ее "финессами и деликатесами" тонких психологических анализов и диалектической изысканностью изложения есть порождение того безвыходного скептицизма, во власти которого очутился Бергсон. Подобно Канту, Гербарту, Когену и другим философам, он испытал кризис сомнений вследствие невозможности найти рациональный выход из парадоксов бесконечности. Но в то время как другие философы находили из этого кризиса в конце концов рациональный выход, Бергсон признал за человеческим рассудком полное бессилие преодолеть загадку непрерывного, и он, чтобы решить ее, вступает на путь интуиции. Из такого же скептического бессилия преодолеть противоречия бесконечного выросли философия веры (фидеизм) Ренувье и прагматизм Джэмса. Последнее особенно ясно видно из его последней книги "Introduction to philosophy", переведенной мною в 1923 г.

Расплывчатость и шаткость терминологии, пренебрежительное отношение к системному философскому строительству при наличности иногда искусных диалектических построений отдельных доказательств, неумышленное, но упорное стремление воздействовать на эстетическую внушаемость читателя, подмена решающего аргумента ярким образом,

72

сравнением или ложной аналогией - вот обычные дефекты скептика-мистика. "Постулятивный" метод, введение необоснованных предпосылок и настойчивое требование покориться им, апелляция к моральному чувству и практическому смыслу читателя, призыв к действию вместо "слов", стремление застращать читателя грозными перспективами, которые открываются перед "неверующим" в тот или другой "практический постулат", и до утомительности назойливое повторение тех же неубедительных аргументов в слегка измененной форме, являющееся средством самовнушения и внушения, - черта, напоминающая политических агитаторов и церковных проповедников, - вот основные недостатки в мышлении скептика-фидеиста.

II. Если теперь обратимся к плюсам скептицизма, то они представятся нам в следующем виде: 1) Кризис сомнений является, как временное, переходное состояние духа, не только не вредоносным, но прямо благодетельным моментом в процессе

философского развития, так как знаменует собой решительный разрыв с традицией, церковно-религиозной или иной. 2) Сочинения скептиков являются всегда прекрасным стимулом для философской любознательности. Скептик не умеет решать проблем, но его внимание до чуткости изощрено по отношению к тому, что действительно достойно глубокого размышления. Сочинения скептиков нередко богаты многоцветными мыслями, тонкими психологическими наблюдениями, многозначительными контрастными сопоставлениями мыслей и фактов. Поэтому они непременно будят философскую мысль от догматической дремоты. 3) Изучение великих скептиков одного за другим имеет огромное воспитательное значение для зрелого философского ума. Перевоплощаясь в душу скептика настолько, чтобы вполне его понять, но не настолько, чтобы взаправду заразиться его идеологией и его чувствами, мы делаем себе прекрасную прививку интеллектуального яда, который сообщает нам на долгое время иммунитет от заболеваний в области творческой мысли. Наконец, 4) скептицизм носит в себе изрядную дозу великой иронии над резонерством, самомнением и тупым педантизмом догматиков. Опасность оказаться в смешном положении всегда угрожает догматику, и ему приходится быть настороже под угрозой стать объектом беспощадно-меткой насмешки скептика. Духовная подвижность скептика, его искусство подмечать односторонности человеческого духа являются драгоценным средством против самодовольного пошехонства замкнутых в себе и лишенных дара перевоплощаемости метафизиков. Произведения скептических умов - драгоценное литературное наследие. "Силлы" Тимона Флиунтского, только что превосходно переведенные на русский язык проф. Г. Ф. Церетели, "Диалоги в царстве мертвых" Лукиана, "Les systemes" Вольтера, где один за другим выступают в смешном виде догматики метафизики, блестки остроумия Монтеня, бичующая ирония Паскаля, тонкий юмор Юма, забавные разоблачения предрассудков философов у Ницше и "трагическое в свете мирового юмора" у Банзена - все это незабываемые страницы, которые могут действовать самым отрезвляющим образом на косность догматической мысли.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ТВОРЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

XXIII. Память и оригинальность

На первый взгляд может показаться, что исключительная память и крупная оригинальность несовместимы. Исключительная память имеет "механический" характер - она удерживает и существенное, и несущественное в том же пространственно-временном распорядке - ее функция restitutio ad integrum*. Изобретательность же предполагает непременно комбинационную способность, т. е. диссоциирование цельных случайных комплексов образов и мыслей и приведение в контакт между собой до сих пор обособленных психических элементов. Но чисто механическая память без интеллектуального момента различения существенного от несущественного есть предельная воображаемая фикция, а чистый интеллект, свободно комбинирующий независимо от границ, полагаемых психофизическим механизмом ассоциаций, есть другая такая же фикция - "чистая чувственность" и "чистый рассудок". Механизм воспроизведения не есть граммофон, но объединен единством сознания, сообщающим всем входящим в него элементам более или менее ясное или смутное чувство принадлежности одному "я", - таков кантовский закон аффинитета (сродства) представлений, возвышающийся над законами ассоциации представлений. Самое несовершенное сознание отдает одним представлениям известное предпочтение перед другими и выбирает из среды других; одни представления, независимо от его воли, в силу интенсивности и повторяемости, удерживаются лучше, чем другие, поэтому любое сознание в известной мере сортирует представления и не есть пассивная фотографическая пластинка. Когда мы говорим о людях с чудовищной от природы и притом механической памятью, мы говорим это cum grano salis**, не в абсолютном, а в относительном смысле слова. Эрудиты, описательные историки, практические полиглоты, классификаторы-натуралисты - у всех у них память отнюдь не вполне механическая: в ней есть элемент рациональный, они могут обладать в известной мере комбинационным даром, ясностью понятий и т. д., и лишь по степени они отличаются от интеллектов с более сильно развитой способностью к абстракции и к диссоциированию. Научное творчество распадается на бесчисленное множество градаций одаренности в смысле преобладания памяти, мышления, фантазии и т. д. И этого никогда не надо забывать. Человек, не способный к обобщениям и изобретательности одного масштаба, может быть вполне способен к обобщениям и изобретательности другого, гораздо меньшего масштаба, между тем,

как собиратель и сортировщик фактов, он может быть индивидуальностью чрезвычайно ценной.

После этих предварительных замечаний можно сказать, что память не есть нечто несовместимое с оригинальностью' при условии, если она в умственном развитии ученого организована, если ее развитие урегулировано при помощи интеллекта, т. е. выбор фактов, подлежащих запоминанию, обусловлен известными методологическими приемами, с которыми ученый подходит к изучению действительности. В этом и заключается разница между памятью неорганизованной (memoire brute) и памятью организованной, как выражается Дюга в статье "La memoire brute et la memoire organisee" (Revue philosophique, 1894, II). Он приводит в качестве образчика человека с сильной, но неорганизованной памятью (из Abercombry) д-ра Лейдена, который мог запомнить с одного раза буквально текст целого парламентского акта, и в то же время, чтобы припомнить какой-нибудь отдельный пункт в документе, ему надо было воспроизвести все с начала до искомого пункта. Тэн рассказывает об историке-математике, который говорил: "Я мог бы создать систему, ведь для этого нужна лишь известная доля изобретательности, и, быть может, я способен на это не в меньшей степени, чем кто-нибудь, но, спрашивается, к чему?! Ведь моя система окажется необоснованной, и зачем мне терять время, чтобы в конце концов одурачивать себя фразами?" Он ограничивался изданием документов и умер, работая над изданием сочинения одного арабского математика X в., каковое, по его расчету, должно было отнять у него пять лет работы (Paulhan. "Analystes et esprits synthetiques", p. 66-67).

Случаи феноменальной механической памяти нередки, и история сохранила нам ряд имен лиц, обладавших исключительным даром запоминания и воспроизведения (Фемистокл, Митридат, Сципион, Пико-делла-Мирандола и др.). Но ко многим сообщениям такого рода все же надо относиться, как к анекдотам, не проверенным надлежащим образом. Так, например, существуют бесчисленные рассказы об удивительной памяти коронованных особ. В таких рассказах нередко нужно отнести известную долю за счет придворной лести, а другую долю - за счет наклонности высокопоставленных лиц выдавать себя за сверхчеловеков. Вот образчик легковерного отношения к анекдотам о памяти царей и королей: "Джиббон сказал, что все королевские фамилии в Европе выдавались своею памятью на лица и на собственные имена. Маркиз де Буайе сказал, что Густав III, король шведский, обладал исключительной

1 Можно пойти еще дальше и сказать, что оригинальность совместима с очень слабой памятью. Ломброзо приводит многочисленные примеры амнезии у гениальных людей. Но эти примеры или свидетельствуют о временном болезненном состоянии мощной от природы памяти, или свидетельствуют не о слабости специальных форм памяти для той или другой сферы творчества, а о житейской рассеянности, забывчивости на факты, касающиеся внешней обстановки, а такая рассеянность есть оборотная сторона исключительной силы концентрации интеллектуального внимания и специфических форм памяти. Может ли, например, служить примером слабости памяти анекдот об Ампере, который, написав формулу на спинке фиакра, побежал за экипажем, когда последний сдвинулся с места, или рассказ о Джойа, который в азарте сочинительства написал одну главу не на бумаге, а на своей конторке, и т. п. ("The man of genious", англ. перев., стр. 34).

75

силы памятью - "явление, часто наблюдаемое у принцев крови и являющееся как бы шестым чувством, дарованным им природой". Принц де Линь пишет de Cogny из Киева про русскую императрицу Екатерину Вторую: "Она приняла меня, как будто я виделся с нею не шесть лет, а шесть дней тому назад. Она мне напомнила тысячу разных разностей, которые могут помнить только монархи, ибо у монархов память всегда великолепная" (см. Journal of Speculative Philosophy. 1871, vol. V. Henckle. "Remarkable cases of memory").

Dugas в статье "Les memoires extraordinaires" приводит многочисленные примеры "механической" памяти. В организованной памяти характерно то, что обладатель ее умеет не только систематически запоминать, но и систематически забывать благодаря концентрации внимания и повышенному интересу к тому, что нужно. Это обстоятельство, как указывает Тэн, характеризует изумительную память Наполеона. Сам Наполеон говорил, что различные предметы и дела были расположены в его голове, как в шкафу: "Когда я хочу прервать занятие одним делом, я закрываю один

ящик и открываю другой" ("Мемориал").

"Классификации, делаемые натуралистами, можно рассматривать как мнемотехнические системы", - говорит Дюга, а Джэмс замечает: "Философская система, в которой все вещи нашли бы себе рациональное объяснение и были бы связаны между собою причинной связью, представляла бы собою совершенную мнемоническую систему, которая давала бы возможность при наибольшей экономии сил достигать наиболее богатых результатов" (В. Джэмс. "Психология для учителей").

Я остановлюсь еще на одном примере исключительной механической памяти, так как он представляет не только большой психологический, но и общефилософский интерес. В упомянутой мною выше американской статье Henckle (1870) подробно описан случай памяти на собственное прошлое, которому я не знаю аналогичного во всей европейской психологической литературе. Быть может, этот случай есть от начала до конца чистейший "bluff'*, но его надо рассказать во всяком случае, ибо он наводит на некоторые поучительные соображения, даже как мысленная возможность. Однако с известными оговорками случай не представляет ничего явно неправдоподобного. В Пенсильвании 10 сентября 1817 г. родился некто Daniel Mac-Cartney. Генкле познакомился с ним в июне 1870 г., т. е. когда ему было уже 53 года. Мак-Картней от рождения имел плохое зрение, в 13 лет был подвергнут неудачной операции глаз. Только в 1862 г. он обнаружил в себе возможность читать крупную печать на расстоянии двух вершков от глаз, следовательно, его духовное развитие было на тридцать с лишком лет затруднено слепотой. Занимался он всю жизнь физическим трудом, посещал публичные лекции, собрания методистов и таким путем продолжал сохранять духовные интересы. Мак-Картней утверждает, что он может определить за 42 1/2 года жизни (от 1 января 1827 г.), какой был день недели в любой из истекших 10 000 дней, какая была погода и какие были в этот день события, известные ему. До 1 января 1827 г. он помнит много дней, но не все, у него есть пробелы. Генкле, пользуясь "Ohio House Journal", где имеется календарь за много лет, предлагал ему вопросы. Весь этот разговор, занимающий около печатного листа, воспроизведен в журнале в упомянутой выше статье. Я приведу для образчика начало разговора:

76

В. Какой день 8 октября 1828 г.?

О. (Через 2 секунды). Среда. Было облачно. Накрапывал дождик. Я снес обед моему отцу туда, где он таскал уголья.

В. Февраля 21-го 1829 г.?

О. Суббота. Утром было облачно, но к полудню погода прояснилась. Земля была слегка покрыта снегом. Дядя, живший в соседстве с нами, продал лошадь за 35 фунтов.

В. Октября 13-го 1851 г.?

О. Понедельник. Погода была "подобрее", довольно приятная погода. Я оставался всю ночь на понедельник у брата, а на другой день отправился в Карлингтон в депо пилить дерево, и т. д.

Мак-Картней угадывал дни в безошибочном соответствии с показаниями календаря, кроме тех случаев, когда в календаре имелись опечатки. Он был в то же время хорошим умственным счетчиком и знал множество географических названий. Генкле спрашивал его, каким путем он воспроизводит дни своего прошлого. Мак-Картней объяснил. Когда ему называют дату, то он прежде всего вспоминает, что он делал 1 января данного года, а затем мысленно пробегает важнейшие обстоятельства каждой недели данного года до назначенного ему числа. Таким образом, у него имеются опорные пункты, с которыми ассоциативно связаны крупнейшие события данного года.

К этому еще следует добавить, что слепота при феноменальной пластичности природной памяти могла естественно побудить Мак-Картнея сознательно направить его внимание на его собственное прошлое и события, доступные ему не из книг, а из окружающей жизни. Интеллигентность описанного лица, по-видимому, очень невысокого уровня. Читатель увидит ниже в главе "Три пути философии изобретения", почему я так долго останавливаюсь на этом исключительном случае. Приведенный случай далеко отстоит от случаев феноменальной памяти ученых; в

последней, даже в крайних случаях ее проявления, все же существенную роль играет выбор фактов и сопутствующая работа мысли.

В этой интересной анкете три обстоятельства нужно принять во внимание, прежде чем поддаваться изумлению по поводу того, что Мак-Картней, по-видимому, обладает тем, что Бергсон называет "souvenir pur"* - целостным воспоминанием своего прошлого, целостной интуицией всей своей жизни. 1) В приведенном разговоре Мак-Картней не делает ни одной ошибки, он ни разу не запинается, не говорит, что забыл или не уверен в точности воспоминания. 2) Генкле сознается, что он не проверял, верно ли приурочивал Мак-Картней те или другие факты своей личной жизни, да это и невозможно было сделать. Равным образом, экспериментатор не проверил показаний испытуемого о погоде, что, я думаю, можно сделать по метеорологическим таблицам и календарям данной местности. Проверке поддавались также указания испытуемого на исторические события дня. 3) В данном случае, если даже вполне признать его аутентичность, нет никакой целостной интуиции прошлого, но лишь конспективное кинематографическое приближение к ней как абсолютно недостижимому пределу. Если предположить, что Мак-Картней воспроизводит из событий каждого дня десять важнейших

77

фактов (на самом деле гораздо меньше), то его интуиция прошлого образует прерывный хронологически-упорядоченный ряд в 100 000 фактов и 10 000 дат, а отдельное звено в этом ряду он воспроизводит не сразу непосредственно, но при помощи "souvenirs cliches", т. е. обычных законов ассоциации.

Чрезвычайно интересный случай представляет научное творчество Ф. Ф. Соколова как иллюстрация того, как сверхчеловеческая, но неорганизованная память создавала препятствия для широких обобщений и яркой изобретательности у человека, несомненно крупно одаренного от природы не только механической памятью. Я воспользуюсь данными весьма интересной биографии Ф. Ф. Соколова, составленной проф. С. А. Жебелевым.

Ф. Ф. Соколов обладал феноменальной памятью на исторические события, обладал совершенно исключительными знаниями в области греко-римской истории, литературы и древностей, причем наряду с необычайной объемностью эта память отличалась также чрезвычайной точностью и сподручностью (Gedachtnisdisponibilitat). Ф. Ф. Соколов непрестанно поддерживал и упражнял ее десятки лет чтением главным образом источников. Он не расставался с древними авторами даже в трамвае или поезде в качестве Reiselecture*. Его одушевляло стремление прочесть и узнать о древних все; он жалеет, что ему не удалось усвоить многого, "несмотря на все мое желание узнать все, что только можно узнать о древностях греческих и римских". Поставив себе подобную неосуществимую вследствие неисчерпаемости явления задачу, проф. Соколов искусственно задержал развитие своей памяти на низших ступенях обобщающей деятельности. В его курсе и особенно в некоторых его трудах были и обобщения, весьма часто удачные, но узкоспециальные. Его память не была механической, но и не достигла той высшей формы организованности, при которой возможны широкие обобщения, во всяком случае, кроме памяти, тут было проникновенное знание всего материала, относящегося к древнему миру. Профессор С. А. Жебелев приводит один замечательный документ, небольшой листок с обозначением 60 тем для специальных статей, - оказывается, что здесь, кроме заглавий, ничего не было, никаких черновиков и заметок: "Ф. Ф. держал весь материал в голове и по тщательном обдумывании его и наведении необходимых справок писал свои статьи прямо набело, почти без всяких помарок" (см.: "Ф. Ф. Соколов (1844-1909)", стр. 28). При таком фактопоклонстве у Соколова была всегда известная доза скептицизма в отношении к широким обобщениям, но также необыкновенный критический дар при установке исторического факта, чувство действительности и умение быстро ориентироваться в специальном вопросе. Соколов своими познаниями вызывал в учениках своего рода "священный трепет". "О чем, бывало, ни спросишь у Ф. Ф., на все у него готов ответ, будь то вопрос из древней истории или вопрос из области древней литературы. Ответ давался быстро, причем лишь в редких случаях Ф. Ф. говорил, что о том-то и о том-то нужно справиться у такого-то писателя или посмотреть такую-то надпись; обыкновенно и соответствующее место из писателя или надписи либо подробно излагалось, либо даже приводилось в доподлинном виде" (ib., стр. 12).

78

XXIV. Память у философов

Мне думается, что такая память, столь ценная для историка, несовместима с дарованием философа. В духовном развитии последнего она должна преобразоваться, получить иную форму, что, как мы увидим ниже, и действительно наблюдается. Не раз указывалось, что способность к зрительной конкретной памяти и наблюдательность находятся в антагонизме со способностью к абстрактному мышлению. Я думаю, что это утверждение приемлемо лишь с большими оговорками.

Природная память философов, по-видимому, не менее значительна, чем память вообще даровитых людей. Между тем мы часто слышим от философов жалобы на плохую память, например Руссо, Монтень, но здесь имелась в виду не та или другая специфическая память ученого, а забывчивость на житейские мелочи и рассеянность в практической обстановке. О вреде механического чтения для философов я уже говорил выше. Вот что пишет Малебранш о подобного рода чтении в процессе развития памяти: "Очень полезно читать, когда размышляешь над прочитанным, когда стараешься путем некоторого усилия своего ума найти решение вопросов, поставленных в заголовке глав, прежде чем приступить к чтению, когда приводишь в порядок и сопоставляешь идеи вещей одни с другими". И он думает, что "люди, обладающие большою памятью, обыкновенно не способны хорошо судить о вещах, которые требуют большого внимания". Действительно, возможны случаи, когда внешняя эрудиция философа, одаренного от природы сильной памятью, может несколько подавить в нем значительное философское дарование. Такой случай мы встречаем в биографии Уиллиама Гамильтона, который с ранней юности всю жизнь много читал и коллекционировал обширную библиотеку. Монк указывает на то, что эрудиция его, выигрывая в широте, проигрывала в точности и до известной степени подавляла в нем творческий размах. Прежде чем писать по какому-нибудь вопросу, Гамильтон обращался к такому множеству авторов и делал столько выписок, что работа вскоре выходила за пределы надлежащих размеров, он обескураживался и в отчаянии не доводил до конца усилия воли, если только внешняя необходимость (например, составление лекций) не вынуждала его выпускать труд в свет. Несомненно, читай он меньше, он создал бы больше. Формально-логическая дисциплина ума у Гамильтона не была органически связана с запасами знаний: "Он имел наклонность постоянно отыскивать формально-логические промахи у противников, нередко упуская из виду суть их аргументации" (см.: Monck. "W. Hamilton", 1882, p. 12-13).

Однако рассуждения Малебранша верны лишь по отношению к неорганизованной памяти. Лейбниц не обладал сильной зрительной памятью. Но "он читал много и отовсюду делал выписки, а также записывал свои мысли по поводу почти каждой достойной внимания книги на маленьких листках, но, записав их, откладывал их в сторону и больше к ним не возвращался, так как обладал удивительной памятью". Следовательно, не зрительной, а моторной, слуховой или моторно-слуховой, подобно Пуанкаре, у которого была выдающаяся память (особенно на линии, на фигуры, на формы), но преимущественно моторная и слуховая. Бэкон,

79

по словам Ramley*, поручал секретарям делать выписки из древних авторов; прочитав их на ночь, он утром, после обдумывания ночью, прямо писал. Паскаль и Гуго Гроциус обладали, как указывает Гамильтон, ссылаясь на биографию этих философов, феноменальной памятью (см. "Lectures on Metaphysics", 1859, p. 225).

У Канта, как предполагает Эйкен, была исключительной силы зрительная память ("Bilder und Gleichnisse bei Kant"). По словам Боровского, Кант обладал редкой конкретной и словесной памятью (Sach- und Wortgedachtniss), достойной изумления силой внутренней интуиции и представления. Он сохранил эту способность до 70 лет, цитировал поэтов, излагал исторические факты с величайшей точностью. Он однажды так описал англичанину Вестминстерский мост, что тот принял его за приехавшего из Лондона архитектора. На целом ряде философов можно видеть, как сильная в детстве механическая память преобразуется впоследствии в менее сильную, но более организованную. Совершенно аналогичное явление отмечает Бине в своем интересном труде "La psychologie des grands calculateurs et joueurs d'echecs" (1894) у знаменитых умственных счетчиков, - они очень рано проявляли свое дарование, но, по мере дальнейшего развития, одни делаются выдающимися математиками и теряют отчасти свою способность к умственному счету (где играет важную роль механическая память), а другие остаются феноменальными счетчиками (следовательно, сохраняют и механическую память), а вне этой специальности обнаруживают посредственную интеллигентность. Фихте ребенком обладал

изумительной слуховой механической памятью. То же мы наблюдаем у Шпира, который щеголял перед гостями умением цитировать буквально любое место учебника. Спенсер рассказывает, что у него в детстве была изумительная память на пространственные отношения - он мог великолепно чертить на память карты, но позднее утратил эту специальную способность. Джон Стюарт Милль, несомненно, в детстве обладал изумительной конкретной памятью, ибо он к шести годам овладел греческим языком, а к одиннадцати - латинским и, благодаря исключительным условиям воспитания, получил полный круг высшего образования до 15 лет. Однако впоследствии, в зрелом возрасте, он отнюдь не обнаруживает сильной памяти на конкретные детали. Бэн пишет о нем: "У Милля не было много памяти на какие бы то ни было конкретные подробности; он прочел массу книг по истории, беллетристике, путешествиям и рассказам о приключениях, но нельзя поручиться за точность факта, сообщаемого им письменно или в разговоре. Он равно не умел воспроизводить конкретные факты ни в виде иллюстраций доктрин, ни в целях пояснительного указания. В юности он был отлично начитан в греческих и латинских классиках, но редко когда ему удавалось сделать на память удачную цитату. Путем непрестанного упражнения и постоянных справок он накопил в памяти запас фактов по социологическим и политическим учениям. Эти последние находились постоянно в распоряжении его памяти" (см.: A. Bain. "John St. Mill", 1882, p. 142).

Литтре пишет об Огюсте Конте: "Память Конта была чудовищна... Он массу читал в юности; после этого периода он не читал заново, не перечитывал книг: однажды приобретенный запас был ему достаточен для разработки произведения, при которой нужно было охватывать

80

зараз (avoir present a l'esprit) необъятное количество фактов из области точных наук и истории. Сила памяти послужила Конту могущественным дополнительным средством силе концепции. Вот как сочинялся им каждый из томов "Курса позитивной философии". Он обдумывал тему в голове, никогда ничего не записывая, от целого он переходил к отделам, от этих отделов к деталям. За общим планом следовал специальный план для каждой части. По окончании этой разработки, сначала общей, потом частной, он говорил, что том его готов. Это так и было, ибо, принимаясь писать, он, ничего не упуская из виду, подыскивал все идеи, составлявшие конструкцию его труда, в надлежащей связи и в надлежащем порядке".

XXV-XXVI. Память и интеллигентность

Как уже замечено выше, нельзя утверждать, что у великих людей может быть слабая память, но лишь временные патологические амнезии. Римский-Корсаков совершенно забыл, что уже оркестровал одно произведение. Якоби, как любезно сообщил мне академик В. А. Стеклов, упоминает в "Лекциях по механике" об одном вопросе, забыв, что у него уже было написано на ту же тему исследование. Фарадей проделывал заново выполненные им уже ранее эксперименты. У Канта после 70 лет произошло значительное ослабление памяти. Все эти патологические случаи несомненно ровно ничего не доказывают против защищаемого нами положения, что для философского творчества не менее нужна сильная память того или иного типа. В раннем возрасте (от 8 до 13-14 лет), мы видели, у философов проявляется унаследованная пластичность мозга, т. е. анатомо-физиологическое свойство, от которого зависит механическая сторона памяти. Позднее пластичность ослабевает, но развивается внимательность и интеллектуальная сторона памяти, причем, как указывает Biervliet, внимательность развивается быстрее, чем убывает прирожденная пластичность (см. Biervliet. "La memoire", 1902, p. 117-118).

Американский психолог Болтон пытался уяснить связь между силою памяти (механической) и одаренностью. Он предложил группе школьников воспроизводить на память ряд цифр, которые были показаны перед процессом воспроизведения. Всех испытуемых он разделил на три группы по общей успешности их в занятиях (учащиеся вполне успешно, удовлетворительно и неуспевающие - A, B, O, и, с другой стороны, он разделил их на три группы по успешности в запоминании цифр (хорошо запоминавшие, удовлетворительно и неудовлетворительно). Результаты опытов выразились в следующей таблице:

A	B	C	
A	32,6	51,0	16,3

B	21,4	58,2	20,4
C	24,1	49,4	26,6

81

Горизонтальный ряд под буквою А обозначает процентное распределение учащихся по степени успешности запоминания в группе лучших учеников; ряд под буквою В - средних учеников, а ряд под буквою С - плохих учеников. Вертикальный ряд под буквою А образует группу наиболее успешно запоминавших из всех трех категорий учеников, ряд В - группу менее успешно запоминавших среди всех учеников и т. д. Рихард Бервальд отмечает, как мало лучшие ученики превосходят механической памятью остальных (см. его "Theorie der Begabung").

Бине определяет корреляцию между градациями интеллигентности и силы памяти у школьников следующим образом. Предполагая, что дети одного возраста, например 10-летние, но находящиеся в разных классах, один, скажем, в старшем, другой - в среднем, а третий - в низшем, представляют нисходящие градации интеллигентности, он всем 10-летним школьникам в учебном заведении задал выучить одно и то же стихотворение. Подлежащее заучиванию, заведомо понятное всем, оно было роздано в копиях по числу учеников. На заучивание (про себя) было дано 10 минут. Через этот промежуток времени листки были отобраны, и дети должны были воспроизвести заученное на память. Результаты опытов сводятся к тому, что дети-ровесники (10 лет) из старшего класса заучивают лучше своих ровесников из среднего класса, которые, в свою очередь, превосходят быстротою заучивания ровесников из младшего класса. Первая группа удерживает в тот же промежуток вдвое больше стихов и прозы (см.: A. Binet. "Les idees modernes sur lesenfants", 1910, p. 159-160).

Последняя известная мне экспериментальная работа о соотношении между силою памяти и интеллигентностью у мужчин и у женщин - это исследование Артура Котеса (Arthur Cotes. "Experiments on the relative efficiency of men and women in memory and reasoning". Psycholog. Review, 1917, N 2). Автор приходит к следующим результатам: 1) женщины явно превосходят мужчин в способности памяти удерживать и воспроизводить; 2) мужчины превосходят женщин, хотя и в менее значительной степени, в интеллектуальной работе (reason work); 3) оба пола отдают предпочтение работе памяти, но, относительно говоря, большее количество мужчин отдает предпочтение работе разума перед работой памяти. Само собою разумеется, что эти результаты, даже если признать постановку опытов правильной, нельзя еще возводить в универсальное психологическое обобщение. Исследования Стетсона над памятью у 500 белых (средний возраст 11 лет) и 500 черных (средний возраст 12 1/2 лет) детей в общественных школах в Вашингтоне показали, что у детей-негров память на 18% лучше памяти белых, причем в то же время память у негритянских детей была лучше их классных успехов, и разница эта была значительнее, чем у белых детей, хотя маленькие негры стояли в умственном отношении в общем ниже их (см.: Чемберлен. "Дитя", ч. II, стр. 193). Очевидно, в обоих случаях имеется расхождение между значительностью интеллигентности и силою механической, "неорганизованной" памяти.

Интеллектуальный момент выражается в том, что процесс запоминания ведется по известному плану: запоминаются не образы и слова, но мысли в известной логической системе, что само по себе служит рациональной мнемоникой в процессе заучивания и воспроизведения. От-

82

дельные факты и частные истины в процессе запоминания сортируются в известные ряды и группы, составные части которых легко могут быть диссоциированы и включены в новые группировки. Что мышление и интеллектуальное творчество есть комбинирование мыслей, а не просто образов, об этом как будто забыли до самого недавнего времени подавляющее большинство психологов. До сих пор еще нет обстоятельной психологии интеллектуальной памяти. К числу немногих работ в этом направлении принадлежит исследование Финкенбиндера, к которому полезно обратиться, чтобы дать себе ответ на такой вопрос: пользуются ли философы при работе интеллектуальной памятью как вспомогательным средством, чувственным материалом в виде образов, слов и эмоций, или возможна чисто интеллектуальная память, комбинирующая между собой одни элементы чистой мысли? В современной психологии мы находим два прямо противоположных ответа на поставленный вопрос. Бюлер в работе "Tatsachen und Probleme zu einer Psychologie der Denkvorgange"

(Archiv fur d. g. Psychologie, XII, 1908, 24-92) утверждает, что существует необразное сознавание отношений, воспроизведение полного смысла сентенции может быть опосредствовано "чистою мыслью" без соучастия какого бы то ни было рода образов. Финкенбиндер в работе "Remembrance of problems and their solutions" ("The American Journal of Psychology". 1914. January) доказывает как раз обратное - непрестанное участие в процессе припоминания решения проблем чувственных образов (особенно зрительных), схематических образов одинаково при решении и конкретных, и абстрактных проблем, самых различных степеней ясности и устойчивости, и в связи с самыми разнообразными эмоциями - довольства, сомнения, смущения, отчаяния и т. д. Кто же прав в этом споре: интеллектуалист Бюлер или его противник Финкенбиндер? Я убежден, что на почве психологии, путем отдельных наблюдений или экспериментации, этот вопрос абсолютно неразрешим, как неразрешим, например, на почве психологии вопрос, существует ли душа "сама по себе", помимо чувственности. С философской точки зрения "чистая память", как и "чистая мысль", есть логически необходимый момент в процессе мышления, который так же неотделим от чистой чувственности, как общее от единичного - они необходимые корреляты. Можно бесконечно спорить, входила ли в Bewusstseinslage* испытуемого чистая мысль, ассоциированная, помимо чувственных образов, с другою чистою мыслью, или к этим нечувственным "актам" все же примешивались чувственные "психические подголоски"? Для нас подобная антиномия есть выдуманная головоломка. Попытка решить ее экспериментально ставит психолога в безвыходное положение.

Наряду с механическим и интеллектуальным моментами в процессе памяти следует еще подробнее остановиться на интуитивной стороне. Иногда мы схватываем памятью и удерживаем в сознании сложные целостные комплексы путем созерцания этих комплексов, причем моторный момент заучивания отодвинут на задний план. По-видимому, возможно развить в себе путем упражнения способность подобного удержания и конструировать при участии воображения в сознании це-

83

лостные картины внешнего мира или собственного прошлого. Бергсон, обративший внимание на интуитивное или мгновенное запоминание, рассказывает, как фокусник Робер Гуден упражнял своего сына в подобном запоминании: "Мы проходили с сыном, - пишет Гуден, - довольно быстро перед магазином детских игрушек или каким-нибудь другим, бросали при прохождении внимательный взгляд на витрину, уставленную разнообразными товарами. Пройдя несколько шагов, мы останавливались, вынимали из кармана карандаш и бумагу и записывали, соперничая друг перед другом, число замеченных нами при прохождении предметов. Нередко случалось, что сын мой записывал до сотни". При этом как бы моментальном фотографировании целостного впечатления исключалось, по возможности, всякое детальное истолкование составных частей образа (см.: Бергсон. "Интеллектуальное усилие", пер. Флеровой, стр. 10).

Такого рода целостное запоминание сложных образов, бесспорно, всегда ценно в самых разнообразных сферах научного знания, в математике, особенно в науке со сложно-конкретным содержанием. Для географа весьма ценно развить способность пространственной интуиции, для историка - временной, для натуралиста прежде всего важно уметь воспроизводить сложные формы объектов; для экономиста - схемы и синоптические таблицы и т. п. Подобное развитие интуитивной памяти и природную потребность упражнять ее мы находим у целого ряда ученых. Известный статистик и географ П. Семенов-Тянь-Шанский любезно сообщил мне о себе следующее: "В глубоком моем детстве над кроваткой моей висела немая карта Африки. Заинтересовавшись тем, что на ней изображено, я, со слов старших, усвоил географию Африки. В то время (когда мне было лет пять) моего отца посетил Леруа-Болье, и отец произвел надо мной такой опыт: он разостлал на полу эту стенную карту вверх ногами и посадил меня на нее. Леруа-Болье производил мне по-французски подробный экзамен по географии Африки, и я, ползая по карте, выдержал экзамен безошибочно, совершенно не подозревая в наивности о каком-либо своем успехе. Затем у меня появилось какое-то бессознательное стремление упражнять свою память, и я не нашел ничего лучшего, как с необычайной быстротой выучить наизусть длинный алфавитный указатель подаренной мне кем-то естественной истории, а затем с такой же легкостью усвоил по путеводителям железнодорожные станции".

По словам биографа Карла Маркса Лафарга, Маркс, узнав на лекциях Гегеля о существовании у детей целостного процесса запоминания сложных комплексов

представлений (напр., ряда слов) и о возможности развить в себе такую способность, занимался подобными упражнениями, Шлиман в своей автобиографии рассказывает, что лет в 20 он остро почувствовал пробелы и недостатки своего образования и временное ослабление памяти, вызванное болезнью, в то же время он чувствовал неудержимую потребность в развитии именно интуитивной памяти, и он с поразительной легкостью запомнил наизусть чуть не всего "Телемака". Обладание интуитивной памятью, сочетаясь с высоким и разносторонним умственным развитием, даст проницательность. Профессор Б. В. Фармаковский подтверждает это яркой иллюстрацией - творчеством историка искусства Фуртвенглера. С одной стороны, при колоссальной работоспособности он обладал "верностью памяти", позволявшею ему

34

все время работы иметь в виду и пользоваться тем колоссальным количеством памятников, которые он видел и изучал (Фармаков-ский." Адольф Фуртвенглер". Некролог. "Гермес", 1908). С другой стороны, Фуртвенглер стремился к широким обобщениям и обладал мощным комбинационным даром - искусством сближать между собою обособленные и далеко отстоящие друг от друга диспаратные ряды мыслей и фактов. До Фуртвенглера, по словам проф. Фармаковского, в истории искусства не была достаточно тесно связана область изучения памятников пластики с литературными памятниками, не удавалось ясно определить, "какие из сохранившихся памятников возможно было бы ставить в связь с гем или другим художником, известным по текстам" (ib., 8). При необычайной силе памяти и тонко развитой наблюдательности Фуртвенглер оказался в состоянии придать всей истории античной пластики чрезвычайно яркий и осмысленный вид благодаря искусному комбинированию между собою данных, почерпнутых из текстов и из самих произведений искусства.

Об известном английском геологе Вильяме Смите, который в ранней юности заинтересовался землемерным искусством, а впоследствии стал знаменитым составителем геологической карты Англии, Смайльс пишет: "Смит обладал как бы особенной способностью проникать умственным зрением далеко под земную кору, для него, казалось, были открыты все фибры земли и весь ее скелет, вся земная организация как бы была им угадана... однажды он продиктовал Ричардсону различные слои земли в нисходящем порядке числом 33, начиная с мела и кончая углем, под которым слои тогда еще не были определены как следует. К этому он прибавил список более замечательных ископаемых, находящихся в различных слоях почвы. Все это было издано в 1801 г. Однажды Смит изумил Ричардсона, внезапно смешав всю коллекцию ископаемых и быстро восстановив их порядок по слоям (Смайльс. "Самодеятельность", 1868, стр. 185-190).

Остроградский обладал способностью совершенно исключительной "визуализации": он мог при чтении лекции охватывать в одной целостной интуиции весь сложный ряд доказательств: "Это был превосходный лектор, причем достоинство его лекций много зависело от расположения духа. Некоторые из слушателей Остроградского между прочим передают, что иногда он целую лекцию по механике или высшей математике читал, не прибегая к доске, если даже приходилось вводить и сложные формулы" (см.: Т. Трипольский. "Михаил Васильевич Остроградский", Полтава, 1902, стр. 66).

У историка многолетнее изучение жизни какого-нибудь народа и общего исторического процесса дает возможность мгновенного воспроизведения длинного ряда событий и хронологических дат в одной целостной интуиции, причем эти даты, разумеется, не вызубрены механическим повторением написанного на бумажке. Историк настолько вжился в изучаемые им явления, что может развернуть в конспективной форме длинную цепь событий в непрерывный образный или символический ряд. Здесь происходит нечто подобное демонстрации в кинематографе роста растений. Про Маколея его биограф пишет: "Однажды в столовой Британского музея сэр Дэвид видел, как Маколей вручил лорду Эбердин бумажный картуз (a sheet of fools cap), - четыре страницы были сплошь

85

исписаны в три столбца. Этот документ с еще сырыми чернилами представлял полный список "senior wranglers"* в Кембридже с датами их рождения и смерти и указаниями колледжей, где они учились, в течение ста лет, за которые их имена помечены в университетском календаре. Другой раз сэр Дэвид спросил: "Маколей, знаете ли вы ваших пап?" "Нет, - ответил знаменитый историк, - я всегда путаюсь в Иннокентиях". (I am always wrong with Innocents.) "Ну, а можете вы перечислить

архиепископов кентерберийских?" "Всякий дурак сумеет вам перечислить задом наперед архиепископов кентерберийских". И он стал почти без передышки называть их, остановившись лишь раз, чтобы отметить курьезное созвучие имен Бэнкрофт и Сэнкрофт, пока сэр Дэвид не остановил его на Кранме-ре". В первом случае, т. е. при припоминании колоссального списка имен в календаре, мы, вероятно, именно имеем пример фотографической или интуитивной памяти, во втором - мгновенное интуитивное построение ряда, который, быть может, никогда прежде не воспринимался зараз и не заучивался. Маколей очень гордился своей феноменальной памятью и не любил, когда другие подчеркивали слабость своей памяти. В одной книге у него имеется пометка по адресу таких лиц: "Они, по-видимому, так рассуждают. Чем сильнее память, тем слабее изобретательность", the more memory, the less invention (см.: Trevelyan. "Life and letters of Lord Macaulay", 1876, II). Кондорсе в Eloge**, посвященной Эйлеру, рассказывает, что Эйлер обладал совершенно необычайной способностью к самым сложным вычислениям в уме. Занимаясь со своим внуком извлечением корней, Эйлер составил себе таблицу первых шести степеней всех целых чисел от 1 до 100 и запомнил ее в точности. Двое из его учеников один независимо от другого вычисляли до 17 члена довольно сложный сходящийся ряд. Результаты работы, произведенной обоими письменно, разнились на одну единицу в пятидесятой цифре. По их просьбе Эйлер проверил их вычисление в уме, и результат, полученный им при проверке, оказался верным (Introduction a l'analyse des infiniment petits, вступит, статья Кондорсе, 1786, стр. 35). Разумеется, в формировании подобных сложных интуиций играет существенную роль и конструктивное воображение, но даже при буквальном заучивании (при участии повторных двигательных процессов), как показали экспериментальные исследования Меймана, выгоднее путь от схватывания целого к усвоению частей, а не наоборот.

Вот еще интересный пример, на котором видно, как из интуиции собственного прошлого постепенно зарождается потребность написать автобиографию.

Приступая к написанию своей автобиографии ("Из дальних лет", 1878), Т. П. Пассек описывает, при каких обстоятельствах в ней зародилась мысль написать свои воспоминания. В 1860 г. она потеряла сына (ей было 47 лет); его смерть страшно потрясла ее, душевные страдания продолжались годы ("Я дотронулась до гроба... как я не умерла у гроба, не знаю"). И вот однажды летом в деревне, томясь от "праздного горя", она внезапно нашла выход из тягостного состояния. "Раз в половине лета, оставшись одна, прилегла я в гостиной на диване. Вокруг меня не было ни звука, ни движения, только из дальней пустоши доносилась песня и как бы удваивала тишину. Полуденное солнце, пробираясь сквозь занавесы, опущенные на раскрытые окна и двери балкона, напол-

86

няло комнату мягким полусветом. Гармония и глубокое спокойствие целого отозвались благотворно на больной душе моей. Я отдыхала и задумалась о былом. Образы, ушедшие в вечность, возникали перед моим внутренним взором и так радостно обступали меня, что мне жаль стало расстаться с ними, захотелось удержать эти духовные видения. Это возможно, думала я, и они не сны, они жизнь, моя жизнь, я облеку их в живые слова, и, помимо себя, они останутся со мною, спасут меня, воскрешат жизнь "из дальних лет", - и стала писать воспоминания. Картины прошедшей жизни последовательно выдвигались одни за другими и с каждым днем становились ясней и отчетливей, вместе с ними как будто ожила и я" ("Из дальних лет", 1878, стр. 32-33).

XXVII. Болезни памяти и философское изобретение

В заключение остановимся еще на одном обстоятельстве: загадочные болезни памяти - явления гипермнезии и парамнезии - послужили толчком к развитию, а может быть, и зарождению метафизических изобретений-догадок в духе мистического спиритуализма.

Уже в XVIII в. (а может быть, и раньше) было обращено внимание на то, что впоследствии было названо панорамическим видением умирающих. Наблюдения подобного рода были, насколько мне известно, впервые собраны Фехнером в III томе его книги "Zend-Avesta". Ввиду сравнительно малого количества описаний этого явления я приведу одно из наблюдений, собранных Фехнером, и покажу, какое он дает им истолкование в пользу своего учения о бессмертии души. Пастор Керн в 1733 г. (в Гальберштадте) рассказывает: "Иоганн Швертзегер после продолжительной и мучительной болезни почувствовал приближение смерти. Он причастился и в

просветленном состоянии приготовился к смерти. Вскоре он впал в обморок, продолжавшийся около часа. Придя в себя, он ничего не говорил. Потом наступил второй обморок, продолжавшийся несколько дольше... Дня через два он впал в третий обморок, продолжавшийся четыре часа. Придя в себя, он велел призвать снова духовника и обратился к нему со следующими словами: "Ах, какую я выдержал борьбу!" Больной обозрел всю свою жизнь и все совершенные им грехи, даже такие, которые совершенно ускользнули из его памяти. Все предстало перед ним как бы совершающимся в настоящем. В заключение рассказа он сообщил, что слышал прекраснейшие звуки и видел несказанный свет, что привело его в блаженное состояние. Пастор отмечает поразительно бодрый вид у больного и необыкновенную просветленность взора. Больной сказал, что он через два дня умрет, что и случилось" ("Zend-Avesta, oder uber die Dinge des Himmels und des Jenseits vom Standpunkt der Naturbetrachtung", B. III. S. 27-29). Фехнер полагает, что подобные факты подтверждают его гипотезу, будто при наступлении физической смерти дух человека не уничтожается, но со всеми своими воспоминаниями включается в некоторое высшее сознание, в котором продолжает жить. Свидетельства, на которые ссылался Фехнер, могли бы показаться довольно сомнительным источником, если бы они не находили себе полного подтверждения в новейших наблюдениях

87

представителей экспериментальной психологии. Так, Бирвлит (Bibliotheque internationale de la psychologie experimentale, van Biervliet: "La memoire", 1893, p. 185) и Пиерон (Pieron: "Evolution de la memoire", 1910) указывают, что нередки случаи, когда в минуту внезапной смертельной опасности при сильном страхе (например, при утопании) происходит не ослабление, а внезапное усиление воспроизводящей памяти, и панорамически развертывается прошлое, начиная с раннего детства. Моя мать (англичанка), тяжело больная, за несколько месяцев до смерти однажды ночью спросонок встала с постели, пошла по комнате, упала и сильно ушиблась. Впоследствии она рассказывала мне, что в момент пробуждения после падения на ковер она вспомнила английские "nursery rimes"*, подобные нашим:

Раз-два - упала гора,

Три-четыре - прицепили,

Пять-шесть - кашу есть и т. д.

Three-four - open the door,

Five-six - lay the sticks,

Seven-eight - keep them straight... etc.

Это было ее первым воспоминанием детства, быть может, начало панорамического видения. Панорамическое видение прошлого в минуту смертельной опасности представляет не только психологический, но и общефилософский интерес, на что обратил впервые внимание Эггер в статье: "Le moi des mourants" (Revue philosophique, 1896, I, 26-28). Он приводит свидетельство одного швейцарского ученого (Гейма) о переживаниях туристов в горах в минуту падения, угрожающего смертью. Сам Гейм пережил подобное состояние и описывает его следующим образом: "Чтобы описать пережитое мною в течение нескольких секунд падения, мне пришлось бы вам рассказывать целый час. С необычайной точностью и ясностью передо мною проносились образы и мысли". Приведя далее некоторые мысли свои о средствах ослабить гибельную силу падения, он прибавляет: "Затем я обозрел все факты моего прошлого, проносившегося предо мною в виде неисчислимого количества образов". Ограничивая слово "все" добавлением "важнейшие", Эггер вполне принимает подлинность описываемого факта, что, однако, не дает ему повода придавать подобным явлениям метафизическое толкование в духе Фехнера.

Эггер описал панорамическое видение прошлого. Соллье (Revue philosophique, 1896) пробует дать ему психофизическое объяснение. По его мнению, здесь точнее было бы говорить не о реакции нашего "я" против смерти, но перед представлением об угрожающей смерти. При этом нужно принять во внимание различные случаи: 1) вызывается ли данное состояние воздействием преклонного возраста и прогрессирующего ослабления сил, 2) или влиянием продолжительной хронической

болезни, 3) или неожиданным физиологическим нарушением равновесия, 4) или воздействием неожиданной случайности на совершенно здорового человека. При этом, сверх того, должно принять во внимание возраст, интеллигентность, эмотивность и степень развития чувства личности у наблюдаемого субъекта (son degre de personnalite). Соллье, как позднее и другие, отмечает, что в подобных случаях панорамический образ прошлого далеко не всегда возникает, а когда возникает, то в наблюден-

88

ном им случае вся картина прошлого рисуется в виде не развертывающейся панорамы, но в виде одновременной интуиции. Именно такое явление он наблюдал у одной дамы морфиноманки при наступлении обморочного состояния, угрожавшего смертью. Чувство блаженства, испытываемое в данном состоянии, сводится главным образом к потере осязательной и болевой чувствительности - последнее является причиной первого. В минуты, угрожающие наступлением смерти, наше внимание конвульсивно сосредоточивается на том, в чем мы видим источник опасности, и на нашем "я", и мы как бы перестаем чувствовать наш организм, напрягая в то же время зрение и слух. Тогда с особенной легкостью всплывают воспоминания, касающиеся самого существа нашей личности, в одном сложном образе.

Бирвлит в своей книге "La memoire" подтверждает описанное здесь явление. По его словам, Winslow и Rouillard приводят подобные же случаи гипермнезии при травматизме физическом или моральном, как выражается Бирвлит, - панорамическое видение прошлого при утопании и при лежании вдоль рельс под быстро мчащимся поездом, а также живые воспоминания 15-летнего мальчика об операции трепанации черепа, перенесенной на 4-м году, операции, о которой он ничего не помнил, но которая вспомнилась с мельчайшими подробностями обстановки в горячечном бреду.

Другое болезненное явление в области памяти - это парамнезия в форме так называемого "sensation du deja vu"*, когда в известный момент мне внезапно кажется, что все переживаемое мною уже "было когда-то, но только не помню когда". Это явление было давно подмечено художниками и тонко описано в ряде художественных произведений (Диккенс: "Давид Копперфильд", Л. Толстой: "Война и мир", А. Толстой: "По гребле неровной и тряской", Верлен: "Kaleidoscope", Лоти: "Roman d'un enfant" и т. д.). Вот как описывает это состояние Верлен в стихотворении "Калейдоскоп":

Dans une rue au coeur d'une ville de reve

Ce sera comme quand ou a deja vecu

Un instant a la fois tres vague et tres aigue,

O, ce soleil parmi le brume qui se level

O, ce cri sur la mer, cette voix dans les bois!

Ce sera comme quand on ignore des causes,

Un lent reveil apres bien de metempsychoses

Les choses seront plus les memes que l'autrefoi.

Dans cette rue au coeur de la ville magique,

Ou les orgues moudront les gigues dans les soirs,

Ou des cafes auront des chats sur les dressoirs,

Et que traverseront des bandes de musique,

Ce sera si fatal, qu'on en croira mourir**.

89

Есть многочисленные попытки объяснить эту иллюзию психологически. Наиболее глубокой и остроумной попыткой является попытка Бергсона, но мы не будем здесь

разбирать ее, а отметим только, что эта иллюзия связана с временным понижением нормального для данного лица психического уровня и потому часто наблюдается в минуты чрезвычайной усталости или при психастении. Между тем парамнезия описанного рода давала повод к зарождению метафизической и мистической гипотез о "мирах иных", о которых душа как бы вспоминает

в некоторые исключительные моменты жизни. Вследствие этого она являлась как бы субъективным подтверждением, а может быть, и одним из мотивов для зарождения учения о переселении душ и о вечном круговороте. Мы не имеем никаких положительных данных утверждать, что идея переселения душ в своем первоначальном зарождении в древних религиозных и философских учениях возникла именно в связи с описанным явлением, и когда, например, Эмпедокл говорит, что он был растением, птицею, рыбою, мальчиком, девочкой и т. п., то мы не можем решить, есть ли это в его устах лишь отражение пифагорейского лейтмотива, или тут сыграли роль и известные субъективные переживания. Однако последнее допущение не лишено правдоподобия. Профессор С. Г. Елисеев рассказывал мне, что при посещении одного буддийского монастыря в Японии он при взгляде на видимую им впервые местность почувствовал на несколько секунд, что он как будто бы был здесь когда-то, и сообщил об этом переживании монахам; они с удовольствием выслушали его рассказ и тотчас сообщили ему свои религиозно-метафизические комментарии к этому явлению, объяснив проф. Елисееву, что его душа, очевидно, была здесь раньше в другом воплощении. Связь учения о метемпсихозе с парамнезическими переживаниями совершенно очевидна у Гердера, взгляды которого по данному вопросу опровергает Радищев в своем труде "О человеке, его смертности и бессмертии". Гердер пишет: "Das sind also Augenblicke der stissesten Schwarmerei und Sondernheit bei schonen milden Luftorten, bei angenehmen Augenblicken des Umgangs mit Personen die wir unvermuthet sind und sanft getauscht in uns oder uns in ihnen gleichsam aus einer friiheren Bekanntschaft fuhlen, Erinnerungen aus dem Paradiese... Die Palingenesie ist also richtig..." etc.* (см. мою работу "Философские воззрения Радищева", приложенную к Полному собранию сочинений Радищева, т. II, изд. Акинфьева). Идея "вечного круговорота", также древнего происхождения, в новейшее время высказана Бланки и Ницше и, я думаю, связана не только с философским образом мыслей обоих мыслителей, но и с миром их эмоциональных переживаний. Вынужденное одиночество у первого - тюрьмой, у второго - болезнью влекло за собою ту надломленность духа, при которой наблюдается описанное выше психастеническое sensation du deja vu, и не лишено вероятия, что оно сыграло известную роль в процессе образования их философских концепций.

Для того чтобы оценить надлежащим образом значение памяти в процессе научного изобретения, надо отрешиться от предрассудка считать память исключительно познавательным процессом. Недостаточно говорить об аффективной памяти как особом виде памяти. Нужно иметь в виду, что различные виды памяти у данного лица связаны генетически с различными его наклонностями, как унаследованными и инстинктивными, так и приобретенными и привычными. На глубокую связь памяти с инстинктами указал в замечательной статье Риньяно: "De l'origine et de la nature mnemonique des tendances affectives" (см. книгу "Essai de synthese scientifique", 1912, p. 85). Но об этой стороне памяти, ее чуткости (sagacitas) мы будем говорить в связи с рассмотрением роли инстинктов в научном и философском творчестве (см. т. II, гл. III, IV и V).

ГЛАВА ПЯТАЯ

ТВОРЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

XXVIII. Главные особенности творческого воображения

Творческий дух есть "Geist der stets verneint". Оригинальный мыслитель диссоциирует привычные связи мыслей. Он разрушает кажущееся сходство явлений А и В и вскрывает более глубокое внутреннее сходство между, по-видимому, совершенно несходными явлениями С и Д. Можно поставить вопрос, от чего зависит вероятность удачного сближения двух идей в творческом процессе, идей, которые ранее никогда не сопоставлялись, ибо ведь диссоциация порождает новую ассоциацию. Для этого, как мы видели, необходима сильная от природы и правильно организованная путем систематического упражнения память. Такая память обеспечивает яркость комбинируемых образов и отчетливость комбинируемых мыслей. Но, кроме этого, нужны: 1) широта комбинационного поля воображения. На это обстоятельство указывает целый ряд философов. Мы видели, что Литтре отмечает у Конта способность "avoir present a l'esprit"* колоссальное множество мыслей. Точно так

же Малебранш пишет о философах: "Нужны большие способности, чтобы найти какую-нибудь истинную систему, ибо недостаточно обладать большою живостью и проницательностью, а нужна еще известная глубина и обширность ума для того, чтобы дух мог обозреть разом множество вещей. Средние умы при всей живости и остроте своей недостаточно сильны, чтобы увидеть все, необходимое для установления какой-нибудь системы" ("О разыскании истины", I, 225). 2) Подвижность элементов в комбинационном поле воображения. Дабы сознание могло охватить зараз и сопоставить множество образов и мыслей, необходимо, чтобы в сравнительно небольшой период времени через поле сознания прошло множество мыслей, входящих в системы упорядоченных единств. Необходимо периодически делать синопсис, смотр своим идеям, производить "сбор всех частей". Именно это имеет в виду одно из методологических указаний Декарта: "Надо повсюду производить столь полное перечисление и столь всеобщее обозрение, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено". Таким путем соблюдается не только логическая полнота, но и психологическая экономия работы. Подобные синопсисы являются одинаково ценными для всех родов изобретателей - для техников и для философов. Вот что сообщает Энгельмейер об изобретателе центробежного насоса Аппольде: "Когда перед ним вставало затруднение, то он имел привычку подробно обсуждать поставленную перед собою задачу. Затем он направлял внимание на простейшие способы, посредством

91

которых можно было бы получить желанный результат. С этой целью он вызывал в уме своем в продолжение дня все факты и принципы, относящиеся к данному случаю, и обыкновенно разрешение задачи приходило к нему рано утром, тотчас после сна" ("Творческая личность и среда в области технических изобретений", 1911, стр. 24). Этой потребностью в быстром обзоре всех накопленных знаний в акме процесса творчества, я думаю, объясняется та быстрота работы, которая иногда замечается у философов. "Раз взявшись за перо. - пишет Литтре (продолжение вышеприведенной цитаты), - Конт уже не мог расстаться с ним, и каждый из этих толстых томов системы позитивной философии был набросан единым духом. Как только у него накапливалось достаточное количество листков, чтобы доставить достаточный материал типографии, не задерживая в дальнейшем перерывами набор, он отдавал эти листки в печать, не делая во время корректуры никаких поправок и держа всего одну корректуру" (Gruber. "Auguste Comte", фр. пер., стр. 78-79).

Подвижность ассоциаций в сочетательной работе творческого воображения должна быть различной у людей творческой отвлеченной мысли и у людей действия - hommes (faction. Математик или философ может годы обдумывать свой труд, ему нечего торопиться, он не связан в творческом процессе заданным наперед сроком, для него нет обстоятельств, не терпящих отлагательства. Иное дело творческая деятельность полководца или политического вождя, которая требует исключительной быстроты изобретательности и умения немедленно провести замысел на деле. Вот почему умозрительные творческие натуры, по словам Аристотеля, имеют большею частью меланхолический темперамент, т. е. реагируют на внешние впечатления медленно и сильно, а люди действия, по словам Канта и Лесгафта, нередко принадлежат к холерическому темпераменту с быстрой и сильной реакцией.

Шахматная игра, согласно индийским сказаниям, возникла как субститут братоубийственной войны, и способности игрока в известном смысле изоморфны способностям полководца. Это обстоятельство дает повод д'Аламберу противопоставить одаренность ученых математиков и игроков "на срок".

Фантазия философа отличается от фантазии художника тем, что он комбинирует не образы, а мысли, хотя и через посредство образов и символов; каждая из этих мыслей входит в упорядоченное логическое единство, и все мысли, сочетаемые его творческой фантазией, направлены к известной всеобъемлющей цели. 12 лет научная фантазия Канта двигалась в известном намеченном им направлении, чтобы кристаллизоваться в великую книгу в течение полугода. В творчестве философа неразрывно связаны два момента: преднамеренный, умышленный, зависящий от разума и воли, и непреднамеренный, стихийный, смутно-сознательный. 1) Творческому процессу предшествует многолетняя подготовка в виде упорядочения всего комплекса психических наклонностей в сторону будущей научной деятельности - все конвергирует к одной будущей цели. При определенном специальном замысле работа духа сосредоточивается на том, что нужно для его осуществления. Это та черта саморуководительства, которую отмечает д-р Тулуз так ярко

92

выраженной у Пуанкаре, - приобретение соответствующих знаний, интеллектуальных навыков, выработка отчетливости понятий, усвоение различных технических приемов в данной работе и объединение всего этого в синтетическое единство апперцепции, в связи с уверенностью в прочности и обоснованности приобретенных знаний. 2) Непреднамеренная сторона творчества заключается в фантазировании, пробовании, свободной игре ассоциаций. Она, в свою очередь, проявляется в двоякой форме: а) в виде фантазирования и мечтательства наяву и б) в виде творческих грез во сне. Спенсер пишет: "Наклонность строить воздушные замки, надо полагать, считается вредной, однако я отнюдь не уверен в этом. В умеренной степени она мне представляется благодетельной. Ведь это игра конструктивного воображения, а без последнего нет завершения духовного развития. Я думаю, что во мне эта наклонность возникла из самопроизвольной активности духовных сил, которые в последующей жизни послужили средством к более высоким достижениям" ("Автобиография").

На творческой работе научной фантазии во сне я позволю себе остановиться несколько подробнее ввиду существующих разногласий по этому вопросу.

Мистические писатели - Кардан, Бурдах, Сковорода - склонны видеть в сновидных грезах творческие откровения высшего порядка. Между тем то, что они приводят в виде образчиков подобных откровений, или не нуждается в мистическом объяснении, или вовсе не есть ценное изобретение.

Кардану дух сообщил per somnum* следующую бессмыслицу: "Te sin casa et Lamant id de vita quatuor annorum ex responsione Simii? Et de vermicolis qui in sentellis apparuerunt?"**

Бурдах пишет следующее: "При приступах истощения, являющихся обыкновенно предвестниками нервной горячки, мне во сне представлялись научные проблемы, которые я не в силах был решить и которые мучили меня до самого пробуждения; при новом засыпании начиналась новая мука. Мне нередко во сне приходили в голову научные догадки, представлявшиеся мне столь важными, что я пробуждался. Ввиду того, что я такие случаи отмечал до того как опыты, произведенные над собою, я заметил, что они почти всегда приходились на летние месяцы. Нередко эти сны относились к предметам, которыми я в то время занимался и которые все же по своему содержанию были совершенно чужды мне". Так, например, во время работы над мозгом ему приснилось, что "die Umbeugung des Ruckenmarks zum Uebergange ins Gehirn bezeichne den Gegensatz beider durch das Durchschneiden ihrer Axen und durch das zusammentreffen ihrer Stromungen in einem Winkel, der beim Menschen mehr als bei Thieren einem rechten sich nahere und die eigentliche Bedeutung der aufrechten Stellung enthalte"***... 11 октября 1818 года ему приснилось: "Die Gestalt der Fornix wird durch die des Staburanzes bestimmt der vorn weiter nach hinten trete, hinten mehr divergiere"****.

"Порой, однако, эти догадки касались таких предметов, о которых я в то время вовсе не размышлял, и отличались почти всегда еще большей смелостью. Так, например, в 1811 г., когда я еще твердо придерживался обычных воззрений на кровообращение и на меня по

93

данному вопросу не оказывали никакого влияния воззрения какого-нибудь другого лица, а сам я, вообще говоря, был занят совсем другими вещами, приснилось мне, что кровь течет своей собственной силой и впервые приводит в движение сердце, так что рассматривать последнее как причину движения крови - это все равно что объяснять течение ручья действием мельницы, которую именно он приводит в движение. Приведу еще одну из таких полуистинных догадок, доставивших мне такое большое удовольствие во сне: 17 июля 1822 г. я подумал во время послеобеденного сна, что сон, как и удлинение мышц, есть возвращение в себя (ein in sich gehen), которое заключается в упразднении противодействия; я проснулся с чувством полного прояснения, которое, казалось мне, эта мысль распространяла на широкий круг жизненных явлений, но тотчас же все погрузилось снова в сумрак - до того чужд был для меня подобный взгляд" (Radestock. "Schlaf und Traum". S. 183).

В. Эрн в своей книге о Григории Сковороде приводит сон Сковороды, который ставит, по его значению для человечества, выше великих изобретений, приснившихся Декарту в 1619 г. Вот сон Сковороды: "В полночь ноября 24-го числа 1758 г. в

селе Каврай казалось во сне, будто я рассматриваю различные охоты житья человеческого по разным местам. В одном месте я был, где царские чертоги, наряды, музыки, плясания, где любящиеся то пели, то в зеркала смотрелись, то бегали из покоя в покой, снимали маски, садились на богатые постели и прочее. Оттуда повела меня сила к простому народу, где такие же действия, но особенным образом и порядком производились. Люди шли по улице со стклянницами в руках, шумя, веселясь, шатаясь, как обыкновенно в черном народе бывает, также и любовные дела сродным себе образом происходили у них. Тут, поставя в один ряд мужеск, а в другой - женский пол, рассматривали, кто хорош, кто на кого похож и кому достоин быть парою... Наконец, сила ввела меня в храм некий обширный и прекрасный; тут якобы в день сошествия Св. Духа служил я литургию с диаконом и помню, что провозглашал: "Яко свят еси, Боже наш" и пр. до конца. При сем по обоим хорам пето было протяжно "Святый Боже". Сам же я с диаконом, перед Престолом, до земли кланяясь, чувствовал внутренно сладчайшее удовольствие, которого изобразить не могу. Однако и тут человеческими пороками осквернено: сребролюбие с кошельком таскается и, самого священника не минуя, почти вырывает в складку. От мясных обедов, которые в союзных почти храму комнатах отправляемы были и в которые из алтаря многие двери находились во время литургии, дух проникает до самой святой трапезы. Тут я видел следующее ужасное позорище. Как некоторым недоставало к яствию птичьих и звериных мяс, то они одетого в черную ризу человека, имевшего голые колена и убогие сандалии, убитого в руках держа, при огне, колена и икры жарили и мясо с истекающим жиром отрезывая и отгрызывая жрали и сие делали акибы некоторые служители. Я, не стерпя смрада и свирепства, отвратил очи и вышел. Сей сон не меньше усладил меня, как и устрашил" (см.: В. Эрн. "Сковорода", 1912, стр. 97-98). Я должен прежде всего сказать, что сон этот производит на меня впечатление проповеднической параболы, и если Сковорода и впрямь его видел, то все же сильно "стилизировал". Но даже если

94

допустить, что он записан им совершенно точно, то все же он не заключает в себе решительно никакого философски значительного для нас, для человечества, изобретения, хотя он мог быть "вещим" в духовном и моральном развитии самого Григория Саввича.

XXIX. Творческая работа во сне и ее научное истолкование

Если одни психологи склонны придавать сновидной фантазии какие-то сверхъестественные свойства, то другие, наоборот, готовы отрицать за нею всякую способность к творческой продуктивности. Так думает, например, Шпитта, начисто отрицающий в качестве выдумок все случаи изобретения во сне. Другие, как И. Г. Оршанский, пишут: "Известны случаи, когда во сне сочинялись стихи, решались математические задачи и т. п. Такие случаи принадлежат к патологическим" ("Сон и бодрствование с точки зрения ритма", 1878, стр. 119). Окс оспаривает патологич-ность подобных случаев. Совершенно правильны, думается мне, соображения Радестока: "Легко видеть, что в подобных случаях активность умственных способностей не может быть отнесена на счет сна, но что она является отголоском жизни бдения и доказывает только для человека важность сна, устраняющего ослабление сил. Элементы, долженствующие образовать новую мысль, уже имеются в готовом виде, но утомленный дух был не в силах в бодрственном состоянии их объединить; как только сон оказал противовес утомлению, эти элементы приобретают новую силу репродукции, подвергаются меньшему влиянию со стороны чувственных впечатлений, нежели днем, они остаются в большей степени изолированными и могут в большей степени развернуть внутрь и вглубь таящиеся в них зародыши мыслей, также и самосознание не сочетает их принудительно в известные связи, но они притягиваются друг к дружке в силу избирательного сродства и образуют иногда более чистый продукт кристаллизации" ("Schlaf und Traum". S. 184).

Весьма замечательно, что этот правильный путь к научному истолкованию интересующего нас вопроса наметил вполне отчетливо Аристотель. При объяснении состава сновидений он принимает во внимание влияние на них господствующих помыслов, настроений и стремлений спящего и из этих данных объясняет прогностический характер сновидений. Заодно с просвещенными врачами древности он отмечает "вещую" природу снов в смысле обнаружения симптомов начинающейся болезни, но "разумно и художникам, обдумывающим что-нибудь и философствующим, руководиться сновидениями".

Беккер так поясняет это место: "Dicit autem Aristoteles etiam artifici atque philosopho animadvertendum esse in somnia, videlicet quod multa subtiliora clarius turn apparent ut liberior phantasia audaciores submiscet imagines"*, что вполне согласуется с дальнейшим контекстом главы у Аристотеля (см.: Aristoteles. De somno et vigilia, de insomniis et divinatione per somnum libri., изд. под ред. Беккера, 1823, глава первая, строки 35-37 и далее до конца главы, стр. 67).

Многие психологи рассматривают догадку во сне как продукт бессознательной психической деятельности. Так смотрит сам Лейбниц, упоми-

95

нающий о том, что во сне мы легко и непроизвольно изобретаем то, что наяву потребовало бы многих размышлений ("Principes de la nature et de la grace"). Дюга в статье: "Le sommeil et la cerebration inconsciente" (Revue philosophique, 1897, I, 410) оспаривает этот взгляд и предполагает, что в процессе изобретения участвует смутная работа сознания, поставленная на известные рельсы предшествующей подготовкой. Бергсон и другие психологи тоже вполне основательно предполагают, что подобные процессы происходят обыкновенно при не очень глубоком сне. Некоторые (Hammond) полагают, что в подобных случаях даже имело место пробуждение ночью (см.: Jewell. "The psychology of dreams", "American Journal of Psychology", 1905). Мы думаем, подобно Дюга, что нет никакой надобности для объяснения подобных явлений прибегать к гипотезе "бессознательной психики". Полная несостоятельность ее показана мною в статье "Э. фон-Гартманн", Русская мысль, 1906. Во сне имеют место: 1) припоминание совершенно забытых идей и фактов, 2) художественная творческая деятельность, 3) житейские, научные и философские догадки. 1. Лейбниц рассказывает следующее о сне Скалигера: "Когда однажды Юлий Скалигер прославил в стихах знаменитых веронцев, некто Бругнолус, баварец по происхождению, но издавна поселившийся в Вероне, явился ему во сне и упрекнул его, что тот позабыл о нем. Юлий Скалигер вспомнил то, что когда-то слышал о нем, и написал по поводу этого сна элегические стихи. Сын Скалигера, Иосиф, впоследствии убедился, что Бругнолус действительно существовал". "Весьма вероятно, что Скалигер знал нечто о Бругнолусе, но забыл об этом, и что сон был частичным возобновлением этой идеи, хотя у него и не было здесь воспоминания в собственном смысле слова, когда мы воспризнаем раньше имевшуюся идею. По крайней мере, я не вижу никакой необходимости, которая вынуждала бы нас утверждать, будто от перцепции не остается никакого следа в том случае, когда от нее не осталось достаточного следа, дабы получить возможность осознанного воспоминания" ("Nouveaux Essais", кн. I, гл. III. Ed. Erdm., 1840, p. 221). Об Александре Македонском существует следующее предание: "Во время одного из его многочисленных походов его друг Птоломей был ранен ядовитою стрелой. Сильно огорченный тем, что придется потерять близкого человека, Александр заснул. Во сне он увидел дракона, который, показывая ему неизвестную траву, советовал ему лечить ею раненого, предсказывая хорошие результаты. Утром Александр велел своим воинам ее искать, дав точное описание формы стеблей, цвета и места, на котором можно было ее найти. Траву скоро нашли. Птоломей был излечен; с тех пор очень удачно лечили ею всех раненых, отравленных стрелами. Будучи прекрасно образован для своего времени, Александр мог, конечно, знать, да, по всей вероятности, и знал целебные свойства многих лечебных трав. Очень может быть, что когда-нибудь раньше ему были сообщены лечебные свойства этой травы и ее местонахождение. Впоследствии Александр мог совершенно забыть об этом, а затем под влиянием сильного душевного потрясения при виде опасности, угрожавшей жизни его друга, он мог вспомнить об этом во сне, потому что ум его был всецело поглощен изысканием какого-либо средства к спасению любимого друга" (А. Л. Лямин. "Сны и сновидения" и т. д. 1904, стр. 28-29).

96

Со сном Александра можно сопоставить другой, виденный французским психологом Дельбёфом. Я изложу его вкратце - подробности читатель найдет в его исследовании о сновидениях. Ему приснилось (сентябрь 1862 г.), что он находится в самом начале зимы на дворе, уже покрытом снегом, и видит на снегу двух мерзнущих ящериц, как ему казалось, постоянных обитательниц его дома. Согрев их в руках, он поместил их у входа в норку, положив туда обрывки веток растения asplenium ruta muralis, которое росло тут же на стене двора. В это время один знакомый кинул в него камешек из окна дома. Дельбёф влез по стене и проник через окно в его комнату и запер его в шкаф. Вернувшись на двор, он увидел, что ящериц стало больше, появилась 3-я, 4-я, 5-я и, наконец, целые полчища потянулись к

asplenium. Желая узнать причину, по которой asplenium привлекал их, Д. подошел к кустарнику уже не на дворе, а в лесу, сорвал его листья, растер их между пальцами и заметил, что растение очень приятно пахнет, и подумал при этом, что Brillat-Savarin (книгу которого он читал перед сном) не прав, утверждая, что запахи не входят в состав сновидений. По пробуждении Д. долго не мог понять, почему ему приснилось растение asplenium, о котором он ничего не знал наяву, и самое название было для него совершенно ново. Загадка объяснилась лишь 14 лет спустя (в 1876 г.): приехав в Брюссель к друзьям, он увидел альбомчик для собирания сухих трав и в нем нашел asplenium. Тут он вспомнил, что 16 лет тому назад (в 1860 г.) он под диктовку ботаника вписал в подобный альбомчик названия трав и некоторые пояснения - альбомчик предназначался в подарок одному подростку. Оказалось также, что картина множества ящериц была навеяна гравюрой, виденной в журнале 'Tour du monde" за 1861 г. Дельбёфу попалась в руки эта книга снова лишь в 1877 г. ("Le sommeil et les reves", p. 107).

Позволю себе привести один случай гипермнезии во сне, наблюденной мною на самом себе. В 1912 г., кончая работу "О перевоплощаемости в художественном творчестве", я видел во сне, что сожалею об употреблении в упомянутой статье терминов "аналитический" и "синтетический" в нестрого гносеологическом значении этих слов. Но затем, как бы оправдываясь перед самим собою, я вспоминаю, что у Канта эти термины также употреблены однажды не в им установленном гносеологическом смысле, и думаю, что соответствующее место имеется в "Reflexionen zur Anthropologie". На другой день я взял в университетской библиотеке "Reflexionen" и на последней странице книги нашел искомое. "Reflexionen" я перелистывал в Лондоне за тринадцать или четырнадцать лет до этого сна, у меня были сделаны незначительные выписки из начала книги, но приведенное место не было связано у меня ни с малейшим чувством знакомости. Бирвлит (Biervliet) в своей книге "La memoire" высказывает предположение, что гипермнезия в одном направлении связана с понижением деятельности других родов памяти. Не приложима ли эта догадка и к случаям внезапного припоминания совершенно забытого во сне?

2. Случаи художественного изобретения во сне весьма многочисленны, и многие приведены мною в работе "О перевоплощаемости в художественном творчестве".

97

Приведу еще несколько примеров. Вольтеру пришел в голову вариант одной из сцен в "Генриаде" во сне. Зекендорф сочинил во сне стихотворение, начинающееся следующими словами:

Holde susse Phantasei Immer wirksam, immer neu. Dann sei deinen Zauberbildern, Die mein hartes Schicksal mildern*.

Вольтер сымпровизировал во сне следующее стихотворение, посвященное Турону, который свои же стихи перекладывал на музыку:

Mon cher Touron, que tu m'enchante Par la douceur de tes accents, Que tes vers sont doux et coulants, Tu les fais, comme tu les chantes**.

Вольтер замечает по поводу автоматизма подобного творчества, что человек подлинно есть машина. См. "Dictionnaire philosophique", art. "Somnambules"***. Коульридж также сочинил стихотворение во сне. Селли сообщает шараду, сочиненную им во сне: "What might a wooden ship say, when her sid was stave in? "Tremendous!" (Tree-mend-us****). Помнится, я старался усовершенствовать загадку. Могу заметить, к счастью, что в бодрственной жизни я отнюдь не склонен к сочинению загадок, хотя когда-то я и пережил увлечение подобным занятием. Меня поражает то, что составление подобных загадок, состоящее большею частью из отвлечения внимания от смысла и сосредоточения его на звуках, представляет как раз ту пониженную форму умственной деятельности, какую можно ожидать найти во сне ("Illusions", p. 181).

3. Сны, в которых разрешаются математические задачи и достигаются различного рода интеллектуальные догадки, бывают довольно часто, но при собирании сведений о них особенно ценно знать конкретные подробности, какова именно была проблема и как именно был получен результат, ибо нередко снится, что сочиняешь великолепные стихи или постигаешь важную философскую истину, между тем на самом деле, быть может, переживаешь лишь субъективную уверенность в истинности и важности

полученного результата. Г-жа Смирнова рассказывает, что однажды Пушкин проснулся ночью и разбудил жену, желая прочесть ей сочиненное во сне стихотворение, но при попытке прочесть его он почувствовал, что оно целиком ускользнуло из его памяти. Академик А. С. Лаппо-Данилевский рассказывал мне, что однажды он видел во сне огромные языки пламени, причем у него мелькнула мысль об одушевленности всей материи. Объективно по пробуждении он не имел никаких новых и неопровержимых аргументов в защиту панпсихизма, но он отлично помнит, что он пережил необыкновенно интенсивно радостное чувство глубокой, непоколебимой убежденности в истинности такого взгляда на материю.

Удельный вес догадок и изобретений во сне может быть весьма различен - от какого-нибудь незначительного усовершенствования, вроде изменения условий шахматной игры, до интуиций, чреватых великими последствиями. А. Ланге рассказывает, что, будучи шахматистом,

98

он однажды видел во сне шахматную доску с 81 или 100 квадратиками с большим числом фигур, из которых одна по имени "Аин" (буква еврейского алфавита, означающая глаз) была старшая и по своему виду представляла комбинацию пешки и офицера. Королева была образована комбинацией пешки и туры. Доска была, как сказано, увеличена, увеличено и число фигур. Легко было развить далее эту возникшую в грезах идею, и, таким образом, число возможных партий увеличивалось, естественно, на несколько биллионов. (Elissen. "F. A. Lange".)

Кондорсе решил во сне одну математическую проблему ("Insanity of genius", by Nisbet). Дельбёф рассказывает, что в 1878 г. он задумал построить себе дом, в котором не было бы тех архитектурных недостатков, которые были им замечены в других зданиях. Он и днем был поглощен набрасыванием плана, расчетами и вычислениями, и по ночам грезил о том же. Особенные трудности представляла задача конструкции некой лестницы, ведшей в подземелье. "Я придумывал различные способы решения задачи, но ни один не удовлетворял меня всецело. Однажды ночью во сне я не только переделал, как мне казалось, с величайшей точностью мои вычисления, но и придумал новую комбинацию, которая, замечу в скобках, и была принята мною окончательно" ("Le sommeil et les reves", 1887, p. 225-226).

Аберкомбри рассказывает, как один выдающийся юрист в Шотландии тщетно пытался разобраться в одном запутанном и важном юридическом казусе, по которому он должен был дать совет другому лицу. После нескольких дней напряженной работы мысли в этом направлении он однажды лег спать, и жена его заметила, что ночью он встал с постели и подошел к письменной конторке, стоявшей у него в спальне. Затем он сел и принялся писать длинную записку, которую тщательно уложил в конторку, а затем снова лег в постель. Утром, по пробуждении, он сообщил жене, что видел ночью преинтересный сон и что готов отдать все на свете, чтобы восстановить ход своих мыслей в этом сновидении. Тогда жена подвела его к конторке, где он нашел свою резолюцию ясно и полностью изложенной, и притом он нашел ее совершенно правильной (цитата взята из книги Colderwood'a "The relations of mind and brain", 1879, p. 345).

"Я знавал человека, - пишет Кабанис, - весьма просвещенного и мудрого, который был убежден в том, что он неоднократно находил во сне надлежащий выход в затруднениях, которые его в данный момент озабочивают" (Cabanis. "Rapport du physique et du moral", Du sommeil, § 3). Он же говорит: "Кондильяк рассказывал мне, что, работая над своим "Cours", он должен был нередко ложиться спать, подготовив мысленно свою работу, но не завершив ее, и после пробуждения он находил, что работа получила уже в голове его совершенно законченную форму". Банзен отмечает, что в снах нам нередко даются удивительные разъяснения касательно характера кого-нибудь из наших личных знакомых, после того как мы тщетно пытались, путем абстрактных комбинаций, разгадать мотивы, которыми руководилось известное лицо, нас может по этому поводу во сне внезапно "озарить свет" благодаря той волшебной силе, которою обладают некоторого рода сны, дающие нам, подобно гению, заглянуть в корень вещей, выделить существенное из случайного ("Beitrage zur Characterologie", 1867, p. 126).

99

Верный famulus* Шопенгауэра - Фрауэнштедт однажды (Memorialen, Briefe und Nachlasstucke из книги: "Arthur Schopenhauer" Линднера и Фрауэнштедта) задал ему

вопрос: почему утром, тотчас по пробуждении, проясняются без всякого напряжения вопросы, которые казались темными накануне вечером. Шопенгауэр ответил: "Видите, как физичен наш интеллект, я могу при этом сослаться на мое учение об утомляемости интеллекта в противоположность неутомляемости воли". При этом он указал на ложность мысли Бенеке, будто человек тем менее интеллигентен, чем более нуждается во сне, и подчеркнул, наоборот, необходимость продолжительного сна для мощно работающего интеллекта, ссылаясь при этом на свидетельства Декарта, Канта и на свой личный опыт. В книге "Мир как воля и представление" он рассказывает о неудачных попытках Фридриха Великого сократить время сна и усматривает в подобных стремлениях отголоски фальшивого интеллектуализма, согласно которому чистое мышление не есть функция мозга (В I. S. 471).

Творческая работа фантазии во сне может содействовать логическому процессу формирования понятий путем подготовления родовых образов, на почве которых могут образовываться научные понятия, в виде кинематографической смены или одновременного ассортимента однородных образов. Первый процесс Фрейд неосновательно называет сгущением образов, ибо образы как психические образования не могут сгущаться (см. об этом мое исследование "О перевоплощаемости в художественном творчестве", вып. V "Вопросов теории и психологии творчества", 1913) - таковы сборные или смешанные лица во сне (Фрейд. "Психология сна". Москва, 1912, стр. 26). Во втором случае сновидение выражает логическую связь сближением во времени и в пространстве подобно "художнику, соединяющему на картине Парнаса всех поэтов, которые, конечно, никогда не находились вместе на одной вершине горы, но в понятии несомненно образуют одну семью" (ib., стр. 87). Весьма любопытно то, что в упадочных формах философского мышления, когда категории мысли и мировые сущности приобретают характер олицетворений и божеств, мы получаем в синоптической таблице основных категорий и сущностей мира сновид-ный образ Олимпа богов. Именно такое явление можно наблюдать, например, у Прокла. Здесь явна аналогия в подмене процессов мышления внешними комбинациями образов в одном случае наяву, в другом - во сне.

XXX. Рациональный и иррациональный моменты

в деятельности творческого воображения.

Особенности творческого воображения у философов

В комбинационной деятельности творческой фантазии есть своеобразная противоположность путей для устранения ненужного. Чтобы получилась счастливая комбинация идеи, нужно или математически исчерпать всевозможные комбинации, или предоставить игру сочетающихся представлений лотерее случая. Методическое продолжительное обдумывание днем и беспорядочное калейдоскопическое сочетание представлений в грезах и сновидениях и дают изобретателю иногда счастливый синтез обоих моментов. Кроме грез, удачному диссоциированию

100

привычных, шаблонных сочетаний наших представлений и чувствований иногда благоприятствуют случайные внешние восприятия. Это замечается в художественном творчестве и поэтов, и живописцев, и музыкантов. Однажды Фрауэнштедт спросил Шопенгауэра, почему при умственной работе пользование каким-нибудь добавочным, совершенно не относящимся к делу раздражителем, например раскручивание и закручивание руками бумажки или нитки, помогает умственной работе. Шопенгауэр относит это явление к некоторому расщеплению интеллекта между двумя диспаратными родами работы - интуитивной и абстрактной деятельности ("Arthur Schopenhauer". Lindner und Frauenstadt, 194-195). Кант дает в "Антропологии" следующее объяснение этому явлению. "Смена подвижных образов (мелькание искорок в камине, журчание ручья, кручение нитки в руках) вызывает в творческой игре воображения множество побочных представлений, не относящихся к объекту наших размышлений, но оказывающих косвенное возбуждающее и направляющее действие на наше самочувствие и ход наших мыслей. Такое же действие оказывает на поэта или философа (если они немузыкальны) и музыка. При этом обогащается чувственный материал фантазии при процессе размышления". Кант приводит пример из английского журнала "Spectator". Один адвокат имел привычку, произнося речи, наматывать на палец веревочку. Однажды он потерял ее и запутался в ходе своей аргументации - отсюда выражение "потерял нить в своей речи" ("Kants Werke", издание Шуберта и Розенкранца, т. XII, стр. 71). Покойный академик Л. Н. Майков имел именно такую привычку, а когда приходил в гости к близким друзьям, то неизменно во время беседы вынимал

веревочку из кармана и крутил ее руками. О "фас-цинирующем" воображение действии каминного огня можно найти указания многих поэтов. Так, например, Пушкин описывает игру творческого воображения в стихотворении "Мечтатель": "В камине гаснет огонек... С волшебной ночи темнотой, при месячном сияньи, слетают резвою толпой крылатые мечтанья"; вот третий отрывок из "Послания Юшкову"*: "Вот мой камин под вечер темный, осенней бурною порой, люблю под сению укромной пред ним задумчиво мечтать, Вольтера, Виланда читать или в минуту вдохновенья небрежно стансы намарать и жечь потом свои творенья... вот здесь... но быстро привиденья, родясь в волшебном фонаре, на белом полотне мелькают; мечты находят, исчезают, как тень на утренней заре". Сурио в своей книге "Theorie de l'invention" обращает внимание на то, что рифма в поэзии ценна не только тем, что она увеличивает и для поэта, и для читателя музыкальность стихотворения, но и тем, что она иррациональна, случайна, и поиски за нею вносят в круговорот идей в процессе творчества момент неожиданности, иногда ведущий к обогащению содержанием самых образов. Леонардо да Винчи1 в трактате "Delia pittura" (гл. XVI) пишет:

1Я весьма обязан проф. С. Г. Елисееву, знатоку японского языка и литературы, за то, что он обратил мое внимание на один совет, даваемый китайским писателем по эстетике XI в., совет, по существу совпадающий с указанием Леонардо да Винчи, а именно он советует накладывать тонкий шелк на старые стены и шевелить тканью до тех пор, пока не получатся из смутных очертаний фигуры гор. Об этом см. книгу Petrucci по китайской эстетике.

"Способ возбуждать дух и воображение к изобретению многих вещей: глядя на какую-нибудь старую стену, покрытую пылью, можно увидеть вещи, весьма сходные с теми, которые входят в композицию картины: пейзажи, битвы, облака, смелые позы (les attitudes hardies), головы необычайного вида и множество тому подобного. Множество подобных объектов оказывает большую помощь духу, доставляя ему множество контуров и совершенно новых тем". Музыканты нередко намеренно связывают свое творчество искусственными условиями, стимулирующими их изобретательность; сюда относятся сочинения на заданную случайную тему, нередко неизменно монотонно повторяющуюся: многие пьесы Шумана, Римского-Корсакова и др. на В - А - С - Н или парафразы Бородина, Римского-Корсакова, Лядова и Кюи на "собачью польку", на фоне неизменного повторения последней сочиняется множество весьма разнообразных пьес, лишь внешним образом связанных с упорно повторяющимся оборотом (причем темы пьес совершенно другие). В научном и философском творчестве таким внешним благоприятствующим удачной диссоциации моментом нередко является перемена обстановки; мы увидим ниже, что "озарение" творческой догадкой нередко застигает философа во время прыганья на трамвай, влезания на высокую гору, среди уличной сутолоки и т. п. Но "уловление" счастливого случая возможно и рациональным путем per enumerationem simpiicem* всех возможных, по крайней мере, типических комбинаций идей.

Особенности творческого воображения у философов весьма многообразны, постольку, поскольку многообразен, как мы видели, круг философских интересов и наклонностей. Вундт дает следующую схему для характеристики той роли, которую творческое воображение играет у ученых различного типа: он разделяет фантазию в науке на воспринимающую, т. е. привходящую в процесс восприятия, и комбинирующую, а склад научного ума - на индуктивный и дедуктивный, откуда получаются четыре возможные комбинации.

I. Наблюдательный талант: Воспринимающая фантазия плюс индуктивный ум.

II. Изобретательный талант: Комбинирующая фантазия плюс индуктивный ум.

III. Аналитический талант: Воспринимающая фантазия плюс дедуктивный ум.

IV. Спекулятивный талант: Комбинирующая фантазия плюс дедуктивный ум.

В приведенной схеме (см. 1-е издание "Оснований физиологической психологии") порядок разновидностей воображения, по-видимому, соответствует переходу от более конкретного к более абстрактному и от индуктивных операций мысли к дедуктивным. Но мне думается, что сама схема скорее выражает лишь отдельные стороны в дарованиях ученого и философа, а не типы творческой фантазии. Схема Вундта, например, связывает изобретательный талант исключительно с индуктивным умом, т.

е. с дарованием, например, натуралиста-экспериментатора, а не с дарованием математика или философа. С другой стороны,

102

индукция и дедукция - процессы соотносительные, дедуктивные операции играют огромную роль в естественно-исторической изобретательности так же, как и "индуктивный" процесс (в смысле движения мысли от п случаев к п + 1-му случаю) в математике. Поэтому можно говорить лишь о преобладании какой-нибудь из упомянутых разновидностей творческого воображения у того или иного ученого.

XXXI. Фантасмы научного воображения

Мы знаем из общих данных психологии, что творческое воображение играет, наряду с памятью и мышлением, огромную роль в построении любого восприятия. Истолкование природы какого-нибудь предмета предполагает соучастие воображения; нутро видимых вещей, внекруго-зорные представления (т. е. представления предметов, находящихся вне сферы непосредственного поля зрения), представление содержания чужой душевной жизни - все это осуществляется благодаря конструктивной работе воображения. Но не об этом я имею в виду говорить; я хочу обратить внимание на то, что во всех науках играют роль особые фантасмы, но не фантастические образы, какие мы встречаем в искусстве. Фантастические образы заведомо не имеют себе соответственных реальностей, но лишь принимаются за якобы реальные в процессе эстетического эмоционального мышления. Научные фантасмы таковы, что они в сознании ученого хотя и не соответствуют вполне по своему содержанию действительности, но в гипотетической форме и в самых грубых и приблизительных чертах верно схватывают известные объективные отношения между явлениями или косвенно наглядным образом дают нам в воззрительной форме картину тех отношений, какие были бы между вещами, если бы основные законы природы и мысли были иными.

При этом нужно иметь в виду, что в процессе образования научных фантасмов играет роль не только фантазия изобретателя, но и объективные данные, нередко даже поддающиеся в известных пределах количественному расчету. Только в первоначальном замысле играет роль фантазия - в его осуществление уже привходит расчет.

В истории науки нередки случаи вольной, т. е. умышленной или неумышленной, подмены объективно значимого научного фантасма субъективной фантазией ученого. Ярким примером такого случая является известная история, случившаяся с "Естественной историей творения" Геккеля. Желая внушить читателю мысль, что зародыш человека на известной стадии развития неотличим от зародыша некоторых других млекопитающих, он трижды воспользовался тем же типографским клише. Его биограф Бёлыпе пытается извинить его, но уж лучше бы не пытался. Он ссылается на дороговизну клише в эпоху печатания первого издания книги Геккеля (1868) и на то, что Геккель в тексте поясняет, что зародыши сходны лишь по внешнему виду, а не по внутренней структуре, забывая, что весь nervus probandi* рассуждений Геккеля лежал в том, чтобы объективно констатировать различными фотографическими снимками сходство внешних форм, а не морочить читателя подменою

103

нескольких сходных изображений одним тождественным. Очевидно, Геккель принимал своих читателей за современников гоголевского Хлестакова (см.: В. Бёльше. "Эрнст Геккель", 1910, стр. 91-92).

В геометрии и механике мы имеем помощь воображения мышлению в виде родовых образов или типических схем, служащих эмпирической иллюстрацией какого-нибудь геометрического понятия, причем если оно сложно, то в помощь воображению создаются механические модели. Таковы модели кривых поверхностей. Примером фантасмов в форме косвенной наглядности являются образы проекций из 4-го измерения в наше пространство.

В области физики существенную роль играет то, что Максуэлль называет механическими иллюстрациями. Voigt (Фохт) в своей речи, посвященной лорду Кельвину, усматривает в его созидании механических моделей проявление известной художественной склонности. "Исключив все, что было не необходимо для построения теории, Томсон постоянно возвращается к попыткам сделать и механизм процессов нагляднее и до известной степени доказательнее. Он придумывает модели, которые

могли бы осветить отдельные процессы, вызывая эффекты, аналогичные тем, которые наблюдаются в действительности. Упругие тела он изображает при посредстве вращающихся механизмов, соединенных в своеобразном сочетании, вихревые кольца и жидкости изображают у него атомы, мыльная пена изображает у него световой эфир, который принимает его теория. Он постоянно снова возвращается к попыткам конструкции механической модели кристаллического вещества; для новейших процессов радиоактивности он имеет наготове модель молекулы, которая, состоя из различных частей в неустойчивом равновесии, при малейшем ударе распадается со взрывом. При этом Томсон вовсе не держится постоянно одной определенной концепции, а всегда готов создавать новые модели для изображения новых свойств. В моделях этих он видит не действительные копии природы, а только символы определенных свойств, вероятно существующих в природе" (см.: Фольк-манн. "Теория познания естественных наук", стр. 86-87)1.

В химии роль творческого воображения и, в частности, воображения геометрического особенно ярко проявляется в деятельности одного из основополагателей стереохимии - Вант-Гоффа, который, пройдя в 1 года 3-годичный курс в Политехникуме в Дельфте, окончил его в 17 лет (1869 г.). Профессор Яковлев пишет в биографии Вант-Гоффа: "В этом

1 Идея воспользоваться фантасмами научного воображения в физической географии в виде модели земного шара принадлежит Джильберту, на нее позднее указывает Дидро, который настаивает на экспериментировании над моделью земного шара при изучении электрических и гальванических явлений в атмосфере, например северного сияния. Профессор физики Н. А. Булгаков любезно указал мне, что современные исследователи, например Биркеланд, пользуются при изучении подобных явлений тереллой, т. е. маленькой моделью земли. "Терелла" - это шарообразный магнит, помещенный в трубке с катодными лучами (см. "Записки по гидрографии", издаваемые Главным гидрографическим управлением под редакцией С. А. Советова, 1914, т. 38, стр. 421. - Статья профессора Ник. Ал. Булгакова "О вековых и суточных вариациях элементов земного магнетизма. Изучение северных сияний Биркеландом"). Дидро говорит об экспериментальном и естественном земных шарах (см. "Pensees", § 33 и § 43).

высшем техническом заведении должна была преподаваться начертательная геометрия, наука, развивающая геометрическое воображение и чувство геометрических форм и отношений. Отсюда произошло его прочное знакомство с математикой: здесь окрепла, очевидно, врожденная ему способность мыслить геометрическими пространственными образами". Но Вант-Гофф отдался изучению химии, и здесь сочетание великого дарования экспериментатора с мощной геометрической фантазией сделало из него создателя стереохимической гипотезы. В первой его химической работе "...вы уже слышите слово о связи между оптической деятельностью органических соединений и их структурными формулами, построенными в пространстве". Подобная мысль долгое время представлялась авторитетным химикам произвольной фантастикой, лишенной объективного значения, и даже, как выразился Кольбе, "галиматьей" (см. "Новые идеи в химии", 1, Яковлев: "Биографический очерк. Вант-Гофф", 1911).

В геологии творческая фантазия ученого создала карты прошлого и будущего земли. Доктор Лютер в 1683 г. впервые задумал воссоздать на карте минеральный состав земли, прибегая к различным краскам. В настоящее время мы имеем карту суши земли через 10 000 лет.

В биологии мы находим фантасмы, изображающие предположительно ныне не существующие промежуточные формы растительного и животного царств (например, у Геккеля), а также воссоздания целых экземпляров ископаемых животных, от которых сохранился лишь скелет или часть скелета. Последнее блестяще осуществлял Кювье благодаря корреляции, существующей между всеми частями организма. Исходя из аналогии с эвристическими фикциями в математике, Конт предлагает ввести в биологию типические образы фиктивных организмов, которые надлежит вставлять между типическими образами известных нам организмов. "Такие организмы искусственно построены воображением ученого, чтобы облегчить процесс сравнения организмов, так как таким путем мы делаем известный биологический ряд более однородным и непрерывным, короче, более правильным, из подобных фиктивных организмов многие, быть может, окажутся впоследствии существующими в природе в более или менее точном виде среди неведомых нам до сих пор организмов" ("Cours de la philosophie positive", v. III, p. 431-433).

В социологии и истории фантасмы научного воображения играют огромную роль. Изображая среднего человека (homme moyen) эпохи или типическое крайнее явление, историк одинаково апеллирует к воображению читателя, причем яркость и живость его изложения сходны, но отнюдь не тожественны с живописностью, какую мы встречаем у романиста-историка. Об этом речь будет ниже1.

В психологии участие воображения непрестанно, ибо, исследуя любое специальное психическое явление или занимаясь индивидуальной психо-

1 Примером научного фантасма воображения в истории искусств может служить гипотетическая реконструкция картин античных мастеров, которые не дошли до нас, по литературным описаниям. Такую реконструкцию производил художник Фармаков-ский. Воспроизведение подобной реконструкции имеется в книге брата художника Б. В. Фармаковского "Художественный идеал демократических Афин".

логией, мы одинаково апеллируем и к самонаблюдению читателя, и к его способности к перевоплощению, в которой играет важную роль воображение. Кроме того, наглядные схемы нередко играют полезную косвенную роль при исследовании душевных процессов (см., например, в работе Пьера Жане "Неврозы" схему для пробелов памяти).

Попытка дать схему личности в характерологии Лазурского заключается в графическом изображении в виде кругов, расположенных на листе бумаги, корреляции основных наклонностей человека. Круги цвета А, цвета В и цвета С могут соответственно символизировать три различные степени какой-нибудь основной наклонности, а их пространственная группировка может символизировать степень близости или отдаленности внутреннего сродства наклонностей. Такая схема может служить наглядной иллюстрацией, "психологическим фантасмом", сопровождающим подробную словесную характеристику изучаемого лица. Последняя получается из продолжительного изучения проявлений данной личности по определенной разработанной детально "программе". Но построение характеристики получается не одним механическим объединением отдельных записей, но сверх того при наблюдении человека и эксперимен-тации над ним мы должны по возможности перевоплотиться мысленно в него. Для такого перевоплощения не нужна никакая мистическая интуиция, нужна чуткость психолога: надо идти сразу и от изучения частей к целому (от записей), и от целого к частям, взаимно проверяя частные наблюдательные и экспериментальные данные и общий целостный облик человека, облик, который сложился у нас и при построении которого нами без нашего ведома и воли всплывают дополнительные иногда существенно важные черты, не уловимые ни в какую тетрадку, ни путем искусственного эксперимента, ни путем искусственного наблюдения. Вот что пишет Лазурский в "Школьных характеристиках" об этом втором интуитивном способе построения психологической характеристики: "Другой способ заключается в том, что исследователь уже заранее, изучая материалы, относящиеся к данной личности, составил себе представление об ее общей конструкции и ее главных особенностях. Поэтому, приступая к подобной сводке всего материала, мы получаем не бледную отвлеченную схему, а живой портрет данной личности; этот способ труднее первого, но дает более яркие, так сказать, более красивые характеристики".

В социальной философии имеют большое значение в качестве умственного эксперимента различные утопии, начиная с "Государства" Платона, "Телемы" Рабле, "Утопии" Томаса Мора, "Города Солнца" Кам-панеллы и кончая новейшими опытами в этом роде, как произведение Уилльяма Морриса "Вести ниоткуда".

Наконец, творческое воображение играет роль и в философии при построении общей картины мира. Философ, если он метафизик, дает нам характеристику истинной сущности мира; если он критический философ, он строит перед нами понятие связного единства мира явлений; в обоих случаях при построении понятия о мире (Weltbegriff) приходится пользоваться и образными элементами - дать известный целостный образ мира (Weltbild), подобный машине мира (Worldmachine) у натуралистов. Это приблизительно то, что Бергсон называет "посредствующий образ"

(image mediatrice), при помощи которого иллюстрируется нечувственная идея

В области гуманистических наук мифы, легенды, аллегории, параболы могут играть роль такой же своеобразной иллюстрации, что и механические модели в естествознании: 1) Они служат для освещения какой-нибудь метафизической или гносеологической проблемы. Рассказ об узниках в пещере у Платона, диалог между "субъектом и объектом" у Шопенгауэра, "Сон д'Аламбера" у Дидро суть образные модели для освещения общефилософских проблем. 2) Такие же иллюстрации могут играть роль и в этических проблемах: описание души тирана у Платона, "Басня о пчелах" Мандевиля, "Три разговора" Соловьева, "Заратустра" Ницше служат прежде всего целям этического размышления. Никак нельзя сказать, что "Фауст" Гёте есть 25%-ный раствор философии на 75% поэзии, "Заратустра" же наоборот. Несмотря на поэтическую форму и здесь, и там, фокус внимания творца и центр тяжести в обоих произведениях глубоко различны. В гетевском "Фаусте" мотив творчества художественный, но, сверх того, в нем заключено и философское содержание. В "Заратустре" мотив творчества философский (этический), и философ пользуется своим вторым добавочным дарованием для преображения отвлеченных положений в типические образные схемы полухудожественного произведения. 3) Поэтические и образные элементы служат далее в философии материалом для умственного эксперимента, который философ применяет в области самого процесса философского творчества. Он вводит нас в лабораторию, где зарождаются, созревают и развиваются сами философские понятия. Это особенно часто наблюдается там, где для самого философа они еще не вполне ясны, "не сказаны" с полной отчетливостью, и он в "борьбе со словом" прибегает к описательным выражениям. Достаточно напомнить по этому поводу "Пир" Платона, "Феноменологию" Гегеля, "Эннеады" Плотина. По этому поводу есть глубоко верное замечание у Канта: "Es scheint zwar nichts geschmackwidriger zu sein, als Metaphysik, aber die Zierrate die an der Schonheit glanzen, lagen erstlich in dunklen Griiften, wenigstens sah man sie durch die finstere Werkstatt des Kunstlers" (см. "Reflexionen". B. II, II, 6)*.

XXXII. Проблема подобных миров

Деятельность творческого воображения нашла себе в философии своеобразное проявление в "проблеме подобных миров". Существует обширная "научно-фантастическая" литература от Фонтенеля и Вольтера до Жюля Верна и Уэльса, где изображается жизнь на других планетах, и "образ мира" у существ иной, но подобной нашей организации. Забавность и пикантность подобных произведений заключается в том, что дух человеческий с присущими ему "земными" свойствами помещается в другую обстановку (например, вне действия закона тяготения) или наделяется новыми способами управлять силами природы. Так, Микромегас, житель Сириуса, по словам Вольтера, гигант в восемь лье высотою, обладает высшим интеллектом, будучи 250 лет, все еще "учится в иезуитской коллегии своей планеты". Мы имеем в виду

107

не такие чисто фантастические и a la longue* довольно скучные измышления, но "умственные эксперименты", представляющие действительный гносеологический интерес. Проблема подобных миров занимала умы философов и ученых от Гераклита, софистов и скептиков до Пуанкаре. Гераклит жалуется на то, что органы чувств - "плохие свидетели", так как у них "варварские души", т. е. грубая природа. Подобно тому как Гейманс развивает картину акустического мира, Гераклит говорит об обонятельной вселенной: (fragm. 7).

Гераклит не был скептиком, называя органы чувств плохими свидетелями, он, однако, открывает путь для последующего сенсуального скепсиса софистов, Пиррона и Секста. У последнего мы находим в качестве аргумента против возможности истинного познания мира зависимость "картины мира" от особенностей психофизической организации у различных животных. Так, структура глаз некоторых насекомых должна порождать в их сознании совершенно иной образ мира. После великих астрономических открытий Коперника и Бруно1 и падения аристотелевского абсолютизма проблема подобных миров связывается с идеей относительности в области количественной. Малебранш, позднее Кант указывают, что вселенная, в которой размеры всех предметов были бы пропорционально уменьшены, ничем бы в наших глазах не отличалась от теперешнего состояния вещей, даже если бы наша планетная система была величиной с орех. То же можно сказать и о временных отношениях. Этим провозглашался уже не скептический, а критический релятивизм понятий, который и до сих пор чужд догматическим умам, что можно видеть на

Дельбёфе, который дважды выступал печатно с утверждением, что пропорциональное уменьшение размеров и скоростей в мире изменило бы и его качественные свойства. Испанский схоластик Бальмес, по примеру Малебранша, ставит вопрос, изменилось ли бы что-нибудь в мире, если бы земной шар стал вращаться вдвое быстрее, а все остальное, включая и темп движения наших идей, в мире proportions gardees***, изменилось в том же направлении. Дельбёф, в противоположность Бальмесу, отвечает на этот вопрос утвердительно. Он так поясняет свою мысль. Если, примерно, предположить, что вращение Земли стало бы в 17 раз скорее, то маятник на экваторе остановился бы. Ошибка Дельбёфа, как указывает Лешала (La critique philosophique, 1888, p. 373: Probleme des mondes semblables), заключается в том, что с увеличением скорости вращения Земли соответственно увеличилась бы и скорость падения тел, о чем Дельбёф совершенно забыл подумать. В другом сочинении "Мегамикрос", предполагая мир уменьшенным в размере, Дельбёф показывает, что в результате получится не одна лишь количественная, но и качественная разница. Но дело в том, что

1 Бруно, исходя из открытий Коперника, провозглашает идею бесконечности миров и сближает человеческий микрокосм с божественным макрокосмом (сближение, имеющее до него длинную историю), Лейбниц, опираясь с другого конца на исследования микроорганизмов при помощи микроскопа Левенгёком в учении о монадах, сближает безмерно малое с безмерно великим и рассматривает бытие как бесконечный ряд подобных миров от низшей монады до человеческого мира и от мира "планетных гениев" до Бога.

мир уменьшенного размера Дельбёф предполагает состоящим из тех же (не уменьшенных в размере) составных частей, но в меньшем количестве. Эти ошибки весьма характерны для догматиков абсолютизма, которые, нужно прибавить, относятся к проблеме подобных миров нередко лишь как к праздной игре ума. Гегель в "Философии природы" являет яркие черты подобного догматика, утверждая вослед Аристотелю, что наша планетная система не имеет истории, и осуждая эволюционизм в биологии. И то же мы видим у зараженного богословскими предрассудками английского философа Уэвеля', которому глубоко враждебны идеи Канта, Лапласа и Дарвина. В то время как Кант допускал (в "Теории неба") возможность других разумных существ, кроме человека, на других небесных телах, Уэвель горячо нападает на анонимный труд "The plurality of Worlds", появившийся в 1853 г. Если мы вспомним, что одним из главных пунктов обвинения против Джордано Бруно было то, что он допускал воплощение Христа не только в человека, но и в другие планетные существа, то нам станет понятной ненависть Уэвеля ко всему, что задевает за живое богословский антропоцентризм. Подобным же образом гегельянец Страхов тратит немало пороху для стрельбы по воробьям, опровергая возможность Микромегаса Вольтера, как будто памфлет Вольтера был чем-нибудь большим, нежели публицистическая фантазия. Страхов доказывает, что Микромегас рухнул бы от собственной тяжести, забывая, как и Дельбёф, что при увеличении размеров все единицы меры соответственно изменились бы и, следовательно, сопротивляемость материалов, из которых состоял бы Микромегас, была бы та же. Подобно Аристотелю и Гегелю, Страхов дает "философское" доказательство, что большего количества органов чувств, чем пять имеющихся у человека, и не нужно для живого существа. По его словам, чувства разделяются на три разряда, и четвертого не может быть: 1) чувства, дающие нам знать о внутрителесных переменах - субъективные - обоняние и вкус; 2) чувства, дающие нам знать о внешних переменах - объективные - зрение и слух; 3) субъективно-объективное чувство - осязание, служащее обеим целям зараз. Несомненно, что эта априорная дедукция органов чувств навеяна следующим местом из "Философии духа" Гегеля: "Их не более и не менее, потому что органы чувств соответствуют самому понятию материального тела. Три момента этого понятия - единичное, частное и общее: свойства тел воспринимаются соответствующими родами чувств, к которым сводятся те пять органов, которые обыкновенно легко различаются у человека. Отдельным (наиболее отвлеченным) физическим свойствам тел соответствуют чувства одного разряда - чувства зрения и слуха. Особенным (теснее связанным) химическим свойствам соответствуют чувства второго разряда, чувства обоняния и вкуса. Наконец, общему (целому) свойству материальных тел - тяжести - соответствует одно чувство - осязание" ("Философия духа", § 401). Здесь общее с Гегелем стремление придать "человеческому, слишком человеческому" универсальное логическое значение. Само же деление ощущений на субъективные, объектив-

1 Характеристика философских идей Уэвеля дана мною в статье "Уэвель". Энц.

ные и субъективно-объективные заимствованы у Канта без упоминания источника (см. "Антропологию").

В новейшее время проблема подобных миров поставлена в связь с новыми открытиями и прежде всего с неэвклидовской геометрией. Принцип всеобщей относительности здесь якобы приходит в любопытное столкновение с тем положением, что в неэвклидовской геометрии нет подобия, и прямая нетожественна себе при любом протяжении. У очень больших треугольников сумма углов > 2d, и, следовательно, мир Мик-ромегаса, по-видимому, может оказаться отличным от нашего мира не одними размерами, но и структурой. Новая электронная теория материи послужила для английского физика Фурнье д'Альб (Foumier d'Albe) основой для своеобразного сочетания идей Микромегаса и Мегамик-роса, хотя он не упоминает в своей книге "Два новых мира"1 (инфра-мир и супра-мир) ни о Вольтере, ни о Дельбёфе. Он исходит из глубокого убеждения, что электронная теория материи не есть рабочая гипотеза, лабораторная "модель природы" в условном смысле слова, но подлинное выражение истинной сути вещей. Он устанавливает полную аналогию между структурой ядра, окруженного электронами, и солнца, как центра планетной системы, и дает характеристику не только механики, физики и астрономии "инфра-мира", но даже высказывает догадки о жизни в этом мире. Установив аналогию между нашим миром и инф-ра-миром и опираясь при этом на утверждение, что размеры инфра-мира приблизительно в 10-22 меньше нашего мира, т. е. относятся к его размерам, как 1 к 1022, автор устанавливает такое же отношение и для движений в инфра-мире и в нашем мире, а затем, proportions gardees, набрасывает подобную же схему и для "супра-мира". Защищая при помощи различных физических и астрономических соображений гипотезу бесконечности вселенной, он рассматривает млечный путь в качестве элемента для нового высшего единства - супра-звезды, которую он также наделяет высшими формами жизни, существование коих если и недоказуемо, то все же не находится в прямом противоречии с данными опыта. Наша млечная система оказывается супра-организмом; автор сближает атомы и звезды, электроны и планеты, клеточки и млечные пути. Человека автор представляет всемогущим существом, которое путем науки и знания выйдет за пределы земли, овладеет впоследствии властью над солнечной системой и, сам при этом постепенно изменяясь, проникнет и в запредельную область супра-мира.

XXXIII. Исторический фантасм в науке и искусстве

Вопрос о том, что я называю "фантасмами" научного воображения в области исторических наук (всеобщая история, история литературы, история искусств и т. д.), представляет по некоторым причинам особенные трудности, а между тем он крайне интересен для историка философии. Поэтому я остановлюсь на нем несколько подробнее. Никто, кроме некоторых захудалых богословов, не отожествляет "фантасмы" в облас-

1 Книгу Фурнье д'Альба мне любезно указал И. Я. Колубовский.

ти точных наук с продуктами поэтического творчества. Между тем до сих пор еще историки спорят, что такое история - наука или искусство. Так, например, Гумплович в книге "Sociologie und Politik" (1892) говорит: "Историческое писание навсегда останется тем, чем оно до сих пор было, - более или менее поэтической передачей человеческих деяний в сфере политической жизни". И далее он заявляет: "Как я сказал про древний эпос, что он был распеваемая история - с точки зрения своего времени, - так отсюда логически вытекает, что всякое историческое писание есть повествовательный эпос". С другой стороны, в области литературы нам знакома манера "мыслящих реалистов", например Добролюбова, трактовать художественное произведение как объективно научный социологический документ; и еще в настоящее время найдутся студенты, с увлечением пишущие "исследования" на тему "Быт русского крестьянина по "Запискам охотника" Тургенева". Это поразительное смешение понятий всего лучше рассеять сопоставлением творческой работы "историка-художника" и "историка-ученого". Мы знаем, что Шекспир дал длинный ряд трагедий, представляющих художественную ретушировку исторических хроник; что Пушкин по его примеру в "Борисе" воссоздает по летописям и Карамзину эпоху смуты; что то же делают Толстой в "Войне и мире" по отношению к 12-му году, Менцель в живописи по отношению к истории Фридриха Великого, прерафаэлиты Гольман Гент, Мадокс Браун, а также Тиссо по отношению к библейской истории,

Эберс (знаменитый египтолог) по отношению к Древнему Египту и т. д. С другой стороны, творческий процесс историка не только в былые времена, но и в современности представляет, по крайней мере в некоторых формах исторического творчества, бросающиеся в глаза аналогии с художественной техникой. Я говорю не об изяществе внешней формы, не о благородной стилизированной прозе историка, ибо в этом отношении он не отличается ни от биолога, ни от химика, ни даже от математика, у которого также может быть налицо изящество (Eleganz) в построении теорий (вспомним гениального Пуанкаре) и в способах решения задач. Нет, я имею в виду самый способ конструкции исторического фантасма, который как будто до неразличимости похож на литературный тип, на художественный образ. Ведь нашлись же историки, которые даже в созданиях Тацита усмотрели пышное риторическое художественное построение, долженствующее не описывать и доказывать, а заражать известными чувствами и "внушать" известные действия. Ведь повернулся же язык у двух историков, чтобы сказать, что творение Фукидида есть "военная эпопея", а Ранке прямо признает, что великий историк должен быть зараз и художником, и ученым. Отметим сначала черты сходства, чтобы потом оттенить черты различия между историком-ученым и историком-художником. Историк описывает не индивидуальное, но всегда типично-индивидуальное; индивидуум, как таковой, в своей бесконечной неисчерпаемости, несказанности может быть лишь бесконечно отдаленным пунктом для научного познания. Так, Лампрехт пишет против Below'a: "Научное мышление, как частный вид мышления вообще, должно быть направлено на общее, типическое". При этом, конечно, градации общности могут быть бесконечно разнообразны, и спецификация при описании исторического явления может

111

далеко опережать даже пресловутое фактопоклонничество Ф. Ф. Соколова. В другом тезисе, направленном против Below'a, Лампрехт пишет: "Единичное индивидуальное доступно лишь художественному изображению, следовательно, для истории, как науки, оно может иметь только второстепенное значение". Что художественный образ, например в историческом романе или опере, не есть понятие хотя бы индивидуальное - это бесспорно. Но, с другой стороны, столь же бесспорно, что этот образ типичен, что это родовой образ. Великие художники-историки, как указывал уже Гегель, - художественные реалисты, т. е. они стремятся внушить читателю чувство правдоподобности, объективной возможности изображаемых лиц и событий. Их подготовительные работы, их ученая эрудиция при создании исторического образа во многом похожи на работу историка. Чрезвычайно яркую иллюстрацию этой мысли мы находим в творчестве Пушкина, который говорит относительно образа Пимена в "Борисе Годунове": "В нем собрал я черты, пленившие меня в летописях, - простодушие, умилительная кротость и т. д.". М. Покровский в статье: "Пушкин и римские историки"1 показывает, что наш поэт изучал Тацита, интересуясь, во-первых, типом самодержца-тирана и, во-вторых, быть может, типом самозванцев. Для интереса к психологии деспота у него был личный мотив - ненависть к преследовавшему его Александру, которого он в одном письме называет Тиберием. Не менее интересовала его и личность другого деспота - Наполеона. Эти отдельные черточки в душе тиранов были изучены Пушкиным еще до создания типа Бориса Годунова. Профессор Покровский высказывает весьма вероятное предположение, что Пушкина могли заинтересовать и самозванцы, о которых рассказывает в "Анналах" Тацит, - история Агриппы Постумия напоминает историю Лже-Димитрия. Но при создании типа Лже-Димитрия он имел также в виду и некоторые штрихи из облика Генриха IV (на что и сам он указывает). Анализу творческого процесса при созидании "Бориса Годунова" посвящен ненапечатанный доклад Ключевского "Борис Годунов с исторической точки зрения".

Как историк слегка видоизменяет при помощи интерпретации единичные данные, как статистик искусной рукой слегка сглаживает получающиеся кривые, так художник ретуширует образы, даваемые историческими документами, также в целях их типизации, отбрасывая случайные мелочи, заслоняющие характеристическое в данном явлении.

XXXIV. Черты сходства и различия в процессе их образования

В связи со стремлением дать объективную картину изображаемых событий и историк, и художник должны обладать даром перевоплощаемости. Чтобы разбираться в человеческом прошлом, надо вообще понимать людей, и только таким путем историк, а равно и художник разовьют в себе способность чувствовать эпоху. Для такой перевоплощаемости и художнику, и историку нередко помогает конгениальность

1 См. сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. Москва, 1909, стр. 478-487.

изучаемого лица или типа с душою изучающего, или контрастная противоположность, или и то и другое вместе. Возьму для примера Алексея Толстого и Карлейля. Почему А. Толстому так удался в его трилогии именно царь Феодор? "Желание отказаться от блеска, уйти в себя так знакомо было Толстому. Бесконечно нежное чувство Феодора к Ирине так близко напоминает любовь Толстого к жене" (С. А. Венгеров). Толстой понял, что Феодор "не слабоумный, лишенный духовной жизни человек, что в нем были задатки благородной инициативы, могущей дать ослепительные вспышки". С другой стороны, если мы вспомним ибсеновского Брандта в образе историка, представителя доктрины "или все или ничего" (the doctrine of "all or none"), этой мятущейся души, преисполненной великих контрастов, для которой либеральный позитивизм Милля был свинской философией, "pig philosophy", то нам станет понятным его интерес к внутреннему миру Кромуэлля, письма и речи которого он издал, снабдив их примечаниями, "с могучим образом Кромуэлля Карлейль, можно сказать, чувствовал духовное сродство" (Гензель. "Карлейль", рус. пер. 1903, стр. 186). Точно так же Гензель замечает: "Я думаю, что французы никогда не были обрисованы лучше, чем в этих главах Карлейля о массовых движениях на старых улицах Парижа (в "Истории французской революции"). Соединение самой низменной кровожадности с самым возвышенным энтузиазмом, полной растерянности - с внезапно пробуждающеюся лихорадочной деятельностью, направленною к какой-нибудь безумной цели, ежедневные шествия на гильотину, а затем чувствительная растроганность в день мира, праздник в честь Верховного Существа, - все эти противоположные и притом одновременные обстоятельства Карлейль изображает с величайшим мастерством" (ib., 164).

Иногда можно подметить у историков влияние политической идеологии, бытового или эстетического уклада изучаемого ими народа и изучаемой ими эпохи на их собственных вкусах и взглядах. Так, например, культ Гомера у Шлимана был так силен, что на старости лет он построил себе большой дом в Афинах, внутри которого все напоминало Гомера. Сына он назвал Агамемноном, а дочь - Андромахой. Свой дом он окрестил именем слуги назывались Беллерофон

и Теламон. Из рабочей комнаты хозяина был виден при солнечном закате в пурпурном озарении Акрополь. С гостями-классиками Шлиман говорил на гомеровском диалекте, которым владел практически. Жена его София, жившая, подобно мужу, в гомеровском прошлом, знала, как и муж, весьма многое из Гомера наизусть и могла продолжать цитату, начатую мужем; в этом, по крайней мере, она сама нас уверяет. Гостям, затруднявшимся говорить на гомеровском диалекте, хозяин любезно предоставлял возможность изъясняться на родном языке.

И историк, и художник, долго занимающиеся изучением какой-нибудь эпохи или какого-нибудь человека, начинают сами порой мыслить и чувствовать в унисон со своими излюбленными героями. Флобер пишет: "В св. Антонии я сам был св. Антонием". Римский-Корсаков рассказывает, что, углубившись в течение нескольких лет в изучение и переработку опер Мусоргского, он порой самого себя чувствовал как бы Мусоргским. То же можно наблюдать и у историков. Было бы

несправедливо сказать, что в этой симпатии творца к изображаемому и изучаемому объекту следует видеть лишь следствие "логики чувств", ведущей к субъективизму. Едва ли кто станет оспаривать, что симпатическое вчувствование является необходимым условием для понимания мотивации в поступках изучаемого яркого индивидуума или изучаемого "среднего человека" известной эпохи. Ведь все науки о духе опираются на постулат формальной однородности в организации познающего духа исследователя и познаваемой личности в сфере истории, литературы, искусства, права или языка1. В истории неизбежно то, что академик Лаппо-Данилевский называет "конструкцией чужого я", в основе которой лежит не простое логическое заключение по аналогии, но более сложный психический процесс "влезания в чужую шкуру" путем эмоционального сопереживания. И это соображение сохраняет всю свою силу, будем ли мы оценивать исторический роман как научное исследование или как "научный источник". А между тем любой историк, беря в руки роман Вальтера Скотта "Woodstock", совершенно ясно сознает, что в данном случае нет места для "интерпретации" этой книги в качестве исторического научного источника. А казалось бы, бытовые подробности, скажем "Дочери египетского царя" Эберса, так

же скрупулезно точны, как и картины русской жизни в "Быте московских царей" Забелина. Естественно, что все вышеприведенное приводило и еще и теперь приводит к некоторой спутанности мысли у историков по поводу взаимоотношения эстетического и научного моментов в образовании фан-тасмов исторического воображения. В давние времена Лессинг указывал (52-е письмо) на зависимость художественного исторического изображения от полноты или неполноты источников, а Гервинус советовал историку выбирать темы, подходящие для художественного изображения, и если Ранке осторожно заявляет: "Die Historie ist zugleich Kunst und Wissenschaft"*, напирая на первенство научного момента, то Зибер2 отожествляет творчество поэта и историка, строя силлогизм по второй фигуре с двумя утвердительными посылками:

1 Бернгейм пишет: "Die Identitat der Menschennatur ist das Grundaxiom jeder historischen Erkenntniss"* ("Lehrbuch der historischen Methode", 1908, S. 192). Сеньобос замечает: "Если бы факты, сообщаемые источниками, не были аналогичны с наблюдаемыми нами, мы не могли бы в них ничего понять" (ib., S. 192).

2 Одним из поводов к смешению научно-исторического фантасма с поэтическим образом, я полагаю, является веками освященная литературная традиция, ведущая свое происхождение из "Поэтики" Аристотеля; в ней Аристотель, с одной стороны, интеллектуализирует эстетическое удовольствие, чрезмерно сближая поэзию с научным познанием: "Мы созерцаем с удовольствием подражания, потому что отсюда получается нечто поучительное, например при рассматривании портрета, когда мы устанавливаем сходство его с оригиналом"; с другой стороны, Аристотель обесценивает научное значение исторического познания, которое-де индивидуально, не имеет того типизированного, обобщенного, очищенного от иррациональных случайностей характера, каким отличается истинное поэтическое произведение, которое он считает более философским и серьезным, чем историческое повествование (гл. IX, 1451, в 5), "ибо поэзия занимается более общим, а история единичным". Аристотель не оттеняет здесь того факта, что типичность в художественном произведении есть лишь обобщенный образ, воздействующий на эмоциональную впечатлительность; история же, с другой стороны, вовсе не останавливается на единичном, но стремится к установке обобщений, объективно значимых для познания и выражаемых в понятиях.

114

Историк нуждается в фантазии.

Поэт нуждается в фантазии,

Значит, поэт и историк - одного поля ягоды.

Указанная спутанность мысли имеет одинаково невыгодные последствия и для историков в глазах исторической критики, и для художников в глазах художественной критики. Если история есть искусство, то к ней возможно со стороны серьезного ученого только радикально-скептическое отношение. Если все источники и их истолкования недостоверны, как плод субъективной фантазии, то анекдот о лорде Ралей приобретает глубокий смысл. Об этом лорде рассказывают, что он сжег второй том своей "Всемирной истории" после того, как убедился, что сцена, которую он видел на улице собственными глазами из своего окна, была истолкована другим очевидцем совершенно иначе. Наоборот, художникам-историкам достается от поклонников субъективизма и символизма в искусстве за излишнюю верность действительности, за "реализм", за "быт", за "этнографию", причем в своем усердии обелить великих писателей от "реализма" наши критики договариваются до того, что Гоголь оказывается фантастическим писателем, а Островский не живо-писателем "темного царства", а символистом, как будто фантастика, художественный реализм и символизм не представляют элементов творческого целого, вполне совместимых между собою.

Отметив черты сходства между фантасмами поэта и историка, обратимся к существенным чертам различия. У историков литературы есть излюбленная формула: "Поэт мыслит образами". Буквально понимаемая, она имеет столько же смысла, как фраза: "Философ сердится по второй фигуре силлогизма". Она попала в историко-литературный оборот от немецких философов-романтиков Шеллинга, Гегеля и Шопенгауэра, которые склонны все трое рассматривать эстетическое творчество и созерцание как особый сверхрассудочный, мистический орган познания. Так Шопенгауэр, как указывает Fauconnet в своей книге "L'esthetique de

Schopenhauer", p. 1 (1913), высказывается следующим образом: "Wir betrachten das Schone, als eine Erkenntniss in uns, eine ganz besondere Erkenntnissart"* (Nachl., II, 63). В настоящее время туманное противопоставление обычному рассудочному роду познания необычного (мистического) вполне покрывается отчетливым противопоставлением двух родов мышления - познавательного и эмоционального (см. подробности в моей работе о книге Генриха Майера "Психология эмоционального мышления", "Новые идеи в философии", вып. № 15). Эмоциональное мышление отличается от познавательного тем, что в нем хотя и имеются налицо познавательные процессы, но фокус внимания, курсив всего процесса положен на конечный эмоциональный эффект. Таково и эстетическое "мышление". Мыслить образами абсолютно невозможно, но можно, созидая образы, давать чувствовать себе и другим их типичность и тем вызывать чувство единства в многообразии эстетического содержания. Но, создавая типический родовой образ, поэт не восходит к понятию, к нечувственной области мышления. Он останавливается, так сказать, у порога чистого мышления. Прометей, Гамлет, Ричард III, Борис, Чичиков, Эжени Гранде и т. д. не суть понятия, но родовые образы. Поэма, роман, драма, опера суть целост-

ные системы родовых образов, образующие стройное, но не логическое, а эмоциональное единство. Такое единство не убеждает, а заражает нас, не доказывает, а внушает. Первородный грех литературно-художественной и научно-исторической критики заключается в смешении двух различных планов творчества - познавательного и эмоционального мышления. Так, например, я помню, как отрицательно относился покойный академик Александр Николаевич Веселовский к "Нибелунгову перстню" Вагнера. Его шокировали резкие отступления от духа скандинавской "Эдды". Известный историк церкви профессор Никольский говорил мне, что ему портит эстетическое наслаждение от "Китежа", Вельского - Римского-Корсакова мысль о синкретизме образов, вошедших в художественную ткань этого произведения. С другой стороны, стремление художников быть строго реалистическими в исторической живописи даже в мелочах быта приводит иногда к бесплодным результатам. Когда Гольман Гент, работая над картиной "Юный Христос во храме", пустил в ход все свои археологические познания, то все же в итоге оказалось, как ему заметил один старый раввин, что он неверно нарисовал обувь на ногах действующих лиц: в той местности никогда не носили такой обуви.

Если поэт останавливается на родовом образе и не идет дальше, то историк начинает с конструкции родового образа, чтобы перейти к научному понятию. Это осуществляется следующими путями:

I, По принципу кинематографа: берется ряд однородных родовых образов, характеризующих какое-нибудь явление, отличающееся частою повторяемостью в известной среде, в известную эпоху и, по выражению проф. Л. П. Карсавина, бросаемостью в глаза. Данный ряд образов, когда мы его пробегаем, намечает перед нами среднего человека не для нашего чувства, а для нашей мысли. В поэзии подобная кинематографическая смена образов имеет целью породить слитное общее эмоциональное впечатление, обобщенную эмоцию; так, например, стихи

Швед, русский - колет, рубит, режет, Бой барабанный, клики, скрежет, Гром пушек, топот, ржанье, стон, И смерть, и ад со всех сторон*, -

дают подобный слитный, типический, эмоциональный эффект. Наука же идет к установке общего понятия. Зиммель справедливо указывает, что историки нередко грешат, обобщенно характеризуя целую социальную группу на основании наблюденных отдельных голосов; таким образом, их характеристика группы оказывается построенной на субъективном впечатлении. Вот примеры, приводимые Зиммелем: Моммзен. "Римская история". "Гневные восклицания раздались по всей Италии" (II, 145). "Марий выказал себя полководцем, который не давал солдату воли и все же держал его в добром расположении духа, и все же приобретал любовь его товарищескими отношениями" (II, 192). "Аристократия не дала себе ни малейшего труда скрыть свою озабоченность и свой гнев" (III, 190). "Партии возликовали" (III, 193). Бурхардт. "Культура возрождения". "С возбуждающей ужас наивностью Флоренция признает свои гвельфские симпатии французам" (I, 89). "В страшные моменты пробуж-

дается там и сям жар средневекового покаяния, и испуганный народ бичеваниями и громкими воплями о милосердии хочет смягчить небеса" (II, 232). Если бы Зиммель только призывал к более строгому обоснованию подобных обобщенных характеристик, то ему можно было бы только сочувствовать, но, к сожалению, Зиммель - типичный скептик и нигилист в психологии. Он мог бы написать, подобно д-ру Мебиусу, брошюру "Hoffnungslosigkeit aller Psychologie", ибо в "Социальной дифференциации" Зиммель защищает следующую мысль: любому психологическому обобщению можно противопоставить столь же истинное другое, например: истинно, что разлука ослабляет любовь, но столь же истинно, что разлука и усиливает любовь, - рассуждение, достойное Дионисидора и других прелюбодеев мысли среди софистов, которых так зло осмеивает Платон. Между тем добросовестный и чуткий историк при формировании исторического фантасма руководится объективно значимыми соображениями: комбинационной способностью, сочетанием работы мысли и фантазии, тем, что В. Гумбольдт называет Verbindungsgabe*, при помощи которого он интерполирует и экстраполирует пробелы источников.

Вот элементарнейший пример, приводимый Бернгеймом. Источники указывают, что какой-нибудь средневековый король находился 6 февраля такого-то года в Вюрцбурге, а 9 февраля в Нюрнберге. Если принять во внимание, что

1) он не мог тогда перелететь в Нюрнберг на аэроплане,

2) что по условиям времени переезд из Вюрцбурга в Нюрнберг занял бы 2-3 дня, - мы заключаем, что от 6 до 9 февраля король был в дороге. Такие догадки, конечно, лишь вероятностны, но без них немыслима не только история, но решительно никакая наука, и лишь гиперскептическая глупость могла бы отвергнуть их как недоказанные домыслы.

II. Наряду с "кинематографическим" принципом в процессе установ

ки научных понятий истории возможно и непосредственное пользование

анализом известной исторической личности в качестве родового образа

типичного среднего человека известного общественного слоя известной

эпохи. Таков, например, метод работы у Бицилли в его интересной книге

"Салимбене", где этот автор хроники XIII в. рассматривается как ли

шенная яркой индивидуальности, но типичная для известного времени

и места рядовая фигура.

III. Возможно образование уже не фантасма, не образа, а статистической схемы среднего человека, устанавливаемой путем количественного подсчета повторяемости известных типических черт в известной социальной среде, - это метод "социальной физики" Кетеле. Такого же порядка схемы и графики для исторических процессов, непрерывная изменяемость коих поддается количественному измерению, и методика измерения массовых явлений, установленная Лексисом. Здесь уже область фантасмов переходит в область отвлеченных понятий.

IV. Наконец, возможна попытка воссоздания исторического фантасма индивидуально-типического. Чем отдаленнее от нас или беднее источниками эпоха, тем труднее и недостовернее историческая реконструкция такого образа, тем более интуиция историка приближается к интуиции

117

художника, тем больший простор открывается для дивинации историка, тем больший соблазн "de solliciter les textes"*, тем меньше данных для проверки объективной возможности догадки, тем более возможен упрек со стороны критика, что историк делается поэтом. Такие упреки, например, делались Ренану. По словам Моно, однако, Ренан прибегает к дивинации лишь там, где недостаточно исторических свидетельств (жизнь Христа, жизнь Будды, происхождение Израиля). Сам Ренан разграничивает историческую реконструкцию (reconstitution) личности от художественной. На упрек в поэтическом произволе при построении исторического фантасма он пишет (20 августа 1863 г.): "Я не думаю, что подобного рода попытка

реконструкции оригинальных личностей прошлого так произвольна, как это вам кажется. Я не видел (данной) личности, у меня нет ее фотографической карточки, но у нас имеется множество деталей для ее характеристики (son signalement). Попытка сгруппировать все эти частности в нечто живое не столь произвольна, как чисто идеальная процедура Рафаэля или Тициана. Что же касается очарования, которое вносил с собой Иисус, то это должно было быть его отличительной чертой в гораздо большей степени, чем разум или величие. "Иисус, прежде всего, был чаровник (charmeur)" (см.: Monod. "Les maitres de l'histoire: Renan, Taine, Michelet", 1889, p. 44-46). В предисловии к "Histoire du peuple dTsrael" Ренан идет навстречу тому, что он называет слепым скептицизмом: "Виноват ли я, - говорит он, - что Моисей на том расстоянии, которое отделяет его от нас, представляется какою-то бесформенною глыбою, вроде соляной статуи, в которую была превращена жена Лота? Моисей, если он действительно существовал, чему имеются полные основания верить, жил на 14 или 15 веков раньше Христа. Иисус известен нам хотя бы через одного современного свидетеля - апостола Павла. Его легенда создана вторым или третьим поколением, жившим после него. Древнейшие легенды о Моисее относятся к четвертому или пятому веку после его смерти, а то и позднее". "Старые эпические рассказы искренние по-своему, теократическая рету-шировка (древних текстов), переделки жрецов налагаются нередко на тот же параграф, и надо иметь испытанное зрение, чтобы их различать. Проблема аналогична дешифрированию геркуланских свитков, где глаз прежде всего схватывает контуры букв, но еще нельзя сказать, к какой странице они относятся, так как листы слиплись и образуют сплошную обугленную массу". Так и в Библии "различные редакции взаимно проникают друг дружку".

XXXV. Образование индивидуально-типического фантасма в истории

Присмотримся ближе к процессу образования индивидуально-типического фантасма в истории.

I. Исходным пунктом здесь являются иконографические данные - они или проливают свет на подлинную психологическую природу изучаемого лица, или отображают представление о нем современников и потомков. Нередко, особенно в отношении к тем фигурам, которые Ренан называет "images prehistoriques"**, трудно отделить реальные

118

черты от идеализированных изображений. Это наблюдается нередко и в исторические времена. Так, всем нам знакома голова Платона: 1) по бронзовому бюсту в Уфицци и 2) по бюсту (в Неаполитанском музее), найденному в Геркулануме в 1759 г. Но в 1881 г. Рейнак нашел в Смирне мраморный бюст, а в 1886 г. он же заметил в Берлинском музее аналогичную мраморную голову с надписью (относящейся, судя

по форме букв, к эпохе не ранее Антонинов). Теперь насчитывается до восьми подобных бюстов. Равессон находит в них значительно менее идеализации прежде известных изображений. Изображение для историка интересно с многих точек зрения: для установки реальности данного лица или реального тожества индивидуума, носящего в истории два имени, или для определения его расовых черт, или его фамильного сходства и т. п. Но ценность психологических показаний иконографии во всем их значении еще принадлежит будущему в связи с дальнейшим прогрессом физиономики.

II. К иконографическим данным примыкает то, что Брунс в ин

тересной книге своей называет литературным портретом исторической

личности ("Das Literarische Portrat der Griechen im V-ten und IV-ten

Jahrhundert", 1896). Мы находим характеристику исторического лица,

его внешности, его habitus'a, его манер, привычек, поступков, его

modus'a cogitandi, sentiendi et agendi* у современных поэтов, ораторов

и философов (не говоря уже об историках). Это еще не научная

психологическая характеристика, но она может быть весьма ценным

материалом для таковой. Литературный портрет у оратора искажен моральными или политическими мотивами, у поэта - эстетическими, у философа - партийно-философскими, но все же подобный портрет представляет весьма ценный исторический источник. Напомню о ра ботах Иоэля о Сократе у Ксенофонта, работу Гилярова-Платонова о Платоне как источнике исторических данных о софистах. Идеализация и карикатурность образов, конечно, должны быть строго учтены ис ториком, но иногда, как справедливо замечает Брунс (в унисон с Ма- колеем), карикатура может метче и вернее схватывать подлинные черты лица, чем всерьез написанный портрет.

III. За литературным портретом следуют подлинные высказывания данного лица - написанное им или сказанное и точно записанное другими. При чтении источников историк синтезирует в воображении: А - образ лица, В - черты его духовной физиономии и habitus'а по словесному описанию и С- его подлинные писания и высказывания.

IV. Далее в распоряжении историка может быть научно-психологичес кая характеристика. Такая характеристика отличается от литературной своей методичностью, она основывается на данных характерологии, в основу ее кладется исследование личности, составленное по известному плану, что, конечно, не освобождает психолога от дара перевоплоща емости, от умения почувствовать целостное единство личности. Ис следование личности приводит к установке известной законосообразной взаимозависимости всех основных наклонностей данного лица, т. е. к понятию корреляции ее коренных свойств. Эта область психологии настолько мало разработана, что может оказать существенную помощь историку лишь в будущем.

119

V. Для историка в первую голову важна не корреляция всех психичес ких наклонностей данного лица, но лишь ее исторически действенные черты; они-то и образуют исторический фантасм.

VI. Наконец, историк выявляет в исключительной индивидуальности данного времени черты среднего человека эпохи, и

(VII) раскрывает в ней присутствие сверхличных социальных и политических сил данной эпохи (об этом см. ниже в гл. VI "Творческая мысль").

XXXVI. Образование индивидуально-типического фантасма у историков древности

Психологический дар перевоплощаемости, как мы видели, необходим и для историка, и для поэта, но эта способность служит совершенно различным целям. Поэт стремится дать живой образ, поэтому он не только описывает действующее лицо, но (в романе или драме) влагает ему в уста речь. Историк стремится, подобно психологу, к исследованию личности, к объективной установке в виде понятия корреляции основных психических наклонностей, но и от психолога он глубоко отличается тем, что направляет внимание главным образом на исторически действенные стороны характера. Поэтому с точки зрения чисто психологической желательно произвести заново исследование великих исторических личностей, более полное по сравнению со специально-историческим. Древность не так разграничивала задачи художественно-риторического и научного описания исторической личности. Так, Лукиан в своей интересной статье хотя и советует историку с весами

в руках взвешивать события беспартийно, "преследовать с победителями и бежать с побежденными", но все же он допускает поэтическую фикцию. Если иногда приходится заставлять говорить действующих лиц, то "необходимо, чтобы они держали речь, свойственную их характеру и ходу событий, и чтобы они притом выражались с особенной ясностью; впрочем, в подобном случае вам дозволительно показать ваш талант хорошо говорить и проявить ораторские способности" (58-й абз.)*.

У гениального историка древности Фукидида, который поражает своим стремлением быть беспристрастным, чуждым "логике чувств", который стремится дать в историческом повествовании **,

а не модное, преходящее, но привлекательное произведение, мы встречаем именно такие речи. "Современный историк, - пишет Круазе ("История греческой литературы", стр. 405), - сознает важность речей, произнесенных действующими лицами, участвовавшими в том или ином историческом событии; из уважения к этим лицам, раз он не в состоянии воспроизвести эти речи вполне точно, он их и не передает". Фукидид же влагает в уста своей dramatis personae*** длинные речи (его предшественники создавали диалоги), "зачастую это нечто вроде длинных дема-горий, произносившихся в народном собрании". Фукидид не стремится точно воспроизвести их и "даже когда он имеет под руками официальный текст письма, посланного Никием афинскому народу, он переделывает его без всяких церемоний на свой лад". Он концентрирует смысл

120

речи в сжатую форму, два-три раза противопоставляет ей речь противника и, как в "Тетралогиях" Антифона, дает диалектическое противопоставление двух взглядов. Речь или влагается в уста государственного мужа, являющегося типичным выразителем известной политической партии, или же она анонимна. "Речи составлены у меня, - пишет сам Фукидид, - так, как, по моему мнению, каждый оратор, сообразуясь всегда с обстоятельствами данного момента, скорее всего мог говорить о настоящем положении дел, причем я держался возможно ближе общего смысла действительно сказанного" (1, 22, 1).

Ту же ораторскую наклонность в изображении характеров отмечает Тэн в своей превосходной книге о Тите Ливии*. Стремление оратора внушить читателю известные чувства при изображении исторической личности неизбежно вносит в ее описание одностороннее влияние логики чувств: оратор выпускает в описании невыгодные, с его точки зрения, черты, а в другом месте усиливает светлые стороны (или действует обратно, т. е. сгущает темные краски). Вот почему его характеристики не являются достаточно жизненными. Так, например, величественный и благородный образ Фабия Максима внушает в изображении Ливия недоверие у читателя. Портрет слишком абстрактно схематичен. "Тэн находит, - говорит профессор Герье, - недостающее Фабию Максиму в одной мелкой подробности у Плутарха, которая, конечно, не годилась для Ливия. Плутарх сообщает, что Фабия звали в детстве овечкой за его кротость и медленность темперамента. Тэн овладевает этой чертой, с мастерством объясняет ею другие черты характера Фабия, проливает свет на его образ мысли и действия, и перед нами совершенно живое и индивидуальное лицо, не поддающееся ораторскому прославлению" ("Метод Тэна", Вестник Европы, 1889, 9). Зато Тэн восхваляет Ливиеву характеристику римского народа. Группируя у Ливия ряд эпизодов в одну мозаичную картину - "image generique" римского народа, Тэн синтезирует черточки, которые все разбросаны в разных местах у Ливия (ib., стр. 110).

XXXVII. Критические приемы проверки у современного историка

Подобного рода ораторские фикции были уместны в произведениях прежних историков древних (Фукидида) или новых (Гиббона) при изложении "нарративного", повествовательного характера. Современный историк при процессе вчувствования в эпоху связан условиями "объективной возможности" гораздо более строгими, чем в былые времена. Блестящие догадки при проникновении в дух источников, как при составлении характеристики выдающихся исторических личностей, так и при описании среднего человека известной среды, общего уклада жизни данного времени, требуют при анализе источников 1) методического скепсиса по отношению к фактам, 2) самого скрупулезного внимания к мелочам, кажущимся на первый взгляд несущественными, и 3) прочно установленной индуктивной базы для своего подтверждения.

1. "Тридцать лет тому назад, - писал Фюстель-де-Куланж, - Жюль Симон объяснил мне "Речь о методе" Декарта, и этому я обязан всеми

121

моими трудами, так как картезианское сомнение, которое он заронил в мой ум, было приложено мною к истории" (Гиро: Ф.-де-Куланж, 1894, стр. 7). В то время как поэт-историк из эстетических и психологических соображений нередко делает легендарные подробности сказания и даже и сам привносит легендарное от себя, историк - профессиональный беспощадный разрушитель легенд.

Много ли осталось от царского периода истории Рима после подозрений Нибура, осторожной, но нерешительной критики Швеглера и сокрушающего анализа Моммзена, после которого, по словам проф. М. М. Хвостова, уже почти ни один историк не решается отстаивать истинность этих легенд?! Конечно, легендарность Шекспира, с другой стороны, есть плод гиперкритической глупости бэконианцев. По адресу подобных скептиков во славу парадокса написан памфлет Уэвеля, в котором убедительно доказывается, что Наполеон Бонапарте есть мифическое лицо, которому в истории не соответствовало никакой реальности.

2. Внимательное отношение к деталям источников, та "акрибия", которая поверхностному наблюдателю может казаться излишней, тесно связана с чувством действительности, долженствующим сопровождать образование исторического фантасма. Об этом единодушно свидетельствуют такие историки, как Фюстель-де-Куланж и Моммзен. Последний говорит: "Отдельный факт, который вы изучаете, нередко представляется ничтожным по своему значению, результат же сцепления таких фактов имеет для истории часто больше значения, чем битвы народов и государственные отношения. Вы должны систематически выводить крупное и целое из мелкого и часто незначительного" (приветственная речь Шмоллеру при его вступлении в академию наук).

3. "Объективная возможность" догадки зависит от основательности процесса исторической индукции. Историк должен сдерживать себя у порога соблазнительной догадки, если фактические данные недостаточны. Вот как противопоставляет историческую проницательность Нибура и Моммзена профессор Ф. Фр. Зелинский: "У Нибура индукционная цепь очень коротка, ему надо немного данных, и закон уже готов; весь остальной индукционный материал в соображение не принимается... Совершенно другое дело Моммзен. Его индукционная цепь всегда полна, он не позволяет себе ни малейшего заключения, пока не соберет всех данных, имеющих к нему отношение. Результат налицо". Положения Нибура в настоящее время имеют более исторический, а не научный интерес, а положения Моммзена бесспорны ("Моммзен", статья Зелинского. "Научное обозрение", 1894).

При построении исторического фантасма историк восполняет догадкою или недостающие в источниках психические черты данной личности, или ее поступки. Такая догадка строится в пределах правдоподобного, которое определяют тремя путями: 1) интуитивным непосредственным чувством правдоподобности (innere Wahrscheinlichkeit, по выражению Бернгейма), но это чувство без критической проверки не имеет объективной значимости, 2) качественным анализом вероятностей pro и contra известной альтернативы. Для такого анализа в распоряжении историка имеется весь арсенал его специальных знаний, но, сверх того, здесь

122

играет роль и общий уровень его интеллигентности и психологической чуткости. Исторические процессы, как и психологические, заключают в себе качественно несоизмеримые факторы, поэтому качественный анализ вероятностей догадки есть основная операция исторической критики. По словам Daunou ("Cours d'etudes historiques", v. I, p. 42), пандекты Юстиниана, по мнению прежних источников, были найдены в Амальфи в 1135 г. Гиллинг приводит доводы, говорящие против этого утверждения. Качественный анализ аргументов за и против приводит нас к признанию более вероятным второго взгляда. "Я осмеливаюсь утверждать, - говорит Дону, - что во всех вопросах новой или древней истории внимательное изучение отношений документов, показательных данных окажется всегда достаточным, чтобы признать известный факт вероятным или невероятным, что случай полной равновозможности (d'un equilibre parfait) окажется исключительно редким и что, следовательно, не вводя в историческую науку бесполезного аппарата calculi probabilum*, можно почти везде достигнуть результатов, точных в той мере, в которой это допускают природа и различные элементы этой науки". 3) Качественный анализ вероятности, как я сказал, есть основной метод историка, но вопрос о применимости в истории количественного анализа вероятностей этим еще не предрешается на будущее время в отрицательном смысле, хотя одно можно сказать наверное - он никогда не будет в истории, как и в психологии, основным, ибо в обеих науках качественное разнообразие изучаемых явлений исключает применение принципа равновозможных случаев, что так убедительно показал Бине в области психологии (см. Annee psychologique, 1895, статья о применении теории вероятностей в психологии). "До сих пор попытки применять принципы теории вероятностей в истории, начиная со знаменитых опытов Лапласа, ограничивались определением вероятности свидетельских показаний и к изучению массовых явлений в истории, где история соприкасается со статистикой. Вот тут-то разница между художником, пишущим исторический роман, и историком-ученым особенно ярко сказывается. Художник хотя и принимает в расчет качественный анализ фактических и логических оснований для непосредственного чувства правдоподобности, но недостаточно углубляется в этот анализ, увлекаясь психологической правдоподобностью и художественной эффектностью образа, забывая, что изображенные в нем черты несовместимы с другими историческими показаниями о его духовном складе. Наполеон в изображении Толстого - карикатура, а не исторический образ, "бандит вне закона", со всем тем бессилием двигать мировыми событиями, какое ему приписывает Толстой, образ столь же живой и психологически правдоподобный, как и идеализированная фигура, предносившаяся воображению Лермонтова. Но, созерцая образ, рисуемый Толстым, чувствуешь, что он вопиюще противоречит многому в предшествующей русской кампании деятельности Наполеона, на что указывает Сорель в своей превосходной статье "Tolstoi historien" ("Lectures historiques", 1894, p. 285). Толстому отлично известно это многое, но он или умышленно умалчивает об этом и хочет заставить забыть читателя, или неверно передает факты, относящиеся к этому времени.

123

XXXVIII. Процесс перевоплощаемости у историка

При построении исторических фантасмов ученый не только идет от частей к целому, но и от целого к частям. Это целое - человеческая личность, в которую он стремится вчувствоваться; психологический дар целостного постижения духовного уклада эпохи так же нужен историку, как и аналитическая проницательность. Профессор Хвостов пишет по поводу занятий Моммзена эпиграфикой в Италии следующее: "Такая на первый взгляд сухая дисциплина положительно увлекла его. И это понятно. Отдельная надпись может казаться сухой, скучной и бессодержательной, интересной лишь для ученого буквоеда. Но если в эти таблицы с самым разнообразным содержанием, на которых написаны и законы, и списки магистратов, и похвальные надписи государственным и муниципальным деятелям, и просто подробные эпитафии и исторические хроники, - если весь этот сухой в его разрозненности материал соединить вместе да осветить при помощи литературных и археологических памятников, то надписи начинают оживать, из-за них на нас смотрят живые люди. Пред вами встают и исторические личности, и простые обыватели захолустного городка; вы можете по иной надписи определить всю карьеру какого-нибудь римского чиновника, следовать за ним из Африки в Малую Азию, из Азии в Галлию, всюду, куда он переходит, двигаясь по своей служебной лестнице. Через посредство надписей вы проникаете в африканский поселок с полукрепостными крестьянами, видите эксплуатирующих их чиновников, видите и центральных администраторов, пытающихся внести порядок в эти отношения. Читая надписи, вы проникаете в испанский рудник периода римской империи и знакомитесь с

чернорабочим" (Хвостов. "Моммзен", "Научное слово", 1904, № 1). Но было бы ошибочно думать, что живое лицо в этом процессе может получиться путем интеграции бессвязных фрагментов. Это было бы совершенно непонятным чудом. Историк одновременно двигается от частей к целому и от целого к частям. По аналогии со своим духовным складом он намечает целостный образ человека иной эпохи, - пробелы документов он восполняет при помощи своего Verbindungsgabe, вживаясь в дух данной эпохи. Но прежде чем достигнуть этого, историк в большей степени, чем объективный художник, должен элиминировать свои личные чувства. "Я требую от историка, - пишет Фюстель-де-Куланж, - независимости от самого себя, свободы по отношению к собственным мнениям, отречения от настоящего и, насколько это возможно, полного забвения вопросов, которыми занимаются вокруг него". Фюстель-де-Куланж рекомендует смотреть на факты так, как глядели на них современники, а не так, как их представляет себе современный человек ("La monarchie franque", p. 303). Только при соблюдении этого условия можно развить в себе способность перевоплощения в дух эпохи: "Тексты не всегда бывают достоверны, но история составляется всегда только по текстам. Лучший историк - тот, который пишет и даже думает только по текстам" ("La monarchie franque", p. 33, 69).

Психологическая чуткость и проникновение в дух эпохи дают возможность историку, как и художнику, проявлять, так сказать, перевоп-

124

лощаемость второго порядка. Подобно тому как Пушкин, по меткому указанию Д. Н. Овсянико-Куликовского, в "Повестях Белкина" дает нам ряд рассказов, перевоплощаясь в скромного Белкина и излагая события под его углом зрения (см. мою книгу: "Проблема чужого я", 1910, стр. 128), так и Ключевский, великолепно постигая идеологию XVI в. и превосходно владея тогдашним языком, дает нам характеристику монаха XVI в. по представлению современного ему боярства: "Это раболепный ласкатель и потаковщик властей, исполненный презирства и гордости с низшими, расхититель и наставник расхитителей, тунеядец, питающийся мирскими крестьянскими слезами, шатающийся по городам, чтобы бесстыдно выманить у вельможи село или деревнишку, жестокосердый притеснитель своей братии крестьян, бросающийся на них диким зверем, сребролюбец ненасытный, жидовин-ростовщик, лихоимец и прасол, пьяница и чревоугодник, помышляющий только о пирах и селах с крестьянами, возлюбивший вся неподобная мира сего, не десятый чин ангельский, не свет мирянам, а "соблазн и смех миру всему" (см. сборник "Воспоминания и характеристики". Ю. Айхенвальд: "Ключевский мыслитель и художник", 1912, стр. 131).

Процессу перевоплощаемости историка также иногда благоприятствует конгениальность между тою социальною средою, в которой он вырос, и тою, которую он изображает в исторической перспективе. Это можно видеть на биографиях Мишле и Ключевского. Мишле вышел из народа, он был сыном типографщика, его отец был из пылкой холерической Пикардии, мать - из страны суровых арденцев. По переселении в Париж семья впала в нужду, Мишле стал наборщиком, и мир рабочих сделался ему родной стихией. Всю жизнь впоследствии его одушевляла горячая любовь к народу, из его исторических трудов лучшие страницы оказывались те, где дано изображение французского народа. О его истории французской революции Моно пишет: "Это не история, это эпическая поэма в семи томах, где героем является народ, олицетворенный в Дантоне. Возможно, что историческая критика оставит лишь немногие части неприкосновенными в труде Мишле, но многие пассажи, взятие Бастилии, праздник Федерации, например, запечатлены непреходящей красотой великих литературных созданий. Единственный из французских историков революции Мишле делает понятным легковерный и возвышенный энтузиазм, охвативший Францию и Европу накануне 1789 г." (см.: Monod. "Renan, Taine, Michelet", 1895, p. 205-206). Подобное же явление мы наблюдаем и в историческом творчестве Ключевского, этого великого мастера в живописании духовных черт русского крестьянства. Ключевский был сыном дьячка села Вознесенского Пензенской губернии. "Та симпатия к русскому крестьянину-земледельцу, которою проникнуты научно-литературные труды Василия Осиповича, - пишет профессор Любавский, - его обостренный интерес к судьбам этого крестьянина, восходят своим первоначалом несомненно к впечатлениям его детства и юности" (см. статью "Василий Осипович Ключевский", стр. 1, сборник: "Воспоминания и характеристики", 1912). Равным образом и принадлежность к духовному сословию дала возможность Ключевскому понять сердцем религиозность народа: "От близкого ему родного храма он унес теплое чувство к церкви и возвышенный

125

взгляд на нее как на организацию, долженствующую просветлить окрестный мрак и смягчить окружающую грубость, на организацию, которая, по его выражению, "воспитывая верующего для грядущего храма, постепенно обновляет и перестраивает и град "здесь пребывающий" (М. М. Богословский: "Ключевский как ученый", стр. 27).

Большое значение имеет также близкое соприкосновение с прежним бытом и памятниками искусства. Иногда толчком к пробуждению жажды проникнуть в духовную жизнь былого времени являются музейные впечатления. Вот что, например, рассказывает Мишле о тех впечатлениях ранней юности, которые пробудили в нем интерес к истории: "Именно в музее французских памятников я впервые живо ощутил историю (j'ai eu d'abord la premiere vive impression de l'histoire). Я заполнял эти гробницы моим воображением, сквозь мрамор я чуял этих мертвых, и не без некоего трепета входил я под низкие своды, где почивали Дагобер, Хильперик и Фредегонда" (Monod: "Les maitres de l'histoire: Renan, Taine, Michelet", 1894, p. 188). Подобную же вдохновляющую историка роль играет нередко путешествие по той стране, прошлое коей изучается историком. Таково путешествие Ренана в Палестину.

Весьма интересны в этом отношении письма из Греции Эрнста Курциуса к его родителям и друзьям. Он побывал в замечательнейших в историческом отношении местах Эллады, участвуя в раскопках, дешифрируя надписи, изучая памятники искусства. Читая его яркие описания этого путешествия, видишь, как приобретенные ранее и на месте книжные знания приходят в плодотворный контакт с впечатлениями из окружающего мира. То его занимает опознание Россум в одном памятнике изображения Эвбулида, о котором упоминается у Павзания (см.: "Ein Lebensbild in Briefen", 101), то он пишет: "Вчера... мы собрались вместе читать "Характеры" Теофраста... который дает повод сравнивать новые нравы, поговорки, выражения с прежними..." (ib., 101). По поводу посещения афинского Акрополя он пишет: "Ищешь и всегда находишь новое на этом примечательнейшем месте истории. Многое тотчас же приходит в голову путем поражающей догадки (vieles belohnt gleich durch frappante Aufschltisse). Другое в качестве подмеченного запоминается, дабы найти себе объяснение при подходящих аналогиях" (ib., 135).

Точно так же Маколей, работая над историей Англии, предпринимает ряд путешествий по Англии, Шотландии и Ирландии. "Чтобы усилить свои впечатления и запас местных сведений, он обходил пешком целые графства, собирал предания и легенды, подмечал обычаи и воззрения, отголоски минувшего в настоящем. В Соммерсетшире, близ места сражения под Седжмуром, где Монмут был разбит Иаковом вторым, он провел несколько недель в скромной деревенской гостинице, изучая местность, и тут написал этот эпизод "Истории" (см.: Е. В. Барро. "Маколей, его жизнь и деятельность", 1894, стр. 70).

Равным образом в автобиографии Шлимана (Heinrich Schliemann's Autobiographie, 1882) бросается в глаза пробуждение исторического интереса в раннем детстве в связи с влечением к романтике. Как у маленького Вальтера Скотта, у Шлимана фантазия в детстве была возбуждена фантастическими рассказами о старинных замках, которые имелись на месте его родины. Его увлекали рассказы о старинных (языческих)

126

могилах и кладах, находящихся в них. Шести лет он уже мечтает о раскопках. Узнав от отца, пастора, легендарную историю Трои и получив от него в подарок краткую иллюстрированную историю для детей, он нашел в этой "Weltgeschichte fur Kinder" (Jerrer'a) картинку, изображающую пылающую Трою. Отец говорил ему перед тем, что от Трои ничего не сохранилось. "Ты ошибся, отец, Иеррер наверно видел Трою, иначе он не мог бы ее здесь нарисовать". Отец объяснил ему, что это фантастический рисунок. Это не помешало сыну остаться в уверенности, что остатки оснований стен все же должны были сохраниться. И много лет спустя мечта его раннего детства наполовину сбылась: он сделал ряд величайших открытий (микенская культура), и если что и помешало ему открыть именно Трою (Дерпфельд показал, что это был шестой, а не третий отстоящий от моря город), то причиной его ошибки была чересчур слепая романтическая вера в поэтический источник - Гомера - как в исторический документ (см. статью проф. Бузескула, Энц. Словарь Брокгауза и

Ефрона, 1-е изд., "Шлиман").

Тэн первый подчеркнул важность общих психологических знаний для историка при попытках "воскресить угасшие чувства и страсти". "Я, например, не думаю, - говорит он, - чтобы историк мог иметь ясное представление о браминах и буддистах Индии, если он не изучал предварительно экстаз, каталепсию, галлюцинацию и манию резоверства" (см.: Герье. "Ипполит Тэн". "Вестник Европы", 1890, I, стр. 25). В этом смысле для Тэна история является в известной мере прикладной психологией.

Заслуживает внимание факт, подтверждающий лишний раз общую у многих историков с поэтами тенденцию к перевоплощаемости в изучаемый ими духовный мир: многие историки или начинали, или кончали свое литературное поприще писанием романов или пьес. Я уже указывал в статье "О перевоплощаемости в художественном творчестве", что нередко поэты в детстве обнаруживают любовь к кукольному театру. И вот мы то же встречаем у Эрнста Курциуса, который всю жизнь впоследствии увлекался и музыкой (Глюк, Гендель, Бетховен), и живописью (Рафаэль), и поэзией (Гёте) и сам писал стихи. В том самом письме к брату Теодору (7 января 1830 г.), в котором он открывает в себе будущее призвание историка (ему 15 лет), он сообщает, что, будучи voll theatralischer Begierde*, он с кузиной устроил марионеточное представление пьесы Коцебу "Бабушка". А дальше следуют такие строки: "Что скажешь ты о моем плане всецело отдаться древней литературе и ее уразумению? Каким источником чистейших, восхитительных, божественных радостей жизни является классическая литература, так отрадно и поучительно для меня острое проникновение в величественную древность и постижение подлинно прекрасного в ее благороднейших памятниках" (см.: Ernst Curtius. "Ein Lebensbild in Briefen herausgegeben von Friedrich Curtius", 1903, § 2). Сорель, писавший в юности стихи, уже лет тридцати издал два романа (см. Н. И. Кареев: "Альберт Сорель как историк французской революции", 1907, стр. 4). Костомаров написал ряд исторических романов. Бестужев-Рюмин подошел к изучению истории через увлечение искусством, и первые его печатные труды относятся к области литературно-художественной критики.

127

XXXIX. Другие черты, отличающие историка-ученого от историка-художника

Вот еще несколько указаний на глубокие различия между поэтом-историком и ученым-историком. Поэт может создавать только типические (родовые или индивидуальные) образы и объединять их в целостную совокупность картин и процессов, но он не может раскрывать в этой совокупности истинные исторические причины событий, которые могут быть выражены лишь в отвлеченных понятиях, не в интуитивных, а в рассудочных формах. Во всяком историческом событии имеются моменты психологической или эстетической значительности и моменты собственно исторической действенности. Поэт не может представить ad oculos* эти последние. Можно раскрыть личную трагедию Бориса в драме или в опере, но нельзя раскрыть исторических причин смуты. Можно эстетически использовать couleur locale** данного времени, озарить светом эстетического созерцания disjecta membra*** источников, хроник, летописей, старых рисунков, преданий и т. д., блеснуть знанием вещественного быта, как Эберс, языка, как Мей, и т. д., но все же художественная интуиция и прагматическое объяснение событий историком - вещи глубоко различные. Отсюда, естественно, вытекают еще два следствия: 1) Поэт всего лучше, вообще говоря, может перевоплощаться в современность, а иногда даже предугадывать нарождающиеся в жизни явления, ибо он только чутьем схватывает их типичность и на этом останавливается. Их исторический генезис скрыт от его сознания. Наоборот, историк может анализировать и причинно объяснять только прошлое, ограничиваясь в отношении к настоящему лишь собиранием материалов. Дидро ошибочно утверждал, будто историю надо изучить задом наперед, он думал, что таким путем мы будем, как в математике, идти от известного к неизвестному, забывая, что в настоящем законосообразная зависимость явлений есть самое темное и неизвестное. 2) Всякое историческое произведение художника есть известное пространственно-временное единство. Таков цикл хроник Шекспира, трилогия А. Толстого, "Борис", "Хованщина" и лишь задуманная "Пугачевщина" Мусоргского. Труд же историка вовсе не предполагает непременно такого пространственно-временного единства, ибо конечная цель его работы вневременная и внепростран-ственная, социологическая и психологическая схема процессов и типов в человеческой жизни. Пользуясь сравнительным методом, историк может сопоставлять феодализм на Руси и на Западе, законы Хамураби, законы XII таблиц и Русскую Правду. Подобное сопоставление невозможно для художника, и если бы даже известная психологическая

тема была намеренно использована художником в двух диспаратных исторических областях, то она была бы простым сопоставлением двух интуиции, а не этапом в процессе обобщающей мысли.

XL. Анализ подделок исторического фантасма

Насколько тонкая и деликатная вещь чувство "объективной возможности" у историка, видно из тех experimenta crucis****, какие представляют искусные подделки и мистификации. История короны Сайтафер-

128

на*, воскового бюста, который был принят Боде за произведение Леонардо да Винчи, Краледворской рукописи** и поэм Оссиана весьма поучительна. Гиро рассказывает про Фюстель-де-Куланжа следующее: "Однажды кто-то из нас отважился ему поднести фразу из Тита Ливия, которая подрывала одну из самых дорогих для него теорий. Фюстель внимательно прочел ее, рассмотрел ее во всех подробностях и чистосердечно признался, что он ее проглядел. Однако, прежде чем сдаться, он попросил точно указать ему ее происхождение, чтобы проверить, "не изменит ли контекст смысл текста". Но фраза целиком была сочинена тут же в школе" (Гиро. lb., 77). Историю эту удалось как-то замять. Если мы вспомним, как ловко Проспер Мериме сфабриковал песни западных славян, как "Chansons de Bilitis"*** были восторженно встречены некоторыми французскими археологами, как перевод подлинной находки из древнего саркофага, то мы должны согласиться, что перевоплощаемость поэта может иногда сыграть злую шутку над проницательностью ученого-историка или весьма опытного литератора. А история с псевдовариантом пушкинской "Русалки" прямо напоминает известную историю археологической находки, описанную в "Пиквикском клубе" Диккенса.

Какие трудности иногда представляет анализ историко-литературной подделки, можно видеть на поэмах Оссиана Макферсона и Краледворской рукописи1. В 1760 г. появились поэмы Оссиана, изданные Мак-ферсоном, увлекли тогдашних читателей и были переведены на все европейские языки, ими увлекались Клопшток, Гердер, Гёте и даже Суворов и Наполеон. В 1778 г. Джонсон начал поход против Макферсона, уличая его в мистификации, и тем положил начало вековому спору о подлинности поэм Оссиана. Разрешен ли этот спор в настоящее время? С исчерпывающей полнотой не разрешен и неразрешим, ибо для этого нужно было бы иметь подробные данные, надо было бы "сравнить язык макферсоновской рукописи с современным ему гоэльским языком и таким образом выяснить его время", а для этого не сохранилось письменных данных. Современный историко-литературный анализ может лишь разложить макферсоновскую подделку на три составные части: 1) на подлинные гоэльские древние песни, почерпнутые из какого-нибудь письменного памятника; 2) другие песни носят следы свода, но сделанного не Макферсоном, но кем-нибудь, кто ближе стоял к народу; 3) наконец, песни, содержание которых не противоречит преданиям, но они в высшей степени искусственны, изобилуют деланными вычурными описаниями, гомеровскими эпитетами - здесь только схема народна, все же остальное сочинено (см. "Поэмы Оссиана" Макферсона. Исследование, перевод и примечания Е. В. Балобановой).

Для уяснения природы исторического фантасма интересны не те случаи плохой подделки под исторические документы и художественные произведения (индивидуальные или народные), которые объясняются грубыми мотивами эксплуатации несведущих и наивных лиц. Равным образом для нас сейчас не имеют значения приемы определения подлин-

1 Видную роль в раскрытии принадлежности этой рукописи сыграл философ, профессор Т. Масарик, ныне президент Чехословацкой республики.

129

ности документа путем анализа материала, из которого он сделан, - микроскопический или химический анализ. Нам интересны те случаи, когда критерий для раскрытия обмана лежит в области психологии. Так, например, Бессонов изобличает подделки и переделки Сахарова при издании русских народных песен, указывая на ложное понимание им духа этих песен, на введение слащавой сентиментальности, которой чужда эта песня. Процесс различения подделки от подлинного произведения в пределах психологии, мне думается, может иметь три ступени возрастающей точности. 1) Дилетант, мало изучивший данный род

произведений, ограничивается ссылкой на чутье, на интуицию, на смутное непосредственное и неосознанное чувство. Такая ссылка неубедительна для других, и весьма часто дилетант попадает впросак. Приведу один пример из истории русской музыки. М. Иванов когда-то писал, что 3-я песня Леля в "Снегурочке" Римского-Корсакова целиком народная, по поводу чего Римский-Корсаков в письме в газете просил его указать народный источник1. 2) Узкий специалист, археолог в данной местности, нумизмат и т. п. руководятся смутным чувством сходства или различия известных художественных или литературных форм, основываясь на наблюдательности односторонней и потому поверхностной. 3) Широко образованный знаток многих областей зараз обладает ясно осознанным критерием для отличия подлинного от ложного, ибо руководится при оценке произведения тонко градуированными оттенками сходств и различий и привлекает к делу диспаратные ряды мыслей и образов (данные языка, художественного стиля, мифологии, этнографии и т. п.). Таков, по-видимому, Фуртвенглер, о котором профессор Фармаков-ский пишет: "Особенную славу знатока в разоблачении подделок приобретает Фуртвенглер с опубликованием им работы о поддельности наделавшей в свое время столько шума золотой тиары Сайтаферна, приобретенной Лувром" (см.: Некролог Фуртвенглера проф. Фар-маковского, "Гермес", 1908). В замечательном исследовании "Neuere Falschungen von Antiken" von Adolf Furtwaengler, 1899, читатель найдет блестящие психологические замечания о любителе старины, ищущем на художественном рынке "aesthetisch befriedigende Prachtstucken"*, и характеристику идеологии фальсификатора. Большинство подобных подделок сводится к искусственной механической комбинаторике античных черт в произведении, якобы относящемся к известному месту, времени и стилю, причем опытный глаз ученого изобличает несообразности и ошибки в этих комбинациях, проистекающие от недостаточного знания дела. Изредка встречаются случаи органического воссоздания античного произведения, свидетельствующие не только о глубоких знаниях фальсификатора, но и о его значительном художественном

1 "Что касается до создания мелодий в народном духе, то несомненно, что таковые должны заключать в себе попевки и обороты, заключающиеся и разбросанные в различных подлинных народных мелодиях. Могут ли две вещи в целом напоминать одна другую, если ни одна составная часть первой не походит ни на одну составную часть второй? Спрашивается, если ни одна частица созданной мелодии не будет походить ни на одну частицу подлинной народной песни, то может ли целое напоминать собою народное творчество?" ("Летопись моей музыкальной жизни", стр. 197).

даровании. В последние годы XIX в., по словам Фуртвенглера, появились среди подделок под терракотовые изделия в Малой Азии такие замечательные в художественном отношении произведения, что их нужно признать чем-то совершенно исключительным. Они навсегда останутся феноменальным явлением в истории подделок. Они запечатлены совершенно своеобразным и вполне выдержанным стилем, и их главный автор проявил много самостоятельной изобретательности. Правда, неоднократно, именно в отдельных фигурах, он подражал античным образцам - танагрскому искусству, ибо многие отдельные статуэтки суть произведения подделывателя групп, и эти статуэтки появились одновременно с группами, но все же он нередко предоставлял простор своей собственной фантазии в позднейших созданиях и непредусмотрительно "отпускал поводья". Таким образом, в данном случае самое художественное дарование, размах творческой фантазии современного художника оказывался к невыгоде впечатления в смысле иллюзии подлинности, разумеется, лишь в глазах исключительно проницательного историка искусства, каким был Фуртвенглер. Не может быть сомнения в том, что с дальнейшим прогрессом исторических знаний в области искусства и литературы подделка будет становиться все более и более трудной.

В новейшей истории философии представляют психологический интерес два случая подделки. Гартманн после выпуска в свет "Философии бессознательного" опубликовал под чужим именем книгу, опровергающую все его биологические воззрения, а затем, после того как Геккель расхвалил это сочинение как здоровое противоядие против ложного учения Гартманна, последний снял с себя маску псевдонима и опроверг свою критику антикритикой в длинном ряду тезисов. Английский прагматист Шиллер в книге "Гуманизм" приводит перевод якобы отрывка из вновь открытого греческого диалога, писанного Протагором, и даже указывает на якобы открытый недавно источник, но делает всю эту мистификацию единственно для того, чтобы вложить в уста Протагора идеи современного прагматизма. Когда два философа, сходящиеся в

некоторых пунктах своей философии, пишут какую-нибудь статью сообща, то разграничить их авторство является почти совершенно невозможным. Когда-то Гегель и Шеллинг издавали вместе "Kritischer Journal" и писали в нем сообща статьи (1802-1803), например "Ueber die Verhaltniss der Naturphilosophie zur Philosophie"*. По смерти Гегеля эта статья попала в собрание его сочинений, тогда Шеллинг заявил, что он автор статьи. Гегельянцы стали оспаривать это утверждение (например, Михелет), всего вероятнее, что статья писана обоими, но выделить, что специально принадлежит одному и что другому, - невозможно.

XLI. Художественное произведение как ценный исторический документ

Именно то, что вменяют в недостаток художникам-историкам, - наличность живописных подробностей - делает поэтическое произведение в этом самом отношении ценным источником для понимания той эпохи, когда оно сочинено. Герье поясняет эту мысль Тэна анализом одной его

131

статьи об одной эпической поэме, относящейся к циклу Карла Великого (Гено-де-Монтобан): летописи того времени чрезвычайно сухи и скупы на характерные для этой эпохи психологические подробности, но "старинный трувер, - говорит Тэн, - принужденный своей задачей входить в подробности и сообщать разговор людей, описывает то, что предшествовало событию, изображает перемены в душевном настроении, одним словом, все, что исчезло от внимания летописца, и часто двух-трех таких черт достаточно, чтобы изобразить всю культуру эпохи". Вот, например, сцена прибытия послов Карла Великого к его неверному вассалу Бовину. Послы передают герцогу требование императора явиться к его двору под страхом смертной казни. Бовин при этих словах вскакивает, кричит своей дружине: "Схватите этих послов и отрубите им головы", бросается сам на них и разрубает одному голову до самой челюсти. Таков факт, переданный трувером с большой обстоятельностью, но почти с деловитой сухостью летописца. Тэн угадал взрыв дикой страсти, обуявшей Бовина. "Суровый воин, оскорбленный угрозой, сделанной ему в его собственном замке перед его вассалами, чувствует, как у него наливаются жилы, закипает кровь, напрягаются мышцы, и он бросается на посла, как разъяренный бык". В этой сцене и других подобных Тэн усматривает типичное проявление психического состояния грубых невоздержанных людей феодальной эпохи.

XLII. Односторонние тенденции в построении исторического фантасма

В процессе построения исторического фантасма могут быть четыре односторонние тенденции, которые имеют своим следствием некоторые недостатки в характеристике исторических личностей (или событий).

I. Чрезмерное упрощение, или схематизация. Такой недостаток встречается у историков-интеллектуалистов, которые стремятся в целях обобщения не только схватить характерные черты личности и свести эти черты к одной основной - дать как бы краткую и четкую формулу лица, ее вагнеровский лейтмотив. Такую точку зрения мы встречаем у Тэна. Мне возразят, быть может, указанием на то, что Тэн по своим философским воззрениям эмпирист, его гносеология исходит из сенсуализма Кондильяка. Однако это обстоятельство нисколько не препятствует Тэну проявлять рационалистические тенденции в приемах мышления. Увлечение Спинозою и Гегелем не прошло для него бесследно. Правда, он далек от мысли математизировать историю. Он отмечает качественный характер исторических и психологических законов, невозможность точно измерить и соизмерить гетерогенные явления и видит идеал историка в идеале описательного естествознания, - он хочет свести исторические явления к основным типам и процессам, дать их естественную классификацию, но в этих пределах стремление к упрощению исторического и психологического многообразия у него бросается в глаза. Рассматривая генезис личности как равнодействующую совокупного влияния расы, среды и момента, он в то же время стремится свести ее внутреннее многообразие к одной господствующей способности,

132

и именно в этом упрощении сказывается его интеллектуализм. Недаром мистически настроенный Амиель, не понимая положительных сторон теории Тэна, его огромного таланта и плодотворности его идей, пришел в ужас от его исторического метода. "Воображаю, чем будет, - пишет он, - литература будущего a l'americaine, резко контрастирующая с греческим искусством: алгебра вместо жизни, формула вместо

образа, испарения реторты вместо аполлинического опьянения, холодный взгляд вместо радостей мысли, короче, смерть поэзии, изуродованной и анатомизированной наукой" (Monod, op. cit., p. 161). Этот вопль мистической души характерен лишь по своему контрасту с интеллектуализмом Тэна, на который он сам указывает, говоря: "Форма моего духа французская и латинская - классифицировать идеи правильными рядами прогрессивно (avec progression), по правилу идеологов, короче, согласно ораторскому искусству. Я очень хорошо помню, как однажды (мне было 10-11 лет) я с увлечением читал не помню уже чье рассуждение о "Потерянном рае" Мильтона. Это была критика XVIII в., демонстрировавшая и опровергавшая, исходя из принципов. Чтение истории цивилизации Гизо, курсы Жуффруа доставили мне первое великое чувство литературного наслаждения, благодаря прогрессивной классификации. Во мне имеется стремление постигнуть сущность, как говорят немцы, не сразу одним скачком, но длинным непрерывным путем, заменить интуицию (insight), внезапную абстракцию (Vernunft) ораторским анализом, но этот путь пролагается с трудом" (Monod, ib., 39). Тэн очень любил музыку Бетховена и однажды, прослушав любимую сонату, воскликнул: "C'est beau, comme un syllogisme!"* И, воздавая должное заслугам Тэна, нужно согласиться с Моно, что он слишком упростил проблему.

Профессор Н. И. Кареев в своей прекрасной статье о Сореле указывает на параллель, делаемую Бутми между техникою построения исторического фантасма у Тэна и Сореля. У более прямолинейного Тэна он находит "les facons cons absolues d'un philosophe"**, у Сореля - "la mesure et le temperament d'un historien"***, и если Тэн в своих портретах схватывает "faculte maitresse", то у Сореля замечается "un travail infiniment plus nuance"****.

II. Чрезмерная мелочная детализация, которая лишает возможности историка при построении исторического фантасма отделить существенные признаки от несущественных, разумеется, существенные в пределах обобщений, доступных историку при данном уровне научных знаний. Историк - фактопоклонник, эрудит - перегружает изображаемое лицо или событие такими частностями, что не может даже приблизиться к родовому образу в своем бессильном стремлении, погружаясь в индивидуальное, нарисовать нам эту индивидуальность в сколько-нибудь рельефных очертаниях. Между тем искусство оживлять угасшие чувства предполагает непременно способность обобщения и умение разобраться в самых запутанных мелочах исторического материала. Для этого нужен счастливый синтез, способность ориентироваться в конкретных мелочах и схватывать общие черты. "Одни люди, - говорит Кант, - абстрагируют слишком много, другие, эмпирики, - слишком мало".

133

Но, как мы видели, и этого историку недостаточно, он должен обладать даром перевоплощаемости - идти зараз путем рассудочной комбинаторики деталей к общему и путем целостного "интуитивного" постижения исторических личностей к деталям их духовного склада. Именно такой синтез мы наблюдаем в духовной лаборатории Сореля.

1. Задумав осветить в яркой и связной картине соотношение между французской революцией и крупнейшими историческими событиями Европы, прагматически с нею связанными, и углубившись в детальнейшее изучение синхронистических явлений во Франции и в Европе, Сорель помогает своему творческому воображению синоптическими таблицами. Очевидно, Сорель помнил совет Декарта прибегать к периодическому синопсису сложного многообразия изучаемых явлений в 3-м, 4-м или 8-м томах своей книги "L'Europe et la revolution francaise", посвященных рассмотрению событий от конца конвента до эпохи директории включительно. "Автор, - пишет проф. Кареев, - очень искусно размещает в них отделы, посвященные внешней и внутренней истории Франции за десять лет совершившейся в ней революции: очевидно, ему, действительно, принес большую помощь уже отмеченный выше его прием первоначально размещать свой фактический материал по графам - прием, дававший ему возможность безошибочно каждый раз судить, какое событие произошло во внутренней и во внешней политике и как могло оно отразиться на других событиях, опять-таки безразлично, совершилось ли оно в самой Франции или вне ее, в политических ли собраниях или в дипломатических канцеляриях и на полях сражений" ("Сорель", 1907, стр. 26-27).

2. Но в то же время Сорель стремится постигнуть и целостные личности того времени путем перевоплощаемости. Социальное взаимодействие духовных личностей нельзя конструировать по частям механически: "Проблема их общего действия, -

говорит Сорель, - отнюдь не проблема механики. Это соединение существ, это проблема человеческой симпатии или отвращения. Это понятие роли толпы стремится проникнуть в историю с расширением демократии, вооружением народов, сосредоточением промышленных рабочих, является сюда не под давлением, как можно было бы подумать, естественных наук, оно отнюдь не корроларий в деле изучения обществ, роли бесконечно малых величин в человеческом теле, жизненных соперничеств, всеобщего действия и революций в мире микробов, существование которого с управляющими им законами было открыто Пастером, это чисто интуитивный взгляд, и история его заимствовала из литературы, из шекспировского "Юлия Цезаря", из толстовской "Войны и мира". "Вот эту-то человеческую стихию, - говорит он дальше, - личную и особенную в каждом человеке, и требуется выделить в актах и рассказах тех, которые вели дела, подготовляли события и докладывали об их обстоятельствах. История живет документами, но документы очень похожи на письма, написанные химическими чернилами. Они выдают свою тайну только тогда, когда их нагревают и заставляют просвечиваться у пламени жизни" (Кареев, стр. 45-46).

Относительно процесса чрезмерного осложнения можно сказать, что при описании индивидуума нет такой черты, которая могла бы быть

134

отброшена как заведомо не пригодная для оценки исторического удельного веса данного лица: всегда может оказаться при дальнейшей углубленной разработке истории, что кажущаяся случайной и несущественной под известным углом зрения черта в сочетании с другими данными может оказаться исторически показательной, и Виндельбанд ошибочно думает обратное. Но с другой стороны, несомненно, что при описании исторической личности, при данном состоянии исторической науки ученый должен сосредоточить внимание не на всех деталях данного события в равной степени. Пуанкаре прекрасно поясняет в применении к астрономии губительное значение детализации, не соответствующей уровню знания: "Если бы Тихо-де-Браге имел в десять раз более точные инструменты, мы бы никогда не имели Кеплера, Ньютона и астрономии". Однако лишь вооруженный обширными знаниями общего и специального характера историк может решить, имеет ли историческую значимость известная биографическая деталь. Осложнение исторического образа может идти или в сторону безыдейной мелочности вообще, или в сторону психологической, психиатрической, эстетической или моральной детализации черт данного лица. Сочинения вроде "Душевного состояния Иоанна Грозного" Павла Ковалевского, каково бы ни было их психиатрическое значение, не представляют для историка никакого интереса, ибо этиология душевной болезни исторической личности не проливает никакого света на исторически действенные стороны в его поведении.

III. Нужно еще указать на преувеличение и преуменьшение известных

черт в историческом фантасме или в сторону карикатуры, или в сторону

идеализации.

"Лучшие портреты, - пишет Маколей, - едва ли не те, в которых есть легкая примесь карикатуры, и мы не уверены, что лучшие портреты не те, в которых с толком употреблена доля прикрас вымышленного повествования. Кое-что теряется в точности, зато много выигрывается в эффекте. Мелкие штрихи забываются, но великие характеристические черты запечатлеваются в уме навсегда" (Е. В. Барро: "Маколей", 1894, стр. 70).

Большой объективизм историка, сознательное стремление быть беспристрастным все же не исключают легкого оттенка иронии в характеристиках. В этом сказывается известный момент субъективной оценки лиц и событий. Профессор С. Ф. Платонов пишет о Ключевском: "В прошлое наш историк смотрит если далеко не равнодушно, то сдержанно, не показывая "ни жалости, ни гнева". Суд историка у Ключевского действует чаще всего посредством мимолетного сарказма или же благодушного, но меткого юмора ("Памяти В. О. Ключевского". См. сборник: "В. О. Ключевский. Воспоминания и характеристики", 1912, стр. 98).

IV. Как уже замечено выше, Фюстель-де-Куланж предостерегает

историков от модернизации прошлого, что не мешает им разделять эту

черту с поэтами, хотя для ученого подобный грех непростителен. А меж

ду тем вспоминаются Моммзен и Юлий Цезарь, Грот и Перикл*.

"Моммзен, - пишет профессор Хвостов, - вырос и сложился в бурное

время 40-х годов. Живой интерес к современности у него, при живости

135

темперамента, невольно переносится и на далекие времена римской республики. Анализируя факты прошлого, он сравнивал их с настоящим и переносил далеко назад свои современные симпатии и антипатии. Всем известно его сочувствие Цезарю и несочувствие Помпею, Цицерону, Катону. В Цезаре Моммзен видел такую же сильную власть, какая, по его мнению, нужна была и для объединения Германии" (Научное слово, lb., стр. 99). Иногда историки, зная за собой грех модернизации, вносят в качестве корректива умышленную архаизацию идеологии людей далекого прошлого. Такую черту отмечает у Фюстеля Гиро. В истории философии яркими примерами этих противоположных тенденций модернизации и архаизации могут служить Гомперц и Таннери. Первый наделяет Гераклита чертами немецкого романтика-пессимиста, второй утверждает, что "бесконечное" Анаксимандра было бесконечным лишь во времени, но ограниченным в пространстве, ибо де невероятно допустить, чтобы Анаксимандр мог уже додуматься до идеи бесконечного пространства. У Карийского в его работе "Бесконечное Анаксимандра" можно найти опровержение этого ложного домысла; он показывает, что идея бесконечности пространства не чужда уже Гесиоду.

В истории философии модернизация исторического фантасма приобретает в различных философских школах различную субъективную интерпретацию. В этом отношении весьма любопытна судьба Протагоро-ва учения - "человек есть мера всех вещей". Если "человек" понимать здесь в смысле индивидуальном, то учение Протагора принимает оттенок крайнего скептического релятивизма. Если толковать термин "человек" в смысле социологическом (средний, "нормальный" человек - homme moyen), то такой взгляд приближается к позитивистическому пониманию знания как результата родового опыта (Мах, Лаас). И что же мы видим в истории философии? Древние скептики, видя в учении Протагора источники своих воззрений, подчеркивают индивидуалистический субъективизм, и то же делают и платоновцы по следам Платона, дабы подчеркнуть бесплодность сенсуализма. Наоборот, позитивисты, видя опять же в Протагоре родоначальника их идей, толкуют термин "человек" в смысле "средний" человек и даже в смысле impartial and benevolent spectator* английских моралистов. Вот почему Секст Эмпирик, а также Платон, Аристотель, Герберц и Наторп толкуют "Homo-mensura Satz"** в смысле индивидуалистическом, а Гальбфлейш, Грот, Лаас и Т. Гомперц - в смысле коллективистическом.

XLIII. Три тенденции в процессе образования исторического понятия

Исторический фантасм представляет подготовительную ступень к образованию исторических понятий, и историки по способу образования последних могут быть разделены на три группы:

I. Представители индивидуалистического номинализма. Для них допустимо образование главным образом индивидуальных понятий в истории, да и таковые они готовы отожествлять с единичным представлением. Это умы, не желающие возвышаться над сферою конкретнейших описаний. Их логический идеал всего лучше может быть выражен слова-

136

ми Геринга и Кирхманна: Идеал всякого знания состоял бы в том, чтобы, без применения общих понятий, всякое явление познавать in concreto". (Goring: "System der krit. Philosophic". S. 301.) "Если бы боги говорили, то всегда говорили бы собственными именами". Мне вспоминается по этому поводу рассказ Герцена о том, как в эпоху конвента один француз, проработавший много лет над буквальной репродукцией из воска целого квартала Парижа, преподнес свой труд в дар конвенту, а последний, вместо благодарности, посадил его за бесполезную трату времени в такую великую эпоху на несколько месяцев в тюрьму.

2. Представители видового, или специфического, реализма. Сюда относятся

историки, гипостазирующие народ, класс или государство в особую сверхиндивидуальную реальность. Сюда относятся логический реализм некоторых последователей Маркса, учение об объективном духе немецких "народных психологов", а также учение Данилевского о культурно-исторических типах*. Для таких историков человечество - пустая абстракция, но народ, государство или класс - своего рода ens realissimum**. К ним применимо то, что Вл. Соловьев пишет о Данилевском: "Человечество, по мнению Данилевского, есть род, т. е. отвлеченное понятие, существующее только в обобщающей мысли, тогда как культурно-исторический тип, племя, нация суть понятия видовые, соответствующие определенной реальности. Но логика не допускает такого противоположения. Род и вид суть понятия относительные" (см. статью "Н. Я. Данилевский", "Словарь Брокгауза и Ефрона", новое издание***).

3. Наконец, имеются еще представители родового, или генеричес-кого, реализма. Для них различие видов несущественно, а ценными и истинно реальными они считают или человечество, или среднего человека. Такова идеология основателя социологии Конта и социальной физики - Кетеле. Для Конта, автора "Системы позитивной политики", человечество - Grand Eire****. В "Курсе позитивной философии" он мечтает создать "histoire sans noms d'hommes ou meme sans noms des peuples"*****. Дарвин и Спенсер разделяют его антипатию к видовым различиям. У Дарвина однажды вырвалось характерное восклицание: "Как я ненавижу виды и разновидности!" А Спенсер так свысока относится к конкретным деталям исторических явлений, что в книге "Воспитание физическое, умственное и нравственное" утверждает, что смена одной династии другой - факт столь же мало поучительный, как и запись о том, что на соседней крыше вчера кошка окотилась. Кетеле же в своем homme moyen видит своего рода платоновскую идею - идеал для подражания.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ТВОРЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

XLIV. Синтетический вывод

В обывательском сознании издавна существуют два представления о деятельности ученого. С одной стороны, обычная научная работа есть рассудочный, непрерывный, методический процесс аккумуляции знаний. Таково описание архива, составление ботанической или зоологической коллекции, применение известных способов решения определенной задачи к такому-то частному случаю. С другой стороны, гениальный ученый открывает что-нибудь весьма значительное внезапным, прерывным путем. Яблоко падает на нос Ньютону, крышка чайника подпрыгивает перед взором Уатта, и вдруг совершено великое открытие. Ученый - это какой-то маг и волшебник, Пацюк*, которому галушки сами прыгают в рот. Такой разрыв моментов прерывности непрерывности творческой мысли изобретателя делает тайну его открытий совершенно непостижимой. На самом деле оба указанных момента непрестанно предполагают друг друга. Простой регистратор фактов или положений и чудесный творец новых научных истин - это две не существующие в природе фикции. Внезапные догадки ведь могут быть, во-первых, бесконечно различны по своей значительности и, во-вторых, таким образом привходить в каждый шаг научной работы. Работа, кажущаяся совершенно механической (собирание фактов), не исключает в любой момент ее выполнения тех или других усовершенствований техники работы, которая предполагает догадливость работника, и самые ошеломляющие своею неожиданностью сопоставления являются лишь увенчанием здания, поворотной точкой в многолетнем упорном непрерывном процессе работы. Когда Кант поставил вопрос: как возможны синтетические суждения a priori? он, в сущности, поставил вопрос: как возможны изобретения в математике, "чистом естествознании" и в философии? Для полноты проблемы изобретения нужно лишь прибавить другой вопрос, который Канту не было надобности разбирать: как возможны синтетические апостериорные, т. е. опытные, суждения. Иными словами, можно сказать: всякое научное изобретение есть вывод с одной или двумя синтетическими посылками и, следовательно, с синтетическим заключением. Большая посылка выражает момент непрерывного накопления. Это то ранее приобретенное знание, которое находится в распоряжении памяти и рассудка ученого. Меньшая посылка выражает момент изобретательности, проницательности или, как выражается Кант, способности суждения. Заключение есть синтетический

вывод разума из двух процессов - непрерывного накопления знания рассудком и

прерывного - догадки, силы суждения.

Verstand - M - P. Urtheilskraft - S - M. Vernunft - S - P.

Эта схема принадлежит Канту1. Но еще у Аристотеля есть замечание о проницательности 2, которую он как раз усматривает в уме-

нии подыскать подходящий средний термин, т. е. в удачном подведении меньшей посылки под большую. Проницательность есть способность сделать удачною ad hoc** догадку относительно среднего термина. Например, когда кто-нибудь, заметив, что луна своею светлою стороною всегда обращена к солнцу, сразу поймет, что это в действительности происходит оттого, что она освещена солнцем, или когда кто-нибудь догадается, что человек разговаривает с богачом в расчете занять у него денег, или что известные лица - друзья только потому, что у них есть общий враг.

Вот текст Аристотеля: Analyt. post., lib. I, cap. XXXIV.

Любопытно, что Аристотель приводит по одному примеру на проницательность натуралиста, психолога и политика. Джэмс в своей психологии развивает подобный же взгляд на роль догадки в мышлении, но он почему-то не упоминает ни словом ни об Аристотеле, ни о Канте.

"Назовем факт, - пишет Джэмс, - или конкретную данную опыта S, существенный атрибут M, а свойство атрибута P. Тогда искусство мышления можно охарактеризовать двумя чертами: 1) проницательностью, или умением вскрыть в находящемся перед нами целом факте S его существенный атрибут M; 2) запасом знаний, или умением быстро поста-

1 "Рассудок, располагающий запасом ранее приобретенных знаний, ставит проблему: Чего я хочу? От чего это зависит? - спрашивает способность суждения. Что из этого вытекает? - спрашивает разум. Люди очень различны в способности давать ответ на каждый из этих вопросов. Первый требует только ясной головы, чтобы понять самого себя, и это природное дарование при некоторой культуре встречается часто - в особенности в том случае, если на это обращают внимание. Гораздо реже можно встретить легкий ответ на второй вопрос, ибо представляются разнообразные виды определения предлежащего понятия и мнимого разрешения задачи - где же тот единственный способ, который соответствует данному случаю?" ("Антропология", § 57, рус. пер. Соколова, стр. 96-97, изд. 1900 г.)

2 Термин "anchinoos" есть у Гомера (Од. XIII, 332)*.

вить M в связь с заключающимися в нем, связанными с ним и вытекающими из него данными" (Джэмс: "Психология", 1-е изд., стр. 288. Мой перевод):

Среди представителей эмпиризма (Бэкон, Беркли, Милль, Спенсер, Бенеке, Мах) распространен взгляд, будто силлогизм не расширяет нашего знания и потому не может быть источником изобретения, взгляд ложный, он основан: 1) на смешении силлогизма, как словесной формулировки вывода, с творческим актом мысли, 2) на неясном понимании природы синтетических, расширяющих наше знание суждений. "Силлогизм, - пишет Мах, - только делает ясным для сознания зависимость суждений" ("Erkenntniss und Irrthum", 1905, S. 300). Легко сказать "только!"' Ведь от внезапного сопоставления двух суждений, если они оба или, по крайней мере, одно из них синтетично, и получается новое знание в выводе. Две посылки и заключение не механически сопоставлены в силлогизме, но выражают лишь моменты единого целостного акта мысли. Разумеется, вывод может быть и силлогизмом, и внесиллогисти-ческой операцией из области так называемой "логики отношений" (например: a>b, b>c, значит, a>c), какой-нибудь математической операцией (например, заключение от п случаев к п+ 1-му) и индукцией, о чем речь будет ниже. О синтетическом силлогизме и о природе синтетических суждений см. мои исследования "Законы мышления и формы познания", 1906, и "Логика отношений и силлогизм", 1917, а также капитальный труд проф. А. И. Введенского "Логика как часть теории познания", 1916.

Можно поставить вопрос, следует ли считать научным или философским изобретением установку нового аналитического суждения? Ведь оно не расширяет, но лишь

проясняет наше знание! Но прояснение знания предполагает уже минимальный синтез. Я уже имел случай показать, что все аналитические суждения минимально синтетичны (см. "Законы мышления и формы познания", стр. 176). В противном случае установка аксиом и определений не имела бы никакой познавательной ценности. Острота мысли, необходимая для создания точных и ясных определений, такой же великий творческий дар, как и комбинационная способность. Оба процесса - изобретение новых аналитических и синтетических суждений - взаимно предполагают друг друга. Сам Кант, установивший противоположность аналитических и синтетических суждений, смягчает ее, как указывает Коппельман (см. там же, стр. 176). Аналитическое суждение в эксплицитной форме резюмирует в определениях и аксиомах содержание нового понятия, добытое синтетическим путем. В противном случае теория определения Сократа не была бы

1 Ошибка Маха тем более удивительна, что он сам в интересной статье в журнале "Monist" за 1896 г. "On the part played by accident in invention and discovery" указывает, что обе посылки, из которых получилось открытие Торичелли, были порознь известны Галилею, но ему в голову не пришло их сопоставить. Джоуль сказал в Гейдельберге, что, будь теория Майера верна, вода от дрожания нагревалась бы. Майер не сказал ни слова, но через несколько недель заявляет: "Es ischt aso!"*

великим философским изобретением, а аксиоматика Гильберта - важным математическим нововведением.

В процессе образования синтетического силлогизма играет роль переходного момента бесконечное суждение. В таблице суждений Канта наряду с утвердительным и отрицательным имеется еще, как сочетание двух первых, - бесконечное; А есть не-В1. Шопенгауэр усматривал в таком типе суждений лишь фальшивое окно, включенное в таблицу ради симметрии. Коген же усмотрел в этом типе суждений и соответствующей ему категории ограничения (наряду с категориями реальности и отрицания или бытия и небытия) коренной принцип мышления. Я сказал бы, что бесконечное суждение выражает в процессе изобретения момент разрыва с прежде установленною логическою связью двух понятий, когда мы знаем, что искомое X не относится к тому классу, к которому его до сих пор относили, но к другому, который еще требуется найти, - и вот он найден, и получается новый синтетический вывод S есть P. Таким образом, бесконечное суждение подчеркивает непрерывность процесса мышления и непрестанную корреляцию утверждения и отрицания. Коген справедливо указывает, что в истории философии отправным пунктом для великих философских открытий были привативные, или ограничительные, понятия: *, .бес-предель-

ное, Не-познаваемое: объект познания - мир рисуется в недифференцированном виде, rudis indigestaque moles, нечто, к уразумению коего присоединяются первоначально привативные предикаты. См. "Logik der reinen Erkenntniss".

С незапамятных времен знали, что человек при бронхите, воспалении легких или чахотке кашляет и что пустая бочка при ударе иначе звучит, чем заполненная. Но лишь Ауэнбругер (1722-1801) в книге "Inventum novum ex percussione thoracis humani interni pectoris morbos detegendi"** (1761) высказал догадку, что и грудь человека, как полый твердый предмет, в различных болезнях при перкуссии издает различные звуки. Таким образом, положение: полый предмет при ударе звучит иначе, чем заполненный, явилось большею посылкою синтетического силлогизма изобретателя, меньшей же посылкой явилась догадка: а ведь и грудь человека есть полый твердый предмет, откуда получился вывод: следовательно, грудь человека при выстукивании будет издавать разные звуки в случае заполнения или незаполнения. Большая посылка заключает в себе момент воспроизведения ранее приобретенных знаний, момент интеллектуального подражания. Меньшая посылка заключает в себе новый синтез, неожиданное сближение столь непохожих на первый взгляд вещей, как пустая бочка и грудь человека. В этом синтезе есть и новое утвердительное суждение: грудь и бочка относятся к одному классу, А сходно с В, и предваряющее его бесконечное суждение - А есть не С, если под С разуметь сплошные твердые тела, - грудь есть не сплошное твердое тело. Поясню эту мысль еще на трех примерах из истории наук.

1. О Ломоносове профессор Меншуткин пишет: "Ломоносов указывает, что Роберт Бойль первый показал, что при обжигании металлов

1 Мне помнится, в письмах Фихте есть замечание по поводу взглядов Абихта, что квалифицирование вещи в себе, как непознаваемого, образует бесконечное суждение.

141

i

увеличивается вес гирь, и объяснял это увеличение веса соединением с металлами весомой части пламени материи огня". В 1673 г. Роберт Бойль делал опыты, которые заключались в следующем: "Бойль брал стеклянные реторты, клал в них свинец или олово, заплавлял герметически в огне горлышко реторты и взвешивал их. При нагревании такой реторты свинец переходит в окалину. Когда после 2-часового нагревания он открывал запаянный кончик реторты, воздух с шумом врывался в нее

- признак того, как указывает Бойль, что реторта была действительно

герметически запаяна, и при вторичном взвешивании оказывалась при

быль веса. Отсюда Бойль заключал, что материя огня проходит через

стекло и соединяется с металлом". "Эти-то опыты Ломоносов повторил

в 1756 г. и, как он пишет в ежегодных отчетах о своих занятиях, со

следующим результатом: "Между разными химическими опытами, ко

торых журнал на 13 листах, деланы опыты в заплавленных накрепко

стеклянных сосудах, чтобы исследовать, прибывает ли вес металлов от

чистого жара. Оными опытами нашлось, что славного Роберта Боила

мнение ложно, ибо без пропускания внешнего воздуха вес сожженного

металла остается в одной мере..." Таким образом, опыты Ломоносова

с полной определенностью показали, что образование окалины проис

ходит именно от соединения металла с воздухом. При прокаливании

результат этот чрезвычайно важен. Истинное объяснение явления горе

ния как соединения горящего или обжигаемого тела с кислородом

воздуха принадлежит Лавуазье, который, начав свои классические ис

следования именно с повторения опытов Бойля в 1773 г., через 17 лет

после Ломоносова, получил совершенно такой же результат" (см. био

графический очерк Б. Н. Меншуткина "Михаил Васильевич Ломоносов",

"Русский биографический словарь").

Из приведенного примера видно, что установке нового утвердительного суждения: вес металла в окалине увеличился вследствие соединения с воздухом - предшествует бесконечное суждение: увеличение веса металла есть нечто не относящееся за счет материи огня. Новый синтез устанавливается путем разрушения предвзятой мысли, помешавшей Бой-лю обратить внимание на роль воздуха в процессе увеличения веса металла. Ломоносов по методу различия устраняет участие воздуха и доказывает, что "мнение славного Боила ложно".

2. Дух изобретателя-творца есть прежде всего Geist, der stets verneint

- дух отрицания. Аналогичное отрицание предвзятого положения мы

видим в качестве исходного пункта в открытии Пастера. Его биограф

(М. Энгельгардт) пишет: "Митчерлих изучил виноградную и винную кислоты и нашел следующее: эти кислоты одинаковы по химическому составу, по основным оптическим свойствам, по кристаллической форме. Стало быть, природа, число и распределение атомов в них одинаково. Но раствор винной кислоты вращает плоскость поляризации, а раствор виноградной - не вращает плоскости поляризации. То же утверждал и французский химик Превосто. Пастер не поверил этому, он исходил из того соображения, что растворы двух тел, химически одинаковых, различно относятся к свету. Это можно объяснить только различной формой частиц, т. е. различной группировкой атомов, составляющих частицы. И он действительно обнаружил, что кристаллы винной

142

кислоты обладали так называемой гэмиедрией. Это не были вполне симметричные кристаллы с одинаковым числом симметрично расположенных граней. У них оказались лишние площадки с одного бока. Пастер уцепился за эту особенность. Нет ли связи между симметричностью кристаллов и вращением плоскости поляризации? Продолжая свои исследования, он убедился, что кристаллы виноградной кислоты, которая не вращает плоскости поляризации, не обладают гэмиедрией. Это вполне симметричные кристаллы. Связь между гэмиедрией кристаллов и оптическими свойствами растворов окончательно подтвердилась, когда Пастер окончательно разложил виноградную кислоту на две винные, совершенно тожественные по составу. Но одна из них вращает плоскость поляризации вправо, другая - влево, и кристаллы одной обладают гэмиедрическими площадками на правом боку, другой - на левом. Соединяясь, эти кислоты дают виноградную, раствор которой не отклоняет плоскости поляризации. Дисимметрия частиц исчезла, что отражается на форме кристаллов виноградной кислоты, вполне симметричных, без гэмиедрических площадок: открытие "правой" и "левой" кислот привело Пастера в сильнейшее волнение. Здесь, как и в открытии Ломоносова, исходным пунктом процесса был протест против предвзятой идеи Митчерлиха - неодинаковое отношение двух веществ к свету есть показатель неполной тожественности их химической структуры".

3. В превосходной биографии Лобачевского, написанной проф. А. В. Васильевым, излагается генезис его великого открытия. Уже древние геометры (Посидоний, Прокл, а также арабские ученые, как Назир-Эддин) пытались доказать аксиому Эвклида, т. е. вывести ее как логическое следствие из других аксиом. Одни искали решения проблемы в новом определении параллельных линий, другие выставляли вместо постулата другое положение, которое казалось очевидным и из которого постулат выводился как следствие... Но все продолжавшиеся два тысячелетия попытки оставались тщетными: на геометрии оставалось пятно. Работы Саккери и Ламберта еще более углубили постановку вопроса, но Гаусс был первым, усомнившимся в истинности постулата. Ввиду того что учитель Лобачевского Бартельс был дружен с Гауссом, существовала гипотеза, что скепсис Лобачевского по отношению к постулату был навеян идеями Гаусса. Однако после 1893 г., когда проф. А. В. Васильев высказывал это предположение, были найдены новые материалы, дающие основание думать, что Лобачевский додумался до своей идеи независимо от Гаусса; в связи с общим интересом математиков к этому вопросу в XVIII в. Лобачевский мог знать работы Лежандра и некоторых других ученых, писавших между 1813 и 1827 гг. Мнение же Гаусса было высказано печатно в 1816 г. В период 1815-1817 гг. Лобачевский еще пытается различными способами обосновать теорию параллельных линий. В 1823 г. он уже признает все существующие доказательства неудовлетворительными. Наконец, в 1826 г. 12 февраля им прочитана в заседании физико-математического факультета записка (не дошедшая до нас) "Exposition succincte des principes de la geometrie", где уже намечена система, противоречащая постулату Эвклида. В основе первого этапа лежит признание постулата истинным при известном обосно-

143

вании; в основе второго - сомнение в его истинности1, в основе третьего - отрицание его истинности. Таким образом, до нового способа мышления здесь была постепенная диссоциация привычных идей. Если обозначить через А перпендикуляр, а через В наклонную, через С же пересекаемость двух линий при достаточном продолжении, то искания предшественников Лобачевского могут быть выражены в утвердительном суждении:

А и В всегда обладают свойством С, а отправным пунктом исследований Лобачевского является бесконечное суждение:

А и В могут относиться к линиям, не обладающим свойством С.

XLV. Синтетический вывод в философском изобретении

Не только специально научные, но и философские открытия и изобретения могут быть выражены в форме синтетического силлогизма, равным образом и сущность целого направления философской мысли (эмпиризм, рационализм) может быть выпукло охарактеризована в подобной оболочке. У Вл. Соловьева (в "Кризисе западной философии") мы находим остроумную, хотя и слишком схематически упрощенную, попытку подобного рода. Взаимное отношение ступеней в развитии эмпиризма может быть выражено в таком силлогизме:

Major* (Бэкона) - подлинно сущее познается в нашем действительном опыте.

Minor** (Локка) - но в нашем действительном опыте познаются только различные эмпирические состояния сознания.

Conclusio*** (Милля) - ergo, различные эмпирические состояния сознания суть подлинно сущее.

Три фазиса в развитии рационализма характеризуются Соловьевым следующим образом:

Major (догматизма) - истинно сущее познается в априорном сознании,

Minor (Канта) - но в априорном сознании познаются только формы нашего мышления (?)

Conclusio (Гегеля) - ergo, формы нашего мышления суть истинно сущее.

В этих силлогизмах верен замысел - выразить в подобной форме философское изобретение. Осуществление же замысла ложно, ибо творческий процесс в истории философии осуществлялся в гораздо более сложной форме, что будет показано нами впоследствии.

В области практической философии мы встречаем подобный же силлогизм, который Аристотель назвал силлогизмом действия. Всякий поступок, имеющий только техническое или также моральное значение, короче, всякий разумный волевой акт может быть выражен в форме

1 Из XIV тома академического издания сочинений Канта явствует, что и его не удовлетворяли попытки определить параллельные линии. Соответствующие отрывки находятся в первом отделе. Рейке снабжает их историческим комментарием. Об этом интересном обстоятельстве не упоминают Бонола, Брюнсвик и другие историки философии математики.

144

силлогизма, где большая посылка играет роль руководящей общей максимы поведения, меньшая - подведение данного случая под общую максиму, а заключение - самое решение действовать известным образом, например:

То, что сладко, полезно. Мед сладок. Мед полезен.

В подобном силлогизме, конечно, нет никакого изобретения, ибо он ложен по существу. И только Руссо, увлеченный мыслью, что природа не может нас вводить в

заблуждение (что вкусно, то и полезно для здоровья), съел несколько волчьих ягод, найдя их вкусными и все же отнюдь не ядовитыми. Но неудачный пример Аристотеля здесь не изменяет сути дела. И мы можем говорить, что техническое или этическое изобретение может быть выражено в виде синтетического силлогизма практического разума. На подобный силлогизм указывает Кант, у которого в "аналитике практического чистого разума" мы встречаем силлогизм, где большая посылка выражает моральный принцип, меньшая - подведение под нее известных действий, как хороших, так и дурных, а в заключение мы переходим к известному субъективному решению воли. Таким образом, удачное нахождение меньшей посылки открывает путь к изобретению и в моральной философии. Так, например, изобретение киренца Аристип-па может быть формулировано следующим образом:

Истинное наслаждение должно быть в настоящем, иметь телесный характер и притом положительный - не быть простым отсутствием страдания.

Цель жизни должна быть устремлена к истинному наслаждению.

Следовательно, целью жизни должно служить наслаждение с указанными тремя свойствами.

А вот силлогизм киников:

Цель жизни - стремиться к уменьшению потребностей.

Но стремление к богатству, славе, роскоши и т. п. - не есть стремление к уменьшению потребностей.

Следовательно, упомянутые стремления не соответствуют цели жизни.

XLVI. Закон непрерывности. Активность внимания

В силу закона непрерывности, в изобретении подражание и новаторство всегда неразрывно связаны. Очень замечательны золотые слова Канта в его "Размышлениях к Антропологии", § 778. Он говорит: "Немцы по таланту - подражатели. Это обозначение пользуется худшей репутацией, чем оно заслуживает. Подражание есть нечто совершенно отличное от обезьянства (Nachaffen). Подражание не так далеко отстоит от гения, как это принято думать. Нет никакого духовного прогресса, никакого изобретения без того, чтобы человек не подражал заранее известному в новом отношении. Так, Ньютон, подражавший падению яблока, и Кеплер, подражавший гармоническим отношениям,

145

заслужили имя законодателей звездного неба. Подражание примерам также служит руководящей нитью для гениев, но только не тому, что в этих примерах есть буквального и личного, не их букве, но их духу. Первое есть обезьянство. Мильтон подражал великим поэтам, но не просто копируя оригинал, а как ученик, стремящийся превзойти учителя. Подражание есть скромный и надежный путь гения, который в избираемой дороге сообразуется с попытками, сделанными другими. Не было ни одного великого мастера, который не подражал бы, и не было ни одного изобретения, которое не могло бы рассматриваться как некое соответствующее отношение к предшествующим открытиям. Все подчинено закону непрерывности, и то, что совершенно оторвано и обособлено от предшественников пропастью, принадлежит миру пустых призраков".

Кто обладает обширными знаниями и притом ясными и отчетливыми понятиями, в распоряжении того всегда имеются ценные большие посылки. Кто обнаруживает находчивость в выборе подходящей меньшей посылки, которая зависит от комбинационной способности творческого воображения, - тот обладает даром изобретательности. Но подлинно одаренным человеком будет тот, кто будет обладать и логической остротой, необходимой для установки отчетливых понятий (в связи с памятью, от которой зависит запас приобретенных знаний), и комбинационным даром. По словам Рихарда Бервальда, логическая острота и комбинационный дар - die beiden koniglichen Begabungen des Menschen*. Обе эти черты, действительно, свойственны всем великим изобретателям, в том числе и философам, хотя у одних может более преобладать один момент, а у других - другой. Например, у Канта, богато одаренного, по свидетельству Боровского, в обоих направлениях, могла преобладать первая черта, а у Лейбница - вторая.

Творческая мысль есть особый синтез многообразия в единстве. Вот почему в деятельности внимания у гениального изобретателя сочетаются две полярно противоположные черты:

1. Концентрация. Самоуглубление до забвения всего окружающего - черта, характерная для научного и философского творчества, начиная от Фалеса, упавшего в яму при наблюдении звезд, и Сократа, простаивавшего сутки на одном месте, поглощенного философскими размышлениями, и кончая Пуанкаре.

Вот иллюстрация этого положения. Боткин пишет: "Не говоря о том, что я гибель прочитал, я еще сделал целую работу... Я взялся за лягушек и, сидя за ними, открыл новый кураре в лице сернокислого атропина, надо было проделать с ним все опыты, какие были сделаны с кураре. Новизна приемов работы (по этому отделу я еще не работал), удачные результаты и поучительность самой работы до того увлекали меня, что я просиживал с лягушками с утра до ночи, просиживал бы и больше, если бы жена не выгоняла меня из кабинета, выведенная, наконец, из терпения долгими припадками моего, как она говорит, помешательства... До такой степени меня охватывает какая-нибудь работа, ты не можешь себе вообразить, я решительно умираю тогда для жизни, куда ни иду, что ни делаю, перед глазами все торчат лягушки с перерезанными нервами или перевязанной артерией. Все время, что я был под

146

чарами сернокислого атропина, я даже не играл на виолончели, которая теперь стоит заброшенной в уголке".

В философском, как и в научном творчестве, мы видим нередко постановку проблемы и ее "депроблематизацию" отделенными друг от друга промежутком в 10-15 лет. Начальная идея "Критики" зародилась у Канта в 1769 г., а сочинение появилось в свет в 1781 г. За весь этот промежуток и в течение шести месяцев лихорадочного сочинительства поле сознания Канта, разумеется, прерывно, но неуклонно включало в себя и освещало фокусом внимания все, что могло иметь отношение к решению проблемы.

Подобным же образом творили Конт, Спенсер и М. И. Каринский. "Курс позитивной философии" был задуман в двадцатых годах XIX в. и выполнялся по строго заранее продуманному плану в течение двадцати лет. "Синтетическая философия" Спенсера была предпринята в 1858 г., а закончена лишь в 1894-м. О Каринском его биограф проф. Э. Л. Радлов пишет: "Единая мысль и одна задача руководила им в течение всей его сознательной жизни. Задача, поставленная в его юношеском труде "Обзор германской философии", последовательно и глубоко решена в трех капитальных трудах, а именно в "Классификации выводов" (1880), в сочинении "Об истинах самоочевидных" (1893) и в "Разногласии в школе нового эмпиризма по вопросу об истинах самоочевидных" (1915) (см. "Некролог: М. И. Каринский", "Журнал министерства нар. просв.", 1917). В этом процессе постановки философской проблемы, ее интеллектуальном разрешении и техническом осуществлении нужно, как справедливо замечает проф. Энгельмейер по поводу технических открытий, указать три момента, образующие вместе то, что он называет трехактом. У Канта проблема зародилась в 1769 г., ее решение назревало двенадцать лет, а техническое осуществление потребовало шесть месяцев (см. книгу Энгельмейера "Теория творчества", с предисловием проф. Д. Н. Овсянико-Куликовского, 1910).

2. Но наряду с концентрацией у творческих гениев надо отметить и прерывность. Это замечает, например, у Пуанкаре д-р Тулуз. Ведь изобретатель развивает в своей духовной лаборатории целый ряд диспаратных агрегатов идей, скажем A, B, C, D, E и a, b, c, d, e, внимание его может перебегать в работе от одной организованной группы идей к другой, в этом и заключается способность двойного тока мыслей, замечаемая у изобретателей, то, что Б. Эрдманн называет Nebendenken*, а Сурио - pensee a cote*. Полная неустойчивость внимания характерна для дебиликов, но там речь идет о беспорядочной неустойчивости, а здесь, так сказать, о системе подвижного равновесия между агрегатами идей. Равным образом концентрация внимания у гения не то, что моноидеизм сумасшедших. Соотношение двух рядов мыслей у гения можно, согласно д-ру Тулузу, графически выразить как посменный переход к звеньям двух упорядоченных рядов представлений:

147

Соотношение же колебаний внимания у дебилика можно выразить в виде беспорядочного хаотического метания из стороны в сторону, где фокус внимания случайно перемещается с одного неустойчивого образа на другой (см. Toulouse: "Poincare").

Интересное замечание Порфирия из его биографии Плотина приводит Вашро: "Разговаривая с нами, он мог одновременно удовлетворять своей потребности вести беседу и продолжать без перерыва свои размышления по вопросу, который занимал его; таким образом, он жил зараз с самим собою и с нами. Он никогда не отдыхал от (работы) внутреннего внимания; эта последняя едва только перерывалась на время сна, который часто нарушался вследствие недостаточного питания (так как иногда он не ел даже хлеба) и вследствие непрестанного сосредоточения своего духа" (Vacherot: "Histoire de l'ecole d'Alexandrie", v. I).

XLVII. Изобретение и индуктивные операции мысли

Творческие догадки привходят как в синтетический силлогизм, так и в процесс индукции. Методы индукции, подобно силлогизму, не суть мертвые механические схемы, шаблоны, которыми в качестве "логики открытий" может воспользоваться всякий дурак. Наведение может получиться как путем непрерывного процесса накопления фактов, регистрирования повторяющихся единообразий: сосуществования, причинной и функциональной взаимозависимости, так и прерывным путем неожиданных сопоставлений и внезапных догадок. Оба эти момента в процессе наведения тесно сплетены между собою. Главных метода индукции, по-моему, три.

I. Метод совпадения, в котором от постоянного сосуществования

A и B или следования явления B за явлением A мы заключаем к законо

сообразной или причинной связи между ними; это может быть выражено

в условном суждении modus ponens*.

Если A к B постоянно сосуществуют или следуют друг за другом при смене других предшествующих B или сосуществующих с ним условий, то A связано с B законосообразной или причинной связью. Но A и B связаны друг с другом именно таким образом. Следовательно, между ними существует законосообразная или причинная связь. Метод совпадения есть наведение от бытия одного фактора к бытию другого - он соответствует категории реальности.

II. Метод различия, в котором констатируется, что при постоянстве

или смене других факторов, предшествующих B, он не исчезает, но

исчезает всякий раз, как исчезает A, что может быть выражено в услов

ном суждении modus tollens**.

Если какие-нибудь факторы, предшествующие B, являются безразличными для его возникновения, то своим присутствием или исчезновением они не оказывают на присутствие B никакого заметного влияния.

Исчезновение фактора A влечет за собою неизменно исчезновение и B. Следовательно, A не является безразличным фактором для возникновения B (иначе говоря, составляет его причину или законосообразно с ним связано).

148

Это наведение по методу различия от небытия одного фактора к небытию другого опирается на категорию отрицания.

III. Метод остатков заключается в том, что в сложном явлении P, состоящем из K, L и M, мы уже установили зависимость K от предшествующего условия A, L - от предшествующего условия B и определяем причину M = X вычитанием (K + L) из всего комплекса ближайших известных нам предшествующих P условий, - скажем, O, отсюда X = O - (K + L).

Метод остатков обыкновенно формулируется так, как будто X уже было найдено, тогда весь процесс сводится к арифметической операции вычитания A + B из A + B + C. В таком случае метод остатков не представлял бы никакой своеобразной операции мысли, а сливался бы с методом различия и совпадения. Между тем обычное понимание этого метода выражает собою тот момент творческой работы мысли, когда результат уже получен. Но пока X не найден, он входит в бесконечную множественность условий в мире, предшествующих K, L и M (вместе с известным нам A + B); он составляет неведомую частицу в необъятном мирового прошлого. Поэтому метод остатков может всего лучше быть выражен в форме условно-разделительного суждения.

Если комплексу явлений K, L, M предшествует комплекс ABX, то причиною M может быть или A, или B, или X. Но A есть причина K, а B - причина L. Следовательно, причина M есть не A и не B, т. е. ее надо искать в X.

Мы имеем здесь в выводе бесконечное суждение, прежде чем будет установлено X. Метод остатков соответствует категории ограничения и, как мы увидим, особенно часто содействует устранению исключений, аномалий, разъясняет переходные формы между двумя классами явлений, устраняет их кажущуюся резкую прерывность. Метод сопутствующих изменений не есть самостоятельный метод, но простое уточнение этих методов, определение точной количественной взаимозависимости причин и действий.

Ученый исследователь приступает к наблюдению или эксперимента-ции не с tabula rasa* в голове, его мозг подготовлен к своеобразному восприятию внешних раздражений путем многолетней установки (Einstellung), его дух обогащен множеством знаний в организованной форме; он обладает в высшей степени в сфере своей специальности тем, что Мах называет изощренностью внимания; воспринимаемым явлениям он придает сложное истолкование, дополняя непрестанно наблюдения и эксперименты мысленными экспериментами - комбинированием фактов и идей в воображении. Поэтому его проницательность и догадливость проявляются в процессе индукции в троякой форме.

1. В виде чуткости к деталям внутри поля наблюдения, к подробностям, которые могут иметь решающее значение в постановке наблюдений и экспериментов, но которые ускользают от внимания других исследователей или вследствие недостаточной подготовленности, или вследствие недостаточного дара наблюдательности, или вследствие ослепления предвзятой теорией. Это мы уже видели в приведенных примерах на Ломоносове и Пастере. Ломоносов обратил внимание на роль воздуха в увеличении веса окалины, Пастера поразили лишние "площадки". Эта

149

чуткость к многозначительным деталям внутри поля непосредственного наблюдения особенно часто имеет место в методах совпадения и различия.

2. В виде широты комбинационного поля творческого воображения, когда ученый сближает между собою весьма диспаратные, обособленные друг от друга сферы явлений. Это особенно часто наблюдается при применении метода сопутствующих изменений. Джевонс приводит интересный пример установки законосообразной связи между солнечными пятнами и зарницами: "Трудно было бы представить себе более бессвязные явления, чем солнечные пятна и зарницы. Уже в 1826 г. Швабе стал производить систематический ряд наблюдений над солнечными пятнами, каковые наблюдения продолжались до настоящего времени; ему удалось показать, что периодически, примерно через одиннадцать лет, пятна увеличиваются значительно и числом, и размерами. Едва это открытие было сделано, Ламон (Lamont) установил приблизительно такой же период вариации для уклонения магнитной иглы. Вслед за тем было показано, что магнитные бури или пертурбации в движениях магнитной иглы особенно часто имеют место во время усиления солнечных пятен, а так как зарницы обыкновенно совпадают со временем магнитных бурь, то и это явление было включено в тот же цикл. С тех пор проф. Пиацци, Смит и м-р Стоун показали при помощи зарытых в землю термометров, что и в изменениях температуры поверхности земли наблюдается тот же период" (см.: St. Jevons. "Principles of Science", 1879, p. 452).

3. В способности благодаря живости воображения и проницательности мысли выходить за пределы непосредственного поля наблюдения и заглядывать в соседнюю запредельную область явлений, где может в скрытой форме находиться остаточный

искомый фактор, являющийся причиной данного явления. Мир опыта не есть шашечная доска, где причины и следствия расположены по соседству в соответствующих квадратиках, но сплошной поток многообразных процессов, где наряду с известными нам факторами имеются налицо и менее известные и совершенно неведомые (новые элементы, новые силы). Гершель впервые обратил внимание на то, что раскрытию этих запредельных факторов особенно содействует метод остатков. Целый ряд замечательных открытий в астрономии получен именно при помощи этого метода. Так, запоздание кометы Энке дало повод предположить влияние на ее движение противодействующей среды, рассеянной в пространстве. В физике наблюдение Араго, согласно которому магнитная стрелка, приведенная в колебание, скорее приходила в состояние покоя, будучи подвешена над медной доской, привело к открытию магнитного электричества. В химии Арведсон открыл литий, заметив избыток веса в сульфате, полученном из небольшой дозы того, что он рассматривал при анализе известного минерала в качестве магнезии (см.: A. Bain. "Logic", v. II).

В биологии точно так же метод остатков находит себе широкое применение в процессе открытий и в общей теории развития, и в эмбриологии, и в диагностике болезней. Так, например, прерывность видов являлась фактом, как бы перечащим принципу непрерывной изменяемости животных и растительных форм, и дарвинисты подыскивали для

150

этой аномалии добавочные объяснения. Таковые усматривались ими, между прочим, в расхождении признаков (divergence of characters). Позднее биологи, признавая невозможным допускать вообще непрерывность развития этих форм, оставаясь на почве учения о естественном отборе, выдвинули понятие мутации (де Фриз), батмической эволюции (Пирсон) предположением внезапной скачковой или взрывчатой метаморфозы видов. Из области гипотез и догадок этот вопрос был перенесен на более прочную почву путем введения эксперимента. Аномалии развития: maxima и minima размера (вроде Тома Пуса в 54 см вышиной и Каяну ростом в 2,83 м), близнецы, гермафродиты и всевозможные уродства, первоначально казавшиеся исключениями из общих законов эмбриологического развития, стали рассматриваться как результат тех же законов, так как были приняты во внимание остаточные факторы в виде атавизма, действия определенных механических и иных влияний на зародыш в утробной жизни, особенностей в процессе оплодотворения и т. д. Так, например, влияния механических условий при образовании уродств стали очевидными уже из показаний статистики: по словам В. М. Островского, у незаконнорожденных детей ненормальные уклонения встречаются гораздо чаще, чем у законных. Вероятно, здесь играет роль кроме полунамеренной неосторожности матери при плодоношении ее желание скрыть свое состояние при помощи стягивания, а равно и неудавшиеся попытки удаления плода (статья "Уродства", словарь Брокгауза и Ефрона). Опять-таки применение научной экспериментации дает возможность и здесь сделать вполне определенными неясные остаточные факторы, обусловливающие уродство. В таких случаях открывается возможность перейти от метода остатков к методу сопутствующих изменений, дающему более прочные и ясные результаты.

В языкознании языковые уклонения - то, что проф. Бодуэн-де-Куртене называет "патологией" слова, кажущиеся исключениями из общих законов развития языков, оказываются сводимыми к тем же законам, если при их образовании приняты во внимание различные особенности в структуре органов речи, органов слуха, в их иннервации и в центрально-мозговых особенностях изучаемых племен и народов. И здесь опять-таки эти остаточные явления находят себе полное объяснение благодаря успешному применению данных экспериментальной фонетики (см. ст. "Язык и языки", проф. И. А. Бодуэн-де-Куртене, словарь Брокгауза и Ефрона, т. 81).

Льюис указывает, что и в политической экономии и законодательстве находит подобное же успешное применение метод остатков: "Непредвиденные результаты в законодательстве или полезные усовершенствования в искусствах нередко могут быть открыты при помощи метода остатков. Так, например, сравнивая статистические отчеты или другие систематически зарегистрированные данные из года в год, мы замечаем за известный период перемену обстоятельств, необъяснимую из обычного хода событий, но такую, для которой должно же быть причинное объяснение. Для этого остаточного явления мы не имеем объяснения, пока не находим его в случайном соучастии какой-нибудь побочной причины. Так, например, сравнивая отчеты о количестве проданного живого скота на рынке в Смитфильде за несколько истекших лет, мы

обнаруживаем, что количество проданного рогатого скота значительно возросло, между тем как количество проданных овец оставалось приблизительно таким же. Нужно предположить, что потребление говядины в Лондоне возрастает соответственно росту населения в городе; с другой стороны, нет основания предполагать, что потребление говядины должно возрастать быстрее потребления баранины. Таким образом, в факте стационарного состояния в потреблении баранины мы имеем остаточное явление, для которого надо подыскать причину. Эта причина заключается в значительном подвозе в столицу, благодаря пароходам и железным дорогам, убойной баранины и в большем удобстве пересылки в разрезанном виде убойной баранины, нежели говядины".

В истории анализ влияния крупной личности, властно воздействующей своей идеей на коллектив, точно так же дает повод к применению метода остатков. Очень метко следующее замечание проф. Бицилли в его интересной работе "Салимбене" (очерки итальянской жизни XVII в., 1917): "Идея (которою удалось всколыхнуть мир) играет здесь роль пробудителя и проявителя; она делает заметным для историка то темное и неосознанное, что до сих пор пряталось от его глаз в глубине души общественного коллектива. Он находит это искомое в тех искаженных образах, которые получаются у современников от поразившей и потрясшей их идеи" (см. стр. 11). Как иногда изучение аномалий, как мы видели, облегчается сопоставлением их со средней нормой, так и, наоборот, некоторые неясные черты в среднем человеке эпохи выявляются из сопоставления с яркими проявлениями какой-нибудь идеи в душе "властителя дум", идеи, которая в ослабленных и многообразно измененных формах отразилась в сознании современного общества.

Методическое непрерывное исследование, сопряженное с точным измерением изучаемых факторов в индуктивном исследовании, теснейшим образом сплетается с прерывными моментами счастливой догадки. Так, мы видели, что при исследовании связи между периодическими явлениями на солнце и на земле непрерывная точная регистрация факторов сочеталась со счастливым внезапным сопоставлением. При помощи метода кривых, когда сравниваемые явления удачно сопоставлены, графическое изображение количественной связи двух или нескольких явлений может приблизить к наглядной графической конструкции искомого закона. Это, как указывают Уэвель и Джевонс, мы наблюдаем, например, в процессе определения орбиты двойных звезд в исследованиях Джона Гершеля.

XLVIII. Индукция объема и индукция содержания

Возможна ли интуитивная индукция от одного случая? Мистицизм и эмпиризм дают на этот вопрос утвердительный ответ. Любопытно, что панлогист Гегель, заодно с эволюционистом Спенсером, признает возможность подобного иррационального скачка в мышлении. Вот пример Гегеля: "Я просыпаюсь и слышу, что на улице скрипят полозья саней, откуда заключаю, что ночью был мороз". На самом деле здесь, разумеется, нет никакой интуитивной индукции. Звуки скрипа полозьев, т. е. ощущение А здесь может вызвать представление о сильном холоде,

152

т. е. другое единичное представление В, которое следует за первым по привычной ассоциации представлений, а последнее единичное представление В, опять же в силу ассоциации образа с нечувственной мыслью С, вызывает последнюю: холодно бывает при сильном морозе. Таким образом, здесь нет никакого акта мысли, кроме последней мысли, что ночью был мороз. Бенно Эрдманн хорошо поясняет мысль, что индукции на основании единичного случая не может быть, - всякая индукция исходит из "множественности предпосылок". "Если мне дан один экземпляр растения Papaver somniferum (мак) и я вижу, что у него более двадцати тычинок на цветочном ложе, то я не могу сделать отсюда ровно никакого вывода, если не располагаю никакими сведениями по ботанике вообще и в частности об этом растении; о типичности указанных свойств я могу судить лишь на основании сравнения с другими экземплярами и других побочных соображений" (см. "Logik", B. I, отдел об индукции).

Замечательно, что, как указывает Бозанкет ("Основание логики", 1914, стр. 105-106), эту мысль необыкновенно ясно выразил уже Аристотель: "Нельзя получить знания при помощи чувственного восприятия, так как, даже если существует чувственное восприятие известного качества, тем не менее мы необходимо

чувственно воспринимаем это. здесь и теперь. Общее и то, что простирается на все, невозможно чувственно воспринять, оно не это и не здесь, иначе оно не было бы общим, так как мы называем общим то, что есть всегда и везде" (An. post.; 87, B, 28). Главными отличительными признаками индукции являются: 1. Лежащая на основе ее априорная предпосылка единообразия природы. Без этой предпосылки индукция невозможна. 2. Вероятностный характер вывода. Все выводы, как от частного к общему, так и от общего к частному, поскольку они не заключают в себе этих двух презумпций, правильнее не называть индукцией (включая сюда и так наз. математическую индукцию от n-ного случая к п - 1-му. См. проф. А. И. Введенский: "Логика как часть теории познания"). Индукция может быть, кроме того, как справедливо указывает Б. Эрдманн, двух родов: индукция объема и индукция содержания. Вот его пример первой.

Гексагональный апатит есть кристалл двойного преломления.

Гексагональный хлоралкальций есть кристалл двойного преломления.

Гексагональный меловой шпат есть кристалл двойного преломления.

Гексагональный турмалин есть кристалл двойного преломления.

Все гексагональные кристаллы суть кристаллы двойного преломления.

Вот его пример второго рода индукции.

Это тело имеет серебряную блестящую окраску магнезии.

Это тело имеет тягучесть (Dehnbarkeit) магнезии.

Это тело имеет удельный вес магнезии.

Это тело при накаливании издает ослепительно белый свет магнезии.

Это тело - магнезия.

Всякая научная индукция опирается на прочно установленные ранее принципы науки, а не строится на пустом месте. Она входит как ингреди-

153

ент в систему научных понятий, теснейшим образом сплетаясь с процессами дедуктивными, с определением понятий и классификацией. Равным образом деление, классификация не есть простое образование видов от известного рода путем обогащения содержания, так что род является просто наиболее тощим, хотя и заключающим в себе виды понятием, но мысль наша руководится постоянным соотношением рода к видам, основанным на стремлении открыть закон спецификации понятий из данного рода. "Значение родового имени вовсе не теряет свойств, которыми обладает вид. Если бы было так, то оно теряло бы все свои свойства". "Родовая идея здесь воспроизводит общий план, по которому строятся виды, но сохраняет для каждой части то, что конституирует целое, меняясь в специфических случаях в определенных пределах. Так, в лютиковых, Ranunculaceae, некоторые виды не имеют лепестков. Но мы не теряем признака лепестка в родовой идее. Мы устанавливаем общий план, поскольку дело касается этого элемента: "Лепестков пять или больше, изредка вовсе нет" (Бозанкет: "Основание логики", 1914, стр. 101). Подобным же образом, как указывает Кассирер, понятие конического сечения включает в себя виды - круг, параболу, гиперболу и эллипсис, указуя на общий закон их образования (см. "Познание и действительность", гл. 1). В сложном индуктивном исследовании тесно сплетены индукция объема, индукция содержания и классификация - все направлено к раскрытию общего закона и связи его с различными специфическими формами бытия, им определяемыми. Поясню это описанием метода исследования Пирсона в биологии.

Размышляя над вопросом о причинах изменения организмов в процессе эволюции, т. е. о вопросе, в который входит индукция объема, и желая показать, каким образом видовые различия сводятся к общим свойствам родов, Пирсон намечает четыре формы влияний, которые могли вызвать подобные изменения: 1) Изменение, вызванное тенденциями, присущими индивидууму, или батмическое влияние. 2) Изменение, вызванное другими индивидуумами того же самого жизненного типа, или

автогенерическое влияние. 3) Изменение, вызванное другими жизненными типами, или гетерогенерическое влияние. 4) Изменение, вызванное физической средой. Односторонний путь обобщающей индукции, стремящейся даже эти факторы свести к механическому единству, является здесь недостаточным, "пока мы не ознакомимся лучше с жизненными единицами и законами их реакций" (Пирсон: "Грамматика науки", стр. 441-445). Для этой цели служит индукция содержания, путем которой устанавливаются особенности типа индивидуального растения или животного, затем типа расового и, наконец, корреляция.

1) Для данного дерева можно вывести среднюю норму числа жилок на его листьях. 2) То же можно сделать и относительно данной породы и получить среднее число жилок, встречающихся на деревьях данной породы. Подобное исследование можно произвести по отношению ко всем важнейшим признакам данного дерева или данной породы. Но можно не ограничиваться рассмотрением типа и колебания вокруг типа (в виде уклонения) с точки зрения одного признака. Как известно, расовая изменчивость - большая, чем индивидуальная, и сходство

154

соответственных органов того же индивидуума - большее, чем в пределах типа. Это приводит нас к установке принципа корреляции: "Если я сорвал два листа какого-нибудь бука, причем один из них, как оказалось, имеет 18 жилок, то каково наиболее вероятное число жилок на другом листе?" Искомое число будет ближе к 18, чем если бы листок был взят с другого дерева.

Подобная же корреляция различных органов может быть установлена и для расового типа. Таким путем можно было получить таблицу коэффициентов корреляции у человека, где указаны размеры бедра и большой берцовой кости, бедра и плечевой кости, ключевой и лучевой костей, плечевой и локтевой костей, длины и ширины черепа, силы и роста, силы и веса и т. д. Установка корреляции есть обогащение и уточнение содержания понятия индивидуального или расового типа. Это как бы метод сопутствующих изменений, примененный к сосуществованию признаков в типе, а не к параллелизму перемен в каком-нибудь процессе. Несомненно, в творческом процессе ученого ряды индукций объема и содержания непрестанно сопоставляются, и прочность обобщения оказывается тесно связанной с глубиной, достигнутой в научной конструкции понятия индивидуального или расового типа. Оба рода индуктивного процесса выигрывают много от своей точности, что дает возможность внести в биологию числовые выражения как для установки корреляции признаков в научном понятии типа, так и в законах, открываемых обобщающим наведением. Примером последнего может служить закон Менделя и вообще количественные законы наследственности.

XLIX. Заключение по аналогии и чувство аналогии

Во всех учебниках логики уделяется внимание так называемым заключениям по аналогии. Я считаю нужным остановиться на этом вопросе, обыкновенно рассматриваемом вскользь, ввиду того что понятие аналогии расплывчато и занимает какое-то двусмысленное место между областями психологии и логики. Слово равносильно первона-

чально по значению слову proportio и обозначает установку равенства двух количественных отношений. Образчиком такой установки может служить следующее место в "Государстве" Платона: "Мы приписываем справедливость одному человеку, но ее, вероятно, можно приписывать и целому обществу. Уж, конечно, - сказал он. - А общество не больше ли одного человека? - Больше, - отвечал он. - В большем же может быть больше и справедливости, следовательно, легче и изучить ее. Так, если хотите, сперва исследуем, что и какова она в обществе, а потом рассмотрим ее и в неделимом, ибо идея меньшего есть подобие большего" (, 368 В и 369). Однако в этом примере Платона имеется и зачаток аналогии качественной - подобие или изоморфизм качественных отношений, ведь на такой аналогии у Платона построена вся его органическая теория общества, уподобляющая общество большому человеку. Аристотель слово употребляет исключительно в смысле пропорции, а для изоморфизма качественных отношений

155

применяет термин , и то же мы встречаем позднее вплоть до

Вольфа и Канта. Так оба они говорят об уме животных, аналоге человеческого разума (analogon rationis).

В псевдогаленовском трактате заключение вместе с выво-

дами о равенстве и пропорциональности относятся к выводам отношений (о них см. мою работу "Логика отношений и силлогизм", 1917). С одной стороны, здесь дается вышеприведенный пример из Платона, с другой - выводы такого типа: относится к как относится к но а вдвое больше следовательно, и у вдвое больше

Достоверность подобных выводов почерпывается из некоторого общего положения (см. , XVIII, 1-8). Наконец, в "Геркуланских исследованиях" Гомперца приводятся рассуждения Эпикура о выводах по аналогии от известного к неизвестному. См. Eisler: Философский словарь, 2-е издание, слово "Analogie".

Кант в новое время впервые отчетливо разграничил индукцию от заключения по аналогии в такой формуле: "Нечто во многом, следовательно, во всем - это индукция, в одном есть многое, что есть в другом, следовательно, в нем есть и остальное - аналогия". Но, подобно Аристотелю, он не признает за неполной индукцией и аналогией прав на строгую логическую доказательность (см. "Логика", пер. прив.-доц. Щербины, 1915, стр. 124-125).

В новой школе эмпиризма, начиная с Юма и кончая Файингером, заключение по аналогии в смысле вывода от единичного к единичному приобретает не только значение правомочного вывода, но оказывается основной операцией мышления. На аналогии строится образование понятий, суждений, умозаключений и гипотез.

"Все наше рассуждение, - пишет Юм, - основывается на известном роде аналогии, которая ведет нас к ожиданию, что известное явление будет вызвано известной причиной, если подобные причины вызывали ранее такое же явление" (Treatise, абзац 82). По следам Юма, Милля и Спенсера в новейшем эмпиризме Файингер расширил понятие аналогии до размеров универсального логического принципа. Согласно его учению, развитому им в обширном труде "Philosophic des Als Ob", единственно реальной данностью для нашего сознания являются простейшие ощущения - все остальные элементы познания: понятия, суждения, выводы суть лишь совокупность искусственных фикций, имеющих чисто "инструментальное" значение. Любое понятие есть лишь метафора, в основе которой лежит чувственная аналогия, - мы мыслим и говорим лишь метафорами. Самые основные функции рассудка - категории - суть лишь эвристические фикции, и "первоначально в нашей психике имелась более богатая, чем теперь, таблица категорий, и современная таблица категорий есть продукт естественного отбора и приспособления" ("Philosophie des Als Ob", S. 313). Силлогизм есть лишь заключение по аналогии. Подобно Спенсеру, Файингер толкует вывод:

Все люди смертны. Сократ - человек. Сократ смертен,

156

как оперирование над четырьмя представлениями, ибо "человека" в меньшей посылке надо понимать лишь как нечто аналогичное людям, упомянутым в большей посылке.

Подобный взгляд на аналогию необходим для всякого сторонника эмпиризма. * подобной точки зрения заключается в двух

положениях: 1. В так называемом мышлении не существует никакого нечувственного интеллектуального момента. 2. Чистые единичные ощущения и их воспроизведения представляют единственный материал для мышления. Суррогатами общих представлений являются родовые образы, схемы и другие чувственные аналоги понятий. Первое из указанных положений разрушается ложностью второго. Файингер утверждает, что единственной реальностью для сознания являются чистые ощущения, все же остальное в нашем познавательном механизме - система фикций, но это-то и неверно. Чистые ощущения, в которых нет элементов отождествления, различения и сравнения (хотя бы в смутной форме), не существуют в природе - представляют такую же логическую фикцию, как чистый разум или чистая, отделенная от единичных представлений и ощущений мысль (см. "Законы мышления" etc., гл. I). А если и чистые ощущения суть только фикции, тогда, по Файингеру, выходит, что все на свете есть фикция. Если же все на свете есть фикция, то, значит, нет и фикции, ибо понятие фикции мыслимо лишь в соотношении с чем-нибудь, что не есть фикция. Для занимающего нас

вопроса о значении в философском творчестве заключения по аналогии важно установить, что то пресловутое заключение, о котором говорят эмпиристы, вовсе не есть логический процесс, т. е. акт мысли. Под заключением по аналогии надо понимать что-нибудь из двух: 1) или то, что разумел под ним Кант и что сходно с описанною нами выше (стр. 156) индукцией содержания, в которой для логической правильности вывода всегда должна подразумеваться большая посылка в виде закона причинности или принципа единообразия природы; 2) или же "заключение" по аналогии есть простой ассоциативный комплекс из 4-х представлений, который я назвал бы ассоциативным аналогом. Пример: когда я отпираю дверь моей комнаты, я антиципирую картину ее обстановки. Здесь между процессом отпирания двери и образом обстановки образовалась ассоциация: воспоминание о прежнем отпирании - воспоминание о прежде виденной обстановке комнаты - теперешнее отпирание двери и антиципация знакомой обстановки. Здесь нет никакого умозаключения, равным образом его, разумеется, нет и в тех случаях, где мы имеем дело не со сходными предметами или образами, но лишь со сходством отношений. Гоппе в небольшой, но содержательной работе ("Die Analogie, ein Versuch auf der Gebiete der Logik", 1870) весьма убедительно доказывает эту мысль.

Ассоциативный аналог не есть процесс мышления, но чувственная база для такого процесса. Следует говорить не о заключении по аналогии, а о чувстве аналогии, которое и есть то, что мы называли смутною догадкою, интуицией и т. п. Оно в этом смысле - источник величайших открытий и величайших заблуждений человеческой мысли. Оно лежит в основе всякой гипотезы.

Вопросу о значении аналогии в философском творчестве посвящена интересная статья Геффдинга "Analogy, its philosophical importance"

157

("Mind", 1905). Он показывает в ней, что попытки философов постигнуть мир как целое, истинно сущее сводились нередко к переносу на космос как целое свойств одной какой-нибудь его части по аналогии. И, действительно, прибавлю я, для материалиста мир является сверхмеханизмом, для гилозоиста - сверхорганизмом, для монистического идеалиста (вроде Фихте) - сверхдухом, для плюралистического идеалиста (вроде Лейбница) сверхобществом. Широко пользуются мнимым заключением по аналогии представители мистицизма, о чем я буду подробно говорить в главе о "Творческом Эросе", а теперь поясню ложное применение аналогии на одном рассуждении Плотина. Плотин был едва ли не первым философом древности, который поставил проблему "чужого я" или множественности сознаний. Как примирить единство мировой души со множественностью эмпирических личностей? Отчего мы все не сливаемся в единое сознание в мировой душе? Чтобы ответить на такой вопрос, чтобы дать объяснение совместимости многого с единым, Плотин пользуется исключительно ассоциативными аналогами. То он уподобляет мировую душу источнику света, из которого излучается множественность лучей, то огромному китообразному существу. Подобно тому как такое существо может не чувствовать раздражения отдельной своей части, так и мировая душа не сознает переживаний индивидуального человеческого сознания. Или он уподобляет мировую душу огромному дереву которое не сознает психической жизни зародив-

шихся в нем мелких паразитов (см. об этом превосходную книгу Вашро: Vacherot: "Histoire de l'ecole d'Alexandrie", 1846, гл. 1, p. 435-442). Подобная подмена логического процесса игрою ассоциативными аналогами еще ярче выступает у Прокла, который моменты диалектического процесса мысли сближает с образами древней мифологии. На смену таблицы онтологических категорий здесь выступает Пантеон богов, и, таким образом, происходит деградация философской мысли в мифологическую форму. О проявлении подобной наклонности у немцев Грилльпарцер говорит в одном стихотворении следующее:

Der Pedantismus und die Phantasie, Vergingen sich, ich weiss nicht wie, Und zeugten Mischlingskinder die, Als Pflanzer sie nach Deutschland sandten, Die sonst im Weltall unbekannten: Phantastischen Pedanten1.

1 "Педантизм и Фантазия, согрешив, уж не знаю как, породили ублюдков и послали их в Германию в качестве еще неведомых миру растений: фантастических педантов".

том

ВТОРОЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГЕНЕЗИС ТВОРЧЕСКОЙ МЫСЛИ I. Три особенности первобытного мышления

Философское изобретение есть самый поздний плод человеческой культуры. "Когда философия, - писал Гегель, - со своими абстракциями рисует седину жизни в серых тонах, свежесть и жизненность юности уже прошли, сова Минервы начинает свой полет во всемирно-исторических сумерках" ("Философия права"). Все формы человеческого творчества лишь постепенно дифференцировались из первобытного религиозно-магического отношения человека к миру - язык, искусство, политика, право, экономика, техника, науки и философия. Три черты характеристичны для этой первобытной идеологии.

1. Спутанность мысли, неясность, неустойчивость, колеблющиеся контуры понятий. Это обстоятельство дало повод в новейшее время Леви-Брюлю в книге "Les fonctions mentales chez les peuples primitive"* защищать мысль, будто у первобытных народов мышление совершается не по известным нам законам логики, в силу которых противоречащие признаки несовместимы в том же объекте мысли, но наперекор этому закону, так что дикарь, утверждая, например, что попугай - колдун, не мыслит, что попугай есть колдун в образе попугая, но что данный объект мысли совмещает в себе логически несовместимые свойства. Все во всем и все действует на все - вот тот принцип первобытной магии, который Леви-Брюль называет hi de participation**. Утверждение Леви-Брюля находится в самом резком противоречии не только с общим принципом формальной однородности физико-психической организации (см. том 1, стр. 155), который должен быть положен в основу всякого исторического исследования, но несовместим и с тем очевидным обстоятельством, что без единообразия мышления и хотя бы смутного чувства его законосообразности невозможны ни отождествление, ни различение, ни узнавание, ни ассоциативная деятельность, это противоречит факту постепенного выявления логической структуры человеческого разума на почве приспособления к окружающей среде. Спутанность первобытной мысли, и притом отнюдь не в сфере личной будничной жизни, где действуют такие же, как и у нас, законы (это отмечает и сам Леви-Брюль), а только в сфере религиозной, коллективной магической идеологии, является именно причиной иллюзии, в которую впал Леви-Брюль. Секрет подобных иллюзий разъяснен мною в книге "Законы мышления" etc., стр. 222. Он заключается в том, что при спутанности мышления логические элементы мысли, образующие противоречащее

161

понятие, не приведены сознанием в непосредственное соприкосновение друг с другом.

2. Религиозно-магическое мышление есть эмоциональное, а не позна

вательное мышление - вот почему, как мы уже указывали, не может

быть речи о теологическом фазисе философии. Философия зарождается

тогда, когда вера в богов, как практическая опора в жизни человека,

начинает изменять ему. "Логика чувств" терпит крах вследствие того,

что наряду с успешными начатками в области положительных знаний

оказывается, что боги обманули ожидание людей.

Нет правды на земле,

Но правды нет и выше!*

"Не всегда боги награждают добрых и карают злых". Эта мысль встречается уже во время Солона (594 до Р. Х.). "Ведь многие дурные люди богатеют, а хорошие находятся в нужде". Сознание несправедливости, экономического неравенства является, таким образом, мощным стимулом для пробуждения сомнений (см.: Deussen. "Geschichte der alteren Philosophie", введение).

3. Первобытное мышление, поскольку оно вращается в религиозно-

магическом круге, отличается зависимостью от групповой идеологии традиционализма - внушаемость ее авторитарным воздействиям сос тавляет третью черту первобытной мысли. Но указанные три черты религиозно-магического образа мыслей продолжают сосуществовать бок о бок с научной философией вплоть до наших дней в "магическом идеализме" немецких романтиков или в традиционализме философов, стремящихся "примирить" церковную религию с философией.

П. Философский фольклор. Афоризм, диалог и система как литературные формы философской мысли

Зачатки литературных форм, в которых проявляется философская изобретательность, нужно искать в изречениях, пословицах и загадках. Здесь имеется то, что можно было бы назвать философским фольклором. Любопытно, что Гегель относится к "народной мудрости" с высокомерным пренебрежением ("Phaenomenologie", S. 553): "In ruhigem Bette des gesunden Menschenverstandes gibt das naturliche Philosophieren eine Rhetorik trivialer Wahrheiten zum besten" ("на покойном ложе здравого человеческого смысла естественное философствование в лучшем случае дает риторику тривиальных истин").

Совершенно иначе смотрит на дело Платон (см. Eugen Grunwald: "Sprichworter und sprichwortliche Redensarten bei Plato", 1893). В своих творениях он широко пользуется пословицами, ценя остроту и глубину многих из них. У него упоминаются пословицы, относящиеся к сказаниям, религии, истории, географии, домашней и общественной жизни, играм, ремеслам, философии, театру и животным. В курсах истории философии ограничиваются обыкновенно указанием на изречения "семи мудрецов", объединенные позднее в семистишье. Между тем народные пословицы и загадки вообще представляют большой интерес вовсе не

162

как форма "естественного философствования", но как почва, на которой зародилась простейшая форма философского изобретения - афоризм. Центр тяжести в народной пословице лежит не в теоретическом, познавательном содержании, но в ее отношении к практическим интересам жизни. Превращение пословицы в философский афоризм осуществляется тогда, когда центр тяжести в духовных интересах перемещается из области практической в область теоретическую. Это положение можно иллюстрировать на Анаксимене. У греков была пословица, имеющаяся и в "Пословицах русского народа" Даля: "Из того же рта и тепло и холодно". Ее смысл метафорический: она указывает на то, что тот же человек может проявлять прямо противоположные свойства. Между тем Анаксимен обращает внимание на физический факт и дает ему толкование в духе своей механической теории: тепло есть разрежение - маносис, а холод - сгущение - пикносис, толкование, на ложность которого в применении к этой пословице указывал уже Аристотель, но толкование, порожденное чисто теоретическим научным интересом. Загадка о вшах (вроде нашей о соплях - "мужик на землю бросает, а барин в карман собирает"), изобретенная греками для потехи, дает повод Гераклиту к следующему меланхолическому размышлению: "Люди обманываются относительно познания видимых вещей, подобно Гомеру, который был мудрее всех эллинов, взятых вместе. Ведь его одурачили дети, убивавшие вшей, сказав: все то, что мы увидели и поймали, мы выкинули, а то, чего мы не увидели и не поймали, то носим" (fr. 56). Подобным же образом Малебранш пользуется тою же загадкою в "De la recherche de la verite" (кн. VI, гл. 7) с научно-психологическою целью: так в вопросе, который служанки нередко предлагают детям. "Видела я,

- говорят они, - охотников или рыболовов, которые то, чего не поймали, носили, а то, что поймали, бросали в воду". По Малебраншу, слушатель здесь сбивается с толку тем, что внимание его направляется

на слово рыболовы, и именно это затрудняет разгадку (к загадке мы еще

вернемся в V главе).

Среди пословиц русского народа, приводимых у Даля, многие носят в себе зачаток или потенцию для зарождения философской или психологической идеи, того, что станет Логосом на другой ступени развития, недаром в древнейших летописях пословицы иногда называются словами: "Изяслав рече слово то, яко же и переже слышахом: не идет место к голове, но голова к месту" (см. "Введение в историю русской словесности" Владимирова). Вот ряд примеров: "Так" на свете не живет, огонь без дыму не живет, не родит верба груши" - идея причинности {Шопенгауэр: "не дает дуб абрикосов"); "брата родного знаешь, а ума его не знаешь" (Милль в "Логике" приводит именно подобный пример); "как в камне огонь невидим, так и в человеке душа", "сердце без тайности

- пустая грамота" (трудность постижения "чужого я"); "и сей день

не без завтрашнего" (Лейбниц: "Le present est gros de l'avenir"); "за своею

думою и сам не поспеешь" (мысль О. Конта о невозможности самонаб

людения); "только во сне сдалося, что на свете жилося" (идеалистичес

кое сближение сна и действительности); "у него из голубятни голуби

улетели" (платоновская метафора в применении к памяти). Как уже

замечено выше, такие сближения нужно делать крайне осторожно, так

163

как возможно, что в народную душу попадают осколки книжного знания. Так, в последнем примере возможно, что этот образ существовал в греческом и общеевропейском фольклоре до Платона, и Платон воспользовался им; возможно, наконец, случайное совпадение двух самостоятельно возникших образов.

Афоризм является простейшей формой выражения философской мысли, которая особенно характеристична для ее первых шагов. Эта форма преобладает в досократовской философии греков, но и позже она встречается на всем протяжении истории философии. Паскаль, Ларошфуко, Лихтенберг, Киркегор, Ницше являют нам образцы этой формы. Позади, в глубине веков зачаточной философской мысли, как и поэтическому сюжету, предшествует образ, метафора, в которой смутно антиципируется философская идея. Так, древняя вывеска, изображающая весы в равновесии, намекала на идею скептической изостении, т. е. равновесия доводов за и против той же мысли, к этой идее скептиков примыкает пари Паскаля, идее пари Паскаля родственна идея 4-й антиномии Канта (см. том I, стр. 104) и т. д.

Другая форма философского изобретения, которой положил начало Сократ своим эротематическим способом развития мысли, нашла себе непревзойденное выражение в творчестве Платона. Это диалог. Здесь философская идея дана не в форме тезиса, но в антитетическом виде. Мысль диалектически раздваивается, и проблема освещается в высказываниях двух (или более) индивидуумов. Эта форма изобретения также проходит через всю историю философии: Лукиан, Джордано Бруно, Малебранш, Беркли, Дидро, Вольтер, Юм, Шеллинг, Ренан, Вл. Соловьев и др.

Третья, и последняя, форма философского изобретения - это система, где проблема поставлена, внутренние противоречия вскрыты, и ей найдено определенное решение в наукообразной форме. Основателем такого типа философского изобретения является Аристотель и, вероятно, Демокрит. Так, например, приступая к исследованию какого-нибудь вопроса, Аристотель освещает существующие взгляды ta legomena*, затем критикует их и дает примиряющее все их решение - lysis. Например, Nic. Eth, VII, I, § 5, 1.145, в. 2, о невоздержанности**. Эта систематичность развития мысли была усвоена и схоластикой, где тоже ставится quaestio, разбираются objecta и дается conclusio***. Ритчи (Ritchie) в статье "Philosophy and the study of philosophers" (Mind, 1878) справедливо усматривает здесь предвосхищение диалектического метода изложения Гегеля, а не простой педагогический прием, как думал Швег-лер. Наукообразная систематичность изложения может касаться какой-нибудь отдельной философской проблемы или

охватывать все основы философского мировоззрения. Философская система образует упорядоченную совокупность мыслей познавательного или аксиологического (оценочного) характера. Эти мысли или проясняют наше знание, когда выражаются в форме определения понятий, т. е. в виде аналитических суждений, или расширяют его'. Последнее достигается тогда, когда

1 Об этом см. мою диссертацию "Законы мышления и формы познания", 1906, стр. 170.

изобретается новое понятие путем синтетического силлогизма и процессов индукции объема и индукции содержания, а также так называемых внесиллогистических выводов, которые имеются в математике и в логике отношений и которые тоже синтетичны (см. мое исследование "Логика отношений и силлогизм", 1917). Мы рассмотрели внешние формы философского изобретения. Остановимся теперь на его внутренней стороне, на том, в чем оно заключается. Я буду говорить об изобретении в гносеологии (в связи с логикой и метафизикой), психологии и в истории философии.

III. Эволюция форм познания. Идея пространства в качестве иллюстрации

На вопрос, как были открыты формы познания и категории мысли, эволюционная теория дает три ответа. 1) По Спенсеру, это открытие было процессом непрерывным. Из "чистых ощущений" мало-помалу, по мере усовершенствования приспособления духа к окружающей среде выработался путем естественного отбора и фиксации при помощи наследственности весь познавательный аппарат человеческого мышления. 2) По Джэмсу, каждая новая категория мысли или форма познания возникла как результат случайного изменения в молекулярном строении мозга, не по парадной лестнице органов чувств, но, так сказать, тайком и внезапно зародилась внутри дома, как известная идиосинкразия, которая потом, оказавшись полезной для организма, зафиксировалась навсегда. Таким образом, возникновение каждой новой категории мысли есть физиологический переворот. 3) Фуйлье справедливо указывает на то, что логическая структура сознания не могла возникнуть ни прерывным, ни непрерывным путем из чистых ощущений, если последние не заключали в себе уже в смутной форме известных зачатков необходимых элементов мышления, иначе пришлось бы предположить, что случай является отцом необходимости или, выражаясь словами Пирогова, что человеческий дух есть "бастард от случки случая со случайной природой". В книге "Законы мышления и формы познания" я подробно разъяснил и обосновал мысль, что следует говорить не об эволюции форм познания и законов мышления, а об эволюции их смутных зачатков в ясные концепты. Философская мысль зарождается очень поздно, когда познавательный аппарат человека не только достиг высокой степени развития, но уже породил ряд изобретений в остальных сферах творчества. И вот спрашивается, как осуществляется выявление, осоз-навание, прояснение необходимых элементов мысли - непрерывным или прерывным путем? Я думаю, что здесь, как и во всяком изобретении, процесс совершается то прерывно, то непрерывно, линия развития имеет ступенчатую форму. Эти узловые пункты в процессе выявления какого-нибудь необходимого элемента мысли имеют место и в процессе мышления у ребенка. Возьмем для примера идею пространства. 1) Маленький ребенок не задумывается над вопросом о границах протяжения, у него отсутствует идея бесконечности пространства (ein unendliches Raumschema*, как говорит Фолькманн: "Lehrbuch der Psychologie", II, S. 7).

Он - наивный финитист. 2) Но в известном возрасте, как указывает Стэнли Голл (см. его книгу "Adolescence"), у ребенка пробуждается специальный интерес к пространству и времени, он в воображении стремится выйти за пределы чувственных граней, это и привлекает, и пугает его: он строит границу пространства, потом отодвигает ее, снова строит и снова отодвигает то в одном, то в другом направлении, пустое пространство представляет то светлым, то темным. Идея вечности нередко пугает и приводит в состояние оцепенения (are frozen stiff; см. т. I, стр. 46). Созерцание небесного пространства порождает своеобразные эмоции, чувство слияния с Космосом. Писемский в своей автобиографии говорит о том впечатлении, которое произвело на него в детстве внезапное расширение пространственного горизонта до необъятных размеров. У некоторых натур и впоследствии, в зрелом возрасте, созерцание обширных пространств или идея вечности вызывает эмоцию страха. Так, Леопарди в стихотворении "Бесконечность"

Лапшин И. Философия изобретения и изобретение в философии filosoff.org пишет: "Всегда мне был дорог этот одинокий холмик и этот плетень, со всех сторон заслоняющий от взора далекий горизонт. Но, присев на холме и начав созерцать необъятные пространства за пределами забора, при сверхчеловеческом безмолвии, при глубоком покое, я теряюсь в моих мыслях, ибо сердце готово затрепетать от ужаса". Это чувство возможности безграничного продолжения образа пространственного мира я назвал бы наивным инфинитизмом, так как понятие бесконечного мирового пространства как вместилища всех вещей здесь еще отсутствует. 3) В школе, где преподается физика по Аристотелю, подросток узнает, что мир ограничен в пространстве или что мировое пространство ограничено, чему у Аристотеля приводятся доказательства. Это финитизм сознательный, умышленный, отнюдь не наивный. 4) Наконец, ученик современной школы (или древнего Демокрита) узнает, что пространство есть бесконечное, само по себе, помимо нашего сознания, существующее (вместе со временем и материей) вместилище вещей. Это инфинитизм сознательный. Философским представлениям о пространстве, времени, силе и материи предшествуют религиозные мифологические образы. Мир как целое есть недифференцированное подлежащее, к которому нужно подыскать сказуемое, - это "Океанос" Гомера, "асайяна" индусов. У Гесиода идеям пространства, материи и силы соответствуют мифологические образы: Хаос, Гайя (женское начало) и Эрос (мужское начало). У Фалеса мы встречаем уже известный образ мира в рамках наивного финитизма. Анаксимандр провозглашает Апейрон, беспредельное в пространстве и времени в качестве истинно сущего, - точка зрения наивного инфинитизма. Зато вполне сознателен инфинитизм материалиста Демокрита, который провозгласил не зависимую от сознания реальность атомов и бесконечного пространства. Аристотель же является из других метафизических соображений сознательным финитистом. После появления учения о бесконечно малом, после успехов в психологическом анализе идеи пространства появляется критическое учение о пространстве как форме представления чувственного мира, и в первой антиномии Канта метафизический инфинитизм и метафизический финитизм противопоставляются, как две взаимно разрушающие друг друга догматические точки зрения. Идея пространства ставится в неразрывную связь

166

с познающим субъектом, обнаруживается их необходимая логическая корреляция: абсолютизм понятий сменяется релятивизмом.

Переворот, произведенный Кантом, он сравнивает сам с переворотом, произведенным Коперником*. Переход от миропонимания Аристотеля к миропониманию Коперника есть скачок в развитии понятий как в истории наук, так и в истории развития индивидуума. Толстой рассказывает, как он сообщал крестьянским мальчикам современные физико-географические понятия: "...сотни раз возвращался я к этим объяснениям и всегда безуспешно... Как я в детстве, так и они теперь верили на слово, что земля кругла и т. д., и ничего не понимали. Мне еще легче было понять, мне нянька в первом детстве внушала, что на конце света небо с землей сходится, и там бабы на краю земли в море белье моют, а на небо вальки кладут". Толстой прибавляет, что он сам не понимал хорошенько дела лет до 30-ти (Сочинения, т. 4, стр. 341-342, VII изд.). Подобным же образом и критическая точка зрения на пространство для ее полного осмысленного усвоения требует значительного напряжения мысли в преодолении наклонности абсолютировать понятия. Современный критицизм еще более расширил и углубил понятие о пространстве, ассимилировав новейшие математические идеи о неэвклидовской геометрии, о проективной геометрии, о принципе относительности и т. д. См. Stallo: "La matiere et la physique moderne", 1883. Natorp: "Die log. Grundlagen der exacten Wissenschaften", 1912. Cassirer: "Теория относительности Эйнштейна", 1922, пер. И. Я. Колубовского.

IV. Изобретение в гносеологии, логике и метафизике

Гносеологическое изобретение заключается: 1) или в освещении и уяснении природы какой-нибудь отдельной категории в нашем познавательном аппарате; так, Гераклит подчеркнул идею изменения, элеаты - идею постоянства; 2) или в установке синтетической связи между многими категориями - таблица 10 пар противоположностей у пифагорейцев, таблица категорий у Платона, Аристотеля, Канта, Гегеля и др.; 3) или в разработке теории доказательства - изобретение силлогистики Аристотелем, логики отношений стоиками, методов индукции Бэконом, Юмом и Миллем; 4) или в установке синтетической связи между необходимыми элементами мысли и наивысшими обобщениями эмпирических наук о физическом мире естествознания; так, Кант ставит в связь высшие законы механики и физики с

необходимыми предпосылками знания. По такому же пути следуют Сталло, Спенсер, Пуанкаре, Коген, Введенский1; 5) или в установке связи необходимых предпосылок знания со специфическими понятиями математики; 6) или оно устанавливает синтетическую связь между логической структурой мысли и высшими эмпирическими законами психологии; 7) или оно ставит задачей дать общую картину предпосылок всех теоретических наук - классификацию наук; 8) или оно ставит своей задачей построение связного понятия о мире (Weltbegriff), онтологическое или феноменалистическое - это,

1 "Опыт построения теории материи на принципах критической философии", 1888.

конечно, зависит от точки зрения философа - метафизической или критической и 9) наконец, в область гносеологических изобретений входит разрушительная работа критики ложных богословских и метафизических учений, поскольку они препятствуют успехам философского знания. Исходным пунктом для творческой работы мысли в гносеологии нередко служит какое-нибудь специальное явление в области естествознания, психологии или математики. Так, например, Демокрит утверждал, будто теплое и холодное, сладкое и горькое - субъективные свойства, объективны же атомы и пустота. Киренская же школа провозгласила, что для человека познаваемы лишь субъективные свойства. По свидетельству Секста Эмпирика, Аристоклеса и Платона, как указывает Т. Гомперц, при обосновании этого общего гносеологического положения сыграла существенную роль осязательная иллюзия, о которой упоминает Аристотель и которая заключается в том, что, прикасаясь скрещенными пальцами (указательным и средним) к какому-нибудь шарику, мы получим осязательные ощущения якобы от двух шариков, - значит, и чувство осязания может нас обманывать и не может быть показателем объективных свойств вещей. Подобным же образом Беркли разрабатывает "Теорию зрения", дабы показать, что учение Локка о протяжении как первичном свойстве вещей несостоятельно, ибо в этой теории зрения Беркли обнаруживает, что глубина в зрительном восприятии пространства не ощущается непосредственно при помощи зрительных ощущений, но что чувство глубины зависит от соучастия в процессе зрения осязательных представлений.

V. Изобретение в психологии

Изобретательность в области психологии может проявляться в следующих формах:

1. Психолог может обратить внимание на мало исследованные душевные явления, даже открыть совершенно новое явление и построить новое психологическое понятие. На это можно сделать два следующих возражения:

I. Можно ли говорить о мало известных, а тем более о совершенно неизвестных психических состояниях? Когда мы говорим об открытиях в области физического мира (новые элементы, новые виды организмов, новые страны), то это понятно, ибо подобные явления не даны непосредственно нашему сознанию. Но духовный мир человека дан каждому из нас, и мы прямо воспринимаем содержания сознания путем самонаблюдения. Однако такое соображение несостоятельно. Каждый из нас переживает единичный "поток сознания". Выделение в этом потоке общих или типически индивидуальных свойств есть результат научной работы мысли - в основе всякого научного открытия лежит изобретение или конструкция понятия. Затем психические свойства, общие всем людям, действительно, общеизвестны, но не таковы: а) типически индивидуальные особенности, б) детали и тонкие оттенки, в) исключительные душевные состояния, г) нечувственная сторона психической жизни, д) совершенно новые психические состояния, привносимые в психологи-

ческий оборот новыми условиями жизни, а) Хотя существование различных типов воображения и было известно еще до Гальтона, но он положил начало обстоятельному анализу и описанию этого явления. В частности, моторный тип воображения не был известен сто лет тому назад, б) Термические ощущения, исследованные Кизовым, отрицательные зрительные следы, психические обертоны, описанные Джэмсом, перемещение фокуса зрительного внимания без участия движения глаз, установленное Гельмгольцем, динамические схемы, описанные Бергсоном, - вот иллюстрации второго случая, в) Мистический экстаз, "я" умирающих могут быть примером для третьего случая, г) Нечувственный момент в психологии мышления был подмечен еще Платоном, но нужно было, чтобы прошло более двух тысяч лет, чтобы представители

экспериментальной психологии додумались до его признания в качестве, разумеется, не метафизической сущности, но известной стороны в мыслительном процессе, д) Человек отнюдь не есть психически и физически законченное существо. Не только изменяющиеся условия среды, но и он сам, преобразуя условия жизни, творит в своем духе новые качества. Это замечается не только в области искусства, где каждое новое крупное явление обогащает духовный мир новыми переживаниями - вспомним хотя бы новые музыкальные формы, - но и в области обыденной жизни, где новые технические условия и изменение вместе с ними темпа жизни ведут к автоморфизму психических свойств человека. Летание на аэроплане и управление им и вообще двигательная аккомодация в различных формах труда, наконец, тот факт, что прежнее разделение людей на занимающихся исключительно физическим трудом и исключительно духовным начинает сглаживаться, все это ведет к обновлению духовной жизни человека. Быть может, возможен и род психической мутации.

II. Другое возражение, которое может быть сделано мне, заключается в следующем. Даже если допустить, что возможны открытия в области психологии, то такие открытия - дело психиатров, социологов, историков, исследователей политической жизни, литературы, искусства, юристов, описывающих правовые явления (например, обычное право), а не психолога. Возражение это чрезвычайно важно, оно может быть распространено и на все другие формы изобретения в психологии, о которых речь будет ниже. В самом деле, философская ли наука психология, или одна из естественных наук, скажем, приемыш физиологии, или одна из "наук о духе" наряду с другими, психопатологией, социологией и др., хотя и наиболее общая из них? Я отвечаю на этот вопрос: психология была и всегда будет именно философской наукой потому, что отдельные душевные явления не могут быть изолируемы от всей личности человека с действующим в нем аппаратом познавательных функций и руководящей его поведением системой оценок в такой мере, в какой можно изолировать какое-нибудь физическое явление от других явлений, ибо на себе мы наблюдаем психическое явление всегда в неразрывной связи со всеми остальными компонентами нашей личности, а чужую психическую жизнь постигаем всегда лишь опосредствованным путем, сравнивая ее со своей. Выделение психического явления из ряда других есть лишь фиксация на нем нашего понимания, а не полная его изоляция, как это имеет место в химическом или физическом анали-

169

зе. Таким образом, взгляд на психологию как на одну из наук о духе наряду с историей или языкознанием ложен. Труды языковеда могут представлять высокий психологический интерес и все же быть филологическими, а не психологическими исследованиями. Все здесь зависит от контекста. Если изучение явления ставится в связь с познавательным механизмом человека или с его системою оценок - мы имеем перед собой психологический труд, таковы, например, замечательная книга Потебни "Мысль и язык", труд Макса Мюллера "Наука о языке" и т. п. Если на первом плане лежат филологические задачи, то как бы ни были широки обобщения исследователя, и какое бы они капитальное значение ни имели с точки зрения психологии, мы имеем перед собою специально научное, а не психологическое изобретение. Александр Веселовский, Шахматов, Ключевский - великие изобретатели, их труды необычайно ценны для психолога, но их "изобретение" лежит вне круга психологии. Тут дело, разумеется, не в принадлежности изобретателя другому роду специальности, а в самом угле зрения на изучаемые явления. Так, например, исследование псевдогаллюцинаций психиатра Кандинского есть психологическое исследование, ибо в нем новое психическое явление, изученное автором в значительной мере путем самонаблюдения, освещено с общепсихологической точки зрения.

2. Другой вид психологического изобретения - это открытие нового психологического закона. Установка таких законов возможна под тремя углами зрения: 1) общим - психолог может подметить: а) законообраз-ную связь между двумя или несколькими психологическими явлениями и притом такую связь, которая наблюдается на всех ступенях психической жизни. Таковы открытые Аристотелем законы ассоциации представлений, и б) законообразную зависимость психофизиологического характера, таковы закон Вебера, законы памяти Эббингауса и Пиерона (Pieron), установка законообразной связи между эмоциями и их физиологическими условиями Джэмса, 2) генетическим, когда исследуется происхождение известного психического явления в развитии животного мира, человечества или отдельного человека; таково применение Спенсером закона развития к различным психическим явлениям, изучение генезиса инстинктов Гаше-Супле, изучение психических особенностей подростков Стенли Голлом и т. п., и 3) корреляционным - сюда относится исследование связи психических явлений у

того же индивидуума в его типически-групповом или типически-индивидуальном своеобразии. Сюда же относятся исследования по характерологии, например учение о темпераментах Канта, схема личности Лазурского.

Все три точки зрения глубоко связаны между собою: в первых двух преобладает индукция объема, в третьей - индукция содержания. Собственно говоря, установка любого психологического закона требует, чтобы психолог не упускал из виду ни одного из указанных моментов, и если Стенли Голл говорит: "Nemo psychologus, nisi biologus"*, то с таким же правом можно было бы сказать: "nemo psychologus, nisi philosophus"**, если иметь в виду широту и глубину философской культуры мысли, необходимой для психолога. Сведение частных психологических законов к общим и раскрытие в частном единообразии общего закона являются соотносительными процессами в психологической изобретательности.

170

3. Далее, возможно психологическое изобретение в области методов исследования, как в области самонаблюдения и наблюдения, так и в области эксперимента, сюда относятся: применение опросов, введенное Гальтоном, приемы исследования личности, оборудование техники эксперимента Фехнером и Вундтом, выяснение понятия "умственного эксперимента" Махом, "естественного эксперимента" Лазурским и т. д. Изобретение психологических приборов, поскольку оно связано с углубленным пониманием законов душевной жизни, также может быть отнесено к усовершенствованию психологических методов, хотя возможно изобретение множества "психологических приборов", где психолог дает технику известное задание, которое тот выполняет, и тогда изобретательность разделяется между двумя совершенно различными сферами творчества - технической и психологической.

4. Наконец, и это очень важная сфера психологического творчества, возможно изобретение в виде построения общей системы психологического мировоззрения. Таковы гениальные изобретения Аристотеля, Юма, Спенсера, Джэмса, выдающиеся труды Гербарта, Бэна, Вундта, Рибо, Авенариуса и других. В этой сфере психологическое творчество тесно сплетается с проблемами гносеологии и метафизики.

В применении к каждому из указанных нами отделов возможна, так сказать, отрицательная форма изобретения, заключающаяся в критике и разрушении ложных понятий и ложных взглядов. 1) Так, великая заслуга Джэмса заключается в устранении из области психологии того, что Фолькельт называет "erfundene Empfindungen", т. е. выдуманных ощущений и несуществующих психических состояний. Сюда относится борьба против допущения в психологию мнимых подсознательных, подсознательных, бессознательных и сверхсознательных процессов. 2) Примером "отрицательного" изобретения второго рода может служить критика закона Фехнера, несостоятельность которого детально выяснена Марселем Фуко ("La psychophysique") и другими критиками. Сюда же в генетической психологии относится критика учения об эволюции законов мышления, в том смысле, о котором упомянуто выше, критика злоупотребления параллелями онтогенезиса и филогенезиса и т. п. В корреляционной психологии сюда относится разрушение искусственной классификации характеров. 3) Примером критики ложных методов могут служить возражения против односторонностей "объективного" и "субъективного" методов наблюдения, разрушение антропоморфических представлений о высших умственных способностях животных и т. п. 4) Наконец, разрушение лейбнице-вольфовской психологии Кантом и критика спенсеризма Джэмсом может быть иллюстрацией последнего рода "отрицательных" изобретений в психологии.

VI. Изобретение в истории философии

Творчество историка философии предполагает в нем наличность глубокой исторической и философской эрудиции, психологического дара перевоплощаемости и остроты и отчетливости мышления при анализе философских понятий. Прежде всего он должен вполне владеть ме-

171

тодами литературной критики, которые так удачно описаны Лансоном ("Методы литературной критики"). На нем лежит обязанность: определить подлинность текста (достаточно вспомнить, что сделано для определения подлинности платоновских диалогов, чтобы понять, как важна подобная задача), выяснить чистоту его (так,

например, среди сочинений Аристотеля мы находим труды, записанные его учениками), затем важно определить дату написания и дату издания, изменения разных изданий, генезис текста из черновых набросков, дословный смысл текста, литературный смысл текста в связи с контекстом, источники произведения, его влияние и успех.

Отсутствие дара перевоплощаемости лишает историка философии возможности понять дух изучаемой системы и делает его труд одинаково бесполезным и для истории, и для философии; Аристотель и Гегель в высокой степени обладали этим даром. Изучение философов научает нас самих становиться на различные точки зрения, и в этом смысле историко-философское образование есть культура ума, благоприятствующая творческой самодеятельности мысли. "Акт ознакомления с богатой содержанием философией, - пишет Гегель, - есть не что иное, как изучение этой философии. Философии следует обучать, ее следует изучать, как и всякую другую науку. Несчастная поспешность в воспитании независимой мысли и оригинальной продуктивности оставили в тени эту мысль. Как будто я, думая о субстанции, причинности, не являюсь именно сам думающим! Как будто эти определения не порождаются мною самим, но, подобно камням, подкинуты извне, как будто, наконец, я, определяя их истинность, изыскивая доказательства синтетической связи между ними и диалектического процесса, объединяющего их, не самолично познаю положения и доказательства" (см. Luqueer: "Hegel as educator"). Кроме способности сопереживать изучаемое произведение, историку философии необходима и тонкость в различении понятий изучаемого автора и достаточная умственная широта, чтобы не увязнуть в мелочном филологическом комментаторстве и в то же время верно схватить общий дух системы.

Изобретательность историка философии может быть проявляема преимущественно в одном из трех направлений: философском, психологическом или историческом.

I. Во-первых, возможно исследование, которое ставит своей задачей изложение содержания и раскрытие логической структуры данной сис темы. Подобное изложение не сводится, разумеется, к механическому сокращению текста, как это мы видим, например, в изложении филосо фии Спенсера Коллинзом, но в любовном проникновении в дух системы и выделении в ней ее идеальной сущности, без искажения, однако, ее исторического облика. "Кантова теория опыта" Когена может служить примером подобного исследования. Или же исследователь может ог раничиться анализом одного понятия в системе.

II. Исследователь может попытаться дать яркую типически-ин дивидуальную характеристику жизни и творчества философа, Lebensauffassung*, что так удавалось Куно Фишеру. Принципы кор реляционной психологии до сих пор, к сожалению, не применялись в такого рода биографиях, нередко давался превосходный "литератур-

172

ный портрет" - и только. Возможно также исследование какой-нибудь одной важной психологической черты у одного философа или той же черты у многих.

III. Наконец, возможна разработка истории взаимодействия двух или нескольких систем, история известного направления (история материализма Ланге, история скептицизма Рихтера, история немецкой мистики Прегера и т. п.), историческое освещение развития какого-нибудь философского понятия у различных философов и, наконец, очерк истории философии или ее части в связи с самыми разнообразными вне-философскими факторами (факторы политические, экономические, литературные и

др.). Разумеется, все эти моменты тесно между собою связаны и могут быть обособляемы лишь в абстракции (см. Э. Л. Радлов: "Очерк историографии по истории философии").

VII. Вопрос о заимствованиях и влияниях в истории философии

С историко-философским изобретением тесно связан вопрос, важный и для оценки природы философской изобретательности вообще. Я имею в виду вопрос о заимствованиях и влияниях в философии. Можно говорить о трех видах заимствований в философии, как и в других формах изобретения.

I. Плагиат, т. е. сознательное присвоение чужого добра с умышленным умолчанием об источнике. Pereant qui nostra ante nos dixerunt (Мар-циал, I, 53, 9) - "да погибнут те, кто раньше нас высказал наши мысли!" - вот девиз плагиатора. Величайшие философы Декарт, Лейбниц, Кант, Гегель и Конт были обвиняемы в самом бесстыжем плагиате.

1. Декарту современники указывали, что Cogito ergo sum встречается уже у Августина. Указание справедливое, оттеняющее роль Августина в процессе оформления этой идеи, но отнюдь не свидетельствующее о плагиате, ибо в своем ходе рассуждений Августин имеет в виду определенную богословскую мысль, весьма далекую от чисто философской цели Декарта. Сопоставление контекстов решает дело в пользу Декарта. Последний уверяет даже, что он не читал соответствующего сочинения Августина, но даже если допустить обратное, то философская оригинальность декартовых идей все же остается бесспорной.

2. Пфлейдерер (см. "Leibnitz und Geulynx") указывает, что Гейлинкс ранее Лейбница прибегнул к сравнению параллелизма процессов психического (воления) и физического (движения) с ходом двух согласно идущих часов. Вот текст Гейлинкса, приводимый Пфлейдерером: "...sicut duobus horologiis rite inter se et ad solis diurnum cursum quadratis, altero quidem sonante et horas nobis loquente, alteram itidem sonat et totidem nobis indicat horas, idque absque alia causalitate qua alteram hoc in altero causet, sed propter meram dependentiam, qua utrumque ab eadem arte et simili industria constitutum est, sic v. g. motus linguae comitatur voluntatem nostram loquendi et haec voluntas ilium motum; nee haec ab illo, nee ille ab hoc dependet, sed uterque ab eodem illo summo artifice, qui haec inter se tam ineffabiliter copulavit atque devinxit"* (Geulynx, "Ethica", 1709, стр. 123-124, примечание 19). По этому поводу нужно заметить, не разбирая

173

вопроса, читал ли Лейбниц это место, что сравнение человеческого тела с часами было, вероятно, ходячим модным сравнением в XVII в.; применение подобного сравнения также и к душе отнюдь не есть заимствование философской мысли о предустановленной гармонии. Значение этой мысли определяется всей совокупностью выводов, вытекающих из нее в системе Лейбница. Дагерротипия была изобретена в 1839 г. В письмах Тургенева и в статье Достоевского (1862 г., по поводу выставки в Академии Художеств) творческий процесс художника при формировании типического образа противопоставляется фотографированию, которое было не так давно изобретено и уже служило ходячей метафорой. Скажем ли мы, что один из наших писателей заимствовал образ у другого? Лейбниц сравнивает деятельность фантазии с проекционными образами волшебного фонаря1; это же сравнение встречается позднее у Жуковского и у Пушкина. Скажем ли мы, что Жуковский обокрал Лейбница? В новейшее время Бергсон ввел в литературный оборот образ кинематографа для выражения мысли, что непрерывное иррационально, а его познание кажется нам рациональным, так как мы поддаемся кинематографической иллюзии при слиянии прерывных впечатлений в слитное целое, и это сравнение входит уже в литературный оборот.

3. Кант заподазривается в плагиате Шопенгауэром под влиянием Фрауэнштедта и Робинсоном, оба обвинения касаются вопроса о трансцендентальной идеальности пространства и времени. Шопенгауэр ссылается на III письмо Фрауэнштедта ("Письма о Шопенгауэровой философии"), где отмечается поразительное сходство учений Канта и Мопер-тюи о субъективности пространства и времени. Вольтер в сочинении "Акакия" полемизирует с Мопертюи, опираясь на учение Локка по данному вопросу о природе пространства. Вот что пишет Мопертюи, признавая длительность и протяжение так же субъективными, как запахи, вкусы и звуки: "Протяжение... есть лишь перцепция моей души, перенесенная на иной внешний объект, хотя в объекте

нет ничего, что бы могло походить на воспринимаемое моим духом... восприятие различия расстояний так же субъективно, как восприятие различия звуков... мы впадаем в противоречие, рассуждая о природе протяжения (etendu), смешивая его с пространством (espace), желая продлить его до бесконечности или разложить его на последние элементы"... "Восприятия возбуждаются в нас неведомыми существами (des etres inconnus), которые не похожи на то, что мы воспринимаем" (Briefe, S. 142). Робинсон в брошюре "Философские этюды" (первый этюд) показывает, что первая и вторая антиномии Канта имеются у Артура Колльера в его "Clavis Universalis", которое появилось в немецком переводе в 1756 г., причем вероятность, что Кант читал этот перевод, оказывается весьма большою, так как и у Колльера, и у Канта в ходе доказательств встречается тот же пример четырехугольного круга. На это следует заметить: 1) Учение о субъективности пространства, в частности, восприятия глубины, а также субъективности первичных свойств физического мира было подробно разработано Беркли, о котором Кант упоминает и против

1 На образ волшебного фонаря, применяемый в этом смысле Лейбницем, мне указала Е. Е. Аничкова.

идеализма которого полемизирует. 2) И у Беркли, и у Мопертюи это учение развивалось на сенсуалистической основе: их взгляды на субъективность пространства toto genere* различаются от учения об априорности пространства. 3) Антиномии в вопросах о бесконечной делимости и бесконечной протяженности пространства были намечены еще в древности Зеноном, на что указывает и Кант. Мало того, эти антиномии имеются (как указывает проф. Щербатский в своей замечательной книге "Логика и теория познания по учению позднейшего буддизма") в индийской философии. 4) Эти идеи были распространены в философской литературе XVIII в. благодаря словарю Бэйля. Оригинальность Канта заключалась в том, что они у него в окончательной редакции - в "Критике чистого разума" - представляли "Experiment der Vernunft"** для опровержения догматической метафизики, а для Колльера они служили средством к оправданию догматической метафизики в духе идеализма.

4. Гутчисон Стирлинг (Stirling) называет Гегеля "crafty borrower", т. е. "мощный плагиатор". Учение о категориях Канта составляет, по его мнению, "подлинную суть" гегелевской философии. С таким же правом можно было бы сказать, что категории Аристотеля составляют подлинную суть философии Канта. "Секрет Гегеля", по Стирлингу, заключается в том, что Кантово трансцендентальное единство апперцепции, т. е. познающего субъекта, в котором объединяется весь познавательный аппарат в "Критике", Гегель превратил в мирового субъекта, в Абсолютный Дух. Если уподобить философскую систему чрезвычайно сложной математической формуле, в которой кто-нибудь заменил бы какой-нибудь член совершенно другой величиной, дающей не преобразование, а коренное изменение ее смысла, то тогда стала бы очевидной ошибка Стирлинга (см. интересную, но крайне одностороннюю книгу "The secret of Hegel").

5. Поль Жане столь же неосновательно обвиняет Огюста Конта в заимствованиях у Сен-Симона (см. его статью о Конте и С.-Симоне "Revue des deux mondes", 1880).

6. C. Brockdorf написал памфлет "Plagiator Bergson", 1920 (sic!).

II. Другой вид влияния есть сознательное и открытое подражание.

Если это заимствование касается коренных пунктов системы, то мы

говорим о принадлежности подражающего той же школе или тому же

направлению в философии.

III. Самым тонким видом влияния и заимствования является неосоз

нанная реминисценция. Шопенгауэр, которому принадлежит приводимая

нами иллюстрация заимствований, заподозревая Канта в вышеприве

денном плагиате, все же допускает в данном случае подобную неосоз

нанную реминисценцию (см. "Мир как воля и представление", 1893, пер.

Соколова, стр. 62-63). Если Ницше в "Заратустре" говорит о филосо

фии как "лазарете неудавшихся поэтов" (слова Новалиса1), если Кант

в "Антропологии" рассказывает забавный анекдот, имеющийся у Гель

веция в "De 1'esprit", то это, по всей вероятности, именно неосознанная

реминисценция. Вот интересный пример подобного явления. Ительсон

в статье в "Archiv fur Geschichte der Philisophie" (1893) указывает на то,

1 Крэпелин усматривает в данном случае патологическую "криптомнезию"***.

175

что у Монтеня во II томе, 14 главе его "Опытов" имеются упоминания о "Буридановом осле", об imperceptibles, об "абсолютно твердой веревке*, и эти же мысли встречаются и у Лейбница, разумеется в другом контексте. Кто не понимает того, что всякое творчество есть искусство неподражаемо подражать, и в то же время рассматривает его как чисто интеллектуальный процесс, не оценивая его стихийности, тот всегда будет усматривать в смутно сознательных отголосках чужой мысли умышленное заимствование.

Мы видели, что интеллектуальное изобретение есть синтетический вывод, в осуществлении которого вся трудность заключается в нахождении среднего термина. Поэтому приведенное нами рассуждение исходит из мысли, будто новые истины получаются путем исключительно аналитических суждений, что совершенно ложно, и потому подобная "интерпретация" философской мысли заключает в себе элементарную, но весьма часто встречающуюся ошибку. Философская система не есть мозаика, механическое сопоставление и комбинирование мыслей, но нечувственное единство мыслей. Символически это единство могло бы быть представлено в виде усеченного конуса, где верховные по своему значению идеи, idees pivotales, соответствовали бы верхней площадке, а подчиненные идеи, идеи выводные, символизировались бы коническими сечениями, параллельными площадке. При определении сходства между системами и их взаимных влияний обычна ошибка, от которой предостерегает в упомянутой работе Лансон и которая заключается в следующем силлогизме, если применить рассуждение Лансона к истории философии.

Философ сказал: "а есть b" и "с есть а", значит, философ сказал: "с есть ъ".

Вышеприведенные обвинения философов основаны именно на таких ошибках, равно как и поверхностные сближения: Мэн-де-Биран = французский Кант или: Гераклит = Шопенгауэр древности и т. п. Но этого мало: весьма обыкновенен такой случай: философ сказал в одном контексте мыслей: а есть b, а в другом, в другое время, в другом сочинении: с есть а, но он не догадался сопоставить эти мысли. Тогда не он, а другой сопоставляет их, и сказавши: с есть b, окажется изобретателем, хотя он и обязан первому подготовлением изобретения.

VIII. Формы философских влияний

Теперь рассмотрим различные формы влияний в истории философии.

I. Философское творчество органически связано с историей положительных наук - математики, естествознания и наук о духе. Этого мало, величайшие философы были крупными учеными и притом нередко в нескольких различных областях зараз. Следовательно, они ассимилировали множество научных знаний и испытали на себе влияние со стороны представителей специальных областей знания. От богатства прочно усвоенных ими сведений зависело и богатство их философской системы. При этом надо иметь в виду, что эти специальные знания носят не случайный, бессвязный, но систематизированный характер. В науках совершаются

176

непрестанно два параллельных процесса накопления и концентрации, причем бывают периоды, когда один из этих процессов начинает отставать от другого. Когда

теории, при помощи которых истолковывались до известной степени удовлетворительно определенные группы мыслей, вдруг при аккумуляции многих новых наблюдений, новых специальных открытий, эти старые теории, разрушаются, а новые еще не успевают сложиться, тогда при глубоком переломе в истории мысли в философии появляются скептики, но по мере дальнейших успехов концентрирующей силы обобщения новые теории, более прочные и адекватные объясняемой ими действительности, начинают заступать место старых в области специальных наук. Одновременно замечается и подъем в области философского творчества. Таковы V в. до Р, Х. в Греции и XVII в. в новое время, эпохи могучего подъема изобретательности в области философии, таков подъем философской мысли после революции в конце XVIII в. Теперь, мне думается, мы снова переживаем временный перевес накопления специальных знаний перед их концентрацией.

II. Форма влияния в рамках самой истории философии определяется двумя качествами в умственной деятельности философа - глубиной ассимиляции чужой системы и широтой интеллектуальной и эмоциональ ной перевоплощаемости. Есть философы, которые органически ус ваивают мировоззрение какого-нибудь великого предшественника, но их собственная изобретательность может свободно проявляться лишь в круге гносеологических и метафизических предпосылок учителя. Ряд таких последователей известного философа, давшего имя целому направлению, и образует его школу - кантианцы, гегельянцы и т. п. Встречаются философы, проявляющие исключительную перевоплоща емость творческого дарования, но они бессильны совместить проти воречащие точки зрения. Наконец, есть такие мыслители, и они настоящие революционеры в области мысли, которые, глубоко ас симилировав по крайней мере два ядра центральных идей из чужих систем, оказываются в силах слить их в новый небывалый синтез. Таковы системы Демокрита, Платона, Аристотеля, Декарта, Лейбница, Канта, Гегеля.

III. Ввиду того, что философское развитие мыслей нуждается в известных литературных формах, которыми определяется стиль философа, сообщающий его манере письма способность внушительно воздействовать на окружающих, властно проводить свои идеи в жизнь, придавая им ясность, привлекательность, а нередко в полемике и боевой оттенок, немаловажную роль в изучении философской изобретательности играет анализ языка, образов, сравнений и всех других подробностей писательской техники. Здесь существуют свои формы подражания и изобретательности. Так, Гирцель в книге "Der Dialog" указывает, какое огромное влияние оказал Платон на диалогическую форму у последующих философов.

IV. Наконец, все великие системы заключают в себе и известные элементы практической философии. Великие философы нередко преследуют определенный социальный идеал, который на протяжении веков является предметом подражания. Так, "Государство" Платона оказало

177

А

свое воздействие почти на все важнейшие социальные утопии. В области практической философии сказывается особенно сильно влияние общественных,

политических, экономических и религиозных идей эпохи на изобретательность в философской области. Но я не предполагаю здесь анализировать эту форму философского изобретения.

Не следует думать, что всякое разительное сходство между двумя философскими изобретениями свидетельствует непременно о прямом или косвенном влиянии. Это было бы ошибкой, в которую нередко впадают крайние защитники теории заимствования в литературе. Дело в том, что однородность логической структуры познающего духа при всех бесчисленных и разнообразных формах развития нашей психической жизни приводит и к гомологическим, и к аналогическим изобретениям, совершенно не зависимым друг от друга1. Примером гомологического образования двух философских изобретений могут служить аристотелевская и индийская формулировки вывода.

Аристотелевская	Индийская
А есть В,	Где дым, там огонь,
С есть А,	Здесь дым,
С есть В.	Здесь огонь.

В биологии под гомологией разумеется "морфологическое сходство органов у различных организмов, определенное положением органа по отношению к другому органу" (словарь Брокгауза и Ефрона, изд. II, т. 14), например руки, ноги, плавники и крыло. Структура обоих выводов нетождественна, но как вывод в ряду других операций мысли (образование понятий, отрицание, категории и т. п.) он занимает и в греческой, и в индийской логике то же место. С другой стороны, в биологии тот же орган у разных животных (например, крыло у птицы и насекомого) аналогичен. Подобным же образом поразительна аналогия, на которую обратил мое внимание проф. А. И. Иванов (за что я сердечно благодарю его), аналогия между положением Зенона о летящей стреле, которая покоится в каждое мгновение полета, с буквально таким же положением у китайских софистов IV в. до Р. Х., где тоже речь идет именно о стреле (см. Forke: "The Chinese sophists". Asiatis Journal, North China Branch, 1895).

1 Уже в изобретательности доисторического человека можно отметить случаи возникновения однородных изобретений в разных странах независимо друг от друга; например, в свайных постройках в Швейцарии находили костяные гарпуны, представляющие полнейшее сходство с гарпунами доисторического человека каменного века побережья Ладожского озера. То же наблюдается и при рассмотрении различной формы шил. По мнению проф. А. А. Иностранцева, здесь всего проще предположить самостоятельные пути изобретения. "Для того чтобы получить шило или иглу, нужно получить из кости острый край. Раскалыванием ее такой край легко получается, а если обточить его затем на более твердом материале, то шило и готово. Такая сравнительная простота и легкость получения шила могла быть вызвана независимо и вполне самостоятельно без всякого заимствования как нашим доисторическим человеком, так и доисторическим человеком других стран" ("Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера", 1882, стр. 181-182).

Подобного рода гомологии и аналогии представляют для философии изобретения величайший интерес1. Ведь о заимствовании прямом или опосредствованном здесь не может быть и речи. Подобные факты (акад. Ф. И. Щербатский приводит их немало в своих высокозамечательных исследованиях по истории индийской философии) поучительны как в том случае, когда сходные образования мысли представляют оба заблуждения, так и в том, когда оба они истинны. Поверхностный взгляд на историю философии, как это прекрасно показал Гегель, настраивает нас скептически. Насмешки Тимона и Лукиана над философами, карикатурная "история философии", которую дает Вольтер в замечательной поэме "Les systemes", забавляют нас, поскольку в них осмеиваются педантизм, догматизм и фанатическая самоуверенность философов, но принимать их всерьез - значит не верить в могущество научной мысли вообще, а не только философской мысли.

Совпадение индийского философского изобретения с греческим, возникшим независимо от первого, если мы предполагаем, что последнее истинно, еще не доказывает истинности первого. С другой стороны, весьма обыкновенны случаи, когда истинное

изобретение не находит себе признания со стороны современников изобретателя, однако оно оказывается впоследствии истинным. Так, предвосхищение коперников-ской точки зрения Аристархом Самосским в III веке до Р. Х. не нашло себе признания, и лишь примерно восемнадцатью веками позднее оно блестяще оправдалось.

Синномическое суждение, по Болдвину (см. Baldwin: "Thoughts and Things", 1907), есть суждение, которое я претендую сделать общепризнанным, но которое таковым еще не стало. Простейшим примером является тот случай, когда человек (или животное) обращает внимание другого одушевленного существа на наличность известного предмета, здесь оба субъекта являются сообщниками по общей функции познания или проверки знания (commoners of common function and control). Так, собака обращает внимание хозяина на поноску, ребенок кричит: "Папа, посмотри - вон собачка!" и т. п. Иногда внимание привлекается не к самому объекту, а к скрытым в нем деталям (commoners by secondary conversion).

Но согласование двух логически обоснованных независимо одна от другой теорий в высшей степени показательно в качестве косвенного подтверждения истины. Мы имеем в подобном случае то, что Авенариус называет эпитаутотою (одна из диалектических эпихарактеристик

- "Критика чистого опыта", ч. II, § 550), а Болдвин синдоксичностью

- сопереживание двумя познающими субъектами того же, согласование в их восприятиях или выводах. Если же оба философских изобретения гомологического или аналогического типа ложны, то это показывает, что оба заблуждения типичны, т. е., иначе говоря, что их совпадение указывает на законосообразность возникновения заблуждений, на их не-

1 Энгельмейер в книге "Теория творчества" называет эквивалентными разнородные изобретения, служащие той же цели (зажигалка и коробка спичек), и изоморфными - однородные, служащие сходным, но не вполне одинаковым целям (ножницы для резания металла, ножницы для стрижки ногтей). Изоморфные изобретения сходны с тем, что мы называем аналогиями.

случайный и в высокой степени поучительный для философии изобретения характер, так как возможность изучать законосообразность возникновения ошибок дает средства создать на основе их психологического, гносеологического и исторического анализа теорию ошибок в философии. Существуют же методы определения и исправления ошибок в математике и естествознании (об этом см.: Jevons. "Principles of Science", 1879, ch. XVII, "The law of Error", p. 374, есть русский перевод: "Основы науки" Джевонса). Против мысли о законосообразности возникновения философских ошибок обыкновенно вооружаются богословы и единомыслящие с ними по данному вопросу философы, например Гутберлет и Фонсег-ривс, также Брошар (Brochard. "De l'erreur"). Детерминистическая точка зрения на происхождение заблуждений несовместима с учением о грехопадении. Адам, по преданию, обладал совершенным знанием, но злоупотребил данной ему от Бога свободной волей - отсюда грех и заблуждение. С точки зрения скептицизма истина есть полезное заблуждение (Файингер: "Philosophie des Als-Ob"), вот почему скептики практически признают полезность знания, отрицая его теоретические основы, но такое отождествление истины с видом заблуждений само себя побивает. Ведь подобные утверждения равносильны заявлению: "Способность ума различать истинное от ложного есть вид способности ума отличать полезное от вредного"; подобное утверждение, в свою очередь, по своей логической форме подобно другому: "Грамотность есть неспособность читать хорошие книжки". Философская истина постигается медлительным, но непрерывным путем, этот путь не прямолинеен, а зигзагообразен. "История философии, - говорит Гегель, - не галерея человеческих заблуждений, а пантеон божественных образов". Это, пожалуй, чересчур "гордо звучит". "Прежние истины, - пишет Уэвель, - не уничтожаются, но углубляются и преображаются". Это до известной степени верно. Но еще вернее слова Гюйо, подчеркивающие соборный характер в процессе постижения философской истины. Всякий философ, думается мне, мог бы повторить эти слова:

...Забрезжит истина из наших заблуждений, Мы все в отдельности - игрушки сновидений, Но день придет, и в жизнь преобразится сон! Чего не кончил я, доделают другие, И в миг, когда во тьме измучен, истощен, Я падаю, блеснут лучи

мне дорогие, Взойдет моя заря!..

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТВОРЧЕСКИЙ ЭРОС И АРХИТЕКТОНИЧЕСКИЙ ИНСТИНКТ IX. Концепция как зачатие и творческий замысел

В предшествующем анализе процесса изобретения я намеренно умалчивал об одном чрезвычайно важном элементе - эмоциональном, об одушевлении творца, о его архитектонической наклонности к известным умственным построениям. В этой эмоциональной стороне надо, в свою очередь, как мы увидим, различать два момента: один более личный, другой более объективный. Философское творчество неоднократно сближалось с половым влечением, а создание системы - с деторождением. Понятия зачатия, в смысле начала процесса деторождения и начала процесса творческого замысла, обозначаются в латинском языке одинаковым словом: conceptio - концепция. Зарожденное понятие и зародыш обозначаются одним термином: conceptus. Эта филологическая подробность многозначительна и давала неоднократно повод к установке аналогий в двух противоположных направлениях: 1) зачатие рассматривается как биологическое явление, в котором соучаствует творческий дух, 2) духовное творчество, в частности философское, трактуется как своего рода биологическое явление беременности. Это явствует из сопоставления двух замечательных мест - одно из книги великого натуралиста с философским складом ума - Гарвея, другое - из признаний великого философа, основательно изучавшего естественные науки, - Шопенгауэра. У Гарвея в его знаменитой книге "Exercitationes anatomicae" (цитирую по изданию 1737 г.) есть заключительная глава (во второй части "De generatione animalium"), посвященная вопросу о зачатии. Ввиду интереса темы, я позволю себе привести из нее ряд выдержек и предлагаю читателю сопоставить их с приводимыми ниже словами Шопенгауэра.

Гарвей пишет1: "Nam quemadmodum nos, a conceptione formae, sive ideae in cerebro similem ei in operibus nostris efficimus, ita pariter idea, aut

1 "Ибо подобно тому как мы из концепции формы или идеи в нашем мозгу осуществляем подобную ей в наших созданиях, так и идея родителя, пребывающая в матке, благодаря присущей ей формирующей силе, зарождает себе подобный плод, запечатлевая на своем создании заключенную в себе нематериальную идею. Дело происходит так же, как в мозгу способность или идея будущего создания своею активностью выявляет и воплощает подобное в материальной форме. Так и живописец через посредство концепции пишет портрет и, подражая кроющейся в мозгу концепции, реализует ее в картине. Равным образом и архитектор строит дом по намеченному заранее плану. И то же имеет место и в иных искусственных созданиях и произведениях".

181

Л

species genitoris in utero existens, formatricis facultatis ope, similem foetum generat, dum speciem nempe, quam habet immaterialem, opere suo imponit. Non aliter sane, quam ars, quae cerebro est sive species operi futuri similem in agendo profert et in materia gignit sic enim pictor, mediante conceptu, faciem exprimit, imitando que internum cerebri conceptum in actum producit. Ita quoque aedificator, ex conceptu praehabito domum extmit. Idemque pariter in ceteris operibus et artificiosis generationibus contingit" (p. 396). Подобное же явление мы наблюдаем в инстинкте животных: так птицы вьют гнезда, конструкция коих им неведома: quomodo avicula nidum suum (cuius exemplar nunquam viderit) artificiose componat, idque non ex memoria, vel habitu alique, sed sola phantasia*. В формировании организмов, в архитектоническом инстинкте животных и в активности творческого духа человека проявляется однородная созидающая духовная сила: "Qui haec inquam diligenter perpendet, valde, baud opinor, absurdum valde aut monstrosum judicabit, foeminam ex conceptu ideae generalis sine materia impregnatum generationis opificem evadere"** (ib., p. 397). Сократ недаром называл себя повивальной бабкой, содействующей порождению философской мысли. Платон в "Пире" и в "Федре" необычайно ярко живописует процесс преображения низших, чувственных стремлений в служение Афродите Небесной. Не менее поразительны признания Шопенгауэра. В 1813 г. 25-летний Шопенгауэр писал: "В дни и часы, когда влечение к сладострастию проявлялось с наибольшей силой... пылающее вожделение... - именно тогда высшие духовные силы - лучшее сознание -

готовы к величайшей активности, правда, в скрытом состоянии, когда сознание отдается влечению и преисполнено им, но стоило ему сделать мощное усилие для изменения направления - и вместо того мучительного, неудовлетворенного колеблющегося влечения (царство ночи) сознание заполняется деятельностью высших духовных сил (царство света). В указанные периоды времени проявляется подлинно напряженнейшая действенная жизнь, так как при этом оба полюса с величайшей энергией действуют. Это проявляется у одареннейших в духовном отношении людей. В подобные часы переживаешь более, чем в годы душевной тупости" (Moebius. "Schopenhauer", 56). Здесь очень метко оттенен этот "перевод фондов" чувственности ("изменение направления"), преобразование низших влечений в высшие. То же высказал и Влад. Соловьев:

Свет из тьмы!

Из темной глыбы

Вознестися не могли бы

Лики роз твоих,

Если б в сумрачное лоно

Не впивался погруженный

Темный корень их***.

О сочинении четвертой книги "Мир как воля и представление" Шопенгауэр сообщал Гвиннеру: "Подобную вещь можно написать лишь в юности, при наличности вдохновения. Теперь я сам удивляюсь моему произведению (особенно 4-й книге), как будто ее написал другой человек. Однажды весною 1818 г., когда я занимался этим произведением, в оча-

182

ровании, с цветком в петлице сюртука, я возвращался из пестреющей цветами оранжереи Цвингера, и хозяйка гостиницы встретила меня словами: "Вы цветете, г. доктор". "Если бы деревья не цвели, - отвечал я, - как же они могли бы давать плоды?" Служитель оранжереи спросил Шопенгауэра: "Кто вы?" "Я был бы вам очень благодарен, - отвечал я, - если бы вы могли мне это сказать".

X. Личные и формальные чувствования в творческом процессе.

Виды формальных чувствований: чувство свободы

от внутренних противоречий, соответствия теории с данными опыта,

ясности и отчетливости понятий, единства в многообразии

Радости философского творчества и его печали напоминают радости и печали художника. И там, и здесь их источник лежит в созидаемом произведении. Как красота художественного произведения, так и структура философского изобретения - системы или отдельной ее части

- вызывает в сознании творца известного рода формальные чувства, но у философа - не эстетического, а интеллектуального порядка. Вот этот-то, относительно говоря, объективный момент в отношении художника к его произведению или философа к его системе - ибо этот момент лежит в природе самого создания и доступен восприятию читателей,

- и обусловливает возвышенное или подавленное состояние духа у автора - его субъективные, личные чувства.

I. К таким формальным чувствованиям нужно прежде всего отнести

чувство свободы от внутреннего противоречия (Widerspruchlosigkeit).

Логическое противоречие сознается как диссонанс, требующий разреше

ния. Так, Кант 12 лет не находит покоя, чтобы устранить "скандальное" противоречие разума с самим собою. Джон Милль пишет о себе, что в нем самодеятельность философской мысли была особенно возбуждена общением с Гротом, влияние его общества укрепило в Милле интеллектуальную привычку, "которой я всем обязан в моей деятельности в умозрении: никогда не принимать ни в какой трудности полурешений (halfsolutions) в качестве решений окончательных".

II. Столь же болезненно ощущается разногласие между научной или философской теорией и данными опыта. Так, например, идея тяготения пришла в голову Ньютону в 1666 г. "Но, - пишет Навилль, - выведение следствий закона для луны привели его к данным, не сходившимся с наблюдением. Одним из базисов вычисления была мера меридиана; в 1670 г. Ньютон узнает, что Королевская академия выработала новую меру меридиана. "Вычисления, предпринятые на новом базисе, могли бы подтвердить мою гипотезу". Эта мысль привела его в такое волнение, что он не принялся за вычисления сам, но поручил их одному из своих друзей, так как, вследствие внутренней тревоги, чувствовал себя не в состоянии работать. Вычисления на этот раз оказались вполне согласными с данными наблюдения" (Навилль: "Логика гипотезы", 1882).

III. Чувство ясности и отчетливости понятий. Ясность и отчетливость признавались условием совершенства понятий от времени Сократа и Платона и до Канта и Гербарта. Неясность может проистекать

183

иногда не от непродуманности изложения, а от новизны проблемы и глубины ее постановки. Эггер в своей интересной книге "La parole interieure" указывает на ложность в применении к великим новым философским открытиям знаменитых стихов Буало:

Ce que l'on concoit bien s'enonce clairement, Et les mots pour le dire arrivent aisement*.

Новая мысль не может найти в нашей памяти - именно в силу своей новизны - готовых средств для выражения. Отсюда те муки слова, та борьба со словом, о которых говорят великие поэты и мыслители. Чтобы отыскать формулу для выражения совершенно новой мысли, надо "организовать некоторое число терминов в новую комбинацию" (p. 223), а это требует нередко больших усилий мысли, которые не всегда увенчиваются успехом. Этим объясняется на первый взгляд странное явление, почему иногда величайшие мыслители - дурные стилисты и, наоборот, нередко великие стилисты, как Сен-Бев и философы с лапидарным слогом, как Ройе Коллар, - лишь выдающиеся популяризаторы. Чем банальнее мысль, тем легче она выражается, и чем новее она, тем менее шансов имеет она быть формулированной быстро и хорошо, откуда, разумеется, еще не вытекает другое положение, будто оригинальнейшие мыслители - все суть варварские писатели, а мастера стиля - суть апостолы здравого смысла, иначе говоря, будто качества стиля обратны глубине мысли. Вот интересное описание манеры Гегеля читать лекции: "Нельзя себе представить более

пластического выражения этого затруднения и тяжкого труда, чем в форме его лекций. Как древние пророки, - чем настойчивее они боролись с языком, тем выразительнее высказывали то, что боролось в них самих, отчасти побеждая, отчасти побежденные, - точно так же боролся, побеждал и он, с неуклюжею серьезностью. Весь углубившись в свою мысль, он, казалось, развивал ее для слушателей только из нее самой, ради нее самой, как бы не из своего духа, и тем не менее она возникла из него одного, и почти отеческая забота о ясности смягчала упорную серьезность, которая могла бы отпугнуть от восприятия таких трудных мыслей. В самом начале он уже запинался, потом опять повторял фразу, останавливался, говорил и думал. Казалось, ему никогда не удастся найти подходящее слово, но вот вдруг он с уверенностью произносил его, оно оказывалось простым и тем не менее было неподражаемо подходящим, неупотребительным и в то же время единственно правильным. Всегда казалось, что самое важное должно быть высказано еще впоследствии, и тем не менее оно уже незаметно и в совершенно полной форме было высказано. Наконец, ясное значение мысли бывало охвачено, и являлась надежда на желанное движение вперед. Напрасно! Мысль, вместо того чтобы двигаться вперед, вращалась на одном и том же месте, выражаясь все в сходных словах" (см. Куно Фишер: "История новой философии", т. VII, "Гегель", стр. 218; Фишер цитирует слова одного из слушателей Гегеля - Гото из его книги: "Vorstudien fur Leben und Kunst"). Разумеется, в жалобах на неясность может быть повинен и читатель, особенно

184

когда философа читает человек с глубоко различным умственным укладом, не способный перевоплотиться в строй души автора. Вот забавное рассуждение, по-видимому, Сиэса, которому кто-то показал латинский перевод "Критики чистого разума", о стиле Канта: "Эх, да ведь ваш Кант - поэт! Тут нет никакой философии. Я не имел сил добраться до 20-й страницы. Это все слова, вместо вещей, бесполезная головоломка, новый потоп схоластики... Ученики Канта говорят: "Прочтите, прочтите сами". Ну вот, я читаю и вижу, что не могу двигаться дальше. Бррр!" - прибавил он с укоризненной миной (см. Альтонское издание: "Frankreich im Jahre 1797". № 3, Ausziige aus Pariser Briefe).

IV. Чувства, связанные со стремлением к единству в многообразии. Кант пишет: "Вскрытие связи двух или нескольких эмпирических гетерогенных законов в одном объединяющем их принципе составляет источник весьма замечательного удовольствия, иногда даже восторга, который не прекращается, даже когда предмет стал знаком нам. Правда, мы уже не находим более замечательного удовольствия охватывать единство природы в делении на виды и роды, составляющие единственное conditio sine qua поп* эмпирических концептов, при помощи которых мы познаем ее в ее частных законах. Но, несомненно, было время (Кант, очевидно, намекает на ранние диалоги Платона), когда это деление доставляло нам удовольствие, и лишь в силу того, что ординарнеишии опыт не был бы возможен без этого деления, оно незаметно слилось с простым познанием и перестало привлекать наше внимание... Наоборот, мы испытали бы величайшее неудовольствие, представив себе природу, в которой мы рисковали бы в наших исследованиях за пределами простых опытов натолкнуться на такую гетерогенность законов, которая лишила бы наш рассудок возможности свести частные законы к общим" ("Критика способности суждения". Введение, VI). Подобную же мысль развивает Пуанкаре, делая предположение, что химических элементов в природе было бы не 60, а 60 миллиардов ("Наука и метод", 1910, стр. 9).

Стремление к единству в многообразии проявляется, кроме указанных тенденций:

1. В стремлении к симметрии формул, схем, синоптических таблиц, вообще соотношений мыслей, представленных в одновременном синопсисе в статическом разрезе. Такова знаменитая таблица категорий Канта, которой он пользуется в целях экономии мысли в "Критике чистого разума", "Критике практического разума", в "Критике способности суждения", в "Метафизических началах естествознания", в философии права.

2. В стремлении к ритмичности диалектического развития мысли в динамической стороне изложения системы. У Платона, Аристотеля, Прокла, Гегеля эта тенденция выступает особенно ярко.

3. В чувстве целостной концепции, в общем архитектоническом

стремлении придать всей системе характер стройного, симметрически

расчлененного целого. Так, Спенсер, говоря об огромном удовольствии,

которое он испытывал, развивая вновь появляющиеся в его мозгу идеи,

указывает, как на главный мотив творчества, наряду со славою, на

185

"архитектонический инстинкт или, говоря более простым языком, любовь к построению систем"1.

Чувство уверенности, убежденности в объективной значимости системы, в том, что она в существенных чертах верно отображает природу истинного познания мира, существенно отличает ученого и философа от художника, для которого важна лишь эстетическая правдоподобность, который стоит по ту сторону истинного и ложного в том мире "кажимости", где "этим милым заблужденьям и веришь, и не веришь ты". Философская система мыслится нами как объединенная всевременная и всепространственная корреляция нечувственных логических смыслов или содержаний мысли. Но каждому нечувственному содержанию мысли соответствует конкретный чувственный материал в виде зрительных, слуховых, осязательных и моторных образов, слов и эмоциональных подголосков - в форме органических состояний и ценестезии**, и потому переживание каждой философской мысли окажется подобным комплексному числу, в котором мнимая и вещественная части несоединимы, как масло и вода. Если S есть ощущения и представления, е есть эмоциональные подголоски2, а нечувственный смысл мы уподобим мнимому числу то все переживание

философской мысли выразится через: Воспроизведение

мыслей всегда опосредствовано чувственным моментом S + е, так что ассоциация возникает между мыслями А и В, где

Не бывает ассоциаций между без

участия чувственного элемента, но возможна наличность последнего, когда смысл еще не появился в сознании или не осознан ясно. Так бывает, когда мысль не оформлена еще нами в слова, но лишь смутно чувствуется нами по предваряющим ясное ее осознание соответствующим чувственным подголоскам; тогда мы испытываем "мыслей без речи и чувств без названия радостно мощный прибой"*** (Вл. Соловьев). Таким образом, мы чуем содержание мысли по ее чувственным симптомам и подголоскам. В таком случае возможно, что мы, не сознавая непосредственно логической гармонии или несоответствия, т. е. противоречия двух мыслей, можем смутно чувствовать их соответствие или несоответствие косвенным образом. Таким путем мы можем чуять гармоничность и продуктивность сопоставления двух терминов и с по их чувственным симптомам, еще не осознавая вполне их

логическое содержание, в особенности если чувство соотношения между ними связано с ранее знакомым нам чувством отношения между некоторыми терминами Таким путем смутно нащупыва-

ется средний термин синтетического силлогизма, например: этот почтовый листок бумаги имеет обожженные края. Но листок бумаги с обожженными краями есть, быть может, шифрованная депеша, писанная симпатическими чернилами. Следовательно, может быть, и это письмо есть шифрованная депеша.

1 Сближение наклонности к строительству систем у философов с архитектоничес

ким инстинктом у животных мы встречаем до знаменитых уподоблений Франциска

Бэкона: эмпириков - муравьям, схоластиков - паукам, в средние века: "Logicus

araneae potest comparari"*.

2 Их природа выяснится для нас при анализе творческой воли в следующей главе.

186

А. Ланг, как мы увидим ниже, додумался до такой догадки во сне, - быть может, соответствие и гармония между чувственными коррелятами мыслей во сне натолкнули здесь и на сопоставление самых мыслей. Пуанкаре полагает, что в смутно сознательной области (он называет ее подсознательной) мы бываем особенно чутки на красивые комбинации, т. е. продуктивные, а к другим относимся безразлично. А об их красивости, т. е. привлекательности и продуктивности, мы судим путем сравнения с ранее знакомыми нам.

И у математика чувства гармонии, ритмичности, симметрии, объективной значимости, архитектоничности мыслей образуют эту нашу эстетическую в кавычках чувствительность, и он вызывает в сознании соответствующие смыслы: "...когда внезапное вдохновение озаряет ум математика, оно обыкновенно не обманывает его, но (как я говорил) иногда оно его и обманывает. И что же? Мы почти всегда замечаем, что обманувшая нас идея, не будь в ней ошибки, поразила бы наше естественное чувство математической красоты". В комбинаторике множества смутных антиципаций логического смысла "эта специальная эстетическая чувствительность играет роль тонкого решета". При помощи подобного решета происходит отбор полезных, чреватых последствиями комбинаций (Пуанкаре. "Наука и метод").

Академик О. Д. Хвольсон любезно сообщил мне в высшей степени замечательный случай из своей личной деятельности ученого: "Для всякого тела следует отличать две различные теплоемкости: теплоемкость с при постоянном объеме v и теплоемкость с при постоянном давлении р. Из них первая равна тому количеству теплоты, которое потребно для нагревания тела на 1° при условии, чтобы его объем при этом не менялся (например, при нагревании газа, находящегося в закрытом сосуде). Вторая определяется теплотою, необходимою для нагревания тела на 1°, когда оно может свободно расширяться под неизменным внешним давлением р (нагревание газа, помещенного, например, в вертикальном цилиндре, снабженном подвижным поршнем, который при нагревании газа поднимается). Термодинамика доказывает, что между величинами cv и cp существует связь вида cp = cv + a, или cv = cp - a, где a зависит от свойств вещества и может быть вычислено, когда эти свойства известны, т. е. в достаточной мере экспериментально изучены. Положим, что в каком-либо физическом или химическом процессе (явлении) мы имеем дело с некоторою величиною s, зависящею от свойств тех тел, которые участвуют в этом процессе, и, между прочим, от их теплоемкостей, и что найдена формула, определяющая зависимость величины s от тех величин, которыми эти свойства тел определяются. Указанная связь между cv и cp дает возможность ввести в эту формулу любую из величин cv или cp. Однако зависимость величины s от cv или

cp, вообще говоря, не будет одинаково простою. Если, например, s пропорционально cp т. е. мы имеем формулу s = bsp, где b - множитель пропорциональности, то, вводя c вместо cp, мы получим более сложную зависимость

187

л

"Мне было поручено дать отзыв об одной диссертации. Ознакомляясь с нею сперва поверхностно, я наткнулся на главу, в которой автор рассматривает некоторую определенную химическую реакцию, которая может происходить или при постоянном объеме v, или при постоянном давлении р. Пусть s - та теплота, которая выделяется в первом случае, а sp - теплота, выделяющаяся во втором случае. Автор теоретически выводит две формулы для величин sv и sp. Каждая из них состоит из трех членов, причем один из этих членов пропорционален теплоемкости того газообразного вещества, которое участвует в рассмотренной реакции. Взглянув на эти две формулы, я увидел, что та из них, которая определяет величину sv (реакция происходит при постоянном объеме v), содержит член вида bcp, между тем как выражение для sp содержит член вида bcv. У меня моментально явилась мысль, что эти формулы не могут быть верны. Я, очевидно, был a priori убежден, что когда реакция происходит при постоянном объеме v, то выделяющаяся теплота sv должна находиться в более простой зависимости от теплоемкости c газа, чем от cp. Наоборот, величина s должна проще выражаться через cp, чем через cv. Весьма возможно, что здесь играло роль мое знакомство со многими разнообразными формулами, конструкция которых научила меня некоторым общим выводам, хотя и не формулированным мною сознательно. Теоретический разбор показал мне, что я был прав, что автор при выводе допустил существенную ошибку и что в правильных формулах sv очень просто выражается - через cv, а sp через cp".

Приведенное акад. О. Д. Хвольсоном интереснейшее сообщение, за которое я сердечно ему признателен, мне думается, блестяще иллюстрирует случаи неясной антиципации "выводов", хотя и не формулированных сознательно, однако подтвердившихся последующим теоретическим анализом.

XI. Метафизические иллюзии в области формальных чувствований. Стремление к ритмичности изложения

Рассмотрим теперь, при каких условиях в философском творчестве смутные предчувствия удачных комбинаций, чувства гармонии, симметрии, объективной значимости и т. д. обманывают нас и где коренятся причины этого обмана.

Влечение к симметрии, гармонии, ритмичности в науках и философских построениях иногда основано на иллюзии, будто субъективное чувство соответствия мыслей между собою и соответствия нашего знания действительности совпадает с объективной значимостью подобного соответствия. В основе такой иллюзии всегда лежит ложное пользование чувством аналогии. Первобытное и упадочное мышление особенно изобилует подобными иллюзиями, ибо несовершенные формы мысли, как мы указывали (см. стр. 161), связаны с тремя чертами, отличающими их от подлинно научного мышления: 1) в них заметна расплывчатость понятий, отсутствуют точные и выдержанные определения, 2) они находятся под гипнотизирующей властью традиции и авторитета и 3) они подчинены логике чувств, представляя собою преимущественно эмоци-

188

опальное, а не познавательное мышление. Между тем смутное чувство закономерности человеческого духа и структуры мира жило в человечестве с незапамятных времен. В основе "мистики" чисел, астрологии, хиромантии, знахарства и т. п. при всей противоположности этих мнимых знаний истинным наукам лежат некоторые, хотя и крайне неточные, знания о действительности и неясные идеи закономерности всего сущего. Но те же черты, та же наклонность к предвосхищению подлинного познания законов природы при помощи шатких догадок, искусственной схематизации и расширения эмпирических или рациональных обобщений за пределы допустимости наблюдаются и в научной, и в подлинно философской мысли и притом всегда - и в былые времена, и теперь у современных мыслителей.

Я последовательно рассмотрю это явление на ряде примеров из истории философии.

1. Числовые суеверия (по-моему, надо говорить числовые суеверия, а не мистика чисел, ибо мистика тут ни при чем). Наклонность придавать числам особый высший смысл наблюдается у всех народов, от древних халдеев, от которых сохранились таблички со священными числами, до современной г-жи Тэб*, пророчившей гибель Вильгельму, - мы наблюдаем эту наклонность и у немецкого профессора, сожалеющего, что он

Сокрытый смысл Халдейских чисел Постичь не мог.

Но это само по себе лишь курьезно. Однако этот курьез приобретает значение серьезной проблемы, когда мы вспомним, что основополагате-ли современной математики - пифагорейцы - обнаруживают в своем творчестве, наряду с несравненной гениальностью мысли, и эту ребяческую наклонность. Если устанавливается аналогия между геометрическими и арифметическими понятиями (единицы - точки, двойки - линии, тройки - плоскости, четверки - тела, то как ни искусственно это сопоставление, все же оно еще уступает в искусственности дальнейшим попыткам установить аналогию между числами и формами бытия:

5 - качество (ибо 5 органов чувств);

6 - одушевленность (ибо она 6-е чувство);

7 - разум, здоровье, просветленность и т. д.

Я думаю, что можно привести три мотива, побуждавшие пифагорейцев к смелому, но ложному расширению принципа аналогии.

а) Мотив, который мы могли бы назвать гносеологическим. Нам со времен Канта

известен синтетический характер аритмологических и геометрических истин, и мы не так удивляемся процессу расширения нашего знания априорным путем, для первых же математиков, подметивших ее законы, учуявших в созерцании числа и распорядка небесных созвездий изоморфизм геометрической и числовой природы, все это должно было представляться чудом и чрезмерно окрылить их надежды на новые удачные открытия. "А наш интеллект, - говорит Бэкон, - нуждается не в крыльях, а скорее в свинцовых гирях, дабы умерить свое движение". "Я помню, - говорит Кант, - как умный юноша, которому я доказал

189

это положение ("отрезки хорд, пересекающихся в круге, обратно пропорциональны"), был поражен им, как чудом. Но, - прибавляет Кант,

- изумление есть дочь невежества".

б) Другой мотив для возникновения подобной иллюзии я назвал бы метафизическим. Пифагорейцы не только утвердили начальные истины математики, но сделали ряд великих открытий в астрономии и физике, которые показали, что и действительность сродни числу, что между числом и реальным бытием есть какая-то глубокая связь, если не сокровенное тождество. Это должно было возбуждать надежду дешифрировать при помощи числовых аналогий истинную суть всех явлений природы.

в) Третий мотив к возникновению иллюзии я назвал бы психологи ческим. В процессе открытия новых истин, в том числе и математичес ких, играет известную, хотя и ограниченную, роль случайность - пробо- вание наудачу, "испытания", как выражается Гиппарх. И у всякого ученого бывает поползновение в погоне за симметрией и гармонией - отдаться лотерее случая. Числовое суеверие свойственно в не мень шей степени и ученым, и философам новых и новейших времен. Ему не чужды Кеплер, Лейбниц и Кантор. Лаплас приводит два математических доказательства творения ex nihilo* - одно Гранди, другое Лейбница.

Лейбниц усматривает образ творения в бинарной арифметике, где употребляются два знака - 1 и 0. Бог - единица, тогда мир сотворен им из ничего.

В упадочных формах философской мысли - в новопифагоризме, у Ямблиха, Прокла и у Филона - числовое суеверие достигает уродливых форм примитивной мысли, что и неудивительно, ибо здесь познавательный научный интерес уступает место чисто религиозному. Вот как Филон объясняет, почему люди после потопа жили 120 лет. Число 120 есть сумма 15-ти первых чисел, 15 есть число света, ибо после новолуния в 15-й день является полная луна, притом 120 есть 15-е "треугольное" число, имеет 15 различных делителей, и все частные суть весьма важные числа, притом сумма их равняется 240, т. е. вдвое больше 120, что имеет несомненное отношение к двойной жизни - духовной и телесной и т. д. У нас на Руси была в обращении в XVII в. "Аритмология", где указаны мистические значения 12-ти чисел: "Двенадесять апостолов, единдесят праотец, десять Божиих заповедей, девять в году радостей, восемь кругов солнечных, семь чинов ангельских, шесть крыл херувимских, пять раз без вины Господь терпел, четыре места Евангельски, три патриарха на земле, два главия Моисеевых, един сын Марии царствует и ликует Господь Бог над нами" (см. Измайлов: "В царстве смекалки", т. III, стр. 101 и 108).

Наклонность к числовому суеверию наблюдается и в науках о духе. Я приведу два примера - один из эстетики, другой - из психологии. Цейзинг проникся убеждением, что принцип золотого деления представляет универсальный ключ к постижению законов красоты, - он производил измерение самых разнообразных красивых органических тел в природе и произведений искусства и уверил себя в том, что везде в отношениях их частей осуществлен принцип золотого деления. Когда же ему указали на высший, по всеобщему признанию древних знатоков искусства, образец архитектуры - Парфенон, в котором этот принцип не находит себе осуществления, то он не остановился перед тем, чтобы

190

забраковать Парфенон с эстетической точки зрения. Герман Свобода нашел, что внезапное появление представлений как бы вне ассоциативной связи (frei steigende Vorstellungen) подчинено известной периодичности, соответственно возобновлению известных настроений, каковое, в свою очередь, обусловлено цикличностью некоторых процессов в человеческом организме. Такой период он установил для мужского организма в 23 п. дней, т. е. в число, кратное 23, а для женского организма - в 28 п., т. е. в кратное 28, и он, и оспаривающий первенство этого открытия Флисс отстаивали эти числа наперекор всем противоречащим инстанциям. Вундт в статьях: "Ueber den Begriffdes Glucks", "Darwinismus contra Energetik" (Psychologische Studien, 1905,1, S. 172-177) сообщает о следующей теории счастья В. Оствальда, которую критикует Больцманн. По Оствальду, психическая энергия при волевом акте образуется из двух частей, из которых одна связана с чувством удовольствия, а другая - с чувством задержек (Widerstrebens). Величина, выражающая наличное счастье, должна, таким образом, быть измеряема продуктом суммы и разности этих двух факторов = (E + W) x (E - W). Больцманн (в № 1 "Umschau") возражает на это, что психическая и физическая энергия - две вещи совершенно разные и что приведенная формула совершенно произвольна, так как понятие счастья может быть толкуемо весьма различно, так, например, для буддиста, стремящегося к полному умерщвлению воли, вышеприведенная формула, пожалуй, могла бы быть заменена другой:

Таким образом, легкомысленная игра математическими символами вовсе не составляет греха примитивной философистской мысли, но встречается у выдающихся представителей точных наук и в наше время.

2. Словесные и буквенные суеверия. Единичные вещи, общие представления, обозначающие их слова и буквы, составляющие эти слова, для некультурного сознания сливаются в какое-то магическое единство, так что между буквами слов или слогами и понятиями и вещами имеется не случайная, а существенная связь. По словам Ферреро, в Италии в С. Северино монахи дают прихожанам в качестве целебного средства от болезней глотать бумажку со следующими буквами: I, C, T, V, I, F, O, P, N, P, C, F, P.

Эти буквы означают:

In concepcione tua, Virgo, immaculata fuisti,

Ora pro nobis Patrem, cujus Filium peperisti*.

Буквенное суеверие играет важную роль в еврейском новоплатонизме - в каббале. В Зогаре (= сияние) описывается, как все буквы приходят к Богу, и каждая просит избрать ее в качестве элемента для построения мира. Существуют три толкования скрытого значения букв: 1) Gematria, когда сумма численной значимости отдельных букв одного слова приравнивается численному значению какой-нибудь отдельной буквы. Например, буква shin - 300, численное значение слов дух Господень по-еврейски - 300, значит, и буква Shin означает дух Господень. 2) Notariqon: каждая буква одного слова рассматривается как начальная буква отдельного слова целой фразы. 3) Тетиra: "Новые слова получаются перестановкой букв в том же слове" (см. Lehmann: "Aberglaube und Zauberei", есть русский перевод**).

191

3. Геометрические суеверия. Аналогия между пространственными

отношениями в одном, двух, трех измерениях, а позднее появление

фиктивной геометрии многомерного пространства дали повод многим философам использовать эти аналогии, этот изоморфизм пространственных отношений, для построения целого ряда догадок о природе существ, живущих в 4-мерном или 5-мерном пространстве. Подобные мысли высказывали Фехнер, Целлнер, Гелленбах, Бутлеров и многие другие. Фиктивная конструкция мысли здесь превращалась в реальное бытие, о котором не только высказывались одни умозрительные догадки, но этот новый мир прямо ставился в связь с духами, и допущение его существования служило объяснением спиритических явлений. Несостоятельность теоретической стороны подобных рассуждений показана мною в книге "Законы мышления и формы познания" (стр. 104). Здесь я укажу лишь на то, как изобретательность современных метафизиков связала эту проблему построения 4-мерного мира с определенного рода психическими деятельностями человека, именно упражнением памяти и воображения.

Память и творческое воображение, как известно, участвуют в процессе образования восприятий. Мы вырабатываем в себе способность видеть при помощи экстраполяции и интерполяции воображения не воспринимаемое непосредственно нутро предметов и те части их, которые лежат за пределами нашего непосредственного кругозора. И вот некоторые метафизики пытаются использовать эту нашу способность, полагая, что, научившись путем упражнений видеть каждый предмет сразу со всех сторон, примерно как его пытаются изобразить некоторые художники-футуристы, мы тем самым разовьем в себе искусство видеть вещи не с точки зрения нашего индивидуального, а Сверхличного Сознания, Сознания вообще или, как выражается д-р Хинтон, Высшего Сознания, иначе говоря, мы узрим вещи в себе. Так мы воспринимали бы мир трехмерный, глядя на него из четвертого измерения. "Первое упражнение, приводимое Хинтоном, - пишет П. Д. Успенский ("Четвертое измерение", 1910, стр. 8), - состоит в изучении куба, состоящего из 27 кубиков, окрашенных в разные цвета и имеющих различные названия. Изучив куб, составленный известным образом из меньших кубов, мы должны перевернуть его и изучать (т. е. стараться запомнить в обратном порядке, потом опять перевернуть кубик известным образом и запомнить в таком порядке). В результате, как говорит Хинтон, можно в изучаемом кубе совсем уничтожить понятия сверху и снизу, справа и слева и знать его независимо от взаимного положения составляющих его кубиков, т. е., вероятно, представлять одновременно в различных комбинациях. Это будет первым опытом в уничтожении личного элемента в представлении о кубе".

4. Моральный аллегоризм. Как на первобытных ступенях мысли, так и в новое время мы встречаем у религиозно настроенных философов стремление устанавливать аналогии между миром земным и небесным, физическим и духовным, естественным и моральным. В особенно яркой форме это наблюдается у шведского натуралиста и философа Сведенборга после мистического переворота, пережитого им на 57-м году (1745, род. в 1688 г.). В своих "Arcana Coelestia" (1749-1750) он развивает учение о соответствии (correspondentia) в Св. Писании смысла вещественного и духовного: "Всем предметам и качествам в мире натуральном

есть что-нибудь соответствующее в мире духовном". Так, например, везде, где в тексте Библии говорится о камнях, камне, каменном, - это относится к духовному смыслу - к вере, верности или к истине со стороны ее твердости и т. д. Было бы неосновательно считать данный пример нехарактерным для нормального мышления, усматривая в Све-денборге просто душевнобольного, ибо слабость в пользовании чувством аналогии по своей логической природе совершенно одинакова у всех людей независимо от ее этиологического происхождения (см. о Сведенборге превосходную статью Вл. С. Соловьева "Собрание сочинений", т. IX, дополнительный, стр. 232-245). Не надо забывать, что подобный пример мышления весьма распространен в примитивных и упадочных формах философского творчества.

5. Наряду с рассмотренным нами стремлением философов к симметрии формул и схем тенденция придать изложению системы мира мерность, ритмичность равным образом ведет нередко даже величайших из них к искусственности. Она обнаруживается в двоякой форме. 1) Желание воссоздать в связной форме законченную концепцию мира, развернуть перед читателем генезис космических явлений в рациональной форме побуждает насиловать факты, не принимать в достаточной мере в расчет запутанность, сложность явлений, упрощать их за счет верности их описания. 2) Соответствие данных опыта (внешнего и внутреннего) излюбленным схемам мысли достигается при помощи расплывчатости, неясности основных понятий, благодаря которой можно мнимым образом включить в них неподатливый материал действительности. И тот, и другой недостаток мы наблюдаем у Платона, Аристотеля, Канта, Гегеля, Спенсера, Авенариуса.

Возьмем для примера Гегеля и Спенсера. Оба претендуют, один с панлогической, другой с эволюционной точки зрения, "den grossen Gedanken der Welt noch einmal zu denken"*. На протяжении ряда томов перед нами совершается вальсообразное движение диалектической мысли.

Тезис - переход материи из состояния рассеянного в сплоченное

- интеграция.

Антитезис - из однородного в разнородное - дифференциация. Синтезис - из неопределенного в определенное - спецификация.

Природа, история, право, искусство, философия - все оказывается в своем развитии подчиненным этим ритмически повторяющимся переходам мысли. Однако это покупается ценою чудовищного насилия над фактами. Натурфилософия Гегеля давно уже нашла в себе в этом отношении суровое осуждение, да и другие более ценные части его системы, даже лучшая из всех - история философии, сохранили ценность лишь в отдельных частях, которые, действительно, заключали в себе гениальные догадки. Система Спенсера со стороны фактической также оказалась во многих отношениях неудовлетворительной,

- вспомним хотя бы суровый отзыв об "Основах биологии" Ильи

Мечникова. Но, с другой стороны, обе концепции страдают двусмыслен

ностью основных понятий. Давно установлено частое смешение у Гегеля

понятий противоречия и противоположности. Равным образом и у Спен

сера Лаланд вскрывает двусмысленность в самой формуле эволюции.

193

Лаланд показывает, что Спенсер втискивает процесс развития в свою формулу, употребляя тот же термин то в одном, то в другом значении. По поводу интеграции материи он пишет: "Логическая неопределенность здесь происходит, очевидно, оттого, что то же явление получает то геометрическую, то механическую интерпретацию и что эволюционисты применяют то ту, то другую интерпретацию" (см. Lalande: "Ladissolution, comme opposee a revolution", 1909). Основательную критику "закона развития" Спенсера дает Bernhard Brunhes: "La degradation de l'energie", 1908, p. 343-353. Перенос понятия интеграция на область психической эволюции создает еще большую искусственность, ибо Спенсер утверждает1, что

психика на низших ступенях сознания (например, у червей) находится в состоянии рассеянном, а у высших животных - в состоянии сплоченном, как будто психика была какая-то тонкая жидкость, к которой применимы физические понятия (см. об этом мою статью "Э. фон Гартманн". Русская Мысль, 1906). "Заблуждения философов" в применении их к архитектонической наклонности, к строительству систем искупаются множеством гениальных озарений мысли, рассеянных в их творениях, и только нигилисты и скептики, подобные Ницше, могут говорить: "Я не доверяю всем систематикам и сторонюсь их. Воля к системе есть недостаток честности"*. Великие открытия и великие заблуждения происходят из того же творческого процесса, и Джэмс совершенно прав, говоря: "Важно отметить, что удачные проблески мысли и неудачные, блистательные гипотезы и абсурдные замыслы находятся в одинаковых условиях в смысле их происхождения. Нелепая "Физика" и бессмертная "Логика" Аристотеля проистекают из того же источника. И ту и другую породили те же творческие силы" ("The will to believe" etc., p. 249).

XII. Формальные чувствования в интеллектуальной области в их отличии от эстетических чувствований

Интеллектуальные чувства, описанные нами, как мы видели, имеют сходство с эстетическими, что нередко дает повод к их смешиванию. Делается та же ошибка, которую допустил проф. И. А. Ильин, смешав перевоплощаемость эстетическую с историко-философской. Творчество математическое и техническое иногда чересчур сближается с художественным. Так, проф. А. В. Васильев (в замечательной статье "О принципе экономии в математике") приводит стихи математика Кронекера по этому поводу:

Nonne mathematici veri natique poetae Sunt, sed quod fingunt hosce probare decet!*

1 В данном случае Спенсер сделался жертвою своего "архитектонического инстинкта". Он пишет о себе в "Автобиографии": "Во мне живет художник, непрерывно стремящийся к творчеству прекрасного не в том смысле, в каком обыкновенно понимается это слово, а в смысле той прелести, какая кроется в философском построении. Во мне постоянно жило желание отделать и сделать симметричными как основные, так и второстепенные доказательства моих идей" (см.: "Автобиография", русский перевод, т. II, стр. 256).

194

По словам проф. М. А. Блоха, Вант-Гофф в своей амстердамской лекции "О фантазии в науке" приводит свыше 50 примеров в подтверждение мысли, что ученым присуще художественное чувство, которое Вант-Гофф называет здоровым выражением фантазии. Во многих из приводимых (по Вант-Гоффу) проф. Блохом примеров дело идет не о творческом даровании в искусстве, а о способности к художественному восприятию и даже менее того - о любви к какому-нибудь поэту, причем еще неизвестно, в какой мере эта любовь свидетельствовала о наличности эстетического вкуса. Во всяком случае, здесь может идти речь лишь о корреляции в духе ученого двух различных наклонностей - наклонности к эстетической гармонии, симметрии, эвритмии и архи-тектоничности и наклонности к подобным свойствам в сфере интеллектуальных чувствований. Этого не следует ни в каком случае смешивать. Мне думается, что вполне возможно слабое проявление эстетических наклонностей при необычайно развитой чуткости к гармонии, эвритмии и симметрии в области интеллектуальных чувствований. Прежде чем высказываться об общераспространенности корреляции эстетических и интеллектуальных дарований, надо тщательно исследовать, не встречаются ли instantiae contradictoriae* (см. ценную книгу М. А. Блох: "Творчество в науке и технике", 1920, стр. 18-20).

Батайль в своем "Traite des machines a vapeur" пишет: "Мы глубоко убеждены, что совершенствованием могучих машин, этих действительных источников и двигателей производительности и промышленности в наши дни, мы, несомненно, обязаны людям с поэтическим пламенным воображением, а вовсе не людям односторонним, узким специалистам". Все это бесспорно, и тем не менее интеллектуальные чувствования в творческой фантазии ученого или техника отличаются от эстетических следующими свойствами.

I. Стремление к свободе от противоречий для ученого обязательно безусловно, ибо внутреннее противоречие разрушает самую постройку мыслей. В искусстве, которое непосредственно имеет дело лишь с типическими образами и чувствованиями,

противоречие может получиться в уме зрителя или читателя или: 1) от логической несообразности сюжета, таковая недопустима и в искусстве, или 2) от несообразностей мыслей, высказанных действующим лицом в художественном произведении. Такое противоречие может быть источником умышленного комического эффекта, создаваемого художником, и в таком случае оно является целесообразным. Когда гоголевский герой рассказывает повесть о капитане Копейкине в пояснение догадки, что этот капитан и есть Чичиков, он до самого конца рассказа не замечает реальной несовместимости внешности Чичикова с потерявшим на войне ногу капитаном Копейкиным, что и побуждает его по обнаружении ошибки назвать себя "телятиной".

II. Соответствие данным опыта является безусловно обязательным для натуралиста. В искусстве чувство "реальности" изображаемого не всегда требует близости с изображаемой действительностью. Так, например, через всю историю живописи проходит тенденция изображать евангельские сюжеты, непременно модернизируя их сообразно вкусам того или другого народа, той или другой эпохи, и это не всегда шокирует зрителей (см. R. de la Sizeranne: "Questions d'esthetique", глава "La modernite des evangiles").

195

III. Ясность и отчетливость в развитии научной и философской мысли всегда желательна, а неясность и смутность всегда являются недостатком в ученом исследовании. В искусстве же ясность и отчетливость образов вовсе не являются необходимым условием наивысшего эстетического эффекта - весьма часто тонкие, трудно уловимые и неопределенные переживания могут быть сообщены поэтом, художником или музыкантом именно при помощи пробуждения в нас неясных, отрывочных или неопределенных образов. В импрессионическом и символическом искусстве мы особенно часто встречаемся с умышленной неясностью образов. Однако эта неопределенность никогда не должна переступать известных эстетических пределов, и художественные средства для достижения подобного эффекта должны быть вполне определенными. Так, Лист в симфонической поэме "От колыбели до могилы" заканчивает последнюю часть "Zum Grabe: die Wiege des zuktinftigen Lebens"* фразой, в которой не тоника является последней нотой. Точно так же 4-я картина "Китежа" Римского-Корсакова обрывается на увеличенной кварте для передачи мистического ужаса перед чудесным и непонятным.

IV. Архитектоничность научного произведения, симметрия между его частями - не то же, что архитектоничность симфонии или храма. Мысли всевременны и всепространственны, чувство гармонических отношений между смыслами - не то же, что чувство гармоничности отношений между словами, образами, звуками или математическими символами. Между тем очень часто чувство внешней симметрии схем, формул, классификаций, которое есть элементарное эстетическое чувствование, смешивают с чувством соответствия смыслов и правильности отношений между ними. Происходит это от смешивания актов мысли, синтезирования логических смыслов с ассоциированием предложений, образов, схем или символов (см. об этом ценные замечания у проф. А. И. Введенского: "Психология без всякой метафизики"**). Наклонность к поверхностному строительству систем, руководимому стремлением к внешней стройности, была бы сама по себе невинным заблуждением, и таковым она является нередко в произведениях неудачников философов и больных, страдающих mania inventoria***, мысль которых сбивается нередко на игру внешними ассоциациями. Но когда эстетическая любовь к внешней симметрии сочетается с фанатической наклонностью проводить известную систему огнем и мечом в жизнь, то результаты получаются самые ужасные. Ренан в своей автобиографии рассказывает об одном загадочном господине, имени которого никто толком не знал, а соседи прозвали его M-r le Systeme за его вечно задумчивый и молчаливый, хотя и благожелательный вид, за то, что он вечно сидел за философскими книгами и не принимал никакого участия в окружавшей его жизни. Когда он умер, среди скромной обстановки, в которой он жил, нашли иссохший букет цветов, повязанный поблеклой трехцветной лентой. Позднее оказалось, что этот добрый мечтательный любитель систем был один из террористов, проводивший свою философскую систему в жизнь, проливая потоки человеческой крови. Так эстетические чувствования и стремление к философскому строительству могут уживаться в душе человека с крайней жестокостью. При букете г-на Систэм была найдена записка: "Этот букетик я нес на празднике в честь Высшего Существа 20-го Прериаля 2-го года".

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТВОРЧЕСКАЯ ВОЛЯ

XIII. Понятие воли

Сознание не есть подвижная мозаика психических элементов, механически взаимодействующих между собою, но целостное единство. Это единство проявляется в волевой деятельности. В ней имеются три стороны - интеллектуальные процессы, двигательные акты (с их психическими коррелятами) и аффективные наклонности. Было бы односторонностью придавать одному из этих моментов исключительное значение в проявлениях воли. Сократ и отчасти Платон, Спиноза и Гегель придавали интеллектуалистическое толкование волевой деятельности, выдвигая здесь на первый план процесс обдумывания и не углубляясь в рассмотрение того, каким образом принятое решение воплощается в поступок. Вопрос о том, как объяснить глубокие несоответствия между решением и поступком, слишком мало их интересовал. Другие психологи эмпиристического направления, например Локк, а в новейшее время Рибо, Зиммель, Лай, Дьюи1, сосредоточивают все свое внимание на том, какими условиями определяется переход решимости в поступок. Культура двигательных навыков для них имеет первостепенное значение в воспитании воли. Наконец, третьи подчеркивают стихийную роль инстинктивных и аффективных наклонностей; сюда следует отнести Ницше. Приступая к анализу волевого акта в процессе изобретения научного и философского, мы не должны упускать из виду ни одного из указанных трех моментов волевой деятельности, ибо они органически связаны, взаимно предполагая друг друга. Наряду с указанными, по нашему мнению односторонними, взглядами на воспитание воли существуют и различные понимания того, что составляет самую суть воли как одной из основных душевных способностей человека. С гедонической точки зрения нет никакого специфического волевого элемента в сознании, но воля сводится к стремлению к достижению наслаждений, которые и являются притягивающим мотивом, стремления же слагаются из чувства мышечного усилия, усилий внимания и т. д. Наоборот, волюнтаристическая точка зрения усматривает в сознании человека наличность особого чувства активности, или чувства стремления (Strebensgefuhl - Пфендер, Лосский), которое отлично и от познавательных процессов, и от чувства удовольствия или неудовольствия. Наконец,

1 О Дьюи и его книге "Педагогика мышления" см. мою статью в "Летописи средней школы", 1913 г.

та точка зрения, которую проф. А. И. Введенский называет патемати-ческой, заключается в указании на то, что такого специфического волевого элемента нет, но что волевая деятельность имеет главный импульс, так сказать, подталкивающий в устранении неприятного чувства. Ни одно из этих воззрений не удовлетворяет меня, хотя в каждом из них есть известная доля правды. Я выразил бы мою точку зрения перефразою известного афоризма Лейбница ("Nihil est in intellectu, quod non ante fuerit in sensu, nisi ipse intellectus"*): Nihil est in voluntate, quod non ante fuerit cognitio et affectus, nisi ipsa voluntas, т. е. нет ничего в воле, что бы не было ранее познаванием и чувствованием, кроме самой воли. Человеческое сознание структурно в двояком смысле - его познавательный аппарат имеет определенное строение, не есть tabula rasa, но предполагает непроизводные интеллектуальные функции отожествления, различения, сравнения, узнавания; он обрамлен формами пространства и времени. Форма времени придает сознанию, как целому, характер направленности на будущее. Настоящее и прошедшее определяются прежде всего антиципацией будущего (Cohen: "Logik der reinen Erkenntniss, 1902). Сознание наше структурно и в своей аффективной стороне: оно не есть какой-то гроссбух, где приятные и неприятные чувственные тона ощущений и представлений как-то автоматически сами собой подсчитываются. Корень сознания не в познавательных процессах, как думают интеллектуалисты, и не в чистых чувствованиях без познавательного момента, как думают, например, Горвич, Вейнингер или Гомперц1, ибо, с одной стороны, познавательные процессы неотделимы в жизни сознания, как целого, от чувственного тона ощущений и представлений; с другой стороны, чистые чувствования (удовольствие и неудовольствие) неотделимы от познавательных процессов, в противном случае как могли бы мы отличать более интенсивное или продолжительное удовольствие от менее интенсивного и менее продолжительного? Ведь такое отличение есть интеллектуальная операция. Ясное дело, что чистое чувствование не только нереально, но и логически невозможно как понятие самопротиворечащее. Совершенно верно замечание Иодля ("Lehrbuch der Psychologie", I, 165): "Троичность психических функций при всей бедности психического содержания нужно предположить и у простейших организмов". В первых

стадиях жизни сознания (поскольку они поддаются наблюдению) даны инстинктивные реакции родового характера. Ребенок не стремится к наслаждению и не избегает страданий, но инстинктивно совершает акты аппетитивного или репулъсивного характера (берет грудь, кричит при появлении на свет от холода), и впоследствии оказывается, что эти родовые действия имеют своим результатом удовлетворение коренной инстинктивной потребности. "Движение, - пишет Рибо, - предшествует ощущению. Имеются два рода движений - одни врожденные, унаследованные, как инстинкты, другие, не унаследованные, являются результатом опыта". Первые предшествуют опыту. Мозг не реагирует, как инертная масса, на внешние раздражители, и первичные реакции сознания - не пассивного, но активно-пассивного харак-

1 См. мою статью "Патэмпиризм Генриха Гомперца". - "Ж. М. Нар. Просв.", 1908, № 8 и 1911, № 10.

тера (см. сборник статей "La vie inconsciente et les mouvements", 1914, первая статья). Параллельно развивается стоящая на заднем плане сознания, но все же наличная, смутная познавательная деятельность. Идет она, как верно замечает Рибо, не от единичного к общему, но от среднеобщего, от типических или родовых образов: не данная, именно вот эта трава, но некоторое общее впечатление травы, не данная грудь матери, она могла бы быть подменена незаметно грудью другой женщины, но грудь женщины как родовой образ. Из таких впечатлений средней общности идет дифференциация познания в сторону более конкретного и более общего (см. книгу Рибо "Эволюция общих идей"). Параллельно развитию умственной деятельности с ее ассоциативным механизмом, стремления из простых рефлекторных актов превращаются постепенно в умышленные действия. Развитие сложного комплекса первоначальных инстинктов еще более осложняется образованием привычек на почве механического повторения и сознательного пробования, руководимого умственной деятельностью.

XIV. Чувства ценности и суждения ценности

В области чувствований также развитие идет не от стремления к достижению единичных индивидуализированных наслаждений, но от чувствований средней общности, ибо, как показал Урбан ("Valuation", 1905), у нас существуют, подобно родовым образам, и типические аффективные реакции на сладкое вообще, а не на данный сорт конфет, и чувства оценки потом дифференцируются в сторону более индивидуального и более общего. Как на почве типических образов выявляются понятия и суждения познавательного характера, так на почве чувств оценки возникают суждения оценки, и притом в области творчества непременно суждения объективного характера, т. е. претендующие на общезначимость, а не просто выражающие постоянство наклонностей и вкуса данного лица, чисто субъективного, хотя и типического, характера. Так, деление маленькими детьми людей на "добрых" и "злых" есть выражение примитивных чувств оценки. Добрый - это что-то привлекательное, злой - отталкивающее. Шнейдер справедливо сближает логический акт утверждения с аппетитивными реакциями, а логический акт отрицания - с репульсивными. По примеру его и Джэмс обращает внимание на символический характер утвердительного жеста - кивание головой, напоминающее наклонение головы для принятия пищи, и мотание головой в знак отрицания, подобное движению головы у ребенка, не желающего принимать в рот что-нибудь неприятное, невкусное. Некоторые психологи, к сожалению, выводят из этих фактов совершенно ложное заключение, будто логический акт утверждения сводится к ап-петитивной реакции, забывая, что логическая принудительность суждения имеет объективные основания в совместимости или несовместимости содержаний объектов познания, а не в приемлемости или неприемлемости суждения. Штерринг в своем "Einfuhrung in die Erkennthisstheorie" упрекает Виндельбанда и Риккерта в том, что они в учении о суждении сводят все к "Billigungs und-Missbilligungsgefuhl"*.

Законы мышления невыводимы из актов воли, наоборот, они являются необходимыми условиями существования самой воли. Фуйлье (см. мою статью "Фуйлье" в словаре Брокгауза) верно указывает, что для сохранения развития живого существа необходимо: 1) чтобы природа была действительно доступна познанию - que la nature soit reellement intelligible; 2) чтобы существо реагировало разумным образом (d'une maniere intelligible). Иначе не имело бы место приспособление к

условиям жизни, не было бы и предвидения. Для этого необходимы коренные функции интеллекта: отожествление и различение, опирающиеся на законы тожества и противоречия. Закон противоречия есть равно конституциональная форма мысли и воли. "Противоречие исключено из самой воли". Закон тожества можно так формулировать: je veux, ce que je veux* (подобным же образом Фортлаге называет законы мышления Willenskategorien**). После сказанного легко понять, что гедоническая идея, будто мы стремимся к единичным наслаждениям, или патемати-ческая идея, будто мы избегаем единичных страданий в актах воли, односторонни. Во-первых, привычка может нас заставить стремиться к худшему, а не к лучшему. Для чеховского старого лакея Фирса "воля" представлялась "несчастьем", следовательно, рабство было счастьем. Во-вторых, наши аффективные наклонности структурны - они образуют ряд взаимозависимых чувств оценки большей или меньшей общности, известную иерархию чувственных антиципщий суждений оценки. Это и есть то, что называется интересами, они проявляются в той обостренности нашего внимания к различным сторонам в том же объекте у людей различной профессии. Поэтому привлекательность известного объекта не находится нередко в прямой связи с силою и продолжительностью непосредственно доставляемого им удовольствия, но определяется глубиною связи этих интересов с постоянно желаемым, ценным для нас в зависимости от профессиональных привычек, высоты культурного развития и т. д. Исследование кенигсбергского доцента Арнольда Ковалевского "Studien zur Psychologie des Pessimismus" (1904) может служить яркой иллюстрацией ложного гедонического понимания воли. Ковалевский думает, что пессимизм может быть оправдан психологически, если удастся доказать, что в нашем балансе удовольствий и неудовольствий можно установить асимметрию в виде перевеса в среднем страданий. Существование подобной асимметрии он весьма неудачно иллюстрирует на ряде наблюдений. Вот одно из них, наиболее характерное. В 1892 г. Мюнстерберг для совершенно другой цели вел дневник, в котором отмечал все пережитые им удовольствия и неудовольствия. По подсчету Ковалевского за все время, когда велся дневник, асимметрия чувственного тона выразилась в отношении 2 к 3, т. е. неприятные переживания на 20% превышали число приятных. Не говоря уже о том, что Ковалевский не считается при этом выводе с интенсивностью чувственного тона подсчитываемых переживаний, он не считается с чувством значимости целостного переживания (Totalgefuhl), воображая, что оно определяется алгебраическим суммированием чувственных тонов, привходящих элементарных чувствований (Partialgefuhle), на что указывает Orth в своей рецензии на книгу Ковалевского

200

("Zeitschrift fur Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane", B 41, 1906). По замечанию И. И. Мечникова, если человек испытал за день о мелких неприятных переживаний и лишь одно приятное, но таковым было приглашение на любовное свидание, то вздорность этой мнимо-арифметической апологии пессимизма станет совершенно очевидной (см. "Этюды оптимизма"). Вот почему эстетические, моральные, интеллектуальные, технические, религиозные ценности могут привлекать наше внимание к объектам, не только доставляющим чувственные единичные, моментальные удовольствия, но даже причиняющим нам сильные страдания или вызывающим в нас отвращение.

Наконец, и наши поступки образуют цепь целей и средств. Надо иметь множество навыков, чтобы быть специалистом в своем деле, но специальная деятельность опять же есть средство для осуществления конечной цели существования - быть достойным членом всечеловеческого братства. Точно так же структурна познавательная сторона в нашей волевой деятельности. Мир понятий имеет предпосылками знания наиобщие категории мысли, совокупность самоочевидных истин, на которые опирается вся совокупность понятий и суждений видового и производного характера, нисходящая до типически индивидуального. В установке определений, делений, выводов, в индукции объема мы устанавливаем разнообразные соотношения между общим и частным, так сказать, в "продольном" направлении, в установке корреляции признаков при описании типически индивидуального и при индукции содержания, так сказать, в "поперечном" разрезе, и ставим во внутреннюю логическую связь все эти операции между собою.

XV. Творческий волевой акт: 1) его интеллектуальная сторона

Сказанного, мне кажется, достаточно, чтобы оттенить отличие моей точки зрения от вышеупомянутых мною, и я могу теперь приступить к анализу волевого акта в процессе изобретения. Энгельмейер в "Теории творчества" дает характеристику

главных моментов в процессе изобретения, но, как мы увидим, она непригодна для нашей цели, так как слишком схематична.

1. Акт интуиции и желания.

2. Акт знания и рассуждения, выработка схемы или плана.

3. Акт усилия, конструктивное выполнение изобретения.

Блох в своей книге следует за Энгельмейером.

В техническом изобретении, которое имеет в виду Энгельмейер, постройке машины, которая вполне удовлетворяет заданию, весь практический смысл в проверке изобретения. Между тем в творческой воле идет речь о трех различных видах изобретательности - в постановках проблем, в их решении и их проверке, причем в каждый из этих трех процессов может входить интуиция-догадка, отнюдь не в одну постановку проблемы.

201

I. Правильная постановка новой научной, технической или философской проблемы может быть иногда плодом великой изобретательности и ценна.

1. С педагогической точки зрения. Так, Спенсер, живя на старости лет в летние месяцы в деревне, любил пробуждать в детях фермеров любоз нательность, предлагая им вопросы, требовавшие умения использовать свою наблюдательность и догадливость (см. "Факты и комментарии", 1903, "Кое-какие вопросы", стр. 32-34).

2. Такая изобретательность может иметь огромное эвристическое значение в истории наук и философии. Было бы весьма любопытно собрать у разных философов поставленные и не разрешенные ими про блемы. До нас дошел приписываемый Аристотелю любопытный трак тат . Дидро в "Мыслях по поводу объяснения природы" (1754 г.) говорит о том, что у опытных экспериментаторов вырабатыва ется чутье, граничащее с вдохновением в предугадывании важности из вестных проблем, и он далее высказывает ряд догадок и намечает ряд проблем.

3. Но можно проявить еще поразительную изобретательность в обна ружении ложности постановки известной проблемы. Это мы видим, например, в истории творчества Лобачевского. Существуют доказатель ства невозможности решения проблемы квадратуры круга (их историю дал Монтюкла), perpetuum mobile, общего решения для уравнений выше третьей степени. Сюда же относится огромная заслуга Канта, доказавше го невозможность решения какой бы то ни было метафизической пробле мы. Новое положительное изобретение нередко исходит, как мы видим, из разрушения ложной постановки проблемы у предшественников.

II. Третий вид изобретательности, а именно: 1) изобретательность в поверке догадки, я думаю, по природе волевого процесса, имеющего в данном случае место, ничем по существу не отличается от второго вида изобретательности в решении проблем, ибо нахождение нового метода проверки есть просто разновидность второго случая. Таковы последняя часть Аристотелева "Органона" - "О софистических заблуждениях", "Трансцендентальная диалектика" Канта, учение об идолах Бэкона, таковы методы исправления ошибок в математике и в экспериментальных науках, методы, анализируемые с философской точки зрения Джевонсом в его "Основах науки". Мы уже видели, что интеллектуальную сторону в процессе изобретения представляет ход мысли, выражающийся в синтетическом выводе, причем для образования правильной и подходящей большей посылки важны интеллектуальная подготовленность в форме усвоенного памятью организованного запаса знаний, а также логическая острота мысли, дабы понятия, входящие в состав запаса знаний, отличались ясностью и отчетливостью. 2) Для меньшей посылки - комбинационный дар, богатство и подвижность воображения, комбинирующего известные мысли. 3) Умение же ставить в связь приобретенный запас знаний с комбинационным даром, необходимым для изобретательности, составляет систематичность научного мышления. Никто не может отрицать, например, у Ницше огромный запас организованных знаний и исключительный дар изобретательности, и тем не менее у него бросается в глаза неспособность к систематическому мышлению и даже отвращение к нему.

202

Тенденция к систематичности в области философской мысли приводит в качестве конечной цели к известному понятию о мире conceptus cosmicus, по Канту, или системе мира. Подобные системы в философии качественно отличаются от систем мира в отдельных науках, например под специальным углом зрения астронома (Лаплас), физика, химика, биолога и т. д. Ибо философ объединяет частные концепции мира в единстве сознания с его предпосылками, общими для всех наук о природе и о духе. Это придает философской концепции мира совершенно своеобразный отпечаток. Такая концепция сводится к известному единству мысли, но это нечувственное единство может опираться на известные вспомогательные образы. Поэтому можно говорить и об образе мира, и о понятии о нем. Рационалисты воображали, что эту мысль о мире можно свести к единой формуле, из которой аналитически вытекает все богатство мирового содержания. Эмпиристы, как мы увидим в последней главе, стремятся к конструкции как бы наглядной модели мира и ее готовы отожествлять с понятием о мире. Мистики видят в понятии о мире божественную интуицию, которая постижима лишь путем симпатического вчувствования в нее. На самом деле понятие о мире не есть ни единая формула, ни модель, ни божественная идея, но сокращенно выраженная одним термином (материализм, идеализм, критицизм и т. д.) необозримая множественность синтетических априорных суждений и совокупность наивысших эмпирических обобщений, приуроченных к понятию мира явлений как голого. Человек, посвященный в философию, понимает, что такое вселенная Аристотеля, Канта или Гегеля. Свое понятие он может иллюстрировать схематическими образами, что, например, сделал Шульц в применении к Фалесу, Анак-симену и Анаксимандру (см. книгу "Ionische Mystiker").

Такое понятие всегда должно быть лишено полной законченности. I. Потому что мир, как объект познания, является неисчерпаемым и в смысле полноты эмпирического содержания, и в смысле широты точек зрения - противоположные взгляды на мир сменяются все более и более углубленным пониманием человеческого духа в его коренных многогранностях и многоцветности; и в смысле глубины - логическая связность миропонимания и соответствие его действительности все более и более углубляется, никогда не достигая конца. Все эти три процесса асимптотического характера. Мир, каков он есть, представляет вечное задание, бесконечно отдаленный пункт. II. Потому что философ не может передать на бумагу свою идею мира совершенно в том виде, в каком он ее мыслит, ибо мир мыслей заключает в себе бесчисленные оттенки ясности и сознательности, не передаваемые в словесной форме. III. Потому что я, как и вы, воспринимая чужую концепцию мира, внесем оба в нее элементы истолкования. Таким образом, при изучении философии имеешь дело с тремя идеями мира, последняя - моя собственная идея о мире, скажем Спинозы, а самый объект познания для Спинозы и меня единый мир в себе есть лишь Идея. См. замечательную статью Бергсона: "Философская интуиция" ("Новые идеи в философии", сборник № 1. Философия и ее проблемы). Читатель сам оценит глубокое различие между развиваемым здесь взглядом и идеями Бергсона.

203

XVI. Творческий волевой акт: 2) привходящие в него аффективные наклонности

Параллельно интеллектуальной стороне волевого акта в творческом процессе идет и смена аффективных подголосков, о которых шла речь в предыдущей главе. 1) Процессу подготовительного накопления запаса знаний и деятельности интеллектуальной памяти соответствует аффективная память и притом специфического характера в зависимости от преобладающих интересов и профессиональных наклонностей данного лица. 2) К этому надо присоединить специфическую обостренность внимания. Стэут в своей "Analytical psychology" (глава о внимании) указывает, что мать, крепко спящая у кроватки больного ребенка, не пробуждается от громкого шума, но тотчас же приходит в себя при слабом стоне младенца. Опоздавшие жильцы дома тщетно будят привратника, громко увещевая его открыть дверь, но стоит сказать негромко "Waiter"* - как он тотчас встрепенется. Здесь, очевидно, дело не в силе раздражения, а в глубине соответствующего эмоционального впечатления. 3) От глубины последнего зависит то, что можно назвать аффективным порогом. Последний путем упражнения внимания может быть значительно понижен, что можно наблюдать и у животных. При дрессировании собак, как показал Гаше-Супле, в Зоопедическом институте в Париже, можно было, постепенно ослабляя силу звука, служившего животному сигналом, по которому оно должно было выполнять определенное движение, до такой степени, что присутствующие люди уже не могли этого звука услышать. (На этом приеме построены те представления, на которых собаки и лошади якобы производят сложные математические операции. Так, например, лошадь научили стучать копытом неопределенное число раз, и если дрессировщику нужно было, чтобы лошадь выстукала семь ударов, то после седьмого ей давался незаметный знак, и она останавливалась.) Так и люди могут развить в себе аффективную восприимчивость к едва уловимой для других специфической черте изучаемого объекта. 4) Для повышения аффективной чуткости нередко существенную роль играет контраст. Бебель рассказывает в своей биографии Фурье, что нравственная чуткость и обостренное внимание к социальной несправедливости развились в нем с особенною силою потому, что в юности он имел случай близко познакомиться с теми гнусными приемами, которыми пользуются коммерсанты в современном обществе (см. Бебель: "Шарль Фурье", 1 глава). Утончение и спецификация аффективной восприимчивости могут, разумеется, иметь место в сфере и интеллектуальных, и моральных, и эстетических чувствований. Любопытно, что для этих тонких чувствований в европейских языках имеются термины, заимствованные из области ощущений, наиболее окрашенных чувственным тоном, каковы вкусовые и обонятельные. У индусов в эстетической области также употребляется слово вкус, "раса"; "Er riecht die Wahrheit"**, - цитирует Тиндаль слова Кольрауша по поводу чуткости Фарадея. Способность учуять противоречие в логическом ходе рассуждения или фактическую невозможность известной данной, правильность или сложность известного научного приема, пригодность или непригодность известного художественного приема, нравственность или безнравственность известного по-

204

ступка антиципирует наше уразумение подобного чувства оценки, уразумение, уже выражающееся в суждении о ложности или истинности или вообще приемлемости или неприемлемости данного явления. Можно в этом смысле говорить о нравственном или интеллектуальном безвкусии, но, конечно, только смешение нередко обманчивых чувств оценки с обоснованным и проверенным суждением оценки могло побудить Рескина сказать следующее: "Вкус не только входит как часть и как показатель (index) в нравственность, но он есть сама нравственность" ("The crown of wild olive"). Возможны случаи, когда мы безуспешно антиципируем воспоминания о каком-нибудь факте или мысли продолжительное время и не достигаем желаемого, или находим искомое, или на него случайно наводят нас внешние обстоятельства. Достоевский дает прекрасное описание этого ищущего припоминания в "Вечном муже". Вельчанинов, переживавший болезненное расстройство памяти, которое проявлялось в виде то амнезии, то гипермнезии, чувствует, что нечто ему припоминается (этим нечто была его связь с женой Трусоцкого, которого он не видел 9 лет). Поводом к состоянию ищущего припоминания была фигура Трусоцкого, которая неоднократно появлялась перед домом Вельчанинова, но последний не опознавал в ней своего давнишнего знакомого... "Что-то как будто начинало шевелиться в его воспоминаниях, как какое-нибудь известное, но почему-то забытое слово, которое изо всех сил стараешься припомнить, знаешь его очень хорошо, и знаешь про то, что знаешь его; знаешь, что именно оно означает, около него ходишь, но вот никак не хочет слово припомниться, как ни бейся над ним" (Сочинения, т. V, 1904, стр.

340). Эмоциональные подголоски могут иметь для нас различную степень значимости; чувства оценки образуют градуированный ряд, подобно интенсивности ощущений. Но так как значимость подголоска не определяется лишь силой чувственного тона, каковая не поддается количественному измерению, но также и глубиною отношений к коренным интересам нашей личности, то и тут, конечно, не может быть количественного измерения. Весьма любопытно, что попытка подобного измерения задолго до Фехнера была применена к эстетической ценности писателей. В книге "Curiosites litteraires" (1845) сообщается о попытке дать числовую оценку величайших поэтов: "appreciation numerique des plus grands poetes"; впервые в 1817 г. в "Annales Encyclopediques", t. VI, p. 40, а затем немного позднее англичанин Ackenside дал следующую таблицу (я привожу лишь часть ее), в которой дается числовая оценка различных сторон поэтического творчества.

Общая композиция	Патетическая ситуация	Драматические	Удачдвижения	Вкусность	Колорит экспрессии	Версификация	Мораль оценка	Общая	
Гомер	18	17	18	15	16	16	18	17	18
Шекспир	-	18	18	18	10	17	10	15	18
Эврипид	15	16	14	17	15	14	-	15	17
Данте	12	15	8	17	12	15	14	14	15

205

Не может быть речи о количественном измерении чувства ценности или значимости в области эстетических, моральных или интеллектуальных чувствований, но они как интенсивность ощущений и чувственного тона могут занимать определенное место в градуированном качественном ряду. Я могу антиципировать в эмоциональном подголоске припоминание факта или мысли весьма различного удельного веса в смысле значимости для моей научной работы, искомое может быть несущественной мелочью, интересной подробностью, данною, имеющею значение для разрешения частного вопроса, или такого рода идеею, которая имеет революционное значение, предвосхищает целый переворот в известной области знания. Получается ряд: A, A', A'', A'''... Глубоко верно замечание Урбана, что интенсивность чувственного тона здесь далеко не всегда показательна, так как он притупляется, как сказано, привычкой, а глубина, т. е. чувство значимости, может возрастать. Возможен случай, где интенсивность чувственного тона будет практически почти равна нулю, хотя в общее наше самочувствие (Bewusstseinslage) гедонические элементы и могут привходить в качестве побочных факторов, причем положительное чувство оценки может сосуществовать с неприятными переживаниями, и обратно. Подобную мысль выражает Лессинг в письме к Мендельсону: "Sind alle Leidenschaften, auch die allerungenehmsten, als Leidenschaften, angenehm"* (см. Wilburn Urban: "Valuation, its laws and nature").

Прежде чем перейти от анализа чуткости в процессе усвоения знаний (sagacitas) к проницательности (perspicacitas), которая соответствует второму моменту волевого акта - изобретательности, я считаю нужным сделать два существенных замечания.

I. Как согласовать необходимость хорошей памяти с явными признаками ее патологических дефектов у великого изобретателя? Нечто подобное мы наблюдаем у Фарадея. Он возмещал отчасти недостаток памяти тщательным и методическим ведением дневников и записей. Но это само по себе было бы недостаточным, если бы подобная забывчивость была универсальной. На забывчивость, как мы видели (см. т. 1, гл. IV, стр. 87-90), жаловались многие ученые (Монтень, Руссо), но это была забывчивость по отношению к фактам обыденной жизни, а не к тому, что связано с научными интересами. Но даже в тех случаях, когда амнезия приобретает болезненный характер, она в некоторых случаях может быть связана с такой же болезненной гипермнезией. Подобное сочетание амнезии с гипермнезией прекрасно описано Достоевским в "Вечном муже". У Фарадея же было исключительно богатое, "огненное", как выражается Тиндаль, воображение. Течение мыслей приобретало у него часто столь стремительный характер, что, например, на лекции, когда он начинал слишком быстро излагать свои мысли, ассистент должен был класть перед ним на стол у кафедры доску с надписью "Медленно!". Другое замечание, которое я

хочу сделать, касается влияния на память возбуждающих средств. Наперекор утверждению Бергсона, что творческая память не зависит от "материи", Мечников справедливо напоминает известный факт пользования тоническими средствами для пробуждения деятельности памяти и вдохновения; так, он указывает, что гениальным интуициям Пуанкаре предшествовал прием черного кофе (см. Мечников: "Сорок лет искания рационального мировоззрения", 1914, стр. 17). Вот что пишет Бирвлит о действии умеренной дозы

206

известного яда: Некоторые вещества вызывают гипермнезию, перевозбуждение не только памяти, но и всех умственных способностей, вот почему нередко люди, занятые умственным трудом, прибегают с успехом к алкоголю, табаку, даже морфию. Но после этой первой стадии действия яда, до известной степени благотворной, наступают отупение, ограничение умственных способностей, прогрессирующий упадок памяти, доходящий до полной амнезии" (Van Biervliet: "La memoire", 1902, p. 189). Этот общеизвестный факт побуждает Ломброзо отнести к форменным алкоголикам и Сократа, и Сенеку (см.: "The man of genius", 1891, p. 54).

II. Творческая догадка будет подробно описана и проанализирована нами в следующей главе о "Творческой интуиции". Ее интеллектуальная сторона в области наук и философии заключается в изобретательности, а эмоциональная - в проницательности. Новое понятие изобретается в синтетическом выводе, проницательность содействует изобретательности, как чуткость содействует наблюдательности и усвоению запаса знаний. Мы увидим, что счастливая догадка, требуя богатого и подвижного воображения, в то же время обусловлена всеми условиями вероятной ассоциации, а поскольку последняя зависит от мозговой деятельности, постольку зависит от них и "интуиция".

III. В процессе научного и философского изобретения мысль идет одновременно и от частей к целому, и от целого к частям. Теория и система зарождаются в смутной форме, намечается неясный план работы, но все это по мере разработки частных проблем, образующих детали намечающегося целого, проясняется, приобретает более отчетливые контуры, как постепенно развивающийся зародыш. Вот это-то постепенно дифференцирующееся единство замысла бывает связано с аффективным состоянием, которое можно было бы назвать чувством целостной концепции. Оно служит как бы венчиком первоначального, неясного ядра образов, связанных с основной идеей, в него привходят описанные нами стремления к единству в многообразии, ясности, последовательности, соответствию мыслей действительности, архитектоничности целого. Как в подготовительном подборе мыслей и фактов при соучастии аффективной памяти и деятельности обостренного внимания, так и в моменты частичных проявлений проницательности изобретателем руководит неясно намечающаяся концепция. Вот почему во время творческой работы нередко приходят в голову счастливые догадки и подходящие данные, пригодные не для того, что можно использовать для данного этапа сложной работы, но для какого-нибудь другого, весьма отдаленного момента. Иначе говоря, порядок зарождения счастливых догадок в работе не соответствует порядку логического процесса мысли, но определяется чувством сродства этих частных догадок с общим духом неясно антиципируемого целого. Иногда ученый чувствует, что данная мысль, данные догадки почему-то очень важны для его конечной цели, но почему именно, он не может дать себе отчета. Это замечательное явление, объяснимое только указанными соображениями, наблюдается одинаково и в художественном, и в научном, и в философском творчестве. "Работаешь, бывало, - говорит Римский-Корсаков, - над какой-нибудь сценой из оперы и вдруг замечаешь, что одновременно с сочинением этого номера в голову приходят какие-то на первый взгляд совершенно ненужные темы и гармонии, записываешь их, и, что удивительнее всего, это то, что

207

впоследствии именно эти самые темы и аккорды оказывались как нельзя более подходящими к последующим сценам, о которых, по-видимому, и не думал (сознательно, по крайней мере в эту минуту), когда набрасывал эти сцены и аккорды" (см. мою статью "О музыкальном творчестве". - "Музыкальный Современник", 1915, № 1). Моцарт рассказывает, что счастливые догадки приходили ему в голову, когда он в хорошем настроении духа путешествовал в экипаже, или во время прогулки после хорошего обеда, или ночью во время бессонницы. "Тогда ко мне приходят в изобилии (stromweis) мысли и притом особенно удачные. Понравившиеся мне я удерживаю в голове и мурлыкаю их про себя, о чем мне

сообщали потом окружающие. К запомненному мною вскоре присоединяется и другое, как бы крохи, из которых можно состряпать паштет, то относящиеся к контрапункту, то к тембрам различных инструментов, etc., etc., etc. Все это разогревается в моей душе, именно когда мне никто не мешает, и разрастается в моей душе, и я все дальше расширяю и проясняю все это, и произведение становится вскоре в голове уже почти готовым, так что я обозреваю его зараз в моем духе, как прекрасную картину или красивого человека, и не одно после другого, как оно должно быть впоследствии, слышу я в моем воображении, но как бы все зараз (sondern wie gleich alles zusammen). Это пир (Das ist nun ein Schmauss). Весь этот процесс (Finden und Machen) происходит во мне, как в крепком сладостном сне" ("Schonstarken Traum", см. O. Jahn: W. A. Mozart, 1858, III, 424). Подобные факты наблюдаются и в научной работе. Б. Ф. Шлецер пишет о Скрябине ("А. Н. Скрябин", Берлин, 1923, стр. 49): "Когда он сочинял, работа его никогда не шла в определенном направлении от начала произведения к его заключению: первоначально зафиксированные моменты являлись как бы и определяющими звуковую систему точками, оттуда он словно проводил соответствующие линии; он работал таким образом одновременно над целым произведением, строившимся сразу по всем направлениям, исходя из различных пунктов по плану, разработанному до мельчайших подробностей". В этом отношении был бы чрезвычайно интересен анализ черновых тетрадей и набросков философов, как, например, "Common place book " Беркли, "Reflexionen " Канта, "Nachlass" различных философов. В силу того же психического механизма нас иногда озаряют счастливые догадки во время чтения лекции, которые не относятся в данный момент к делу. Вот почему иногда гениальный мыслитель, отдающийся на лекциях импровизациям, может оказаться с ораторской точки зрения ниже искусного лектора, выполняющего заранее выработанный план, а между тем воспитательное значение (не говоря уже о содержательности) может оказаться в первом случае большим. Мы познакомились с описанием лекции Гегеля со слов слушавшего ее. Если сопоставить подобную лекцию с блистательными ораторскими выступлениями Ройе Коллара или Виктора Кузена, то внешние преимущества изложения у последних окажутся совершенно очевидными, но студенту на таких лекциях не удастся заглянуть в таинственную лабораторию творческого духа.

Подталкивающим импульсом к исканию новой концепции мысли является страдание, недовольство какою-нибудь привычною стороною ранее принятого мировоззрения. Это отмечают психологи, говоря о диссоциации как отправном пункте процесса; на это указывают гносеологи, например Коген, говоря о бесконечном суждении как отправном пункте

208

философского искания; на это обращают внимание и метафизики. Мис-тицист Бергсон здесь сходится с критицистом Когеном. По Бергсону, начало отрицания подобно демону Сократа, который внушал ему, чего не надо делать, - вот зарождающаяся "интуиция": "Наперекор общепринятым идеям и как будто самоочевидным тезисам, наперекор утверждениям, признававшимся до того научными, она шепчет философу на ухо: "Невозможно!" Неприемлем схоластический аристотелизм (Малебранш), неприемлемы ни окказионализм, ни influxus physicus* (Лейбниц), неприемлемы противоречия в понятии конечности и бесконечности мира в себе (Кант), неприемлемо понимание природы как мертвого механизма (Фехнер), неприемлема гипотеза творения (Спенсер), неприемлемы искусственные условия культурной жизни (Руссо)!

Но, кроме подталкивающего импульса, в этом процессе есть и притягательный мотив - тяга к интеллектуальной гармонии, смутное прозрение в сферу нового миропонимания, более истинного и в смысле соответствия реальности (как бы мы ее ни понимали, феноменалистически или метафизически), и в смысле соответствия мыслей между собою. Философское творчество - мучительно радостный процесс! Бергсон в своем замечательно проникновенном и глубоком в психологическом отношении описании философской интуиции (хотя он и дает совершенно ложное и неубедительное метафизическое истолкование описываемым переживаниям) справедливо противопоставляет непрестанно предносящийся сознанию философа идеал миропонимания и более или менее несовершенное приближение к нему, которое он называет образом-посредником - image mediatrice. Но из этой несказанности идеала вовсе не вытекают ни скептическая резиньяция отчаяния, ни мистические порывы в "борьбе со словом" постигнуть истинно сущее каким-то интимным актом симпатического чувствования. Героические усилия творческой воли достойно вознаграждаются глубоким сознанием объективной частичной значимости философского

изобретения, которое мыслитель совершенно ясно отличает от субъективной иллюзии обладания полной истиной.

Frey sein ist nichts,

Frey werden ist der Himmel** (Фихте).

XVII. Творческий волевой акт: 3) привходящие в него двигательные акты; схема сложного состава творческого волевого акта

Перейдем теперь к третьей стороне волевого акта в процессе изобретения и, в частности, философского изобретения. Процессу накопления знания в области движений соответствует накопление двигательных навыков, ведь привычка в известном смысле есть память на движения. Такие навыки должны быть целесообразно связаны между собою, таковы навыки ораторские, графические, технические, экспериментальные, художественные и др. Все они весьма ценны для философа. Умение говорить и писать литературно, владеть техникой естественно-исторического и психологического эксперимента - все это требует культуры двигательных процессов. Даже исследование по истории философии требует умения обращаться с библиографией, работать в архивах, быть знакомым

209

с каталогизацией и т. д. Проблема экономии сил рабочего тщательно разрабатывается в настоящее время. Так, например, Джильбретс занялся преобразованием способов работы у каменщиков (см. Реджинальд Таун-сенд: "Волшебство в изучении движений", пер. Копьева, 1919 г., также замечательную статью акад. В. М. Бехтерева "Личность и труд"; Научно-технический Вестник, 1920. № 1). Было бы вполне последовательно распространить проблему экономии мышечной работы и на людей духовного труда. Исследование процессов работы великих ученых и философов было бы в этом отношении весьма поучительно. Умение экономизи-ровать физические силы, составляющее секрет сноровки опытного квалифицированного рабочего, в той же мере заслуживает изучения, как ловкость, т. е. изобретательность в движениях, вызываемая внезапным изменением условий работы, так сказать моторная интуиция, или догадка. Такая двигательная приспособляемость к непредвиденным изменениям в условиях работы наблюдается даже у животных. Гаше-Супле сообщает, что в Зоопе-дическом институте в Париже проводились следующие опыты над собаками. Дрессированную собаку заставляли производить опасный прыжок через трамплин задом, причем трамплин перемещался, и собака приспособлялась к его передвижениям, бросая перед прыжком каждый раз взгляд назад, чтобы соразмерить силу прыжка с изменением расстояния. Ловкость в изменении физических условий эксперимента составляет существенную черту дарования техника и экспериментатора. Нужно заметить, что среди философов встречаются техники-изобретатели: Эмпедокл дренажем и проломом отверстия в скале, через которое дул ветер, оздоровил местность, не пригодную для жилья благодаря вредным испарениям, Паскаль изобрел счетную машину, Декарт - говорящую куклу, Спенсер - измеритель скорости движения поездов (велосиметр), Джевонс - логическую машину, Фехнер, Вундт, Челпанов - ряд приборов для психологической лаборатории. При выполнении сложного цикла движений, объединенных одною общею целью, важно исходить от целого, т. е. сообразоваться при выполнении отдельного движения с его отношением ко всей целокупности движений. По словам Гаше-Супле, можно научиться перекидывать один за другим четыре шарика одною рукою путем соображения, но чтобы проделать это с пятью шариками, надо отдаться какому-то целостному импульсу, пока рука не приноровится "сама" это производить, вмешательство умысла окажется совершенно бесполезным. Отсюда "волшебное" впечатление, производимое некоторыми фокусами жонглеров. Это мастерство в выполнении сложных двигательных актов представляет поразительную аналогию с приведенными выше фактами неожиданного появления "нужных идей" у художника или философа, проистекающее, как мы видели, от органической связи между собою отдельных моментов сложного замысла1. В научном труде это мастерство выражается в том, что работа спорится и вся объединена стремлением довести двигательные процессы до желанного конца, например осуществление философской системы в совер-

1 Вот почему заучивание сложного двигательного акта не может быть успешно достигнуто заучиванием образующих его частичных движений и их механического объединения в совокупное действие, но необходима целостная антиципация всего действия.

шенно законченном виде. Если мы теперь объединим теснейшим образом связанные между собою интеллектуальные, аффективные и двигательные элементы волевого акта в творческой деятельности ученого или философа, то получим следующую схему:

XVIII. Сужение сферы случайного в творческом процессе.

Корреляция четырех полей испытания. Триада мистической

психологии - интуиция, инспирация и инстинкт

Творческая воля человека находит себе наивысшее и конечное выражение в стремлении не только познать мировое единство, но и преобразить его, усовершенствовать сообразно известному понятию должного. Ницше прав, упрекая (в "Рождении трагедии") Сократа в том, что он внушил человечеству "безумную" мысль не только познать, но и исправить действительность, опираясь на знание и на законы разума. Если подлинными двигателями человеческой воли являются организуемые интеллектом страсти, то эта страсть - тяга к известному социальному идеалу - есть наряду со стремлением познать мир terminus ad quern* творческой воли, в то время как диссонанс между сущим и должным, мучительное чувство противоречий мысли, их несоответствия действительности, контрасты зла по отношению к добру, безобразия по отношению к красоте есть terminus a quo**. Если в религиозной деятельности человека, деятельности преимущественно аффективного характера, в смутной форме таились все роды человеческого творчества, то в философии они находят себе отчетливое, просветленное разумом выражение.

Разумная творческая воля человека вырастает на почве глубоких и сильных страстей. Рефлексы, подражания, трудовые процессы, игра, пробование на ощупь, инстинктивные стремления - вот тот как будто хаотический и беспорядочный материал, из которого загадочно вырастает творчество. Мы уже видели, что первые проявления изобретательности зарождаются на почве рефлекторных движений и подражания, с одной стороны, и уклонения от подражательности - с другой (см. II главу I тома). Эти уклонения выражаются в ряде пробований, руководимых контролем интеллекта (try-try-try reaction). Как в мире животных, так и у человека пробования, действия на ощупь, испытания играют большую роль. Загадочность изобретения подобна загадочности возник-

211

новения целесообразного результата из случайного исчерпывания всевозможных комбинаций. Правда, в процессе творчества человеческого имеется налицо разумная деятельность, регулирующая этот процесс, но и она сама постепенно развилась из простейших интеллектуальных актов отожествления и различения. Стихийное творчество в природе, породившее целесообразные явления, и творчество человека, во всяком случае, представляют замечательную аналогию. Через всю историю философии проходит антиномия разумного, необходимого и случайного. "Вечность - дитя, играющее пешками в войну", - говорил Гераклит. Однажды Кеплер обедал со своей женой и вдруг обратился к ней с вопросом: "Скажи мне, Варвара, что, если бы в мировом пространстве летало множество капель масла, уксуса, частичек соли, перца и сахару, кусочки салата и салатники, как ты думаешь, мог бы как-нибудь при их случайном столкновении образоваться вот этот, стоящий перед нами в салатнике, приготовленный тобою салат?" "Наверное, не такой хороший и не так хорошо заправленный", - ответила жена. В "Салоне атеистов" в XVIII в. однажды обсуждался вопрос, мог ли целесообразно устроенный мир возникнуть случайно. Тогда аббат Галлиани обратился к присутствующим и сказал им: "Представьте себе, что, играя с вами в кости, кто-нибудь подряд десять раз выбрасывает шестерку". Кто-то перебил его: "Это будет значить, что кости фальшивые!" "Я с вами согласен, - отвечал аббат, - и думаю, что там высоко над нами живет Великий Шулер, и кости природы фальшивые ("les des de la nature sont pipes"). Образ мировой игры, где из царства случая возникает разумное, мы встречаем у Ницше. Этот образ приходит в голову тогда, когда размышляешь о стихийности человеческого творчества. Оно как будто и разумно, и случайно. Человек как будто осуществляет цели, к которым предумышленно стремился, с другой стороны, кажется, что это процесс роковой и что его положительный результат проистекает от счастливой случайности. С одной стороны, человек употребляет в процессе творчества огромные усилия разумной воли, с другой стороны, оно осуществляется с какой-то непостижимой роковой легкостью. Это глубокое противоречие творческой

воли обнаруживается очень ярко в разногласиях ученых, описывающих процесс художественного творчества. Одни полагают, что художник достигает разумно намеченной цели, другие, что этой цели он не сознает. В то время как Вундт пишет: "Истинный художник никогда не может указать, какую цель он имеет в виду при создании определенного творения", Георг Гирт требует, чтобы художник при своей внутренней работе имел в виду ясно поставленную цель (см. Мейман: "Введение в современную эстетику", стр. 108-109*. Эта двойственность в "Мейстерзингерах" прекрасно выражена Вагнером в словах Ганса Закса о песне Вальтера:

Lenzes Gebot,

Die susse Noth.

Die legten's ihm in die Brust,

Nun sang er, wie er musst,

Und wie er musst, so konnt er's,

Das merk ich ganz besonders!**

212

Это удивительное сочетание, по-видимому, несоответственных начал имеет место во всех родах творчества. И в философии, как чудно сплетаются в творце культура произвольного усилия разума, Spontaneitat der Vernunft* Канта, и стремление отдаться сладкому року (Die susse Noth Вагнера - amor fati** Ницше).

Чтобы уяснить себе роль случайных пробований в процессе творчества, надо перечислить все указанные нами выше факторы, взаимодействие коих суживает сферу случайного в процессе изобретения: 1) Биологическое расширение поля творческой деятельности - аккумуляции первичных наклонностей, благоприятствующих образованию сложного комплекса подобных наклонностей, пригодного для данного рода творчества, путем наследственности. 2) Социологическое расширение поля творческой деятельности - культурный уровень эпохи, влияние круга чтения, школы, экономических и политических условий. На этой почве в индивидуальном сознании изобретателя уже складывается при непрестанном участии все более и более проясняющейся разумной деятельности сознания психофизическая подготовка мозга и сознания в виде аккумуляции организованного запаса знаний, аффективной чуткости и координации двигательных процессов. Только на этой почве вступают в свои права изобретательность, ловкость и проницательность. Таким образом, пробование, нащупывание, имеющие, разумеется, место и в этой подготовительной работе в самом процессе изобретения, осуществляются не на tabula rasa сознания, вероятность счастливой догадки чрезвычайно повышается всеми этими подготовительными процессами. Эти пробования под контролем разума осуществляются в творческой работе по разным направлениям в различных, так сказать, полях испытания, между которыми, опять же под верховным контролем мышления, существует непрестанная корреляция.

1. Комбинаторика фактов. Чем большим запасом организованных фактических знаний располагает ученый или философ, тем более ему приходится в данной области работы при исследовании причинной или вообще законосообразной связи выбирать для экспериментирования; в этом выборе, разумеется, играют роль его знания, но он не может обойтись и без пробований. Так поступает всякий экспериментатор, в том числе и философы (Декарт, Лейбниц, Кант, Спенсер). Так, например, Фарадею, "чтобы напасть на те условия опыта, при которых предположенная догадка или идея, как выражается сам Фарадей, могла быть оправдана опытным путем, ему приходилось проделывать сотни и даже тысячи неудачных опытов" ("Фарадей", биография Абрамова).

2. Комбинаторика мыслей. В области мышления точно так же в виде того, что Мах называл Gedankenexperimentum***, происходит у ученого и философа непрестанное пробование. Иногда та же мысль фигурирует в одном периоде философского развития в качестве аргумента в пользу одной точки зрения, а в другой период, когда взгляды философа глубоко изменились, та же идея служит обоснованием для диаметрально противоположного толкования. Очевидно, мысль двигалась ощупью, и неудачный умственный эксперимент побудил к его возобновлению

в другой обстановке. Так, Кант в докритический период творчества усматривал в несовпадении симметричных фигур свидетельство в пользу трансцендентной реальности пространства, а в критический период то же

213

несовпадение симметричных фигур приводится им как аргумент в защиту трансцендентной идеальности пространства.

3. Комбинаторика точек зрения. У художников она выражается в пробованиях относительно идеальной перевоплощаемости в своих мыслен ных героев, относительно их характеров и ситуаций. "Война и мир" Толстого возникла "как бы случайно". 17 ноября 1864 г. Толстой пишет: "Вы не можете себе представить, как мучительна эта предварительная работа глубокой пахоты того поля, на котором я принужден сеять; обдумать и передумать все, что может случиться со всеми будущими людьми предстоящего сочинения, и обдумать миллионы возможных сочетаний, для того чтобы выбрать из них 0,000001-ную, ужасно трудно, и этим я занят". Художники иногда играют в карты, загадывая на судьбу героев своих будущих произведений: "Играя в пасьянс вечером, он всегда почти что-нибудь загадывал о своем будущем романе" (Бирюков. Биография Л. Н. Толстого, ч. II). Совершенно такой же факт сообщает в "Revue philosophique" (1913 г., статья о "механизме творческого воображения") Костылев о Виллье де Лилль Адане. Здесь в буквальном смысле слова "воображенье свой пестрый мечет фараон". У философа и ученого такая комбинаторика имеет место, когда он мысленно становится на другую точку зрения, например в полемике, при сочинении диалога, главным же образом такие пробования в перевоплощаемости наблюдаются в последовательных периодах развития философа. Кант был сначала вольфианцем, потом ньютонианцем, потом поддался влиянию Юма, потом (после опубликования "Nouveaux Essays" Лейбница в 1765 г.) вернулся в диссертации "De mundi sensibilis atque intelligibilis forma etc."* к догматизму, и лишь в письме к Герцу 1772 г. видна окончательная решимость порвать с догматизмом.

4. Наконец, комбинаторика форм выражения, пробование в области стиля и вообще борьба со словом, стремление выработать ясную и отчет ливую терминологию для передачи своих совершенно новых мыслей, для которых нередко не существует подходящих терминов. Последнее сочинение Канта "Uebergang von der Metaphysik der Natur zur Physik"** дает нам возможность видеть, какая масса попыток делается филосо

фом, чтобы подыскать подходящее выражение для мысли, которое

постепенно выявляется, как и сама мысль.

Таким образом, в творческом духе ученого и философа могут взаимодействовать четыре различные сферы или поля испытаний - под непрестанным контролем мысли. Совокупность всех этих взаимодействующих процессов настолько сложна, что было бы совершенно непостижимым, как может единое внимание так быстро перемещаться, ибо бывают случаи в творческой работе, когда пользование четырьмя полями испытания зараз является необходимым. Здесь происходит нечто подобное тому, когда очень сильный шахматист играет сразу четыре партии без доски "вслепую" или когда в минуту опасности столкновения капитан корабля должен проявить самообладание, давая сразу нужные распоряжения в трюм, матросам, наблюдая за туманной далью и справляясь с нужными инструментами. Без признания огромной роли в данном случае чуткости, проницательности и чувства целостной концепции, о которых я подробно говорил, тут немыслимо было бы получить желаемый результат. Механизм координации нескольких полей пробования

214

может пояснить пример из Бергсона, который имеется в его замечательной статье "Интеллектуальное усилие". Шахматисты второго сорта, играя вслепую, при каждом ходе представляют себе всю доску с фигурами в известном расположении, которое изменяется при каждом новом ходе. Но шахматисты первоклассные, играя на четырех досках заглазно, не представляют себе ни одной доски, но чувствуют расположение всех фигур при каждом ходе в форме какого-то эмоционального подголоска, играющего роль символа, замещающего восприятие доски. Чтобы определить, какими качествами должен обладать капитан корабля, который должен владеть собою в минуту опасности, разделяя работу мысли и активность внимания между несколькими сферами испытаний, Гуго Мюнстерберг придумал следующий опыт. Дают испытуемому 24 карточки, из которых на каждой напечатано в совершенном беспорядке 48 гласных - 4 ряда по 12 прописных букв A, E, O, U:

Испытуемый должен в наикратчайший срок растасовать карты так, чтобы в одной из четырех полученных пачек преобладало A, в другой - E, в третьей - O и в четвертой - U. Время, затраченное на опыт, измеряется хронометром. Оказывается, что для одних это занятие крайне мучительно, и они затрачивают на него много времени, причем даже когда они делали мало ошибок, их внимание до того парализовалось постоянными колебаниями, что они не испытывали уверенности в успехе. Другие действуют быстро и самоуверенно, но совершенно неудачно. Но есть группа лиц, которые производят этот опыт не только сравнительно быстро, но и с незначительным числом ошибок; характерно при этом, что самый эксперимент представляется им в большинстве случаев приятным и интересным умственным занятием. Здесь во всех случаях испытуемый следует общему впечатлению, которое он получает от множества букв. Возможность тайного подсчета исключена требованием наикратчайшего срока для выполнения задачи ("Психология и экономическая жизнь", 1912, глава "Опыты с мореплаванием"). Наблюдение Бергсона и эксперименты Мюнстерберга крайне поучительны для понимания того магического, сказочного впечатления, которое производит творческий процесс. Творчество есть причудливое сочетание упорного труда и свободной непринужденной игры. Философ, подобно ребенку, с которым сравнивал Гераклит вечность, "пешками играет в войну". "Мы воображаем Платона и Аристотеля, - говорит Паскаль, - в длинных платьях педантов, а они были просто честными людьми (honnetes gens), и, как и другие, смеясь в кругу своих друзей, когда им вздумалось написать "Законы" и "Политику", они сделали это играючи". А Лейбниц в письме к Pfaff'у по поводу его "Теодицеи" пишет: "Et miror neminem hactenus fuisse, qui lusum nunc meum senserit"* (письмо 12 мая 1706 г.). В другом месте он пишет: "Neque enim philosophorum est rem semper serio agere, qui in fingendis hypothesibus, uti bene mones, ingenii sui vires experiuntur"** (Acta Eruditorum, март, 1728 г. Обе цитаты из книги Olle-Laprune: "Les philosophes"). С другой стороны, бросается в глаза тот

215

напряженный труд, который привходит во все фазы творческой деятельности, труд, без которого вся эта свободная игра была бы совершенно бесплодной. Кроме игры и труда нужно еще отметить то, что можно было бы назвать творческим досугом.

Мыслитель "одержим", как и художник, занимающей его идеей, и в смутно-сознательной форме творческий процесс продолжается и в перерывы от работы, вплетаясь незаметным образом в самые разнообразные состояния и бодрствования, и сна. Возможность замещать операции мышления продуктами аффективной чуткости, проницательности и чувством целостной концепции дает возможность экономизиро-вать силы. Без помощи описанных операций, которые называют иногда "интуитивным мышлением"(см. проф. А. И. Введенский: "Психология без всякой метафизики", где имеется превосходная глава по этому вопросу), сложность творческой деятельности представляла бы человеку непреодолимые препятствия для достижения желанной цели. Термин "интуитивное мышление" мне не нравится, так как расплывчатость термина интуиция дает повод к постоянным недоразумениям, и потому лучше везде избегать его, сохраняя за ним исключительно значение сверхрационального, мистического постижения истинно сущего, т. е. то значение историко-философское, а не психологическое, которым определяется сущность мистицизма или интуитивизма. Интуиция есть термин, пригодный не для обозначения определенного психического состояния или рода познания, чувствования или воли, но для определенного притязания известной группы мыслителей на особый способ постижения истинно сущего. В то время как слова perspicacitas, sagacitas имеются в классической латыни, термин intuitio позднего происхождения. Intueor имеет активный смысл - не столько смотрю,

сколько всматриваюсь. Слова: intuitio, intuitus и intuitivus

в классической латыни отсутствуют, появляясь впервые у Боэция. Intueor встречается у поэтов редко (например, у Горация), у Вергилия и Лукреция его вовсе нет. Христианское pistis* не есть интуиция. В настоящем исследовании я тщательно избегаю его, пользуясь терминами догадка, чуткость, проницательность, придавая этим последним терминам вполне отчетливое и специфическое значение. Существуют три философских термина, имеющие между собою нечто общее: интуиция, инспирация (вдохновение) и инстинкт - мистическое познание (divinatio), мистическое одушевление (богодухнове-ние) и мистическое действие (теургия). Это - триада мистической психологии, в которой нашему рассмотрению подлежит теперь понятие инстинкта, которое еще не изъято из обращения и в области биологии, не говоря уже о психологии. Но будет, может быть, время, когда и это сложное понятие заменено будет несколькими более ясными. И Метерлинк ("Жизнь пчел"), и Бергсон ("Творческая эволюция"), и Гартманн ("Философия бессознательного"), и другие мистицисты сходятся между собою в том, что считают так называемые инстинктивные действия животных, а также и человека не объяснимыми никакими способами истолкования. Инстинкт - это естественное чудо: естественное в смысле постоянно наблюдаемого явления, чудо - в смысле полной необъяснимости в свете научного истолкования. Единственный способ не понять, а примириться с существованием подобного чуда, - это признать, что оно есть проявление "непостижного уму" божественного "действа". Когда перепончатокрылый парализа-тор, колючий аммофил, дает десять последовательных уколов в десять

216

нервных центров гусеницы, хватает ее за голову и жует ровно столько, чтобы вызвать паралич, а не смерть (иначе она сгнила бы), то, по Бергсону, иное истолкование этого явления немыслимо, кроме предположения мистической интуиции, которая научает животное относительно уязвимости личинки (служащей ему пищей). А источником такой симпатии является невидимое соучастие в жизни природы Бога, которого Бергсон называет жизненным порывом, или изначальным порывом (elan vital, elan originel). С другой стороны, у лиц, враждебных мистицизму, есть тенденция отрицать самый факт существования инстинктов или истолковывать инстинкты как результат разумной деятельности животных. Если первая тенденция выражена в древности в новоплатонизме, то вторая - в скептической школе. Так, например, Секст Эмпирик, а за ним Монтень склонны приписывать животным высшие логические операции мысли. Любопытно, что и у мистиков, и у скептиков имеется при этом общая тенденция - унизить умственные способности человека. Так, у древних скептиков сообщалось наблюдение над собакой, которая, добежав в поисках хозяина до распутья трех дорог, обнюхала две и тотчас же побежала по третьей, не обнюхивая последней. Монтень пишет по этому поводу: "Хризипп... должен признать, что в собаке происходит следующий ход мыслей (discours): "Я бежала за хозяином по его следам, на этом месте перекресток; необходимо предположить, что он прошел по одной из трех дорог, но он не шел ни по этому, ни по этому пути, следовательно, он, несомненно, пошел по тому, по третьему"; и что, уверившись своими рассуждениями и выводами, собака уже не пользуется своим чутьем на

третьей дороге, не исследует ее более, но поддается силе разума (s'y laisse emporter par la force de la raison). Не сохраняет ли ту же ценность эта диалектическая черточка (trait) и применение разделительного силлогизма (propositions divisees et conjoinctes) и исчерпывающего перечисления возможностей, все равно, научилась ли этому собака от природы, или от Георгия Трапезундского?" (Essais, кн. II, гл. XII). Знаменитый английский биолог Уоллес в книге "Философия гнезд" утверждает, что птенцы научаются вить гнезда у своих родителей, парадокс, от которого сам Уоллес должен-был отказаться в последующих сочинениях. Совершенно обратная тенденция замечается у древних стоиков и сторонников механического истолкования явлений животной жизни - многих материалистов и Декарта с его учением об автоматизме животных. Поразительное предвосхищение основной идеи Декарта можно найти у Плутарха в его полемике со стоиками. Он пишет: "Те, у кого хватает глупости и дерзости утверждать, что животным не знакомы ни радость, ни злоба, ни страх; что ласточка не собирает запасов, а пчела не одарена памятью; что только кажется, будто ласточка одарена предусмотрительностью, лев - злобою, самка оленя - страхом, не могли бы ничего возразить, если бы им сказали, что в таком случае у животных нет ни зрения, ни слуха, ни голоса, а это только кажется, будто они видят, слышат и издают звуки, что они, собственно говоря, не живут, а только кажется, что они живут. Потому что второе не больше противоречит очевидности, чем первое" ("De anima brutorum"). Со времен Декарта в биологии постоянно развивалась тенденция к полному "разоду-шевлению", если можно так выразиться, животных. Она продиктована страхом, будто психологическое истолкование поступков животных несовместимо с механическим детерминизмом. Между тем при таком взгляде

217

пришлось бы или признать, что люди также неодушевлены, или признать, что в людях в противоположность животным имеется душа, одаренная свободой воли, которая нарушает детерминированность в движениях человека. Таким образом, в этом пункте материалисты подают руку спиритуалистам - и тех и других объединяет половинчатый дуализм духа и тела. Кто признает животных одушевленными и не отвергает в то же время психологического детерминизма, тот не станет на такую одностороннюю точку зрения. Для объяснения загадочной пророческой природы инстинкта как психического явления у человека необходимы три условия: 1) предположение наличности не только одушевленности, но начатков умственной деятельности у животных (способность отожествления и различения); 2) изначальную наличность первичных наклонностей аппетитивного (питание и размножение) и репульсивного (самосохранение) характера и 3) совокупное влияние наследственности, естественного отбора, привычек, непосредственных влияний окружающей среды. Именно с такой точки зрения производит в течение четверти века свои исследования над "генезисом инстинктов" Гаше-Супле (см. замечательную книгу "La Genese des instinctes", 1912). С одной стороны, он подвергает блестящей критике тенденцию некоторых зоопсихологов, устраняющих у животных "психизм" и стремящихся свести их инстинктивные проявления к тропизмам, т. е. к физиологическим реакциям на непосредственные воздействия окружающей среды. С другой стороны, он разрушает иллюзии относительно "разума" животных, объясняя мнимо-разумные действия при помощи ассоциативного механизма. Но самое интересное, что заключает в себе его книга, - это применение экспериментального метода к вопросу об изменяемости инстинктов. Много лет занимаясь в Зоопедическом институте в Париже дрессированием животных, исследуя, как путем дрессировки животным прививается неудержимая наклонность выполнять сложные действия, кажущиеся для наблюдателя, не знакомого с механизмом дрессировки, в высшей степени разумными и целесообразными, Гаше-Супле стремится разгадать пророческую природу естественных инстинктов. Мы увидим ниже (в V главе), какое косвенное значение имеют его идеи для изучения инстинктивной стороны в человеческом творчестве, но можно сказать заранее, что всякая попытка "научно" объяснить интуицию, инспирацию или инстинкт есть вполне законная, но по существу дела бесконечная проблема. Видеть в инстинкте сверхрациональное явление так же ошибочно, как считать возможным окончательно и раз навсегда исчерпать ту задачу. Ни организм, ни человеческое творчество не сводимы к конечному механизму, физическому или психическому. Загадки духа неисчерпаемы, и бесконечно сложны структура и функции того древа знания, которое изучал Фауст:

Когда вдруг у меня вставал перед глазами Весь нервный ствол с его отростками, ветвями, Тогда я восклицал, подкупленный догадкой: Так вот где вижу я то древо знанья, О чем нам говорят библейские преданья!

(Ленау)

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

"ТВОРЧЕСКАЯ ИНТУИЦИЯ"

XIX. Психологическая реконструкция творческого процесса. Творческая интуиция ученых

Математика. Механика. Астрономия. Физика. Химия. Технология.

Физическая география. Биология. Антропогеография. Статистика.

Политическая экономия, социология и история. Филология

Я поставил это заглавие в кавычки, так как полагаю, что не существует никакой творческой интуиции как особого творческого акта, который не разлагался бы без остатка на описанные мною переживания чуткости (т. е. памяти на чувства ценности или значимости известных образов, мыслей или движений), проницательности (т. е. умения пользоваться теми же чувствами ценности в комбинационной работе воображения, мышления и двигательных процессов) и чувства целостной концепции (т. е. опять же способности учуять по эмоциональным подголоскам сродство между собою образов, мыслей или движений, организуемых нами в направлении известной конечной цели). При помощи замечательного изобретения остроумного рабочего, печника Джильб-ретса, автостереохроноциклографа1, можно воспроизвести в наглядной форме сложные и в высокой степени целесообразные движения искуснейших рабочих, разложенные в кинематографическом фильме на их составные моменты, и тем дать пример для подражания. Нечто подобное можно будет получить когда-нибудь путем психологического и философского анализа творческой интуиции великих изобретателей. Но в этом направлении в настоящее время делаются лишь первые шаги. Не надо забывать, что воспроизведение самого сложного двигательного акта, направленного к известной цели, при помощи кинематографической модели - нечто неизмеримо более простое, чем психологическая реконструкция, хотя бы в крайне идеализированной форме, творческого процесса в духовной области. Для этого необходимо располагать огромным материалом, полученным путем изощренного самонаблюдения самих изобретателей и экспериментальной разработкой проблемы, о чем речь будет ниже. Теперь мы располагаем лишь немногими фрагментами той идеальной фильмы, которую удастся воссоздать когда-нибудь в далеком будущем. И перед нами здесь, разумеется, бесконечное задание, к которому возможны лишь более или менее грубые приближения.

1 См. Реджинальд Таунсенд: "Волшебство в изучении движений", 1919, стр. 17.

219

Настоящее исследование представляет попытку разработать проблему изобретения именно в этом направлении. Надеюсь, читатель не посетует на изобилие приведенных ниже иллюстраций, я же скорблю о скудности и отрывочности собранного материала и усердно прошу ученых, техников-изобретателей и философов поделиться со мной1 интереснейшими подробностями их творческого процесса. Удельный вес их творческой догадки при этом не имеет значения - она может быть и весьма скромной по своему значению, и весьма крупной по своим размерам. Чем подробнее подобные сообщения, тем более они являются ценными для психолога и философа.

Я предлагаю вниманию читателя длинный ряд показаний различных выдающихся ученых о тех путях, которыми они дошли до известной счастливой догадки в той или другой научной области. Примеры расположены по рубрикам наук: математика, механика, физика, химия, технология, биология, история, языкознание.

Творческая интуиция ученых Математика

Араго. "Вместо того чтобы упорствовать в уразумении какого-нибудь математического положения во время заседания, я провизорно применял его в качестве истинного. На другой день, к моему удивлению, я в совершенстве понимаю то, что накануне казалось мне неясным" (см. Myers: "The human personality").

Гаусс. "В течение четырех лет редко проходила неделя, чтобы я не попробовал путем тех или иных тщетных попыток распутать эти узлы, с особенным азартом, преимущественно за последнее время. Тем не менее все потуги, все усилия были

тщетны, и всякий раз я должен был с грустью откладывать перо. Наконец дня два тому назад я добился результата, но не благодаря моим ревностным поискам, а, я прямо сказал бы, по милости Божией. Загадка разрешилась, точно молния сверкнула, я сам не был бы в состоянии восстановить нити между, с одной стороны, тем, что я раньше знал, что входило в мои предшествующие попытки, и тем, что привело к желанному результату" (Письма Гаусса к Ольбергу. См. Katz: "Psychologie und mathematischer Unterricht", 1913).

Р. Гамильтон. "Однажды, в 1847 г., я почувствовал, что гальванический ток мысли замкнулся мгновенно: решена была задача, мучившая меня 15 лет, затем последовало чувство интеллектуального облегчения" (речь идет об изобретении кватернионов).

Остроградский. Работал Остроградский нерегулярно: несколько времени ничего не делал, как бы ожидая наития свыше, а потом просиживал целые дни и ночи, и тогда уже никто не должен мешать ему; в это время он и лекций не посещал. Часто после серьезных и продолжительных

1 Прошу прислать эти сообщения по адресу: Praha-Smichov, nabrezi Legiz, 27 и p. Linke, на мое имя.

220

занятий вдруг открывается дверь кабинета, выходит в туфлях великий математик и начинает бегать и прыгать с детьми и племянницами; при этом он любил давать им какие-нибудь характерные названия: та у него была Кисанька, эта - Ястреб и т. п. Но стоило промелькнуть у него в голове какой-нибудь гениальной мысли или новой математической комбинации, как он моментально бросал и Кисаньку, и Ястреба и снова запирался в своем кабинете. Про минуты вдохновения Остроградского его племянница рассказывает следующее: идет он раз по Петербургу, а впереди едет карета; вдруг у него зарождается какая-то гениальная мысль, он, догоняя карету, чтобы записать эту мысль, кричит кучеру: "Постой! Куда спешишь! Я сейчас!" (Трипольский: "М. В. Остроградский", 1902, стр. 80). О последних минутах его рассказывают следующее: когда больной был уже на смертном одре, окруженный родственниками и близкими знакомыми, у него, должно быть, родилась какая-нибудь важная идея, он попросил бумагу и карандаш и торопливо сказал одному из родственников: "Пиши, пиши скорей!" Но тут голос ученого умолк навеки, и его, быть может гениальная, мысль унесена им в могилу (Трипольский, op. cit., стр. 84).

Эйлер. Кондорсе в упомянутой выше "Eloge" пишет об Эйлере: "По правде сказать, ход мыслей, которым он руководится, не столько есть метод, поддающийся систематическому развитию, сколько род своеобразного инстинкта (une sorte d'instincte particuliere), в котором трудно было бы дать отчет, и нередко Эйлер предпочитал вовсе не сообщать истории своих мыслей, чем давать повод подозревать себя в том, что он сочинил занимательную историю (un roman ingenieux), да притом еще задним числом (fait apres coup)" (op. cit., стр. 12). "В одном из сочинений Эйлера имеется ученый мемуар, трактующий об одной механической проблеме. Первая идея этого мемуара, по словам Эйлера, была внушена ему одним стихом Энеиды" (op. cit., стр. 35).

Пуанкаре. "В течение двух недель я старался доказать, что не существует никакой функции, аналогичной тем, которые я впоследствии назвал фуксовыми функциями, я тогда был еще несведущим; ежедневно я садился у своего рабочего стола, проводил за ним час или два, перебирал большое число комбинаций и не приходил ни к какому результату. Однажды вечером я выпил, вопреки моему обыкновению, черного кофе и не мог заснуть. Идеи возникали в моей голове толпами: я чувствовал, как они как бы сталкивались до тех пор, пока две из них не сцепились, так сказать, образуя устойчивую комбинацию. Утром я установил существование одного класса фуксовых функций, происходящих из гипергеометрического ряда; мне оставалось только редактировать выводы, что отняло у меня всего несколько часов".

"Затем мне хотелось выразить эти функции через посредство частного двух родов; эта идея была совершенно сознательна и обдуманна; я руководился аналогией с эллиптическими функциями. Я задал себе вопрос, каковы должны быть свойства этих рядов, если они существуют, и без труда пришел к образованию рядов, которые я назвал тетафуксовыми".

"Затем я покинул Кан, где я тогда жил, чтобы принять участие в геологической

экскурсии, предпринятой Горным училищем. Перипетии путешествия заставили меня забыть о моих математических работах; по

221

прибытии в Кутанс мы сели в омнибус для какой-то прогулки; в момент, когда я ступал на подножку экипажа, у меня вдруг явилась идея, которая, по-видимому, не была подготовлена ни одной из предшествовавших мыслей, что преобразования, к которым я прибегал, чтобы определить фуксовые функции, тождественны с преобразованиями неэвклидовой геометрии. Я не сделал поверки; у меня не было для этого времени, потому что я, сев в омнибус, тотчас же принял участие в общем разговоре, но в этот момент я уже был вполне уверен в правильности моей идеи. По возвращении в Кан я проверил вывод, продумав его спокойно, для очистки совести".

"Затем я принялся за исследование некоторых вопросов арифметики, без особого видимого успеха, не подозревая, что эти вопросы могут иметь хотя какое-нибудь отношение к моим предыдущим изысканиям. Потеряв, вследствие неуспеха, охоту к занятиям, я несколько дней ходил гулять на берег моря и думал о совершенно иных вещах. Однажды, когда я прогуливался по крутому берегу, у меня явилась идея, как всегда краткая, внезапная и представляющаяся безусловно верной, что арифметические преобразования неопределенных квадратных тройных форм тождественны с преобразованиями неэвклидовой геометрии".

"Возвратившись в Кан, я обдумал этот результат и вывел из него следствие: пример квадратичных форм и показал мне, что здесь были налицо фуксовые группы, отличные от тех, которые соответствуют гипергеометрическому ряду; я увидел, что и к ним можно применить теорию тетафуксовых рядов и что, следовательно, существуют фуксовые функции, отличные от тех, которые вытекают из гипергеометрического ряда и которые были единственными из известных мне до тех пор. Естественно, я поставил себе задачу построить все эти функции; я повел систематическую осаду и взял все передовые укрепления одно за другим; однако держалось еще одно из них, падение которого должно было повлечь за собою падение всей крепости. Но все мои усилия вначале привели только к тому, что я лучше познал всю трудность задачи, а это уже составляло кое-что. Вся эта работа была совершенно созидательна".

"Затем я уехал в Мон-Валериан, где должен был отбывать воинскую повинность; мои заботы, стало быть, были очень разнообразны. Однажды я шел по бульвару, и вдруг в моей голове появилось решение той трудности, которая раньше остановила меня. Я не попытался немедленно же проникнуть в глубь его, и только по окончании службы я вновь занялся вопросом. У меня были все элементы; мне оставалось только их собрать и привести в порядок. Затем я быстро и без всякого труда окончательно редактировал свой мемуар".

Механика

Об Архимеде, как известно, существует предание, согласно которому гидростатический закон, открытый им, пришел ему в голову, когда он брал ванну, что побудило его выскочить из нее с криком: "Эврика!"

222

Астрономия

Кеплер пишет об открытии 3-го закона: "Восемь месяцев тому назад передо мною блеснул первый луч света, за три месяца я увидел день и, наконец, несколько дней тому назад удостоился созерцать само лучезарное солнце. Я предаюсь моему энтузиазму и не стесняюсь похвалиться перед смертными своим признанием: я похитил золотые сосуды египтян, чтобы создать из них храм моему Богу вдали от пределов Египта. Если вы простите меня, я порадуюсь, если укорите, снесу укор. Но жребий брошен, я пишу мою книгу. Прочтется ли она современниками или потомством, мне нет до этого дела - она подождет своего читателя. Разве Господь Бог не ждал 6000 лет созерцателя своего творения?" (Предтеченский: "Кеплер", стр. 70-71).

Ньютон. О нем биограф Пембертон пишет: "Однажды осенью 1655 г. в Woolsthorpe, когда Ньютон сидел в саду, он предался размышлениям о силе тяготения. Ввиду того что эта сила не уменьшалась заметным образом на отдаленнейших, доступных нашему наблюдению, расстояниях от центра земли, ему представилось основательным

заключение, что эта сила может распространяться значительно далее, чем это принято думать. Почему не на высоту луны? - сказал он себе. А если так, то, быть может, ее движение им обусловлено, и она удерживается этою силою на своей орбите"1.

Физика

Гельмгольц. Допуская возможность установки известного обобщения путем непрерывной методической работы, Гельмгольц, однако, далее говорит: "Однако в других случаях догадки возникают внезапно, без предварительного напряжения, как вдохновение. Поскольку дело касается моего личного опыта, могу сказать, что они никогда не возникают при мозговом утомлении и за письменным столом. Ранее наступления такого момента мне приходилось всегда столь часто разбирать исследуемую проблему со всех сторон, дабы я мог все ее изгибы и сплетения свободно перебирать и пробегать в голове, не обращаясь к письму; добиться этого без продолжительной подготовительной работы большею частью невозможно. Затем для получения хороших результатов необходимо, чтобы после минования вызванного работой утомления наступил час полной физической бодрости и спокойного самочувствия. Нередко это имело место... утром при пробуждении, на что однажды указывал также и Гаусс (W. B. V. S. 609. "Das Inductionsgesetz gefunden", 1833, 23 Januar, Morgen, 7 Uhr, vor dem Aufstehen). Особенно же часто это случалось в Гейдельберге в солнечную погоду при восхождении на лесистые горы. Однако малейший прием алкогольного напитка, по-

1 Ньютон отмечает подготовительные стадии открытия словами: "Предмет, тускло освещенный, как в сумрачный день, все более освещается и засиял ярким светом". Анекдот о падении яблока, сообщенный впервые Вольтером, заслуживает доверия, несмотря на сомнения, высказанные Гауссом.

видимому, был противодействующим подобной настроенности" (Helmholz "Tischrede - Vortrage und Reden", B. I, 1896. S. 15).

Фарадея часто осеняли внезапные догадки. По свидетельству Тиндаля, Фарадей целыми днями ходил по комнате и размышлял, отвечая на вопросы, что он обдумывает "идею", о которой ничего не может сказать, прежде чем проверит ее опытом ("Фарадей", биографический очерк Абрамова, 1892, стр. 70).

Ю. Майер неоднократно говорит, что его ряд идей явился, когда он на рейде в Сурабайе пустил кровь нескольким матросам и, найдя венозную кровь слишком светлой, сначала подумал, что задета артерия. Узнав, что это общее явление под тропиками, он нашел объяснение этого явления в сильном уменьшении окислительных процессов: при высокой внешней температуре организму для сохранения собственной теплоты нужно незначительное горение. Что животная теплота порождается окислением пищи, было известно со времен Лавуазье. Майер стал размышлять о том, что произойдет, если тело будет производить кроме теплоты еще и работу. "Я в некоторые часы чувствовал себя как бы вдохновленным и ни раньше, ни позже ничего подобного не переживал. Некоторые мысли пронизывали меня, подобно молнии (это было на рейде в Сурабайе), тотчас с силою овладевали мною и наводили меня на новые мысли" (см.: "Великие люди" Оствальда, глава о Майере. Цитата взята мною из весьма ценной работы проф. химии М. А. Блоха "Творчество в науке и в технике, 1920, стр. 12).

"Галилей, - пишет Риньяно, - открыл интуицией при виде качающейся лампады (каковую и он сам, и другие видели столько раз, не усматривая в этом ничего интересного) изохронность качания маятника. Интуиция, очевидно, обязана своим происхождением случайному совпадению внешнего факта и помыслов (preoccupations) его духа относительно измерения времени, помыслов аффективной природы" (Rignano. "Scienza").

Химия

Кекуле. "Однажды вечером, будучи в Лондоне, я сидел в омнибусе и раздумывал о том, каким образом можно изобразить молекулу бензола C6H6 в виде структурной формулы, отвечающей свойствам бензола. В это время я увидел клетку с обезьянами, которые ловили друг друга, то схватываясь между собою, то опять расцепляясь, и один раз схватились таким образом, что составили кольцо. Каждая одною заднею

рукою держалась за клетку, а следующая держалась за другую ее заднюю руку обеими передними, хвостами же они весело размахивали по воздуху. Таким образом пять обезьян, схватившись, образовали круг, и у меня сразу же блеснула в голове мысль: вот изображение бензола. Так возникла вышеприведенная формула, она нам объясняет прочность бензольного кольца".

Менделеев. О завершающей творческий процесс интуиции Менделеева заслуженный профессор Александр Александрович Иностранцев любезно сообщил мне в высшей степени интересные вещи. Однажды, уже

224

будучи секретарем физико-математического факультета, А. А. зашел проведать Менделеева, с которым, как ученик и близкий друг, был в непрестанном духовном общении. Видит, Д. И. стоит у конторки, по-видимому в мрачном, угнетенном состоянии.

- Чем вы заняты, Дмитрий Иванович?

Менделеев заговорил о том, что впоследствии воплотилось в периодическую систему элементов, но в ту минуту закон и таблица еще не были сформированы. "Все в голове сложилось, - с горечью прибавил Менделеев, - а выразить таблицей не могу". Немного позднее оказалось следующее. Менделеев три дня и три ночи, не ложась спать, проработал у конторки, пробуя скомбинировать результаты своей мысленной конструкции в таблицу, но попытки достигнуть этого оказались неудачными. Наконец под влиянием крайнего утомления Менделеев лег спать и тотчас заснул. "Вижу во сне таблицу, где элементы расставлены, как нужно. Проснулся, тотчас записал на клочке бумаги, - только в одном месте впоследствии оказалась нужной поправка". "Возможно, - добавляет профессор Иностранцев, - что этот клочок бумаги сохранился и до настоящего времени. Менделеев нередко пользовался для заметок неиспользованными полулистиками почтовой бумаги от полученных им записок". К сказанному в пояснение нужно еще добавить следующее. Д. И. принадлежал к ярко выраженному типу зрительного воображения. Его "визуализация" была исключительной силы. С этой чертою согласуется его любовь к шахматной игре и к живописи. На журфиксах Менделеева собирались художники; здесь профессор Иностранцев встречался с Шишкиным и Крамским. Д. И. обладал совершенно исключительной работоспособностью, причем он мог двое-трое суток не спать и не отрываться от работы, как это было и в вышеприведенном случае. Но зато он мог спать подряд богатырским сном сутки. Профессор Иностранцев рассказывает, что однажды ему довелось съездить в Орловскую губернию к помещику Анцыферову для обследования железной руды (она оказалась, по исследованию проф. Иностранцева, сферосидеритом). Менделеев поехал вместе с А. А., который решил, не теряя времени, приступить к геологическому обследованию трех оврагов (дело было в декабре). Иностранцев, поужинав, лег пораньше, чтобы в 6 часов утра выехать на разведку. "И я поеду", - заявил Менделеев. Однако утром никакими способами не оказалось возможным поднять Д. И. А. А. вернулся к 7 часам вечера на другой день, - и что же оказалось? Менделеев еще не вставал с постели, он проспал без перерыва около суток и лишь на следующий день осмотрел вместе с проф. Иностранцевым другой овраг. Д. И. вводил близких людей в свою духовную лабораторию, причем нередко резко и азартно защищал свою точку зрения. Когда же убеждался, что в чем-нибудь был действительно не прав, чистосердечно сознавался в этом, заявляя: "Ну, простите, а я-то все глупости говорю". Проф. Иностранцев вспоминает и другой случай, когда Менделеев поделился с ним своим новым открытием.

Этот случай относится к более раннему времени. Однажды Менделеев, крайне редко ходивший в гости, зашел вечером к Иностранцеву. В присутствии хозяина, его жены и проф. Докучаева, который в то время был ассистентом Иностранцева, Менделеев стал излагать свою гипотезу

225

происхождения нефти и просил делать возражения. Дружеская беседа за чайным столом и оживленные споры затянулись до 4 часов утра.

Оствальд сообщает, что ему однажды пришла в голову счастливая догадка во время прогулки в Тиргартене при ярком сиянии солнца на красивой лужайке.

Померанцев (метеоролог) однажды преобразовал во сне химическую формулу.

Профессор Н. Е. Введенский пишет о Сеченове: "Как-то Иван Михайлович не появлялся дня два в лаборатории, потом он пришел, и я видел его прогуливающимся здесь без дела. Я обратился к нему с вопросом: "Вы были больны, И. М.?" - "Нет, меня страшно занимает один вопрос, занимает настолько, что я не могу спать и боюсь сойти с ума". Из дальнейших разговоров выяснилось, что в это время его занимала теория состава легочного воздуха. Теоретические соображения и математические выкладки, с помощью которых он нашел возможным решить вопрос, каков должен быть состав воздуха внутри легких (состав, отличный, конечно, от состава внешнего атмосферного воздуха и от содержания газов в крови), занимали его и волновали так сильно, пока этот вопрос не получил для него ясную и определенную форму, что это обстоятельство не давало ему спокойно спать. Состояние то же, какое бывает с поэтом, когда его осеняет вдохновение, прежде чем оно выльется для него в окончательную форму" (см.: "Иван Михайлович Сеченов", 1906, стр. 22-23). Сам Сеченов в своей "Автобиографии" пишет: "В первый же год моего профессорства кончились мои мучения из-за судьбы моей работы с ССЬ. Судьба словно сжалилась надо мною, послав мне в голову мысль испробовать, не оправдается ли найденный мною закон растворения газа в объемно-разжижаемых соляных растворах, если вместо СОг растворять в соляных растворах соль, индифферентную к соли растворителя. С этою целью я стал разыскивать в литературе этого вопроса случаи, где растворитель разжижался бы, как в моих опытах с СО2, в объемном отношении. Такой случай был найден в исследованиях Bodlander'a, и мне оставалось только подвести данные его опытов под формулу: у = хе- х/у, чтобы убедиться в приложимости закона к растворению солей в соляных растворах. Несколько позднее московский химик Яковкин подтвердил своими исследованиями этот результат в более общей форме. Таким образом, я добрался-таки до универсального ключа к обширному классу явлений" ("Автобиография", 184).

Технология

Энгельмейер в своей книге сообщает, как Вэнгам превратил симметричный стереоскопический микроскоп Наше в двойной изобретением двойного окуляра. Для этого надо было разделить пучок света из объектива так, чтобы одна половина пучка шла по-прежнему в один окуляр, а другую половину отклонить несколько в сторону - во второй окуляр. Вэнгам долго не мог придумать нужной ему формы призмы. Как-то раз ему пришлось заняться своим инженерным делом, и он отложил недели на две свое исследование устройства микроскопа. Од-

226

нажды вечером, по окончании дневной работы, когда он читал какой-то глупый роман, совсем не думая о своем микроскопе, форма призмы, совершенно отвечавшая его цели, ясно представилась его сознанию. Он достал чертежные инструменты, вынул диаграмму и вчертил требуемые углы. На другое утро он сделал призму и нашел, что она вполне отвечает своей цели.

Джемс Уатт искал решение следующей проблемы: "Для того чтобы создать совершенную паровую машину, необходимо, чтобы цилиндр был так же горяч, как и пар, входящий в него, и чтобы пар подвергался охлаждению ниже 100°, дабы он мог полностью проявить свою силу". Проблема была разрешена им внезапно: "Однажды, в начале 1765 года, я вышел на прогулку в ясный субботний полдень. Я вошел в ограду через ворота у конца Чарлоттстрит и миновал старый дом с прачечной. В это время мысли мои были заняты машиной, и уже дошел я до хижины пастуха, когда мне пришло в голову, что пар, будучи упругим телом, мог бы ринуться в пустое пространство и при наличии сообщения между цилиндром и опорожненным сосудом мог бы хлынуть в последний и мог бы быть сгущен там без охлаждения цилиндра. Далее я увидел, что мне нужно отделаться от сгущенного пара и от воды (injection watr), если я применю водомет, как в ньюкоменовой машине. Тут мне представились два пути к достижению этой цели. Во-первых, вода могла быть спущена (run off) при помощи сточной трубы (descending pipe), если бы спуск (off-set) достигал (could be got at) 35-36 футов - тогда любой воздух мог бы быть увлечен малым насосом. Другой путь заключался в том, чтобы сделать трубку достаточно широкой для выталкивания и воды, и воздуха. Не успел я дойти до пристани, как весь замысел (whole thing) уже сложился в моей голове" (см. Andrew Carnegie: "James Watt", 1898, p. 41-42).

Сэмьюэль Браун занимался изучением искусства постройки мостов. Жил он у реки Твид и однажды задумал построить через нее мост, который отличался бы

прочностью, не будучи слишком дорог. Прогуливаясь по своему саду в одно осеннее утро, он заметил паутину, протянутую через дорожку, по которой он шел. В ту же минуту ему пришла в голову мысль, что подобным же образом можно построить мост на железных цепях. Результатом такой догадки было изобретение его известного висячего моста (Smiles: "Selfhelp", III).

Профессор Н. Н. Гернет обратила мое внимание на чрезвычайно интересное указание, которое дает Гельмгольц о том, как он открыл глазное зеркало. Гельмгольц открыл его, занятый другими задачами, так сказать, попутно: "Мне предстояло изложить ученикам теорию свечения глаза, разработанную Брюкке. Последний был, собственно, на волосок от изобретения глазного зеркала. Он только замедлил поставить себе вопрос, какой оптической картине принадлежат исходящие из светящегося глаза лучи. Для имевшейся им тогда в виду цели постановка этого вопроса не была необходимостью. Если бы он поставил его себе, то так же бы скоро нашел ответ, как и я, и возникла бы идея глазного зеркала. Я рассматривал проблему со всех сторон, чтобы выяснить, как лучше всего изложить ее слушателям, и при этом наткнулся на упомянутый вопрос. На основании моих занятий по медицине мне хорошо была

227

известна нужда глазных врачей в приборах для определения тех состояний глаза, которые объединялись тогда под общим названием черного бельма, и я тотчас же взялся за устройство инструмента из очковых стекол и покрывающих стекол микроскопических объектов. Вначале им трудно было пользоваться. Если бы я теоретически не был уверен, у меня, может быть, не хватило бы настойчивости довести дело до конца. Но спустя восемь дней на мою долю выпала величайшая радость - быть первым человеком, перед которым находилась живая человеческая сетчатка" (Оствальд: "Герман Гельмгольц", 1919, стр. 29-30).

Морзе (изобретатель телеграфа) рассказывает, что, будучи на пароходе и разговаривая в каюте, он услышал, как кто-то спросил, влияет ли на скорость электричества длина проволоки? "Нисколько, - последовал ответ, - оно проходит моментально по самой длинной проволоке". Этот разговор вызвал у Морзе идею пишущего телеграфа.

В "Metaphysical Review" за 1895 г. сообщается о Морзе следующее: "Иногда я отправляюсь в помещение телеграфа и слежу за работой, производимой там, и снова все это мне представляется чудом (wonder all comes back), превышающим мое понимание. Я с трудом могу освоиться с тем фактом, что это - мое дело, мне кажется, что это сделал кто-то другой через мое посредство" (см. статью "Intuition and divination).

Эдиссон искал способов зафиксировать на чем-нибудь волны человеческого голоса: "Я случайно напал на открытие, что это можно сделать, проделывая опыты с совершенно другою целью. Я был занят прибором, который автоматически передавал Морзову азбуку на другую цепь, причем лента с оттисками букв проходила через валик под трассирующей шпилькой. Пуская в ход этот прибор, я заметил, что при быстром вращении валика, по которому проходила лента с оттисками, слышался звук. Я пристроил к аппарату диафрагму с особым приспособлением, которая могла бы воспринимать звуковые волны моего голоса и вытаскивала бы [их] на каком-нибудь материале, укрепленном на валике. Я остановился на пропитанной парафином бумаге и получил прекрасные результаты. При быстром вращении валика оттиснутые на нем знаки, по которым проходил трассирующий штифт, повторяли вибрации моего голоса, и через особый передающий прибор с другой диафрагмой я явственно различал слова, как будто говорила машина. Я сразу увидел тогда, что задача воспроизведения человеческого голоса механическим путем была решена" (Каменский. "Эдиссон").

Шефер (изобретатель древесной бумаги), гуляя в саду, обратил внимание на то, как работают осы над устройством гнезда. Как известно, осы употребляют для устройства своих гнезд волокна лишенного коры и от действия атмосферы одряхлевшего дерева. Осы с невероятной быстротой выпускают отдельные волокна и, одновременно выделяя изо рта особенную клейкую жидкость, смачивают ею волокна и скатывают таким образом небольшой тестообразный шарик, который, засыхая, принимает вид листка бумаги. По словам Шефера, не сделай он этого наблюдения, ни он, ни кто-нибудь другой, быть может, не додумались бы до идеи делать бумагу из дерева (см. Яковлев: "Изобретатели и изобретения").

Брюнель - изобретатель машины для рытья туннелей, сообщает, что идея проведения туннеля (под Темзой) была внушена ему движениями

228

teredo navalis (корабельного древоточца), небольшого червя, покрытого цилиндрической пластинкой, который проедает самое твердое дерево (см. Гольмс: "Чудеса человеческой изобретательности", из Эдинбургской Энциклопедии).

Физическая география

П. А. Кропоткин. "Установление главных направлений азиатских гор, отвечающих действительности, стало задачей, приковавшей на много лет все мое внимание".

"Я начал с самого начала: собирал все барометрические измерения прежних наблюдателей, вычислял по ним высоты сотен горных вершин. Все геологические и физические наблюдения прежних исследователей я наносил на большую карту. Эти подготовительные работы потребовали целых два года. Затем следовали месяцы напряженного раздумья, чтобы внести в хаос отдельных наблюдений смысл и порядок. Вдруг одним ударом словно блеск молнии осенил меня: все мне стало ясно и понятно. Человеческая жизнь не знает много таких наслаждений, как то, которое мы испытываем при внезапном откровении истины, которую искали долго и терпеливо. Тот, кто раз в жизни испытал эту радость, никогда ее не забудет: тот постоянно будет ждать ее повторения. Но болью наполнит его сердце сознание, что подобное счастье доступно лишь немногим, в то время как его в большей или меньшей степени могли бы испытать многие, если бы наука и досуг не были привилегией ничтожной кучки людей" ("Записки революционера", гл. IV, стр. 190).

Биология

Клод Бернар. Ему однажды принесли с рынка в анатомический кабинет кроликов. Заметив, что эти кролики мочились, и обратив внимание, что моча была прозрачной и кислой, как у плотоядных, а не мутной и щелочной, как у травоядных, он внезапно заключил, что кролики голодали и питались собственной кровью: "Мой дух сделал это сближение самопроизвольно. Дух мой был поражен фактом, вызванным случайностью, и тем, что именно этот факт натолкнул на мысль и что здесь нет эксперимента, но лишь мгновенная перцепция сходства. Весь этот механизм (открытия) перечит методу Бэкона, согласно которому для индукции требуется большое количество фактов, установка существенных сходств или совпадений, опирающихся на статистику. В интуитивной идее (l'idee intuitive) также имеется налицо индукция, но индукция спешная, внезапная (precipitee), возникшая при первом же усмотрении сходства или совпадения" (см. интересную брошюру - Abraham Netter: "L'intuition dans la decouverte scientifique", 1858).

Профессор Б. М. Словцов любезно сообщил мне о себе следующее (пишу с его слов). Он заметил, что в процессе усиленной работы над какою-нибудь научною, а иногда и житейскою проблемою догадка нередко приходит в голову внезапно во сне или, лучше сказать, неглубо-

229

ком сопорезном состоянии, которое наступает после того, как мозговая энергия уже в значительной мере восстановлена 5-6 часами сна. Сознанию грезящего предносится множество всевозможных комбинаций - не мыслей, а соответствующих им зрительных схем, или символических образов, причем эти пробования сопровождаются чувством мучительного напряжения, которое сменяется чувством необыкновенного облегчения, если схвачена комбинация, ведущая к решению проблемы. Как в последнем случае, так и тогда, когда решение задачи не удалось, за сопорёзным состоянием следует до конца ночи глубокий сон. По пробуждении догадку большею частью удается припомнить. Вот конкретный пример подобной догадки. Требовалось истолковать присутствие сычужных ферментов (свертывающих молоко) у животных немлекопитающих (например, у жуков), а также у растений. Чтобы отгадать в подобных случаях назначение подобных ферментов, надо было перебрать мысленно множество химических возможностей, что и привело в конце концов в описанных условиях к раскрытию истинной роли этих ферментов, которая заключалась в превращении жидких белков в твердое состояние. По замечанию проф. Словцова, которое мне представляется чрезвычайно важным и новым, описанное сопорёзное состояние отличается от сновидений в собственном смысле слова тем, что в сновидениях часто наблюдается

хаотическая смесь образов, между тем как здесь можно констатировать известную организованность процесса комбинирования образов и изоляцию этого процесса от случайных побочных впечатлений. Подобные догадки наблюдались проф. Словцовым и наяву. Так, например, ему совершенно внезапно пришла в голову мысль об удачном преобразовании некоторой химической формулы, когда после утомительного подъема на Альпах он наконец достиг вершины горы и ему внезапно открылся поразительно живописный вид.

Дюбуа-Реймон: "Мне в моей жизни иногда приходили в голову хорошие мысли, и я при этом наблюдал себя. Эти удачные мысли всегда приходили в голову совершенно непроизвольно, без всякого предварительного размышления о данном вопросе" (из книги "Ueber die Phantasievorstellungen" Oelzeit-Nevin'a).

Гёте сообщает, что в 1790 г. он нашел на еврейском кладбище в Венеции череп овцы, рассеченный в продольном направлении; при рассматривании черепа у него мелькнула идея, что лицевая часть образуется тремя позвонками.

Окен говорит, что в 1806 г. он, гуляя по горам в Гарце, подобрал где-то череп оленя и, рассматривая его, воскликнул: "Да это позвоночник!"

Вирхов допускает, что совпадение обоих рассказов - единственное в своем роде, но прибавляет, что открытие решительно одинаково вероятно в обоих случаях, так как оба ученых были на пороге открытия (см. Lewes: "The life of Goethe", 1864, v. II, p. 111-114).

Про Кювье рассказывает мисс Ли, что он попросил одного знакомого снять каменную "рубашку" с ноги окаменевшего скелета животного, и, когда это было сделано, он схватил кость и закричал: "Я нашел мою ногу!"

Дарвин имел случай наблюдать в Южной Америке сходство различных видов, сходство ныне живущих млекопитающих (edentes) и грызунов

230

с ископаемыми. Затем наблюдал изменения животных и растений под влиянием искусственного подбора. Но он не находил решения загадки, как подбор, аналогичный искусственному, осуществлялся по отношению к организмам. И вот решение возникло при чтении книги Мальтуса "О принципах населения". "Я был хорошо подготовлен продолжительными наблюдениями над растениями и животными, чтобы оценить надлежащим образом повсюду наблюдаемую борьбу за существование, и мне внезапно пришла в голову идея, что при этих условиях благоприятные изменения имеют тенденцию сохраняться, а неблагоприятные - уничтожаться".

Уоллес в 1854 г. изучал Малайский архипелаг. Ему приходит в голову мысль о зависимости географического расположения видов от геологических изменений. Это для него первый шаг к признанию происхождения новых видов путем изменяемости. Спустя три года Уоллес, размышляя во время припадков перемежающейся лихорадки над объяснением происхождения видов, наткнулся на счастливую мысль приложить к животному миру воззрения Мальтуса, и тут у него впервые явилась идея естественного подбора. Написанная сейчас же по выздоровлении и посланная в Европу статья "О стремлении разновидностей бесконечно удаляться от первоначального типа" послужила поводом к тому, чтобы Ч. Дарвин по настоянию своих друзей издал извлечение из своего труда "О происхождении видов", так как было очевидно, что он и Уоллес шли, независимо друг от друга, одним и тем же путем и даже оба натолкнулись на идею существования естественного отбора, приложением к животному миру идеи Мальтуса.

Жена палеонтолога профессора Агассиса сообщает (см. "Recherches sur les poissons fossiles", Cyclopoma spinosum Agassiz, v. IV, p. 20-21): "В течение двух недель мой муж старался определить рыбу на куске камня, в котором она окаменела. Усталый и озадаченный отложил он наконец свою работу, стараясь более и не вспоминать о ней. Немного спустя он проснулся ночью, уверенный, что во время сна он видел окаменелую рыбу с вполне восстановленными недостававшими ранее частями тела. Но когда он старался удержать и закрепить виденный образ, то виденное ускользало от него. Тем не менее рано утром муж отправился в Jardin des Plantes, думая, что, увидя снова каменный отпечаток, ему удастся что-нибудь заметить, что бы могло вызвать виденный во сне образ. Но напрасно: смутное воспоминание оставалось все таким же неясным. В следующую ночь он видел снова рыбу, но

результат получился не более удовлетворительный. При пробуждении виденное исчезало из памяти, как и прежде. Надеясь, что и в третью ночь может повториться то же, он, ложась, положил у постели карандаш и листок бумаги. И действительно, поутру он увидел во сне рыбу сперва неясно, но наконец с такою отчетливостью, что он уже не мог иметь никаких сомнений насчет ее зоологических примет. Еще полусонный, в полной темноте, он набросал ее характерные особенности на бумаге, с вечера положенной у его постели. Утром он поспешил в Jardin des Plantes, и, руководствуясь рисунком, ему удалось, соскоблив поверхность камня, найти скрытые до сих пор части рыбы. Рыба, очищенная от слоя камня, вполне соответствовала виденному во сне, равно как и рисунку, и он без

231

затруднения классифицировал ее" (см.: Джон Бигелоу. "Тайна сна", 1904, пер. Г. Парадовской с англ., с предисловием академика И. Р. Тарханова, стр. 15-16).

Невропатолог и психиатр академик В. М. Бехтерев любезно сообщил мне, что ему случалось наблюдать на себе появление внезапных счастливых догадок во сне или утром тотчас по пробуждении и что при этом существенную роль играла исключительная концентрация внимания на изучаемой проблеме перед сном.

Антропогеография

П. П. Семенов-Тянь-Шаньский любезно сообщил мне следующее: "В 1897 г. я занимался разработкой данных первой всеобщей переписи. Желание их популяризировать, с одной стороны, материальная нужда - с другой и некоторые дополнения к новому немецкому изданию Бэдекера по России, в которых я помогал отцу, - с третьей послужили к созданию мною плана многотомного издания "Россия - полное географическое описание", которое и стало осуществляться с 1898 г. В то время я окончательно убедился, что добросовестно трудиться над научной разработкой переписи в тогдашних черносотенно-бюрократических условиях Министерства внутренних дел, где я служил, совершенно немыслимо, я стал "глядеть в лес". Весной 1900 г. я имел несчастье потерять моего первенца от не распознанной вовремя скарлатины. Возлагая значительную долю вины на себя лично, я летом 1900 г. находился в крайне удрученном состоянии (по случаю смерти сына). К осени открылась возможность перейти на службу в Министерство финансов. Здесь в мое распоряжение был передан огромный сырой статистический материал промыслового обложения по каждому торговому и промышленному предприятию в отдельности, и мне была предоставлена carte blanche на производство над этим материалом, какую найду нужной, научной работы. Ознакомившись с материалом, я решил произвести по нему подробное территориальное описание торговли и промышленности России с группировкой его по естественным волостным районам взамен искусственных губернских и уездных, обычно разбивающих своими границами экономическую жизнь в несоответствии с действительностью, и выделить при этом все значительные торгово-промышленные пункты. Мозаика была чрезвычайно сложная. Прежде всего требовалось разгруппировать торговые и промышленные специальности в возможно меньшее число легко обозримых групп. Разбирая материал в тесном помещении, я нашел, что раскладывать его на столе неудобно и недостаточно, притом обозрительно. Нужно было подумать об уменьшении площади раскладки. У меня стояла коротенькая этажерка с 4-мя полками. Стал раскладывать на ней во всех 4-х этажах, чем достиг порядочного уменьшения площади раскладки. На каждой полке помещалось по две стопки материала, в общем на этажерке 8 стопок. Отсюда у меня возникла классификация всех отраслей торговли на 8 групп и всех видов промышленности также на 8 групп, сведенная впоследствии за выбросом одной промышленной и одной торговой групп (перевозочной и посред-

232

нической) к 7 торговым и 7 промышленным типам. Думая о том, как изобразить картографически всю сложную мозаику торговли и промышленности России на одном листе, я невольно уподоблял их проявления и единицы уличной толпе, среди которой проходил по Невскому; отсюда, с одной стороны, возникала мысль построить карту торговли и промышленности по принципу карт густоты населения (т. е. по величине торгово-промышленного оборота, приходящегося на одного жителя, подобно тому как карты плотности населения изображают количество жителей, приходящееся на квадратную единицу пространства), а с другой, невольно глядя на пуговицы прохожих, я пришел к заключению, что на той же карте можно изобразить и значение отдельных торгово-промышленных пунктов в виде различной величины кружков,

увеличивающихся пропорционально сумме их торгово-промышленного оборота. Когда подобного рода схема стала предо мною во всей своей стройности, я впервые после своего длительного удрученного состояния испытал какое-то неизъяснимое блаженное состояние, и мне казалось, что все прохожие мне сочувствуют. В результате получились статистико-географический труд и карты, построенные на совершенно новых принципах. Толчок к новому творчеству был дан, и вскоре я, увлекавшийся стройностью таблиц периодической системы Менделеева и почвенной классификации проф. Сибирцева, составил свою таблицу элементов, составляющих Европейскую Россию, таблицу, использованную мною лишь в 1915 г. в труде "Типы местностей". Тогда же зародились в моей голове и были записаны и все остальные антропогеографические идеи, вошедшие впоследствии в 1915 г. во вступительную часть моей работы "О могущественном территориальном владении". Почвенная классификация Сибирцева с ее зональными и азональными циклами почв натолкнула меня на мысль о зональности и азональности торгово-промышленных полос, высказанную мною в введении к труду "Торговля и промышленность России по волостным районам". В 1908 г. я заболел базедовой болезнью, сопровождавшейся крайне учащенным сердцебиением с перебоями, полной нечувствительностью к холоду (мне было всегда жарко), беспричинным страхом и обидчивостью, полным исхуданием, сильной жаждой деятельности и движения и необыкновенной обостренностью памяти и быстротой сообразительности. В санатории для нервных больных под Берлином, где я лечился, мне строжайше было запрещено заниматься. Сон у меня был хороший, но нередко я просыпался точно от какого-то толчка, зажигал свечку и тайком занимался, написав за это время свой труд "Город и деревня в Европейской России", все основные идеи которого пришли мне ночью в полусне. В 1909 г., несколько подлечившись от базедовой болезни, я проводил лето в Райволе в Финляндии. Я ходил за грибами, росшими знакомыми мне группами в определенных местах леса. Однажды, возвращаясь с такой прогулки, я набрел на мысль, что ведь и характерные физико-географические элементы России распределяются, подобно грибам, в известном закономерном порядке, и, вернувшись домой, несмотря на усталость, тотчас же набросал на бланковой карте схематически это распределение, легшее затем в основу выпущенного мною в 1915 г. труда "Типы местностей". В 1913 г., задумавшись однажды над вопросом о формулировке сути географи-

233

ческой науки и чувствуя, что как самостоятельная дисциплина она должна заниматься не изучением природы самих географических предметов, составляющих область других наук - геологии, метеорологии, физики, химии, антропологии и т. д., а законов их пространственных взаимоотношений, и, во-вторых, иметь при этом строгие внутренние связи и представлять замкнутую фигуру, я при этом неожиданно вспомнил: 1) формулу бензола и 2) геометрическую задачу об исчерпывающем соединении прямыми линиями. Таким образом, возникла моя шестиугольная геометрическая схема географической науки с пятнадцатью внутренними связями, которую я нарочно вписал в круг, очертив этим круг географии. Определение и схемы повторены мною и в краткой заметке "Что такое география".

Статистика

Профессор В. В. Степанов сообщил мне, что идея подвижных диаграмм пришла ему в голову утром, тотчас по пробуждении.

Политическая экономия, социология и история

Генри Джорджу основная идея его социальной реформы пришла в голову на свежем воздухе, на лоне природы во время прогулки.

Шарль Фурье, вспоминая об анекдоте про яблоко Ньютона (он верит в подлинность анекдота), рассказывает, что яблоко сыграло роль и в той внезапной догадке, которая привела его к учению о сериях и группах. Однажды, обедая с кем-то в ресторане, он заметил, что его приятелю поставили на счет 14 су за яблоко, каких сотня стоила столько же в другом месте. Это различие цен в двух местах того же климата, как молния, осветило ему недостатки современного торгово-промышленного механизма, побудило его к изучению этого вопроса и привело к открытию системы групп и серий. Затем Фурье вспоминает, что яблоко сыграло также важную роль в судьбе Адама и Париса. "Разве эти четыре яблока не заслуживают особого места в истории?" - прибавляет он (см. Свентоховский: "История утопий", 1910, стр. 173-174).

Тард. "В течение нескольких часов ходьбы и размышлений я иногда останавливался, присаживался у подножия дерева, чтобы сделать кое-какие заметки карандашом, и набрасывал остов того, что впоследствии стало первой главой моих "Законов подражания", озаглавленной "Всеобщее повторение". Короче говоря, в это мгновение в моем сознании произошла встреча, которая легко находит себе объяснение в чтении и размышлении в предшествующие дни: немного раньше я читал одну статью, доказывавшую, что в основе всех физических явлений, которые достаточно удалось уяснить, открываются волны. И, занимаясь ботаникой, занимаясь немного общей биологией, я ясно увидел, что живой индивидуум представляет в известном смысле сложную волну, разложимую на более простые живые волны. Я подумал об обобщении Даренном закона Мальтуса, о тенденции каждого живущего вида к неоп-

234

ределенному прогрессированию путем генерализации (?), и я подметил, что этот закон имеет в себе некоторую аналогию с законом, по которому теплота, свет, а также и звук, словом, волнообразные явления, имеют тенденцию излучаться сферически" (Paulhan: "Psychologie de l'Invention").

Джиббон (Гиббон) рассказывает, что однажды, когда он сидел среди развалин в Капитолии летним вечером, во время пения монахов в соседнем храме, в его голове зародилась концепция его истории Рима. .

О Фюстель-де-Куланже его биограф Гиро ("Фюстель-де-Куланж", 1898, русский перевод, стр. 64) пишет: "Он одарен был всею силою интуиции, необходимой при изучении такой исторической эпохи, о которой мы имеем лишь самые неопределенные, смутные и противоречивые сведения и которые заставляют нас постоянно догадываться, ничего не вымышляя".

А. Ланг. "Я сам однажды, занимаясь изучением рукописей, касающихся Стюартов в изгнании, был заинтригован тем обстоятельством, что бумага, на которой писали письма принц Чарльз и король, была как будто обожжена немного, а чернила имели какой-то особенный вид. Однажды утром, проснувшись, я сразу угадал истину. При писании этих писем пользовались симпатическими чернилами, а бумагу держали над огнем или погружали в кислоту. По всей вероятности, я додумался до этого во сне, и если бы я при этом грезил, то мой дух, быть может, драматизировал бы эту идею, и мне привиделся бы и Эдгар, секретарь короля, сообщающий мне эту идею".

Филология

Бодуэн-де-Куртене. Знаменитый польский сравнительный языковед, когда писал свою первую работу, был уже близок к ее окончательным результатам. И вот однажды он их получил во сне и тотчас по пробуждении написал завершающее его статью резюме.

Вернер открыл свой закон также во время сна.

Гротефенд, прочитавший впервые клинопись, был по образованию не ориенталист, не филолог, а историк. Он подошел к задаче со стороны истории и археологии и отгадал ее решение, затем уже проверил гениальную догадку и дал ученому миру желанный ключ. В его распоряжении были следующие установленные до него данные: 1) начертание буквы а, которая была угадана Перроном как наиболее часто встречающаяся гласная в персидском и санскритском языках; 2) словораздель-ный знак; 3) порядок письма слов направо. Из исторических данных, известных ему, была одна: персепольские дворцы построены царями персидскими Ахеменидами; затем он a priori строит предположение: надпись содержит имена и титулы на трех главных языках, на которых говорили подвластные им народы. Простейшие надписи, занимающие почетное место сверху или справа, - персидские титулы персидских царей, известных из греческих историков: "Великий царь" и "Царь царей". Гротефенд заметил часто повторяющийся комплекс знаков, скажем A B C D E F G, иногда два раза подряд, но с изменением;

235

ABCDEFG - ABCDEKZ. Он предположил здесь изменение падежа и решил, что это значит: "Царь царей". Когда он стал разбирать две надписи, списанные Нибуром, то получилась такая схема: 1) Ксеркс, царь царей, сын Дария Царя. 2) Дарий, царь царей, сын Г. За Г. нет прибавки "царя", значит, Г. не был царем. Кто это? Не Кир, ибо дед его был тоже Кир, и имя повторялось бы, и притом этот Кир был

царем. Значит, Ксеркс сын царя, отец которого Гистасп не был царем. Греки искажали персидские имена иногда до неузнаваемости, поэтому греческий язык мало способствовал дешифрированию имен. Тем не менее Гротефенд прочел 4 имени приблизительно верно и отгадал 8 букв.

Томсен таким путем дешифрировал орхонские надписи, открытые Ядринцевым в 1889 г. Расположение надписей вертикальное, каков порядок расположения строк по отношению друг к другу? Читать ли их справа налево по-китайски, или слева направо - по-монгольски? Порядок расположения строк оказался такой:

1) Имеются данные, которые мы находим в самих надписях, - условия, в которых мы находим отдельные знаки и слова, орфографические варианты и т. п. 2) Показания китайских надписей: число знаков 38, короткие слова (местоимения, числительные) сливаются с предыдущими или последующими. Первый вопрос: имеются ли знаки

для гласных? Строится гипотеза: Если дана комбинация букв

т. е. один знак между двумя, то вероятнее предположить: 1) или что и в середине гласный, а крайние - согласные, 2) или что крайние - гласные, а в середине согласный. Оказалось, что три знака, по-видимому, гласные. Это подтвердилось тем, что они то пишутся, то пропускаются; затем было обращено внимание на ханский титул (небесный), потом на имя принца, и язык определился как принадлежащий к тюркской группе.

XX. Творческая интуиция философов

Платон. При рассмотрении генезиса системы Платона, по словам Когена, "нельзя брать только историческую точку зрения: Платон-де соединил гераклитизм с элеатизмом и таким-де образом сфабриковано учение об Идеях" (см. Zeitschrift fur Volkerpsychologie und Sprachwissenschaft, IV, 1866, S. 405). "Дело гения, хотя оно и связано тысячью нитей с его временем, его тенденциями и страстями, все же есть автономное создание, внезапная интуиция, молниеносный синтез, она возникает перед нами, по словам Гёте, как живое чадо Божие". Эту интуицию Платон в поэтической форме описал в речи Диотимы в "Пире".

Аристотель. Аристотель отдает себе полный отчет в оригинальности своего логического изобретения силлогизма, в том, что это изобретение не есть незначительное усовершенствование работы предшественников,

236

но вносит нечто качественно новое. Он в заключительной главе "Органона" отмечает прерывный характер своего изобретения - силлогизма. В то время как в других искусствах изобретения осуществлялись путем непрерывных, чуть заметных усовершенствований изобретений предшественников, теория силлогизма есть всецело порождение аристотелева духа - это основоположное изобретение.

Такую непрерывность в усовершенствовании изобретений мы замечаем в риторике и почти во всех искусствах. В риторике Тизий усовершенствовал первые опыты в этом искусстве, Фразимах - Тизия, и Фе-одор - труды Фразимаха. В том же, что касается теории силлогизма, дело не обстояло так, что одна часть была разработана, другая - нет, но не было ровно ничего сделано. В заключение "Органона" Аристотель предлагает читателям усовершенствовать его труд и поблагодарить его за совершенные изобретения.

В главе о творческом воображении мы указывали, что Аристотель обратил внимание на творческие догадки во сне (см. т. I, гл. V).

Авиценна пишет о себе: "Всякий раз, когда меня затруднял какой-нибудь вопрос и я не находил среднего термина силлогизма, я отправлялся в мечеть, молился и просил Создателя раскрыть мне смысл темных и непонятных мест. Ночью я возвращался домой, зажигал перед собою факел и принимался читать и писать. Когда я замечал, что сон одолевает меня и что я слабею, я выпивал стакан вина, возвращавший мне силы, и снова принимался читать. Снова засыпая, я грезил о тех вопросах, которые мучили меня накануне, так что для многих из них мне удалось найти решение во сне". Плохо понимая первоначально Аристотеля, он стал разбираться в нем, когда ему попались в руки комментарии Эль-Фараби к Аристотелю. После знакомства с ним, "все, что было темного в этой книге, стало мне ясным. Я испытал великую радость

и на другой день раздал в благодарность Богу обильную милостыню" (см. в серии великих философов: Carra de Vaux: "Avicenne", p. 133-136).

Лукреций.

Какому делу себя с усердием кто посвящает,

То дело мысли его и ночью сон заполняет.

Юристы процессы, законы видят, солдаты сраженья.

Купцам снятся бури, плеск волн и кораблекрушенья.

Я в тайны природы проникнуть стремлюсь,

Мой ум озадачен загадкой глубокой,

И даже во сне я мечтою несусь

К решенью загадки и тайны высокой.

О Раймунде Луллии, изобретателе логической машины в "Ars Magna", Вл. Соловьев сообщает, что идея этой машины (вращающихся кругов с логическими терминами, вступающими между собою во всевозможные комбинации), по словам Раймунда, возникла в его сознании интуитивно, внезапно, как откровение свыше. Что она исторически связана, быть может, с каббалой и Проклом - об этом речь будет ниже.

Яков Бёме. Хотя Яков Бёме, подобно Григорию Сковороде, при большой природной одаренности, был более самоучкой-богословом, чем философом, но все же в нем никак нельзя отрицать значительного философского дарования, и хотя его философская "интуиция" не дала

237

миру новой истины, но все же она выражает известный взгляд на природу и Бога, яркий и интересный, как образчик кустарно-примитивного философского творчества. Лейбниц говорит о нем: "Знаменитый сапожник из Лузации Яков Бёме (сочинения коего переведены с немецкого языка на другие языки под именем тевтонского философа и представляют собою, действительно, нечто величественное и прекрасное для человека его положения) заслуживал бы больше доверия, если бы он, как уверяют некоторые, мог действительно делать золото, подобно евангелисту Иоанну, если верить словам одного гимна, написанного в честь него:

Inexaustum fert thesaurum, Qui de virgis fecit aurum, Gemmas de lapidibus"*

(СМ. "Nouveaux Essais", кн. IV, гл. 19).

Гегель, учуявший в Якове Бёме одаренную натуру, сравнивает его с "прекрасным духом Ариелем (из "Бури" Шекспира), но ущемленным, согласно угрозам Просперо, в трещине узловатого дуба", "так и великий дух Бёме застрял в узловатом дубе чувственного мира, в крепком узловатом сростке представлений и не может прийти к свободному выражению идей". Крестьянин по происхождению, пастух, потом сапожник по профессии, Яков Бёме с детства обнаружил наклонность к самоуглублению. Духовный переворот, которым определялся ход его философского развития, имел место дважды, когда ему было 25 лет и 35 лет. В 1606 г. он раз, сидя у себя в комнате, увидел внезапно яркое отражение солнца на оловянном (темном) сосуде. Это красивое зрелище не только поразило его, но сыграло известную символическую роль в его последующей философии. Что темный сосуд является условием для светлого отражения солнца, это, по аналогии, можно было перенести и в область теодицеи, которая так занимала Бёме. Примирить Бога с мировым злом возможно, если предположить, что в самом Боге есть темное начало, как бы фон для светового отражения (см. мою статью "Я. Беме" в словаре Брокгауза и Ефрона).

Ян Амос Коменский, гениальный чешский педагог, задумал свою философскую поэму "Лабиринт света и рай сердца" в г. Брандисе. Граф Лютцов в своем введении к английскому переводу этой поэмы высказывает блестящую догадку, предполагая, что "творческая интуиция" той картины мира, которую дает в "Лабиринте" Коменский, имела для себя опорным пунктом вид на город Брандис, расположенный перед домом

Коменского (см. "The Labyrinth of the World und the Paradise of the heart etc edited und translated by Count Lutzow", 1901, p. 37).

Декарт очень подробно описывает нам punctum saliens** в своем главном философском изобретении. Я приведу его рассказ, как он изложен в юбилейном издании его сочинений. В юности Декарта привлекала мистика (как и Лейбница), он слышал нечто о розенкрейцерах (necdum quidquam certi). К мистицизму, как теории, у него было мало влечения, но творческий энтузиазм у него в его глазах имел почти мистическую окраску. По крайней мере, в это время он пережил душевный переворот, тесно связанный с главнейшим его открытием, переворот, после которого он дал обет совершить когда-нибудь паломничество

238

к храму Лоретской Божьей Матери, что, по словам Гюйгенса, "свидетельствовало о его великой слабости". Записные книжки Декарта состоят из трех частей: Experimenta, Parnassus и Olympica. В Olympica есть такая запись: "Quod vitae sectabor iter"* (Авзоний), - прочтено во сне 10 ноября 1619 г. В другом месте оно приведено ниже, текст, к сожалению, обрывается. Великое открытие заключается, вероятно, в ряде гениальных догадок из области математики и философии. Около этого времени Декарт сделал следующие открытия: 1) Он наметил идею Mathematique Universelle; как ученик [в] пропорциях вообще, - объединение арифметики, геометрии, оптики, музыки и механики. 2) Он кладет основание алгебре введением букв a, в, c для известных величин и A, B, C - для неизвестных (позднее x, y, z) и обозначение степеней цифрами. 3) Усматривает возможность обозначения величин линиями и линий - буквенными величинами. 4) Устанавливает 4 философских правила: a - расчленять сложные проблемы, b - идти от простого к сложному, c - делать постоянно периодический общий обзор ранее изученного, d - ничего не пропускать. В Olympica далее говорится: "XI Novembris 1620 coepi intelligere fundamentum inventi mirabilis. X Novembris cum plenus forem enthusiasmo et mirabilis scientiae fundamentum reperirem"**.

Биограф Декарта Baillet рассказывает, что, легши в постель вечером 10 ноября, преисполненный энтузиазма по поводу сделанного им открытия, он видел последовательно три сна:

Первый сон: Декарт "идет по улице, страшные фантомы проходят перед ним; не имея сил идти направо, поворачивает налево, потом опять пробует повернуть направо, сильный ветер три-четыре раза поворачивает его налево, ему становится все труднее идти, он видит на своем пути открытый коллеж, входит, чтобы найти убежище и помощь в болезненном состоянии; хочет войти в церковь коллежа, но, миновав при этом знакомого, которому он не поклонился, он хочет вернуться, чтобы приветствовать его, но ветер отталкивает его от церкви к середине двора коллежа. Декарт видит господина, который любезно сообщает ему, что его хочет видеть г. Н. и что-то передать ему. Декарт думает, что это привидение, - Декарта удивляет, что он согбен и шатается, в то время как другие твердо и прямо стоят на ногах. Ветер же уменьшился. Проснувшись, Декарт почувствовал действительно сильную боль и убедился, что виденное - не искушение злого духа. Он тотчас же по пробуждении повернулся на правый бок, ибо он видел сон, лежа на левом боку. Помолился Богу, чтобы он предотвратил дурное действие этого сна и предохранил его от бедствий, которыми этот сон мог угрожать, как наказание за грехи, которые могли быть достаточно значительны, чтобы навлечь громы неба на его голову, хотя он и вел жизнь довольно безупречную с точки зрения людей".

Второй сон: "После 2-часового размышления о благах и бедствиях мира Декарт снова заснул; услышал страшный, оглушительный, пронзительный шум, проснулся, у него "искры из глаз посыпались"; открывая и закрывая глаза, он видел образы (especes), извлек из наблюдения благоприятные выводы для своей философии и успокоился после того, как, открывая и закрывая глаза, он установил природу образов (observe la qualite des especes qui lui etaient representees)".

239

Третий сон, сон нестрашный: Декарт находит неизвестно чью книгу на столе - словарь; рад, что воспользуется им, но оказывается, что он держит в руках уже другую книгу: "Corpus poetarum", раскрывает ее и читает: "Quod vitae sectabor iter". Неизвестный человек придвигает к нему стихотворение: "Est et поп"* как "прекрасную вещь". Декарт говорит, что оно ему известно, и стал искать его в

сборнике поэтов. Неизвестный спросил, где он достал книгу. Декарт говорит, что сам не знает, так же, как не знает, откуда словарь и куда последний девался. Однако Декарт видит словарь на другом конце стола, но уже неполный, перелистывает сборник поэтов, не может найти "Est et поп" и говорит, что знает другое - "Quod vitae" etc. Незнакомец просит найти его, Декарт ищет и замечает в сборнике прекрасные портреты. Затем человек и книги исчезли, но Декарт не проснулся, а продолжал размышлять и во сне решил, что все это сон, и дал ему толкование, которое продолжал и по пробуждении: словарь - наука, стихи - мудрость и философия, "Est et поп" - истина и ложь в познании. В общем, он признал сон откровением истины. Появление во сне портретов Декарт объяснил указанием на то, что он видел накануне художника-итальянца. Первый сон он истолковал как укоризну за грехи и предостережение. Это был канун Св. Мартина, и Декарт на ночь не пил ничего спиртного".

Для Малебранша мощным импульсом к творческой изобретательности было неожиданное ознакомление с сочинениями Декарта. Он увидел одно из них, перебирая книги у букиниста, начал читать, и это чтение сразу вызвало в нем столь сильное волнение, что он почувствовал сердцебиение. Очевидно, книга Декарта попала на подготовленную почву и сразу вызвала в сознании молодого философа творческое брожение идей (Olle-Laprune: "Malebranche", vol. I).

Лейбниц намечает главные этапы своего философского развития таким образом в "Systeme nouveau de la nature" (1695). Сначала "иго Аристотеля", затем материализм (атомы и пустота), затем возвращение к субстанциальным формам; сила - нечто аналогичное чувству и стремлению - признание "форм" неделимыми душами - вспоминаю мнение Фомы Аквинского о душах животных - различение высших форм от низших. Но как приписать деятельность низшим душам? Метемпсихоз неприемлем, "мне пришла на помощь трансформация Сваммердама, Мальпиги и Левенгёка

- животное не возникает, но лишь развивается, - подобные идеи

у Малебранша, Перье и Гартсенера". Вопрос о смерти, идея сохраняемости

животной машины, воскрешение мух, утонувших и погребенных в меловой

пыли, - Лейбниц при этом предостерегает от отожествления организма

с машиной: организм - машина с бесконечным числом органов, душа

- метафизический пункт. Устанавливая это, je croyais entrer dans le port**,

но оказалось, что не решена проблема связи духа и тела, - je fus comme

rejete en pleine mer***, ибо ни теория взаимодействия Декарта, ни теория

окказионализма не были приемлемы. "Будучи вынужденным признать

невозможным, чтобы душа или какая-нибудь другая истинная субстанция

могла получать что-либо извне, иначе как силою всемогущества Божия,

я незаметно пришел к догадке (sentiment), которая поразила меня, но

показалась мне неизбежной, и которая в действительности представляла

огромные преимущества и весьма значительные красоты, - к идее предуста

новленной гармонии".

240

Руссо в письме к Malesherbe'у 12 января 1762 г. пишет: "Я хотел бы нарисовать Вам, милостивый государь, эту минуту, составившую эпоху в моей жизни и запечатлевшуюся с неизгладимой силой в моей душе, хотя бы ей предстояло жить и действовать вечно. Я шел к Дидро, тогда узнику в Венсене. Я захватил с собой номер "Mercure de France" и просматривал его дорогой. Глаза мои скользнули по столбцам газеты и вдруг остановились на теме, предложенной Дижонской академией

наук для соискания премии. Если когда-либо мир видел внезапное наитие, то это было душевное движение, охватившее меня в эту минуту. В моем уме как бы сразу сверкнул свет, все озаривший. Масса идей, ярких и живых, представилась мне вдруг с такой силой и в таком количестве, что смущение и трепет охватили мою душу. Я как бы опьянел от наплыва мыслей и чувств. Сердце усиленно билось, сдавливая грудь, стесняя дыхание. Я опустился на траву под деревом у дороги и просидел здесь, охваченный таким волнением, что через полчаса, поднимаясь продолжать мой путь, я увидел весь перёд моей одежды смоченным слезами, бессознательно лившимися из глаз... Все, что я мог удержать в памяти из этой массы великих истин, озаривших меня в течение часа под этим деревом, я поместил в трех главных моих сочинениях - в моей первой диссертации, в книге о неравенстве и в книге о воспитании".

Кант указывает на два импульса в процессе зарождения "Критики чистого разума", кроме изучения философии лейбнице-вольфовской школы и Ньютона - чтение Юма и зарождение идеи антиномий. И то, и другое относится к шестидесятым годам. Первая идея разрушила рационалистическую концепцию закона причинности, вторая - догматический реализм эмпиристов. Воздействие, полученное от Юма, он характеризует такими метафорами: 1) "Он (Юм) не внес света в эту область знания, но выбил искру, из которой можно было бы зажечь огонь, если бы только он нашел для этого пригодный материал". 2) Юм "посадил корабль на мель скептицизма, где заставил его ждать, тогда как мое дело - дать этому кораблю кормчего, который мог бы безопасно привести корабль к цели". 3) Юм "прервал мою догматическую дремоту". В письме к Гарве 1798 г. Кант пишет: "Не исследование вопроса о бытии Божием, бессмертии души и т. д. послужило для меня исходным пунктом, но антиномии, например мир имеет начало - не имеет начала и т. .д. до четвертой - есть свобода в человеке - нет свободы, но все в нем есть природная необходимость. Это было тем, что пробудило меня от догматической дремоты и направило к критике самого разума, дабы упразднить скандал кажущегося противоречия разума с самим собою" (см. академическое издание сочинений Канта, т. XII, стр. 255).

Рейнгольд сообщает, что свое трактование категорий рассудка он изобрел во сне.

Шеллинг в письме к Эшенмейеру пишет: "Вы усматриваете существенный характер философии в том, что она есть постоянное объективирование первообраза (Urbildes), которое Вы еще сверх того приписываете разуму, поскольку, говорите Вы, таковой называется умозрением. Я же с того момента (seit dem Augenblicke), как мне открылся свет в философии, с 1801 г., когда я опубликовал известные

241

афоризмы, пожалуй, еще раньше моей системы идеализма с наивозможной ясностью утверждал, что философия отнюдь не состоит из объективирования первообраза, т. е. субъективного, но что скорее полагание в разуме отнюдь не есть полагание человека (субъекта), но абсолютное полагание в качестве такового, которое полагается разумом и не есть ни субъективное, ни объективное" (Куно Фишер. "Шеллинг", стр. 60).

Шопенгауэр говорит: "Я, пожалуй, готов допустить, что не верю, чтобы мое учение могло возникнуть до того времени, когда Упанишады и Кант бросили свои лучи в один человеческий дух. "Но ведь стоит же много на свете статуй, - говорит Руссо, - и солнце озаряет все их своими лучами. Однако зазвучал один колосс Мемнона" (Frauenstadt. "Arthur Schopenhauer", § 250). "В то время, когда мой дух достигал кульминационного пункта, что при благоприятных условиях могло продолжаться часами, когда мозг был в величайшем напряжении, я мог направить мой взор на любой предмет, он сообщал мне откровения, развертывая ряд мыслей, которые стоило бы записать и которые записывались мною". "Под моими руками или, вернее, в моем духе зреет труд: философия, этика и метафизика должны составлять одно... Сочинение растет непрерывно и медленно, конкретизируется (concrescirt), как ребенок в утробе матери; я не знаю, что возникло раньше, что позже, как нельзя сказать, что возникло раньше и у ребенка во чреве матери. Я узнаю одну часть, один сосуд, один член, т. е. я записываю, не думая о том, как это войдет в целое, но в то же время я знаю, что все это выросло из одного источника. Так возникает органическое целое, и только таковое и может жить. Я - тот, который здесь сидит и которого знают друзья мои, не понимаю возникновения произведения, как и мать не понимает возникновения ребенка в ее теле. Я смотрю на совершающееся и говорю: "Ich bin mit Frucht besegnet"*. Мой дух воспринимает

пищу из окружающего мира через посредство чувств и рассудка. Это - питание, но я не знаю, как, и не знаю, почему именно у меня, а не у других, пользующихся той же пищей" (Moebius, "Schopenhauer", S. 50).

У Гегеля, одного из величайших философских изобретателей, мы находим осуществление той идеи, которая смутно намечалась в сознании Канта: "Может ли быть набросана для истории философии схема, в которой эпохи совпадут с мнениями философов, как будто сами философы имели ее в виду? Да, если идея метафизики неизбежно возникает в человеческом разуме и последний чувствует потребность развивать ее и, если, таким образом, эта наука заложена в душе, хотя и в общих чертах, как бы в форме эмбриона" ("Reflexionen"). Гегелю, независимо от Канта, пришла в голову такая же догадка ("Reflexionen" не были изданы при жизни Гегеля). И вот, заключая отдел древней философии в своем курсе, Гегель проявляет перед нами свой творческий пафос по поводу осуществления великой догадки: "Говорят, будто такие материи, рассматриваемые нами, когда мы в своем кабинете наблюдаем, как философы ссорятся, спорят и приходят к известным выводам, суть словесные абстракции. Нет. Нет. Это акты мирового духа, м. г., и потому акты судьбы. При этом философы стоят ближе к Господину,

242

чем те, которые питаются крохами духа; они читают или пишут эти приказы, как бы в оригинале, они существуют для того, чтобы описывать их. Философы - это руководители мистерий, находящиеся при движении мирового духа внутри святилища; у других людей есть частные интересы - господство над тем-то, такое-то богатство, такая-то женщина. То, на что мировому духу нужны сотни и тысячи лет, мы прошли быстрее, так как имеем то преимущество, что занимаемся прошлым в абстракции" (см. Куно Фишер: "История новой философии", т. VII, 2, стр. 361). Здесь весьма характеристична непоколебимая вера изобретателя в объективную значимость его идеи.

Банзен сообщает: "...уже 10 марта 1847 г., в день рождения незадолго перед тем скончавшегося моего дедушки, в то время, как я печально сидел около печки, в моей маленькой пыльной комнатке, нигилистическая основная мысль (Herrengedanke) всех моих последующих воззрений во внезапной интуиции выступила перед моим сознанием".

Фехнер. 1) Отмечает день 22 октября 1850 г., когда ему утром, когда он еще лежал в постели, пришла в голову мысль, что прирост духовной интенсивности ощущения пропорционален отношению прироста живой силы движения к прежде данной живой силе (K. Lasswitz. "G. T. Fechner", 1896. S. 75).

2) Фехнер равным образом описывает ту интуицию, которая побудила его выступить защитником панпсихизма, не как поэтического "аспекта" вселенной, а как научной гипотезы. Между прочим, он защищал мысль, что земля есть одушевленное существо. Независимость (относительная) земли от других внешних вещей, единство ее сложной структуры, способность развиваться изнутри, а не быть сфабрикованной внешним образом, наконец, индивидуальность ее типа и отличие ее от других существ того же типа - все это дает основание предполагать сходство ее с одушевленными телами, все же мнимо противоречащие такому заключению по аналогии инстанции могут быть опровергнуты. Такая мысль зародилась в его сознании следующим образом: "Однажды весенним утром я пошел прогуляться. Поля зеленели, птицы пели, роса блестела, поднимался дым, там и здесь появлялись люди; на всех вещах лежал свет как бы некоторого преображения. Это был только маленький кусочек земли; это было только мгновение ее существования; и все же, по мере того как мой взор охватывал ее более и более, мне представлялось не только столь прекрасным, но столь верным и ясным, что она есть ангел, ангел прекрасный и нежный и подобный цветку, и при этом столь же неуклонно, сколь и согласно с собой движущийся в небесах, обращающий свое живое лицо к небу и несущий меня вместе с собой в это небо, что я спросил себя, как могут людские мнения быть столь отчужденными от жизни, что люди считают землю только сухою глыбой и ангелов ищут над ней или вокруг нее, но не находят их нигде" (цитата взята из книги Джэмса "Вселенная с плюралистической точки зрения", 1911, стр. 92).

Спенсер в своей замечательной автобиографии дает подробное описание процесса образования своей системы. "Ставить себя перед какою-нибудь проблемою и искать ее решения было не в моих привычках. Заключения, к которым я приходил, не были ответами на отдельные

243

поставленные мною вопросы. Они являлись всегда неожиданно как результат целого строя мыслей, вышедшего из одного корня. Какое-нибудь наблюдение или факт, вычитанный из книги, останавливал мое внимание. Он казался мне важным, но не потому, что я ясно сознавал его значение, а в силу какого-то прирожденного мне инстинктивного стремления ко всему имеющему общий интерес. Какая-нибудь деталь в строении млекопитающих очень слабо заденет мое внимание, хотя и о ней я прочту с удовольствием. Но тот факт, что все млекопитающие, даже такие различные, как жираф и кит, имеют семь шейных позвонков, глубоко врежется мне в память, как факт, наводящий на размышления. Воспринятые факты становились объектом дальнейшей переработки. Если какой-нибудь случай приводит мне на память сделанное наблюдение, оно всплывает на поверхность моей памяти, и я опять рассматривал его детально и вдумчиво. Все снова и снова пробуждалось оно во мне через неделю, через месяц, через полгода, каждый раз вставая в моем уме все более продуманное и все более скрепленное новыми наблюдениями. Первоначальная идея под влиянием этих повторных размышлений и добавочных наблюдений ширилась и росла, но очертания ее оставались неточными и туманными, пока накопленного материала не оказывалось достаточно для построения новой, более широкой, более ясной и определенной концепции. И тогда приходили мне на память аномалии, случаи отклонения от общего закона. Опираясь на них, я вносил необходимые изменения в мою теорию и более точно оттачивал ее форму. Подчас обобщения, слагавшиеся до сих пор индуктивно, вдруг переносились на путь дедукции. Внезапно я усматривал в них необходимый вывод из какого-нибудь физического принципа, из какого-нибудь установленного закона" ("Автобиография", русский перевод, стр. 291-292). В XXXIV главе этой книги ("A system projected") Спенсер шаг за шагом описывает зарождение в нем идеи эволюции, ее постепенное расширение на разные сферы явлений, импульсы, полученные его мыслью от знакомства с Ляйе-лем, Ламарком, Карлом Бэром, обстоятельства, при которых возникали отдельные его книги, и получается как будто впечатление совершенно непрерывного процесса созревания системы. Но Спенсер обращает внимание на узловые точки этого процесса. В 1858 г., уже написав ряд крупных работ (в том числе гениальную "Психологию"), он почувствовал потребность полного объединения своих взглядов. "Различные эволюционные идеи, высказанные мною за последние шесть лет в различных "Опытах", лежали обособленными в моих мыслях. Теперь же они были сближены между собою и дважды обозрены в последовательном порядке. Такой консолидации разрозненных эволюционных идей способствовали веяния того времени, между прочим, книга Грове "Корреляция физических сил". Весь этот подготовительный процесс завершился замечательной кристаллизацией идей. В один прекрасный день, 6 января 1858 г., Спенсер на листке бумаги набросал план всей своей системы, рассчитанной на десять томов, оставляя одни части лишь намеченными в виде главных рубрик, другие снабжая обозначением главных мыслей. "Замечательно, - добавляет он, приведя этот любопытный документ, - что эта схема, первоначально задуманная столь внезапно, так напоминает ту схему, которая эвентуально была осуществлена" ("Autobiography", 1904, т. II, стр. 17).

244

Ницше. Август 1881 г. Идея вечного круговорота. "На 6000 футов над уровнем моря и еще выше надо всем человеческим. Я шел однажды летом по берегу леса Сильваплана и вдруг остановился у могучего утеса, подымающегося пирамидой, недалеко от Сюрсея. Здесь-то и явилась мне "Идея". Если никто этого не знает, я скажу, что такое вдохновение. Если сохранить еще малейшую долю суеверий, то нет возможности противостоять мысли, что мы представляем собою лишь воплощение, рупор, медиум высших сил. Слышат, не ища, берут, не спрашивая, от кого идет дар. Мысль, как молния, озаряет неизбежно, без поправок и колебаний. Это - восторг, когда душа наша, после чрезмерного напряжения, облегчается потоком слез. Самое удивительное при этом

- это характер необходимости, с которой возникает образ, метафора".

Профессор Александр Ив. Введенский любезно сообщил мне, какие впечатления послужили внешним толчком к зарождению в его сознании идеи об отсутствии объективных признаков одушевленности, идеи, которая положена в основу его замечательной книги "О пределах и признаках одушевленности" (1892): 1) чтение заметки в "Новом времени", в которой указывалось на якобы жестокий способ убоя скота евреями-мясниками. По словам газетчика, животное обескровливается и

околевает лишь после мучительных судорог. Автор иронически добавляет, что найдутся-де, пожалуй, ученые, которые станут утверждать, будто конвульсии умирающего животного не сопровождаются болезненными переживаниями. 2) Ему случилось однажды беседовать с доктором Вире-ниусом, который утверждал, что новорожденный младенец первоначально вовсе не обладает сознанием, на что проф. Введенский заметил, что, пожалуй, с таким же основанием можно отрицать одушевленность и его

- доктора Вирениуса. 3) При чтении книги Рибо "Память в ее нормальном и болезненном проявлениях" проф. Введенский обратил внимание на установку двух видов памяти, которую делает Рибо: памяти психической и памяти органической. Последнее есть явление чисто физиологическое, никак не отражающееся в духовной сфере. Таким образом, разработка проблемы получила свой импульс в связи со случайными впечатлениями, из которых одно касалось зоопсихологии, одно

- психологии ребенка и одно - общей психологии.

Профессор Н. О. Лосский любезно написал мне следующее: "В возрасте между 18 и 25 годами я ломал голову над проблемами мирового бытия, исходя первоначально из доверия к самому наивному материализму в духе демокритовского атомизма. Освободился я от него только тогда, когда мне стало ясно, что он не может быть оправдан гносеологически, с этих пор я десятки раз приступал к попыткам построения своего мировоззрения с намерением воздвигнуть все здание из абсолютно достоверных гносеологически оправданных материалов, только из того, что несомненно наличествует в моем сознании, имманентно сознанию. Однако в силу скрытого все того же материализма весь имманентный состав сознания представлялся мне не более как совокупностью моих ощущений и чувств: таким образом, я неизменно приходил к солипсизму и скептицизму, который мучил меня своею скудностью и самопротиворечивостью. Однажды (приблизительно в 1898 г.) в туманный день, когда все предметы сливаются друг с другом в петроград-

245

ской осенней мгле, я ехал с С. А. Алексеевым по Гороховой улице на извозчике и был погружен в свои обычные размышления: "Я знаю только то, что имманентно моему сознанию, но моему сознанию имманентны только мои душевные состояния, следовательно, я знаю только свою душевную жизнь". Я посмотрел перед собою на мглистую улицу, и вдруг у меня блеснула мысль: "Все имманентно всему". Я сразу почувствовал, что загадка решена, что разработка этой идеи даст ответ на все вопросы, волнующие меня, повернулся к своему другу и произнес это положение вслух; помню я, с каким выражением недоумения посмотрел он на меня. С тех пор идея всепроникающего мирового единства стала руководящей моей мыслью. Разработка ее привела меня в гносеологии к интуитивизму, в метафизике - к органическому мировоззрению".

XXI. Анализ приведенных случаев. Предварительные замечания

1. Прежде всего нужно здесь поставить вопрос о роли случайности. Этому вопросу уделяли внимание Джевонс, Мах, Сурио, Мэзон и др. Гаюи нечаянно уронил на мостовую великолепный кристалл, и кристалл распался на правильные симметричные формы. Гальвани случайно дотронулся ногой лягушки до куска металла, Никольсон случайно открыл разложение воды при помощи вольтова электричества. Первобытный мост был, вероятно, изобретен тем, кто увидел случайно упавшее поперек реки дерево. Свойства бумеранга были обнаружены, вероятно, случайно на брошенном в кого-нибудь куске дерева известной формы и т. д. "Но везде здесь приложимы, - говорит Джевонс, - слова Лагранжа: "На случай при великих открытиях наталкиваются те, кто его заслуживают"1. Ограниченное существо, в лучшем случае, позабавилось бы, как курьезом, распадением кристалла на правильные формы, но отнюдь не положило бы начало кристаллографии. Первобытный человек мог воспользоваться лежащим бревном, чтобы перебежать через речку, но тот, кто, увидав такое бревно однажды, в другом случае сам срубил дерево для создания импровизированного моста, был изобретателем. Не меньшим изобретателем, чем Уокер, разработавший математически теорию полета бумеранга, был изобретатель бумеранга.

Очень удачные примеры счастливого сочетания случая с замыслом приводит проф. Блох, излагая процесс химических открытий проф. В. Н. Ипатьева и проф. П. И. Вальдена (см.: "Творчество в науке и технике", 1920, стр. 25-26).

Во всех приведенных нами случаях огромную роль играла подготовленность в известном направлении всей апперципирующей массы ученого: богатство и организованность его памяти и то, что Мах называет обостренностью внимания. Риньяно справедливо отмечает аффективный характер этого внимания. Вещи, к которым другие люди остаются безразличными, на подготовленный мозг и дух производят яркое, запа-

1 См. также статью: "L'invention", par Abel Rey, "Revue Philosophique", 1919, II, p.

777-778.

дающее в душу впечатление, и, наоборот, утомление и угнетение сопровождается понижением способности различения и, следовательно, чуткости и вообще ослаблением памяти и внимания (см. Авенариус: "Критика чистого опыта", ч. II, рус. пер. 1908, стр. 235 и далее).

2. Мистически настроенные умы склонны преумалять эту установку, Einstellung, в мозгу и в духе творца: Луллий, Руссо, Банзен, Шопенгауэр, Ницше преувеличивают скачковый характер открытия. Оно является для них как бы чудом. Другие философы, особенно философы непрерывного - Лейбниц и Спенсер, - сообщают нам подробно промежуточные этапы в процессе изобретения. Но и они не отрицают здесь внезапности, завершающей данный процесс, состоящий, в свою очередь, из толчкообразных, прерывных переходов в непрерывности научного труда, от одного поворотного пункта к другому.

3. Перечисленные нами изобретения весьма различны по своей значительности, от незначительной догадки (А. Ланг, Фома Аквинский) до революционного переворота в области мысли. Я бы сказал, что весь путь, проходимый изобретателем, мог бы быть выражен в виде совокупности синтетических силлогизмов, где большие посылки выражают каждый раз непрерывно аккумулированное ранее, а меньшие - прерывную догадку.

Очень верно замечание Пуанкаре: "Наиболее плодотворны из выбираемых комбинаций те, которые образованы из элементов, взятых из очень отдаленных областей" (см.: "Наука и метод", 1910, стр. 38).

4. Расширение комбинационного поля творческой фантазии. Декарт

указывал на необходимость в творческой работе обозревать периодичес

ки весь материал; такие же указания мы встречаем у Гельмгольца (часто

разбирать исследуемую проблему, со всех сторон) и Тарда. Несколько

выше мы указывали то же у Малебранша, у Конта, затем у Спенсера.

При этом в минуты вдохновения нередко наблюдается крайняя быстрота в смене образов и мыслей, напоминающая Ideenflucht*. На это обстоятельство я указываю, говоря о музыкантах (Берлиоз, Мусоргский, Римский-Корсаков, см. мою статью "М. П. Мусоргский" ("Художественное творчество", 1923), а также и у поэтов, см. мою книгу "Эстетика Достоевского".

5. Наряду с этим богатством воображения бросается нередко в глаза наличность двойного (разумеется, быстро перемежающегося) тока мысли (pensees a cote), то, что мы указывали выше у Пуанкаре, - колеблющийся тип внимания (Эдиссон, Вэнгам, Дарвин и др.).

6. Влияние бодрого и радостного самочувствия. Нередко изобретения, не удаваясь после ряда упорных, сознательных попыток, появляются после перерыва работы или после занятия другим делом как неожиданный дар небес.

Это обстоятельство важно в двух отношениях. Во-первых, оно благоприятствует расширению поля творческой фантазии, во-вторых, в силу влияния родственных настроений на воспроизводимость представлений; лицо, переживающее сегодня подъем

творческой бодрости, "вдохновение", связанное с расширением поля творческой фантазии, может обратить внимание на какую-нибудь идею, которая мелькала перед его сознанием когда-нибудь прежде в момент подобного же вдохновения

247

и расширения поля творческой фантазии. С этим положением согласуется и то наблюдение, что счастливые догадки часто приходят в голову утром, тотчас по пробуждении, когда мозговая работоспособность восстановлена сном. Многочисленные примеры тому указаны выше. Равным образом характеристично, что такие догадки приходят в голову нередко на свежем воздухе (Ньютон, Гельмгольц. Пуанкаре, Ницше, Фехнер, Морзе, Тард и др.).

Если к приведенным мною здесь догадкам присоединить еще упомянутые в 1-м томе, то всего наберется свыше 70 с лишком иллюстраций. Из них некоторые не дают нам решительно никаких конкретных подробностей о характере творческого процесса, их можно отбросить из общего подсчета - сюда относятся показания Ренана, Гиро о Фюстель-де-Куланже, Платона. Если их отбросить и считать примерно 65 показаний, то нужно прежде всего отметить, что в 22 случаях догадка имела место во сне, перед пробуждением или тотчас же по пробуждении (Аристотель, Бодуэн, Бехтерев, Степанов, Дельбёф, Кондорсе, Гаусс, Гельмгольц, Менделеев, Ньютон, Аппольд, А. Ланг, Агассис, Словцов, Померанцев, Семенов-Тянь-Шанский, Вернер, Авиценна, Лукреций, Декарт, Фехнер, Рейнгольд). В 19 случаях догадка имела место на вольном воздухе (на берегу моря, на бульваре, на рейде, на пароходе, на еврейском кладбище, в горах в Гарце, на прогулке, на прогулке по саду, у подножия дерева, на Невском проспекте, под деревом на траве, в Тиргартене, на утренней прогулке среди зелени, при восхождении на Альпы (дважды), на развалинах Капитолия). Совозбудителями для вдохновения были: половое влечение (Шопенгауэр, см. гл. II), кофе (Пуанкаре), алкоголь (Авиценна), аромат цветов в оранжерее Цвингера (Шопенгауэр), пение (Гиббон). Добавлю еще, что про скептика Карнеада рассказывали, будто он для подъема вдохновения перед выступлением против стоиков принимал чемерицу (заключающую в себе вератрин). В двух случаях можно отметить лихорадочное возбуждение, сопровождавшееся гипермнезией. В общем можно сказать про приведенные мною случаи, что "интуиция" имеет место при благоприятных условиях мозговой работы. В 2/3 случаев мы имеем на это прямые указания.

7. Независимость от непосредственной воли творца, стихийность процесса изобретения, побуждающая романтически настроенных изобретателей (Морзе, Шопенгауэр, Ницше) говорить о высшей силе, о "медиуме" и смотреть на свое создание, как на порождение, им лично не принадлежащее.

8. Единство и организованность всего процесса, несмотря на внезапность и непреднамеренность удачных комбинаций.

9. Наконец, следует еще отметить один волевой момент в процессе осуществления разработки и даже проверки счастливой догадки. Это стремление верить в объективную значимость своего изобретения, что мы видели так ярко выраженным у Гегеля. Это стремление отнестись с доверием, инстинктивно к догадке, не препятствовать ей развернуться во всю ширь, стремление отдаться временно порыву. Американский психолог Дирборн отмечает в житейских обстоятельствах такую же наклонность отдаваться во власть интуиции у чутких и проницательных женщин, которые иногда оказываются в состоянии угадать то, что

248

представляется непостижимым в поведении другого человека, с чисто рассудочной точки зрения (см.: "Psychological Review", 1916, November, v. VIII, № 6, p. 472: "Intuition"1).

XXII. Ассоциативный механизм и творческая интуиция

Если мы после сказанного сопоставим между собою: 1) роль яркости впечатлений, западающих в душу изобретателя, яркости не в смысле непременно силы ощущения или его чувственного тона, но в смысле силы чувства ценности или значимости впечатления, 2) роль специфических привычек в смысле повторяемости впечатлений при их усвоении организованной памятью, их интеллектуальном истолковании, 3) роль недавности впечатления, очевидную из тех синопсисов, обзоров приобретенных идей, к которым часто прибегают в творческой работе. Это - "сбор всех частей"

или генеральный смотр приобретенным идеям, 4) роль благоприятного самочувствия для творческой работы, которое повышает воспроизводимость мыслей, то окажется, что творческая интуиция не выходит из рамок обычных законов вероятной ассоциации (Джэмс) или того, что проф. Введенский называет количественными законами ассоциации. Оказывается, творческая деятельность так же подчинена им, как, например, сновидения или иллюзии, с тою оговоркою, что здесь комбинирование образов, смутных психических обертонов, схем и т. п. является лишь посредствующим условием для комбинирования мыслей. Интуиция есть лишь "поворотный пункт" в обычном процессе мышления. Мистический ореол, окружающий интуицию как нечто выходящее из рамок естественных условий психической жизни, еще более потускнеет, если принять во внимание то, что, как мы уже заметили, счастливые догадки, незначительные по своей ценности, есть постоянное явление в нашей обыденной жизни.

Так сказать, "химическим толчком" для счастливой догадки могут быть самые различные поводы: 1) контакт мысли с мыслью (Фома Аквинский, Гаусс, Гельмгольц и др.), 2) контакт мысли с внешним восприятием, вызывающим другую мысль (Кекуле, Эдиссон, Гете), 3) контакт мысли с книгой, вызывающей другие мысли (Малебранш, Дарвин, Уоллес), 4) необычная, некабинетная обстановка, выбивающая самочувствие из обычной колеи (Пуанкаре, Фома Аквинский, Милль и др.), что благоприятствует косвенным образом процессу диссоциации. Если принять во внимание крайнюю скудость биографического материала по истории философии и наук, особенно до XIX в., малую охоту

1 Другой американский исследователь Уоррэн (Warren) в статье "A study of purpose" отмечает в числе факторов, привходящих в целое мышление и, в частности, в процесс осуществления догадки, пять элементов: 1) идею о будущей ситуации, антиципирующую последнюю в виде предваряющей мысли (a forethought), 2) признание приемлемости этой мысли, хотение осуществить ее (assent). Пирогов, замечу я, отмечает отсутствие этого момента у солдат николаевского времени. На вопрос: "Не хочешь ли чего-нибудь?", раненый солдат обязательно отвечает: "Не желаю, ваше благородие". 3) Чувство мощи. 4) Сознание своей личности как творческого фактора, и, наконец, 5) во время творческой работы приходит в голову, что та или другая мысль может "потрафить" данной цели (fit) или не может "потрафить" (unfitness) (см.: "Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods", 1916, v. 1).

249

ученых посвящать нас в тайны их творческой лаборатории и то обстоятельство, что собранное мною представляет все же весьма ничтожную в количественном отношении долю (хотя и весьма типическую в качественном отношении), то утверждение, будто творческая интуиция крайне редко проявляется в научной работе, можно будет считать окончательно опровергнутым. С другой стороны, совершенно очевидно, что она есть лишь момент в постепенном развертывании творческого процесса, лишь "увенчание здания". Прав Лало, который говорите) творческой интуиции как о капитале, который накопляется многие годы, но может быть израсходован в одну минуту ("Введение в эстетику").

Если предположить, что путь, ведущий к творческой догадке, не определяется механизмом ассоциаций сознательных, но предполагает скачки в цепи сознательных ассоциаций, то возможны несколько предположений об их природе: I. Что эти звенья не бессознательны, а суть смутно сознательные переживания. II. Что в психическом ряде имеется скачок, которому соответствует в мозговой деятельности физиологически бессознательное. III. Что эти бессознательные представления - мои бессознательные представления. IV. Что они вторгаются в мое Я из некоего Высшего Сверхсознания, которое и совершает творческий акт. V. Что "интуиция" есть результат "кооперации" множества низших "подсознательных Я" под контролем моего Я.

Предположение. Гербарт назвал внезапные воспроизведения и догадки frei steigende Vorstellungen, "свободно поднимающиеся представления"; в их отчетливости, быстроте и легкости воспроизводимости он усматривал существенный признак гениальности и давал им объяснение в духе своего учения о бессознательных представлениях. В современной психологии по этому поводу возник спор между Иерузалемом и Вундтом. Первый утверждал, что подобные представления суть ассоциации бессознательные, второй оспаривал подобное утверждение. Как справедливо указывает Кюльпе, подобный спор не может быть разрешен на почве

психологии, но вне ее вопрос о допустимости представлений есть вопрос, разрешаемый или положительно - на почве метафизики, или отрицательно - на почве критической теории познания. Для некоторых метафизиков гипотеза эта так важна, что им кажется, будто с нею связан для психологии вопрос самого ее существования. Так именно думает Липпс, который говорит: "Никакое понятие психологического и никакое приемлемое определение психологии без понятия бессознательно-психического невозможно". Другие психологи, в том числе и метафизики, и сторонники критической теории познания, отвергают бессознательные представления, истолковывая их как неопознанные, смутно-сознаваемые и незамеченные (Кизов). Кизов посвятил небольшую весьма интересную для нас работу вопросу (в "Archiv fur die gesammte Psychologie", B. VI, 1905, S. 356-390): "Ueber so genannte "frei steigende Vorstellungen" und plotzlich auftretende Aenderungen des Gemuthszustandes. Sind die Verbindungsglieder, welche hierbei in Frage kommen, "unbewusst" oder "unbemerkt"?

Однажды один его знакомый переплетчик, идя в Лейпциге по улице, вдруг вне какой-либо заметной для него связи с окружающей обстановкой (он был погружен в размышление о своих делах) вспомнил очень живо одно место, когда-то много лет тому назад посещенное им в Лон-

250

доне. Немного спустя он догадался, почему ему ни с того ни с сего вспомнился Лондон: он увидал впереди себя господина, который на ходу курил трубку английского табака "honey dew"; запах этого табака, неосознанный сначала, как раз и напомнил ему то место в Лондоне, где много курят на улице именно этот сорт табака. Заинтересованный подобными случаями, Кизов попросил жену свою записывать в книжечку все аналогичные случаи с отметкой, что искомое звено found (найдено), not found (не найдено) и uncertain (под сомнением). Эти наблюдения производились 5 1/2 месяцев, и после окончательного детального психологического анализа наблюдений из 854 случаев в 395 (41%) звено оказалось найденным. Было совершенно очевидно, что весьма легко его не открыть вовсе. Представьте себе, что курящий трубку господин завернул за угол и переплетчик не нагнал его, тогда весьма возможно, что лондонское воспоминание осталось бы для него вне всякой замеченной ассоциативной связи. Именно подобный случай хорошо описан Гауптма-ном в рассказе "Стрелочник Тиль", где рассказывается, что стрелочник, бегущий на место железнодорожной катастрофы, где был раздавлен поездом его сын, был изумлен (несмотря на крайнее душевное волнение) тем, что при его бегстве через лес, когда ему перебежала дорогу белка, ему пришла в голову фраза: "Боженька дорогу перебежал"; фраза осталась для стрелочника необъяснимой, но читателю этого рассказа происхождение фразы вполне понятно. Незадолго перед катастрофой отец гулял с ребенком в лесу, и мальчик, увидавши прыгающую с дерева на дерево белку, вдруг спросил: "Папа, это - Бог?" Ассоциативные звенья бесследно забываются, из чего еще вовсе не вытекает, что они бессознательны. Jastrow в книге "La subconscience" рассказывает, что один врач, готовившийся к экзамену по ботанике, проходя по улице Парижа, был поражен тем, что увидел вывеску: Verbascum Thapsus. Это поразило его, он вернулся к вывеске и прочитал: Bouillon; дело в том, что обывательское название этого растения: Bouillon blanc (стр. 73). Причина забвения - слабая интенсивность и быстрота смены. Путем упражнения, по-видимому, можно развить в себе самонаблюдение и сделать "незамеченные" представления в большом числе случаев "опознанными". Мы привели около 65 случаев внезапных догадок, из них многие лишь упомянуты без всякого описания и все же приблизительно в 24 из приведенных случаев ассоциативное звено, приведшее к догадке, было при воспоминании об изобретении найдено или найдено непосредственно. Вот список представлений, послуживших исходным пунктом для догадки:

у Кекуле - обезьяны,

у Галилея - люстра,

у Эдиссона - звук при вращении валика,

у Брюнеля - teredo navalis,

у Шефера - осиное гнездо,

у Брауна - паутина,

у Джиббона - развалины в Капитолии,

у Дарвина - закон Мальтуса,

у Уоллеса - закон Мальтуса,

у Спенсера - книга Грове,

251

у Лосского - сливающиеся в тумане предметы,

у Архимеда - тело, погруженное в воду,

у Тарда - волнообразные движения,

у Кл. Бернара - цвет мочи кроликов,

у Гёте - череп овцы,

у Уатта - машина Ньюкомена,

у Окена - череп оленя,

у Морзе - замечания о проволоке,

у Семенова - толпа народа, пуговицы, формула бензола, грибы,

у Фурье - яблоко,

у Бёме - отблеск солнца на темном сосуде,

у Руссо - тема Дижонской академии,

у Фехнера - вид цветущей зелени,

у Введенского - фраза о мясниках, убивающих скот, etc.

Сюда можно присоединить еще два явно ассоциативно обусловленных случая из пяти, приводимых в VI главе (Коульридж и Цицерон, см. ниже стр. 324). Итого 26 примеров из 65, т. е. 40%.

В некоторых из приведенных нами случаев изобретатель указывает ассоциативное звено в прочтенной книге. Так, Кант говорит о Юме ("Исследование"), Уоллес и Дарвин - о книге Мальтуса (заключающей в себе идею, родственную идеям двух натуралистов), Спенсер - о книге Грове, Тард - о статье о волнообразных движениях, Введенский - о книге Рибо ("Память"). Замечание Кизова о том, что, по его наблюдениям, можно путем самоанализа развить в себе способность восстановить в памяти ускользнувшее звено, интересно в том отношении, что не невозможен случай, когда ускользают из памяти и звено, опосредствовавшее догадку, и самая догадка. В таком случае не исключена возможность, воспроизводя утерянное звено, при его помощи восстановить и догадку. Если бы Пушкин по пробуждении сохранил в памяти или мог воспроизвести какие-нибудь подробности того сна, в котором он сочинил стихотворение, особенно общее самочувствие, Bewusstseinlage, то, быть может, он воспроизвел бы и самое стихотворение. Эрве де С. Дени, мы видели, свидетельствует (в согласии с показаниями Кизова), что можно путем самоанализа развить в себе способность воспроизводить сновидения. Но, конечно, важно твердо запомнить догадку или записать ее, прежде чем сосредоточивать внимание на ее психических подголосках. Если же она совершенно забыта, то нередко полезно на время совсем оставить в стороне усилия вспомнить ее. Иногда при "осечке памяти" и потере промежуточного звена полезно, если представится возможность, математическое исчерпывание всех мыслимых случаев. Так, однажды я хотел припомнить название последней оперы Чайковского. Так как я хорошо знал эту оперу, то забвение ее названия неприятно поразило меня, и я не успокоился, пока не припомнил, но мне удалось это лишь при помощи ряда систематических попыток. Я твердо знал, что опера называется иностранным женским именем, начинается с восьмеричного или десятичного И и кончается на да или та. Перебирая для второй

буквы комбинации Иа, Иб, Иг и дойдя до о, я вспомнил "Иоланту".

252

Очень важно отметить такой случай, когда у нас не утрачивается память на представление, входящее в ассоциативную цепь, но происходит потеря чуткости, т. е. памяти на чувства ценности. Великолепную иллюстрацию подобного случая дает В. Г. Короленко в рассказе "Мороз"1. В этом рассказе описывается поездка двух лиц с ямщиком во время сильнейшего холода. Путешественники окоченели от холода. Ямщик, гораздо более выносливый, тоже озяб. В это время рассказчик увидел сидящую невдалеке от дороги человеческую фигуру, как будто подающую какие-то знаки. По этому поводу ямщик сказал что-то смеясь. "Но для меня это были только разрозненные звуки, точно звенели льдинки, слова были пусты, в них для меня в то время не было никаких понятий"; приехав на ночлег, отогревшись и легши спать, путешественник вдруг в полусне застонал. "В эту минуту я вдруг вспомнил слова ямщика, которые он говорил еще тогда по дороге и которые лежали у меня где-то в глубине памяти лишенными смысла". Путешественник понял, что нужно было спасти замерзающего человека, что они могли это сделать и не сделали этого, потому что совесть замерзла (Короленко. "Повести и рассказы", кн. 3, 1907, стр. 148). Здесь дан яркий пример потери памяти на чувство ценности, именно моральной значимости, но возможна такая же потеря чувства значимости или чуткости интеллектуальной. Я могу помнить звено, ведущее к потерянной догадке, но могу забыть ту значимость, которую оно для меня имело.

Встречаются люди высокоинтеллигентные, но со слабо развитою способностью самонаблюдения и отсутствием философской пытливости мысли, которые, обладая поразительным даром интуиции, сами post factum не могут дать себе отчет, что именно привело их к догадке, моментально забывают об этом и ссылаются при расспросах окружающих на какое-то безотчетное чувство. Д-р В. М. Королько рассказывал мне о докторе Петропавловской больницы Иогансене, который, будучи талантливым диагностом, однажды определил у больного наличность рака поджелудочной железы наперекор показанию всех остальных врачей, исследовавших больного, которые и посмеялись над ним, предполагая у больного совершенно другое заболевание. Когда, к изумлению врачей, его диагноз при вскрытии умершего пациента блестяще подтвердился, на их расспросы, как он угадал болезнь, он отвечал: "Тут дело происходит, как в карточной игре. Сидишь играешь в винт и чувствуешь, что у соседа с левой стороны на руках туз".

II предположение, что в ассоциативной цепи есть скачок, которому соответствуют лишь физиологические процессы, т. е. гипотеза физиологически бессознательного допустима и поддерживается авторитетнейшими психологами и психиатрами. В самом деле, если я могу, пользуясь счетной машиной в математической работе, получить продукт математической операции в виде нечувственной мысли, соответствующей, скажем, цифрам, выражающим искомое число, не переживая никакой умственной операции, которую нужно произвести, чтобы получить это число, скажем, как произведение двух множителей, то почему же в процессе творческой работы мозг не мог бы быть таким же, хотя и бесконечно сложным и подготовленным нами аппаратом, где имели бы место такие

1 На рассказ Короленко мне любезно указала Е. Д. Проскурнякова.

253

же процессы замещения актов мысли, какие имеют место в описанном нами выше случае (см. главу II), процессы замещения интеллектуальных актов их чувственными и эмоциональными коррелятами? Но невозможность восстановить нити, как выражается Гаусс, между "прежними понятиями" и "желанным результатом" еще не исключает возможности, что тут имело место психическое замещение описанного выше типа. Во всяком случае, участие физиологического бессознательного в творческом процессе остается лишь мыслимой возможностью, но не прочно установленным фактом.

III предположение, что "the missing link", недостающее звено, относится к моей бессознательной психике, - заключает в себе столь явную несообразность, что со времен Э. фон Гартманна, главного идеолога "философии бессознательного", почти не выдвигается более ее сторонни

ками.

Два остающихся предположения допускают сообщаемость сознаний. С этой точки зрения сознание не есть замкнутое единство, но всегда со-сознание (co-consciousness), по выражению Мортона Принса. Философская нелепость такого понятия для всякого психолога, который не стоит на точке зрения интуитивного познания чужой душевной жизни, совершенно очевидна и подробно выяснена мною в работе "Опровержение солипсизма" (Труды русских ученых за границей. Вып. I, 1924). С психологической же точки зрения такое предположение излишне, как это увидит читатель в следующей главе.

IV предположение "сверхсознательного я", которое привносит в мое сознание счастливую догадку; гипотеза Майерса ("The human personality") плачевна, потому что, ровно ничего не объясняя, она только перемещает загадку из одного сознания в другое. Такое предположение построено по аналогии с биологической гипотезой Гарвея, который приписывает формирование зародыша великому художнику (Artifex), пребывающему в матке (см. выше гл. II).

V (последнее) предположение, согласно которому творческий акт есть продукт кооперации множества "подсознательных я", построено по типу другой биологической гипотезы Мопертюи. В своей книге "Venus physique" (цит. по изд. 1757 г.) он писал: "Инстинкт животных, который помогает им находить полезное и избегать вредного, не присущ ли он самомалейшим частицам, образующим животное? Этот инстинкт, рассеянный в частицах семян, хотя и в более слабой степени, чем в самом животном, не является ли этот инстинкт тем не менее достаточным, чтобы объединить эти отдельные части" (p. 133). Таким образом, при образовании зародыша каждая образующая частица, как отдельные солдаты, строящиеся в каре, займет свое место. В психологии подобного взгляда придерживается Полан (Paulhan) в своей книге "L'activite mentale et les elements de Fesprit". "Всякий психический факт стремится, - пишет он, - ассоциироваться и порождать психические факты, гармонирующие с ним, которые могут вместе с ним конвергировать (concourir) к общей цели, к гармонизующим с ним фактам, которые могут образовать систему" (p. 86, 3-е изд., 1913). Таким образом, между "психическими фактами", которые суть "подсознательные я", существует психическое притяжение. Эта гипотеза, страдая недостатком, общим с предшествующей: логической несообразностью в понятии психи ческого, на которое переносятся атрибуты физического, упускает из виду,

254

что смутное чувство сродства двух представлении может быть только моим смутным чувством.

Если в процессе формирования творческой догадки происходит известная перегруппировка представлений, то подбираются друг к другу гармонирующие представления, с одной стороны, потому, что я чувствую смутно их соответствие друг другу, с другой стороны, потому, что происходит действительно тенденция к объединению между соответствующими физиологическими процессами и нередко против или помимо моей воли. Выражение вроде "образы сливаются" (Verschmelzung Гер-барта и Вундта), представления стремятся, отталкиваются и т. п. суть метафоры, которые ни в каком случае не могут быть истолковываемы буквально. В противном случае окажется, что единого Гегеля никогда не было, а была когда-то кооперация множества "гегелят", которые образовывали собою сознание Гегеля в таком необозримом множестве, как крошечные чертенята, соблазнявшие святого Антония. По точному подсчету, они могли в количестве 20 000 танцевать самую бесшабашную сарабанду на кончике самой острой иголки (слова Эразма Дарвина, см. статью проф. В. М. Шимкевича "Эмбриология" в словаре Брокгуза).

XXIII. Экспериментальное исследование творческой интуиции. Бе интеллектуальная, аффективная и волевая стороны

Как уже было указано, "интуиции" могут иметь весьма различный "удельный вес". Было бы весьма интересно исследовать переживания при интуиции микроскопического и вообще скромного размера, например при решении обыкновенных задач и отгадывании обычных загадок, путем эксперимента и коллективного методического самонаблюдения. Подобную попытку сделал американский психолог Финкенбиндер, о котором я упоминал в I т. гл. IV. Но его главною целью было исследование припоминания за месяц до опыта произведенных процессов решения проблем. Тем не менее он сообщает кое-что и о переживаниях во время разгадывания загадок и решения задач. Он просил испытуемых подмечать в себе отдельные моменты в процессе решения. Вот несколько примеров из списка предложенных им проблем. I. Проблема точек.

Расположить линии так, чтобы получились группы по 6, 6, 4 точек вместо четырех имеющихся групп по 8, 3, 3 и 2, причем разрешается перемещать или устранять только две линии.

II. Проблема родства. Каким образом два лица А и В могут быть обоюдно и дядей и пле мянником друг другу? III. Проблема зрения. Minimum visibile есть наименьшая видимая величина, никакая часть ее в отдельности не видима, и, однако, каждая часть ее воздействует на сетчатку так, что целое видимо. Верно ли это? IV. Проблема тяжести. Некто расколол пудовую тяжесть на такие части, чтобы можно было составить из них любую тяжесть от одного фунта до пуда.

255

Исследуя показания 18 испытуемых, решавших первую проблему, Финкенбиндер нашел, что решительно все пользовались при решении проблемы чувственными образами в восприятии и в воображении, что только двое действовали рационально, т. е. при каждом шаге в решении проблемы руководились не случайными пробованиями вслепую, но попытками, имевшими какое-нибудь осмысленное отношение к поставленной цели, остальные 16 большею частью делали тщетные попытки наткнуться на решение, и если достигали последнего, то с трудом и случайно.

В приведенных выше примерах проницательность проявлялась в виде догадки, предваряющей интеллектуальные акты нечувственной мысли в различных формах. 1) В форме силлогизма. Это мы наблюдаем у Платона, Аристотеля, Фомы Аквинского, Авиценны, Лейбница и Канта. Платон в "Меноне" путем расспросов заставляет мальчика вывести некоторую геометрическую теорему и, указав на то, что ребенок не усвоил это знание ни от него, ни от кого-либо другого, заключает, что оно прирожде-но ему и было в потенциальной форме присуще его душе до рождения. Так, путем разделительного силлогизма Платон устанавливает учение об "анамнезисе" как онтологической основе гипотезы идей. Точно так же интеллектуальная сторона философской интуиции Лейбница заключалась, как мы видели, в разделительном силлогизме. Взаимодействие души и тела постижимо или при помощи influxus physicus, или при помощи гипотезы окказионализма, или при помощи предустановленной гармонии. Но так как первые два пути неприемлемы, то остается лишь третий. Исходным пунктом для Канта были антиномии: мир физических вещей в

себе или познаваем, или непознаваем, но если он познаваем, то его следует зараз считать и конечным, и бесконечным, и, конечно, разделенным и бесконечно делимым, что нелепо, - следовательно, он непознаваем. 2) В других случаях мы имеем внесиллогические выводы математического характера - Пуанкаре, Гамильтон и др. 3) В третьем - внесиллогические выводы из логики отношений1; сюда относятся операции, в которых устанавливается система отношений неродового характера, где группируются объекты в известную упорядоченную систему - таблица Менделеева. 4) В четвертом случае у большинства упомянутых нами натуралистов мы имеем индукцию объема (например, Сеченов, Галилей, Ньютон). 5) В пятом случае мы встречаемся с индукцией содержания. Это имеет место, когда на основании корреляции одних свойств физического объекта с другими эти последние восполняются в изучаемом типическом экземпляре - Кювье, Агассис. Сюда же относятся случаи индукции содержания в науках о духе - те случаи интуиции (Сорель), дивинации (Ренан) историка, когда он благодаря проницательности реконструирует типически индивидуальную духовную личность исторического деятеля.

Организованность творческой памяти, комбинационной деятельности воображения при частых обзорах собранного и обработанного материала, в связи с быстротой в смене образов, в значительной степени облегчает гигантский труд претворения всего усвоенного в целостное и упорядоченное единство.

1 См. мое исследование "Логика отношений и силлогизм", 1917.

256

Аффективная сторона чувства целостной концепции подробно описана мною во II главе этого тома, она родственна эстетическим чувствам, но не тождественна им. Это чувство единства во многообразии, согласованности, симметрии, ритма и гармонии между образами, которые являются эквивалентами соответствующих нечувственных символов. Они находят себе полное завершение в чувстве архитектоничности целого. У философа подобное чувство связано с образом мира, соответствующим его понятию о мире. Именно такой символический образ мира нам описывает Фехнер. Когда Моцарт в вышеприведенном примере уподобляет сложившуюся в голове симфонию прекрасной картине или красивому человеку, созерцаемому зараз, то он имеет в виду то же, что и Кант, и Спенсер, говоря об архитектоничности системы, которая чувствуется при обозрении целого "Ueberschaunung des Ganzen", по Канту. Эти, по выражению Фолькельта, предметные (Gegenstandhche) чувствования не следует смешивать, как я уже сказал, с личными чувствами творца - муками творчества и радостью, восхищением, блаженством при окончательном разрешении проблемы. "Брат Дэви рассказывает, что когда последний в своих попытках проверить путем опыта сложную природу тел, которые предполагали простыми, успел выделить "потассий" посредством гальванического столба, то не мог сдерживать своей радости, бегал по своей комнате, прыгал, скакал в восхищении, доходившем до исступления, от сознания, что он с искусством экспериментатора проверил предположение, отмеченное гением" (см.: Ostwald. "Grosse Manner", цитирую по книге М. А. Блоха "Творчество в науке и технике", 1920, стр. 12). Вот яркий пример личных, но не предметных чувствований: подобные личные чувствования тесно связаны с волевой индивидуальной стороной всего творческого процесса.

Волевая сторона "интуиции" была отмечена нами выше. К сказанному нужно прибавить, что самым поразительным в процессе формирования чувства целостной концепции является причудливое и загадочное сочетание умышленности и непроизвольности, преднамеренности и стихийности, разумного и случайного. С одной стороны, конечная цель при первом проблеске догадки представляется крайне смутной, и ученый мог бы сказать, подобно поэту: "Сам не знаю, что буду петь, но только песня зреет". С другой стороны, систематичность стремлений к постижению искомого Икса бросается в глаза, и чем более мы будем изучать самый процесс творчества, тем более будем находить методичным и упорядоченным процесс работы. Самое характерное здесь - чувство направленности сознания в известную сторону. Воля творца как бы выслеживает при помощи прожекторов место нахождения штаб-квартиры неприятеля. По словам проф. Блоха, в современной науке фантазия регулируется рациональными приемами работы, на что указывает Вант-Гофф в своей речи о фантазии в науке. "Научное открытие напоминает теперь бомбардировку крепости с различных сторон: осторожное карабканье по оставшимся обломкам и борьбу за то, чтобы укрепить знамя по прибытии наверх" (см. М. А. Блох: "Творчество в науке и технике", 1920, стр. 32). Вот интересный пример методической "осады" в целях достигнуть желанного результата. Оствальд в статье "Die Technik des Erfindens" (см. книгу "Die Forderungen des Tages") указывает,

как иногда возможно, выражаясь словами Шиллера, nach Principien erfinden*, заме-

257

няя счастливую догадку, получаемую путем случайной интуиции, методическим научным исчерпыванием всех представляющихся возможностей для решения проблемы. Он приводит интересный пример: ботаник Пфеффер, исследуя губочные споры некоторых водорослей, заметил, что мужские цветки этого растения выделяют споры, которые, обладая самостоятельным движением в воде, с большою точностью пробираются в женские цветы. Пфеффер задался вопросом, не вызываются ли эти движения каким-нибудь веществом, выделяемым женскими цветами. Он растер некоторое количество этих цветов, насыпал порошок в стеклянную трубку и убедился, что губочные споры так же охотно и точно проникают и в стеклянную трубку, как и в женские цветы. Таким образом, этот вопрос решился положительно, но вслед за ним возникал другой вопрос: какое именно вещество производило такое действие? Предпринимать непосредственно химический анализ цветов было бы безнадежным делом, ибо последние заключали в себе многие дюжины различных химических соединений, каковые выделить и определить не удалось бы самому искусному химику. Приходилось подходить к решению проблемы с другой стороны и попробовать определить, какое из известных веществ обладает притягательной силой для спор. Но при наличности многих тысяч известных нам органических соединений это потребовало бы столько же тысяч отдельных опытов, о чем нечего было и думать, так как это потребовало бы огромного количества времени. Поэтому Пфеффер взялся за дело, предприняв совокупные опыты (zusammenfassend). Он попросту взял все препараты, стоявшие на верхней полке шкафа, смешал их и сделал над смесью опыт. То же самое проделал он над препаратами, стоявшими на второй полке, и так далее, пока не натолкнулся на смешение, действовавшее притягательно. Предположим, что на этой полке было сто препаратов, очевидно, искомое вещество было одним из них. Пфеффер разделил эту сотню препаратов на 50, стоящих с правой стороны, и 50, стоящих с левой стороны. При помощи двух опытов он выяснил, в которой из двух новообразованных групп находится искомое вещество. Эта последняя группа снова была разделена пополам и так далее; "дичь окружалась все более и более в узкий круг, пока наконец не оказалось, что это - яблочная кислота".

"В этом вся тайна, - заключает Оствальд, - все поле возможностей разделяется на части, которыми мы можем технически овладеть, и одна часть за другою преследуется в ее отношении к проблеме. Таким путем непременно будет найдена "та часть, в которой кроется разгадка".

XXIV. Общая схема творческой интуиции. Завершающая догадка и чувство целостной концепции

В то, что я называю чувством целостной концепции, входят самые разнообразные чувственные представления в виде классификационных схем, зрительных диаграмм, условных знаков и символов, имеющих или а) мнемоническое значение для удержания в памяти уже выделенных ранее активностью внимания важных и относящихся к делу фактов, мыслей и их отношений, или б) эвристическое значение в качестве смутных антиципаций, связанных с ними нечувственных смыслов. Все эти образы, схемы, символы складываются, организуются, и их группи-

258

ровка непрестанно меняется. Их комбинирование приводит к частичным догадкам, касающимся той или другой стороны конечной проблемы, но все они конвергируют к одному terminus ad quern, к тому, что можно назвать завершающей догадкой. Таковой для философа является его понятие о мире. Вся эта совокупность образов тесно связана с известной работой мышления низшего порядка, заключающейся в отожествлении, различении, сравнении и упорядочении этих чувственных коррелятов нечувственной мысли, которая совершает, в свою очередь, свои операции, но не непрерывно и одновременно с этими переживаниями. Я хочу этим сказать, что хотя сети умозаключений и бывают всегда связаны с чувственными символами, но переживания чувственных символов и чувств отношений между ними могут не сопровождаться актами логического вывода. Процесс организации чувственных образов, конвергирующих к единой конечной цели, входит в длительный процесс хронического вдохновения, который прерывно может тянуться годы, и в сравнительно скоропреходящий процесс вдохновения острого, которое может тянуться прерывно дни, недели и месяцы. Так, Кант, как было замечено нами, подготовлял, считая от указанного им момента смутной догадки (1769), 12 лет, а писал свою великую книгу

6 месяцев. Таким образом, динамический процесс объединения удачно подмеченных фактов и мыслей (Sagacitas) в счастливые частичные догадки и процесс объединения этих последних в завершающую догадку может быть представлен в свой заключительный момент в следующей синоптической схеме. Пусть а, к, 1, b, n, t, d, m будут обозначать выделенные чуткостью факты, мысли и отношения между ними; - счастливые частичные догадки, добытые проницатель-

ностью, и Z - завершающую догадку, тогда познавательная сторона чувства целостной концепции может быть выражена в следующей зрительной схеме, где имеется группа упорядоченных образов и символов.

259

Примерами таких символических образов и отрывочных мыслей могут служить у Семенова-Тянь-Шанского: единицы групп прохожих, пуговицы на отдельном прохожем, группы грибов, формула бензола и воспоминание о геометрической задаче.

У Лейбница: идеи Аристотеля, атомы и пустота, субстанциальные формы, воспоминание о зоопсихологических идеях Фомы Аквината, о метаморфозе и трансформации, о Сваммердамме, Мальпиги и Левенгёке, о Малебранше, Перье и Гартсенере, о воскрешении мух, погребенных в меловой пыли, об организме как машине с бесконечным множеством органов, об influxus physicus и окказионализме - и, наконец, о предустановленной гармонии.

Лишь в немногих из приведенных случаев перед нами имеется, так сказать, полное "развертывание сюжета". Пуанкаре сообщает нам о важнейших его этапах от зарождения догадки до ее окончательного завершения, равным образом Семенов-Тянь-Шанский, Гротефенд и То-мсен; у Шопенгауэра и Спенсера оттенено чувство целостной концепции. Его элементарнейшей формой является складывание детьми "египетских" фигур, т. е. ограниченных прямыми линиями плоских раскрашенных кусочков в сложную фигуру, показанную на рисунке, где однако обозначены лишь контуры сложных фигур.

В ораторском искусстве этому соответствует умение развивать стройную речь, импровизируя (об этом см. ниже гл. VI) в музыке то, что Римский-Корсаков называет архитектонической логикой.

XXV. Сомнительные случаи в вышеприведенных примерах

творческой интуиции. Творческая интуиция - чудесное ясновидение

в глазах простодушного обывателя

В научном и философском творчестве задаешься вопросом о достоверности каждого приводимого случая. Строгая проверка здесь, конечно, невозможна, ибо даже в тех случаях, где дает показание сам изобретатель, возможны обманы памяти, даже если и не предполагать вовсе умышленного обмана. Мне представляются несколько подозрительными три приведенных случая: 1) Jastrow в "La subconscience" пишет: "Я могу напомнить случай, может быть, фиктивный, приключившийся с одним математиком, который однажды во время прогулки, погруженный в размышления, стал писать на черной плоскости, находившейся перед ним, которая, к его изумлению, стала двигаться, - эта черная доска была спинкою кареты". Этот анекдот об Ампере сообщается у нас в России приуроченным к Остроградскому. Возможно, что мы имеем дело со странствующим сюжетом. Рассказ Фурье о трех яблоках смахивает на анекдот, особенно если вспомнить, что Байрон в Дон-Жуане, как указывает проф. Блох (в книге "Творчество в науке и технике", стр. 9), шутливо сопоставляет яблоко Ньютона и яблоко Адама. Наконец, Кекуле, рассказывая о зарождении структурной теории дважды, один раз упоминает о шести обезьянах, другой же раз (текст приведен у проф. Блоха в той же книге, стр. 13), снова упоминая о поездке на омнибусе, Кекуле ни слова не говорит об обезьянах. Не две ли различные интуиции пережил Кекуле, одну при благосклонном участии обезьян, а другую без их участия?

260

Весьма любопытно отметить умышленное стремление даровитых ученых, обладающих глубоким знанием своего предмета и наделенных чуткостью и проницательностью, выдавать перед profanum vulgus* свой дар за мистическую интуицию, дарованную

небом свыше. Знаменитый врач древности Гален распространял о себе слухи, что Аполлон Пифий-ский передает устами его свои прорицания больным, за что врачи иронически прозвали его "чудодеем" В сочинении "De locis

affectis" (lib, V, caput VIII) он рекомендует врачам импонировать пациентам гениальностью своей интуиции при диагнозе. Он сам рассказывает, как он ошеломил одного больного своим диагностическим ясновидением. Входя вместе с философом Главконом (дело было в Риме) к некоему больному сицилийцу, он замечает в передней, что слуги выносят в сосуде выделения больного; беглый взгляд на жидкость, похожую цветом на комок говядины, слегка кровяной, убеждает его в том, что больной страдает печенью. Войдя в комнату и ощупавши пульс больного, Гален убеждается в остром и воспалительном, нехроническом характере болезни печени. Бегло взглянув на горшочек, стоящий на окне, Гален увидел в нем листья иссопа в растворе и решил про себя, что больной воображает, будто у него воспаление грудной плевы, и лечится от нее популярным в то время средством - медовым настоем иссопа. Собравши мысленно все эти данные, Гален решил ошеломить своей интуицией и больного, и философа Главкона. Подойдя к постели больного, он прямо приложил руку свою к его правому боку к ложным ребрам и сказал: "У вас болит здесь". Установив болезнь печени, он сказал: "Вас должен также по временам тревожить кашель сухой и без мокроты". С больным тотчас же сделался припадок сильнейшего кашля. "Когда вы делаете глубокий вздох, страдание печени как бы усиливается, и вы чувствуете тяжесть в левом подреберье". Больной с изумлением подтвердил и этот факт; "Не чувствуете ли некоторого дергания в плече", - продолжал Гален - и это подтвердилось. Самое поразительное Гален приберег к концу: "Я узнал, какая у вас болезнь, теперь я скажу вам, какую болезнь вы себе приписываете... Вы воображаете, что у вас воспаление грудной плевы" (см. Фигье: "Светила науки", 1869, стр. 340-351).

Профессор Илья Александрович Шляпкин рассказывал мне, как однажды при посещении одного монастыря он оказался в глазах монахов "ясновидцем". Поднимаясь с ними на старую монастырскую колокольню по темной и узкой лестнице, он остановился на одной из площадок и попросил монахов взломать в одном месте толстый слой штукатурки, утверждая, что под этим слоем они увидят дату основания монастыря. К изумлению монахов, предсказание Шляпкина оправдалось. Сломив штукатурку, монахи увидели дату основания монастыря. Дело в том, что И. А. Шляпкин имел случай неоднократно наблюдать в других монастырях, что даты обыкновенно вырезывались на стене против слухового окошечка, из которого на стену падал свет. В другом (женском) монастыре И. А. Шляпкин открыл наличность частицы мощей святого (имени его был придел монастырской церкви) в серебряном желуде, висевшем в виде украшения на иконе Божьей Матери. Это случилось в канун дня этого святого. Внезапная "интуиция" знатока церковных древностей так поразила настоятельницу монастыря, что она упала к ногам "ясновидца" и пыталась поцеловать его руку.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГЕНЕЗИС ТВОРЧЕСКОЙ ВОЛИ

XXVI. Фальшивая идеализация инстинктов. Психическое замещение,

перенос чувствований и их преображение.

Классификация аффективных наклонностей

Взгляд на строение органов и их функции в животном мире и у человека, как на нечто безусловно целесообразное, приводит нередко к идеализации инстинктов, к признанию за ними божественной непогрешимости (instinctus divinus). Подобный взгляд мы находим у Руссо, Толстого и Фурье. Руссо в "Reveries d'un promeneur solitaire" рассказывает, что однажды, гуляя, попробовал волчьих ягод, нашел их вкусными и съел 9 штук, несмотря на то что они считаются ядовитыми. Что вкусно, то не может быть ядовитым! Мечников оказал существенную услугу психологии подробным освещением того, что можно было бы назвать относительной, а не безусловной полезностью органов и инстинктов. Так, среди органов человека имеются прогрессирующие (например, мозг), регрессирующие (слепая кишка) и множество недеятельных рудиментов. То же касается и функций - движений и "психических рудиментов". Инстинкты пластичны, поддаваться слепо их непогрешимым импульсам, вместо того чтобы облагораживать и преображать их в целях человеческого идеала, - это значит впадать в сентиментальный религиозный натурализм Толстого. Мечников очень остроумно показывает в превосходной статье о

Толстом ("Закон жизни"), как Толстой, рекомендуя заниматься сапожным мастерством, впадает в противоречие со своим преклонением перед непогрешимостью Природы. Шить сапоги - это значит заниматься противодействием развитию хватательного рефлекса стопы, который атрофировался у человека по мере его перехода из состояния животного в состояние культурного существа. Весьма курьезно, что Фурье рекомендует в своей фаланстере государственным кормилицам упражнять у новорожденных эти движения стопы, ссылаясь на случаи, когда безрукие выучивались играть на музыкальных инструментах. В своем преклонении перед естественными инстинктами Фурье рекомендует у дурных детей не искоренять дурных наклонностей, но лишь утилизировать их на пользу общества. Так, неопрятные дети не должны приучаться быть опрятными, но их нужно пристроить к вывозу за черту города нечистот. Детей, склонных ломать и портить вещи, не нужно отучать от подобных наклонностей, но направлять их в такие места, где нужно производить какую-нибудь разрушительную работу, напр., ломать дома (см.: Compayre: "Histoire des doctrines de I'education

262

en France depuis le XVI-e siecle", v. II, глава о Фурье). Философы и художники нередко даже выдумывают несуществующие, дурные, с человеческой точки зрения, инстинкты для возвеличения своих собственных пороков, стремясь оправдать тенденции совершенно личного или классового характера, какие им угодно. Особенно у немцев их империалистические наклонности нашли себе бессознательное отражение в психологии. Вот яркие примеры: 1) Воля к власти, как стихийный инстинкт природы, есть биологическая выдумка Ницше'. Такого биологического явления, чтобы животное стремилось беспредельно расширять свою власть (понятие человеческое, слишком человеческое!), истребляя con amore* себе подобных, - такого явления нет. Это просто скверный отголосок немецкого юнкерства. "Если бы было доказано, - писал Дарвин, - что в каком-нибудь отношении один вид сформирован так, чтобы истребление другого вида служило бы целью для существования первого, то подобное допущение разрушило бы мою теорию" (Hachet Souple: "Genese des instinctes". 1912, p. 244). 2) Монархический инстинкт народов, по мнению Ницше, ослабляется французскими революционными идеями; он по этому поводу говорит о романской плоскости мысли, лишенной всякого метафизического полета (sic!) (см. книгу Галеви: "Фр. Ницше"). 3) Инстинкт разрушения; о таковом мне не раз случалось читать; например, он упоминается в книге Куклярского "Осужденный мир". 4) Инстинкт борьбы, борьбы не за существование, но борьбы an und fur sich**. Его выдумал педагог Лай в своей "Экспериментальной дидактике". Можно сказать по этому поводу, что животное или человек при подобных взглядах характеризуется так, что дурные стороны испорченных людей оправдываются ссылкой на несуществующие инстинкты.

Инстинкты обыкновенно определяются как целесообразные действия, выполняемые животным или человеком без предвидения цели в силу известной развившейся естественным путем деятельности механизма нервной системы. С одной стороны - это сложные рефлексы, с другой стороны - первичные страсти. Образование привычек, отчасти руководимое сознательным вмешательством умственной работы, производит в инстинктах глубокое изменение как в сторону деградации, так и в сторону облагорожения. Инстинкты не только изменяются, но и преображаются у человека в аффективные наклонности высшего порядка. Происходит это путем процесса психического замещения (substitution psychique, Полан) или переноса чувств с одной группы представлений на другую, того, что Рибо называет transfert. Этот важный принцип, вероятно, давно уже был высказан в психологии. По крайней мере, самый термин перенос чувств я нахожу уже у Тетенса (см. Neudrucke seltener philos. Werke, B. IV, Tetens: "Philosophische Versuche". Erster Band, S. 233. Издание Kantgesellschaft, 1913), ссылающегося в свою очередь на англичанина Search'a и на Гарве (статья "Ueber Neigungen"). Это Uebertragung иллюстрируется Тетенсом, по примеру предшественников, на скупости. Страсть к удовлетворению чувственных потребностей переносится на средства к их удовлетворению - на деньги. В настоящее время де-Фюрзак, следуя той же идее, дает подробный психологический анализ

1 Об этом см. книгу Фуйлье "Ницше и имморализм".

263

скупости, между прочим разбирая и тип Плюшкина (см.: Revue Philosophique, 1906). Подобное замещение или перенос может совершаться в весьма различных

направлениях. 1) Со сходного представления на сходное. Объектом первого любовного увлечения Декарта была слегка косившая девушка, и впоследствии он увлекался косоглазыми. Тургеневский Маркелов влюбился в барышню, которая внезапно вышла замуж за немца и за адъютанта, и Маркелов возненавидел немцев и адъютантов вообще. 2) От смежного на смежное, - что мы наблюдаем в культе мощей и ценности сувениров и т. п. Термины перенос, замещение непригодны потому, что они слишком механичны. Лучше говорить о преображении первичных инстинктов в страсти или вторичные инстинкты. Когда известное чувствование "переносится" на другое представление, то этот процесс сопровождается качественной метаморфозой в самой аффективной наклонности. Перенос совершается не с единичного представления на единичное представление, но с типического образа или даже с целой системы понятий на другой типический образ или систему понятий. Сменяются типические чувства ценности, и параллельно сменяются суждения оценки, образ мыслей, "идеология" человека. В последующем изложении я имею в виду поставить в связь строительство научной или философской системы мысли с процессом преображения более элементарных аффективных наклонностей в высшие формы умственной деятельности или, точнее, ее аффективной стороны. Для этой цели я имею в виду предложить следующую классификацию главнейших аффективных наклонностей, которые сами по себе уже не имеют у человека совершенно слепого характера инстинкта. Я разделяю первичные наклонности на три группы.

I. Наклонности аппетитивного или рецептивного характера. Сюда относятся любопытство, коллекционерская наклонность и общитель ность.

II. Наклонности репульсивные: самосохранение и самозащита (страх и гнев).

III. Наклонности конструктивного характера: половое влечение, архи тектоническая наклонность и наклонность к социальной организации. Эти последние наклонности тесно примыкают к первой аппетитивной группе, но они связаны с созиданием новых организмов, продуктов индустрии и простейших форм общежития. Вот почему я называю их конструктив ными. Порядок их рассмотрения не имеет никакого отношения к хроно логическому порядку их проявления и развития. Они находятся в тесней шем непрестанном органическом взаимодействии.

XXVII. Любопытство

Было бы ошибочно думать, что единственным его источником является страх. Любопытство есть состояние ожидания, антиципация нового впечатления, в нем кроется возможность и аппетитивной, и репульсив-ной реакции. Есть удивление-страх и удивление-радость, и сейчас мы будем говорить лишь о последней разновидности. Любопытство, наблюдаемое, как указывал уже Дарвин, у животных и у детей, имеет

264

своим источником как самосохранение (в известной мере оно полезно в процессе приспособляемости к условиям среды), так и то, что Дюринг называет Functionsbedurfniss - потребность в функционировании. Организм живого существа не пассивный воспреемник раздражений, но в нем имеется неудержимая потребность в обновлении привлекательных впечатлений, наряду со страхом к новому - неофобии, о которой речь будет ниже. В стремлении к обновлению впечатлений лежит корень любопытства, которое нередко притом является смешанным чувством слабого страха с фасцинирующим действием новизны. Любопытство может быть источником чувственного развлечения или пытливости духа. Первая форма отличается следующими признаками: 1) Она нуждается в сильных и разнообразных раздражителях. Любовь к пище, к

развлекающим, не требующим никакого напряжения мысли зрелищам, беллетристике "с перчиком, с провансальчиком", по выражению Куприна, тяга к тому, что Р. Бервальд называет prickelnde Gefuhle, пикантные чувствования (см. интересную работу "Die psychologische Factoren der modernen Zeitgeistes", Richard Baerwald), к сенсационному кинематографу, к театру гиньоль и т. п. 2) Она часто бывает направлена на исключительное, редкое, т. е. представляющееся таким зрителю: великаны, карлики, девушки - сросшиеся близнецы, из которых одна мать ребенка, человек-рыба, гуттаперчевый мальчик, и т. д. 3) Она имеет чувственно-конкретный характер, щекоча чувственную впечатлительность, но не пробуждая мысли. 4) Она не требует героических жертв, хотя может превратиться в неудержимую страсть, способную побудить человека к отчаянно смелым и опасным действиям. 5) Когда она проявляется не у примитивной натуры, но на почве пресыщения и истощения, она может проявляться в тяге к утонченным извращениям. Любознательность в противоположность любопытству связана с развитием известных чувств ценности морального, религиозного, эстетического, политического или научного порядка. Но любознательность-пытливость вырастает именно из любопытства-развлечения. В детских народных играх она проявляется всего ярче в интересе к загадкам. Загадки, имеющие отчасти свои корни в примитивной религии - вспомним сказания о Сфинксе, - утратив свой первоначальный религиозный смысл, представляют забаву. Но загадка-забава есть антиципация загадки-проблемы. Научная и философская любознательность, как сказано, весьма часто является преображением любопытства-развлечения. Весьма характерно, что дети, приступающие к изучению физики, как указывает Н. С. Дрентельн, считают эксперименты "фокусами". Между тем на почве интереса к азартным играм возникла теория вероятностей; задача трех мостов, занимавшая в XVIII в. кенигсбергских жителей, сделалась отправным пунктом для Эйлера при создании геометрии положения. Любитель цирка, интересующийся дрессировкой животных, может стать горячим исследователем психики животных. Гаше-Супле рассказывает, что по учреждении в Париже в 1895 г. Зоопедического института научная разработка психологии животных серьезно увлекла многих спортсменов и дрессировщиков животных. Научная любознательность отличается от любопытства следующими признаками: 1) Она предполагает в человеке наличность чисто интеллектуального интереса, практическое бескорыстие. В "Archiv fur

265

Geschichte der Philosophie" было опубликовано письмо Канта к родителям одного слепорожденного мальчика, которому предстояла глазная операция. Кант предлагает им взять на свой счет операцию и лечение мальчика с условием, чтобы он имел сведения о ходе процесса развития зрительного восприятия у оперированного ребенка. Если вспомнить, что письмо написано вскоре после появления в свет "Критики" (1781), где изложено учение об априорности пространства, то нам станет понятным величайший интерес Канта к новому решению проблемы Molyneux, на которую Лейбниц и Локк ответили диаметрально противоположно (будет ли в состоянии оперированный слепорожденный, не прикасаясь к модели куба и шара, определить их форму?). 2) Любознательность сверхличной природы - она направлена на типически индивидуальное и на общее, а не на единичное, как таковое, и потому в основе ее лежит чувство значимости данного явления для познания, специфическая обостренность внимания. Мы видели, что такая деталь, не интересная для обывателя, как-то, что все млекопитающие имеют семь шейных позвонков, глубоко поражает Спенсера. 3) Она направлена, особенно у философа, не на то, что бьет в глаза исключительностью, но на самые обыкновенные явления, вроде пространства, времени, числа, на мелкие, якобы "пустые" детали явлений. В исключительных явлениях, как мы видели при анализе метода остатков, она ищет ключа к постижению общего правила. 4) Она по природе неутолима, она не знает пресыщения, ей не знакомо nil admirari*, она есть постоянно нарастающая страсть. Этот "поздний жар" в истинно любознательном человеке никогда "не остынет и с жизнью лишь его покинет". 5) Она героична; ученый и философ могут подвергать себя ради нее величайшим лишениям или самым опасным экспериментам. Так, например, как сообщает Frazer, юный Беркли из интересов самонаблюдения повесился и был едва спасен от смерти. В любознательности играет роль не подталкивающий импульс удивления-страха, но притягивающий мотив удивления-восхищения. 6) Научная любознательность тесно связана со стремлением к проверке наблюдаемого. Она лежит не только в основе наблюдательности, но и эксперимента. 7) Философская бескорыстная пытливость отличается от научной не количественно (степенью общности), но качественно: a) она направлена на единство и связь предпосылок познания в познающем духе, b) на общие предпосылки суждений ценности - она есть общая теория ценностей, c) на проблему индивидуального: на макрокосм и на

микрокосм в их взаимных отношениях и их первичных свойствах.

XXVIII. Коллекционерская наклонность

Инстинкт к собиранию запасов пищи животными, когда они не голодны, закапывание пищи в землю или прятание ее в дупло и т. п. представляются на первый взгляд загадочными. Гаше-Супле объясняет это явление тем, что он называет законом возвратной ассоциации (loi d'association tecurrente). Сначала животное ищет пищу лишь в минуту сильного голода F. Этому острому ощущению голода предшествовал ряд стадий самочувствия меньшего голода, скажем A, B, C, D, E. При

266

повторении голода и новых поисков у него образуется привычная ассоциативная цепь, но импульс к исканию пищи в силу укорочения ассоциативной связи с его Bewusstseinslage может наступить уже не в момент F, но сначала в момент E, потом, позднее, в момент D, пока, наконец, оно не станет делать запаса и тогда, когда оно не голодно. Здесь порядок ощущений от A до F благодаря привычке оказывается обратным: аффективный импульс к действию, лежащий в сильном состоянии голода, ведущем к исканию пищи, переносится на весьма отдаленное звено в цепи ощущений самочувствия (см. "Genese des instinctes", 1912, стр. 296-298). Подобная коллекционерская наклонность затем, как полезная для вида, зафиксировалась естественным подбором (любопытно указание Гаше-Супле, что дрессировка животных, основанная всецело на принципе образования у животных возвратных ассоциаций, показала, что наклонности, приобретенные родителями, могут наследоваться потомством. Обезьян, которые боятся крыс, приучили ловить и есть крыс, и их потомство ловило и ело крыс без всякого обучения. Кошку приучили не ловить и не есть мышей, даже в обычное время кормления животных, и ее потомки не ловили и не ели мышей).

Профессор И. П. Павлов в замечательной статье "Рефлекс цели" поставил в связь с коллекционерской наклонностью животных наклонность к приобретению у людей. Она прежде всего выражается в стремлении к накоплению материальных благ. Психология скупого и психология приобретателя-капиталиста (см., например, книгу Пирпона Моргана "Как я нажил 500 000 000 долларов" и книгу де Нордена "Американские миллиардеры") точно так же может быть истолкована в свете закона возвратной ассоциации, причем возможны самые различные преображения и в дурную, и в хорошую сторону. Весьма часто сочетание страсти к наживе с тщеславием. Величайшая обсерватория в мире построена на средства миллиардера Ли: он лично имел в виду первоначально построить себе пирамиду выше Хеопсовой, но кто-то убедил его заменить идею пирамиды идеей обсерватории. Профессор Павлов совершенно справедливо указывает на огромное культурное значение коллекционерской наклонности. В процессе преображения она ведет к высшим формам человеческого творчества. Наклонность коллекционировать художественные предметы дала начало художественным музеям, которые сделались всенародным достоянием. Так, Третьяков пожертвовал свою коллекцию картин Москве, Тэт - Лондону, Шак - Мюнхену. Та же коллекционерская наклонность в связи с научной и философской любознательностью наблюдается нами у ученых и философов. По желанию Аристотеля Александром Македонским ему была предоставлена возможность воспользоваться военными экспедициями для собирания естественно-исторических коллекций. На этой почве развивается классификаторский дар Аристотеля, который положил начало естественному подразделению животного мира на наиболее характерные классы. Хотя Аристотель и имел здесь предшественников (см.: Gomperz. "Griechische Denker", B. III, гл. XIII), но все же он является здесь величайшим предшественником Линнея и в некоторых отношениях стоит впереди последнего, который, например, относил китов к рыбам, в то время как Аристотель уже причислял их к живородящим. Все

267

натуралисты, писавшие об Аристотеле как классификаторе, особенно Пуше, отмечают у него удивительный дар схватывать органическую корреляцию в строении животных при установке классификации. Подобная же коллекционерская наклонность сквозит в сочинениях Бэкона ("Новая Атлантида"). Весьма знаменательно, что с философским творчеством связано и библиофильство, которое представляет иногда глубокую страсть. Disraeli в интересной книге, которую мне любезно указал академик Э. Л. Радлов, "Curiosities of literature" (v. I, p. 7-8*) сообщает, что один страстный библиофил Ранцау, обладатель огромной библиотеки в Копенгагене и ревностный любитель чтения, написал следующее стихотворение к своим книгам:

Salvete, aureoli mei libelli,

Meae deliciae, mei lepores!

Quam vos saepe oculis juvat videre,

Et trites manibus tenere nostris!

Tot vos eximii, tot eruditi,

Prisci lumina saeculi et recentis,

Confecere viri suasque vobis

Ausi credere lucubrationes:

Et sperare decus perenne scriptis,

Neque haec irrita spes fefellit illos**.

Если не считать древних ассиро-вавилонских книгохранилищ (XIV в. до Р. Х.), то первым крупным книгохранилищем, служившим для научных целей, была Александрийская библиотека, в которую, по преданию, вошла и библиотека, составленная Аристотелем. Энциклопедизм есть опять же высшая интеллектуальная форма коллекционирования - это коллекционирование знаний в искусственном, но удобном для справок порядке. История крупных энциклопедий показывает нам, что инициатива в их образовании исходила от философов. Первая античная энциклопедия принадлежит ученику Платона Спевзиппу, первая английская энциклопедия Чемберса (XVIII в.) порождена идеями Бэкона, душою французской великой энциклопедии был Дидро. Эшенбург, положивший начало первым крупным научным энциклопедиям у немцев, был последователем Канта. Но коллекционерская наклонность, преображаясь в коллекционирование идей, является уже чистейшим выражением стремлений человеческого духа к наибольшему богатству и полноте знаний. Но ни стремление к научному энциклопедизму упорядоченных знаний, ни тем менее стремление к энциклопедизму фактических знаний еще не составляет духа философской энциклопедии наук в том смысле, например, какой придавал Гегель, дав такое название своей философской системе. Весьма часто составители энциклопедий относятся к философии или равнодушно, или враждебно, как, например, Варрон - римский энциклопедист II в. до Р. Х. Люди, успешно прошедшие несколько различных факультетов университетов, иногда оказываются совершенно не способными к философскому творчеству. Это лишний раз доказывает отмеченную выше особливость философского угла зрения на действительность. Философская энциклопедия представляет систематику или классификацию наук на известных метафизических или гносеологических

268

основаниях, связанную с определенным понятием о мире как целостном объекте познающего духа. Только таким путем мы приходим к идее полноты философского знания.

С коллекционерской наклонностью, как ее производная, связана и наклонность к переселению, кочевная наклонность (migratory impulse), как называет ее Стэнли Голл, говоря о наклонности к путешествиям у детей в переходном возрасте (см. "Adolescence"). Эта наклонность к путешествиям в связи с любознательностью и жаждой накопления книг, объектов научного исследования и т. п. наблюдается весьма часто у философов. Знаменитейшие философы древности, Декарт, Лейбниц, Гегель, Бруно, Локк, Юм, Шопенгауэр, Ницше, Соловьев и другие, были любителями путешествий. Некоторым, как Канту, препятствовала к их совершению бедность, но зато они были любителями читать описания далеких стран. Для других непреодолимое препятствие представляли религиозные преследования (Спиноза).

XXIX. Общительность

Ни в одном из современных общих курсов психологии, известных мне (кроме Липпса), например ни у Вундта, ни у Джэмса, ни у Спенсера, ни у Эббингауса, ни у Геффдинга, ни у Введенского, ни у Серджи, не исследуется вопрос о "психогенезисе

чужого я", или развитии наклонности общительности. Но в специальных трудах по психологии на него неоднократно обращали внимание, и все существующие взгляды могут быть сведены к четырем: интеллектуалистическому, эмпиристическому, интуитивному (или мистическому) и фидеистическому. Первые две точки зрения и последняя предполагают, что познание чужой душевной жизни опосредствовано, третья - что оно непосредственно. Историческое изложение этих теорий читатель найдет в моем исследовании "Проблема чужого я" и теоретическое обоснование реальности "чужого я" в статье "Опровержение солипсизма", напечатана по-чешски в философском журнале "Ruch filosoficky", 1923. I) Интеллектуалисты утверждают (Декарт, Малебранш), что познание чужой душевной жизни у человека (животные неодушевлены, согласно их теории) получается путем догадки (conjecture), т. е. логическим путем заключения по аналогии. II) Эмпиристическая точка зрения объясняет явление ассоциативным путем: известное движение другого существа вызывает во мне воспоминание о том, что я переживал сам, выполняя подобное действие, и я переношу соответственное представление о психическом переживании на другого субъекта по законам ассоциации. III) Интуитивную точку зрения развивают, кроме упомянутых мною в "Проблеме чужого я" психологов, Макс Шелер, Лосский, Селли и Тард. Вот как описывает этот процесс Селли. Наряду с внешним наблюдением и самонаблюдением есть третий род познания - прозрение, проникновение, или интуиция (insight, penetration or intuition), т. е. постижение "чужого я". Он считает бесспорной огромную роль опыта в этом последнем роде познания, но, однако, прибавляет: "По правде сказать, можно сомневаться, чтобы это было обязательно так в первое время жизни ребенка, ибо, по-видимому,

269

имеются веские основания приписывать душе ребенка до известной меры инстинктивную или непосредственную способность истолковывать взгляд и интонацию голоса другого человека". С годами значительная доля подобной интерпретации делается, по его словам, автоматической, т. е. бессознательной (см.: Sully. "Illusions", фр. пер., стр. 157-158). IV) С точки зрения фидеизма постижение чужой душевной жизни не есть акт познания, ни откровение мистического чувства, но акт веры, связанный с процессами ассоциативными и заключением по аналогии, но последние сами по себе недостаточны для установки реальности чужой душевной жизни (проф. А. И. Введенский).

Я полагаю, что каждая из этих точек зрения заключает в себе известную долю правды, но все они односторонни. Несомненно, что можно познавать содержание "чужого я" путем логического заключения по аналогии. Если кто-нибудь, изучая психологию и не зная, что люди нередко косят глаза, когда лгут, заподозрит кого-нибудь во лжи по скашиванию глаз, так как вычитал подобное наблюдение в "Антропологии" Канта, то это будет постижение чужой душевной жизни путем логического заключения по аналогии или, я сказал бы, путем индукции содержания (см. главу "Творческая мысль"). Равным образом возможно путем ассоциативным (что наблюдается у детей) воспроизвести на себе подражанием манеру другого человека щурить глаза при смехе, не представляя себе нисколько того своеобразного целостного человека, который индивидуально усвоил себе такую манеру, не подражая внутренне его Bewusstseinslage, а обезьяня его внешнюю мимику. При этом в обеих теориях остается необъясненным следующее: I. Логическое заключение по аналогии при познании чужой душевной жизни применяется нами крайне редко и дает нам знание о чужой душевной жизни, но не ее целостное постижение. II. Законы ассоциации суть законы, по которым я могу указать смену представлений в моем сознании, но они не распространяются на смену представлений в чужом сознании, пока они не сделались в известном смысле содержанием моего сознания. Применение законов ассоциации к пониманию чужой душевной жизни, если все дело ограничивается ими, заключает в себе вопиющее petitionem principii*. III. Далее, и с интеллектуалистической, и с эмпиристической точек зрения непостижимо, почему я представляю чужую душевную жизнь не как мою, но как данную мне, приуроченную к чужому телу? Посмотрим, что получится, если мы введем в качестве дополнительного принципа объяснения подражание. Опять-таки могут быть разные точки зрения на подражание: 1) Можно говорить о подражании в области идей - о влиянии систем, учений, мыслей, сообщаемых одним человеком другому, - влиянии интеллектуального происхождения, где нет никакого непосредственного соматического воспроизведения чужих движений. 2) Можно думать, что моторное подражание сводится к законам ассоциации. Гаше-Супле пишет: "Не существует никакого инстинкта подражания, оно легко объясняется тем, что существо, находящееся в присутствии другого существа того же вида, будет подражать соседу, потому что зрительное восприятие положений

и движений в теле другого вызовет в нем переживания, связанные с подобными же положениями и движениями его собственного тела" ("Genese des instinctes", 180).

270

3) Можно, наконец, считать подражание особым первичным инстинктом1, если иметь в виду человека и общительных животных.

По Тарду, инстинктивное постижение чужой душевной жизни путем подражания предшествует даже познанию внешнего мира и своего собственного "я". Он пишет: "Заражение хотениями и идеями одного духа другим" предшествует происхождению языка. Подражание идет ab interioribus ad exteriora, от ощущений высшего порядка - к низшим ощущениям: голод, жажда, половое чувство менее заразительны, чем движение рук и ног и мимика, и в особенности звуки голоса. Мозг в этом смысле есть organe repetiteur* (см. "Законы подражания"). С такой точки зрения, разделяемой Бэном, Гомперцем, Фуйлье, нужно признать, что для данного вида имеется наследственная способность по общему впечатлению, получаемому от движения, внешности и звуков другой особи того же вида, сразу интуитивно или инстинктивно, постигать все ее Bewusstseinslage, как целое. Согласиться с этим совершенно невозможно, ибо здесь нет никакого объяснения, - неясное объясняется при помощи непонятного. А между тем в некоторых отношениях этот взгляд ближе к истине, чем предыдущие. Истинно в нем то, то познание чужой душевной жизни идет не от частей к целому (хотя возможен, как мы видели, и такой путь), но от целого к частям. Но это целостное впечатление внешних форм экспрессии вызывает в нас сначала подражание всему комплексу движений или позы, а потом уже в нас возникает в силу связи телесных состояний с общим Bewusstseinslage представление о чужом душевном состоянии - тоже наше собственное представление, переносимое нами в тело другого лица2 как внешний источник нового переживания, подобно тому как мы объективируем в восприятиях наши ощущения. Подробности, касающиеся этого процесса, описаны мною еще в 1913 г. в работе о "Перевоплощаемости в художественном творчестве".

Что касается четвертой, фидеистической точки зрения, то она ошибочна в том, что, подобно интуитивизму, отрицает возможность познания чужой душевной жизни без обращения к метафизической вере в то, что недоступно познанию, но, оттеняя момент волевой в процессе взаимодействия сознаний, она права. Познание чужой душевной жизни есть процесс не только познавательный, но аффективно-волевой.

Присмотримся теперь ближе к различным сторонам развития наклонности общительности. I. Можно думать, хотя это не доказано, что существует особый, унаследованный от предков инстинкт подражания, в силу которого целостный образ лица матери вызывает в ребенке мимические подражания, за которыми последуют целостные пережива-

1 По словам Перрье ("La philosophie zoologique"), животные могут быть подразделены на три группы: 1) виды, которые не подражают себе подобным, 2) виды, подражающие другим особям того же вида, 3) виды, подражающие не только особям того же вида, но и другим видам. Лишь в последние две группы входят общительные животные. Перрье рассказывает, что подражание наблюдается у фосфоресцирующих полипов: раздражение одного из них вызывает сверкание у других, у целой колонии. Речь идет сейчас не о сопереживаниях, а о двигательном подражании. Сопереживание есть уже следствие, которое нередко в животном мире трудно установить.

2 Ниже мы увидим, как они "переносятся".

271

ния, переносимые потом на мать; все же здесь не будет никакого инстинкта или интуиции "чужого я". II. Воздействие одного сознания на другое есть целостный волевой импульс. Одна целостная воля влияет на другую целостную волю. В этом и заключается корень того явления, которое принято называть внушением. Оно есть тоже воздействие одного организма на другой, при котором наша воля безотчетно поддается влиянию чужой воли, выражающемуся в форме внешнего или внутреннего подражания.

Я намеренно обхожу выражения вроде "заражение" одного индивидуума психическими состояниями другого. Окружающие ребенка создают ему постоянно благоприятные

условия для подражательности в определенном направлении. Новорожденный ребенок представляет существо, отличающееся большою степенью внушаемости, ибо у него имеются налицо для таковой три главных условия: 1) полное отсутствие систематических знаний, 2) отсутствие волевой энергии, 3) наличность психической неустойчивости (Бине).

Однако ни "инстинкт" подражания, ни внушение еще не достаточны для зарождения в уме ребенка идеи "чужого я". Для этого необходим еще целый ряд данных и прежде всего контраст между его собственными переживаниями и теми, которые он будет приписывать другим. На это указывали Гегель, Гомперц, Спенсер, Липпс. Последний переживания, приписываемые "чужому я" (вчувствование в чужое я), делит на отрицательные и положительные в зависимости от того, согласуются ли они с хотениями данного индивидуума. Отрицательное вчувствование, внезапно навязанное ребенку подражанием, поражает его несоответствием с остальными его переживаниями и вынуждает его к расщеплению своего поля сознания на две части: одна заключается в непрерывно ощущаемом и растущем постепенно самосознании, другая, прерывно вторгающаяся извне и образующая прерывно импрессионистические впечатления чего-то "иного", un dedans fragmentair - отрывочного "нутра", стоящего в связи с соответствующим внешним объектом. Отрицательное вчувствование вовсе не должно быть неприятным, и это, мне кажется, недостаточно учитывает Липпс. Контраст моего и данного мне в поле того же сознания является вполне достаточным для указанного нами расщепления. Однако было бы ошибочно думать, будто воля к постижению чужого я постепенно развивается лишь под давлением подталкивающего импульса отрицательного вчувствования. Здесь есть налицо и мощный притягивающий мотив - радость перевоплощаемости (Freude an die Metamorphose).

Тард очень метко говорит: "Когда ребенок созерцает чудный пейзаж и вдруг увидит на его фоне знакомое человеческое лицо, последнее заслоняет перед ним все остальное: он нашел свою живую рифму (sa rime vivante), свой психический резонатор (son resonateur psychique), который, отражая его маленькую личность, расширяет и утончает ее (1a precise et Fagrandit)".

По Болдвину, зарождение первых смутных представлений о чужой душевной жизни возникает на почве подразделения ребенком всех окружающих объектов на неподвижные и безразличные для его благополучия и подвижные (мать, нянька, братья), с которыми у него ассоци-

272

ируются приятные ощущения. Он в своем аффективном мышлении выделяет их, но еще не индивидуализирует; когда же позднее за нерегулярностью их воздействий он подмечает новую специфическую регулярность, он начинает реагировать не на случайный типический образ человека, а на данную личность как таковую. И вот тут, как справедливо указывает Стэнли Голл ("Статьи по педологии"), мать является для него неисчерпаемым источником радостей перевоплощения. В зачаточном мышлении ребенка аффективная сторона стоит на первом плане. Он оперирует над типическими и типически-индивидуальными образами и типическими чувствами ценности. Еще много позднее, выучившись говорить, он спрашивает: "Qu'est-ce que c'est - "tout le monde?"* Наряду с инстинктивным подражанием движениям другого лица огромную роль в постижении чужой души играет внутреннее подражание (инстинктивного характера) всем мимическим движениям и интонации окружающих лиц. Это создает непрестанное чувство контраста между моим и данным мне. Поэтому в познании чужого я играют огромную роль комплексы воспроизведенных образов соответственно трем группам ощущений (моторной, зрительной и слуховой) и соответствующее им воспроизведение эмоций. Если ребенок печален и видит смеющееся лицо или вспоминает улыбающееся лицо матери, то его поле сознания неизменно дифференцируется на две части А и В - мое и данное мне, причем для осуществления последней части необходима наличность зрительно-моторного воображения. Если веселый ребенок слышит угрожающие интонации, то в его сознание клином врезается комплекс образов моторно-слухового порядка с неприятным чувственным тоном (представление чужого гнева), вызывающий в нем страх.

Есть одно любопытное явление в детской психологии, которое указывает на то, как велика бывает в детях потребность в общении с себе подобными. Это - фиктивное товарищество (imaginary companions). Дети, растущие без сверстников, выдумывают себе воображаемого двойника и друга и делают это фантастическое лицо соучастником своей жизни. Монрое рассказывает, что он знал девочку, которая, на

третьем году будучи нормальным и рано умственно развитым ребенком, начала говорить на 14-м месяце и в которой рано пробудилось самосознание. Когда Катерине было года три, в доме ее родителей провела несколько дней другая девочка, Мария. После ее отъезда Катерина стала играть с маленькой подругой Мэри (Mary). Эта фикция играла роль и товарища игр, и идеализированного представления собственной личности, "лучшее я" (см. "Die Entwicklung des sozialen Bewusstseins der Kinder", Monroe, 1899, S. 13). Нечто подобное описывает Жорж Занд, причем для такого фиктивного товарищества отправными пунктами служили зеркало и эхо. Во время пребывания Жорж Занд маленькой девочкой в Мадриде она часто оставалась в одиночестве, так как отец и мать нередко отлучались из дому, а прислуга, испанка-горничная и немец-лакей, мало привлекавшая ее, предоставляла ребенка самому себе. "Я познала, - говорит Жорж Занд, - странное для ребенка, но живо ощущаемое мною удовольствие чувствовать себя в одиночестве; я не только не пугалась этого, но, наоборот, даже испытывала как бы сожаление, когда замечала возвращение матери в экипаже". Оставшись одна, она в обширных залах

273

дворца разыгрывала род пантомимы, садясь перед зеркалом со своим белым зайчиком, "разыгрывая сцену вчетвером - две девочки и два зайчика". Потом она отправлялась помечтать на террасу, откуда были видны марширующие солдаты и искрящийся при закате солнца купол церкви. Когда была тишина, она прислушивалась с крайним изумлением, но к величайшему своему удовольствию, к голосу, который звал Вебера (слугу), ее матери отвечал ей повторением ее же собственных слов, удаляясь и приближаясь сообразно тому, как она меняла место на балконе. Девочка скрывала долго свое развлечение от матери, забавляясь мыслью, что каждая вещь имеет свое отображение и своего двойника. Когда мать однажды накрыла ее на этом занятии, попытки объяснить ребенку физическую причину слуховой иллюзии не увенчались успехом, и девочка продолжала свои разговоры с эхом (см. книгу B. Perez "L'art et la poesie chez l'enfant", 1888, p. 69-70. У Жорж Занд приведенная сцена описана в "Histoire de ma vie", t. II, 201-206).

Познание "чужого я" для взрослого имеет различные степени конкретной полноты и целокупности, с одной стороны, абстрактности - с другой. В этом смысле я установил бы четыре вида познания чужой душевной жизни, которым располагает человек. Все "чужие я", известные мне, так сказать, dramatis personae* моей личной жизни суть: главные действующие лица, эпизодические личности, статисты и абстрактно мыслимые духовные единицы. I. В первом случае речь идет о людях, которых мы хорошо знаем. Ряд прерывных впечатлений, полученных от них нами, так велик, что сливается в сложное, сплошное (это, конечно, иллюзия) психическое единство, имеющее свое прошлое. Такова глубина доступного мне конкретного целостного "чужого я" - мой отец, моя мать, некоторые близкие люди и постоянные враги ("mes haines"). II. Неисчислимо большее число людей мы знаем отрывочно: мы видели их несколько десятков или сотен раз в жизни, имеем о них добавочные отрывочные сведения - и это все. III. Еще безмерно большее число людей - простые статисты в драме жизни. IV. Наконец, у нас существуют просто понятия типически-индивидуальные и общие: население земного шара, животного мира, одушевленных существ. Если поставить вопрос, в каком порядке идет у ребенка развитие концепции "чужого я", я сказал бы, в первую голову идут статисты, потом эпизодические личности, глубокое же постижение чужого Я и образование абстракции чужого Я наступает всего позднее. Это соображение наталкивает нас на следующий несомненный факт: постижение в глубь чужой души требует развитого самосознания и памяти прошлого. Детские воспоминания обыкновенно не восходят ранее трех лет, следовательно, до этого возраста не может быть и речи о проникновении в глубь "чужого я". Прошлое не только дает материал ребенку для постижения "чужого я", но оно составляет фон для усиления контраста "моего" и "данного мне". Такой же контрастирующий с чужими переживаниями фон образует, после сформирования речи, внутренняя речь: я сам с собою говорю иначе, чем представляю себе говорящими других; только в детстве возможно неотчетливое различение своей эндофазии от воспроизведений в памяти чужой речи. St. Paul ("Le language interieur") полагает, что словесная память и внутренняя речь отличаются и психологически, и физиологически, им соответствуют различные функции мозга. Он

274

устанавливает следующие эндофазические типы: моноэйдичные - слуховой (Эггер), зрительный (Гальтон) и моторный (Штрюмпелль), диэйдич-ный (зрительно-моторный, моторно-слуховой и зрительно-слуховой) и триэйдичный (уравновешенный -

зрительно-моторно-слуховой). Его анкета (202 ответа) дала:

моторно-слуховой 98 (48%) зрительно-моторный 41 (20%) слуховой 31 (15%) моторный 15 (7,4%) зрительный 14 (6,9%) зрительно-слуховой 3 (1,4%).

Вот пример последнего. "Долгое время, - говорит Топфер (Topfer: "Bibliotheque de mon oncle"), - я не мог отличить внутреннего голоса моей совести от голоса моего учителя. Так, когда во мне говорила совесть, я, казалось, видел ее одетой в черное платье, с величественным выражением лица, с очками на носу. Мне казалось, что она по привычке ораторствует, зарабатывая ремеслом свое жалованье". Развитие мира восприятий, мира "чужих я" и внутреннего мира при соучастии внекругозорных представлений идет у ребенка параллельно. Нет никаких оснований предполагать некоторый хронологический prius* у познания чужого я перед познанием внешнего мира и самого себя, как делают, например, Ройс и Тард. Последний полагает, что сначала идет познание чужого я (moi d'autrui), потом внешнего мира, потом своего я. Взаимодействие этих элементов приводит мало-помалу к установке различия между объективно-реальным бытием и личными переживаниями. У детей лет до трех это чувство реальности еще не развито. Бине приводит разговор (Revue philosophique, 1890: "Perceptions d'enfants") девочки (трех с небольшим лет) с ее отцом. В этом разговоре только намечается различие "взаправдашнего" от "невзаправдашнего" по отношению к субъективным переживаниям и реальности "чужих я" и внешнего мира. Отец. Помнишь, ты сказала, что папа убил мальчика палкой? Дочь. Да. О. Где это было? Д. В темном месте. О. Это правда? Д. Да, но это во сне. О. Значит, папа не убил мальчика? Д. Да, да, ты убил его. О. Но ведь папа убил невзаправдашнего мальчика? Д. Нет, это был настоящий (vrai) мальчик. А потом я видела во сне, как мама сожгла на спичке черта. О. Скажи, пожалуйста, что хочешь ты сказать, когда говоришь, что видела что-нибудь во сне? Д. Я хочу сказать, что это ужасно. Мне страшно, когда мне снятся такие вещи. О. Как ты знаешь, что это именно во сне я убил мальчика? Д. Потому что не вижу, чтобы ты на самом деле охотился за мальчиками. Если бы ты убил мальчика на дворе, то дурно бы пахло. О. Значит, не было дурного запаха? Д. Нет, это был сон. О. Что это значит - "видеть во сне"? Д. Это значит, что это невзаправду, - вот все, что я могу сказать. О. Как знаешь ты, что это неправда? Д. Потому что я не вижу, чтобы ты убивал1.

1 Точно так же психолог Jewell в статье "The psychology of dreams" ("The American Journal of Psychology", 1905, 1-34) на основании произведенной им анкеты приводит многочисленные примеры смешения детьми сновидений с действительными событиями. Он находит это явление почти универсальным у детей и далеко не редким у взрослых.

275

Кроме памяти, в построении "чужого я" играет важную роль продуктивное воображение. Эта роль, к сожалению, совершенно не исследована. Ведь, приписывая другим психические состояния, я не только провозглашаю их не своими, данными мне, но я экстернализирую их, я их "вкладываю" в чужое тело. Как совершается эта удивительная операция, на это психология не дала еще удовлетворительного ответа.

"Чужие переживания, - пишет Лесли Стивен (Lesley Stephen, "The science of Ethics", 229-238), - восполняются силою воображения. Когда я сижу внутри дома, его наружность я восполняю воображением, так точно образ нищего у дверей я восполняю чувствованиями, испытываемыми на холоде и на дожде". Таким образом, есть аналогия между представлением предметов, находящихся вне видимого кругозора, и чувствованиями, "вкладываемыми" в чужое тело. Есть существенная разница между просто представлением внекругозорного объекта и представлением его "как будто", там, за пределами кругозора, где я не могу его представлять себе; подобным же образом есть существенная разница между знанием о том, что NN страдает зубной болью, и живым ощущением его боли в его теле, которой я не могу ощущать. Так, m-me de Sevigne пишет дочери: "У меня болит твоя голова" (j'ai mal a votre tete).

Некоторый свет пролит на эту проблему исследованиями американских психологов Merkin, Murray, Kuhlmann и Perky. Последний пишет в статье "An experimental study on Imagination" ("Amer. Journal of Psychology", 1910, 422-452): "Мы можем просто вызывать в себе известный образ (например, зрительный, по поводу сказанного другим лицом слова) или же образ, относимый нами к определенному месту и времени (просто "апельсин" или виденный вчера на Исаакиевской площади собор)". Первые образы Перки называет образами воображения, вторые - образами

памяти. В последнем случае играет роль определенный контекст (spatial context), лежащий вне поля зрения, и мы знаем, что усилие припомнить побуждает наши глаза блуждать по ту сторону стен и потолка, как будто бы мы искали опорного пункта (cue) для памяти. В чем выражается в образах памяти переживание этих внекругозорных, как я их называю, представлений? Перки отвечает: в кинэстетических элементах, которые были связаны в последнем случае с образами и чувствами принадлежности личному прошлому (personal reference). При этом наблюдались и переходные формы (образы с отнесением к определенному пространству и своей личности, но без отнесения к определенному месту во времени, образы, отнесенные к своей личности, но не локализированные в определенном пространстве и времени, образы, не отнесенные к своему личному прошлому, но локализированные в определенном пространственном и временном контексте). Природа кинэстетических элементов была исследована экспериментально следующим образом. Испытуемый, посаженный в темную комнату, имел голову закрепленной шарниром и, следовательно, неподвижной. Левый глаз был завязан. Правый глаз был фиксирован на светящемся (фосфоресцирующем) пункте на расстоянии одного метра; четыре других подобных пункта были расположены так, что их изображения попадали внутрь границ слепого пятна и притом близко к границам - сверху, снизу, справа и слева. Шестой светящийся пункт был помещен вправо, как раз за границей поля зрения. Поскольку фиксация продолжалась или движения глаза были столь малы,

276

что не переходили определенных столь узких границ, оставалась видимой только одна точка, в противном случае другие пункты или некоторые из них вторгались в поле зрения. Испытуемый не знал о замысле экспериментатора. Последний вызывал в нем произнесением слов образы воображения и образы памяти, причем в итоге оказалось, что из 227 образов памяти 218 (т. е. 96%) сопровождались движениями глаз, из 165 образов воображения 122 (74%) не сопровождались движениями глаз. Подобные же эксперименты, в которых применялся ларингограф Вердина (Verdin), показали, что кинэстетический элемент в виде горловых движений привходит в слуховые образы памяти (из 155 случаев- 84%), в слуховые же образы воображения не привходит (из 214 случаев - 91%). Опыты над обонятельными образами у лица, обладавшего сильным обонятельным воображением - Miss de Vries, - показали, что обонятельные образы памяти дают наличность движения ноздрей и головы (96% из 56 случаев) и образы воображения не дают таковой (80% из 57 наблюдений).

Чтобы определить, какие психические факторы создают иллюзорную, но властно навязывающуюся нашему сознанию проекцию наших же представлений в чужое тело в качестве "данных нам", нужно было бы ближе исследовать: 1) изменения психического уровня, как выражается Пьер Жане, у нормальных людей, когда по временам чувствуется ослабление чувства реальности окружающего мира, своего я и чужих я. Гейманс в "Zeitschrift fur Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane" опубликовал опросный лист на эту тему; 2) исследовать случаи патологической деперсонализации, при которой ослабляется чувство реальности "чужих я" и расстраивается способность проецировать одушевленность в мысленные образы живых существ и в реальные восприятия их тел. Подобные явления описываются у Пьера Жане: "Obsessions et idees fixes", Дюга и Мутье: "Depersonnalisation" 1905, и др. В описываемых ими случаях происходят и глубокие изменения в аффективной жизни, и расстройство механизма представлений, и расстройство моторной чувствительности, и ценестезш; 3) исследовать кризисы сомнений переходного возраста. Стэнли Голл ("Adolescence", p. 82) наблюдал подобные состояния духа у подростков, когда им кажется, что только он сам, я (self), существует, а все остальное, даже другие люди (other persons), суть лишь его фантастические проекции (are fantastic projections). Но я только намечаю эту психологическую проблему - ее решение далеко выходит из рамок настоящего исследования. Одно для меня несомненно: проблема мнимой проекции образов отсутствующих восприятий за пределы кругозора, туда, где они предположительно должны находиться, и проблема мнимой проекции моих представлений о "чужом я" в чужое тело - родственные проблемы.

XXX. Перевоплощаемость в философском творчестве. Самосохранение

Любознательность является аффективной наклонностью, которая может поддерживать стремление к перевоплощению даже, как мы видели, при отрицательном вчувствовании. Равным образом и коллекционерские стремления, ведущие мало-помалу к расширению духовного

горизонта, могут ей содействовать. Из стремления к общительности, как из общего корня, вырастают и нравственная симпатия, и эстетическое вчувствование (об этом см. мою работу "О перевоплощаемости в художественном творчестве". - "Вопросы теории и психологии творчества", 1913, вып. V). Взор матери является для ребенка общим началом для любви, и любования, и любознательности к чужому духовному миру. Интеллектуальная перевоплощаемость имеет в своей основе аффективно-волевой источник. Развитие этой последней наклонности совершается уже в сфере отчетливых понятий и суждений, как суждений теоретических, так и суждений оценки. Для философа интеллектуальная перевоплощаемость особенно важна в области психологии и истории философии, не говоря уже о практических ее отделах (этика, эстетика, философия права и т. д.). Для психологии из сказанного вытекает подтверждение уже ранее развитого нами положения, что изучение душевной жизни должно идти от целого к частям и от частей к целому одновременно, и то же самое, как мы видели, наблюдается и в области истории, и в области художественного творчества. Предлагаю читателю сопоставить вышеприведенные показания психолога Лазурского, историка Сореля с показанием художника Чехова. Чехов признает полезными для художника заметки, заносимые в записную книжку, но советует не обращаться к ним в самый момент творчества (см. "О перевоплощаемости в художественном творчестве". - "Вопросы теории и психологии творчества", вып. V). Интеллектуальная перевоплощаемость не есть холодное усвоение чужой точки зрения, но ее органическая ассимиляция. Кант пишет: "Недостаточно иметь основания для известного познания, надо с этим познанием свыкнуться (трение). Недостаточно уничтожить основания для известного убеждения, нужно еще в течение некоторого времени оказывать противодействие привычке придерживаться прежнего убеждения, которое мы теперь считаем лишенным оснований" (Reflexionen, II, § 59, S. 19). Кризис сомнений в юности бывает в этом отношении, как мы видели, благоприятным моментом для усвоения новой точки зрения. Интерес юного философа к постижению чужих точек зрения может быть настолько силен, что он оказывается иногда способным к совершенно экстраординарным средствам, чтобы проникнуть в замкнутый круг последователей какого-нибудь эзотерического учения. Так, о Лейбнице Куно Фишер сообщает, что он, заинтересовавшись в молодости учением розенкрейцеров и желая проникнуть в их среду, сочинил некоторую статью в их духе и стиле, чтобы убедить их, что он вполне достоин посвящения в их орден. О великом индийском философе Дармакирти проф. Щербатский сообщает, что он в юности, желая усвоить себе самые противоположные точки зрения различных философских сект, странствовал инкогнито бедным монахом по различным буддийским монастырям, оставаясь в каждом столько времени, чтобы усвоить себе исповедуемое в нем учение (см.: Куно Фишер. "Лейбниц" и Ф. И. Щербатский: "Логика и теория познания по учению позднейшего буддизма", ч. I). Мысль о том, что историко-философская культура не нужна для философа и что великие философы были невежественными людьми в истории философии, мало того, будто изучение истории философии оказывает вредное действие на самобытность философского дарования

278

- эту мысль высказал когда-то Поль Жане: "В философии невежество благоприятствует продуктивности творчества. Читая Канта, просто удивляешься, как мало он читал философские сочинения. Из других философов нового времени только Лейбниц и Гегель соединяли в себе большую непосредственность творчества с большой эрудицией" ("Revue des deux mondes", 1868, 15 mai, p. 354). Я уже имел случай показать, насколько ложна подобная мысль (см. мою статью "О психологическом изучении метафизических иллюзий". - "Жизнь", 1900, январь).

В Киркегоре была чрезвычайно сильна тенденция к психологической перевоплощаемости. В своих творениях он не только выводит различные характеры и создает различные ситуации, но выдумывает и различных авторов. Псевдонимы, которыми подписано большинство его сочинений, образуют целый круг индивидуальностей, стоящих на совершенно различных точках зрения. Именно его стремление "экзистенциально" мыслить ведет его к этому пользованию псевдонимами. С какой психологически-художественной виртуозностью он умел перевоплощаться во всевозможные писательские индивидуальности, можно видеть из сочинения "Предисловия к сочинениям", которое представляет собрание предисловий фиктивных авторов к фиктивным сочинениям" (H. Hoffding. "S. Kierkegaard", 1906, S. 54).

Указанная нами выше наклонность к путешествиям также тесно связана с тенденцией к перевоплощаемости. Философское творчество Фихте, Спенсера, Канта, быть может,

выиграло бы в широте, если бы им пришлось менять на продолжительное время ту социальную обстановку, в которой им приходилось жить.

Перевоплощаемость ученого следует отличать от нравственной чуткости и эстетического вчувствования, хотя эти последние свойства весьма ценны для ученого и философа. Алеша Карамазов вдруг говорит Ивану: "Отца убил не ты!" и затем к ужасу и изумлению брата описывает ему его душевное состояние: "Нет, Иван, ты сам себе несколько раз говорил, что убийца - ты". - "Когда я говорил?! Я в Москве был. Когда я говорил?" - совсем растерянно пролепетал Иван. - "Ты говорил себе это много раз, когда оставался один в эти два страшных месяца", - по-прежнему тихо и раздельно продолжал Алеша. Но говорил он уже как бы вне себя, не своей волей, повинуясь какому-то непреодолимому велению" (см.: Достоевский. Сочинения, т. XIV, стр. 287, изд. 1904 г.). Здесь проницательность подсказана любовью к брату и стремлением оказать ему нравственную поддержку в реальной жизни. Когда герой бальзаковского романа "La recherche de l'absolu"* Баль-тазар де Клаэс производил опасные химические эксперименты в лаборатории, куда проникла его жена из любопытства, несмотря на строгое запрещение мужа, то он, видя жену после страшного взрыва, происшедшего в лаборатории, совершенно невредимой, восклицает в сильном волнении: "Ангелы Господни спасли тебя!" Бальтазар де Клаэс был твердо убежденный атеист, и его восклицание Тэн объясняет как внезапную, вызванную душевным потрясением реминисценцию из области чувств и образов раннего детства. Такая черта, по справедливому замечанию Тэна, не могла быть придумана Бальзаком, она постигнута интуицией художника, который, фиктивно перевоплощаясь в героя, с душою

279

которого глубоко сжился, сопереживает в художественном творчестве малейшие подробности его духовной жизни (см. статью Тэна о Бальзаке). Цель Бальзака - пережить радость эстетического перевоплощения, имеющего глубокое жизненное правдоподобие, и сообщить эту радость читателю. Между тем перевоплощаемость ученого служит ему для того, чтобы однозначно истолковать корреляцию психических свойств человека в целях психологических или исторических научных выводов (психология, история философии) или чтобы однозначно истолковать корреляцию логических смыслов, образующих систему данного философа.

Истина многогранна и многоцветна. Для ее постижения необходимо философу дать себе отчет в том, что Кант называет горизонтом знания, т. е. известной точкой зрения на мир, заключающей в себе известный запас знаний. Необходимо: 1) установить свой собственный горизонт, дать себе в нем ясный отчет, 2) стремиться по возможности увеличивать его, 3) считаться с горизонтом другого, 4) определить абсолютный горизонт знаний и поставить его в отношение к своему, учтя при этом свои способности. Этот абсолютный горизонт и образует то, что я назвал бы параллельно идее полноты знания идеею его широты. В основе первой лежит коллекционерская наклонность, в основе второй - общительность. История философии может являть картину бессвязности для скептически настроенного дилетанта. Усвоение ее без углубленного перевоплощения в многоразличные точки зрения не только бесполезно, но прямо вредно: "Difficile est philosophia pauca esse ei nota, cui non sint nota aut pleraque, aut omnia". Разумеется, здесь речь идет о психических точках зрения на мир, а не о фактических подробностях. Без идеи широты понимания философского творчества, как единого мирового процесса, самораскрытие человеческого духа неосуществимо.

Ну, так которая из философий пребудет? Не знаю. Но философия быть, думаю, вечно должна!

(Шиллер)

К группе репулъсивных наклонностей нужно прежде всего отнести: 1. Самосохранение. Возможны случаи, когда самосохранение проявляется в аппетитивной форме. Так, например, собаки при некоторых заболеваниях едят траву ежу (chien dent), на это указывал еще Декарт. Я видел кошку, которая, оправляясь от сильного кровотечения (с выкидышем) после падения с 5-го этажа на мостовую, ела сама в саду из моих рук ту самую "порезную траву", которую крестьяне при порезах серпом на жатве употребляют как останавливающее кровотечение средство. Но большей частью самосохранение проявляется в репульсивной, оборонительной форме. Оборонительные реакции предваряются беспокойством, тревогой, испугом. Таковы разнообразные формы проявления неофобии или мизонеиз-ма, т. е. страха перед

новым, невиданным, необычайным. Если ход событий приобретает совершенно экстраординарный характер в смысле нарушения всех привычных ожиданий, страх переходит в ужас или в ярость.

Такова тревога животных при затмениях и землетрясениях. Джэмс рассказывает, что с одним большим породистым псом сделалось нечто вроде эпилептического припадка, когда этот пес увидел кость, двига-

280

ющуюся по полу, не замечая при этом нитки, при помощи которой ее двигали ("Психология", изд. 1-е, пер. И. Лапшина, 1896, стр. 340). Гюйо ("L'irreligion de l'avenir", I глава, 41 стр. русского перевода) и Дельбёф, которого цитирует Гюйо, сообщают о том впечатлении, которое производят на собак мыльные пузыри, внезапно превращающиеся в "ничто" при дуновении или прикосновении: "После того как лопнул четвертый пузырь, ярость собаки не знала границ, но она не старалась схватить его, но ограничивалась тем, что лаяла на него со всею силою гнева, пока пузырь сам не исчезал". Боясь довести собаку до бешенства, Дельбёф поспешил прекратить опыт. Перед нами здесь не удивление-радость, а удивление-испуг, переходящее в гнев. У животных есть смутное чувство законосообразности природы, которое у человека проясняется и на известной стадии развития доходит до отвлеченного понятия закона природы. Вся умственная эволюция человека, безмерно возвышающая его над животными, есть непрерывный процесс осмысления мира явлений и своей познавательной деятельности. Миф, искусство, язык, техника, наука и философия - лишь различные формы расшифрования безмерно сложной загадки бытия и познания. Всякая научная и философская система, поскольку она 1) логически связна, т. е. свободна от внутренних противоречий, и 2) верно истолковывает познаваемые явления и их взаимную связь, есть наивысшая форма такого осмысления, предохранительная форма (Schutzform), как метко называет ее Авенариус ("Критика чистого опыта", ч. II). От чего же она нас предохраняет? От иррационального в действительности. Если мир-явление не есть Космос, но Хаос, в котором нет никакого единообразия, то никакое строительство мысли и жизни для человека не представляется возможным. Философия и прежде всего логика и теория познания есть Органон, орудие для преодоления того, что на низшей ступени развития представляет страх перед чудом, а на высшей - страх перед логической нелепостью или фактической несообразностью в данной научной теории или философской системе. Подобный страх может быть или могучим стимулом для напряжения всех умственных сил перед загадочным явлением - удивлением, как великой философской страстью, или трусостью в мышлении, страхом не за науку и истину, а за истинность своей теории. Хотя вера в чудеса давно уже утратила свой кредит в глазах философов, и уже Гоббес писал, что чудеса подобны пилюлям, которые, быть может, иногда полезно глотать, но никогда не следует жевать, тем не менее весьма знаменателен тот факт, что и Декарт, и Лейбниц интересовались в юности теургическими затеями розенкрейцеров, что одним из импульсов для размышлений о законе причинности у Юма были рассказы о чудесах, якобы происходивших на Медарском кладбище в 1723 г. на могилах казненных янсенистов, что внимание Канта в начале 60-х гг. XVIII в. было привлечено чудесными рассказами про Сведенборга, и Кант затратил огромную для своего тощего кармана сумму, чтобы купить "Arcana Coelestia" Сведенборга, которые так потом разочаровали его, что импульсом к пробуждению философской любознательности в 24-летнем Т. Масарике были "загадочные" явления спиритизма и гипнотизма1.

1 См. брошюру проф. Пражского университета Эм. Радля "Т. Масарик, его жизнь, научная и общественная деятельность", 1921 (есть русский перевод).

281

Исходным пунктом для творчества Канта в его критический период "было страшное разрушение науки и нравственности", которым угрожала философия Юма. Мы видели, какую огромную роль играет кризис сомнений в духовном развитии каждого философа. Философская система претендует быть дредноутом, находясь на котором чувствуешь себя в безопасности. Но если страх в утонченных формах осторожности, настороженности, подозрительности к собственным увлечениям является тоническим средством, направляющим мысль и обостряющим строгость критической самооценки, трусость в мышлении есть забота о сохранении в неприкосновенности своих теоретических построений в связи со страхом перед новизной. История науки знает множество примеров подобной неофобии ученого из страха разрушения прежнего его мировоззрения. Вот хороший пример из современной психологии. Некоторые биологи

забрали себе в голову, как догмат, что не может быть ассоциирования двух ощущений у тех животных, которые не имеют кортикального вещества в мозгу. Когда им показывают опыты над рыбами, которые так выдрессированы, что проникают в стеклянную трубочку, как только внутри ее в аквариуме зажигают электрическую лампочку, то вот что они пишут в ответ: "Вы указываете на факты, вы приводите доказательства, но ни те ни другие не существуют для нас, теоретиков; мы просто знаем, что функция не может существовать без органа... поэтому я a priori отрицаю все то, что вы добросовестнейшим образом утверждаете в качестве того, что видели, слышали, осязали. Мы отказываемся наблюдать факты, которые заведомо считаем невозможными" (письмо психолога Жюля Сури (Soury) к Гаше-Супле от 15 октября 1908 г., см. "Genese des instinctes", 1912, p. 16). "Огнеупорность" философской системы, способность ее если не целиком, то частично быть aereperennius*, определяется, конечно, счастливым сочетанием в философском гении высокоразвитого чувства действительности, логической остроты мысли и изобретательности; всем этим в итоге определяется сила философской мысли, ее глубина и ясность. Трусость же в мышлении есть, так сказать, деградация "воли к системе", так как в последнем случае интеллектуальное чувство страха перед противоречием имеет ту явно личную или узкопартийную подкладку, которая бросается в глаза у людей, лишенных философского мужества. Борьба с противоречиями и несоответствиями между мыслями и фактами приводит к объективно ценным результатам только тогда, когда продиктована бескорыстным сверхличным мотивом - найти в данной научной теории или философской системе для человечества надежное орудие для постижения и преображения действительности. Часто говорят в новейшее время, что логика и теория познания суть высшие формы приспособления человеческого духа к действительности (Мах), говорят даже о приспособлении мыслей между собою. Я сомневаюсь, чтобы такое чрезмерное расширение термина "приспособление" было вполне удачным. Можно ли истолковывать умственную деятельность человека как приспособление к среде, если человеческий дух оказывается в состоянии получать искусственно новые варианты некоторых элементов, варианты, которых, по-видимому, нет в природе, температуру выше солнечной или отстоящую на 1° выше абсолютного нуля, получать разновидности некоторых животных экспериментальным путем, изменять климат и т. п.

282

XXXI. Самосохранение в практической философии

Аффективная подкладка "воли к системе" еще ярче сказывается в области практической философии. Ее задача - преодоление трагедии в жизни человечества. Здесь господствующую роль играют три идеи: 1) мировое зло в самом происхождении мира и живых существ, 2) бессилие человеческой воли, индивидуальной и коллективной, в борьбе со страстями в настоящем и 3) смерть отдельного человека и человечества в будущем. В связи именно с этими тремя проблемами стоят в философии три идеи, при помощи которых многие метафизики стремятся преодолеть трагедию: против мирового зла - идея Бога, против власти страстей - идея свободной воли и против смерти - идея бессмертия. Те же идеи приобретают у Канта характер моральных постулатов. Другие метафизики ищут других путей для разрешения этих практических проблем в антитеизме, в вере в историческое бессмертие и т. п. В нашу задачу, разумеется, не входит оценка этих взглядов по существу. Нам важно отметить глубоко сверхличный характер подобных философских исканий, независимо от способов, которыми решалась проблема. Это можно уяснить себе на проблеме смерти.

Страх перед смертью, перед собственной смертью, так потрясающе ярко описанный Мопассаном в "Bel ami"* и Толстым в "Смерти Ивана Ильича", в философских исканиях глубоко преображается - приобретает сверхличный характер одинаково как у склонных верить в личное бессмертие духа (Платон, Лейбниц, Кант), так и у верующих лишь в "историческое" бессмертие (Аристотель, Спенсер, Конт). Эти сверхличные мотивы - мысль о гибели других людей, близких и далеких, о гибели всего человечества, о хрупкости человеческих ценностей и т. п. - ясно выступают и в творчестве ученых, и иногда их чисто теоретические открытия в процессе творчества оказываются имеющими практическое происхождение - именно философские стремления преодолеть пессимистические мысли, в частности мысли о смерти, ее причинах и причинах страха смерти, окрашивавшие мрачно миросозерцание Мечникова в юные годы, особенно после потери любимой жены, привели его к попытке разрешить вопрос о противодействии организма болезнетворным явлениям, исходящим из внешнего мира. "Это первый зачаток теории фагоцитов. Хотя он и не связан прямо с вопросом о жизни и смерти, но он тем не менее находится в логическом отношении к

нему" ("40 лет искания рационального мировоззрения", 1914, стр. 24). Мотивы личного горя перед призраком смерти преображаются в сверхличное стремление "смертью смерть попрать". Вот замечательное признание Пирогова: "В первый раз я пожелал бессмертия - загробной жизни. Это сделала любовь. Захотелось, чтобы любовь была вечна, так она была сладка. Умереть в то время, и умереть навеки, безвозвратно, мне показалось тогда, в первый раз в жизни, чем-то необыкновенно страшным. Потом это грустное чувство, это желание беспредельной жизни, жизни за гробом, постепенно прошло, несмотря на то что я продолжал любить жену и детей. Со временем я узнал по опыту, что не одна только любовь составляет причину желания вечно жить. Вера в бессмертие основана на чем-то еще высшем, чем самая любовь. Теперь я верю, или вернее, желаю верить в бессмертие не потому только, что люблю жизнь за

283

любовь мою - и истинную любовь - ко второй моей жене и детям (от первой), нет, моя вера в бессмертие основана теперь на другом нравственном начале, на другом идеале" ("Вопросы жизни", 463).

Вот еще два признания - Пастера и Дарвина: 1) "В каждом из нас имеется два человека - ученый, желающий путем наблюдения, опыта и рассуждения возвыситься до познания природы, и чувствующий человек, человек традиции, веры и сомнения, человек чувства, который оплакивает умерших детей своих, который не может, увы, доказать, что он их увидит вновь, но который верит и надеется, который не хочет умереть, как умирает вибрион, который говорит сам себе, что сила, заключенная в нем, преобразуется". 2) "Что касается бессмертия, то ничто мне не доказывает столь ясно, сколь сильно и инстинктивно это верование, как рассмотрение взгляда, высказываемого в настоящее время физиками, что солнце вместе с планетами, с течением времени охлаждаясь, сделает жизнь невозможной, если только какое-нибудь большое тело не вторгнется в него и не даст ему обновленную жизнь. Для меня, верующего, что в отдаленном будущем человек будет несравненно более совершенным существом, чем теперь, невыносима мысль, что он и все другие одушевленные существа после столь долгого и медлительного процесса обречены на полное уничтожение. Тем, кто всецело допускает бессмертие души, разрушение нашего мира не представляется столь ужасным".

А вот что говорит чеховский доктор-материалист: "О, зачем человек не бессмертен? Зачем мозговые центры и извилины, зачем зрение, речь, самочувствие, гений, если всему этому суждено уйти в почву и, в конце концов, охладеть вместе с земной корою и потом миллионы лет без смысла и без цели носиться с землей вокруг солнца? Для того чтобы охладеть и потом носиться, совсем не нужно извлекать из небытия человека с его высоким, почти божеским умом, и потом, словно в насмешку, превратить его в глину. Обмен веществ! Но какая трусость утешать себя этим суррогатом бессмертия!..

Только трус, у которого более страха перед смертью, чем достоинства, может утешать себя тем, что его тело будет со временем жить в траве, в полипе, в грибе... Видеть свое бессмертие в обмене веществ так же странно, как пророчить блестящую будущность футляру после того, как разбилась и стала негодною дорогая скрипка" ("Палата № 6", гл. VII).

Проблема продления жизни занимала уже Бэкона и Декарта. После его смерти в Стокгольме королева Христина с усмешкой сказала кому-то: "Он умер, несмотря на то что изыскивал средства против смерти".

В своей статье "Von der Macht des Gemuths etc."* Кант указывает на страх смерти как на известный Naturinstinkt, в силу которого даже умирающие в страшных муках и обращающие мольбы к небу (Jovi liberatori), чтобы оно скорее "прибрало их", все же минутами рассчитывают на небольшую отсрочку (procrastinatio). Глубоко старые люди, даже крайне ограниченные, любят жизнь. Один выживший из ума старик находил развлечение в том, чтобы разные часы, окружавшие его, били не одновременно. Другая глубокая старуха, умирая, сожалела, что не может более ощущать движение веретена в слабеющих руках. Но если

284

в известный момент жизни тяжело умирать", то все же можно быть "сытым" жизнью. "Наполнение времени непрерывною и размеренною деятельностью, которая имеет в

виду великую заранее поставленную цель, - пишет Кант в "Антропологии" (vitam extendere factis), - это единственное средство быть довольным жизнью и вместе с тем чувствовать себя сытым ею: "чем больше ты думал, чем больше ты делал, тем больше ты жил" (хотя в собственном воображении). Такое окончание жизни обыкновенно дает человеку удовлетворение" (§ 59, стр. 102, русский пер.).

В упомянутом нами сочинении "Von der Macht etc." Кант высказывает следующую мысль: "...философствование даже и не для философа является... средством для устранения некоторых неприятных чувствований и в то же время возбуждением душевного состояния (Agitation), привносящим в данное занятие известный интерес, который, будучи независимым от внешних случайностей, именно вследствие этого последнего обстоятельства хотя и является игрой, но все же благодаря своей силе и глубине (Innigkeit) противодействует иссяканию жизненной силы. А что касается философии, интересы которой направлены на целокуп-ность и конечную цель разума, являющегося абсолютным единством, то она приносит с собой чувство мощи, которое в известной мере может возместить телесную слабость (преклонного) возраста разумным измерением ценности жизни". По мнению Канта, то же можно сказать про всякую бескорыстную научную деятельность: ученый, подобно философу, "наслаждается благотворностью подобного возбуждения своих сил в омолодении и неисчерпаемом продлении жизни" (см. Кант: "Populare Schriften", издание Kantgesellschaft, 1911, S. 399-400').

Проблема смерти как у биологов, разрабатывающих танатологию, так и у философов, для которых их главный предмет есть, по выражению Платона, "melethe thanatu", преодоление страха смерти, осуществляется

1 Богословы изыскивают другие способы продления человеческой жизни высочайших особ - это вознесение Небу общественных молитв. Гальтон в своем "Inquiry" научно исследовал этот вопрос. Сопоставление среднего возраста людей различных профессий (военные, судьи, врачи etc.) со средним возрастом монархов показало, что вознесение небу общественных молитв о долгоденствии монархов укорачивает их жизнь, если вообще оказывает на нее влияние. Вот таблица Гальтона:

Средний возраст, достигнутый мужчинами различных классов, переживших 30-летний возраст в Англии от 1768 до 1843 г.

Число лиц Средний

Члены королевского дома 97 64,04

Духовенство 945 69,49

Законоведы 294 68,14

Врачи 244 67,31

Английская аристократия 1179 67,31

Джентри 1032 70,22

Купечество 513 68,71

Офицеры королевского флота 366 68,40

Ученые и литераторы 395 67,55

Офицеры армии 569 67,07

Представители изящных искусств 232 65,96

285

путем преображения личных интересов в сверхличные. Это преображение ясно обнаруживается на личном отношении философа к смерти. Как умирают великие философы? Героическая смерть Зенона, Сократа, Боэция, Джордано Бруно общеизвестна. Вот еще несколько иллюстраций из биографий Эпикура, С.-Симона, Конта, Ренувье. Эпикур в предсмертной записке другу сообщает, что, несмотря на невыносимые муки от болей в желудке и мочевом пузыре, он испытывает радостное

чувство при мысли о философских беседах, которые они вели между собой. Письмо заканчивается припиской: "Позаботься о Метродоре". О. Конт на смертном одре был всецело поглощен обсуждением дальнейших судеб позитивизма, его признательный взор был обращен на иссохший букет Клотильды де Во.

"Смерть есть собственно вдохновитель-гений, муза философа" (Шопенгауэр: "О смерти и неразрушимости нашей истинной сущности". "Афоризмы и максимы", пер. Черниговца, стр. 103-107).

Последние слова С.-Симона, обращенные к ученикам, были следующие: "Уже в продолжение 12 дней я занимаюсь тем, чтобы указать вам средства сделать ваши усилия в этом предприятии (издание журнала "Le producteur") наиболее полезными, и вот уже три часа как я стараюсь изложить вам вкратце мысли об этом предмете. Теперь я могу сказать вам: вы являетесь в такое время, в которое согласные усилия должны иметь большой успех, - груша поспела, вы можете ее сорвать. Последняя часть моих трудов "Новое христианство" не будет тотчас понята. Некоторые думали, что всякая религиозная система должна исчезнуть, потому что показана дряхлость католицизма. Но это большая ошибка: религия не может покинуть мир: она только переменяет вид. Родриг, не забывайте этого и помните, что надо действовать с увлечением, чтобы делать великие дела. Вся моя жизнь резюмируется в одну мысль: обеспечить людям свободное развитие их способностей". Произошло минутное молчание, после которого умирающий сказал: "Через двое суток после второй нашей публикации участь рабочих будет устроена: будущее принадлежит нам". Сказавши это, он положил руку на голову и умер (Щеглов. "История соц. систем", т. I, изд. 2-е, 1891, стр. 317).

Очень хорошо оттенены личный и сверхличный моменты в отношении к смерти 82-летним Ренувье, который за несколько дней до смерти писал следующее: "Я нимало не заблуждаюсь относительно моего состояния. Я знаю, что я скоро умру, через неделю или через две. А между тем мне еще так много хотелось бы сказать относительно моего учения. В моем возрасте непозволительно надеяться, дни уже сочтены, быть может, даже часы. Нужно примириться с этим. Я умираю не без сожаления. Мне жаль, что я никаким образом не могу предвидеть судьбы моих воззрений. Я умираю, не сказав последнего слова. Все умирают, не успев выполнить своей цели. Это самая печальная из печалей нашей жизни. Это еще не все. Когда человек стар и привык к жизни, то умирать очень тяжело. Мне кажется, что молодые люди легче мирятся со смертью, чем старики. Перейдя за 80 лет, человек становится трусом и не хочет более умереть. И когда становится несомненным, что смерть приближается, то душа наполняется большою горечью. Я изучил этот вопрос со всех сторон, вот уже несколько дней как я пережевываю все ту же мысль: я знаю, что я умру, но я не могу убедить себя в том, что я умру. Во мне

286

возмущается не философ: философ не верит в смерть, но против нее возмущается старик. У старика нет сил для примирения со смертью. Тем не менее нужно примириться с неизбежностью" ("Revue de Metaphysique et de Morale", 1904. Цитата взята из книги И. Мечникова "Этюды оптимизма", 1909, стр. 111-112).

XXXII. Самозащита

2. Самозащита. Под самозащитой я разумею наклонность к самосохранению, проявляющуюся в агрессивной, активной форме гнева, стремление к борьбе за обладание пищей или самкой, причем эмоции страха и гнева могут быть связаны между собою. "Инстинкт нападения, - пишет Гаше-Супле (Genese des instinctes", p. 108), - может быть производным от страха, хотя наиболее часто он является производным от голода". "Безумство храбрых" может быть иногда иллюзией, так как мнимая храбрость может оказаться преждевременными и безрассудными движениями нападения на врага, но движениями роковыми под влиянием импульса страха. Тургеневский воробей, грудью "защищавший" птенцов, упавших на землю из гнезда, перед охотничьей собакой, может быть поэтическим символом морального героизма, но не в глазах зоопсихолога. Подобная же быстрая метаморфоза страха в гнев наблюдается и в высших духовных сферах человеческой деятельности, в частности и в философском творчестве. В исследовании "О трусости в мышлении" я подробно показал, как страх перед состоятельностью собственной системы вызывает в философе по отношению к противнику стремительную и логически необоснованную реакцию гнева, выражающуюся в употреблении самых резких выражений.

У человека самозащита проявляется во всевозможных наклонностях; производными чувствами от самоутверждения и самозащиты собственной личности являются эгоальтруистические чувства: жажда славы, самолюбие, гордость и властолюбие. В различных родах человеческого творчества можно проследить преображение подобных эмоций, или зарождение под их влиянием творческих стремлений. Ювенал говорит: "Facit indignatio versum"*; комедия, сатира вообще имеют в основе весьма часто чувство превосходства над низким, глупым, пошлым и отвратительным и чувства иронии и злорадства по отношению к подобным проявлениям. Бетховен замечает, что гнев может быть импульсом для творчества. Игнатий Лойола, который в молодости был военным и вследствие раны должен был оставить военную службу, перенес свой воинский пыл на дело служения церкви. Хомяков, будучи храбрым офицером и страстным охотником, перенес свой боевой темперамент в полемику, в которой, по свидетельству Герцена, располагал изумительным диалектическим искусством. Мы уже видели, что социальное признание является важным стимулом для творчества (см. Введение, т. I). И в области философии диалектическая гибкость мысли, яркость и выразительность стиля часто бывают связаны с исключительным полемическим талантом. Диалоги Платона, посвященные борьбе с софистами, "Полемика" Декарта по поводу "Meditationes"**, нападения Канта на Эбергарда, Милля на Гамильтона, Ницше на Штрауса, Паскаля на

287

иезуитов и т. д. могут служить тому иллюстрацией. В подобной полемике все то, что имеет мелочный, личный характер, проистекает большею частью из указанной выше стремительной метаморфозы безрассудного страха в бессильный гнев и является лишь помехой для продуктивного развития мысли. "Святая злоба" есть глупое изобретение плохих поэтов. Есть на свете такие люди, которые, чувствуя наклонность к грубым ругательствам, радуются, когда находят таковые в сочинениях великих людей. Могу доставить им несколько минут приятного развлечения. Вольтер называет Лейбница шарлатаном, а Шопенгауэр - блюдолизом. Бутервек называет систему Фихте трансцендентальным онанизмом, Дюринг называет Тренделенбурга схоластическим импотентом, иссохшим аристо-теликом, а философию Гартманна педерастической, Шопенгауэр философию Гегеля - проституткой, Ницше называет Канта идиотом, калекой в сфере понятий - Begriffskruppel, Карлейль называет философию эмпиризма свинской философией, pig-philosophy, Конт называет Кузена знаменитым шарлатаном. В сочинениях Платона, Аристотеля, Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта, Юма, Спенсера и Гегеля я не встречал следов подобной копролалии, и если бы они нашлись, то в них нельзя было бы усмотреть проявления творческой силы. Тем не менее полемическая жилка составляет непременное условие диалектической гибкости мысли и представляет существенный момент в процессе выработки литературного стиля философской системы, другим моментом в выработке стиля является способность становиться на чужие точки зрения. Философский стиль есть равнодействующая искусства перевоплощаемости и искусства внушать другим свои идеи, искусства проявлять в своих творениях в яркой форме типически индивидуальные черты. Преувеличение одного из этих моментов неизбежно ведет или к половинчатости скептицизма и эклектизма, или к фанатизму догматиков. Благодушная всеядность Ренана и назойливый агитаторский азарт Фихте в его стремлении принудить читателя к пониманию в этом отношении образуют живописный контраст: "Лишь тогда имеешь шансы хоть раз в жизни постигнуть истину, когда много противоречишь самому себе", - говорит Ренан. С другой стороны, когда Рейнгольд выразил мысль о том, что и философ как индивидуум может ошибаться, и потому ему полезно поучиться кое-чему у других, Фихте сказал: "Любезный Рейнгольд, чье настроение вы тут описываете? Настроение человека, который во всю свою жизнь еще ни разу ни в чем не был убежден" (см.: Куно Фишер. "Geschichte der neuen Philosophie", B. VI, S. 125-134). Кант в "Критике способности суждения" осуждает искусство убеждать путем красноречия, т. е. внушения даже в том случае, если оратор защищает правое дело. Такой моральный ригоризм есть следствие интеллектуализма. Во всяком философском доказательстве есть момент объективной принудительности, проистекающий из достоверности или вероятности приводимых фактов, ясности понятий и строгости доказательств, и субъективный - чувство очевидности. Те приемы изложения, которые повышают последнее, являются важным добавочным условием для усвоения ясного достоверного знания, которое, таким образом, сверх того, что становится понятным, делается и убедительным. Ведь сам же Кант, как мы видели выше, отмечал это важное различие. Философская мысль должна быть внушительной.

288

XXXIII. Половое влечение

Я перехожу к группе конструктивных аффективных наклонностей. I. Половое влечение. Его значение в качестве источника высших форм духовной деятельности неоднократно подчеркивалось в психологической литературе: 1) Гюйо и Литтре, следуя за Руссо, ставят с ним в тесную связь развитие симпатических чувств (против подобной идеи протестовал учитель Литтре - Конт), 2) Грент Аллен по примеру Берке выводит из него эстетические чувствования (что оспаривает Гроос), 3) Люба (Leuba), Монморан (Montmorant) и многие другие выводят из него религиозную мистику (что оспаривает Джэмс) и, 4) наконец, ученик Фрейда Ранк выводит из него типы философского творчества. То, что есть глубокого и верного в этих мыслях, с неподражаемой силой и глубиной выразил Платон в "Пире", в своем учении о творческом Эросе, но в целом эта мысль представляется крайне односторонней. В развитии симпатических чувств происходит значительное углубление и расширение после периода половой зрелости, но не половое влечение порождает чувство симпатии - оно может лишь обострять его. Симпатические чувства зарождаются гораздо раньше, как это указывают против Руссо многие современные психологи с Дарвином во главе (Прейер, Селли, Болдвин, Гротюйзен). Точно так же чувство красоты многими своими сторонами пробуждается в ребенке вне связи с половым влечением, и то же можно сказать о первых опытах эстетического творчества, на что указывает Гроос ("Spiele der Menschen", глава об эротических играх). Попытка "дедуцировать" из полового влечения мистику и философское творчество заключает в себе неясность, которая особенно увеличилась со времени появления школы Фрейда и создания его двусмысленного термина "сублимирование". Это значит подавление. Но последнее выражение можно понимать двояко: 1) оно может означать отодвигание на задний план сознания. Так, во влечении к женщине чувственный элемент может быть заслонен (оставаясь в поле сознания) другими элементами, сочетаясь известным образом с последними, 2) он может означать отодвигание из сферы сознания в область бессознательной или подсознательной психики. Так, например, Штекель в книге "Что на дне души таится" рассказывает, как одна дама, богатая помещица, дабы отучить мужа от гомосексуализма, старалась держать его при себе в деревне, развивая в нем страсть к утонченному столу и "сублимируя" гомосексуализм обжорством. Согласно этой точке зрения, первоначальная наклонность здесь лишь отодвинута в область бессознательного. Подобное понимание сублимирования, а вместе с ним и самый raison d'etre* термина, приемлемо лишь для тех метафизиков, которые признают определенный смысл за терминами: "бессознательная, надсознательная, сверхсознательная или подсознательная" психика. Я имел случай в статье "Э. фон-Гартманн" (Русская мысль, 1906) показать, что эти понятия бесполезны для психологии и самопротиворечащи с философской точки зрения. Поэтому мы будем говорить в последующих рассуждениях не о сублимировании, а о замещении или преображении наклонностей. Религиозное и философское творчество может быть сближено с половым влечением вследствие аналогии между отношением субъекта и объекта

289

в половой любви и отношением познающего духа к познаваемому Космосу или Богу в религии и философии. Половые противоположности переносятся у пифагорейцев путем антропоморфической проекции в сферу основных космических сил: arrhen u thelu, мужское и женское - одна из пар мировых противоположностей, она же в виде антитезы активного и пассивного начал фигурирует у Платона и Аристотеля. У новоплатоновцев и гностиков, в каббале, у Якова Бёме, у Шеллинга, у Конта, у Шопенгауэра, у Гартманна и у Соловьева можно проследить отзвучия тех же психологических антитез. С другой стороны, анализируя творчество мистиков и философов с субъективной стороны, можно найти аналогии подобного же рода, только их надо понимать не как двусмысленное сублимирование, а как преображение. То, что первоначально с объективной стороны выражалось в психологических представлениях, гипостазированных в метафизические реальности, а с субъективной - проявлялось в переживаниях, имевших эротический оттенок, превратилось в поэтический образ в описаниях экстаза мистиков и в простую метафору у философов. Эротика и мистика перерождаются в философском творчестве во вселенское чувство, в любование миром как целым. Природа вселенского чувства и его отношение к мистике выявлены мною подробно в исследовании "Вселенское чувство". Это - чувствование, связанное или с понятием о мире, или с понятием о мировом идеале. Вот как характеризует эту "космическую эмоцию" (Cosmic Emotion) английский ученый Клиффорд: "Под космической эмоцией я разумею эмоцию, испытываемую по отношению ко вселенной как совокупности всех вещей, рассматриваемой с точки зрения космического порядка". В этой эмоции есть две разновидности: одна более

Лапшин И. Философия изобретения и изобретение в философии filosoff.org направлена на макрокосм - мир внешний, другая - на микрокосм, мир наших собственных душ. Когда мы пытаемся объединить самые общие концепции, какие мы можем образовать о великом агрегате непрестанно совершающихся событий, установить род равновесия между чувствованиями, которые эти события вызывают в нас, и когда мы пытаемся присоединить к этим чувствам (the feeling of vastness) чувство необъятности, ассоциируемое с попыткой представить целокупность бытия (the whole of existence), то мы переживаем космическую эмоцию первого рода; она может иметь характер благоговения, почитания, но может возобладать в нас в виде стимула к действию, подобно тому действию, которое оказывают на музыканта его товарищи, играющие в оркестре: они увлекают его и вынуждают исполнить его партию с силой и точностью темпа и интонации. Если, с другой стороны, мы рассматриваем совокупность наших действий и чувствований, сопровождающих эти последние, если мы составляем себе наиболее высокое обобщение в целях охарактеризовать природу добрых действий и чувствований и если мы свяжем это обобщение с чувством широты, захватывающим совокупную деятельность остальных людей, мы испытаем космическую эмоцию второго рода" (Clifford: "Lectures and Essays": "The cosmic Emotion"). Вселенское чувство есть пафос, одушевляющий философа, по отношению к выработанной его системой концепции мира как целого и социального мирового идеала. В этом пафосе можно видеть преображение религиозного чувства и эмоцию философского порядка.

290

После сказанного присмотримся к аргументации Ранка. Он в своей книге "Психоанализ в науках о духе" делит всех философов на три типа: 1) метафизики-художники - мистики и натурфилософы, 2) синтетические мыслители - Конт, Спенсер, 3) аналитики - Кант, Спиноза, Декарт, Юм. У двух последних типов констатируется сублимирование полового влечения мышлением. Это сублимирование находит себе объяснение в безбрачии философов - они анэротики. У первого же типа libido проецируется на картину мира - они гиперэротики. На это можно возразить следующее: 1) Безбрачие не свидетельствует об анэротичности, именно натуры с чувственными наклонностями нередко бывают безбрачными, и именно художники, например Лермонтов. Правда, Даргомыжский, Бетховен, Лист, Чайковский, Балакирев, Мусоргский были холостыми, но что же из этого следует? 2) Среди философов-систематиков как быть с Аристотелем, Гегелем и Контом, которые, как и множество других, были женатыми? Аристипп говорил о своей любовнице, знаменитой красавице Лаисе: "Я обладаю, но не мною обладают". Демокрит на вопрос, почему он выбрал себе такую маленькую жену, ответил: "Я выбрал из зол наименьшее". Аристотель питал к первой жене (он был женат дважды) столь сильную страсть, что велел воздвигнуть в память ее статую (см.: Gomperz. "Gnechische Denker", B. III). А Конт был весьма чувственной натурой, об этом нам свидетельствует его биограф, Дюма, излагая подробно оба его романа - с Каролиной и Клотильдой (см. "Les deux Messies positivistes - Comte et Saint-Simon"). Выходит, что и философы, систематики и аналитики, не анэротичны, но что сильные чувства и страсти низшего порядка преобразились в их духовном развитии в философский пафос. Весьма вероятно, что к великим творцам философских систем применимо замечание, сделанное Соловьевым по отношению к основателям новых религий. В своей превосходной биографии Магомета Соловьев, указывая на сильную чувственность Магомета, прибавляет: "Сила духа, обнаруживаемая человеком, находится в прямом отношении с силою тех низших страстей, которые он поборет в себе" (Сочинения, т. VI, стр. 550).

Кому случалось читать переписку Абеляра и Элоизы, тот поражается бросающимся в глаза контрастом между страстностью писем Элоизы и безжизненным схоластическим резонерством Абеляра. Ранк, очевидно, представляет себе творческий дух философа в образе Абеляра. И для Ранка природная апатия представляется психическою основою интеллектуального ("сухого, холодного") творчества: философ - это "холодный мужчина". Руссо в "Исповеди" рассказывает, что одна венецианская куртизанка после неудачи, которую он потерпел в попытке ухаживать за ней, с негодованием сказала: "Lascia le donne e studie la matematica!"* Таков и Ранк!1.

1 В "American Journal of Psychology" (1918) имеется психоаналитический этюд, посвященный Огюсту Конту, Blanchard'a.

291

XXXIV. Архитектоническая наклонность. Наклонность к социальной организации

II. Архитектоническая наклонность. Было бы ошибочно думать, что поразительная индустрия животных (пчелы, муравьи, бобры, птицы) возникла именно в том виде, в каком мы ее теперь видим. Так думал когда-то Декарт, но современные зоопсихологи, например Гаше-Супле, указывают на то, что удивительные постройки животных, вероятно, развились постепенно из более рудиментарных и грубых форм. Нельзя говорить об архитектоническом инстинкте у человека, но можно говорить об архитектонической наклонности, стремлении к сооружению стройных, симметрических и отвечающих известной цели агрегатов, каковы: утварь, жилища, ограды, машины, сады и т. п. Стремление к симметрии и эвритмии представляет существенную черту в орнаментике и косметике на самых низших ступенях художественного творчества. Мы видели, что та же архитектоническая наклонность выражается и в области мысли в стремлении ученых и философов к созиданию стройных теорий и систем, конечной же целью всякой вполне разработанной философской системы является конструкция определенного образа мира (Weltbild) и понятия о мире (Weltbegriff, conceptus cosmicus, по Канту).

Архитектонические наклонности часто пробуждаются в раннем возрасте. Так, Био в своей биографии Ньютона рассказывает, что последний еще ребенком любил сооружать модели машин, например он построил мельницу, в которой вместо мельника находилась мышь, двигавшаяся и поедавшая даваемую ей муку. Архитектонические стремления могут проявляться в пространственных конструкциях и в построении известного эвритмического агрегата представлений во времени (ораторское искусство, построение систем, поэтические наклонности, песнетворчество). У многосторонне одаренных натур архитектоническая наклонность может проявляться иногда сразу в двух различных направлениях - познавательном, например техническом, и эстетическом, например живописном (Леонардо да Винчи), причем более значительная одаренность в известном направлении одерживает, наконец, перевес над другою склонностью. Так, изобретатель парохода Роберт Фультон был в юности живописцем и лишь позднее (на 16-м году) окончательно сделался техником. Весьма замечательно отмеченное нами выше обстоятельство - архитектонические наклонности животных, их индустрия иногда дают косвенный импульс изобретательности человека (см. выше гл. IV). Если мысль Лукреция, будто люди научились музыке, подражая пению птиц (Sibila primum agrestes docuere cavas inflare circulos et liquidas avium imitarier), и представляется спорной, то бесспорно, что изобретение многих мелодий возникло из подражания птичьему пению. Ком-барье ("La musique, ses lois, son evolution", 1910) сообщает, что капитан Fourneaux привез с острова Тонги флейту, издававшую ряд тонов, по-видимому, представлявших воспроизведение птичьего пения: soldieze, la-dieze, sol-dieze, la-dieze, fa, sol, la, do. В Британском музее имеются две группы флейт, дающие такую последовательность звуков: sol, mi, re, do, re, fa, mi, la, sol, la, do (но в тональности A-dur), которые

292

тоже, по-видимому, представляют подражание птичьему пению (Combarieu, op. cit., p. 163).

В построении понятия о мире архитектоническая наклонность философа находит для себя окончательную форму проявления. Но понятие о мире как Космосе представляет лишь наивысшую форму научной обработки и интеллектуального истолкования той картины мира, которая складывается у каждого человека, если только его духовная жизнь не находится в состоянии маразма или распада. Любопытно вскрыть те психические элементы, из которых складывается эта картина. В этой картине есть такие стороны, которые составляют как бы контуры, в которые входит весьма различный материал в зависимости от научных знаний эпохи и степени образованности данного лица, но контуры, которые остаются неизменными для каждого человека, для первобытной натуры, для полуинтеллигентного человека, для человека любой профессии, для ученого любой специальности, для философа любого направления.

Контуры картины мира можно уловить, подвергнув анализу состав поля нашего сознания в его отношении к миру.

Под обзором, или синопсисом, сознания я разумею рассмотрение его состава, так сказать, в развернутом виде, с птичьего полета, каким он рисуется перед духовным взором человека. Сознание не есть вневременная вспышка духовной деятельности, но непрерывный пространственно-временной поток устойчиво-изменчивых состояний. Их можно разделить на три группы: я, чужие я и не-я. К личной жизни моего сознания

всего теснее примыкают следующие элементы душевной жизни: 1) Эмпирическая личность - внутрителесные ощущения, эмоции и стремления, связанные с нею образы памяти и воображения. 2) Мое личное прошлое, перспектива воспоминаний, располагающаяся в известный ряд и обрывающаяся на первых воспоминаниях детства. 3) Мое будущее, неопределенно продолжающееся и сотканное моим воображением на основании аналогии с моим прошлым и данными жизненного опыта. 4) Мысль о единстве сознания с его законами и формами. 5) То, что я храню о себе в памяти, точнее говоря, то, чего нет в моем сознании, что иногда проявляется в подголосках чувства, но что я с уверенностью могу воспроизвести. 6) Неопознанное во мне. В нас нет никаких бессознательных представлений, но есть всегда в наличности темный задний план сознания, и мы можем постоянно открывать в своем сознании новые, не замеченные ранее черты. В особенности знание собственных преобладающих наклонностей бывает крайне несовершенным - недаром Шопенгауэр говорит, что характер свой человек познает эмпирически, так как нужны исключительные жизненные условия, чтобы человек осознал коренные черты своей индивидуальности.

Наше отношение к "чужому я" определяется таким составом сознания: 1) конкретное представление психических состояний наличных "чужих я", например воображаемое перевоплощение себя в собеседника, или менее отчетливое представление о множественности эмпирических личностей, образующих толпу, с которой я разговариваю, или еще более смутное "перевоплощение" при взгляде на муравейник, на рой комаров; 2) конкретное представление психических состояний отсутствующих лиц.

293

Вспоминая об отсутствующем, перечитывая его письмо, я могу иногда гораздо глубже проникнуть в его душу, тоньше постигнуть истинные мотивы его поведения. Иногда образ знакомого лица, наделяемый мною соответствующими действительности чертами в сновидении, может оказать помощь в разгадке истинной духовной природы данного лица; 3) я могу помнить прошлое другого лица, забытое им. Яркий пример этому представляют весьма интересные опыты над спящими, которые производил маркиз Эрве де Сен-Дени (Hervey de St Denis). "Однажды вечером,

- рассказывает маркиз, - когда мой друг спал около получаса, я подошел тихонько к его кровати и стал произносить вполголоса военные команды: на пле-чо, налево кругом - марш, равняйся и т. п., а затем тихонько разбудил его (нужно заметить, что этот друг утверждал, что он в начале сна обыкновенно не имеет сновидений). "Ну что, - сказал я, - ты и теперь будешь утверждать, что тебе ничто не снилось?"

- "Абсолютно ничего, насколько это мне известно". - "Пошевели-ка мозгами". - "Я пытаюсь, но нахожу, что это был период полной потери сознания". - "Ты с уверенностью можешь сказать, что тебе не приснился ни солдат..." При слове "солдат" он перебил меня, пораженный внезапным воспоминанием: "Правда, правда, я теперь вспоминаю, я видел, что присутствую на смотру. Но ты-то как об этом знаешь?" (Vaschide. "Le sommeil et les reves", 1911, p. 229-230). Подобные же явления наблюдаются при гипнотических опытах1, но и в обычных нормальных условиях мы понимаем многое из жизни "чужого я", что ему остается совершенно неизвестным; 4) я могу знать в чужой душевной жизни то, что не опознано данным лицом, его характер, его наклонности, "погибшие возможности" в сложном составе его души. Мне вспоминается, как Достоевский, присутствуя на балу, размышлял о том, чем бы могли быть эти пошлые танцующие обыватели, если бы они знали, как "в возможности" они хороши; 5) прошедшее теперешних и умерших "чужих я"; 6) "чужие я", бывшие до меня; 7) дочеловеческие сознания - жизнь животных вплоть до элементарных форм психики; 8) будущее теперешних "чужих я"; 9) "чужие я" после меня - "И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть..."*; 10) теряющееся в бесконечности пространства представление о послечеловеческом сознании - о жителях планет. Все эти представления не отделены друг от друга никакими швами, и день до моего рождения, и день после моей смерти рисуются мне так, как будто бы я вечно жил, хотя нить моих личных воспоминаний обрывается на определенном пункте.

Обращаюсь к третьей стороне в составе сознания - к представлению о не-я, о физическом мире. Оно складывается: 1) Из сферы непосредственных восприятий, входящих "здесь" и "теперь" в мое поле зрения, и осязания с моим телом в центре. 2) Из представлений о внутренности предметов, которые привносятся моим

воображением на основании приобретенного опыта. 3) Из внекругозорных представлений, т. е. из тех

1 Рибо указывает, как под влиянием гипноза испытуемый субъект совершает действия, которые нам заранее известны, но роковая предопределенность которых ему совершенно неведома. Упоминание о носках Раскольниковым в его бреду много раскрывало Порфирию Петровичу - судебному следователю.

представлений, в которых нам рисуется картина остального невосп-ринимаемого непосредственно мира. На этот элемент познания внешнего мира психологи обращали очень мало внимания. Я могу указать только на Спенсера, который в "Психологии" говорит об усилиях воображения, которыми мы дополняем ограниченную сферу видимого пространства, на Цигена, который "внекругозорные" представления называет трансгредиентными, и на Перки (см. выше стр. 276).

Каким образом мы воспринимаем находящиеся на расстоянии вещи нашим воображением, сознавая, что они не находятся в поле нашего зрения, - это представляет психологическую проблему, заслуживающую, как я указывал, специального психологического анализа1. 4) Из представлений о слишком малом и слишком мимолетном. 5) Из сопоставления свидетельств "чужих я" о свойствах внешнего мира и согласовании этих свидетельств с нашими собственными. 6) Из представлений прошедшего физического мира. 7) Из представлений будущего физического мира. 8) Из абстрактной схемы не-я или мира материи. Природа тех образов, из которых у каждого из нас складывается цельная космическая перспектива, разумеется, зависит от природной силы воображения, с одной стороны, и степени образованности - с другой. От этих же обстоятельств зависит и богатство и сложность общей картины. Характеристика ее постепенного расширения и обогащения с исторической точки зрения представляет любопытную психологическую проблему. Можно было бы сделать сводку всего сказанного в схему - синопсис сознания. Синопсис сознания раскрывает перед нами картину мира, как целого, "с птичьего полета". Философия учит нас "с высоты взирать на жизнь". Недаром Герцен сравнивает движение философской мысли с полетом на воздушном шаре, а Шопенгауэр - с подъемом на альпийскую вершину.

Из сложного "образа-посредника" возникает постепенно понятие о мире. Сначала оно развивается на почве религиозной традиции с космогоническим началом и эсхатологическим концом. Позднее, по мере развития отдельных наук и философии, в области наук начинают вырабатываться свои специальные понятия о мире: мировая машина (Worldmachine) физика или химика и исторический процесс историка - весьма различные аспекты на Единое Все. Своеобразие философского творчества в этом вопросе заключается в образовании целостной концеп-

1 Стэнли Голл (Stanley Hall) в своем интересном труде "Adolescence" на ряде многочисленных примеров показывает, что можно подметить в развитии ребенка тот момент, когда его начинают впервые интересовать пространство и время и их необъятность. Созерцание неба дает богатую пищу фантазии подростка. Бесконечная расширяемость сферы внекругозорных представлений и увлекает, и пугает ("Me queadam divina voluptas percipit atque horror"). Попытка охватить воображением бесконечность выражается в том, что строится граница пространства, ее мысленно переступают, снова полагается грань и снова переступается, и так до утомления - сначала в одном направлении, потом в другом. Подобные же усилия фантазии бывают направлены на то, чтобы "realise eternity", т. е. чтобы представить себе вечность, конец мира и т. п. Стремление расширить пространственный горизонт, обогатить его реальными впечатлениями обнаруживается также в "кочевых" стремлениях (migratory impulse), особенно весною, которые сменяют по временам любовь к дому, свойственную часто детскому возрасту (см. выше, т. I, гл. II, т. II, гл. I).

ции мира, где специальные аспекты приведены во внутреннюю гармонию. Так, например, в физическую картину мира не входит жизнь сознания, а в исторический процесс - история планетной системы. Но и в самой философии существует несколько аспектов на мир. Их классификация дана мною в книге "Проблема чужого я".

Каким путем эти точки зрения возникают в качестве вариаций первоначального

общего всем людям смутного образа мира - это выяснено мною в особом исследовании "Опровержение солипсизма". Оно же заключает в себе и попытку определить, которая из разбираемых точек зрения оказывается наиболее гармоничной. Философское понятие о мире глубоко разнится от мистической интуиции (которая тоже претендует быть философской концепцией мира) тем, что оно есть объект мысли, а не объект непосредственного восприятия "мира в себе". Между тем мистический экстаз дает именно такую иллюзию постижения мира целиком и притом в подлиннике. Яркие иллюстрации этой иллюзии читатель найдет в дневнике Амиеля (см.: "Проблема чужого я", стр. 129-135, а также ниже в конце главы).

III. Наклонность к социальной организации. Инстинкт разделения труда и взаимопомощи в мире животных, по-видимому, глубоко отличается от наклонности к социальной организации у человека. Правда, и там и здесь имеются общие черты, но у человека в эту наклонность привходят чувства справедливости и симпатии (в смысле деятельной любви), связанные со сверхличным понятием о коллективе, какового не может быть у животных. Кроме чувства солидарности (слагающегося из чувств справедливости и любви), в наклонность к социальной организации привходит наличность известного чувства действительности, т. е. живого понимания назревших общественных потребностей и умение указать средства к их удовлетворению. Общественная разруха обыкновенно является подталкивающим импульсом к разработке нового социального идеала, а предвосхищение лучшего будущего - притягивающим мотивом. Так, например, юность Платона прошла в удушливой политической атмосфере - это время начала тяжелого политического и экономического кризиса (неудачная морская экспедиция в Сицилию и гибель флота, с 411 г. олигархическое правление, крушение афинского могущества после битвы при Aigos Potamoi*), который нашел себе конкретное выражение в осуждении Сократа, - факт, свидетельствующий о глубоком нравственном падении общества. Стремление Беркли к созданию "нового неба и новой земли" на Бермудских островах в виде колонии, организованной на новых философских началах общежития, изложено в сочинении, озаглавленном "Опыт в целях воспрепятствовать гибели Великой Британии" (1721); Людвиг Штейн указывает, что философские утопии исторически предвосхищали важный социальный переворот (что, по справедливому замечанию Дживелегова, верно по отношению лишь к некоторым из них). Так, "Утопия" Мора совпала с началом Лютеровой реформы, утопия Морелли на несколько лет опередила Французскую революцию, а "Икария" Кабэ - революцию 1848 г. Я думаю, то же можно сказать еще с большим правом и о "Левиафане" Гоббеса, и о трактате "О вечном мире" Канта, и о "Системе позитивной политики" Конта, и о "Всеобщей гармонии" Фурье, и о "Замкнутом государстве"

296

Фихте. Социальная утопия так относится к социальному идеалу, как "образ-посредник" мира к философскому понятию о мире. Это научный фантасм, имеющий значение конкретной иллюстрации по отношению к нечувственному понятию идеала (см. т. I, гл. V). Вот почему социальные утопии, представляющие философский интерес, должны быть отличаемы: 1) от социальной утопии религиозного порядка - от эсхатологических фантазий, основывающихся на мистических пророчествах, 2) от социальной утопии как художественного произведения, служащего целям эстетического развлечения. С другой стороны, к социальным утопиям относятся не только произведения, в которых намечается новый экономический и политический строй жизни, но также и новая организация научного и технического творчества - пример тому "Новая Атлантида" Бэкона - или эстетическое преображение быта трудящихся масс ("Вести ниоткуда" Уильяма Морриса). Социальные утопии представляли бы мало научного интереса, если бы не заключали в себе прогностического момента. Неприменимые в целом к действительности, как схематические образы, они в деталях, и очень важных, упреждают действительность. За современную идею права рабочего на труд стоит "Замкнутое государство" Фихте. О том, что теперь называется "рабоче-крестьянский факультет", University Extension, заговорил Конт в "Системе позитивной политики". Бюро определения призвания, Vocational Bureau (1908), в научной форме отвечает заданию, поставленному еще Фурье в "Harmonie universelle", чтобы всякий труд вполне отвечал природным дарованиям и наклонностям человека. Этот прогностический характер философское творчество разделяет с художественным: Гете, Пушкин, Шелли, Бальзак, Гоголь, Достоевский и Оскар Уайльд подчеркивают тот факт, что искусство не копирует действительность, а преображает ее, предвосхищая ее будущие формы. Мистицист Шеллинг, конечно, толкует этот пророческий дар художника как проявление мистической интуиции. Ницше же считает мысль Сократа, будто можно при помощи разума не только понять, но и исправить действительность, верхом безумия. Аналогия между проявлениями пророческого

характера в первичных инстинктах животных ("разум пчел") и проявлениями тоже пророческого характера во вторичных инстинктах, какими являются творческие наклонности человека, поразительна. Но и там и здесь эта мистерия поддается философскому уразумению. Не может быть, однако, сомнения, что иллюзия загадочности и непостижимости здесь, постепенно ослабевая, не исчезает тем не менее никогда, ибо эти явления бесконечно сложны и их возможно постигать лишь асимптотически, вечно приближаясь к последнему пределу, но никогда не достигая его.

XXXV. Связь между аффективными наклонностями и основными моментами философской мысли

В создании философской системы гармонически взаимодействуют многие аффективные наклонности, которые образуют в совокупности Единый Творческий Акт. Его сущность выражает нам сущность самой философии, которую можно формулировать так: философское творчество есть одушевляемая пафосом бескорыстная пытливость человеческого

297

духа в стремлении к установке наиболее адекватного действительности понятия о мире явлений и предвосхищению наиболее высокого и действенного социального идеала путем достижения наивысшей полноты, широты и глубины знаний, образующих органическое единство и выраженных в ясной и внушительной форме.

Целлер называет творческий Эрос Платона философским инстинктом, это, конечно, надо понимать метафорически. Не существует никакого философского инстинкта, но философское творчество - это те "Лики роз", которые возносятся, по приведенному выше выражению Вл. Соловьева, из сумрачного лона, где кроется темный корень инстинктов. Вот синоптическая таблица, в которой наглядно представлен процесс преображения низшего в высшее.

Аффективные наклонности	Моменты философской мысли
1. Любопытство	Пытливость духа
2. Коллекционерская наклонность	Полнота знания
3. Общительность	Широта знания
4. Самосохранение	Глубина и ясность знания
5. Самозащита	Внушительность выражения
6. Половое влечение	Философский пафос
7. Архитектоническая наклонность	Образ мира и понятие о мире
8. Наклонность к социальной организации	Социальная утопия и социальный идеал

"Pectus facit philosophum!"* (Банзен)

Однако между элементарными аффективными наклонностями редко существует гармоническое соотношение. Большею частью наблюдается или одностороннее развитие одних наклонностей за счет других, или разруха в их взаимодействии, вследствие которой философское творчество не достигает полного развития, и, в лучшем случае, получается "фрагментарный талант". Причины для такого дисгармонического развития наклонностей могут быть психофизические и социологические. К первым следует отнести: 1) неудовлетворенность в развитии какой-нибудь наклонности, 2) пресыщение в удовлетворении какой-нибудь наклонности, 3) болезнь, 4) влияние возраста, причем наклонности изменяются под влиянием привычек и отвычек. С другой стороны, препятствия к развитию известной наклонности могут проистекать: 1) от давления церковно-религиозной традиции, 2) от давления политического гнета и общественных предрассудков, 3) от влияния неблагоприятных экономических условий. При этом нужно заметить, что неблагоприятные социальные влияния слагаются с неблагоприятными психофизическими влияниями в одну общую равнодействующую. Так, регрессивная эволюция гениального Паскаля из великого

ученого и философа в богослова не может быть понята лишь в свете психиатрического анализа, также изучением чисто философским его глубоких мыслей, но в тесной связи с историческим и психофизическим анализом его личности. На свете всегда были и, к счастью, всегда будут философы, не приемлющие мира, бунтов-

298

щики против истины, добра и красоты, отрицающие возможность всякого рационального познания - скептики и иррационалисты - "враги" теории познания, и отрицающие всякие постоянные ценности - пессимисты. Они всегда будут существовать в человечестве уже потому, что высокая одаренность часто сочетается с обстоятельствами, ведущими к дисгармонии наклонностей. Они всегда нужны для прогресса философской мысли (поскольку они действительно талантливы) как ее "пробуди-тели от догматической дремоты".

Идея футуриста Папини, выступающего против оптимизма в философии, против веры в истину и добро с указанием на другую половину, L'altra meta, иррациональное и злое, предвосхищена человеком из подполья Достоевского. По мнению его, человек в поисках за истиной (2 x 2 = 4) как бы сам стыдится найти ее. "Достижение он любит, а достигнуть уж и не совсем, и это, конечно, ужасно смешно... Дважды два четыре смотрит фертом, стоит поперек нашей дороги, руки в боки и плюется. Я согласен, что 2 x 2 = 4 - превосходная вещь, но и 2 x 2 = 5 иногда премилая вещица" (см. Сочинения, т. III, стр. 339, изд. 1905 г.).

Прогресс человеческого духа и, в частности, философский прогресс надо понимать не в смысле "дурной бесконечности", не в смысле достижения какого-то неподвижного "конца всех вещей", но в смысле все большего достижения "психической устойчивости". Законченная наука и завершенный окончательно социальный идеал суть предельные понятия для "асимптотической функции нашего сознания", по меткому выражению Вернике (см. замечательную статью I. Petzold'a "Maxima, minima und Oekonomie", "Vierteljahrsschrift fur Wissenschaftliche Philosophie", 1890, B. XIV, II, 206, III, 354, IV, 417).

XXXVI. Принцип экономии в философском творчестве. Иллюзия творчества. Заключение

Заканчивая характеристику творческой воли, я хочу еще остановиться на двух важных вопросах, а именно на роли психического усилия в творческом процессе и на иллюзиях творчества. Первая проблема связана с вопросом об экономии в творческой работе, который заключает в себе роковую неясность; она блестяще выяснена Джибсоном (Gibson. "The principle of least action, as a psychological principle". "Mind", 1900, p. 469-495) и Рибо (Ribot. "Le moindre effort en psychologie", сборник статей: "La vie inconsciente et les mouvements", 1914, p. 117-168). Неясность заключается в смешении механического закона, или принципа наименьшего действия, с психологической идеей о стремлении живого существа к наименьшему психическому усилию. Так, итальянский ученый Ферреро высказал мысль, будто у животных и у человека есть природная наклонность к инертности, их мозг реагирует лишь на непосредственные раздражения, не заключая в себе никакой идущей изнутри кнаружи тенденции к активности. "Основная ошибка Ферреро, - пишет физик, цитируемый Рибо, - заключается в том, что он смешал механическую инерцию с психофизическим чувством, которое обыкновенно обозначается словом инертность. Вот почему он воображает, что энергия исчер-

299

пывается и движение пропадает..." Идея Ферреро ложна и с биологической точки зрения. Мозг, как мы видели, не есть пассивный реагент на раздражения, но и животные, и люди от природы располагают инстинктами и импульсами, которые представляют спонтанную деятельность, не обусловленную прямым воздействием внешних раздражителей. Стремление к наименьшему психическому усилию отнюдь не составляет первоосновной черты сознания. Например, дикарь может отвергать дисциплину и самоограничение, требующее усилия при производстве известной хотя бы и полезной для него же работы, но сохраняет способность и потребность употреблять величайшие психические усилия в охоте, в странствиях и т. п. Поэтому стремление к наименьшему усилию сосуществует прямо с противоположной тенденцией к большому напряжению сил. По Джибсону, стремление к наименьшему усилию может проявляться в троякой форме: 1) или в инертности, т. е. стремлении оставаться при прежнем способе деятельности, 2) или в стремлении облегчить себе работу

путем усовершенствования привычкою приемов работы, 3) или в стремлении достигнуть экономии работы, получая максимальный результат при минимальных усилиях. Эти тенденции могут быть и вредны, и полезны, смотря по обстоятельствам. Те, кто считает их общим регулятивным принципом деятельности, рискуют оказаться заслуживающими направленного по их адресу восклицания Ницше: "Принцип наименьшей траты сил и наибольшей глупости!" Такова идеология, на которую натолкнуло Ферреро созерцание итальянских лаццарони! А вот что утверждает психолог среди полных энергии, активных американских янки. Говоря о действиях, вызываемых идеальными мотивами (какова вся сфера интеллектуальной, моральной и художественной деятельности человека), Джэмс замечает: "Определение морального или идеального действия может быть следующее: "оно есть действие по линии наибольшего сопротивления" ("Психология", 1-е изд., 1896, стр. 369). По мнению Рибо, у творчески активных натур высшего порядка (actifs superieurs) стремление к наименьшему усилию играет очень малую роль. У натур низшего порядка это стремление вызывается следующими причинами: 1) дефект в образовании и распределении энергии, 2) страх перед усилием и болью, 3) отсутствие интереса, 4) привычка, весьма ценная сама по себе, но могущая стать наклонностью к рутине.

Какое же применение находит себе принцип "наименьшей траты сил" в философском творчестве? Если верить Авенариусу, то "философия есть мышление о мире согласно принципу наименьшей меры сил". Мировоззрение, свободное от внутренних противоречий и согласующееся с данными опыта, - вот наиболее экономическая концепция мира, и к ней должен, как к идеалу, стремиться всякий философ. Поскольку мы в нашем мышлении при апперципировании нового стремимся осмыслить его при помощи ранее установленных понятий, постольку мы осуществляем принцип наименьшей траты сил.

В своей рецензии на книгу Авенариуса "Философия как мышление о мире" etc. Ремке выражает опасение, что ложно понятой идеей экономии в мышлении могут воспользоваться "блюдолизы, сидящие за столом естествознания, склонные забирать с собою вкусные сладенькие

300

яства, легкомысленно забывая в то же время о трудностях точного исследования, которым только и добываются к столу подобные кушанья". Равным образом он отмечает совершенную голословность утверждения Авенариуса, будто наиболее экономичным является такое мировоззрение, в котором сущее должно мыслиться по содержанию как ощущение, а по форме как движение (см. рецензию Ремке на книгу Авенариуса "Zeitschrift fur Philosophie", 1879, B. 75, S. 184). Всего комичнее то, что сам Авенариус отступил от этого положения в "Критике чистого опыта", где психическое рассматривается как зависимый ряд по отношению к независимому ряду физическому, где допускаются "мертвые" Е-ценности и т. д., и я задаюсь вопросом: которая же из двух систем Авенариуса есть наиболее экономичное мировоззрение?

Философ делает именно так, как описывает Авенариус, когда упорядочивает свои мысли при изложении их в систему, но разве самый процесс добывания и систематизирования этих мыслей осуществляется таким же путем? Авенариус, благодаря интеллектуализму, навеянному Спинозой, которого влияние так чувствуется в его трудах, смешал логический порядок изложения на бумаге философской системы с генетическим процессом ее формирования в горниле творческого духа. Выражения вроде гений есть терпение или гений - гуляка праздный - типичные образчики разговорной психологии, для которой психологический закон "что дышло - как повернешь, так и вышло".

Стремление творческой воли добиться успеха в достижении искомого задания - вот притягивающий мотив творчества, побуждающий творца к самым страстным усилиям; неразрешенность проблемы, чувство диссонанса, неудовлетворенность есть подталкивающий импульс; и если в процессе творчества принимаются меры к экономии сил (а такова вся совокупность методических приемов, облегчающих научные искания), то сколь ни существенны и ценны они, не они исключительно руководят творческой деятельностью. "Экономия, - пишет Джибсон, - как таковая, есть чисто формальный принцип и сама по себе не может определить границ собственного применения". Возьмем для примера трактат Декарта по геометрии. "Его сжатость такова, что даже Ньютон жаловался на трудность усвоения. А Декарт в письме к приятелю сообщает, что он умышленно укоротил решение проблемы, чтобы критики не могли ему сказать: "Ну, всякий мог бы открыть то же самое!" Здесь имеется самая строгая экономия знаков, но не такая экономия нужна науке, ей нужна мудрая

экономия" (Gibson, op. cit., p. 494-495). Мудрая экономия, прибавим мы, есть сочетание способности к великим героическим усилиям с искусством долгой подготовительной работой достигнуть радостных моментов величайшей легкости творчества, причем у гениальных натур сила напряжения в усилиях их воли преодолеть трудности соответствует легкости в выполнении задачи, когда итог к ее решению уже окончательно найден. Именно тот, кому даны радости великих философских достижений, именно он есть человек, обреченный на непреклонную упорную борьбу с великими трудностями поставленного задания. Как бывают "роковые встречи" двух существ, которым в силу "сродства душ" суждено сблизиться, так бывают случаи, когда ученый или художник наталкивается на проблему, решение которой

301

столь отвечает его наследственным наклонностям, знанию и интересам, что он чувствует: "ты можешь, ибо ты должен". Вот в чем тайна того сладкого рока, о котором говорит, как мы упомянули выше, Вагнер (см. гл. III).

Однако пренебрежение принципом экономии в творческой работе было бы для ученого и философа величайшим безрассудством, гениаль-ничаньем самого дурного тона. Вот почему необходимо ближе присмотреться к принципу экономии с философской точки зрения. В области философии этот принцип может иметь или трансцендентное, метафизическое, или имманентное, феноменалистическое значение.

I. Идея экономии в метафизическом значении была выдвинута Аристотелем в связи с его телеологическим взглядом на мир. Если природа представляет иерархию средств и целей, в которой конечной притягательной целевой причиной является Божественная Мудрость, "Нус", то можно констатировать в мире проявление этого Сверхличного Разума, между прочим, и в том, что Природа, которая как олицетворение Божества пишется через большую букву, в процессе образования растений и животных проявляет мудрую экономию и в расходовании материалов и создании органов, и в распределении между ними функций. Точка зрения эта ложна по существу, поскольку опирается на недоказуемые метафизические предпосылки, однако в отдельных случаях она могла иметь значение полезного эвристического принципа, на что единогласно указывают все биологи и историки философии, занимавшиеся биологией Аристотеля, так как последний, по их уверениям, обнаружил гениальную проницательность при изучении органической корреляции в строении и функциях животных. Повсюду природа возмещает в одной части то, что отнимает у другой... Она не может затрачивать тот же материал в различных местах. В качестве иллюстрации он сопоставляет две породы раков - у одних больше конечностей, но меньше клешней, у других больше клешней, но меньше конечностей (см.: Gomperz. "Griechische Denker", B. III, гл. XIII, § 5). Аристотель указывает также, что нередко один и тот же орган, например рот, служит для различных функций (питание, дыхание, нередко защита), но к этим указаниям он дает и пояснение, что Природа никогда не бывает мелочна в своей экономии. Идея Аристотеля продолжала существовать в схоластике под названием закона бережливости или экономии: Lex parcimoniae.

О таком законе говорит Гамильтон в "Lectures on metaphysics", причем курьезно то, что он выдвигает его против критической философии в следующем рассуждении: Кант утверждает, будто пространство и время суть лишь формы мира явлений, и мы не имеем права распространять их на вещи в себе. По мнению Гамильтона, было бы неэкономичным актом со стороны Природы, если бы она создала познавательный аппарат человека, коренным образом не соответствующим природе истинно сущего. Росмини (1797-1855), итальянский богослов-философ, как указывает историк итальянской философии Ферри, истолковывает Lex parcimoniae следующим образом: "Для физических сил нет ни максимума, ни минимума действия, эти выражения имеют смысл лишь для Интеллигенции, которая, рассматривая известное действие как цель нашей воли, сравнивает соответствующие цели средства в отношении

302

количества, качества и степени. Принцип, управляющий физическими силами и чисто чувственными реальностями, есть закон необходимой причинности; наоборот, принцип, управляющий интеллигенциями, есть закон достаточного основания, принцип наименьшего действия есть лишь его частный случай. Между этим универсальным принципом и частным принципом наименьшего действия есть промежуточное звено средней общности - принцип наименьшего средства... Максимум действия при

минимальной затрате средств - вот закон, которым связывается для Совершенной Мудрости действие с целью" (см.: "Essai sur l'histoire de la philosophie en Italie", 1869, p. 249-250). Росмини применяет все эти рассуждения в своей "Теодицее" (кн. III, гл. XI и XII) к Божественной Премудрости. Вся разница между ним и Аристотелем заключается в том, что он имеет в виду христианского Бога, а не Чистую Форму.

II. Принцип экономии в имманентном смысле слова был введен в теорию познания Кантом, а в психологию - Гербартом. Кант в "Критике чистого разума" указывает на то, что наше мышление управляется законом непрерывности, в котором объединяются две основные тенденции мышления - к гомогенности (однородности) и к спецификации. Все понятия, при помощи которых мы истолковываем мир явлений, обладают внутренним сродством, - Affinitat. Стремление к одностороннему объединению или односторонней спецификации в этом процессе образования родов и видов в мышлении будет одинаково нецелесообразно. Способность подметить существенные сходства и правильно обобщить предполагает способность подмечать существенные различия при классификации изучаемых явлений (Unterscheidungsvermogen). Целесообразное (у Канта нет слова экономичное) применение умственных сил заключается в осуществлении гармонического синтеза обоих логических дарований, в чем и осуществляется идея непрерывности логического процесса. Шопенгауэр в исследовании "О четверичном корне закона достаточного основания" повторяет мысль Канта, формулируя ее в двух положениях, которыми регулируется экономия мышления: "Entia praeter necessitatem non esse multiplicanda" (принцип гомогенности) и "Entium varietates non temere esse minuendas"*, разумея под entia не метафизические сущности, а понятия и объясняющие принципы рассудка (принцип спецификации). Ни у Канта, ни у Шопенгауэра нет прямого упоминания принципа наименьшего действия и принципа наименьшего психического усилия. Первый принцип впервые сформулирован в области точных наук Мопертюи (1752 г.: "Cosmologie"), который был поддержан Эйлером, но первый, кто вполне выяснил его чисто методологическое значение, был Лагранж ("Mecanique Analytique", p. 246).

Принцип экономии находит себе плодотворное применение в деятельности творческой воли в троякой форме.

1. В процессе накопления знаний, двигательных навыков и аффективной чуткости, а) Гербарт давно выдвинул в педагогике идею концентрации знаний. Процесс приобретения и прочного усвоения знаний в школе представляет проблему экономии сил. Составление учебного плана, расписание уроков, методы заучивания, определение поногенети-ческого коэффициента различных родов умственной деятельности - вот

303

над чем работает современная педагогика, развивая и углубляя идеи Гербарта. Но не надо забывать: "Non schola, sed vita discimus"*. Процесс ассимиляции знаний ученым или философом требует применения подобных же средств экономии, б) Мюнстерберг, вслед Тэйлору, в своем исследовании "Психология и экономическая жизнь" показал, что мышечная деятельность человека точно так же чрезвычайно выигрывает от разумной экономии. Это касается не только всевозможных родов физического труда, но также и духовного. Архивная работа для историка философии, приемы экспериментальной техники для натурфилософа и психолога - все это роды деятельности, требующие не только знания, но и умения. В частности, для изучающего экспериментальную психологию очень поучительно в этом отношении превосходное "Введение в экспериментальную психологию" Челпанова. в) Бергсон рекомендует философам "развивать в себе способность к интуиции". Этот совет, конечно, имеет в его устах совершенно специфический смысл. Но если под способностью "развивать интуицию" разуметь прежде всего культуру чуткости, то этот совет может оказаться имеющим глубокий смысл. Конечно, эти условия зависят от унаследованных аффективных наклонностей, поэтому можно говорить об усовершенствовании, а не о создании их.

"Бывают и такие люди, - говорит Кант по поводу чуткости, - которые как бы с волшебным жезлом в руках умеют отыскивать сокровища познания, хотя они никогда этому не учились, этому они не могут научить и других, но могут только идти впереди их: это уже дар природы" ("Антропология", § 54, стр. 63 русского перевода).

Но нельзя отрицать того, что возможно косвенным образом культивировать в себе, при наличности дарований, чуткость и специфическую обостренность аффективного внимания и памяти. Рассудок не может заменить аффективную чуткость, но может косвенным образом, хитростью подчинить ее своим целям, использовать для себя ее порывы, подобно тому как в народной сказке рак ухитрился обогнать лисицу.

2. В процессах изобретательности, ловкости и проницательности. Если стародавняя мечта об искусстве изобретения, Ars magna, Ars inveniendi, имеет какой-нибудь смысл (а она имеет его), то он заключается в экономизировании творческих сил путем учета всех эмпирических условий и путем методологических приемов, которые косвенным образом благоприятствуют этим свойствам, а) Сюда относятся всевозможные эвристические функции, так хорошо описанные Файингером в "Philosophie des Als-Ob", искусственные классификации, методические уловки, схематические образы, модели, упрощения, получаемые созданием искусственной симметрии формул, замещения, преобразования и т. д. Сюда относятся приемы исчерпывания возможных типических случаев и описанная нами в процессах пробования - корреляция полей испытания (см. гл. III). б) Приспособляемость к внезапно изменившимся условиям работы, ловкость точно так же можно в себе развить при наличности соответствующих данных в области моторной памяти и моторной чувствительности, в) Наконец, возможно косвенным образом культивировать в себе проницательность, стремясь использовать все те гигиенические и психологические указания, на которые нас наталкивает анализ моментов счастливой догадки - интуиции (см. гл. IV).

304

3. В процессе систематизации, в проявлениях законченного мастерства и в переживании чувства целостной концепции, а) В построении каждой философской системы имеется некоторая, так сказать, ось симметрии, которою определяется вся архитектоника целого. Логическая концентрация мыслей совершается вокруг некоторого комплекса наиобщих понятий, который кладется в основу всей постройки. Этим комплексом философ пользуется и как эвристическим принципом, и как базою для концентрации своих мыслей в процессе изложения. Такова система категорий у Аристотеля и Канта, спецификация основных форм наивысших эмпирических законов для Конта, диалектические триады для Гегеля, закон развития для Спенсера, четыре разновидности закона достаточного основания для Шопенгауэра. Разумеется, таких руководящих принципов общей конструкции может быть не один, а несколько - один основной, другие вспомогательные. Когда Аристотель хочет представить какую-нибудь проблему освещенною всесторонне и в то же время в стройном единстве, когда он хочет

В единый скоп всесильно сжать Ее лучей блудящий пламень*,

то он применяет к ней или таблицу категорий (начало "Этики Никома-ховой"), или учение о четырех причинах. Вот классификация систем в истории философии у Аристотеля:

у ионийцев преобладает causa materialis;

у Эмпедокла - causa effliciens;

у Анаксагора (переход к допущению) - causa formalis;

у пифагорейцев (число) - causa formalis;

у Платона (идея) - causa finalis.

Шопенгауэр пользуется однородным principio divisionis** и для теории познания, и для метафизики, и для классификации наук.

Особенно интересно применение Кантом его таблицы категорий для всей его философской системы - для гносеологии, этики, эстетики, философии природы и права. Это применение лучше всего иллюстрировать в графической схеме.

Представим себе маленький неподвижный кружок, разделенный на секторы в 72°. Один из секторов разделен на 4 части, из которых каждая обозначает одну из 4-х категорий рассудка. Вокруг этого кружка может свободно вращаться концентрически другой, разделенный внутренним кругом на две части. Оба эти круга разделены

также на пять частей; на втором, считая от центра, написаны названия важнейших отделов системы Канта, на соответствующих им частях внешнего третьего круга, вращающегося вместе со вторым, написаны соответствующие данному отделу системы основоположений чистого рассудка. Тогда, поворачивая два внешних круга так, чтобы против сектора с 4 группами категорий приходился сектор, скажем, соответствующий этике, мы как бы символизируем акт мысли, который выражается в том, что применение функций рассудка к материалу данной философской сферы дает на третьем периферическом круге соответствующие основоположения рассудка в области моральной философии.

305

Кант знал о великом искусстве Раймунда Луллия (о нем будет речь в следующей главе), но отзывался о нем так же пренебрежительно, как и Бэкон. Оно и понятно: Раймунд Луллий мечтал открыть новые истины механическим созданием аналитических суждений, Кант же имеет в виду органический процесс образования новых синтезов мысли творческой активностью духа, и лишь вспомогательной ариадниной нитью здесь должна служить таблица категорий. Речь, конечно, идет не о способе открытия новых истин, а об их симметричном, стройном, мнемонически удобном способе разработки изложения в системе, б) Техническая отделка научного исследования или философской системы, ее выполнение на бумаге, в котором проявляется большое количество прямого ручного труда, требует большой затраты физических и технических усилий. Гельмгольц пишет: "Письменная обработка научного исследования большею частью представляет тяжелый труд, по крайней мере мне она представлялась в высшей степени тяжелой. Многие части моих статей я переписывал от четырех до шести раз, часто менял распределение материала и плана целого, прежде чем остаться несколько довольным. Но такая тщательная обработка представляет большой выигрыш и для автора. Она побуждает его к самой тонкой поверке каждого предложения и вывода... Я никогда не считал исследование готовым до тех пор, пока оно не лежало передо мною в совершенном и без логических пробелов письменном изложении" (Оствальд. "Г. Гельмгольц", 1919, стр. 55-56).

Пример Гельмгольца типичен, и тем не менее мы знаем случаи (например, творчество Канта, Конта, Дюринга), когда философское произведение обдумывалось многие, многие годы, а писалось прямо набело (Конт) или в крайне малый срок и, следовательно, без особенно больших поправок и переделок. Причина такой экономии писания заключается именно в продолжительном инкубационном периоде созревания и вынашивания, в органичности подготовительного процесса, в) В живом чувстве целостной концепции, при котором она до начала писания доведена до наивысшей степени ясности и отчетливости. В противном случае происходит шатание философа от одной концепции мира к другой без какого-либо прочного однозначного результата, как это мы наблюдаем, например, у Шеллинга с его пятью различными системами, из которых ни одну нельзя признать окончательной. Чувство целостной концепции чрезвычайно обманчиво, и когда сама концепция неясна и остается такой же неясной на протяжении дальнейшей работы, то в результате получается неудачное изобретение. До какой степени может быть обманчиво это чувство целостной концепции, можно видеть и на здоровых неудачниках в изобретении, и на больных, страдающих mania inventoria*. Камера № 23 в Государственной академии наук представляет богатейший материал для психиатрического и философского исследования иллюзий творчества. В тех случаях, когда мы имеем дело с явным случаем глубокого психического расстройства, чувство целостной концепции, несмотря на свою иллюзорность, является навязчивым, и сама "концепция" превращается в неустранимую idee fixe, против которой бессильны критика или экспериментальная проверка. Льюис рассказывает об одном молодом парижанине, который вообразил, что нашел

306

perpetuum mobile. Он заявил родным, что готов признать себя ошибавшимся, если сам Араго опровергнет его. Воспользовавшись этим заявлением, родители, надеясь излечить юношу, пригласили к себе на квартиру Араго, который охотно согласился прийти и поспорить с юношей и пришел, да еще в сообществе с другою знаменитостью. Ученые в несколько минут доказали юноше, что он грубо ошибается. Он был так поражен, что заплакал и признал себя побежденным. Но как только Араго и его спутник ушли, весьма довольные успешностью "лечения", молодой человек, поразмыслив, стал категорически уверять, что его не поняли и что он "в сущности" прав. Для нормального изобретателя осторожное отношение к субъективному чувству целостной концепции и готовность всегда подвергнуть его строгой проверке может

быть существенным средством для экономии творческих сил. Не надо торопиться "увенчивать здание, не посмотревши, - как говорит Кант, - хорошо ли заложен фундамент". Достоевский в "Хозяйке" дает гениальное описание иллюзорного чувства целостной концепции в научном творчестве: "Первый восторг, первый жар, первая горячка художника... он сам создавал себе систему, она сама вынашивалась в нем годами, и в душе его мало-помалу восставал темный и неясный, но как-то дивно отрадный образ идеи, воплощенный в новую определенную форму, и эта форма просилась из души его, терзала эту душу, но еще робко чувствовал истинность и самобытность ее, творчество уже оказывалось сильнее его, оно формировалось и крепло. Но срок воплощения создания был еще далек, может быть, очень далек, может быть, совсем невозможен" (Соч., т. III, стр. 369). "Может быть, ему суждено было быть художником в науке. По крайней мере, он прежде сам верил в это" (ib., 371). Однако это оказалось иллюзией! А вот подобная же иллюзия чувства целостной концепции у музыканта: "А Лемм долго сидел на кровати с нотной тетрадкой на коленях. Казалось, небывало сладкая мелодия собиралась посетить его; он уже горел и волновался, он уже чувствовал истину и сладость ее приближения... но он не дождался ее" (Тургенев. Сочинения, т. III, стр. 247-248). Здесь иллюзия даже не успела вполне появиться. "Не поэт и не музыкант!" - прошептал он наконец. И усталая голова его тяжело опустилась на подушку" (ib., 248).

При иллюзорном чувстве целостной концепции в научном и философском творчестве возможна субъективная уверенность и переживание очевидности того, что догадка истинна. А между тем она может быть не только лишена всякой объективной достоверности, но даже заключать в себе логическое противоречие. Так, например, Фермат был уверен, что он обладает общим доказательством того, что уравнение $x^n + y^n = z^n$ невозможно для x, y и z целых чисел и $n > 2$. Однако, по-видимому, ему это только казалось, так как он никогда не дал подобного общего решения проблемы. А между тем, быть может, такое общее решение и невозможно, и кто-нибудь даст точное доказательство, что оно невозможно. Иллюзия мыслимости логически невозможного в научных догадках та же, как и вообще в том случае, когда мы якобы мыслим логическую нелепость. Акты нечувственного мышления здесь подмениваются связанною с ними ассоциативною цепью образов или слов, а конечный результат окрашивается субъективной уверенностью в его

307

правильности без попыток реализовать в сознании синтезирование чистых актов мысли. Нелепости же, как таковой, мы никогда не мыслим. Вот интересный сон Дельбёфа, который может служить прекрасной иллюстрацией только что сказанному. "Однажды ночью мне приснилось, что я выпил кружку пива, сидя в немецкой Bierhalle. Нужно было заплатить 37 1/2 сантима. Эта сумма лишь на первый взгляд производит странное впечатление - это стоимость на французские деньги 30 пфеннигов или 0,3 марки... Я подхожу к прилавку и кладу на него сначала монету в 20 сантимов, а потом другую в 10 сантимов. Женщина за прилавком недоумевает, находит сумму неточною и делает мне замечание. Я пробую ее убедить, но мои доводы оказываются безуспешными: женщина упорствует в своем заблуждении. К нам подходят лакеи и берут мою сторону; женщина продолжает упорствовать в своем заблуждении. Посетители ресторана вмешиваются в спор и также указывают ей на ошибку. Пораженная, ошеломленная, она наконец уступает мне, и я выхожу с сознанием правоты, со спокойною совестью, но несколько пораженный странной аберрацией ума у буфетчицы, которая не может понять, что 20 + половина двадцати = 37 1/2". Дельбёф указывает, что в данном случае проблеск разума не покидал его - он проявился в удивлении буфетчицы перед нелепостью, на буфетчицу были перенесены спящим некоторые элементы собственного сознания - процесс, который Дельбёф называет "altruisation du moi" (см. J. Delboeuf: "Le sommeil et les reves", 1895, p. 52). Подробности по этому поводу см. в моей книге "Законы мышления и формы познания", 1906, стр. 216.

На смешении субъективного чувства очевидности с объективной достоверностью основаны иллюзии догматического идеализма, солипсизма и мистицизма. До какой степени может быть интенсивным чувство очевидности, это можно видеть из наблюдений над лицами, принимавшими известные дозы ядовитых веществ. Ястров (Jastrow) в книге "La subconscience" (1908, стр. 176-179) сообщает весьма интересные показания. Действия закиси азота Гумфри Дэви описал в 1800 г. следующим образом: "Ничего не существует, кроме мысли, вселенная состоит из чувственных впечатлений (impressions), идей, удовольствий и страданий". Влияние хлороформа проявляется в такой форме: "Мною овладела платоновская идея, что

материя лишь феномен, а истинно реальным субстратом ее является духовная субстанция материи". Рамзей пишет: "Я проникся убеждением, что состояние, в которое я впал, есть истинная реальность, что я постиг тайну моего духа, а через нее и тайну вселенной... Фактом, наиболее поразившим меня, было то, что я существовал сам по себе, а пространство и время являлись иллюзиями. Вот оно - подлинное Ego, на его периферии происходили волнообразные колебания - это были события, они постепенно прекращались, как на поверхности пруда". Прием закиси азота, по словам Джэмса, вызывает яркое чувство метафизического просветления. Истина обнажается перед вами до своих самых сокровенных глубин, чувствуешь себя почти ослепленным ее очевидностью. Дух постигает все логические отношения бытия с такою иллюзорною мгновенностью и утонченностью, каких не переживает в нормальном состоянии; только с прекращением экзальтации внутреннее прозрение исчезает, и несколько слов, бессвязных

308

выражении, произнесенных нами, делаются похожими на снежную вершину, превращающуюся в труп в момент заката солнца". При этом переживается иллюзия примирения всех противоречий в высшем синтезе мысли, между тем как фразы, которые произносил в этом состоянии Джэмс и которые были записаны, являются чистейшей бессмыслицей.

Творческая воля человека, разумная, гармоничная и добрая, есть самая прекрасная вещь на свете, какую мы знаем. Она - единственная надежная опора для человечества в его непрестанной борьбе против трагического начала жизни - ее "Другой Половины". Бодрым, светлым чувством проникнуты стихи поэта-революционера о творческой воле, хотя они написаны на каторге в тяжких условиях существования. Вот заключительные строфы.

"Живи, как все живет! Минутною волною

Плесни и пропади в пучинах вековых

И не дерзай вставать на буйный спор со мною.

Предвечной матерью всех мертвых и живых!"

Так в вихре, в молнии, в грозе стихий Природа

Гремит, как легион нездешних голосов.

Но с поднятым челом и с возгласом: "Свобода!"

В обетованный край своих лазурных снов

Сквозь бурю, холод, мрак к долине тихой рая,

Шатаясь, падая под ношей крестных мук,

Вперед идет Титан, на миг не выпуская

Хоругви правды и добра из мощных рук,

И гордо говорит: "Кто б этот пыл священный

Мне в сердце ни вдохнул, карая иль любя,

Игра случайных сил иль разум сокровенный,

Все ж погасить его нет власти у тебя!

Слепа ты и глуха в своей красе суровой,

А я согрет огнем бессмертного ума.

Из книги бытия, законодатель новый,

Я вычеркну порок, скажу: погибни, тьма!

Скажу: зажгись, рассвет, взойди, Эдем, в пустыне.

Где след я оставлял тяжелого труда,

И будешь ты сама служить моей святыне,

Иль я с лица земли исчезну навсегда!"1

1 Стихотворение это принадлежит перу Якубовича-Мельшина. Оно начинается словами: "Природа говорит: "Пускай ты царь творенья".

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ТРИ ПУТИ В ФИЛОСОФИИ ИЗОБРЕТЕНИЯ

XXXVII. Рационализм, мистицизм и эмпиризм. Платон и Аристотель. Прокл

В процессе изобретения есть три стороны, которые были давно подмечены человеческим духом, и каждая из них являлась самостоятельной точкой отправления при построении теории изобретения - мысли, познаваемые объекты и индивидуальный дух человеческий, познающий объекты духовного и телесного мира и размышляющий над ними. Прежде всего должна была поражать воображение та таинственная связь, которая объединяет внешнее и внутреннее - природу и мысль в горниле философского творчества. Эта связь толковалась как проявление в душе творца сверхмирного и сверхчеловеческого начала - начала божественного. Отсюда сближение творческого акта, великой догадки с theia mania, с мистическим экстазом. Такова мистическая точка зрения на изобретение, она предполагает интуитивное прозрение в сущность мира, постижение ее не в копии, но в оригинале, уловление ее законов если не полностью, то частично. Явление творчества настолько сложно, важное значение в нем деятельности мышления столь очевидно, что первые попытки объяснить механизм творчества не могли игнорировать и этого мышления. Для мистика:

...Как в росинке чуть заметной Весь солнца лик ты узнаешь, Так слитно в глубине заветной Все мирозданье ты найдешь*.

Но если наряду с мистической наклонностью в душе философа живет мощный мыслитель, высоко ценящий силу разума и отводящий ей первенствующее место в своей системе, то он должен был, как это и сделал Платон, обратить внимание на тот путь, которым человеческий разум сам из себя извлекает новое объективное знание. Это натолкнуло Платона на учение об идеях и прежде всего на анамнезис. Творческая мысль есть в то же время творческая память; диалектика, развивающая связь между идеями, есть в то же время интеллектуальная мнемотехника. Мир мысли "себе довлеет" и не нуждается в почерпывании материала извне, со стороны, эмпирические обобщения дают лишь вероятные мнения, уступающие в ценности прирожденному знанию. Но на помощь творческой памяти и творческой мысли приходит и комбинаторика творческого воображения, сочетающего между собою раз-

310

личные мысли, причем Платон идет на помощь комбинирующей деятельности воображения применением, по примеру математиков, метода исчерпывания всех возможных комбинаций. Так он поступает в "Софисте", давая исчерпывающую классификацию философских систем, так он действует в "Теэтете" (хотя и не совсем отчетливо), определяя условия возникновения ложного знания; к такому же приему, наконец, он прибегает во второй части "Парменида" в диалектике "единого" (о чем речь будет ниже). Платон полагает начало рационалистической теории изобретения, не отвергая вполне и "мистического" момента творчества, который находит себе широкое применение в новоплатонизме, иудейской и арабской философии. Наряду с мистической и рационалистической струей в теории изобретения намечался и третий поток мысли. Познание законов мира сводится к ориентировке в многообразии окружающих явлений. Чтобы понять структуру бытия, мы должны мысленно рассортировать вещи так, чтобы все однородные явления попали в одну группу. Такова была основная идея Бэкона и последующего эмпиризма до Пирсона, по словам которого дух есть сортирующая машина: "Нетрудно вообразить себе на основании существующих механизмов большую сортирующую машину такого рода, что если бросить в один конец ее груду камней всякой величины и размеров, то некоторая часть их будет ею выброшена, остальная же часть выйдет через другой конец процеженная,

так сказать, рассортированная, в зависимости от величины камней". Подобным же образом и человеческий дух, приступая к анализу явлений во времени и в пространстве, оказывается в состоянии кратко описать прошлые и предсказывать будущие череды всякого рода чувственных впечатлений (см.: Пирсон. "Грамматика науки", стр. 134). Таким образом, намечаются три направления в теории изобретения - мистическое, рационалистическое и эм-пиристическое, причем эти тенденции нередко причудливо совмещаются в той же системе.

Аристотель является продолжателем идей Платона, дополняя их признанием ценности эмпирического знания. Его теория силлогизма не есть в его глазах лишь контрольный аппарат для обоснования и доказательства уже ранее приобретенных знаний. Он не упускает из виду синтетическую природу силлогизма, он обосновывает ее на преобразованном учении об hexis и ktesis*, устанавливая различие между актуальным и потенциальным знанием. Наконец, все учение о фигурах и модусах у него строится на комбинаторике, причем его не соблазняет внешняя симметрия четырех фигур, симметрия, выражающаяся в том, что третья и четвертая фигуры по расположению терминов в посылках образуют зеркальное отражение первых двух:

Он бракует "фальшивое окно" - четвертую фигуру.

311

XXXVIII. Раймунд Луллий. Джордано Бруно

В новоплатонизме и каббале мистические тенденции заслоняют научный дух платоновских воззрений, но ни от Прокла, ни от автора Зогара не ускользнет значение комбинаторики в творческом процессе.

В своих обширных комментариях к "Пармениду" Платона Прокл обращает внимание на ту связь, которая здесь имеется между диалектическим развитием мысли и комбинаторикой понятий; на это обращает внимание Поль Жане в книге "Etudes sur la dialectique dans Platon et dans Hegel" (1861, p. 106-197). Вот что он пишет: "Вот две основные гипотезы - вещь или существует, или не существует".

Первая гипотеза. Если она есть, то надо исследовать, что произойдет (ti symbesetai) или с ней, или с противоположным ей: 1) с ней в отношении к ней самой, в отношении к противоположному ей; 2) с противоположным ей в отношении к ней, с противоположным ей в отношении к нему самому.

Всего четыре предположения.

Ti symbesetai разделяется на три случая:

1. То, что следует, - ti hepetai - положительное следствие.

2. То, что не следует, - ti me hepetai - отрицательное следствие.

3. То, что одновременно и следует, и не следует, - ti hepetai kai uh hepetai, что можно назвать смешанными следствиями, например душа зараз и подвижна, и не подвижна; бытие зараз и едино, и не едино.

Применяя три подразделения к четырем гипотезам, мы получаем двенадцать вопросов для первого предположения - и столько же для второго, - всего намечается двадцать четыре предположения.

Получается 12 комбинаций, образующих первую и вторую шестеричные группы (hexas), и повторяются те же двенадцать комбинаций, образуя третью и четвертую шестеричные группы. Если мы представим себе циферблат часов, где каждая римская буква означает одну из названных комбинаций, и одну стрелку с двумя концами, из которых на одной написано ei esti, а на другой - ei uk esti, то оба конца стрелки, когда она пройдет полный круг, покроют концами все 12 цифр, чем как бы осуществляются механически все возможные здесь комбинации мысли.

Я намеренно сделал это уподобление, чтобы показать, что механическое комбинирование мыслей, когда оно достигает известной сложности, может натолкнуть нас на изобретение аппарата, который мог бы в этом сочетательном процессе прийти на помощь нашему рассудку и воображению. А такой аппарат был изобретен впервые, как известно, Раймундом Луллием, мистиком и фантастом, с "воспаленным

воображением", и в то же время типичным схоластиком своего времени. Сам doctor illuminatus, как прозвали его современники, по словам Вл. Соловьева, утверждал, что система его кругов была ему прямо открыта свыше. "Так как он был всего менее склонен к обманам и мистификациям, то должно предположить, что явившаяся в его воображении символическая схема разумной связи, проникающей все сферы бытия и познания, была им ошибочно принята и истолкована в буквальном меха-

ническом смысле". Ссылка Луллия на сверхъестественный источник, разумеется, не может заслонить от нас подлинных исторических источников его изобретения. На один он сам мимоходом указывает

- это каббала. Другие следует искать в Платоне, новоплатонизме

и арабской философии. Если бы можно было установить, что

Луллий знал комментарии Прокла к "Пармениду" Платона, то

мое сближение метода комбинаций у Прокла с идеей "Ars Magna"

не было бы лишь предположительным, а установило бы непрерывную

преемственность идей (подробности читатель найдет у Прантля:

"Geschichte der Logik" и И. Эрдманна: "Geschichte der Philosophie",

В. II).

Метод луллизма распадается на две части: первая знакомит нас с операциями, которые должен производить человеческий дух для совершения открытий. Это, собственно, и есть "Ars Magna", "искусство открывать все, что способна открыть человеческая наука по любому вопросу, как частному, так и общему" (Bartholmess: "Giordano Bruno"). Вторая заключает в себе сжатую энциклопедию знаний, уже приобретенных человечеством. В обеих частях намечались основные принципы богословия, метафизики, физики, этики и диалектики. Таким понятиям, как субъекты, соответствовали атрибуты (абсолютные или относительные), расположенные в известной классификации по кругам. Всего было шесть концентрических кругов. На двух обозначались субъекты, на трех

- атрибуты. Шестой круг, наиболее отдаленный от центра, был непо

движным, и на нем обозначались всевозможные вопросы. Ближайший

к крайнему подвижный круг заключал на себе девять основных катего

рий бытия, на втором помещались девять атрибутов бытия физического,

на третьем - девять атрибутов бытия морального (девять добродетелей

и девять пороков), на четвертом и на пятом - девять атрибутов бытия

физического и метафизического. Субъекты, termini generalissimi

praedicatorum, могли с неисчерпаемым разнообразием комбинироваться

с подходящими предикатами путем вращения кругов. Говорят, этих

комбинаций нельзя было бы исчерпать в тысячу лет, делая по миллиону

комбинаций в час. Разумеется, при этом комбинировании необходимо

принимать в расчет, совместим ли субъект с данным атрибутом. На

шестом круге значатся вопросы: utrum, quid, de quo, qua re, quantum,

quale, quando, ubi, quomodo; этот вопросник назывался ключом изобре

тения.

У Луллия были многочисленные последователи. Среди них заслуживают особенного внимания Джордано Бруно и Лейбниц. В конце XVI

- начале XVII в. в связи с реакцией против схоластической философии стали все чаще и чаще раздаваться презрительные отзывы о Луллии. Бэкон называет его учение methodus imposturae*, а "панораму мира", которую стремится дать Луллий при помощи своего метода,

- "Typocosmia" - лавочкой старьевщика - officina veteramentaria. Совершенно иначе смотрит на "великое искусство" Луллия Бруно. Еще ребенком (ad hoc puer) он познакомился с сочинениями Раймунда, и они произвели на него большое впечатление. Одна из излюбленных идей Бруно - сближение монады и мира - микрокосма и макрокосма, мысль, что все в известном смысле заключается в каждом атоме, эта

313

мысль должна была гармонировать с замыслом всеобщй науки". И впоследствии он говорит, что pro summo habet honore, ut Lullianus appareat*. С Платоном Бруно сближает идея анамнезиса как источника философского творчества, с новоплатонизмом - идея высшего мистического тожества, мышления и бытия, с каббалой - принцип omnia in uno, omnia in omnibus, unus et omnia, unus in omnibus**. Энциклопедия Бруно напоминает также, по словам Бартельмесса, каббалистическое дерево, в котором ветвями являются благоразумие, наука и мудрость, стволом - сила, красота, величие, слава и победа, корнями и основой - царство Мессии. Но общие тенденции у Бруно совершенно чужды этой детской игре понятиями. Бруно преследует цели научного знания, хотя и в очень примитивной форме. Он упростил и усовершенствовал систему Луллия. В первую часть он внес: 1) Алфавит, заключающий в себе простейшие понятия под буквами B, C, D, E, F, G, H, I, K. Каждой букве соответствуют несколько относительных и абсолютных атрибутов и некоторое количество возможных вопросов. 2) Силлабикум, где даны различные формы связи между субъектом и атрибутами, абсолютными и относительными. 3) Словарь (Lexicon), регулирующий различные формы связей суждений и их преобразования в различные предложения в процессе рассуждения. Вторую часть Луллиева метода Бруно разделяет на семь отделов: 1) Проблемы, 2) Ответы, 3) Определения, 4) Рассуждения, 5) Развитие познания, 6) Приумножение познания и 7) Выяснение познания.

XXXIX. Франциск Бэкон

Луллий и Бруно мечтали воссоздать перед человеческим духом панораму мира, вселенную в миниатюре, но в форме системы понятий. Замысел Бэкона тоже заключается в том, чтобы воссоздать в человеческом духе храм наподобие мира, Универсальный Глобус. Но Бэкон стремился не к обработке понятий, а к идеальной сортировке вещей. Он замышляет сгруппировать типические формы вещей и типические процессы природы так, чтобы однородные явления были вместе. Храм науки для Бэкона подобен зоологическому музею или универсальному магазину "Лувр". Он мечтает о регистрации случаев совпадения, или отсутствия, или градуированной зависимости явлений - tabulae praesentiae, tabulae absentiae u tabulae graduum он уподобляет упорядоченной и культивированной совокупности растений - винограднику, а природу - дремучему лесу, где всевозможные растения разбросаны в беспорядке и растут в диком состоянии. Для него, как для Пирсона, человеческий дух есть сортировочная машина. Его образный, ярко конкретный способ мышления и выражения характерен не только как проявление известного модного в то время стиля, но вполне соответствует эмпиристической складке его ума. "Таблицы" Бэкона - это та же "вертушка" Луллия и Бруно, где вместо понятий группируются и регистрируются типические факты и процессы. Нечувственная природа понятия совершенно недоступна пониманию Бэкона, в противоположность инфинитисту Бру-

314

но, этого философа Бесконечного, Бэкон - завзятый финитист1. Одна из основных концепций Бэкона, практически сводящаяся к заблуждению, была "конечность природы, на которую он смотрит, как на шашечную доску гигантских размеров с определенным числом квадратиков" (John Nichol. "Francis Bacon", II, p. 163, 1889). Он совершенно отвергает силлогизм Аристотеля, потому что усматривает в

нем лишь пустую игру понятиями, сводящуюся или к petitionem principii, или к жалким тавтологиям. Применение метода индукции он не освещает в достаточной мере общими руководящими принципами. Равным образом, подобно Луллию, он совершенно не учитывает в этом процессе роль интуиции, догадки, на которую указывал Аристотель (anchinoia). Подобно Луллию, Бэкон был убежден, что всякий усвоивший его метод изобретения может успешно двигать вперед науку. Так думали и луллисты. Г-жа М. В. Безобразова2, описывая одну русскую рукопись XVII в., представляющую изложение системы Луллия, приводит из нее сообщение, что эта система изобретения, как и показал опыт, доступна даже десятилетней девочке. Хотя Бэкон и называет, как мы видели, метод Луллия шарлатанским, но я не сомневаюсь, что именно Луллий оказал на него влияние, внушив ему мысль, что изобретать возможно машинным, механическим путем. Николь допускает, что Бэкон копирует "Ars Magna" Луллия в своей схеме шифров для обозначения мыслей и вещей ("Fr. Bacon", II, p. 58, 1889). И недаром Свифт осмеял Бэкона в образе профессора Лапуты с его логической машиной! По поводу механичности Бэконова изобретения Либих пишет: "В исследовании Бэкон придает большую цену опыту, но он ничего не знает о его значении: он считает его за механическое орудие, которое, будучи приведено в движение, производит действие из самого себя, но в естествознании все исследование дедуктивно или априорично; опыт, подобно вычислению, служит лишь вспомогательным средством для процесса мышления; мысль необходимо должна предшествовать ему во всех случаях, если только он претендует на какое-нибудь значение. Опыт, которому не предшествует теория, т. е. идея, относится к естествознанию, как звяканье детской погремушки к музыке" (см. Либих: "Бэкон Веруламский и метод естествознания", стр. 55-56). Либих поясняет свою мысль сопоставлением бесплодного способа экспериментирования у Бэкона и у некоторых современных Либиху химиков.

1 Он хочет, чтобы в его конструкции мира все соответствовало в миниатюре реальному миру:

На небе месяц, И в тереме месяц, На небе звезды, И в тереме звезды.

Он пишет про свою "Historia Naturalis": "Она есть мир, как его создал Бог, а не люди: фантазия не играет в нем никакой роли".

2 См. статью в "Журнале Министерства народного просвещения" (1896) "О великой науке Раймунда Луллия в русских рукописях XVII века". Г-жа Безобразова описывает четыре списка под заглавием "Великая и предивная наука каббалистическая Богом просвещенного, учителя Раймунда Луллия". Эти рукописи, по ее словам, не есть перевод "Ars Magna", изд. 1651 г., ни комментариев Агриппы и Бруно, но или перевод какого-нибудь другого комментария, или переделка.

1618 год	1860 год
Как долго прогорит винный спирт в ложке, если к нему прибавить селитры, поваренной соли, кусок смолы, воды, молока, пороха?	Как долго прорастет красный клевер на поле, если его удобрять суперфосфатом, сернокислым калием, хлевным навозом, сажей, известью, аммиаковыми солями?
Результат опыта	Результат опыта
Все эти вещества не увели-	Все эти вещества не увеличива-

чивают продолжительности горе- ния (Bacon, "Historia Naturalis", p. 366).

Как долго прогорит винный спирт в ложке, если к нему прибавить селитры, поваренной соли, кусок смолы, воды, молока, пороха?

Результат опыта

Все эти вещества не увеличивают продолжительности горения (Bacon, "Historia Naturalis", p. 366).

ют продолжительности прораста- ния ("Journal of R. Agric. Society of England", vol. XXI, p. I).

Как долго прорастет красный клевер на поле, если его удобрять суперфосфатом, сернокислым калием, хлевным навозом, сажей, известью, аммиаковыми солями?

Результат опыта

Все эти вещества не увеличивают продолжительности прораста ния ("Journal of R. Agric. Society of England", vol. XXI, p. I).

Многочисленные, вполне заслуженные упреки Бэкону в несовершенстве его метода (де Местр, Николь, Дюринг) не исключают, однако, ценности его идей как диалектического противовеса рационализму Лул-лия. По странной иронии судьбы та интуитивная догадка, значение которой в творчестве было совершенно упущено из виду Бэконом, была в высшей степени присуща его собственной натуре. В его сочинениях, помимо блестящей литературной формы, встречаются нередко глубокие, чреватые важными последствиями мысли. "Таблицы" являются несовершенной антиципацией трех методов Милля, а учение об идолах представляет одну из непреходящих ценностей в истории философской мысли. Мысль человеческая движется зигзагами и в теории изобретения от одной крайности ударяется в другую. Но, как мы видели, крайности сходятся, и между Луллием и Бэконом есть нечто общее.

У последующих представителей эмпиризма - Юма, Гершеля, Милля, Бэна, Спенсера и Авенариуса - мы вовсе не находим претензий давать метод изобретения. Только у Бэна проблеме изобретения посвящена в его "Логике" одна глава ("Искусство открытия", 2-е приложение ко 2-му тому: "Induction"). По его мнению, правильно разработанный логикой метод исследования не может прямо научить делать открытия, но может косвенным образом мощно содействовать оригинальным открытиям. К психологическим указаниям, содействующим развитию способности изобретения, он прежде всего, подобно Бэкону, относит способность иметь перед сознанием большую совокупность фактов, аналогичных по природе, часто мысленно обращаться к этим фактам, дабы освежать их в памяти, часто заниматься такими вопросами, которые могут навести нас на надлежащие сопоставления и аналогии с интересующей нас проблемой, не поддаваться одностороннему увлечению какой-нибудь специальной группой фактов, не давать себе запутаться в наблюдении фактов и в том, что касается трудных вопросов, воздерживаться от духовной работы, которая могла бы противодействовать той, которую мы производим в данный момент.

316

XL. Лейбниц

Продолжателем идей Платона, Луллия и Бруно в XVII в. является Лейбниц. Подобно Бруно, он в ранней юности был увлечен идеей Луллия об алфавите мыслей, и впоследствии эта идея вылилась у него в работе о комбинаторике и в замысле "Универсальной характеристики". Хотя он и не отвергает значения догадки в научном творчестве, но все же считает вполне осуществимой теорию изобретения, которая указывала бы методы для открытия новых истин. В статье "Les preceptes pour avancer les sciences" он пишет: "В каждой науке надо стараться вскрыть принципы изобретения, каковые, будучи поставлены в связь с высшей наукой или с общей теорией науки, т. е. с общим искусством изобретения, были бы достаточны

для выведения из них всего остального или, по крайней мере, наиболее полезных истин, не утруждая нашего духа излишними предположениями". Открывается возможность в будущем "демонстративной энциклопедии". В основу здесь положены немногие положения: 1) опытного характера, 2) "Vues d'esprit qui ont donne l'occasion et le moyen d'inventer"*.

Примеры:

Геометрия Астрономия и арифметика Перспектива

Учение о перспективе Гномоника Музыка

Учение о тенях

Примеры:

Геометрия Астрономия и арифметика

Перспектива

Учение о перспективе Гномоника Музыка

Учение о тенях

Весьма характерно то противопоставление научного творчества, где нужно только знание и умение, художественному, где нужно дать "простор воображению". "В музыке необходимо упражнение и даже гений и живость слухового воображения для человека, желающего преуспеть в композиции... Подметив в сочинениях искусных музыкантов тысячи и тысячи прекрасных кадансов и, так сказать, музыкальных фраз, он может дать простор своему воображению, и существуют даже люди, от природы музыканты, которые сочиняют прекрасные арии, подобно тому как есть поэты, которые при небольшой начитанности совершают чудеса, ибо в делах, особенно зависящих от наших чувств, можно добиться большего успеха, отдаваясь машинально подражанию и практике, нежели следуя сухим постановлениям. И как для игры на клавесине надо, чтобы сами пальцы усвоили привычку, так и для того, чтобы сочинить прекрасную мелодию (арию), чтобы написать хорошую поэму, чтобы живо представить себе архитектурный орнамент или рисунок для картины на сюжет из головы (tableau d'invention), надо, чтобы наше воображение выработало себе привычку, после чего можно предоставить ему свободный полет, не сообразуясь с разумом, по способу (a la maniere) энтузиазма. Оно непременно достигает успеха в меру гениальности и опытности данного лица, и мы замечаем иногда даже во сне, что мы формируем образы, которые едва ли можно было бы сформировать наяву. Однако необходимо, чтобы разум исследовал потом (examine par apres) создан-

317

ное, исправил и отполировал бы создание воображения. Тут правила искусства оказываются необходимыми, чтобы сообщить произведению некоторый отпечаток законченности и совершенства" (см. сочинения, изд. Erdmann'a, 1840, стр. 170-171). Итак, Лейбниц допускает свободную игру воображения на манер энтузиазма для художественного творчества (поэзия, музыка, живопись и архитектура), но не для научного и философского творчества, где все должно быть подчинено рациональному методу. Под энтузиазмом он разумеет нечто вроде мистического экстаза или интуиции, каковые не могут быть источником разумного знания. Вот как рассуждает он в другом месте об "энтузиазме": "Слово энтузиазм, подобно слову софизм, первоначально употреблялось in bonam partem* (божественное присутствие в нас, упражнение в мудрости). И Сократ претендовал, что бог или демон давал ему внутренние предупреждения, так что энтузиазм сводился к божественному инстинкту. Впоследствии энтузиазму стали приписывать страсти, фантазии, сны, всякие безумства". Описывая откровения и пророчества мистиков (trembleurs, их вожди Барклай, Лабадасти, Антуаннета де Буриньон, Уильям Пен, св. Тереза, Квирин Кульман), Лейбниц говорит о "свете", иногда буквально озаряющем их: "Но зачем же называть светом то, что не дает возможности что-либо видеть?" ("Mais pourquoi appeler lumiere ce qui ne fait rien voir?"). "Temoignage interne** мистиков нуждается в других средствах подтверждения".

XLI. Кант

Именно такой "антимистический" и чисто рассудочный взгляд на научное творчество был усвоен немецким просвещением XVIII в. и отразился на взглядах на научное творчество и у Канта. Так, лейбницианец Эбергард отождествляет гения с "рассудочной головой" ("Allgemeine Theorie des Denkens"). В таком взгляде на научное творчество сходятся и эмпиристы по следам Бэкона, и рационалисты по примеру Лейбница, а сам Кант в этом вопросе рассуждает в 1790 г. как истый вольфианец"1, хотя из его позднейших набросков, как мы увидим, заметны его колебания по этому вопросу, а в "Антропологии" (1798) - радикальная перемена. Вот знаменитое противопоставление научного и художественного творчества в "Критике способности суждения", вызвавшее протестую-

1 Несмотря на свою явную зависимость от рационализма лейбнице-вольфовской школы во взглядах на изобретение в науке, Кант все же делает шаг вперед перед Лессингом во взглядах на изобретение в искусстве. Лессинг до того уверовал в возможность руководствоваться чисто рациональными принципами в поэтическом творчестве, что, считая "Поэтику" Аристотеля столь же непогрешимой, как "Элементы" Эвклида, он смело заявляет: "Покажите мне пьесу великого Корнейля, которую я не смог бы превзойти в выполнении" (besser machen). Правда, он несколько смягчает ниже свою претензию, но его вера во всеспасающее значение теории искусства в художественном творчестве остается непоколебимой: "Я, конечно, лучше написал бы эту пьесу, и все же мне далеко до Корнейля, я лучше написал бы эту пьесу и все же не должен вменять себе это в особенную заслугу. Я сделал бы лишь то, что на моем месте сделал бы всякий человек, у которого вера в Аристотеля была бы столько же крепкой, как моя" (см. Bosanquet: "History of Aesthetics", 1892, p. 218-219).

щие замечания Фихте и Жана Поля Рихтера. "...Вполне можно изучить все, что Ньютон изложил в своем бессмертном труде о принципах философии, сколько бы ума и вдумчивости это ни потребовало, но нельзя научиться вдохновенно творить, как бы ни были точны все предписания для поэзии и как бы превосходны ни были для этого образцы. Причина этого заключается в том, что Ньютон все свои шаги, которые он должен был сделать от первых элементов геометрии до самых великих и глубоких открытий, мог сделать совершенно наглядными, - не только для самого себя, но и для каждого другого, и определить их для последователей. Но никакой Гомер не мог бы показать Виланду, каким образом находятся и соединяются в его голове полные фантазии и мысли идеи именно потому, что он и сам не знал этого и, следовательно, не смог бы научить этому никого другого" ("Критика способности суждения", § 47). Совершенно очевидно, что Кант здесь смешивает процесс методического рационального изложения научных истин с процессом их открытия. В защиту прав гения в науке и философии выступили в XVIII в. Гердер и Гаманн; позднее Фихте по этому поводу пишет следующее: "Совершенно ясно, что философ не менее нуждается в смутных чувствах правильного или в гении (der dunklen Gefuhle des Richtigen oder des Genie), чем поэт или художник. Последний нуждается в чувстве красоты, философ - в чувстве истинности (Wahrheitssinn)". Узнав, что один писатель предлагает не применять к ученым эпитет "гений", ибо в науке существует теория изобретения, Фихте замечает: "Wie wird denn eine solche Theorie der Erfindens selbst erfunden werden?! Etwa durch eine Theorie der Erfindung einer Theorie des Erfindens? Und dies?"* (W. B. I, S. 73, изд. 1845 г.). Жан Поль Рихтер восклицает по поводу вышеприведенных слов Канта: "Можно, конечно, выучиться ньютоновским принципам, т. е. воспроизвести то, что уже открыто, совершенно так же, как можно выучить сочиненное -другим стихотворение, но в одинаковой мере нельзя научиться открывать Ньютоновы принципы и создавать поэтические произведения. Новая философская идея до своего рождения просвечивает, по-видимому, с большею ясностью в предваряющих ее зародышах мысли и molecules organiques, чем поэтические произведения, однако почему же ее впервые увидал Ньютон? Ни он, ни Кант, а равно ни Шекспир, ни Лейбниц не смогут раскрыть нам, каким образом из облака старых идей вдруг сверкает молния новой идеи, они смогут показать ее связь со старыми (Nexus), но отнюдь не ее порождение (Erzeugung) из оных, то же приложи-мо и к поэзии" (это интересное место указано Вейнингером в его книге "Пол и характер". Оно имеется в XL томе сочинений Рихтера, стр. 29 "Das Kampanerthai"). Восемь лет спустя, как это видно из набросков к "Антропологии", Кант снова возвращается к проблеме научного творчества. Его смущает то, на чем запнулся весь век просвещения в вопросе о научном творчестве: он не может справиться с понятием догадки (Einsicht). С одной стороны, для него несомненна роль "интуиции", догадки в научном творчестве, с другой стороны, догадка представляется ему чем-то почти

тождественным случайности, а поставить все научное творчество в зависимость от какого-то загадочного "иррационального" начала представлялось неприемлемым для интеллектуалистического доктринерства, пережиток которого здесь явно сказывается.

319

Присмотримся к наброскам Канта, к не опубликованным при его жизни черновым тетрадям, которые стали известны лишь недавно, но которые верно отражают locum minoris resistentiae* всех теорий изобретения XVII и XVIII вв.: "Reflexionen zur Anthropologie". § 484: "Догадка среди мыслей есть то же, что счастливая случайность среди житейских обстоятельств". Догадка есть начало размышления, но догадка предшествует последнему; фантазия, правда, дает импульс, как догадка, большею частью, но должна подвергнуться испытанию со стороны размышления и обдумывания. Почему бывает так, что первая идея, которую рассудок образует относительно какой-нибудь системы представлений, обыкновенно заключает в себе больше, чем оказываешься в силах путем продолжительной разработки развить из нее?" § 481: "Автор должен представлять в своих сочинениях не выдумку, но прозорливость, не Einfalle, но Einsichten. Впрочем, догадка полезна. Ньютон (Questioned в "Оптике", 1704) - Кеплерово притяжение. Врачи исцеляют нас путем догадок. Догадка мало отличается от случая. Колумбово путешествие было результатом счастливого случая".

В подчеркнутых мною замечательных словах Канта поставлена та самая проблема, которую мы подробно исследовали в настоящем сочинении. Кант как раз описывает здесь зарождение целостной концепции системы, при которой, как мы видели, частичные догадки опережают в порядке своего зарождения логическое обоснование завершающей догадки (что отмечают, как мы видели, Спенсер и Шопенгауэр). В "Антропологии", как мы видели, Кант, следуя за учением Аристотеля о роли проницательности в мышлении, ставит в центр теории изобретения учение о том, что позднее было названо синтетическим силлогизмом (проф. А. И. Введенский: "Логика как часть теории познания"), причем то, что он, быть может, под влиянием Гельвеция рассматривал как продукт внешнего случая, теперь относит на счет одаренности. Именно от нее зависит изобретательность, сила суждения - Urtheilskraft (см. об этом т. I, глава VI). Т. Райнов в своей интересной статье, напечатанной в VII выпуске "Вопросов психологии и теории творчества"1, мне кажется, недостаточно оттеняет капитальную перемену в воззрениях Канта на гений в науке, происшедшую, быть может, под влиянием критики, за время от появления "Критики способности суждения" до "Антропологии".

XLII. Гегель

Философское учение Гегеля представляет последний этап в развитии идей рационализма, этап, замечательный тем, что здесь сама идея изобретения, по крайней мере в философии, если не в науках, упраздняется. Человек является здесь почти пассивным зрителем развернувшегося перед ним диалектического процесса в лоне Абсолютного Духа: подлинная структура мысли, природы, духа, истории, права, искусства, религии и философии раскрыта здесь во всей их полноте. Система начинается

1 "Теория искусства Канта в связи с его теорией науки".

320

логикой и завершается ею (ибо история философии приводит нас диалектически к той же логике Гегеля, которой начинается система), образуя замкнутый круг. Гегель предлагает читателю продумать вместе с ним еще раз великую идею творения, исходя от беднейших понятий бытия и небытия и синтетически расширяя мысль, пока она не охватит и не поглотит в себя весь цикл мировых явлений, достигнув в "Абсолютной Идее" всей полноты целостного, свободного от противоречий бытия. Но, с другой стороны, это не есть конструкция, но реконструкция, ибо конечный этап аналитически содержит в себе предыдущие моменты, и мы подразумевательно исходим именно из конца, открывая в "Идее" шаг за шагом синтетически то, что в ней аналитически от века заключено. Здесь все решено и подписано, нет места колебаниям, сомнениям, ошибкам. Открытие каждого нового этапа предопределено предшествующей ступенью в объективном процессе диалектического движения мысли. Раймунд Луллий мечтал при помощи механической комбинации понятий найти способ открывать новые философские истины. Лейбниц изыскивал общие рациональные методы

для открытий и изобретений, Гегель своим изобретением делает ненужными какие-либо иные философские изобретения. Ведь его система не есть ни метод познания мира, ни модель мировых отношений, но она есть этот самый мир, уже осознанный человеческим разумом, в его сокровенной сущности, в "Абсолютной Идее". Система Гегеля знаменует конец истории философии, в дальнейшем возможны, в лучшем случае, лишь мелочные усовершенствования внешней формы ее изложения, но отнюдь не самой сути дела. Можно ли говорить при таком взгляде на дело о роли интуиции, догадки в процессе философского творчества?'. Можно, пожалуй, если иметь в виду историю философии до Гегеля. По крайней мере, у него только в одном месте есть замечание об инстинкте разума, т. е. догадке, но и тут он имеет в виду эмпирические науки: "Инстинкт разума заставляет нас предчувствовать то или другое определение, представляемое опытом, имеет свое основание во внутренней природе предмета или в его роде или побуждает нас идти далее. Но аналогия может быть более или менее основательна" ("Логика", пер. Чижова, стр. 322, § 190). Параграф заканчивается презрительными замечаниями о пустых аналогиях, на которые натолкнула Шеллинга в натурфилософии интуиция - инстинкт разума.

1 В 1816 г. Гегель возглашал на лекциях, что "философия в Европе умерла", а в 1818-1819 гг., когда он читал впервые свой курс логики, вышла в свет гениальная книга Шопенгауэра. В 1827 г. он читал вторично свой курс логики, и в это время О. Конт печатал I том своей великой системы. Очевидно, "конец истории философии" оказался столь же мнимым, как и конец его философии истории... "В то время как современник Гегеля, гр. Красинский, силою поэтического вдохновения предугадал и с поразительной ясностью и точностью нарисовал картину Парижской коммуны и нынешнего анархизма (в своей "Небожественной комедии"), в философии истории Гегеля не оставлено никакого места ни для национальных движений нынешнего века, ни для России и славянства как исторической силы. По Гегелю, история окончательно замыкается в установлении бюргерско-бюрократических порядков в Пруссии Фридриха-Вильгельма III, обеспечивавших содержание философа, а через то и реализацию содержания абсолютной философии" (Вл. Соловьев - статья о Гегеле в VI томе "Трудов Московского психологического общества", 1898, стр. 302-303).

321

XLIII. Шеллинг

Главный мистицист, открывающий ряд философов интуиции XIX в., Шеллинг еще стоит на точке зрения "Критики способности суждения" Канта в том отношении, что он если и не совершенно отвергает интуицию в науке, то все же считает ее проявления редкими и даже сомнительными. Вот как рассуждает он по этому поводу:

"Что касается, в частности, отношения искусства к науке, то они по своим тенденциям столь радикально противоположны, что, разреши наука все свои проблемы (как это всегда делало искусство), и она должна перейти в искусство и стать с ним тождественной, что служит доказательством диаметральной противоположности их направлений. Ибо, хотя в своих высших функциях наука и имеет ту же задачу, что и искусство, тем не менее все же эта задача, по способу ее решения, является для науки бесконечной, в силу чего можно сказать, что искусство служит образцом для науки, и где появляется искусство, там ему первоначально должна предшествовать наука. Именно отсюда-то можно объяснить, почему и в какой мере в науках нет гения; это надо понимать не в том смысле, будто научная проблема не может быть гениально (genialisch) решена, а в том смысле, что та же проблема, которая может быть решена путем гения, разрешима и механически, как, например, система тяготения Ньютона, которая могла бы быть гениальным открытием и в действительности и была таковым у ее первого изобретателя Кеплера и которая в той же мере могла бы быть чисто научным открытием, каковою она и оказалась у Ньютона. Лишь то, что создается искусством, осуществимо единственно лишь путем гения, так как во всякой проблеме, которую себе ставит искусство, объединено бесконечное противоречие. И гений может произвести то, что производит наука, но это участие гения в данном случае не необходимо. Поэтому наличность гения в науке есть и остается проблематической, т. е., конечно, можно всегда наверное сказать, где его нет, но не где он есть налицо".

"Существуют лишь немногие признаки, по которым можно заключить о наличности гения в науке (что о наличности гения надо заключить в том и другом случае, показывают своеобразные обстоятельства дела). Гений, например, наверное отсутствует в том случае, если некое целое, подобное системе, возникает по частям и притом путем соединения (Zusammensetzung). Наоборот, приходится

предположить наличность гения там, где идея целого явственно предшествовала отдельным частям. Ибо идея целого ведь может быть ясной, лишь развиваясь в отдельных своих частях, а с другой стороны, опять же отдельные части возможны лишь в силу идеи целого, и, таким образом, здесь есть, по-видимому, противоречие, которое возможно лишь в силу акта гения, т. е. в силу неожиданного совпадения сознательной и бессознательной деятельности (durch ein unerwatetes Zusamentreffen der bewusstlosen mit der bewussten Thatigkeit)".

"Другое основание для предположения наличности гения в науке можно было бы усмотреть в таком случае, когда кто-нибудь вздумал бы утверждать такие вещи, которых он не мог бы вполне постигнуть

322

или в силу условий той эпохи, когда он жил, или в силу иных его высказываний, т. е. высказывал бы нечто якобы сознательно, что он, однако, мог бы высказывать лишь бессознательно. Однако всячески легко показать, что и приведенные основания для предположения наличности гения в науке могут быть крайне обманчивы" (S. W. B. III, "Система трансцендентального идеализма", I отдел). Таким образом, Шеллинг резко обособляет мир интуиции, сферу сверхнаучного познания, родственного художественному творчеству, и мир рассудочного (механического) мышления. Интуиции в науке, как таковой, нет, но интуиция может замещать рассудочное знание, достигая того же результата иным сверхлогическим путем. Позднее Шеллинг высказывает уверенность, что в будущем непосредственное сверхлогическое знание заменит всю науку, и метод открытия будет заключаться не в накоплении фактов а 1а Бэкон и не в рассудочной логистике а 1а Лейбниц, а в прямом непосредственном сверхрациональном мистическом постижении всего сущего и всех его законов.

И так прозрачна огней бесконечность, И так доступна вся бездна эфира, Что прямо смотрю я из времени в вечность И пламя твое узнаю, солнце мира!*

"Придет время, когда науки постепенно исчезнут и на место их явится непосредственное знание. Все науки, знания, как таковые, изобретены лишь по недостатку этого знания. Например, весь лабиринт астрономических вычислений существует потому, что человеку не было дано усматривать непосредственно необходимость в небесных движениях, как таковую, или духовно сопереживать духовную жизнь вселенной. Существовали и будут существовать не нуждающиеся в науках люди, в которых смотрит сама природа и которые сами в своем видении сделались природой. Это настоящие ясновидцы, подлинные эмпирики, к которым эмпиризм, называющий себя так теперь, относится, как политики, переливающие из пустого в порожнее, к посланным от Бога пророкам" (S. W. B. VII, отд. I, стр. 246). Профессор Лютославский утверждает, что такие случаи открытия новых законов природы путем мистического непосредственного знания имели место в истории науки. Так, он утверждает, что Платон в "Тимее" за "2100 лет до Лавуазье предсказал химическую формулу воды. Он имеет в виду следующее место из "Тимея" (Tim 59, d - e): "Вода же, будучи разделена огнем или также воздухом, при соединении частей может составить одно тело огня и два воздуха".

XLIV. Шопенгауэр и Сведенборг. Дивинация в история и географии. Предсказания Лейбница, Гертли и Руссо

В мистической интуиции человек может иметь не только целостную интуицию прошлого с деталями любого момента, но и интуицию будущего, на что указывает Шопенгауэр, и интуицию отдельных частей пространства, о чем свидетельствует, например, Сведенборг. По свидетель-

323

ству Фрауэнштедта, с Шопенгауэром был такой случай. Однажды он опрокинул чернильницу и залил чернилами конторку, на которой писал. Его служанка, отмывая чернильное пятно, сказала ему, что утром того же дня ее приятельница сообщила ей, что она видела в предшествующую ночь во сне как раз такое происшествие. Хорошо известна история о том, как Сведенборг "интуитивно" увидел пожар в Стокгольме, будучи весьма далек от этого города, - интуиция, по поводу которой Вл. Соловьев замечает, что свидетельства о ней современников "не имеют достаточно точных и документальных удостоверений и не свободны от противоречий" (статья: "Сведенборг", в IX дополнительном томе). Подобные рассказы относятся

более к области невинной мистификации, чем к области мистики.

Дар исторической дивинации есть частный случай описанного нами чувства целостной концепции. Хотя история, как и весь мировой процесс, никогда не повторяется буквально, но в ней есть повторяющиеся всевре-менные черты, единообразия, вытекающие из законов биологии и психологии, и человек, высоко одаренный чувством анализа и внимательно следящий за ходом исторических событий, может учуять будущее на основании аналогий с прошлым. Аристотель, по словам Дизраэли, в его замечательной статье "Predictions" ("Literary Curiosities", v. II, 1824, p. 422), откуда я заимствую и приводимые ниже факты, говоря о пресловутых прорицателях, приводит тайное признание одного из них. Он откровенно сознается, что ввиду темноты будущего, между тем как прошедшее мы легко можем познать, он определял будущее по прошедшему, каким оно обрисовывалось в человеческих делах. Такую естественную дивинацию будущего Фукидид отмечает у Фемистокла: "В силу проницательности, присущей лично ему, независимо от воспитания в юности и от позднейших занятий, он был в высокой степени удачлив в уменье быстро составить суждения касательно предметов, которые предоставляли мало времени для обдумывания; в то же самое время он всех превосходил как величайший отгадчик будущего на основании прошедшего (Ton mellonton epipleisthai tu genesomenu aristos eikastes, Lib I). Коульридж предугадал "наполеоновский деспотизм в маскараде" из состояния Рима при первых цезарях и испано-американской революции, взяв за основу сравнения войну объединенных провинций с Филиппом Вторым. "Я пытался открыть в истории прошлого событие, наиболее аналогичное данному. Я запасался относящимися к этой истории свидетельствами историков, памфлетистов и мемуаристов. Затем, сообразуясь с тем, куда склоняется сравнение, в сторону сходств или в сторону различий, я соответственным образом строил предположение о сходстве или несходстве наступающего события" (Ibidem, 427). Подобным же образом Цицерон в письмах к Аттику, отмечая у себя дар исторической дивинации, заявляет, что он руководится иными признаками, чем авгуры (Ep. ad. Att. Lib VI, ep. 6 и Lib X, ep. 4). Весьма замечательно, что французская революция была предугадана тремя философами: немцем Лейбницем, англичанином Гертли (Hartley) и швейцарцем Руссо. "Я нахожу, - писал Лейбниц, - что некоторые мнения, родственные идеям Эпикура и Спинозы, мало-помалу овладеют умами руководителей об-

324

щественными делами, которые правят остальными людьми и от которых зависит все; кроме того, эти мнения проскальзывают также в модные книжки, и тем подготовляется всеобщая революция, которая угрожает Европе; они разрушат благородные чувства древних, греков и римлян, которые ставили выше материальных благ и даже жизни любовь к родине и общественное благо потомства. Наш public spirit*, как выражаются англичане, крайне убавился и более не в моде и еще пойдет на убыль, когда наименее порочного из этих людей поддерживает лишь один принцип, который они называют честью; только этот принцип и удерживает их от совершения замышляемого злого поступка, в то время как они открыто смеются над любовью к родине, осмеивают тех, кто ревнует об общественном благе, и, когда благонамеренный человек спрашивает их, что будет с их потомством, отвечают: "То же, что и теперь", но может случиться, что эти люди сами претерпят те бедствия, которые они считают предназначенными для других. Если этот эпидемический и интеллектуальный беспорядок, которого вредные результаты уже видимы, будет устранен, то этих бедствий удастся избегнуть, если же он будет разрастаться, Провидение исправит человека самою революцией, которая явится результатами этих бедствий. Что бы ни случилось, все в конечном итоге обернется, как всегда, к лучшему, хотя этого не может случиться без того, чтобы не понесли кару те, которые своими злыми деяниями все же споспешествовали общему благу" (Дизраэли, к сожалению, не указывает, из какого сочинения взята цитата). Гертли в 1749 г. писал в книге "Observations on Man": "Вероятно, что все гражданские власти падут. Вероятно, что существующие формы церковного управления распадутся" (Prop. 81 и 82). Предсказание Руссо в "Эмиле" общеизвестно. Нужно добавить, что подобная интуиция может быть верной и тем не менее основанной на случайном совпадении. Так, по словам академика Е. В. Тарле (в его замечательной статье "О границах предвидения в истории". - "Русское Богатство", 1902), Руссо заявил однажды про Корсику, будто этот остров когда-нибудь удивит всю Европу. Между тем нет ни малейших оснований усматривать в этой фразе какое-либо мистическое указание на судьбу Наполеона.

Историческая дивинация есть вид творческой интуиции и, как мы видели, является ассоциативно обусловленным психическим процессом, в котором элементы целостной

концепции вероятного будущего комбинируются из материалов, полученных путем глубокого изучения прошлого в связи с личным житейским опытом и психологической чуткостью и проницательностью лица, ставящего исторический прогноз. Все такие предсказания даются в общей форме, так как конкретные подробности слишком трудно уловимы ввиду исключительной сложности факторов, образующих грядущее событие. Историческая дивинация имеет чувство целостной концепции направленным на временные отношения - географическая интуиция великих путешественников направлена на невидимые и отдаленные пространственные отношения. Проф. Э. Ф. Лесгафт приводит яркие примеры географической интуиции в своей еще не напечатанной монографии о жизни и творчестве Колумба.

325

XLV. Критика Шеллинга. Хронологическая таблица Дармштедтера

В рассуждениях Шеллинга прежде всего, как я уже заметил, бросается в глаза полное обособление мира интуиции, догадки и мира "механического", рассудочного научного мышления. Мы уже видели, что на самом деле интуиция и рассудок теснейшим образом связаны, - они имеются в любом синтетическом силлогизме. Торжественное заявление, что науки будут впоследствии упразднены за ненадобностью и заменены мистическим откровением, производит сначала впечатление мальчишеской выходки, показывания языка господам ученым. Но если вдуматься в утверждение Шеллинга в свете тех идей, которые были ему неведомы, то можно сказать, что превращение науки в непосредственное знание есть бесконечно отдаленный пункт, в направлении которого двигается и вечно будет двигаться наука. Догадка, опыт и рассуждения всегда будут играть в науке одинаково важную роль, но весьма вероятно, что шансы для продуктивного использования и для успешного развития счастливых догадок и вообще догадливости, по мере все более и более правильной организации мировой науки, разумного разделения труда, надлежащего воспитания и улучшения экономических и социальных условий человечества, будут возрастать: в темпе разработки изобретений заметно, действительно, ускорение. В книге Ludwig Darmstadter "Handbuch zur Geschichte der Naturwissenschaften und der Technik'", представляющей хронологический перечень открытий, число страниц, посвященных изобретениям и открытиям, если разбить всю книгу на полустолетия, выразится в следующем ряде:

1010-1060 -	1 стр	1510-1560 -	15 стр
1060-1210 -	1 стр	1560-1610 -	20 стр
1210-1260 -	3 стр	1610-1660 -	21 стр
1260-1310 -	3 стр	1660-1710 -	34 стр
1310-1360 -	2 стр	1710-1760 -	40 стр
1360-1410 -	2 стр	1760-1810 -	97 стр
1410-1460 -	3 стр	1810-1860 -	290 стр
1460-1510 -	6 стр	1860-1908 -	475 стр

Конечно, эти цифры лишь отчасти говорят в пользу ускорения в процессе роста изобретений, но все же ускорение несомненно. Я говорю лишь отчасти, потому, что: 1) история изобретений нового и особенно новейшего времени нам более известна; 2) у нас есть наклонность преувеличивать значение новейших открытий, особенно в технике; мы забываем, что творческий процесс так же значителен и при образовании первых зачаточных, практически негодных форм изобретения; 3) список Дармштедтера весьма односторонен, в нем хорошо представлены преимущественно немцы. Во всяком случае, ускорение в темпе технического изобретения произошло не вследствие возрастания роли интуиции в ущерб роли опыта и рассудка, но вследствие усиления и более тесного и упорядоченного сближения между собою этих трех моментов изобретения. Однако сближение интуиции с рассудком есть процесс асимп-

1 Книгу Дармштедтера, а также упомянутые выше работы Реджинальда Таунсенда и Бехтерева мне любезно указал проф. В. Н. Верховский.

326

тотический, - они никогда не сольются и не дадут непосредственного знания" и предвидения событий, того, что Кант называл praevisio sensitiva. Между тем Шеллинг и за ним Гегель1, Шопенгауэр и Гартманн убеждены в возможности, освобождаясь от рамок пространства и времени, видеть и предвидеть любое событие, что, действительно, сводилось бы к замещению науки ясновидением.

XLVI. Критика Шеллинга. Открытия, опережающие эпоху

Случаи изобретения в науке, опережающие эпоху, составляют общее правило, но нет таких случаев, где бы открытие было совершенно, так сказать, не соизмеримо с уровнем знаний эпохи. Пример Лютославского свидетельствует лишь о большой любви к Платону, доводящей его до смешных парадоксов. Можно иллюстрировать на одном гениальном философе, Роджере Бэконе (XIII в.), каковы пределы, полагаемые гению условиями времени. Роджер Бэкон был весьма одарен изобретательностью и обладал обширной ученостью. Кроме того, он был экспериментатор. Одни из его открытий, вследствие несовершенства методов, давали полуистины, другие, основанные на достаточном знании и удачных экспериментах, представляли безусловную ценность. В настоящее время вполне установлено, что он изобрел порох и (из боязни основанной тогда инквизиции) дал точную формулу его состава в анаграмме (scripta enigmatica), которая в настоящее время расшифрована. В третьем случае он намечает в воображении ряд современных нам открытий - автомобиль (Currus etiam possunt fieri, ut sine animali moveantur cum impetu inaestimabili, ut existimantur currus falcati fuisse quibus-antiquitus pugnabatur), аэроплан (possunt etiam fieri instrumenta volandi et homo sedens in medio instrumenti revolvens aliquod ingenuium, per quod alae artificialiter compositae aerem verberent ad modum avis volantis) и пароход (possunt enim fieri instrumenta ambulandi in man et in fluviis ad fundum sine periculo corporali)*. Однако, высказывая эти предположения, Роджер Бэкон опирается не на личные опыты и не на общие законы механики, знание которых в его время было недостаточно для осуществления этих открытий разработано, а порождены они фантазией на основании древних легенд. По поводу последних вышеприведенных слов Роджер Бэкон добавляет: "Nam Alexander Magnus his usus est ut secreta maris videret secundum quod Ethicus narrat astronomus"** (см. David Smith, статья в сборнике в память Р. Бэкона "R. Bacon", Essais, p. 179)2.

Почерпнув это сведение из книги Dutens: "Recherches sur l'origine des decouvertes attribuees aux modernes, ou Ton demontre que notres plus celebres philosophes ont puise la plupart de leurs connaissances dans les

1 Как это ни странно, после сказанного выше, но надо помнить, что Гегель - мистический рационалист.

2 Когда говорят о предвосхищениях великих изобретений, то забывают, что догадка, рисующая лишь воображаемую возможность известной комбинации, еще не есть счастливая догадка, если она не находит себе опоры ни в данных опыта, ни в теоретическом доказательстве. Уже Лейбниц указывал, что в вопросе об изобретениях надо строго отличать, как в математике, inventum ab inveniendo***, что нередко забывают делать.

327

ouvrages des anciens", проф. Блох задается вопросом: "Не является ли Бэкон предтечей изобретения железных дорог?" (см.: "Творчество в науке и технике", 1920, стр. 39). Мне думается, что, зная подлинный текст Роджера Бэкона, он ответил бы отрицательно на этот вопрос (я имею в виду идею самодвижущихся повозок).

Вот поразительный пример гениального предвосхищения позднейшего открытия из истории русской техники. В статье "Воздухоплавание" в словаре Брокгауза и Ефрона, новое издание, проф. Бекнев сообщает, что сохранилось сведение от 1734 г. о том, что некто Крякутной в Нерех-те надул мешок "поганым воздухом" и полетел на нем, шар ударился о местную колокольню, и изобретателю удалось спастись, ухватившись за колокольную веревку. Он чуть не был казнен за свое изобретение.

XLVII. Критика Шеллинга. Творчество как движение от целого к частям. Тайна ораторского искусства

Шеллинг полагает, что гений, "интуицию" пришлось бы допустить в науке, если бы удалось установить случаи, когда ученый (или философ) сам не отдавал бы себе отчета в своем открытии, "не ведал бы, что творит"1. По этому поводу замечу следующее: 1) Шеллинг, конечно, не имеет здесь в виду то, что можно назвать не открытием, а находкой. Говорят, одна собачка "открыла" анестезирующее действие хлороформа. Шеллинг имеет в виду получение в процессе творчества, непонятного для творца и тем не менее весьма значительного в глазах других людей, результата творчества. На это следует ответить, что подобное явление в известной мере есть общее правило в научном творчестве, ибо ни один ученый и ни один философ никогда полностью не сознает значения тех новых синтезов мысли, которые потенциально кроются в его утверждении. Смысл известного утверждения может быть смутным или ЯСНЫМ, или вполне отчетливым, причем тут возможны бесконечные градации в зависимости от того, поставлено ли данное утверждение "А есть В" в синтетическую связь с каким-нибудь другим, скажем "С есть А".

1 Более поздним отголоском шеллингианских идей являются идеи Каппа, согласно которому в творчестве человека проявляется бессознательная проекция вовне активности сверхличного мирового духа. Капп в книге "Philosophie der Technik" развивает мысль, что в основе технических изобретений человека лежит проекция вовне человеческих органов (кулак-молоток). Если эта мысль может быть признана верной, как в приведенном примере, где мы видим вполне сознательное замещение руки более твердым орудием, то, сопоставляя Кортиев орган и фортепиано, глаза и телескоп, мы должны были бы допустить у изобретателей особую мистическую интуицию, благодаря которой, например, изобретатель инженерного крана бессознательно руководился строением спонгиозы в собственном бедре. Профессор Энгельмейер в своей книге "Теория творчества" (стр. 168-170) рассказывает: продольный разрез бедренной верхней головки бедренной кости человека совпадает в расположении линий спонгиозы с инженерными конструкциями. Врач Мейер принес на заседание естественно-исторического общества в Цюрихе препараты бедренной кости, их увидел инженер строительной механики Кульман. В узорах спонгиозы он узнал линии равного сопротивления в брусе формы берцовой кости (сходной с бедренной). В интересной статье "Les origines de la Technologie" ("Revue Philosophique", 1894) Эспинас отмечает проекцию свойств человеческих органов в установке мер длины (локоть, фут) и в системах счисления (двадцатиричная, десятичная).

328

2) Равным образом возможен случай, когда изобретатель, открыв новую истину, забывает доказательство, и ему нужны большие усилия, чтобы восстановить его, и усилия эти не всегда увенчиваются успехом. Так, например, о Лапласе существует рассказ, что он однажды не мог сразу восстановить переход между двумя звеньями в ходе доказательства, который был непонятен читателю его сочинения (см. выше гл. IV). Наконец, Шеллинг считает рассудочный процесс научной мысли (механический) движением от частей к целому, а процесс художественного и философского творчества (он их почти отожествляет) - движением от целого к частям, причем усматривает в таком способов творчества нечто сверхрациональное, мистическое, заключающее в себе противоречие с точки зрения рассудка. По этому поводу нужно заметить, что процесс научного и философского творчества есть, подобно художественному, движение от целого к частям или, точнее сказать, целое, смутно намеченное, постепенно проясняется по мере формирования частей. Даже простой синтетический силлогизм не есть механическая склейка двух посылок, из которых автоматически получается заключение, но целостное единство акта мысли, в которое части входят как моменты диалектического процесса. Способность человека свободно развивать viva voce* свою мысль, особенно оратора, например ученого, импровизирующего вдохновенную лекцию, поражала уже древних. Так, например, у Квинтилиана мы находим поразительное место в его "De institutione oratoruia": "...здесь необходима своего рода природная живость ума, чтобы в тот момент, как мы говорим ближайшее, мы могли строить дальнейшее предположение, и чтобы всегда к только что сказанному примыкала заранее составленная фраза, все же едва ли природа или теоретические правила в состоянии дать столь разнообразное применение мозговой работе, чтобы ее одновременно доставало для инвенции, диспозиции, выражения, правильной последовательности слов и мыслей, - как в отношении того, что говоришь или что намерен сказать сейчас, так и в отношении того, что следует иметь в виду потом, - и внимательного отношения к своему голосу, декламации и жестикуляции. Необходимо быть внимательным далеко вперед, иметь мысли у себя перед глазами и потраченное до сих пор на произнесение речи пополнять, заимствуя из недосказанного еще, чтобы, пока мы идем к цели, мы, если

можно выразиться, шли вперед не меньше глазами, нежели ногами, раз не желаем стоять на месте, ковылять и произносить свои короткие отрывистые предложения на манер запинающихся". Квинтилиан уподобляет эту таинственную способность тому искусству, той "ловкости рук", которую древние называли "alogos tribe", где руки забегают вперед сравнительно с пером, где глаза смотрят во время чтения на целые строки, их начало и конец, и видят дальнейшее, еще не сказав предыдущего. Этою способностью можно объяснить и известные фокусы, проделываемые на сцене жонглером и престидижитаторами и состоящие в том, что брошенные ими предметы как бы сами попадают в руки публики и перебегают по их желанию то туда, то сюда" (М. Фебий Квинтилиан. "Правила ораторского искусства", кн. X, пер. Алексеева, 1896, стр. 42-43). Для христианских церковных писателей процесс живого развития творческой мысли и претворения ее в словесную форму точно так же представлялся чудесным: maximum

329

totius philosophiae sacramentum (как выражается иезуит Franciscus de Oviedo: "Cursus philosophiae", de anima, p. 85), которое никогда не будет постигнуто вполне человеческой проницательностью1. Для свободного развития мысли нужно в настоящий момент и в надлежащем порядке вызывать связные комплексы образов, мыслей и слов, вызывать соответствующий species** в сознании, а это, по мнению другого схоластика Понциуса, есть нечто ex difficilioribus naturae arcanis***, которая предполагает соучастие Бога в этом процессе. Если мы вспомним исходный пункт теории изобретения рационалистов - учение об анамнезисе Платона, если мы затем вспомним, что Авиценна считал процесс хранения и воспроизведения мыслей всецело зависящим от божества - мысли наши до их воспроизведения хранятся в нем и воспроизводятся в нашем сознании при его соучастии, - то мы увидим, что крайности сходятся

1 Овиедо поражает механизм памяти у оратора. Он замечает по поводу идей Аверроэса: "Prima objectionis solutio desiderat modum explicatum, quo species in intellectu existens citentur, ita vi haec modo producit cognitionem sui objecti et postea ilia illarumpue exercitium in mente oratoris succedat illo ordine, que totam orationem memoriae mandaverat quemque perpolita et compta exposuit oratio, quo modo in dormientibus et delirantibus modo hae, posstea illae ebulliant species: quomodo homo, cum rem aliquam in memoria adduci velit, illius speciem manu posita supra frontem, quo modo repente trahatur in cogitationem objecti, quod multis retro annis noverat et nihil de illo amplius cogitaverat. Existimo in his maximum esse totius philosophiae sacramentum, nunquam ab aliquo satis explicandum"*. Квинтилиан чрезвычайно метко сопоставляет здесь "моторную интуицию" жонглеров с творческой интуицией оратора. В обоих случаях имеет место единый целостный акт - в первом случае чувство целостной концепции, во втором - мастерства (см. выше гл. III и гл. IV). Величайшее таинство всей философии поддается, как мы видели, психологическому анализу. Развитию вдохновения здесь благоприятствуют четыре обстоятельства: 1) Самая наша мысль выигрывает в отчетливости, когда мы фиксируем ее не только во внутренней речи, но экстериализируем в актах жестикуляции, артикуляции и модуляции. Когда ломаешь голову над какой-нибудь проблемой, то иногда начинаешь разговаривать сам с собой вслух, жестикулировать, полемизировать с воображаемыми противниками. Так, ученица Д. И. Менделеева О. Э. Озаровская в воспоминаниях о нем, напечатанных в год его смерти, в "Еженедельном Новом Времени", рассказывает, как она и другая лаборантка, находившаяся в комнате, соседней с той, где за конторкой Менделеев бился над преобразованием какой-то сложной и "неуклюжей" химической формулы, которую нужно было привести к более упрощенному виду, услышали, что Менделеев разговаривает с формулой: "У-у, рогатая, вот когда доберусь я до тебя!" etc. 2) Самый вид аудитории внимательной и оживленной производит на лектора фасцинирующее действие, вызывая в его эмоциональном мире известный гармонический подъем лирического настроения, которое расширяет круг образов. Подобным же образом, мы видели в процессе образования интуиции, вдохновляюще действует красивый пейзаж (Фехнер, Ницше, Словцов, Гиббон, см. выше IV главу). 3) Наблюдая во время произнесения речи за впечатлениями, производимыми ею на аудиторию, лектор пользуется ими смутно-сознательно, как контрольным аппаратом, регулирующим форму выражения и ход развития мысли. 4) Организованная аудитория подготовленных слушателей своими возражениями и указаниями на упущенную лектором логическую возможность или фактическую данную делает творчество лектора в известной мере коллективным творчеством. Вот конкретная иллюстрация для вышеприведенных замечаний Квинтилиана. Профессор А. Ф. Кони любезно сообщил мне, что в бытность членом Государственного Совета он однажды выступил против

Стишинского с длинной речью по вопросу о веротерпимости. Во время речи ему пришел внезапно в голову сильный аргумент, но не относящийся к содержанию развиваемой в данную минуту мысли. При контрвозражении Стишин-скому А. Ф. Кони успешно использовал счастливую, хотя и несвоевременную догадку. Прекрасные замечания о творчестве ученого во время лекции имеются у Чехова ("Скучная история", стр. 116-117. Сочинения Чехова, т. 5, рассказы).

330

- рационализм и иррационализм имеют общий отправной пункт

- сверхчувственный источник. Только рационализм стремится интеллек-

туализировать божественную мысль, приобщить ее к человеческой,

а мистицизм хочет обоготворить человеческое творчество, изъять его

из ведения человеческой рассудочной мысли.

Высший идеал для рационалиста - это лапласовский Сверхчеловек, обнимающий своею мыслью в одной механической формуле все настоящее, прошедшее и будущее вселенной. Разумное существо при достаточной степени знаний и изощрения умственных способностей, руководясь рациональными принципами всеобщей характеристики, универсальной алгебры и т. п., может по мере сил приближаться к этому идеалу. Высший идеал для мистициста - это Сверхчеловек, сверхразумный гений, к которому может приближаться всякий человек, которому доступно "трансцендентальное изменение", внутренний переворот, пробуждение "лучшего сознания" (Шопенгауэр). Тот, кому недоступно по его натуре это мистическое откровение, не может быть творцом в философии, и мистики резко противопоставляют своего бога идеалу рассудочных философов. В амулете Паскаля сказано: "Бог Авраама, Исаака и Иакова - не бог философов и ученых". На могиле мистика С. Мартена имеется следующая характерная эпитафия:

O, trop cruelle mort, tu viens nous enlever Saint Martin, ce savant de la theosophie. Il combattit l'erreur et sut se preserver De ces systemes vains de la philosophic*.

XLVIII. Гартманн об изобретении понятий и скачках в мышлении

Сверхчеловек рационализма и Сверхчеловек мистицизма на самом деле суть два бесконечно отдаленных пункта - олицетворение Чистого Интеллекта и Чистой Интуиции1. Человеческая мысль, как мы видели,

1 Отмеченная мною противоположность сторонников романтики в области изобретения и сторонников рассудочных способов решения проблемы имеет для себя аналогии во всех родах творчества - в искусстве, в технике, в шахматной игре. Первая из этих противоположностей подробно охарактеризована мною в исследовании "О перевоплощаемости в художественном творчестве". На такое же явление в области технических изобретений указывает проф. Энгельмейер. В то время как Мейдингер и Ка-питэн отрицают значение интуиции в изобретении машин, Гонинс (Hownins) в книге "The intuitive method" утверждает, что пользование творческой фантазией дает в работе экономию времени. Для развития в молодом технике способности к интуиции-догадке он предлагает следующий прием: "Возьмите какую-нибудь из имеющихся в училище машин, удалите из нее часть, задайте ученикам сделать набросок недостающей части. Лучше всего, когда эти наброски будут делаться от руки, на глазомер, без производства каких-либо измерений. Затем пусть ученики проверяют свои наброски измерением и подсчетом. Или так: возьмите какую-нибудь деталь и задайте ученику набросать другую, которая производила бы то же самое действие, но была бы не похожа на первую" (см. ценную брошюру проф. Энгельмейера "Творческая личность" etc.).

В шахматной игре "романтическая школа" стремилась атаковать позицию короля во что бы то ни стало; теперь борьба сводится к приобретению небольшого преимущества, и весь план состоит в том, чтобы создать слабый пункт в распределении сил противника, - такова теория современной школы, задуманная и защищаемая Стей-ницем... Этот новый отправной пункт произвел в шахматной игре целую революцию. Стиль атаки и комбинирования был принесен в жертву трезвому, здоровому и сухому

331

всегда с логической необходимостью сочетает в себе оба момента так же, как сочетает в себе и противоположности эмпиризма и рационализма. Объяснить исчерпывающе в логическом и психологическом смысле слова "тайну" философского творчества невозможно так же, как невозможно дать исчерпывающее механическое объяснение образованию организма или гениальной симфонии, но такая проблема допускает бесконечное приближение. В ней необъяснимы, "непонятны", "иррациональны" эмпирические данности, как они вообще "необъяснимы" во всех индивидуальных конкретных формах бытия. Из этого, однако, не следует необходимость прибегать к интеллектуальному самоубийству, которое проповедуется мистицизмом. Позднейший мистицизм, поскольку он касается теории изобретения, в лице Шопенгауэра, Гартманна и Бергсона, отличается от воззрений Шеллинга тем, что, противопоставляя столь же резко интуицию и рассудок, он отводит широкое место обоим элементам во всех родах человеческого творчества и изобретения, в том числе в научном и философском. Шопенгауэр во многом солидарен с Шеллингом - он сближает философское творчество с интуицией, он предполагает мистическое соучастие бессознательной Воли в процессе творчества. Но он уже допускает интуицию в науке, правда в виде бессознательных операций духа. На эту сторону обращает особое внимание Гартманн, который подробнее развивает в этом пункте идеи Шопенгауэра в главе о "Бессознательном в мышлении" в "Философии Бессознательного".

В этой главе заслуживают нашего внимания две мысли - участие мистического Бессознательного в процессе образования понятий и в скачках между отдельными мыслями. 1. Общие признаки, которые мы выделяем из ряда однородных представлений, "и есть именно та находка, которую нельзя вынудить у себя никакими намеренными усилиями". "Величайшие открытия теоретической науки нередко состоят единственно в изобретении понятия, т. е. в выделении доселе незамеченной части общей многим другим понятиям, таково, например, открытие понятия тяготения Ньютоном". "Импульсом к такому открытию является интерес (потребность) к понятию у ищущего". Образование заключается не в сообщении другому понятию, но в том, чтобы пробудить в нем самостоятельный импульс к воссозданию понятия. Теперь спрашивается, как могут зародиться в сознании человека основные понятия нашего мышления, например понятие тожества? В природе нет двух абсолютно тожественных вещей, понятие приблизительного тожества, т. е. сходства, уже предполагает идею полного тожества, последнее не дано нам в виде переживания в состояниях нашего сознания и, следовательно, привходит в каждый акт мышления как бессознательная функция духа. Указание Гартманна, что всякое изобретение есть построение научного понятия, глубоко верно, но неверно, будто полное тожество или равенство, или постоянство не переживаются нами в сознании, - они суть логически необходимый момент в переживании и различного, неравного, изменчивого. Идея полного равенства не есть бессознательная, сверхсоз-

методу. Прежнее очарование игры исчезло (по крайней мере, в матчах и турнирах), и красота была принесена в жертву рассудку. Таким образом, обдуманная и непрерывно действующая стратегия рассудка уступила место порывистой интуиции, "быстроте, глазомеру и натиску" интуитивной школы (см. статью "Chess" в IX издании "Encyclopaedia Britannica").

332

нательная, подсознательная или подсознательная функция, вплетающаяся в поток сознания каким-то закулисным образом, она, равным образом, не есть ощущение или воспроизведенный образ, но нечувственный, интеллектуальный момент в потоке чувственных переживаний. Этот нечувственный момент может быть на первых ступенях душевной жизни смутно сознаваем, но все же он есть именно момент (а не элемент) в переживаниях сознания. Человек пользуется смутными понятиями, поскольку у него есть сознание: ясное сознавание того факта, что он пользуется понятиями, есть уже известный интеллектуальный переворот, который замечается в каждом ребенке, когда он впервые начинает обогащать свой мир понятий и свой словарь, что так характерно в детской страсти к называнию и квалификации предметов тогда, когда еще "новы все впечатленья бытия". Открытие каждым ребенком в самом себе интеллектуальной деятельности можно уподобить открытию Платоном нечувственной функции сознания - открытию идей. Так как Платон в поэтической форме описывает нам в "Пире" момент изобретения идей, то это Плато-ново описание весьма поучительно сопоставить с пробуждением интеллектуальной деятельности в ребенке.

Я сделаю следующее сопоставление - ссылка на "Пир" Платона и отрывок из биографий Лоры Бриджмен и Эллен Келлер. Воспитатель Лоры Бриджмен (глухослепонемой) Гоуэ и воспитательница Эллен Келлер мисс Дункан дают совершенно однородные указания относительно того, что догадка об интеллектуальном значении букв, слов и других выпуклых знаков, при помощи коих в них пробуждали деятельность разума, имела для их сознания значение внезапного переворота, восхитительного открытия. Кольдервуд пишет: "В ранних стадиях этого воспитательного процесса ребенок только подражал, не отдавая себе отчета в разумной цели, для которой служило усвоение знаков, но с той минуты, как он стал понимать, зачем это делается, он стал прибегать к письменному языку". Отмечая контрасты между двумя стадиями этого процесса, м-р Гоуэ (Howe) пишет: "Бедное дитя сидело в безмолвном изумлении (amazement) и терпеливо воспроизводило все, чему его учили. Теперь же свет истины стал проникать ей в душу: ее интеллект стал работать, она постигла, что имеется способ, при помощи которого она сама может образовать себе знак для всего, что приходит ей на ум; это уже была не собака, не попугай, но бессмертный дух, жадно стремящийся уловить свою связь с другими духами. Я почти в состоянии фиксировать момент, когда эта истина осенила ее ум и озарила светом ее внешний облик" (counte-nance) (см. книгу Colderwood'a "The relations of mind and brain", 1879, p. 297).

Воспитательница Эллен Келлер сообщает, что эта глухослепонемая девочка усваивала первоначально знаки, делаемые нажимом пальцев на ее ладонь, совершенно механически и воспроизводила подобные же знаки на лапе большого пса совершенно неосмысленно. Когда же в один прекрасный день мисс Дункан пошла с ней к водокачалке, и вода при накачивании в ведро брызнула на руку девочки, ее учительница сделала ей на ладони знак "вода", который девочка и ранее неосмысленно ассоциировала с водой, - ребенок вдруг, ошеломленный, уронил ведро, и затем пробуждение в ней разума и способности схватывать нечувственный смысл понятий разом пробудились, и она стала задавать массу вопросов о названии вещей, словом, в ней проявился общий всем детям

333

в известном возрасте "Hunger nach Namen"* - творческая работа мысли началась.

Философское осознание нечувственной природы понятия изумительно описано Платоном в речи Днотимы, которая, описывая постепенное восхождение духа из области чувственных влечений к сфере нечувственного, отмечает внезапность (exaphines) постижения природы Идей.

2. Другая роль бессознательного в творческом процессе мысли заключается в том, что в известном ходе доказательства (например, в геометрии) наша сознательная мысль перескакивает через несколько звеньев. Если A, B, C, D, E, F - необходимые моменты связного доказательства, то мы внезапно получим из A-F, и по Гартманну необходимо предположить, что в промежутке здесь имела место бессознательная интуиция. Если бы Гартманн знал случай, рассказываемый Карпентером о Зире Кольберн, то он мог бы им воспользоваться в подтверждение своей теории. В 1812 г. демонстрировался мальчик, который "мог" без всяких рациональных объяснений, "интуитивно" угадывать простые числа. Нет надобности прибавлять, что Кольберн был мошенником. Установка таблицы простых чисел, начиная от Эратос-фена и кончая Чебышевым, представляет кропотливую и сложную и притом бесконечную проблему теории чисел. Для признания любого числа простым или сложным нужно доказательство, а мы знаем, что те случаи, когда удавалось не угадать, а доказать, что какое-нибудь большое число, далеко опережающее по месту установленные до сих пор таблицы, - простое или сложное, - отмечаются в истории математики как замечательные открытия именно потому, что они разумно обоснованы.

В недавнее время, пишет проф. А. В. Васильев (см. "Введение в ана-лиз", 1907, стр. 57), числами типа 2 +1 занимался талантливый русский человек, свящ. Иоанн Михеевич Первушин, который в 1877 г. сообщил Петроградской академии наук найденные им результаты, что числа 22 + 1 и 22 +1 - суть числа сложные, а именно, что первое делится на 7 x 214 + 1, а второе - на число 5 x 225 - 1 (эти результаты были проверены академиками Буняковским и Золотаревым). Из этих чисел последнее заключает в себе до двух с половиною миллионов цифр. Зельгоф показал, что число 22 +1, имеющее до двадцати миллиардов цифр, есть также сложное число. В этом процессе, как мы видели, первоначально имеет место догадка, основанная на смутном чувстве законообразности известных числовых отношений, это чувство может оказаться иллюзорным или натолкнуть на некоторое эмпирическое обобщение, но и

последнее, при ближайшей проверке, может оказаться или совершенно неверным, или ограниченным в своей всеобщности. Последнее имело место, например, в знаменитой формуле Фермата: "22 + 1 есть простое число", так как Эйлер обнаружил неверность этого утверждения, показав, что 232 + 1=4 294 967 297, а это число делится на 641.

XLIX. Критическая теория изобретения как гармоничный синтез трех описанных теорий

Подводя итоги содержанию главы о "трех путях в теории изобретения", я прежде всего должен заметить, что вовсе не имел в виду дать историю вопроса, но лишь обратить внимание на три крайние типические

334

формы решения этой проблемы. Они находятся между собою во внутренней диалектической связи. Можно сказать, что этими крайними типами исчерпываются все возможные формы теорий изобретения, разумеется, если класть в основу взятый мною принцип классификации. Я же беру таковым три категории модальности. В теории изобретения прежде всего имеется налицо, как и во всякой теории, момент аподектический, необходимый - известная система рациональных принципов и методов. Именно эту сторону выдвинул на первый план рационализм, в частности Лейбниц и следующая за ним новейшая логистика. Затем не менее существенным моментом являются эмпирические данные, факты внешнего и внутреннего опыта, момент ассерторический - его выдвигает на первый план эмпиризм с Бэконом во главе. Наконец, во всякой теории изобретения должно иметь в виду третий проблематический момент - догадку, "интуицию", то, чему в логике соответствует название гипотезы: и этот момент интуиции всегда справедливо подчеркивался, хотя и ложно истолковывался представителями мистицизма. Мистицизм не принимал никогда во внимание: 1) что интуиция-догадка имеет такое же естественное происхождение, как и другие моменты научного творчества; 2) что удачные и неудачные догадки происходят из одного общего источника - человеческого сознания; 3) что догадки имеют различные степени вероятности; 4) что эти степени не только могут быть определены, но в некоторых случаях выражены в математической форме и, наконец, 5) что человечество (путем планомерной разработки методов научного исследования, изучением психологии творчества и разумной организации мировой научной и философской работы мысли) может косвенным образом содействовать увеличению числа более продуктивных интуиций-догадок1. Теория изобретения может быть научно обоснована только путем гармоничного объединения трех указанных моментов на почве критической философии и психологии.

1 Заслуживает внимания с педагогической точки зрения книга Буарака "La dissertation philosophique" (1890). Это - род практического руководства к писанию сочинений по философии, род философской методики, в которой даются подробные указания относительно составления плана сочинения, упорядочения материала, стиля и специфических особенностей в трактовке различного рода философских тем; это составляет то, что он называет regies de la dissertation philosophique, по аналогии с "regies pour la direction de l'esprit"* Декарта. В дальнейшем изложении дано около 500 тем по психологии, логике, этике, метафизике и истории философии, с планом, иногда примером, конспектом и наводящими указаниями. В первой главе книги об изобретении в философии Буарак указывает на два основных условия удачного изобретения: 1) ясное понимание поставленной проблемы и 2) предварительное усвоение фактов и теорий, так или иначе непосредственно связанных с намеченной задачей. Культура же аффективно-волевой стороны творческой личности оставлена им совершенно без внимания, и в этом отношении он является выразителем традиционных рационалистических тенденций во французской философской литературе. Таким образом, мы имеем в этой книге не методологию философского изобретения, но лишь методику писания философских сочинений ad usum scholarum**. Тем не менее я не склонен отрицать пользу подобной методики. Одним из крупных преимуществ французских философских сочинений над немецкими является нередко большая ясность, отчетливость, стройность и живость изложения. Это плод многовековой культуры литературных форм. У нас в России знакомство с подобной книгой было бы весьма полезно для начинающих писать сочинения по философии, ибо у нас нередко даже у талантливых людей замечается поразительное отсутствие элементарного знакомства с техникой писания философских сочинений.

335

L. Задача психотехники научного, технического и философского творчества

Основная задача исследования, как мы видели, - наметить путь к идеальной реконструкции творческого процесса в науках и философии (см. выше гл. IV) в его типических формах. По этому поводу мне могут заметить, что всякая подобная реконструкция будет лишь "мозаикой", кинематографической "мертвой" подделкой под "живой" творческий процесс. Но я скажу, что это пустые слова и что, рассуждая таким образом, нужно вообще отказаться от всяких научных объяснений явлений жизни и духа. Речь, разумеется, идет не о воссоздании, а о приближенной, безмерно грубой и тем не менее в известных пределах верно отображающей реальные отношения между изучаемыми процессами динамической схеме. "Мозаика" не есть бранное слово; весь вопрос в том, хороша она или дурна; производит ли "мозаичный портрет" эффект живого образа или нет, но здесь идет речь не об эффектах, а об объективной значимости схемы.

С другой стороны, можно сказать, что научное постижение творческого процесса в науке губительно вредно для самого ученого, и чем вернее психологический и философский анализ схватывает основные черты процесса, тем хуже будет воздействие подобных знаний на самочувствие ученого. Может быть, и для ученого в данном случае "в глубоком знании счастья нет"? Мне вспоминается по этому поводу следующая американская басня (ее приводит Ястров в своей книге "La subconscience"):

ЖАБА И СТОНОЖКА

Стоножка была совершенно счастлива, но в один прекрасный день жаба ради потехи говорит ей: "Скажи, пожалуйста, в каком порядке ты приводишь в движение свои ножки?" Это привело ее в такое замешательство, что она в оцепенении оставалась во рву, задаваясь вопросом: "Что надо сделать, чтобы побежать?"

Мысль о том, что "рефлексия" парализует "непосредственный творческий порыв", "губит интуицию" и т. п., есть типичный продукт той рассудочной схематизации творческого процесса, против которой направлена вся эта работа. Показать роль чуткости, проницательности и чувства целостной концепции в творчестве - это значит дать живо почувствовать, как бережно нужно культивировать эти драгоценные свойства человеческого духа. Жалоба на то, что рефлексия губит свежесть чувства, характерна прежде всего для неумных резонеров, утративших эту свежесть или никогда не располагавших ею, большею частью для людей, не знакомых с реальной обстановкой научной творческой работы. И в научном, и в философском, и в художественном творчестве рефлексия нужна, только надо уметь ею пользоваться, и необходимым спутником "ума сердца" должен быть "и ум ума" (Л. Толстой).

336

Руководство практическими выводами, проистекающими из анализа процесса изобретения, по моему убеждению, может содействовать искусству косвенным образом "развивать в себе интуицию" и образует начатки психотехники научного и философского творчества; но такая техника разовьется лишь в более или менее отдаленном будущем, во-первых, вследствие исключительной сложности проблемы и незначительности наблюдательного и особенно экспериментального материала; во-вторых, вследствие слабого развития у многих, даже гениальных, ученых дара психологического самонаблюдения, наконец, в-третьих, вследствие известных глубоко укоренившихся философских предрассудков. У эм-пиристов нередко, по примеру Гельвеция, догадка относится за счет внешней слепой абсолютной случайности, не поддающейся рациональному учету.

Явно смешивая внешний повод с причиной, Гельвеций пишет: "Великие гении часто бывали обязаны случаю своими наиболее удачными идеями" и приводит в подтверждение анекдоты о Ньютоне и Галилее... Случай привел Галилея во Флорентийские сады в то время, когда садовники накачивали воду, случай указал садовникам обратиться к Галилею с вопросом, почему они не могут поднять воду выше, чем на 32 фута, и этот вопрос задел его ум и тщеславие философа, и, наконец, тщеславие, приведенное в действие случаем, заставило его сделать этот естественный факт предметом своих размышлений, пока он в законе тяжести воздуха не открыл разрешение этой проблемы" (см.: "Об уме", рус. пер. под ред. проф. Э. Л. Радлова, 1917, стр. 165).

Рационалисты склонны истолковывать процесс изобретения в духе абсолютной рациональности. Вот почему так часто великие математики, астрономы и физики умышленно скрывали те подлинные странные, извилистые, иррациональные пути, которыми они в действительности пришли к открытию. Так, из биографии Лапласа нам известно, что он тщательно скрывал от всех те пути, которые приводили его к великим догадкам. То же мы видели выше у Эйлера. Чрезвычайно любопытный пример этому имеется в биографии Френеля.

Об открытии Френеля, касающемся формы волны в кристаллах, Дюгем пишет следующее: "Как он сделал его? Пытаясь найти объяснение способа распространения света в кристаллах? Отнюдь не таким путем, но путем интуиции геометра, в которой не играли роли никакие гипотезы относительно природы света или относительно структуры (constitution) прозрачных тел. Эта дерзновенная интуиция (audacieuse intuition) увенчалась самым блистательным успехом: не только теория, предложенная Френелем, оказалась в мельчайших подробностях согласующейся с показаниями экспериментальными, но она сверх того дала повод отгадать и открыть непредвиденные и парадоксальные факты, которые никогда бы не пришло в голову изыскивать экспериментатору, предоставленному самому себе, - таковы два вида конической рефракции; великий математик Гамильтон из формы поверхности волны в двухосных кристаллах вывел законы тех странных явлений, которые впоследствии физик Ллойд изыскивал и открыл. Теория двойного преломления в двухосных кристаллах заключает в себе, таким образом, те плодотворность и мощность дивинации, в которых обнаруживаются

337

признаки естественной классификации, и тем не менее она не порождает попыток (рационального) объяснения. Не потому, однако, что Френель не пытался найти такое объяснение для полученной им формы поверхности волны - наоборот, эти попытки настолько увлекали его, что он не опубликовал метода, приведшего его к открытию" (см.: P. Duhem. "La theorie physique", 1906, p. 56-57).

Наконец, представители мистицизма, усматривающие источник вдохновения в абсолютно сверхрациональном духе (Шеллинг), должны видеть в самой идее психотехники творчества чудовищную нелепость и в то же время кощунственную дерзость, - постигнут при помощи Потаскушки-Разума, Hurevernunft, как говорит Лютер, "maximum totius philosophiae Sacramentum" - Творческую Интуицию.

Древним грекам таким же "кощунством" казалось рассечение трупов. Только со времени Галена (II в. по Р. Х.) начинается трупорассече-ние, и нужно было еще 14 веков, чтобы преодолеть подобные же предрассудки в христианской Европе. "Анатомия души" и теперь еще пугает суеверных людей. Не более четверти века тому назад, когда профессора М. И. Карийский и В. С. Серебренников подняли вопрос об открытии при Спб. Духовной Академии психологической лаборатории, их предложение было категорически отклонено. Лет 17 тому назад диссертация Коновалова "Мистический экстаз по учению русских сектантов" была за богопротивное содержание отклонена "святейшим" синодом. Та же участь постигла вскоре и другой ценный научный труд - исследование проф. В. А. Беляева "Спиноза и Лейбниц". Но...

У науки нрав не робкий,

Не заткнешь ее теченья

Ты своей дрянною пробкой!*

Чтобы психотехника научного и философского творчества когда-нибудь осуществилась, для этого предварительно в течение многих лет должны быть выполняемы следующие подготовительные работы:

1. Должен быть собран и исследован психографический материал,

заключающийся в данных по истории наук, техники и философии.

2. Должны быть использованы показания изобретателей, относящие

ся к творческому процессу и дающие материал для характерологических

исследований с широким применением не только наблюдения, но и экс

перимента.

3. Интеллектуальное изобретение, его механизм, должен быть исследован, как указано выше (см. гл. IV), в самых различных масштабах, начиная с микроскопического.

4. Интересно исследовать патографические данные: иллюзии научного и философского творчества и их механизм.

5. Такая работа осуществима лишь путем дружественной кооперации ученых разных специальностей - философов, психологов, врачей, психиатров, техников.

6. Вся работа должна быть освещена единой руководящей философской идеей.

338

LI. Заключение

Великие изобретатели - плоть от плоти и кость от кости народных масс. В них, как в фокусах, сосредоточивается творческая энергия Великого Существа - Человечества. И мы обязаны свято хранить память об их духовных борениях и о тех путях, которыми они шли к своим заветным целям. Они должны жить вечно среди нас воплощенными в искусстве, в художественных изображениях. Эту идею наметил впервые Бэкон в своей "Новой Атлантиде", где он мечтает об устройстве художественного музея-галереи, "где можно видеть статуи наиболее выдающихся изобретателей" ("Nouvelle Atlantide", фр. пер. 1838, p. 603). Они должны вечно жить в моральном сознании человечества, им должны быть периодически посвящаемы торжественные поминки, праздники изобретателей, fetes des inventeurs, о которых мечтал О. Конт ("Systeme de politique positive", IV, p. 141). Наконец, их творчество должно быть объектом непрестанного научного изучения. Настоящая книга представляет посильную попытку именно в этом последнем направлении, которое было намечено еще Лейбницем в следующих словах: "Полезно изучать открытия других таким способом, который и нам самим открыл бы источник изобретений и который известным образом дал бы нам самим возможность усвоить приемы изобретения. И я хотел бы, чтобы изобретатели дали нам историю путей, по которым они дошли до своих открытий. В тех случаях, когда они вовсе не сообщают нам этого, нужно испробовать отгадать эти пути, дабы наилучшим образом использовать их произведения".

"...II est bon d'etudier les decouvertes d'autrui d'une maniere, qui nous decouvre la source des inventions, et qui nous les rende propre en quelque facon a nous memes. Et je voudrai que les auteurs nous donnassent l'histoire de leurs decouvertes, par lesquelles ils y sont arrives. Quand ils ne le font point, il faut tacher de les deviner pour mieux profiter de leurs ouvrages" (Epistola III ad D. Bourguet, Leibnitii opera omnia, ed. Dutens, 1768, V. VI, p. 215).

Расставаясь с читателем, автор должен сознаться, что тема настоящего исследования увлекла его, и он мог, разрабатывая ее, cum pectore cogitare*. Его абсолютный скептицизм в области метафизики и критический метод исследования давали возможность его "интуиции", так сказать, свободно развиваться и завершаться на его глазах без постоянного вмешательства догматических умствований, по крайней мере в умышленной, сознательной форме. Однако, с другой стороны, вследствие новизны темы об изобретении в философии и ее исключительной сложности, автор оказался в силах дать только крайне несовершенный набросок той идеи, которая будет гораздо успешнее впоследствии разработана другими и принесет плодотворные практические результаты в области научного, технического и философского творчества. Книга сложилась постепенно из университетских лекций. Мои коллеги, ученые и ученики оказали мне в настоящей работе столь значительную помощь, что без их благожелательного, дружеского содействия книга никогда не была бы написана. Приношу им мою горячую признательность!

И. И. ЛАПШИН КАК ФИЛОСОФ,

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НАУЧНОГО

И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

В последние годы внимание исследователей русской философской мысли сосредоточивается по преимуществу на начале XX столетия. Появилась огромная литература, посвященная русским философам этого периода, принадлежавшим главным образом к религиозно-мистическому направлению. В гораздо меньшей степени повезло философам-идеалистам рационалистического направления, а тем более позитивистам и материалистам. Произошел явный перекос в сторону, противоположную тенденциям, преобладавшим в отечественной историографии еще какой-нибудь десяток лет назад. На место одной односторонности пришла другая. Тот подъем, который действительно наблюдался в философской жизни России конца XIX - начала XX в., отнюдь не укладывается в упрощенную формулу так называемого религиозно-философского ренессанса. Можно даже утверждать, что вне религиозно-мистического направления работало большинство тогдашних русских философов. К их числу относится Иван Иванович Лапшин (1870-1952).

До недавнего времени о жизни и творчестве Лапшина было известно немного, главным образом из работ по истории русской философии Б. В. Яковенко, В. В. Зеньковского и Н. О. Лосского. В 60-е гг. небольшая статья о Лапшине появилась в 5-томной "Философской энциклопедии". Одна страничка посвящена ему в многотомной монографии "История философии в СССР" (М., 1971, т. 4).

С начала 90-х гг. интерес к философскому наследию Лапшина вырос. В "Философских науках" были опубликованы его статьи: "Миф и диалектика в философии Платона" (1991, № 4), "Опровержение солипсизма" (1992, № 3), "Ars morendi" ("Искусство умирать") (1994, № 3). Вышедшие в последние годы словари по русской философии внесли существенные поправки в прежние трактовки философского наследия Лапшина.

Семья, в которой родился и вырос Иван Лапшин, - семья необычная. Его отец, с фамилией что ни на есть русской, был женат на швейцарской англичанке С. Д. Друэн. Его родители не просто интересовались модным в России второй половины XIX в. спиритизмом, но организовали кружок по изучению спиритических явлений, который посещал один из тогдашних лидеров "медиумического движения" академик А. М. Бутлеров. Бывали у Лапшиных и философы, в частности П. Д. Юркевич, В. С. Соловьев, А. А. Козлов. Это дает основание утверждать, что интерес к психологии и философии возник у Лапшина еще в раннем возрасте.

340

После гимназии Лапшин учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета (1889-1893), где в 1892 г. написал работу "Полемика между Гассенди и Декартом по поводу "Медитации", т. е. декартовского труда "Размышление о первой философии". Учитель Лапшина проф. А. И. Введенский решил оставить его при университете для приготовления к профессорскому званию и заботился, в частности, о том, чтобы его подопечный усовершенствовался в философских знаниях за границей, где Лапшин и побывал неоднократно. В 1898-1899 гг. он был в командировке в Англии, итогом которой стала его статья "Судьбы критической философии в Англии до 1830 г.". С 1897 г. Лапшин - приват-доцент университета и, следовательно, имел право периодически читать там, как бы мы сейчас сказали, "спецкурсы". В 1897/98 учебном году он прочел в качестве "введения" в курс истории философии XIX в. лекции на тему "О возможности вечного мира в философии", читал также курсы по истории педагогики, истории философии, по теории познания и психологии. С 1900 г. Лапшин преподавал логику в Александровском лицее, читал лекции в других учебных заведениях Петербурга.

В начале 1900-х гг. Лапшин становится заметной фигурой в философской жизни Петербурга. В Философском обществе при университете он прочитал два доклада: "О трусости в мышлении" и "О мистическом познании и "вселенском чувстве". На одном из этих докладов его оппонентами выступали, в частности, такие видные петербургские философы, как Н. Г. Дебольский, Л. Е. Оболенский, Н. О. Лосский, М. М. Филиппов, К. Ф. Жаков и др. В 1906 г. за труд "Законы мышления и формы познания" Лапшин получает сразу докторскую степень, хотя он представлял его на звание магистра. В 1913 г. он стал профессором университета, сменив на кафедре А. И. Введенского, и оставался в университете до 1922 г., в 1920-1922 гг. состоял также профессором Петроградского института истории искусств.

Однако в 1922 г. судьба Лапшина, как и ряда других русских философов, круто изменилась. Еще в начале этого года вроде бы ничто не предвещало беды. Статья Лапшина "Мистический рационализм Франка" ("Мысль", 1922, № 3) была представлена

как отзыв о книге С. Л. Франка "Предмет знания" (1915) в Российскую академию наук и удостоена денежной премии. Но в августе 1922 г. Лапшин был арестован и выслан за границу.

Мы не знаем, какими доводами руководствовались власти, высылая Лапшина из России. Он почти совсем не интересовался политикой и не участвовал в каких-то заметных политических событиях. В сочинениях конца XIX - первых двух десятилетий XX в. его политические симпатии едва-едва просматриваются, причем симпатии, похожие на либерально-демократические. Да и после административной высылки Лапшин не участвовал активно в политических акциях против Советской России, не одобряя, правда, как он выражался изредка, "нынешний анархизм". Но в сфере теоретической мысли он дистанцировался от марксизма решительно. Впрочем, с не меньшей решительностью Лапшин, ставший с 1923 г. профессором Юридического института, позднее - Русского института в Праге, полемизировал с другими своими

идейными противниками. До конца жизни Лапшин остался, однако, в рамках по преимуществу академической, университетской науки. Скончался он в Праге в почтенном возрасте - около 82 лет.

И. И. Лапшин - видный деятель русской "университетской" духовной культуры первой половины XX в. Весьма велика количественно и очень разнообразна тематически его "научная продукция". Перу Лапшина принадлежит около сотни работ, в том числе полтора десятка крупных трудов (книги и брошюры), по проблемам теории познания, логики, психологии, этики и эстетики, истории философии и педагогики. К сожалению, его наследие не получило пока адекватной оценки. Так, В. В. Зеньковский, признавая "поразительную эрудицию" Лапшина, вместе с тем утверждал, что эта эрудиция, "нередко обращающая его книги в сборники различных цитат, вероятно, и в его собственной творческой работе является балластом", что "читателя эта манера, во всяком случае, очень утомляет"1. Думается, что Зеньковский в данном случае хотел видеть в нем только собственно философа и ждал от него главным образом логически-стройного, "трактатного" способа изложения. Между тем Лапшин - не только философ, но и ученый "широкого профиля", тяготевший к энциклопедическому, системному подходу к духовной культуре.

Постепенно Лапшин приходит к выводу о наличии в каждую эпоху истории человеческой культуры известного единства стиля, соответствия между различными сторонами духовной жизни - философией, поэзией, музыкой, изобразительными искусствами и т. д., а также о взаимосвязи и взаимозависимости между наукой, искусством и моралью, об общем консенсусе культуры в национальном и мировом масштабе. Любые метафизические убеждения, этические и иные идеи он рассматривал как культурные явления, анализируя наряду с биологическими, психологическими, историческими и социальными факторами также специфические культурные предпосылки возникновения и функционирования философских, научных и прочих идей. Не случайно одна из работ Лапшина, опубликованная в 1935 г. на французском языке в Праге, носит название "Духовная синергия (мораль, наука и искусство в их взаимных отношениях)". В этой работе Лапшин анализирует противоречивую взаимосвязь трех сфер человеческой деятельности и восприятие трех сфер духовной культуры - науки, искусства и морали, которым, по Лапшину, соответствуют понятия истины, красоты и добра. Вне такой широкой установки Лапшина, которая имплицитно стала проявляться уже в первых его работах, невозможно адекватно воспроизвести и оценить и его собственно философскую позицию.

В своей трактовке философского знания Лапшин исходит из идеи принципиального различия между философией и религией, философским и богословским творчеством. Он отвергает мысль О. Конта о прохождении философии через теологический фазис и взгляд С. Н. Трубецкого на историю древней философии как на раскрытие религиозного миросозерцания, соглашается с трактовками Э. Роде и А. О. Маковельского,

1 Зеньковский В. В. История русской философии. В 2 т. Париж, 1950. Т. 2. С. 229.

согласно которым уже в Древней Греции философия и религия представляли собой две "независимые переменные".

Лапшин И. Философия изобретения и изобретение в философии filosoff.org Религиозный скептицизм - яркая черта мировоззрения Лапшина, особенно в контексте богоискательского поветрия в русском обществе начала XX в. "Дело положительных религий безвозвратно проиграно, и в дальнейшем прогрессе философии это будет выступать все яснее и яснее", - писал он, хотя при этом признавал, что "запас религиозных верований еще очень велик в человечестве"1.

Зеньковский упрекал Лапшина за то, что "у него нигде не выражены религиозные постулаты" и что "о моральной теме в отношении к миру нет и речи"2.

Что касается "религиозных постулатов", то в данном случае Зеньковский формально прав в констатации самого этого факта. А вот относительно "моральной темы" у Лапшина он не прав. Тема эта обширно представлена в его творчестве, но из сферы философского творчества мораль как ценностную установку он действительно выводил, полагая, что философия как наука (а именно такую концепцию он отстаивал) должна быть независимой от морали. Зеньковский особо выделяет антиметафизическую установку философской концепции Лапшина. "У Лапшина, - пишет он, - нет ни малейшего вкуса к метафизике, нет и потребности в ней. Это настоящее отречение от метафизики... За метафизикой чудятся ему неподвижные догматы, стесняющие свободную мысль; всякое "трансцендентное бытие" внушает ему почти суеверный страх"3.

Действительно, метафизику как науку о "вещах в себе", о "сверхчувственном", о "потустороннем" Лапшин отвергал, исходя из мысли о невозможности метафизики как доказательной области познания, разделял тезис А. Шопенгауэра: "Поскоблите немецкого метафизика и вы найдете богослова". Впрочем, русский мыслитель оставлял за метафизическими системами роль рабочих гипотез, имеющих некоторую эвристическую ценность.

Такая теоретическая установка Лапшина нашла выражение в его критике субстанциализма, в гносеологизме и соответственно антионтологизме. "Гениального Юма" он ценил за то, что тот "совершенно подорвал кредит, которым пользовалось в метафизике понятие субстанции, как в смысле трансцендентальной физической реальности, так и в смысле "души"4. Лапшин считал, что "отмахиваться от "гносе-ологизма" во имя какой-нибудь составленной на живую нитку "онтологии" - жалкая, беспомощная уловка!"5

Работа под руководством неокантианца А. И. Введенского, идейная перекличка с рядом конкретных принципов философии Канта, преобладание интереса к гносеологической проблематике, особенно к законам

1 Лапшин И. Психология эмоционального мышления Г. Майера // Новые идеи

в философии, № 16. С. 40.

2 Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 2. С. 230.

3Там же. С. 229,230.

4Лапшин И. Опровержение солипсизма // Философские науки, 1992, № 3. С. 27-29.
5Лапшин И. Гносеологические исследования. Выпуск 1-й. Логика отношений и силлогизм. Пг., 1917. С. 35.

343

мышления и формам познания в их взаимозависимости, к проблеме имманентизма и солипсизма в гносеологии давали и дают известные основания относить Лапшина к неокантианству, квалифицировать его философию как "критический имманентизм", или "феноменалистичес-кий критицизм". Но было бы слишком неопределенно характеризовать философию Лапшина лишь термином "неокантианство", как это сделал Н. О. Лосский. Тем более неправомерно приписывать Лапшину "неокантианство с иррационалистической тенденцией" (В. А. Малинин) или "эклектизм с увлечением феноменологией и позитивизмом" (А. Ф. Си-вак). Уж если пользоваться понятием "неокантианство" (под которым скрываются философы, во многом друг на друга не похожие), то следует дополнительно указать, что "кантообразная" философия Лапшина тесно связана с современными ему положительными науками: он широко пользовался методами биологического, психологического и исторического анализа, стремился смотреть на мир "строго с научной точки зрения". По его убеждению, "философия есть особая наука, не совпадающая по своему содержанию ни с одною из

положительных наук", но развитие философии, ее прогресс теснейшим образом связаны с эволюцией специальных областей научного знания, "философия есть своеобразная научная область духовной деятельности, она есть сфера познавательного, а не эмоционального мышления"1.

Сам Лапшин пользовался для определения своей философской концепции понятиями "критическая философия", "критицизм". Ее существо он сводил к следующим положениям: "Критическая философия должна иметь заветной целью гармонию духа. Такая гармония недостижима на почве метафизических, искаженных и односторонних концепций панорамы мира. Критицизм должен примирить логически все противоречия, которые получаются в нашем мировоззрении благодаря отступлению от принципа относительности. Критицизм не есть ни эмпиризм, ни рационализм, ни идеализм, ни реализм, ни монизм, ни плюрализм, ни скептицизм, ни догматизм. Не менее важной задачей для критицизма является раскрытие тех психологических и социальных причин, которые влекут философов к односторонним концепциям мира"2. В критицизме, по мнению Лапшина, мысль освобождается от "цепей догмы", под гнетом которых "философская мысль вянет, теряет свою свежесть и свой творческий размах".

Критицизм Лапшина, связанный во многом с субъективизмом теоретико-познавательных принципов Канта и прежде всего с его учением о "вещах в себе", уживался, однако, с объективными естественно-научными взглядами на природу. Не без оснований Зеньковский признавал, что свой "критический феноменализм" Лапшин сочетает с "эмпирическим реализмом". Отвергая по-кантиански применимость форм мышления к "вещам в себе", Лапшин считал, что эти формы применимы к "внешней" природе (которая есть явление) и что эти формы суть не только законы познания, но и законы природы3.

1 Наст. изд. С. 5, 7.

2 Лапшин И. Опровержение солипсизма // Философские науки, 1992. № 3. С. 41.

3 См.: Лапшин И. И. Законы мышления и формы познания. Спб., 1906. С. 197.

344

Лапшину казалось, что идея "неисчерпаемости явлений" - это достаточное основание, чтобы представить природу во всем ее объеме, во всей ее сложности. Природа - не "мертвый механизм", "ни один критически мыслящий естествоиспытатель не выдает природу за "слепок", за "бездушный лик", но строго отличает мысленную "модель" природы от бесконечной сложности ее конкретного индивидуального содержания"1. Свой "критицизм" с его идеей "неисчерпаемости явлений природы" философ ставил выше всех "бледных метафизических схем", поскольку он, по его убеждению, давал возможность "почувствовать всю красочность бытия". "Любование миром в целом" - одна из характерных ценностных установок Лапшина в его "модели" природы.

В философской концепции Лапшина на первом плане была теория познания, которой посвящены работы "Мистическое познание и "вселенское чувство" (1905), "Законы мышления и формы познания" (1906), "Проблема "чужого я" в новейшей философии" (1910), "Гносеологические исследования" (1917), "Опровержение солипсизма" (1924) и др. В этих работах можно выделить несколько наиболее существенных для его "критической теории познания" проблем.

Прежде всего философа интересовала проблема соотношения формальной логики и гносеологии. В работе "Законы мышления и формы познания" Лапшин поставил вопрос о теории познания как основе формальной логики. Хотя формальная логика, писал он, опирается на законы мысли и считается системой законов, не зависящих от критической теории познания, законы мышления опираются на формы познания и помимо признания необходимости последних не имеют права на существование2.

В "Гносеологических исследованиях" эта мысль получила дальнейшее развитие, причем в сферу анализа им была включена еще и символическая логика. "Основания современной логики, - доказывал Лапшин, - лежат в гносеологии, и, помимо последней, нечего и думать реформировать логику. Еще менее возможно заменить гносеологию и гносеологическую логику логистикой"3.

По Лапшину, теоретической логики, рассматривающей общее учение о доказательствах

вне гносеологического и метафизического обоснования, не существует и не может существовать. При этом он выступал против двух, как ему представлялось, крайностей. Во-первых, против "магии символов", превращения суждений в математические равенства, уравнения и неравенства, против манипулирования над символами, отрешенными от общедоступных форм высказывания, против замены всего, созданного Аристотелем, Платоном, Кантом или Гегелем. Лапшин отверг основную идею логики С. И. Поварнина, стремившегося построить общую теорию несиллогических умозаключений, как несостоятельную, осмеяв его "бунт" против Платона и Аристотеля, Лейбница и Канта4.

1Лапшин И. И. Законы мышления и формы познания. Спб., 1906. С. 210.

2 См. там же. С. 152.

3Лапшин И. Гносеологические исследования. С. 35.

4 См. там же. С. 82.

345

Во-вторых, Лапшин высказывался против нигилистического отношения к символической логике, выраженного, например, английским логиком Мерсье, который заявлял, что "математическая логика есть математика, сошедшая с ума". Символическую логику Лапшин принимал при определенных условиях. "В тех случаях, - писал он, - когда сочинения по символической логике пишутся людьми с оригинальным философским складом ума (особенно выдающимися математиками) и когда подобные сочинения не претендуют упразднить и заменить собою гносеологическую логику, они представляют высокий философский интерес... который открывает для философской мысли новые, нередко совершенно неожиданные и плодотворные перспективы. О том свидетельствуют блестящие труды де Моргана, Пирса, Шредера, Порецкого, Ресселя и других"1.

Как же конкретно реализовывал Лапшин свои исходные положения о соотношении логики и гносеологии? Главной проблемой стала проблема отношения законов мышления к формам познания, вопрос о том, возможно ли применение этих законов к "вещам в себе". При этом идея Лапшина о зависимости законов мышления от форм познания основывалась на учении Канта о различии аналитических и синтетических суждений2.

По Лапшину, мышление невозможно без логических законов, прежде всего закона противоречия. Последний является ключевым положением аналитических суждений, т. е. суждений, в которых понятие сказуемого уже заключено в понятии подлежащего; закон противоречия есть критерий истины. Именно на тезисе о невозможности применения законов мышления к "вещам в себе" Лапшин построил доказательство невозможности метафизики как науки.

Правда, при этом он несколько колебался. То в духе кантовского агностицизма он высказывал сомнения относительно возможности применения законов мышления к "вещам в себе", то более категорично отрицал их приложимость к трансцендентной реальности и соответственно возможность метафизики.

У Лапшина как теоретика познания было два главных противника - "догматические идеалисты", для которых бытие дано в сознании, а вне сознания его нет (Декарт, Мальбранш, Беркли, Фихте, Шеллинг, Гегель, Шопенгауэр), и "догматические реалисты", для которых сознание возникает из абсолютно бессознательного, из материи (Лавуазье, Ламарк, Спенсер, Дюринг). Не приемлет Лапшин также ни позитивизма Конта, ни гилозоизма Бюхнера, ни панпсихизма Геккеля, Вундта, Фуйе (Фуллье), Гюйо. Решение проблемы бытия и мышления он предлагал, опираясь опять же на идею о неприложимости законов мышления к "вещам в себе". "Весь вопрос, между тем, - писал он, - разрешается весьма просто, если мы признаем, что нам неизвестно, распространяются ли законы мысли, в частности закон исключенного 3-го, на вещи в себе. Тогда реальность всего прошлого мира, как я ее реконструирую на основании закона причинности, представляется буквально такою же, какова реальность

1 Лапшин И. Гносеологические исследования. С. 36.

2 См.: Лапшин И. И. Законы мышления и формы познания. С. 176.

центра Земли, той стороны Луны, которая нам не видна, и т. д., т. е. реальностью, закономерно восполняемой моим воображением согласно контексту данных опыта. Соответствует ли этой реальности эволюция вещи в себе во времени или нет - этого, разумеется, решить невозможно, но этого нет и надобности решать для эмпирически данной эволюции"1. Однако Лапшин готов допустить возможность материалистического подхода, когда затрагивает вопрос о возникновении сознания: "Что же касается, так сказать, самопроизвольного зарождения сознания из материи, то такое начало сознания совершенно немыслимо для нас внутри нашего сознания, хотя нет ничего невозможного в том, что материальная вещь в себе породила сознание: по крайней мере, ровно столько же возможен материализм, как и учение об идеальности времени"2.

Авторы, освещая философию Лапшина, особо выделяют его концепцию "чужого я", или "множественности сознаний". Лапшин выделил шесть возможных "догматических" решений этой проблемы: наивный реализм, материализм, гилозоизм, монистический идеализм, монадология, солипсизм. Принципиально не приемлемая для него идея - это вера в трансцендентность "чужого я": подобно тому как недоказуемо существование "вещей в себе", считал он, так недоказуема и трансцендентная реальность "чужого я". Но Лапшин убежден, что проблема "чужого я" может быть разрешима на основе строго научного, теоретического метода критической философии, не уклоняющейся в сторону ни скептицизма, ни мистицизма, ни фидеизма, ни догматической метафизики. Противопоставляя всем другим гносеологическим учениям свою "имманентную точку зрения на мир", философ верил, что она одинаково чужда и рациональной, и иррациональной, т. е. мистической, метафизике, и выдвигал тезис не о трансцендентной, а об "имманентной реальности чужого "я". Он предлагал заменить понятие "трансцендентного чужого я" "имманентным представлением о плюрализме сознаний", которые координируются "под одним гносеологическим субъектом"3.

Эту концепцию Зеньковский называет "абсолютным имманентиз-мом" и так оценивает ее: "Лапшину явно не удалось разрешить проблему чужого "я" в пределах абсолютного имманентизма, и это означает, по его собственному признанию, шаткость всей его системы. За Лапшиным остается, таким образом, та заслуга, что своим reductio ad absurdum он вскрыл с полной убедительностью невозможность принять систему абсолютного имманентизма"4.

Но данная оценка весьма неадекватна. Абсолютный имманентизм постулирует, что объект, объективный мир являются внутренним содержанием сознания, субъекта, что объекты не существуют вне сознания, что бытие имманентно сознанию, при этом знание об объектах отождествляется с самими объектами, а сознание превращается в единственную реальность. Лапшин же одним из условий "рационального познания" считал тезис о противоположности объекта и субъекта и всячески открещивался от солипсизма5. В его понятии "одного

1См.: Лапшин И. И. Законы мышления и формы познания. С. 123.

2Там же. С. 123-124.

3Там же. С. 87.

4Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 2. С. 235.

5 См.: Лапшин И. Мистическое познание и "вселенское чувство". Спб., 1905. С. 2, 29.

гносеологического субъекта , под которым координируется множество сознаний", просматривается вполне рациональная мысль о том, что познающий субъект - это не "чистое", одинокое "я", а "я", представляющее все другие "я", "множественность сознаний". Его "имманентная точка зрения на мир" есть протест против отрыва субъекта от объекта и фактически отражает стремление мыслителя представить гносеологический субъект активным по отношению к объекту. В этом отношении показательно то, что Лапшин воспринял идею "эстетического одухотворения", или "вчувствования", которая стала составной частью его концепции "чужого я".

Согласно концепции "вчувствования", "я" объективирует, или проектирует, в предмет себя, переносит свою психику на изображаемые объекты. Концепция "вчувствования" дает возможность представить себе пределы активности "гносеологического субъекта" Лапшина в его версии "имманентной точки зрения на мир". Эта точка зрения не является, вопреки мнению Зеньковского, "абсолютным имманенти-змом", поскольку у Лапшина субъект и объект не тождественны; в то же время, становясь как бы на позицию творения объекта субъектом как неким координатором "множественности сознаний", он дистанцируется от пассивно-созерцательных философских концепций, ставящих гносеологический субъект в полную зависимость от объекта.

Представление об основных чертах "критического мировоззрения" Лапшина дает возможность более адекватно оценить и философское содержание публикуемого в данном издании его фундаментального труда "Философия изобретения и изобретение в философии".

Этот свой труд автор не без оснований считал первым опытом введения в историю философии, хотя попытку написать "введение в историю философии" он предпринял еще в курсе лекций, прочитанных в Петербургском университете в 1897-1898 гг. В последующие годы, занимаясь философской теорией, Лапшин много внимания уделял также истории философии.

Уже в первых своих работах Лапшин акцентировал внимание на проблеме негативного влияния "эмоций" на теоретическое мышление. Речь шла о психологических, моральных, религиозных, практических и иных мотивах, которые побуждают того или иного философа держаться за свои взгляды, независимо от того, насколько эти взгляды представляются ему истинными. Лапшин признавал, что эту тему подсказала ему книга Вальдштейна "Баланс эмоций и интеллекта", вышедшая в Лондоне в 1878 г., и он решил развить ее, усмотрев именно в истории философии ключ к ответу на вопрос, как избежать негативного влияния "эмоций" на теоретическое мышление. "Мы должны располагать, - доказывал он, - широким историко-философским образованием. Широкое историко-философское образование содействует развитию привычки становиться на чужие точки зрения, а эта привычка содействует диссоциации между определенными эмоциями и теоретическими принципами". "История философии сообщает не только широту нашим воззрениям, но нейтрализует влияние эмоций в качестве "уклонителей нормальной мысли"... Вдумчивое изучение истории философии служит коррективом про-

348

тив эмоций в мышлении"1. В книге "Философия изобретения и изобретение в философии", рассматриваемой именно как введение в историю философии, Лапшин развил эти свои исходные теоретические установки.

Свою задачу Лапшин видел в том, чтобы исследовать собственно творческую деятельность человека, реконструировать творческий процесс в науках и философии в его типических формах. При этом он стремился исследовать природу творчества с аксиологической, оценочной, точки зрения: его интересовали не результаты творческой работы, как таковые, а именно процесс открытия, который он назвал (правда, не очень удачно) "изобретением мысли", "конструкцией нового научного понятия".

В предисловии к книге Лапшин выражал надежду, что "изучение научного, технического и философского творчества может оказывать косвенным образом полезное влияние на самый процесс изобретения". В конце же второго тома автор неожиданно высказал сомнение в полезности изучения творчества: "Научное постижение творческого процесса в науке губительно вредно для самого ученого, и чем вернее психологический и философский анализ охватывает основные черты процесса, тем хуже будет воздействие подобных знаний на самочувствие ученого. Может быть, и для ученого в данном случае "в глубоком знании счастья нет".

Думается, что в первом случае Лапшин был более прав: проведенное им изучение механизма творчества помогает осмыслить не только то, "как это происходит", но и то, "как это нужно делать".

Автор использует разные понятия, с помощью которых он исследует сам механизм творчества, условия, влияющие на процесс творчества, на творческие способности личности, ее творческую продуктивность и т. д. ("культура аффективно-волевой

стороны творческой личности", ее "комбинационное поле" и др.); в основу способности к творчеству, к "изобретательности" он кладет "комбинационный дар" личности, богатство, подвижность и гармоническую организованность разрозненных рядов его мыслей и образов. В центре его внимания оказываются многочисленные и самые разнообразные психологические и социологические факторы, так или иначе обусловливающие, позитивно или негативно влияющие на формирование личности, процесс творчества и его результативность.

Лапшин обращается к спорной в конце XIX - начале XX в. проблеме влияния наследственности и социальной среды, в частности воспитания, на формирование творческой личности, к вопросу о том, является ли гениальное "изобретение" (открытие) продуктом благоприятного стечения социальных условий или оно есть результат наследственности.

По его мнению, крупное дарование, проявившее особую творческую продуктивность, способность к открытиям ("изобретениям"), может представлять собой сочетание различных дарований, свойственных его предкам. Так, по его словам, один из предков Бетховена мог обладать тонким слухом, другой - исключительной музыкальной памятью и т. д.

1 Лапшин И. О трусости в мышлении. Приложение I к его книге "Законы мышления и формы познания". Спб., 1906. С. 318, 319.

349

"Комбинационное поле" творческой личности, ее возможности, по Лапшину, расширяет специфическая наследственность, обусловленная удачным смешением различных рас, народов, племен и сословий. Лапшин отрицал какие-либо исключительные творческие способности у представителей отдельных наций, причислявшихся к народам якобы особо одаренным. Он - противник национализма во всех его проявлениях: критиковал Канта, отказывавшего русским в творческой "изобретательности", Фихте, ставившего немцев превыше всех народов по одаренности, Гегеля, признававшего только две философии - греческую и германскую, Дюринга, который смотрел на славян и евреев как на расы низшего порядка.

У "комбинационного поля" личности, по Лапшину, есть также важные социологические предпосылки. Он соглашался с Гельвецием, который подчеркивал огромное значение социальных условий в научном творчестве.

В понятие "социальные условия" Лапшин включает географическую среду и экономический фактор. Так, с его точки зрения, регионы с однородным населением менее благоприятны для пробуждения творческой деятельности, чем портовые города: в последних жили и творили, например, Кант, Шопенгауэр, Конт. Путешествия значительно расширили кругозор многих древнегреческих философов, Декарта, Локка, Юма, Шопенгауэра, Ницше.

В книге университетского "аполитичного" философа Лапшина несколько неожиданно оказываются положения, вполне соответствующие принципам "классового подхода". Он высказывал сожаление, что "еще не существует работы, которая поставила бы своей задачей определить общественное и классовое происхождение философов"1. Только счастливая случайность, считает Лапшин, вывела "в люди" некоторых мыслителей из непривилегированных семей (Дж. Бруно был сыном солдата, В. Кузен - угольщика, Дж. Милль - сапожника, Фихте - тесемоч-ника).

К числу важных, но неразработанных Лапшин отнес вопрос о роли экономического фактора в процессе создания философских систем. В то же время он отвергал вульгарный социологизм. Он осмеял, например, попытку немецкой социал-демократической газеты "Neue Zeit" объяснить "философию бессознательного" Гартманна тем, что буржуазия начинает-де терять свое сознание. И все-таки односторонние концепции мира Лапшин стремился объяснить их обусловленностью не только познавательными и не только психологическими, но и социальными причинами.

Общий культурный и философский уровень эпохи, по Лапшину, - еще один сильный фактор, влияющий на формирование творческой личности. Так, на творческие возможности личности оказывает влияние принадлежность к определенной философской школе: у Сократа учился Платон, у Платона - Аристотель, у Сен-Симона - Конт и т. д. Встречаются, однако, и самоучки (Лейбниц). В число "факторов влияния" Лапшин включал "круг чтения" той или иной выдающейся личнос-

1 Наст. изд. С. 20.

ти. Существенным стимулом к творчеству он считал даже признание со стороны образованных людей, подготовленных к пониманию новых идей.

Но больше всего в книге Лапшин уделяет внимание анализу психологических факторов, влияющих на формирование творческой личности, процесс творчества и его результаты. Он тщательно исследует процесс пробуждения и развития творческих способностей индивидов, появление у них склонности к логическому анализу, способности наблюдать, запоминать, увлекаться какими-то явлениями, зарождение научных интересов. Автор показывает роль творческой, а не исключительной (механической) памяти, воображения, фантазии, творческой мысли и воли, дара перевоплощения, плюсы и минусы сомнения и скептицизма в процессе творчества. А вот существование "творческой интуиции" как особого творческого акта Лапшин отрицал. По его мнению, нет такого интуитивного творческого акта, "который не разлагался бы без остатка на переживания чуткости (т. е. памяти на чувства ценности или значимости известных образов, мыслей или движений), проницательности (т. е. умения пользоваться этими чувствами в комбинационной работе воображения, мышления и двигательных процессов) и чувства целостной концепции"1.

В процесс творчества, считал Лапшин, могут вмешиваться негативные причины психофизического характера (неудовлетворительность в развитии какой-либо из наклонностей, болезнь, влияние возраста и т. п.), а также причины социологические (давление церковно-религиоз-ных традиций, политический гнет, общественные предрассудки, неблагоприятные экономические условия).

В начале XX столетия, когда в России широкое распространение получила религиозно-философская литература, в которой нередко эклектически смешивались богословские и философские понятия, весьма актуальными были высказывания Лапшина о принципиальных различиях между богословскими и философскими "изобретениями".

Религиозное творчество, считал Лапшин, носит глубоко эмоциональный характер, основатели мировых религий были не ученые, не систематизаторы, а творцы новых религиозных ценностей. Поэтому история философии включает имена Сократа, Платона, Канта, но в ней нет места для Моисея, Магомета или Иисуса. "Богословская изобретательность заключается в искусстве упорядочения и систематизации в форме известной догматики религиозного учения, которому положил начало основатель известной религии. В богословской мысли есть своя внутренняя логика и свое диалектическое развитие, но для разработки религиозного учения самою его природою положены известные грани - чудо, тайна и авторитет. Всякий раз, когда богословское мышление близко подходит к этим граням, оно неизбежно умышленно или чаще неумышленно подменяет логику разума логикой чувств"2.

Лапшин решительно возражал против смешения философского и художественного творчества. Он прекрасно знал, что в XIX в. между

1 Наст. изд. С. 219. 2 Там же. С. 9.

искусством и философией возникли отношения взаимопроникновения: "С одной стороны, величайшие поэты, художники и музыканты сознательно вносят философский элемент в свое творчество (Бетховен, Вагнер, Гёте, Бёклин и т. п.). С другой стороны, Фихте, Шеллинг, Гегель, Шопенгауэр, Либманн, Фейербах, Штраус, Гюйо, Соловьев и Ницше обнаруживают поэтическое дарование, которое у некоторых достигает значительной силы"1.

Но, допуская особое значение художественных моментов в философском творчестве, Лапшин тем не менее утверждал, что "философия-искусство" не должно упразднять "философию-науку". Он ориентировался на строго научную доказательность, согласие с данными опыта, противопоставляя такую философию, в частности, "поэтической" натурфилософии романтиков. "Для философов, чрезмерно тяготеющих к не свойственному им роду творчества - поэтическому, есть опасность превратить философию в "госпиталь для неудавшихся поэтов", по меткому выражению Новалиса"2.

В произведениях философов, являвшихся одновременно художественно одаренными натурами (Платон, Ницше и др.), Лапшин призывал отделять эстетическую оболочку от имеющего научное значение ядра.

Специфика "изобретательности" в философии, т. е. собственно философского творчества, - центральная проблема рассматриваемого труда Лапшина. "Философское изобретение", по Лапшину, - поздний плод человеческой культуры. Исходным пунктом для философской изобретательности, ее источником является не религиозный инстинкт (как у Ре-нана), не метафизическая потребность (как у Шопенгауэра), а философская любознательность, "великая философская страсть удивления человека перед самым фактом его бытия, перед загадками познания и деятельности, перед вопросом о сущности мира и цели бытия..."3. Философское творчество - это "мучительно-радостный процесс".

Изречения, пословицы, загадки - весь этот "философский фольклор", по Лапшину, представлял зачатки литературных форм, в которых первоначально проявляется философская изобретательность. Афоризм - простейшая форма выражения философской мысли. В образе, метафоре предвосхищается философская идея. Диалог представляет собой вторую, а система - третью форму философского изобретения. "Гносеологическое изобретение" - это освещение или уяснение какой-нибудь отдельной категории: идея изменения у Гераклита, идея постоянства у элеатов, таблицы категорий у Платона, Аристотеля, Канта, Гегеля, теории доказательства Аристотеля и т. д.

С логической же точки зрения в философии изобретения Лапшин выделяет "рационализм, эмпиризм и мистицизм", которые соответствуют "трем категориям модальности", т. е. суждениям в зависимости от того, как они выражают необходимость, действительность или возможность какого-либо явления. Во-первых, это необходимый, "аподиктичес-

1 Лапшин И. Законы мышления и формы познания. С. 209.

2 Там же. С. 210.

3 Наст. изд. С. 33.

352

кий", момент - известная система рациональных принципов и методов. Эту сторону выдвинул на первый план рационализм; во-вторых, момент "ассерторический", а именно эмпирические данные, факты внешнего и внутреннего опыта. Этот момент выдвигает на первый план эмпиризм; в-третьих, "проблематический" момент, догадка, "интуиция", чему в логике соответствует гипотеза. "Теория изобретения, - считает Лапшин, - может быть научно обоснована только путем гармонического объединения трех указанных моментов на почве критической философии и психологии"1.

"Философское творчество, - согласно обобщенному определению Лапшина, - есть одушевляемая пафосом бескорыстная пытливость человеческого духа в стремлении к установке наиболее адекватного действительности понятия о мире явлений и предвосхищению наиболее высокого и действенного социального идеала путем достижения наивысшей полноты, широты и глубины знаний, образующих органическое единство и выраженных в ясной и внушительной форме"1.

Свой труд "Философия изобретения и изобретение в философии" Лапшин завершил к концу 1921 г., однако некоторые идеи относительно характера научного, философского, художественного и иных форм творчества просматриваются и в его более ранних работах. В сочинениях же, написанных позднее, идеи этого труда получили дальнейшее развитие, особенно в его книге "Художественное творчество" (1922). Если раньше Лапшин много писал об отличиях философского творчества от художественного, то теперь он акцентировал внимание на специфике художественного творчества и его отличии от философского.

Значителен вклад Лапшина в исследование литературно-эстетических и философских взглядов русских писателей: здесь особенно выделяются его работы о Достоевском, Пушкине, Л. Толстом. В соответствии со своей общей концепцией трактовки соотношения мировоззрения художника и философа Лапшин настаивал на том, что о

"мирочувствовании" Толстого или Достоевского необходимо писать в ином смысле, нежели о миропонимании Аристотеля или Спинозы. В своих эстетических штудиях Лапшин обращал внимание в первую очередь на проблемы, поставленные его теорией творчества, его интересуют такие темы, как артистическая наблюдательность, значение сновидений для развития творческой фантазии; вдохновение, радость творчества, процесс формирования творческого типа, историческая интуиция, соотношение научного творчества и художественности; творческая оригинальность и др.

К фундаментальным трудам Лапшина "Философия изобретения и изобретение в философии" и "Художественное творчество" тематически примыкает его очерк "Бессознательное в научном творчестве" (1929). В этой работе он сконцентрировался на проблеме "бессознательного". Как рационалисту ему претил усилившийся в Европе после первой мировой войны разгул мистики и иррационализма. Впрочем, и прежний пафос полемики против "рассудочного рационализма" у Лапшина не остыл. Целью его исследования стало обоснование возможности пра-

1 Наст. изд. С. 335. 2Там же. С. 297-298.

вильного психологического и философского истолкования научного (в том числе философского) творчества. Объектом своей критики Лапшин избрал концепцию "метафизического бессознательного". Но от понятия "бессознательное в научном творчестве" он не отказался, считая, что в трех аспектах оно имеет вполне рациональный смысл: 1) процессы "смутно сознаваемые, непознанные"; 2) "психические процессы неумышленные, непреднамеренные, совершаемые как бы без участия воли"; 3) "процессы физиологически-бессознательные, т. е. телесные, а не душевные"1. Автор пришел к выводу о мнимом характере наследственности бессознательных представлений, допуская возможность существования "бессознательных чувствований" и бессознательного в фантазии, сновидениях, в процессе творчества.

Очерк заканчивается примечательной филиппикой в адрес философов-метафизиков: "Самым мощным мотивом к допущению "абсолютно бессознательного" является несомненно "метафизическая потребность", неудержимое стремление философов гипостазировать "человеческое - слишком человеческое" в особые сущности и проецировать эти сущности на экран потустороннего мира, мира "вещей в себе". Во что бы превратилась без участия Абсолютно-Бессознательного творческая деятельность таких "мифологических существ", как "Абсолютное Я" Фихте, "Мировая Воля" Шопенгауэра, "Мировая Фантазия" Фрошган-нера и Фаусета, "Жизненный порыв" Бергсона и т. д.? Бессознательное - clef de voflte (основа, базис, главное) во множестве метафизических построений"2.

В 1944 г. Лапшин публикует сделанный в существовавшем тогда в Праге кружке по истории русской культуры доклад "О своеобразии русского искусства", который можно считать его крупным не только искусствоведческим, но и культурологическим исследованием. Некоторые положения и выводы доклада Лапшина и сейчас сохраняют свою актуальность. В противовес Шпенглеру, осуждавшему Петра I за то, что он своими реформами якобы исказил русский народный инстинкт, отделявший "матушку Россию" от Европы, Лапшин отстаивал мысль о том, что в новое время русское искусство развивалось в тесной связи с западноевропейским искусством и что ошибочная концепция исторической обособленности России, ее отрыва от Европы явно противоречит всей истории русской культуры как составной части европейской культуры. Он считал, что оригинальность русского искусства имеет те же особенности, что и оригинальность германского, французского, итальянского, английского и испанского искусства. Тему определенной культурной отсталости России Лапшин не обошел, признавал ее. Однако историческая отсталость России в этом отношении, считал Лапшин, возмещается необычно ускоренным темпом ее культурного развития в XIX и XX вв., сначала в области литературы, затем музыки и изобразительного искусства. В ряде случаев выдающиеся деятели русской культуры порой упреждали культурные достижения Запада.

1См.: Воля России, 1929. № 1. С. 41-42. 2 Там же. №3. С. 38.

Правда, Лапшин не избежал некоторого преувеличения в оценке мирового значения

русского искусства. Признавая его "плотью от плоти, костью от кости" европейской культуры, он видел в нем своеобразный итог развития всего европейского искусства. Но в целом Лапшин отрицательно относился к "национальному чванству" в сфере культуры, считал, что наше "так называемое национальное самосознание" должно быть осмыслением и оценкой художественных произведений не только с "русской точки зрения", но и критической объективной самооценкой своих достижений с учетом признания их другими народами.

Переосмысливая высказывания многих мыслителей (Гегеля, Прудо-на, Ницше, Шпенглера, Герцена, Тургенева, Достоевского и др.) о "конце искусства" и особенно точку зрения П. Л. Лаврова о несовместимости научного прогресса и развития искусства, Лапшин чисто теоретически примкнул к его "предречению" об умирании искусства. Но за более чем полувековую свою деятельность в сфере теории научного, философского и художественного творчества и истории искусства Лапшин сделал очень много для того, чтобы этот, по крайней мере преждевременный, тезис фактически опровергнуть и войти в историю русской духовной культуры не только в качестве профессионального философа и психолога, но и выдающегося теоретика творчества и культуролога.

В. Ф. Пустарнаков

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуется по изданию: Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии (Введение в историю философии). Т. 1-2, 2-е изд. Прага: Пламя, 1924. 1-е издание этого самого обширного и основательного труда И. И. Лапшина вышло в 1922 г. (Пг.: Наука и школа).

В настоящем издании сохраняются все особенности авторского написания имен, терминов, оформления используемой библиографии, стилистической пунктуации. Исправлены случаи отступления от предложенного автором написания имен или терминов, явные опечатки, устаревшее правописание. В примечания включен перевод иноязычных слов, выражений, отрывков, если он отсутствует в авторском тексте.

С. 8.* сердцевину всей системы (нем.).

** первопричиной (лат.).

С. 10.* "весь мир" ("все") (фр.).

С. П.* "Талантов и так называемых особых дарований у человека нет" (нем.).

** одним скачком (лат.).

С 14. * Речь идет о книге Э. Ренана "Воспоминания о детстве и юности" (1883).

** практичность (фр.).

*** свободное вето (лат.). В Польше в XVII-XVIII вв. право наложения запрета на решения сейма со стороны любого его члена.

С. 15.* определенный и несомненный признак сумасшествия (фр.).

** "Вообще говоря, демоны древних во многом разнились друг от друга; так, у Сократа демоны были удерживающие, у Цицерона на его смертном одре - увещевающие; бывают среди них и поучающие о том, что должно наступить в будущем, посредством снов, животных, различных случаев, побуждения идти в определенное место, иллюзий, действующих на одно или несколько чувств одновременно... Точно так же бывает, что духи воздействуют и через посредство не только естественных, но и сверхъестественных явлений; в последнем случае мы считаем, что дух, проявляющий себя таким образом, наиболее примечателен..." (Кардано Док. О моей жизни. М., 1938. С. 220-221. Пер. с лат. Ф. А. Петровского. Курсив И. И. Лапшина.)

*** призрак умершего (букв, "стучащий дух") (фр.).

**** "Укажи, что должен делать я, / Чтоб выполнить волю твою. / Ведь ты мой непреложно истинный Бог. / Пусть твой дух снизойдет до меня, / Направит и поведет меня по правильному пути" (фр.).

С. 16.* в отрицательном смысле (лат.).

** угодный человеку демон (греч.) (по Стобею: нрав человека - его демон).

356

*** "малые перцепции (восприятия)" (лат.), "что есть, что было, что придет (наступит)" (лат.).

**** "ощущать в себе знамения демонов" (греч.).

***** "во введении также демонов" (греч.).

****** "Мне кажется, что голос демона, божественный голос, дает мне знать, что нужно делать" (греч.).

С. 17.* "Меня часто исправляет голос, кричащий мне на ухо: / Не дай себе преждевременно состариться, / он хранит меня в проступках от смешных крайностей и тем ведет" (лат.).

** Из стихотворения А. С. Пушкина "Поэт" (1827).

С. 19.* пророческой (сверхъестественной) мании (греч.).

С. 23.* "в уголке с книгой" (лат.).

** "заядлый читатель" (англ.).

*** "исключительную страсть к книгам" (англ.).

**** "гигиену мозга" (фр.).

С. 24. * самого мыслителя (нем.).

С. 25.* признаки проявляющегося гения (англ.).

** отчасти оскорбительной (англ.).

*** "Вставайте, господин граф, вас ждут великие дела" (фр.).

**** "быть чем-то особенным" (нем.).

С. 26. *"Басня о тебе рассказывается" (лат.).

** "Русским суждено отсутствие творческого духа, так что они не в состоянии даже его развить и науки у них постоянно вымирают" (нем.). (Кант в "Антропологии..." уточняет эту мысль следующим образом: "Россия еще не то, что нужно для определенного понятия о природных задатках, готовых к развитию" (Соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 572).

С. 28. * По-видимому, опечатка: вместо "Баум, Гофф" должно быть "Вант-Гофф".

С. 29. * Имеется в виду сочинение Дж. Беркли "Трактат о началах человеческого знания" ("A treatise concerning the principles of human knowledge", 1710). В тексте ошибочно названо сочинение Д. Юма "Трактат о человеческой природе" (1739-1740).

** "Совпадение относится к наиболее курьезному в истории философии" (англ.).

*** "Следует признать, что искусство изобретательности у людей все более утверждается, а также растет и приумножается вместе с самими изобретениями" (лат.) (см. Бэкон Ф. Новый органон. Афоризмы об истолковании природы и царстве человека, CXXX).

С. 30. * "Эпикурейцы - лучшие натурфилософы из всех мыслителей Греции" (нем.).

**"картину мира" (нем.).

С. 34.* "сознание вообще" (нем.).

**Боже, защити, Боже, храни кайзера (нем.).

С. 36.* ранним гением (лат.).

С. 38.* "Поистине, прекрасна даже дикая природа! Часто возносил я хвалу за нетронутую красоту этих мест Господу, Творцу" (нем.).

**"О, юноша безрассудный, не умеющий хранить секреты,/Верь мне, умолчание требует большого труда" (лат.).

***подменены (нем.).

С. 39. * как о чем-то находящемся отдельно, впереди (шпал.).

С. 40. * основным устремлением личности (фр.).

357

С. 41. * процесс вглядывания в себя (фр.).

С. 42. * Речь идет о следующих пародийных работах Г. Т. Фехнера: "Средство защиты для холеры", "Доказательство того, что Луна состоит из иодина", "Сравнительная анатомия ангелов".

С. 43.* индивидуальным суверенитетом (нем.).

С. 44. * в спокойном сне (лат.).

С. 45.* Эврика (Нашел) (греч.).

** предзнаменование (свидетельство) счастливого будущего (лат.).

*** "Этот день определил мою жизнь" (фр.).

С. 46. *на празднике в честь бога Диониса (греч.).

** математическим неистовством (одержимостью математикой) (лат.).

*** логическое неистовство (одержимость логикой) (лат.).

**** историческое неистовство (одержимость историей) (лат.).

***** поэтическому неистовству (итал.).

С. 48. * в большем масштабе (фр.) (цитируется сочинение "Рассуждение относительно метода достоверности и искусства изобретения").

С. 49.* соотносительное внушение (англ.).

**"Способность наблюдать (высмотреть) сходное в вещах мы называем изобретательностью" (лат.).

***"Дух, который постоянно отрицает" (нем.) (слова Мефистофеля из "Фауста" Гёте).

С. 52.* каминной философии (нем.).

** доведение до нелепости (лат.).

*** "Мыслю, следовательно, существую" (лат.).

С. 54.* сверхтребованием (лат.).

** Из стихотворения М. Ю. Лермонтова "Молитва" (1839).

С. 57.* стержневая идея (фр.).

С. 59. * Здесь и далее имеется в виду мусульманское летосчисление.

С. 60.* методическое (методологическое) сомнение (фр.).

** ученое незнание (умудренное неведение) (лат.).

С. 61. * устранение своего суждения (здравого смысла), чтобы дать место

вере (фр.).

С. 62.* Персонаж одноименной драмы Г. Ибсена (1866). **

"Год Благодати 1654

Понедельник 23 ноября, день святого Климента...

Приблизительно от половины одиннадцатого до приблизительно половины первого ночи.

Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, а не Бог философов и ученых.

Уверенность, уверенность, волнение, радость, мир, величие человеческой души...

Полное и кроткое отречение.

Полная покорность Иисусу Христу и моему духовнику" (см. Паскаль Б. Мысли. М., 1995. С. 327-328. Пер. с фр. Ю. А. Гинзбург).

С. 63.* настроения солипсизма (нем.).

** минимально видимое и минимально осязаемое (лат., англ.).

С. 65. * "смерть влетает через окно" (лат.).

** "Вы не христианин" (фр.).

С. 72. * "Представляется невозможным, однако, что человек что-нибудь правильно постигает" (нем.).

С. 74.* восстановление в первоначальном виде (лат.).

358

** с преувеличением (излишне решительно) (лат.).

С. 76.* "блеф" ("обман") (англ.).

С. 77.* "чистейшим воспоминанием" (фр.).

С. 78. * книга для чтения в дороге (нем.).

С. 80. * По всей вероятности, речь идет о В. Раули, духовнике и посмертном издателе сочинений Ф. Бэкона, им написана биография философа "Жизнь благородного автора".

С. 83. * психическое состояние (состояние сознания) (нем.).

С. 86. * "старших ранглеров" (выпускников, занявших первое место на экзаменах по математике) (англ.).

** "Похвальное слово" (фр.).

С. 88. * детские стишки (англ.).

С. 89.* "ощущения уже виденного" (фр.).

** "Эта улица, город - как в призрачном сне, / Это будет, а может быть, все это было: / В смутный миг все так явственно вдруг проступило... / Это солнце в туманной всплыло пелене. / Это голос в чащобе и крик в океане. / Это будет - причину нелепо искать: / Пробужденье, рожденье опять и опять. / Все как было, и только отчетливей грани: / Эта улица, город - из давней мечты, / Где шарманщики мелют мелодии танцев, / Где пиликают скрипки в руках оборванцев, / Где на стойках пивнушек мурлычут коты. / Это будет, как смерть, неизбежно..." (Пер. с фр. А. Ревича).

С. 90. * "Это, следовательно, моменты сладостнейшей мечтательности и пребывания в прекрасных, наполненных нежным воздухом местах, в приятные мгновения общения с лицами, которым мы представляемся неожиданными и призрачными или нас соединяют чувства, словно мы были когда-то раньше знакомы, воспоминания из какой-то райской жизни... Словом, палин-генезия истинна..." (нем.) (Мысли о палингенезе, т. е. возрождении на определенной стадии жизненных форм предков, И. Г. Гердер высказал в сочинении "Идеи к философии истории человечества", 1784-1791).

С. 91 * "сохранять в памяти" (фр.).

С. 93. * во сне (лат.).

** "Почему при этих явлениях говорились такие слова, которых я не мог понять, как, например, Te sin casa, или Lamant, или, наконец, эти слова о четырех годах жизни из ответа Симия? Почему у меня на тарелках появлялись червяки?" (Кардано Док. О моей жизни. С. 222). С какими обстоятельствами были связаны упоминаемые в конце этого отрывка эпизоды, автор не разъясняет. Более того, о подобного рода "знамениях" ("предвещаниях") он пишет так: "Нужно, чтобы эти явления были прикрыты тьмой, дабы мы поняли, что все это - действия бога, и не стали бы этому противиться. Поэтому глупо стремиться к спешному и необдуманному раскрытию подобного рода тайн; еще глупее желать выставить напоказ то, что столькими различными способами скрыто от познания людей. Если предвещания окажутся справедливыми, можешь ли ты извлечь из них хоть малую пользу? Если же они ложны, то в чем они тебе помогут? Поэтому будем рассматривать их как дары, получаемые от щедрых существ, дарящих много такого, что мы не способны принять... Малоправдоподобно, чтобы эти явления происходили по ошибке, ибо божественная сила не знает ничего, что могло бы ей противиться, и ей открыты все подходящие средства для своего проявления" (там же. С. 221-222).

*** "Изгиб спинного мозга в месте его соединения с головным выявляет противоположность обоих благодаря пересечению их осей и исходящих из

359

них встречных потоков под углом, который у человека в большей степени, чем у животных, приближается к прямому, что, собственно, и заключает в себе прямое (вертикальное) положение тела" (нем.).

**** "Вид (форма) свода определяется видом опоры, которая спереди как будто дальше отступает назад, сзади больше расходится (отклоняется)" (нем.).

С. 95. * "Аристотель говорит еще, что художники и философы обращают внимание на сны, ибо очевидно, что в них обнаруживается многое такое, что позволяет высвободить фантазию, придает ей смелость в овладении образами" (лат.) (приводится ссылка на сочинение Аристотеля под латинским названием "О сне и бодрствовании, о сновидениях и прорицании через сон"; по всей вероятности, в латинском тексте объединены следующие трактаты Аристотеля: "О сне", "О бессоннице", "О вдохновении [приходящем] во сне").

С. 98. * "Милая, сладостная фантазия, / Всегда творящая, всегда новая, / Подари мне свои волшебные образы, / Пусть смягчат они судьбу мою суровую" (нем.).

** "Мой дорогой Турон, как очаровал ты меня / Сладостью твоих звуков, / Как нежны и легки твои стихи. / Они созданы тобой так же, как ты их поешь" (фр.).

*** Ссылка на статью "Сомнамбулы" из "Философского словаря" Вольтера (1764).

**** "Что могла бы сказать деревянная лодка, если у нее проломлен бок?" - "Тримендас" ("Дерево, помоги нам") (англ.).

С. 100.* прислужник (лат.).

С. 101.* Цитируется стихотворение "Послание к Юдину" (1815). П. М. Юдин (1798-1852) - лицейский товарищ Пушкина.

С. 102.* путем простого перечисления (лат.).

С. 103.* сила доказательства (лат.).

С. 107. * "Кажется, что нет ничего более противоречащего вкусу, чем метафизика, но ведь украшения, ослепляющие нас своей красотой, первоначально лежали в темных склепах, по крайней мере, такими они представляются в мрачной мастерской художника" (нем.) (цитата из "Размышлений к антропологии" И. Канта, его основной труд по антропологии - "Антропология с прагматической точки зрения" (1798), см.: Соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1966.

С. 108.* в конечном счете (фр.).

** "если бы все существующее превратилось в дым, ноздрями его можно было бы распознавать" (пер. с др.-греч. М. А. Дынника).

*** если сохранить масштабы сравнения (фр.).

С. 114.* "Тождественность человеческой природы - основная аксиома исторического познания" (нем.).

** "История - это одновременно искусство и наука" (нем.).

С. 115.* "Мы рассматриваем прекрасное как познание в нас, как совершенно особый вид познания" (нем.).

С. 116.* Из поэмы А. С. Пушкина "Полтава" (1828).

С. 117.* даром сочетания (соединения) (нем.).

С. 118.* "вопрошать ("терзать") тексты" (фр.).

** "доисторическими образами" (фр.).

С. 119.* образа мыслей, чувств и действий (лат.).

С. 120. * См. Лукиан. Как следует писать историю // Избранное. М., 1987. С. 505.

360

** "то, что служит постоянным достоянием" ("то, что принадлежит вечности") (греч.).

*** своих действующих лиц (лат.).

С. 121. * Имеется в виду книга И. Тэна "Опыт о Тите Ливии" (1856, рус. пер. Спб., 1900).

С. 123.* вероятностного счета (лат.).

С. 127.* увлеченный театром (нем.).

С. 128.* воочию (наглядно) (лат.).

** местное своеобразие (фр.).

*** разрозненные (разъятые) части (лат.).

**** решающих экспериментов (лат.).

С. 129* оказавшаяся поддельной скифская тиара.

** Краледворская рукопись - памятник древнечешской литературы, найденный в 10-х гг. XIX в. в городе Кралевый Двор и опубликованный в 1819 г. филологом Вацлавом Ганкой. В конце XIX в. в результате тщательных исследований была признана многими учеными подделкой.

*** "Песни Билитис" - поэма в прозе, опубликованная в 1894 г. французским писателем Пьером Луи и выдававшаяся им за памятник древнегреческой литературы, принадлежащий перу поэтессы, современницы Сафо (в поэме героиня рассказывает о своей страстной любви к юной Анасидике).

С. 130. * Эстетически удовлетворительные великолепные вещи (ценности) (нем.).

С. 131.* Статья Ф. В. Й. Шеллинга "Об отношении натурфилософии к философии вообще" была написана в 1802 г.

С. 133* "Это прекрасно, как силлогизм!" (фр.).

**безусловные приемы философа (фр.).

*** подход и темперамент историка (фр.).

**** главную способность... труд и умение схватывать бесконечное множество оттенков (фр.).

С. 135.* Имеется в виду, в частности, то обстоятельство, что в своем главном труде "История Греции" (12 т., 1846-1856) английский историк Дж. Грот основное внимание уделял описанию деятельности вождей афинской демократии (прежде всего Перикла).

С. 136.* беспристрастного и благожелательного наблюдателя (англ.).

** "Положение о человеке как мере" (нем., лат.).

С. 137.* Это учение изложено в труде Н. Я. Данилевского "Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому". Спб., 1871 (М., 1991).

** реальнейшее сущее (бог) (лат.).

*** См. также: Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М., 1988. С. 411.

**** Великое существо (фр.).

***** историю без имен людей или без имен народов (фр.).

С. 138. * Персонаж из повести Н. В. Гоголя "Ночь перед Рождеством".

С. 139.* См. в переводе В. А. Жуковского: "Ты понятлив, ты смел в исполненье" ("Одиссея", XIII, 332).

** для данного случая (лат.).

*** "Проницательность же есть способность быстро найти средний (термин). Например, если кто-либо видит, что против солнца луна всегда светится, он сразу же понимает, почему это так: именно вследствие освещения <луны> солнцем; или если он видит кого-нибудь разговаривающим

361

с богачом, догадывается, почему он разговаривает: (именно) потому, что хочет занять денег; или (догадывается), почему (два человека) дружат между собой: потому, что они являются врагами одного и того же (третьего) лица. Ибо, зная крайние (термины), он (сразу) узнает в качестве причин средние (термины). Пусть А означает светиться против солнца, Б - освещение солнцем, В - луна. В таком случае Б, то есть освещение солнцем, присуще луне, то есть В; между тем А присуще Б, то есть светится против того, что его освещает. Так что А присуще В через Б" (греч.) {Аристотель. Аналитики первая и вторая. М., 1952. С. 248).

С. 140.* "Это действительно так" (нем., диалект).

С. 141.* Апейрон (греч. - беспредельное) - термин древнегреческой философии, обозначающий у Анаксимандра бесконечное, не имеющее границ начало, у Анаксимена - один из атрибутов объемлющей все природы. Это понятие стало предметом осмысления в апориях Зенона Элейского как свидетельство абсурдности или нереальности того или иного объекта, а также у Аристотеля в "Физике" (кн. III, гл. 4-8), где оно рассматривается как существующее потенциально, а не актуально и не в качестве субстанции.

** "Новый способ обнаружения болезней внутри груди человека путем выстукивания грудной клетки" (лат.).

С. 144. * большая посылка (лат.).

** меньшая посылка (лат.).

*** заключение (вывод) (лат.).

С. 146. * два королевских дара человека (нем.).

С. 147. * побочными мыслями (нем. и фр.).

С. 148. * утверждающий модус (лат.) - заключение от истинности основания к истинности следствия в гипотетических (условных) умозаключениях (или силлогизмах).

** отрицающий модус (лат.) - заключение от отрицания следствия к отрицанию основания в гипотетических умозаключениях.

С. 149.* чистая доска (лат.).

С. 157.* исходная ложь (ошибочный начальный тезис) (греч.).

С. 161.* Более точное название книги Л. Леви-Брюля - "Les fonctiones mentales dans les societes inferieures" ("Мыслительные функции в низших обществах"), 1910. Ср. также его работу "La mentalite primitive", 1922 (в рус. пер. "Первобытное мышление". М., 1930).

** закон сопричастия (фр.).

С. 162.* Из трагедии А. С. Пушкина "Моцарт и Сальери" (1830).

С. 164.* в совокупности (греч.).

** См.: Аристотель. Никомахова этика // Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 191-218.

*** вопрос - предметы (явления) - вывод (заключение) (лат.).

С. 165.* бесконечная пространственная схема (нем.).

С. 167. * Кант И. Критика чистого разума // Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 87, 91.

С. 170. * нет психолога без биолога (лат.).

** нет психолога без философа (лат.).

С. 172.* восприятие жизни (жизнепонимание) (нем.).

С. 173. * "так, из двух часов, идущих синхронно и в соответствии с движением солнца, если одни бьют и сообщают нам время, то другие также бьют и показывают то же самое время, причем между ними нет причинной связи, когда одни действуют на другие, каждые из них самостоятельны в своем

действии, но и те и другие изготовлены одинаковым образом и с одинаковым

тщанием. Подобно этому, например, движение языка передает нашу волю, а воля, в свою очередь, сопровождается движением языка, но ни первое, ни второе не зависят друг от друга, и то и другое суть выражение высокой искусности, благодаря которой они связаны и соединены столь неразрывным образом" (лат.).

С. 175.* коренным образом (лат.).

** эксперимент разума (нем.).

*** Криптомнезия - нарушение памяти, когда исчезает различие между событием, действительно происшедшим, и событием, увиденным во сне или услышанным от других.

С. 176.* Буриданов осел, умирающий от голода, находясь на равном расстоянии от двух совершенно одинаковых охапок сена, ибо ничто не побуждает его предпочесть одну из них другой, - пример, долженствующий показать, к каким парадоксам приводит допущение абсолютной обусловленности выбора. Его связывают с именем французского философа XIV в. Жана Буридана, хотя в его произведениях он не обнаружен. Мишель Монтень согласен, что выбор предполагает неравенство в оценке предметов. Однако такое неравенство, по его мнению, естественно, ибо даже если различия между вещами, на первый взгляд, неуловимы (imperceptibles), они существуют, что позволяет нам, хотя бы и неосознанно, предпочесть одну вещь другой. "Равным образом, - пишет он далее, - если мы вообразим веревку, одинаково крепкую на всем ее протяжении, то решительно невозможно представить себе, что она может порваться, - ибо где же, в таком случае, она окажется наименее крепкой?" (Монтень М. Опыты. Кн. II. М.; Л., 1958. С. 330).

С. 182.* "каким образом самка птицы создает свое гнездо, образец которого она никогда не видела, руководствуясь не памятью и даже не каким-либо умением, а лишь воображением" (лат.).

** "кто склонен ко всесторонней оценке, скажу я, вряд ли вынесет довольно абсурдное или чудовищное суждение об исчерпанности женского творческого созидательного начала, оплодотворяемого сочетанием общих родовых идей, не отягощенных материей" (лат.).

** Из стихотворения В. С. Соловьева "Мы сошлись с тобой недаром" (1892). У Соловьева: "Над черной глыбой".

С. 184.* "То, что хорошо понимается, ясно излагается, / И слова сами собой приходят на уста" (фр.). Ср.: "Пока неясно вам, что вы сказать хотите, / Простых и точных слов напрасно не ищите; / Но если замысел у вас в уме готов, / Все нужные слова придут на первый зов" (Буало. Поэтическое искусство. М., 1957. С. 62).

С. 185.* необходимое условие (лат.).

С. 186.* Паук, наделенный логикой, может сравнивать (лат.).

** Сенестезия, общее чувство.

*** Из стихотворения В. С. Соловьева "В Альпах" (1886).

С. 189.* Мадам де Теб - модная парижская гадалка, пользовавшаяся популярностью в аристократических кругах (кон. XIX - нач. XX в.).

С. 190.* из ничего (лат.).

С. 191.* "Молись за нашего Отца, обретшего в твоем непорочном чреве, Дева, своего Сына" (лат.).

** В рус. пер.: Неман А. Г. Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней. М., 1900 (автор - директор психофизической лаборатории в Копенгагене).

363

С. 193. * снова продумать великую мысль (идею) мира (нем.).

С. 194. * Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом (Изречения и стрелы) // Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 560.

** Разве не математики истинные и прирожденные поэты, а те, которые пытаются что-то сочинять (лат.).

С. 195.* преследующие (возникающие) противоречия (лат.).

С. 196. * "К могиле: колыбель будущей жизни" (нем.).

** Введенский А. И. Психология без всякой метафизики. Пг., 1914 (3-е изд., 1917).

*** страсть к изобретению (греч., лат.).

С. 198. * "Нет ничего в разуме, чего не было бы раньше в чувствах, кроме самого разума" (лат.).

С. 199.* "чувству одобрения и неодобрения" (нем.).

С. 200. * я хочу, как я хочу (то, что я хочу) (фр.).

** категориями воли (нем.).

С. 202. * Трактат "Проблемы" примыкает к группе так называемых физических трактатов Аристотеля (наиболее известны из них "Физика", "О небе", "О возникновении и уничтожении"). Общепринято считать, что указанный трактат - позднейшего происхождения.

С. 204.* официант (англ.).

** Он чует истину (нем.).

С. 206. * Все страсти, даже пренеприятнейшие, как страсти приятны (нем.).

С. 209. * естественное влияние (лат.) (имеется в виду влияние тела на душу и души на тело).

** "Быть свободным - ничто. / Стать свободным - это небо" (нем.).

С. 211.* конечный пункт (лат.).

** начальный пункт (исходная точка) (лат.).

С. 212. * Мейман Э. Введение в современную эстетику. М., 1909.

** "Весенняя заповедь, сладкий рок, / Наполнивший грудь. / И он запел так, как должен был, / А как должен был, так и смог. / Я видел это совершенно отчетливо" (нем.).

С. 213.* спонтанность разума (нем.).

** любовь к року (лат.).

*** умственный (мысленный) эксперимент (нем.).

С. 214.* Написанная на латинском языке диссертация И. Канта для получения места профессора "De mundi sensibilis atque intelligibilis forma et prinicpiis" ("О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира"), 1770.

** Полное название оставшейся незаконченной работы Канта "Об основанном на априорных принципах переходе от метафизических начал естествознания к физике", 1798-1803 // Соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 6.

С. 215. * "До сих пор я не восхищался никем, кто воспринимает меня как игрушку" (лат.).

** "Ведь не философ тот, кто постоянно и всерьез побуждается к тому, чтобы с помощью придумываемых, пусть и хорошо продуманных гипотез испытывать свои силы" (лат.).

С. 216. * вера (греч.).

С. 238. * "Обретает неисчислимые сокровища тот, кто из прутьев получает золото, драгоценные украшения из камней" (лат.) (virga - не только прут, палка, но и обозначение посоха Меркурия, символа, игравшего боль-

364

шую роль в алхимии) (Цитируется сочинение Лейбница "Новые опыты о человеческом разуме").

** решающий пункт (отправной пункт) (лат.).

С. 239. * следуй путем жизни (лат.).

** "11 ноября 1620 г. приступил к осмыслению основ удивительных открытий (изобретений). 10 ноября полон решимости отыскать основание удивительных наук" (лат.).

С. 240. * Да и нет (лат.).

** я считал, что уже вхожу в гавань (фр.).

*** я оказался отброшенным в открытое море (фр.).

С. 242.* "Я награжден (благословлен) плодом" (нем.).

С. 247.* бегство идей (нем.).

С. 257.* изобретать в соответствии с принципами (нем.).

С. 261.* непосвященная чернь (темная толпа) (лат.).

С. 263. * с любовью (итал.).

** в себе и для себя (нем.).

С. 266. * ничему не удивляться (лат.).

С. 268. * Речь идет об историко-литературном труде "Литературные редкости" (1791) Исаака Дизраэли, отца известного английского политического деятеля Бенджамина Дизраэли.

** "Приветствую вас, золотые мои книжицы, / Мои любимицы, мои прелестницы! / Как часто радуете вы взор / И нежно касаетесь рук наших! / Сколь превосходны вы, сколь образованны... / Дорогами древних веков и недавних / Проходят вместе с вами люди, / Вверяясь бессонным ночам. / Столь долговечные сочинения внушают им надежду, / И надежда эта, конечно, не обманывает их" (лат.).

С. 270. * доказательство, основанное на выводе из положения, еще требующего доказательства (лат.).

С. 271.* средство репетирования (орган-репетитор) (фр.).

С. 273. * что это такое "все" ("весь мир")? (фр.).

С. 274. * действующие лица (персонажи) (лат.).

С. 275.* прежде, раньше, сначала (логически предшествующее) (лат.).

С. 279.* Речь идет о романе О. де Бальзака "Поиски Абсолюта" (1834), при издании "Человеческой комедии" включенного в цикл "Философские этюды".

С. 282. * букв, прочнее меди, в смысле "долговечный, долговременный" (лат.).

С. 283. * Роман Г. де Мопассана "Милый друг" (1886).

С. 284. * Имеется в виду сочинение И. Канта "Von der Macht des Gemiits durch den blossen Vorsatz seiner krankaften Gefiihle Meister zu sein" ("О способности души справляться с болезненными чувствами одной лишь своей решимостью"), 1798.

С. 287. * "он сочиняет из-за негодования стихи" (лат.).

** Речь идет о полемике Р. Декарта с некоторыми теологами, а также философами Т. Гоббсом и П. Гассенди по поводу его трактата "Метафизические размышления" (или "Размышления о первой философии, в которых доказывается бытие Бога и бессмертие души"), 1641.

С. 289.* основание (фр.).

С. 291. * "Оставь в покое женщин и займись математикой" (итал.).

С. 294. * Из стихотворения А. С. Пушкина "Брожу ли я вдоль улиц шумных..." (1829).

365

С. 296. * Эгоспотамы (Эгоспотамос) (букв, "козья река) - древнее название реки на Херсоносе Фракийском (совр. Галлипольский полуостров), в устье которой в 405 г. до н. э. произошло сражение между афинским и спартанским флотами. Потеряв в этом сражении флот, Афины вынуждены были капитулировать.

С. 298. * Ум (душа) создает философа (лат.).

С. 303. * "Сущности не должны быть умножаемы сверх необходимости... разнообразие сущностей не должно минимизироваться (уменьшаться) случайным образом" (лат.) (см. Шопенгауэр А. О четверояком корне закона достаточного основания. Философское исследование // Шопенгауэр А. О четверояком корне... Мир как воля и представление. Т. 1. Критика кантовской философии. М., 1993. С. 7).

С. 304. * Не для школы, а для жизни учимся (лат.).

С. 305. * Из неоконченной поэмы А. К. Толстого "Алхимик" (1867).

** основание разделения (отправной момент классификации) (лат.).

С. 306. * См. примечание к с. 196.

С. 310. * Из стихотворения А. А. Фета "Добро и зло" (1884).

С. 311. * состояние и обладание (приобретение) (греч.).

С. 313. * Испанский философ и теолог Раймунд Луллий разработал в XIII в. метод моделирования логических операций путем символического обозначения предельных понятий. Если иметь полный список этих понятий и расположить их определенным образом, считал он, можно, используя некоторые механические операции, получить всевозможные их комбинации. В сочинении "Великое искусство" (опубл. 1480) он предложил логическую машину, позволяющую, по его мнению, через механическое комбинирование понятий обрести все истины науки и христианства. Фрэнсис Бэкон причислил указанный метод к методам, которые не имеют права называться законными. "Этот метод, - писал он, - как бы разбрызгивает капельки какой-нибудь науки так, что любой, нахватавшийся верхушек знаний, может производить впечатление на других некоей видимостью эрудиции. Таково было искусство Луллия... все эти методы представляют собой не что иное, как беспорядочную груду терминов какой-нибудь науки, дающую, однако, возможность всякому владеющему этой терминологией казаться владеющим и самой этой наукой" (Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Соч.: В 2 т. М., 1977. Т. 1. С. 333-334).

С. 314.* достойно самого высокого почтения служить (продолжать) начинаниям Луллия (лат.).

** все в едином, все во всем, единое и все, единое во всем (лат.) (см., напр.,

Бруно Док. О причине, начале и едином // Бруно Дж. Диалоги. М., 1949. С. 276-277).

С. 317.* "Точка зрения разума, позволяющая выводить обстоятельства и средства для изобретения" (фр.) (из статьи "Наставления к продвижению наук").

С. 318. * что касается добра (блага) (лат.).

** внутреннее свидетельство (фр.).

С. 319.* "Как же будет найдена (изобретена) сама подобная теория изобретения? Вероятно, с помощью некой теории изобретения теории изобретения? А последняя?" (нем.).

С. 320. * место наименьшего сопротивления (наиболее уязвимое место) (лат.).

С. 323. * Из стихотворения А. А. Фета "Измучен жизнью, коварством надежды..." (1864?).

366

С. 325. * дух общественности (англ.).

С. 327. * ("Еще могут быть изготовлены колесницы, которые способны стремительно двигаться без остановок, не будучи приводимы в движение животными, а также колесницы, снабженные серпами, которые с древних времен использовались в сражениях")... ("могут быть изготовлены и летающие устройства с человеком, сидящим и летящим в них, в определенной степени их умом (гением), благодаря чему можно искусственным образом летать по воздуху наподобие птиц")... ("еще могут быть изготовлены устройства, пересекающие моря и реки, погружаясь почти до дна и не подвергая физической опасности") (лат.).

** "Ведь этим воспользовался Александр Великий, дабы увидеть тайные моря, о которых Этику (имеется в виду Аристотель. - Ред.) рассказал астроном" (лат.).

*** отличать изобретение от изобретательства (лат.).

С. 329. * излагая свободно, не по-написанному (лат.).

С. 330. * "изначальные, несвязанные объекты требуют объяснения способом, который существует в разуме. Там объекты подвергаются прежде всего узнаванию, оказываясь в уме оратора, они проходят ту или иную обработку и заполняют его память, откуда в упорядоченном и отшлифованном виде попадают в речь; каким образом что-то, пребывая в состоянии сна или при отсутствии сознания, выливается вовне, каким образом человек способен вовлечь в память ту или иную вещь и она соответствующим образом располагается в его голове, каким образом становятся вдруг узнаваемыми объекты, которые по прошествии многих лет обновляются так, что значительная их часть оказывается неузнаваемой. Полагаю, что во всем этом заключена великая философская тайна, которая никогда в достаточной степени не раскроется" (лат.).

** вид (идея) (лат.).

*** недоступные естественные тайны (лат.).

С. 331. * "О, столь жестокая смерть, ты отняла у нас Сен-Мартена, этого ученого теософа. Он боролся с заблуждениями и тем сохранил себя от этих пустых философских систем" (фр.).

С. 334.* жажда названий (нем.).

С. 335. * правила философского рассуждения по аналогии с правилами для руководства ума (фр.).

** для обучающихся (лат.).

С. 338. * Из стихотворения А. К. Толстого "Послание к М. Н. Лонгинову о дарвинисме" (1872).

Лапшин И. Философия изобретения и изобретение в философии filosoff.org С. 339.* думать (размышлять) с душой (лат.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://filosoff.org/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://dostoevskiyfyodor.ru/ Приятного чтения!